

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА КООПЕРАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Материалы Международной
научно-практической конференции

Часть 1

АВТОНОМНАЯ НЕКОММЕРЧЕСКАЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ
ОРГАНИЗАЦИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
ЦЕНТРОСОЮЗА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
«РОССИЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ КООПЕРАЦИИ»
САРАНСКИЙ КООПЕРАТИВНЫЙ ИНСТИТУТ (ФИЛИАЛ)

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА КООПЕРАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Материалы Международной научно-практической конференции

Саранск, 23–24 апреля 2025 г.

Часть 1

Текстовое электронное издание

САРАНСК 2025

УДК 334.7(063)
ББК 65
Т 291

Редколлегия:

Р. Р. Хайров (отв. редактор),
Т. Е. Шилкина (зам. отв. редактора),
Е. В. Зотова (отв. секретарь),
Т. В. Дворецкая

Печатается по решению ученого совета
Саранского кооперативного института (филиала) РУК

Теория и практика кооперации в современном обществе :
Т 291 материалы Международной научно-практической конференции (Саранск, 23–24 апр. 2025 г.) / редколлегия: Р. Р. Хайров (отв. редактор) [и др.] ; Саран. кооп. ин-т (филиал) РУК. – Саранск : РИЦ МГПУ, 2025. – Ч. 1. – Текст : электронный.
ISBN 978-5-8156-1921-0

Материалы, вошедшие в настоящий сборник, затрагивают актуальные проблемы: правовые проблемы и инструменты реформирования современного законодательства; финансовые и управленческие аспекты формирования и развития хозяйственного комплекса в регионе, включая кооперативный сектор экономики; кооперация науки и общества: в поисках инновационной и устойчивой модели развития; информационные технологии как инструмент кооперации науки и общества; современные тенденции бухгалтерского учета, анализа и аудита; актуальные аспекты развития менеджмента и таможенного дела; межкультурная коммуникация и лингвистическая контактология в процессе изучения гуманитарных дисциплин.

Издание предназначено для научных работников, преподавателей и студентов вузов.

Минимальные системные требования:

IBM PC – совместимые; ОЗУ 512 Мб; 100 Мб на жестком диске; Windows (XP, Vista, Windows 7, 8); видеосистема: от 128 Мб и выше; Adobe Reader

© Саранский кооперативный
институт (филиал) РУК, 2025
© Авторский коллектив, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ИНСТРУМЕНТЫ РЕФОРМИРОВАНИЯ СОВРЕМЕННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

- Абдульмянова Т. В., Кибаков Н. Ю. Проблема определения корыстного умысла в уголовном праве
- Абдульмянова Т. В., Климкина К. М. Специфика юридической ответственности в системе мер противодействия коррупционному поведению
- Абдульмянова Т. В., Макаров В. А. Система административных наказаний: иерархия и принципы построения
- Абдульмянова Т. В., Алямкин А. И. Понятие и общественная опасность преступлений в сфере исполнения судебных постановлений
- Абдульмянова Т. В., Басанин М. В. Хищение чужого имущества как уголовно-правовая категория
- Абдульмянова Т. В., Чалдышев Д. А. Ответственность за убийство, совершенное в состоянии аффекта
- Абдульмянова Т. В., Черушова М. А. Анализ статьи 107 УК РФ «Убийство в состоянии аффекта»: уголовно-правовая конструкция
- Абдульмянова Т. В., Тимошкин П. С. Объективные признаки незаконного оборота наркотических средств
- Авдеева Т. А. Особенности совершенствования законодательства и практики борьбы с взяточничеством
- Авдошкин А. А. О проблемах мошенничества в сети Интернет
- Абдульмянова Т. В., Агафонова Е. А. Взяточничество как коррупционное проявление: понятие и способы совершения
- Азисов А. Р. Понятие и квалифицирующие признаки форм хищения чужого имущества
- Азисов А. Р. Понятие и квалифицирующие признаки кражи как формы хищения чужого имущества
- Асанова И. П., Игнатова М. С. Рецидивная преступность: криминологический анализ и меры профилактики
- Асанова И. П., Ежов А. А. Противодействие незаконному сбыту наркотических средств в условиях стремительного развития информационных и телекоммуникационных технологий
- Басанин М. В. Классификация форм хищения чужого имущества по способу их совершения
- Бутяйкин Д. Д. Типы нарушений законности при применении полицией мер административного принуждения
- Голованова Е. С., Солдатова Т. В. Роль адвоката в доказывании состоянии аффекта обвиняемого в момент совершения преступления
- Гордяскина В. В., Турков А. В. Оценка введения адвокатской монополии в современных реалиях
- Гусев В. А. Преступления против здоровья населения и общественной нравственности: общая характеристика, противостояние глобальным изменениям, вызванным развитием химической промышленности
- Гусев В. А. Проблемы правоприменения норм об уголовной ответственности за преступления против общественной нравственности
- Данилов В. В., Дмитрищенко А. А. Понятие и классификация материалов письма
- Дмитрищенко А. А. Современные представления о характеристиках почерка в рукописях
- Дмитрищенко А. А., Тугушев Т. Д. Специфика анализа характеристик почерка в рукописях, созданных с использованием нестандартных письменных инструментов
- Ежов А. А. Распространение наркотиков как глобальный вызов: историко-правовой аспект
- Ежов Е. А. Корыстная преступность: предупреждение и методы борьбы
- Ежов Е. А. Сущность корыстной преступности. Современные средства предупреждения и методы борьбы с ней
- Игнатова М. С. Социальные детерминанты рецидивной преступности
- Колоколова Е. О. К вопросу о правосубъектности искусственного интеллекта
- Кондрашкин А. С. Влияние норм международного права на уголовную ответственность несовершеннолетних с учётом глобальных вызовов, связанных с проведением специальной военной операции на территории Украины
- Крылова Л. С. Актуальные проблемы установления инвалидности в Российской Федерации
- Мальшионков Н. И. Правовые особенности квалификации убийства по экстремистским мотивам
- Мартынов В. С. Общественная опасность преступлений против правосудия и меры борьбы с ними
- Минева И. Н. Основные проблемы правового регулирования заключения брака с иностранным элементом на территории Турецкой Республики

[Моисеева Е. Н., Артюхин А. А. Цифровизация арбитражного процесса: перспективы внедрения искусственного интеллекта в разрешение экономических споров](#)
[Нестеренко А. А. Судебные реформы современной России](#)
[Никишова Н. В. Концепция устойчивого развития в современном обществе](#)
[Панфилов М. А., Турков А. В. Этика адвокатов в период цифровизации](#)
[Панфилов М. А., Логутов А. В. Особенности взыскания вреда, причиненного ДТП](#)
[Перепелкин В. Ю., Бутяйкин Д. Д. Особенности судебного контроля за применением мер административного принуждения сотрудниками полиции](#)
[Подосинникова К. В. Профилактика безнадзорности, беспризорности, правонарушений и антиобщественного поведения среди несовершеннолетних как одно из ключевых направлений деятельности прокуроров](#)
[Попова Т. В. Нормативное регулирование антитеррористической деятельности](#)
[Прокина Е. В., Харитонова М. И. Современные информационные технологии в трудовом праве](#)
[Рахметуллов Л. А. Общественная опасность преступлений в сфере экономической деятельности и меры борьбы с ними](#)
[Родина Ю. С. Мировая юстиция: современные векторы в развитии](#)
[Стрелков И. В. Причины, способствующие порождению экстремизма](#)
[Тимошкин А. В., Сафронов С. М. Криминалистические аспекты организации очных ставок с участием несовершеннолетних потерпевших и свидетелей: ключевые проблемы](#)
[Тиньгаева Е. В. Общественная опасность должностных преступлений и меры борьбы с ними](#)
[Толайкин А. А. Характерные черты и специфика криминального контекста преступлений в пенитенциарной сфере](#)
[Толайкин А. А. Особенности производства иных следственных действий при расследовании пенитенциарных преступлений](#)
[Турков А. В. Историческое развитие адвокатуры в Российской Федерации: от империи до современности](#)
[Учайкина Н. Ю. Субъекты правоотношений, связанных со страховым обеспечением лиц, получивших профессиональное заболевание](#)
[Четайкин М. И. Меры противодействия незаконной миграции](#)
[Чумаков М. Д., Орешкин Н. П. Организация расследования преступлений: этапы и ключевые основы](#)
[Чумаков М. Д. Создание оптимальных условий для осуществления следственных действий](#)

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РЕФОРМИРОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

[Автаев М. И. Особенности представительства в налоговых правоотношениях](#)
[Алукаев А. Б., Челноков А. В. Понятие смарт-контракта и его значение для цифровой экономики](#)
[Арюков Р. Ф., Курганов Н. И. Пиксайкина А. В. Правоохранительная функция государства и его органов](#)
[Асанкина Е. Л. К вопросу о введении единого налогового счета как элемента эффективности государственного управления](#)
[Бакаева Ж. Ю., Синдянкин Н. Н. Правовые проблемы цифровой реальности](#)
[Болмасова Т. С., Уланов Д. Д. Роль судебной ветви власти в защите прав человека](#)
[Бояркина А. С. Институт уполномоченного по правам человека в России: этапы становления и современные вызовы](#)
[Брейкина Е. А. Правовые аспекты использования цифровых доказательств в условиях цифровой трансформации судопроизводства](#)
[Бурносова В. В., Зайкина К. С. Проблемы цифровизации судебной системы и электронных доказательств по законодательству Российской Федерации](#)
[Дубинин М. С. Коррупция в государственной контрактной системе](#)
[Замотаева О. Н., Винокуров А. С. К вопросу о значении проектной деятельности в системе государственного управления](#)
[Исаев М. И. Административная ответственность как вид юридической ответственности: генезис и трансформация в правовой системе](#)
[Исайкин В. Д. Корни правового нигилизма: анализ современного российского социума](#)
[Котляров С. Б., Кукушкин О. В. Теоретические аспекты взаимодействия правового государства и гражданского общества: концептуальный анализ](#)
[Кулагина Е. В. Исполнительная власть в Российской Федерации: понятие, признаки, принципы и тенденции развития](#)

[Кулыгин М. В. Проблемы современного права в контексте современной реальности](#)
[Логунова А. А. Актуальные вопросы осуществления надзора в сфере образования](#)
[Логунова А. А. Организация контроля качества образования: опыт и перспективы](#)
[Ломакин П. А. Цифровизация в профилактике преступлений в сфере государственных финансов](#)
[Меркулов М. В. Эволюция государственной службы в России: исторический контекст и современные тенденции](#)
[Михалкина А. В. Анализ этапов развития и становления судебной власти в Российской Федерации](#)
[Молчанов Е. Ю. Трансформация нормативного акта в основной источник правовой системы](#)
[Муталимов Р. А. Государственно-частное партнерство как форма взаимодействия власти и бизнеса: проблемы правового характера](#)
[Неськин Д. В. Конфликт интересов на государственной службе](#)
[Неськин Д. В. Особенности административной ответственности государственных служащих](#)
[Неськин Д. В. Служба в органах внутренних дел как вид государственной службы](#)
[Немов Я. О. Оптимизация нормативно-правовых механизмов защиты персональных данных в условиях цифровой трансформации: российский опыт](#)
[Никулина К. А. Современные этапы развития миграционного законодательства в Российской Федерации: тенденции и трансформации](#)
[Панюшин Г. В. Анализ производства по делам об административных правонарушениях: история становления и развития](#)
[Пешехонов Н. Н. Проблемы органов местного самоуправления и пути их решения](#)
[Пискайкина А. П. Историко-правовые аспекты формирования судебной власти в России](#)
[Пискайкина А. П. Эволюция судебной системы России: от истоков к современным институтам власти](#)
[Родькина Г. С. Актуальные вопросы пенсионного страхования в Российской Федерации](#)
[Сардаев Д. Ю. Институциональное взаимодействие Конституционного Суда РФ с органами государственной власти: правовые основы и проблемы координации](#)
[Синдянкин Н. Н. Персональные данные как элементы персональной защиты в правовой сфере современной действительности](#)
[Фиров Д. Е., Шикаев М. Н. Принципы административной ответственности в правоприменительной деятельности суда](#)
[Фролов М. С. Развитие цифровых технологий в системе государственной власти Российской Федерации](#)
[Ямбушев Ф. Ш., Болмасова Т. С. Влияние цифровизации на судебную власть: возможности и риски](#)
[Ямбушев Ф. Ш., Коченов А. Ю. Место и роль института суда присяжных в судебной системе Российской Федерации: исторический аспект, проблемы, возникающие при его реализации на практике](#)

ПРЕДИСЛОВИЕ

В предлагаемый вниманию читателей сборник вошли материалы Международной научно-практической конференции «Теория и практика кооперации в современном обществе», проходившей в Саранском кооперативном институте (филиале) РУК 23–24 апреля 2025 г. В своих выступлениях преподаватели, аспиранты, магистранты изложили собственное видение современных тенденций развития науки и образования в эпоху трансформации экономических, социальных и политических процессов общества

В совокупности вопросов, рассмотренных на конференции, выделяются следующие их комплексы.

1. Правовые проблемы и инструменты реформирования современного законодательства.
2. Актуальные вопросы реформирования законодательства в условиях трансформации общественных отношений.
3. Информационные технологии как инструмент кооперации науки и общества.
3. Финансовые и управленческие аспекты формирования и развития хозяйственного комплекса в регионе, включая кооперативный сектор экономики.
4. Кооперация науки и общества: в поисках инновационной и устойчивой модели развития.
5. Информационные технологии как инструмент кооперации науки и общества.
6. Современные тенденции бухгалтерского учета, анализа и аудита.
7. Актуальные аспекты развития менеджмента и таможенного дела в условиях кооперации науки и общества.
8. Межкультурная коммуникация и лингвистическая контактология в процессе изучения гуманитарных дисциплин в институтах кооперации.

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ИНСТРУМЕНТЫ РЕФОРМИРОВАНИЯ СОВРЕМЕННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

УДК 343

ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ КОРЫСТНОГО УМЫСЛА В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

Абдульмянова Татьяна Владимировна, кандидат исторических наук, доцент

Кибаков Никита Юрьевич, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: t.v.abdulmyanova@ruc.su, st809215@ruc.su

THE PROBLEM OF DEFINING MERCENARY INTENT IN CRIMINAL LAW

Abdulmyanova Tatiana Vladimirovna, PhD (History), Associate Professor

Kibakov Nikita Yuryevich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

Актуальность исследования состоит в рассмотрении особенностей определения корыстного умысла в преступлениях против собственности и иных преступлениях, акцентируя внимание на его обязательном элементе – прямом умысле. Особое внимание уделено проблемам квалификации «смешанных» мотивов на доказательственную базу в рамках определения корыстного умысла. Также исследование направлено на совершенствование теоретических подходов к оценке мотивов преступлений с точки зрения выявления корыстного умысла.

Ключевые слова: корысть, корыстный умысел, хищение, преступления против собственности, прямой умысел, квалификация, признак субъективной стороны

The relevance of the study is to consider the peculiarities of the definition of mercenary intent in crimes against property and other crimes, focusing on its mandatory element - direct intent. Particular attention is paid to the problems of qualification of “mixed” motives on the evidentiary basis within the definition of selfish intent. The study is also aimed at improving theoretical approaches to the assessment of motives of crimes from the point of view of revealing selfish intent.

Keywords: self-interest, selfish intent, embezzlement, crimes against property, direct intent, qualification, sign of the subjective side

Понятие «корысти» традиционно трактуется как стремление к наживе, желание обратить имущество либо в свою пользу, либо в пользу других лиц [1]. В уголовном праве данный термин является одним из ключевых элементов субъективной стороны преступлений против собственности.

Корыстный умысел определяется как внутреннее отношение лица к совершению преступного деяния, проявляющееся в стремлении извлечь имущественную выгоду за счёт незаконного изъятия, завладения или иного обращения чужого имущества. Согласно исследованиям отечественных теоретиков и практиков, наличие корыстной цели является обязательным признаком состава преступлений, связанных с хищением. Например, научный анализ, проводимый такими авторами, как Гудков, указывает, что корыстная цель является обязательным признаком состава преступления, совершённого с хищением, и позволяет разграничить его от иных мотивов [2]. Таким образом, корректное выявление признаков корысти и её содержания имеет решающее значение для правоприменения.

Следует отметить, что хищения и иные корыстные преступления совершаются исключительно с прямым умыслом, поскольку именно наличие корыстной цели является определяющим элементом их субъективной стороны. Прямой умысел подразумевает, что лицо сознательно и намеренно действует с целью извлечения материальной выгоды через незаконное обращение чужого имущества. Такой подход способствует чёткому разграничению деяния как хищения от других преступных посягательств, где мотивация может носить иной характер.

Также следует обратить внимание на такое понимание как расширение границ понятия «корысти» [3]. Расширение понятия корысти без сохранения его специфической цели может привести к изменению самого понимания хищения. При сдвиге акцента с факта изъятия или обращения имущества на абстрактное извлечение выгоды происходит смешение понятия хищения с иными имущественными и экономическими преступлениями, как корыстного, так и некорыстного характера. Термин «корысть» в данном случае отражает лишь отношение лица к своему деянию, не раскрывая целевой установки, присущей хищению. Именно поэтому корыстные мотивы должны предопределять наличие корыстной цели, а некорыстные – исключать квалификацию деяния как хищения. В таком случае цель хищения должна указывать на намерение обогатиться за счёт чужого имущества или за счёт выгоды для других лиц, что является существенным для правильной квалификации деяния.

Следует рассмотреть, как признак корыстности проявляется в статьях уголовного кодекса Российской Федерации (далее УК РФ) [4]. Можно выделить две группы статей, с которыми можно связать наличие признака корыстности.

Первая группа – это преступления против собственности. Система преступлений против собственности представлена двумя видами: корыстными и некорыстными [5].

Корыстные преступления включают хищения (ст. 158–162, 164 УК РФ) и иные деяния, характеризующиеся намерением незаконно обратить наличие прямого умысла.

Некорыстные преступления против собственности, такие как неправомерное завладение транспортным средством (ст. 166 УК РФ) или уничтожение или повреждение имущества (ст. 167, 168 УК РФ), не подразумевают извлечение выгоды в качестве цели деяния.

Ключевым моментом остаётся то, что хищения и другие корыстные преступления совершались с прямым умыслом, а доказывание наличия корыстного умысла должно основываться на объективном анализе мотивов поведения обвиняемого. При этом необходимо чёткое разграничение корыстного мотива от иных побуждений, что позволяет квалифицировать деяние как хищение именно при наличии признаков обогащения за счёт чужого имущества.

Ко второй группе относятся статьи УК РФ, в частях которых указана корыстная цель как квалифицирующий признак. Разберем некоторые статьи с точки зрения выявления в них именно корыстного мотива.

Пункт «з» части 2 статьи 105 УК РФ. Данный пункт предусматривает квалификацию преступления убийства, совершенное в целях получения материальной выгоды для виновного или для избавления от каких-либо материальных затрат со стороны потерпевшего. При доказывании необходимо установить, что лицо действовало не случайно в момент ситуации, а сознательно стремилось извлечь выгоду, что позволяет отделить данный состав от иных деяний, где умысел может носить иной характер. Также можно обратить внимание на то, что мотив обогащения напрямую повлиял на выбор способа совершения убийства, что позволяет квалифицировать деяние как убийство из корыстных побуждений.

Пункт «з» части 2 статьи 126 УК РФ. В этой норме основное доказывание корыстного умысла связано с выявлением намерения лиц, организующих похищение, получить выгоду за счёт незаконного лишения свободы потерпевшего, или получить облегчение, то есть избавление от материальных затрат. Анализ статьи акцентирует внимание на необходимости доказать, что похищение осуществлено не просто для причинения вреда, а с целью извлечения имущественной или иной материальной выгоды. Здесь особое значение имеет установление прямого умысла, позволяющего разграничить деяние от похищений, мотивированных иными соображениями. Для того, чтобы наиболее точно определить мотив в данном преступлении и не ошибиться с наличием корыстного умысла, то в данной ситуации рекомендуется уделить внимание анализу переписок, подготовке финансовых инструментов и других косвенных доказательств, подтверждающих наличие у виновных совершить преступление с корыстным умыслом.

В статье 153 УК РФ в контексте подмены контексте характеризуется не столько самим фактом деяния, сколько мотивами, которые побуждают лицо совершить преступление. При анализе ключевым является установление, что подмена осуществлена с целью извлечения материальной выгоды. Здесь доказывание корыстного умысла требует выявления прямого намерения лица, указывающего на желание обогатиться за счёт замены ребенка, что является существенным для правильной квалификации состава преступления.

Далее также статья 154 УК РФ, связанная с использованием детей для получения корыстной выгоды. Незаконное усыновление, особенно если деяние совершено неоднократно или из корыстных побуждений, требует детального анализа мотивов обвиняемого. При квалификации данного преступления необходимо показать, что усыновление или передача ребенка под опеку осуществлялись с намерением извлечь выгоду, а не просто по небрежности или иным причинам. Доказывание корыстного умысла здесь основывается на анализе фактической последовательности действий, повторяемости деяния и наличии доказательств, свидетельствующих о целенаправленном стремлении к личному обогащению.

Следующая статья 155 УК РФ такого же характера и в этой норме особое внимание уделяется раскрытию служебной или профессиональной тайны усыновления. Если деяние совершено из корыстных или иных низменных побуждений, необходимо доказать, что лицо, ответственное за сохранение тайны, нарушило свои обязанности с целью извлечения материальной или иной выгоды. То есть подразумевается, что наличие прямого умысла на обогащение является ключевым элементом, позволяющим квалифицировать деяние как разглашение тайны, а также помогает отличить его от иных мотивов, связанных с личными или эмоциональными побуждениями.

Таким образом, анализ указанных статей подчеркивает, что для правильной квалификации преступлений, где обязательным элементом является корыстная цель, необходимо детально доказывать

наличие прямого умысла на извлечение выгоды. Это требует комплексного рассмотрения всех обстоятельств деяния, позволяющего отделить корыстное побуждение от иных мотивирующих факторов.

Из вышесказанного можно выявить различие между корыстной целью и корыстным мотивом. В Уголовном кодексе РФ понятие корыстной цели встречается преимущественно в нормах, касающихся хищений, злоупотребления полномочиями и вымогательства. Фактически она сводится к извлечению выгод через изъятие (обращение) чужого имущества, в то время как корыстный мотив имеет более широкие формы проявления. Так, корыстную заинтересованность включает стремление должностного лица путем совершения неправомерных действий получить для себя или других лиц выгоду имущественного характера, не связанную с незаконным безвозмездным обращением имущества в свою пользу или пользу других лиц (например, незаконное получение льгот, кредита, освобождение от каких-либо имущественных затрат, возврата имущества, погашения долга, оплаты услуг, уплаты налогов и т. п.) [6]. Следовательно, для корректной квалификации деяния необходимо, чтобы корыстные мотивы предопределяли наличие корыстной цели, тогда как наличие иных, некорыстных мотивов исключало квалификацию деяния как хищения.

Также возникают иные вопросы, если корыстный умысел иногда сложно определить, то законодателю так или иначе следовало бы закрепить и конкретизировать понятие корыстного умысла, но сделать это так, чтобы это кардинально не повлияло на трактовку состава преступления. Еще можно выделить, что в ряде деяний наблюдается сочетание корыстного умысла с иными побуждениями, такими как мотивы мести. Данная проблема требует разработки методологии для детального анализа мотивов и правильного выделения корыстной цели как основного признака состава преступления [7].

Таким образом, можно выявить, что основными проблемами в доказывании корыстного умысла являются: отсутствие прямых доказательств – умысел зачастую не фиксируется документально, что вынуждает опираться на косвенные улики. Маскировка под другие мотивы и действия. Субъективность оценки – суды часто вынуждены делать выводы на основе анализа поведения обвиняемого и иных косвенных факторов.

Подытоживая, следует отметить, что выявление корыстного умысла является краеугольным камнем в квалификации преступлений против собственности, поскольку именно наличие прямого умысла на извлечение выгоды позволяет отнести деяние к хищениям. Чёткое разграничение корыстного мотива от иных побуждений способствует правильной квалификации преступления, что имеет важное значение для правоприменения уголовного законодательства. В этом контексте дальнейшие исследования и дискуссии в научном сообществе представляют собой важный вклад в совершенствование уголовного законодательства и практики его применения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Артеменко Н. Н. Преступления против собственности : учеб. пособие / Н. Н. Артеменко. Москва, 2024.
2. Гудков А. П. Корыстная цель как признак хищения в уголовном праве России: спорные вопросы теории и практики // Проблемы экономики и юридической практики. 2017. № 5. С. 157–161.
3. Хилота В. В. Корыстная цель в хищении: существуют ли пределы расширительного толкования? // Lex Russica. 2020. № 4 (161). С. 93–102.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации : от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 28.02.2025) // Собрание законодательства РФ. 17.06.1996. № 25. Ст. 2954.
5. Мирончик А. С. Преступления против собственности : учеб. пособие / А. С. Мирончик. Красноярск, 2019.
6. Турышев А. А. Корыстный мотив преступления // Научный вестник Омской академии МВД России. 2020. № 4 (79). С. 17–21.
7. Абдульмянова Т. В. Уголовное право. Особенная часть: краткий курс лекций: учебное пособие / Т. В. Абдульмянова, И. П. Асанова, М. А. Жадяева. Том Раздел VIII. Саранск : Афанасьев Вячеслав Сергеевич, 2023. 100 с.

УДК 343

СПЕЦИФИКА ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СИСТЕМЕ МЕР ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИОННОМУ ПОВЕДЕНИЮ

Абдульмянова Татьяна Владимировна, кандидат исторических наук, доцент

Климкина Кристина Михайловна, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: t.v.abdulmyanova@ruc.su, st8104005@ruc.su

SPECIFICITY OF LEGAL LIABILITY IN THE SYSTEM OF MEASURES TO COUNTER CORRUPTION BEHAVIOR

Abdulmyanova Tatyana Vladimirovna, PhD (History), Associate Professor

Klimkina Kristina Mikhailovna, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

Коррупционное поведение – это противоправное деяние, выражающееся в злоупотреблении служебным положением, полномочиями или доверенными ресурсами в целях получения личной или групповой выгоды (материальной, статусной, иной), а также в предоставлении такой выгоды. Коррупционное поведение нарушает принципы законности, справедливости и публичного интереса, подрывает доверие к государственным и общественным институтам, а также наносит ущерб экономике и социальной сфере. В правовом контексте оно квалифицируется как правонарушение, влекущее юридическую ответственность (уголовную, административную, дисциплинарную).

В данной статье авторами анализируется специфика юридической ответственности в системе мер противодействия коррупционному поведению.

Ключевые слова: коррупционное поведение, противодействие коррупции, юридическая ответственность, ущерб экономике, правонарушение, преступление.

Corrupt behavior is an unlawful act expressed in the abuse of official position, authority, or entrusted resources for the purpose of obtaining personal or group benefit (material, status, or other), as well as in the provision of such benefit. Corrupt behavior violates the principles of legality, justice and public interest, undermines trust in state and public institutions, and causes damage to the economy and social sphere. In the legal context, it is classified as an offense that entails legal liability (criminal, administrative, disciplinary).

In this article, the authors analyze the specifics of legal liability in the system of measures to combat corrupt behavior.

Keywords: corrupt behavior, anti-corruption, legal liability, damage to the economy, offense, crime.

Юридическая ответственность – основной гарант прав и свобод человека, правопорядка, публичных интересов. Государство берет на себя обязанность защиты граждан, других субъектов общественных отношений от противоправных деяний, посягающих на защищаемые правом ценности [1, С. 79].

Борьба с коррупцией в России остается одной из наиболее актуальных тем как на уровне государственной политики, так и в обществе в целом. Коррупция наносит значительный ущерб экономике страны, препятствуя честной конкуренции, снижая инвестиционную привлекательность и увеличивая затраты на ведение бизнеса. Она создает неравные условия для граждан, что приводит к социальной напряженности и недовольству [2, С. 79].

Борьба с коррупцией остаётся ключевым направлением правоохранительной деятельности государств. Однако современные реалии демонстрируют, что коррупционные практики глубоко укоренились в системе государственного управления, проявляя поразительную гибкость и способность эволюционировать в ответ на новые вызовы. Несмотря на значительные бюджетные ассигнования, направляемые на противодействие этому явлению, уровень коррупции в России и многих странах мира остается критически высоким, что свидетельствует о недостаточной эффективности применяемых мер.

Основным средством борьбы с коррупцией принято считать юридическую ответственность.

Межотраслевой институт юридической ответственности составляет основу системы государственного принуждения, объединяя широкий спектр правовых норм. Гипотезы этих норм закрепляют составы правонарушений, а санкции определяют меры ответственности за их совершение.

В общей теории права сложились устойчивые подходы к пониманию сущности, оснований, целей, функций и принципов ответственности, а также особенностей её реализации. Однако специфика юридической ответственности за коррупционные деяния до сих пор не получила полноценного теоретического осмысления в контексте её взаимосвязей с другими правовыми институтами, проблем толкования и применения, функциональной направленности и дифференциации мер воздействия.

Юридическая ответственность служит основополагающим механизмом правозащитной системы, гарантируя безопасность государства, общества и граждан.

В силу своего особого положения в системе мер государственного принуждения юридическая ответственность зачастую связана с возложением на нарушителя дополнительных негативных обязанностей (лишений, запретов, ограничений, обременений и т. д.) [3, С. 45].

Сложившаяся в правотворческой и правоприменительной практике аксиома гласит: степень опасности противоправного деяния определяет характер государственной реакции – чем выше вред, тем более оперативным, категоричным и строгим должно быть реагирование.

В теории права – это положение находит отражение в принципах юридической ответственности, таких как законность, справедливость, гуманизм, неотвратимость наказания и оперативность принятия мер. Эти принципы служат основой для баланса между тяжестью правонарушения и применяемыми санкциями.

Коррупция подрывает эффективность деятельности государственных и муниципальных органов власти, способствует распространению «беловоротничковой» преступности и снижает уровень доверия общества к публичным институтам. В связи с этим государство обязано своевременно выявлять и пресекать любые действия, связанные с коррупционными интересами.

Современное российское законодательство в области противодействия коррупции выделяет ряд специфических черт юридической ответственности за соответствующие правонарушения:

1. Целевая направленность: основная цель юридической ответственности заключается в обеспечении безопасности государства, общества и граждан от угроз, порождаемых коррупционными правонарушениями.

2. Фактическое основание: ответственность возникает вследствие совершения коррупционного деяния, которое преимущественно квалифицируется как правонарушение (проступок), но также может проявляться в форме объективно-противоправного акта, не обладающего признаками состава правонарушения.

3. Содержание ответственности: меры правового воздействия реализуются через систему мер принудительного характера, предусматривающую применение наказаний и введение дополнительных правовых ограничений, устанавливаемых в отношении нарушителя за коррупционные правонарушения.

4. Субъектный состав: основными субъектами ответственности являются должностные лица, наделенные властными, распорядительными или административно-хозяйственными полномочиями, а также лица, выполняющие функции представителя власти в государственных и муниципальных органах.

5. Дифференциация ответственности: санкции за коррупцию варьируются в зависимости от:

- отрасли права (уголовная, административная, дисциплинарная, гражданско-правовая ответственность);

- уровня регулирования (национальное и международное право);

- сферы реализации (публичные или частноправовые отношения).

6. Специальные процедуры привлечения: в ряде случаев законодательством предусматриваются особые процессуальные механизмы для возложения ответственности, учитывающие специфику коррупционных деяний (например, особенности доказывания или применения санкций) [4, С. 240].

Приведенные особенности далеко не исчерпывают всю специфику юридической ответственности за коррупционное поведение, хотя и являются показательными. Специфика коррупции и механизмов её пресечения в любом государстве уникальна, поскольку формируется под влиянием особого сочетания политических, экономических, социально-культурных и иных условий.

Следует учитывать, что институты противодействия коррупции в каждой стране формируются под влиянием уникального сочетания факторов:

- национальная детерминация: сущность коррупции, границы дозволенного и механизмы ответственности определяются политическим устройством, экономической моделью, историко-культурными традициями и социальными нормами конкретного государства;

- динамичность правовых систем: подходы к квалификации коррупционных действий и санкциям за них эволюционируют в ответ на изменения в общественных отношениях и международных стандартах (например, под влиянием конвенций ООН или Совета Европы);

- контекстуальная вариативность: даже при схожих правовых нормах практика привлечения к ответственности может существенно различаться в зависимости от эффективности правоохранительных институтов, уровня общественного контроля и этических ориентиров в профессиональных сообществах [5, С. 15].

Таким образом, анализ антикоррупционных мер требует не только изучения законодательных текстов, но и учета системных особенностей правового порядка, которые формируют «живое» право в этой сфере. Юридическая ответственность за коррупцию в РФ сочетает строгость санкций с комплексным подходом, направленным на минимизацию коррупционных рисков в различных сферах общественной жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гордеев Л. А. Институт юридической ответственности: проблемы и общие тенденции развития // Современные правовые проблемы в исследованиях аспирантов, студентов и курсантов : сборник научных статей. Тюмень, 2024. С. 77–82.

2. Дронов Р. В. Коррупция в бизнесе: формы проявления и последствия // Экономика и управление: проблемы, решения. 2024. Т. 13. № 9(150). С. 18–29.

3. Кузьмин И. А. Проблемы понимания и применения юридической ответственности за коррупционное поведение. Юридическая наука и практика. 2017. Т. 13. № 4. С. 40–49.

4. Абдульмянова Т. В. Коррупционные виды преступлений в сфере экономической деятельности: общеправовая проблема // Кооперация науки и общества как инструмент модернизации инновационного развития: Материалы Международной научно-практической конференции, Саранск, 23–24 апреля 2024 года. Саранск : РИЦ МГПУ, 2024. С. 238–242.

5. Преступления против государственной власти и интересов государственной службы: квалификация, расследование, доказывание / Т. В. Абдульмянова, И. П. Асанова, В. В. Данилов, М. А. Жадяева. Саранск, 2023. 21 с.

СИСТЕМА АДМИНИСТРАТИВНЫХ НАКАЗАНИЙ: ИЕРАРХИЯ И ПРИНЦИПЫ ПОСТРОЕНИЯ

Абдульмянова Татьяна Владимировна, кандидат исторических наук, доцент

Макаров Владислав Анатольевич, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: t.v.abdulmyanova@ruc.su, st809215@ruc.su

SYSTEM OF ADMINISTRATIVE PUNISHMENTS: HIERARCHY AND PRINCIPLES OF CONSTRUCTION

Abdulmyanova Tatiana Vladimirovna, PhD (History), Associate Professor

Makarov Vladislav Anatolievich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

Административная ответственность занимает важное место в правовом регулировании Российской Федерации, поскольку охватывает широкий спектр общественных отношений и жизненно важных сфер деятельности. Ее значение обусловлено тем, что от эффективного применения мер административного воздействия зависит поддержание правопорядка и стабильность правовой системы. В условиях постоянного изменения общественных и экономических реалий необходимо, чтобы система административных наказаний неукоснительно соответствовала фундаментальным принципам права. Нарушение этих принципов приводит к дисбалансу между карательной и профилактической функциями наказаний.

Ключевые слова: административная ответственность, административные наказания, виды наказаний, административное правонарушение, принципы

Administrative responsibility occupies an important place in the legal regulation of the Russian Federation, as it covers a wide range of public relations and vital spheres of activity. Its importance is due to the fact that the maintenance of law and order and stability of the legal system depends on the effective application of measures of administrative impact. In the conditions of constant changes in social and economic realities, it is necessary that the system of administrative penalties strictly comply with the fundamental principles of law. Violation of these principles leads to an imbalance between punitive and preventive functions of punishments.

Keywords: administrative responsibility, administrative punishments, types of punishments, administrative offense, principles

Административная ответственность играет большую роль в правовом регулировании общественных отношений в Российской Федерации. Она обеспечивает поддержание правопорядка и показывает, каким образом государство реагирует на правонарушения в обществе. Как известно, эффективность государственной системы в сфере административных наказаний зависит от того, насколько те или иные меры, которые использует государство – соответствуют базовым принципам права, таким как законность, соразмерность, индивидуализация, гуманизм и т. д. Однако, на практике данные принципы не в полной мере могут обеспечить реализацию точной и правильной исполнительности административного наказания по отношению к отдельному человеку или организации, что приводит к снижению доверия граждан к правоприменительной практике.

Как известно, административным правонарушением признается противоправное, виновное действие (бездействие) физического или юридического лица, за которое Кодексом или законами субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях установлена административная ответственность [1].

С одной стороны, Кодекс об административных правонарушениях четко определяет понятие нарушения, а с другой – представление о наказании подчеркивает, что административная ответственность выполняет карательную функцию. Такой синтез пониманий позволяет рассматривать административное наказание как комплексный инструмент, направленный как на восстановление нарушенного правопорядка, так и на предупреждение повторных правонарушений.

Говоря иначе, административная ответственность как реализация административно-правовых санкций призвана компенсировать причиненный административным правонарушением необратимый вред и является для правонарушителя бременем или карой, наказанием [2].

В зависимости от подхода понятие может трактоваться по-разному:

1) Реакция государства на нарушение: наказание выступает как инструмент оперативного ответа на нарушение установленных административных норм.

2) Мера ответственности: административное наказание также является своего рода санкцией, налагаемой на правонарушителя за совершение административного проступка.

3) Санкция за правонарушение: в этом смысле наказание представляет собой карательную меру, предусмотренную административно-правовыми нормами (чаще всего штрафные санкции), направленную на коррекцию поведения.

4) Отрицательная оценка деяния: применение наказания отражает негативную оценку совершенного нарушения как со стороны государства, так и общества.

5) Кара: административное наказание может рассматриваться как причинение страданий или ограничений прав нарушителю.

6) Мера административного принуждения: в этом понимании наказание используется как инструмент принуждения к соблюдению административных правил.

Признаки мер административной ответственности:

- меры устанавливаются за конкретные административные правонарушения только КоАП РФ или законом субъекта Федерации;
- меры применяются к физическим и юридическим лицам;
- меры назначаются в судебном и административном порядке;
- меры реализуются по строго установленным процессуальным правилам

Такой многоаспектный подход позволяет охватить различные стороны административной ответственности и выявить, что эффективность наказания зависит не только от его строгости, но и от возможности учета индивидуальных особенностей каждого дела [3].

Иерархия административных наказаний, предусмотренная КоАП РФ, была создана с целью обеспечить дифференцированный и пропорциональный отклик на административные правонарушения, исходя из степени общественной опасности деяния и характера нарушения. Такой последовательный подход позволяет применять меру воздействия, соответствующую тяжести нарушения, и тем самым способствует не только наказанию, но и предупреждению правонарушений. Законодателем была заложена следующая последовательность мер, начиная с наименее строгих и заканчивая наиболее жесткими:

Предупреждение. Применяется как первая мера воздействия, когда нарушение носит формальный характер или представляет собой незначительное отклонение от установленных норм. Цель предупреждения – информировать правонарушителя о недопустимости подобных действий и предотвратить повторное нарушение, не прибегая к более жестким санкциям. Но как известно «не всегда предусмотренное действующим законодательством наказание позволяет исправить нарушителя и пресечь совершение им подобных деяний в будущем» [4].

Административный штраф. Следующая ступень, предназначенная для воздействия на имущественные интересы правонарушителя. Штраф стимулирует соблюдение правил за счет экономических последствий, являясь одновременно мерой воспитательного характера и средством компенсации вреда, нанесенного общественному порядку.

Конфискация орудия совершения правонарушения или предмета нарушения. Эта мера направлена на устранение материальных средств, способствующих совершению правонарушения, что снижает вероятность повторного нарушения за счет устранения объективной возможности для его совершения.

Лишение специального права. Применяется, когда правонарушение связано с нарушением особых доверительных отношений, предоставленных специальным правом (например, водительские права). Цель такой меры – временно или постоянно ограничить возможность участия в определённых видах деятельности, где нарушение может привести к серьезным последствиям.

Административный арест. Является наиболее строгой мерой воздействия, затрагивающей личную свободу правонарушителя. Он применяется в случаях, когда другие санкции не способны обеспечить необходимую строгость воздействия, а также в целях демонстрации государственной нетерпимости к определённым видам нарушений.

И иные виды наказаний, указанных в статье 3.2 КоАП РФ.

Таким образом, можно выделить, что критерием дифференциации мер является степень воздействия на нарушителя: от воздействия на имущественную сферу до ограничения свободы. Такая иерархия предполагает, что наказание должно соответствовать тяжести деяния, что обусловлено принципом соразмерности. Также следует отметить, что последовательное применение мер административной ответственности позволяет государству не только наказывать правонарушителей, но и реализовывать профилактическую функцию: более мягкие меры направлены на предупреждение и коррекцию поведения, тогда как более строгие санкции служат демонстрацией государственной решимости и необходимости защиты общественного порядка. Такой подход обеспечивает баланс между карательной и воспитательной функциями административных наказаний, способствуя созданию справедливой и эффективной системы правового регулирования.

Для поддержания данной иерархии следует соблюдать принципы права, которые и устанавливают данную систему. Система административных наказаний строится на ряде ключевых принципов, каждый из которых имеет своё значение и проблемы в применении:

1) Законность предполагает, что наказание должно применяться исключительно на основании норм КоАП РФ. Но следует отметить, что широкое усмотрение правоприменителей может приводить к различным интерпретациям и практическим нарушениям принципа единства правоприменения. Например, за одно и то же нарушение ПДД в разных регионах могут назначать предупреждение или штраф с существенно разной суммой.

2) Равенство перед законом. Все граждане и организации должны быть подчинены одним и тем же нормам без исключений, так как непоследовательность в применении наказаний может нарушать принцип равенства, создавая впечатление предпочтения или дискриминации. Принцип юридического равенства вытекает из содержания ст. 19 Конституции РФ, согласно которой все равны перед законом и судом [5].

3) Вина. Применение наказания возможно только при наличии доказанной вины правонарушителя. Правда не всегда удаётся объективно оценить степень вины, что может привести к назначению наказания при недостаточных доказательствах.

4) Неотвратимость административной ответственности. За совершенное нарушение наказание должно быть неизбежным. Однако, в случае, когда правонарушитель не исполняет обязанность добровольно, возникают проблемы принудительного взыскания санкций, что может снижать эффективность правоприменения.

5) Индивидуализация. Назначение наказания должно учитывать характер правонарушения, личность правонарушителя и обстоятельства дела. Законодателем во многих случаях установлены жесткие, фиксированные санкции (например, в главе 12 КоАП РФ о нарушениях в области дорожного движения). Это означает, что даже при наличии смягчающих обстоятельств у правоприменителя отсутствует возможность назначить наказание ниже минимально предусмотренной нормы. Такой формальный подход лишает систему гибкости и снижает её справедливость.

6) Соразмерность. Наказание должно соответствовать степени общественной опасности деяния. Фиксированные размеры штрафов могут быть неадекватны: для одного гражданина сумма может оказаться чрезмерной, а для другого – не иметь реального воздействия.

7) Гуманизм. Применение наказания не должно унижать человеческое достоинство. Так, применение мер, таких как административный арест, может негативно сказываться на социально уязвимых группах (безработные, пенсионеры), что противоречит гуманистическим принципам.

8) Приоритет предупреждения. Данный принцип также должен быть выражен, так как профилактическая функция наказания должна стимулировать правомерное поведение граждан.

Поскольку административная ответственность охватывает широкий спектр общественных отношений и регулирует множество жизненно важных сфер, соблюдение принципов законности, равенства, индивидуализации, соразмерности и гуманизма становится необходимым условием для поддержания правопорядка. Любые отступления от этих принципов приводят не только к юридической несправедливости, но и к утрате доверия граждан к системе правосудия и государственным институтам в целом.

Особое внимание заслуживает проблема индивидуализации

наказания [6]. Закон требует, чтобы наказание назначалось с учетом личности правонарушителя, его имущественного положения, характера совершенного деяния и обстоятельств, как смягчающих, так и отягчающих ответственность.

Другой важной проблемой является дисбаланс между карательной и профилактической функциями административных наказаний. Если приоритет отдается исключительно штрафным санкциям, отсутствует должный стимул для предупреждения правонарушений. Таким образом, система перестает выполнять свою воспитательную функцию, что может приводить к повторным нарушениям. Из этого следует, что вопрос приоритета принципов при назначении административных наказаний является ключевым для повышения эффективности системы. Наказание должно не только корректировать поведение правонарушителя, но и служить инструментом профилактики. Приоритет должен отдаваться принципам индивидуализации и соразмерности, так как именно они позволяют учитывать специфику каждого конкретного случая.

Таким образом, вышеизложенное подчеркивает, что административная ответственность, как один из важнейших элементов правового регулирования в РФ, должна строиться на неуклонном соблюдении базовых принципов права. При этом нарушение этих принципов становится основной проблемой, требующей внимания для улучшения эффективности системы административных наказаний. Так как административная ответственность многое регулирует, она должна неуклонно соответствовать принципам права и его построения. Административная ответственность играет ключевую роль в обеспечении правопорядка, однако её эффективность напрямую зависит от того, насколько

система наказаний соответствует базовым принципам права. В России иерархия административных наказаний, закрепленная в КоАП РФ, формально выстроена по критерию строгости: от предупреждения до административного ареста.

Несоблюдение принципов соразмерности, индивидуализации и гуманизма при выборе вида и размера наказания ведёт к несправедливости и снижению доверия к правовой системе. Ведь если наказание не учитывает индивидуальные особенности правонарушителя и характер самого деяния, оно теряет свою воспитательную и профилактическую функцию, превращаясь в формальное применение мер, лишённых гибкости и объективности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 03.02.2025) // Собрание законодательства РФ. 07.01.2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.
2. Стахов А. И. Административное право России: учебник для вузов / А. И. Стахов. Москва, 2025.
3. Телегина А. С. Административное право: учебник / А. С. Телегина Пермь, 2020.
4. Липинский Д. А. Мусаткина А. А. Цели и функции административных наказаний // Административное право и практика администрирования. 2017. №2. С. 20–37.
5. Нудненко П. В. Принципы справедливости и равенства в сфере административной ответственности // Изв. Саратов. ун-та Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2014. № 1-1. С. 105–110.
6. Жеребцов А. Н. Критерии построения административно-правовых санкций, содержащих наказание в виде административного штрафа // Вестник КРУ МВД России. 2018. №3 (41). С. 80–86.

УДК 343

ПОНЯТИЕ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ОПАСНОСТЬ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ИСПОЛНЕНИЯ СУДЕБНЫХ ПОСТАНОВЛЕНИЙ

Абдульмянова Татьяна Владимировна, кандидат исторических наук, доцент

Алямкин Алексей Иванович, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: t.v.abdulmyanova@ruc.su, st803673@ruc.su

THE CONCEPT AND SOCIAL DANGER OF CRIMES IN THE SPHERE OF EXECUTION OF COURT ORDERS

Abdulmyanova Tatyana Vladimirovna, Associate Professor

Alyamkin Alexey Ivanovich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

Преступления, связанные с неисполнением судебных постановлений, посягают на один из ведущих принципов осуществления правосудия – обязательность исполнения судебных постановлений. В данной статье авторами рассматриваются общие положения, касаемые преступлений в сфере неправомерного неисполнения судебных постановлений.

Ключевые слова: преступление, судебное постановление, деяние, уголовный закон, неисполнение, общественная опасность, судебная власть, уголовно-правовые последствия.

Crimes related to non-compliance with court orders infringe on one of the leading principles of the administration of justice – the mandatory execution of court orders. In this article, the authors examine general provisions concerning crimes in the sphere of unlawful non-compliance with court orders.

Keywords: crime, court order, act, criminal law, non-compliance, public danger, judicial authority, criminal law consequences

Правосудие – это основная функция судебной власти, направленная на разрешение правовых конфликтов, защиту нарушенных прав и законных интересов граждан, организаций и государства через применение закона в установленной процессуальной форме. Оно выступает ключевым механизмом реализации принципа верховенства права и обеспечения социальной справедливости.

Признаками правосудия можно выделить следующие:

1. Исключительная компетенция судов. Правосудие осуществляется только судами (национальными, арбитражными, конституционными и др.), что закреплено в законодательстве. Никакие другие органы не вправе выполнять судебные функции.

2. Процессуальная форма. Деятельность суда строго регламентирована нормами права (уголовного, гражданского, административного процессов). Это обеспечивает соблюдение прав участников судопроизводства и законность решений.

3. Законность. Суды принимают решения на основе действующего законодательства, а не субъективных оценок. Это гарантирует единообразие правоприменения и защиту от произвола.

4. Независимость судей. Судьи подчиняются только закону и не зависят от других ветвей власти,

общественного мнения или личных интересов (принцип закреплён в Конституции РФ, ст. 120).

5. Обязательность судебных решений. Акты правосудия (приговоры, решения, постановления) обязательны для исполнения всеми гражданами, организациями и государственными органами. Их неисполнение влечёт юридическую ответственность.

6. Сочетание публичных и частных интересов. Правосудие балансирует между защитой прав отдельного человека (например, в уголовном процессе) и интересами общества (борьба с преступностью).

7. Гласность и состязательность Рассмотрение дел, как правило, происходит открыто (за исключением случаев, предусмотренных законом), а стороны имеют равные права на защиту и представление доказательств.

Значение правосудия состоит в следующем – оно служит основой для поддержания правопорядка; разрешения социальных конфликтов; восстановления нарушенных прав; укрепления доверия к государству через справедливое применение закона.

Осознание того, что правосудие как государственная функция обладает правовой ценностью, поскольку обеспечивает социальный контроль и единообразное поведение граждан, сформировалось постепенно. Это произошло в ходе развития общества, совершенствования законодательства и усиления роли правовых норм в сфере судопроизводства. При этом важной гарантией эффективной реализации судебной власти выступает принцип общеобязательности судебных актов [1, С. 27].

Россия, как и любое государство мира, заинтересована в наличии эффективной системы правосудия. Продолжающееся реформирование уголовного законодательства существенным образом затрагивает не только устройство и организацию отечественной судебной системы, но и саму деятельность судов по рассмотрению и разрешению дел [2, С. 185].

Современное законодательство, закрепляющее обязательность исполнения судебных актов, формирует целостную правовую систему. Соответствующие положения заложены в Конституции РФ, развиваются на уровне общеправовых норм и конкретизируются в отраслевом регулировании.

Данная система не только акцентирует важность регулируемых обществом отношений, но и гарантирует соблюдение принципа обязательности судебных решений на практике. Законодательные нормы, регулирующие исполнение судебных актов, действуют напрямую, что повышает их эффективность в правоприменительной деятельности.

Закон не допускает никаких препятствий для прямого исполнения судебных постановлений, подчёркивая их обязательную силу. Закон гарантирует, что требование об обязательности судебных актов применяется непосредственно, без каких-либо ограничений. Судебные решения обязательны к исполнению по закону, и их применение не может быть ограничено.

Более того, такие постановления обладают рядом характеристик, присущих закону. Например, судебные решения имеют приоритет над актами исполнительной власти: их обязательная сила выше, а за неисполнение предусмотрены более серьёзные санкции.

Общественная опасность является основным признаком преступления и служит ключевым критерием для обоснования криминализации деяний.

Преступления, выражающиеся в неисполнении судебных решений, нарушают ключевой принцип правосудия – безусловную обязательность исполнения актов суда. Уже сам характер таких деяний указывает на их повышенную общественную опасность. Подобные противоправные действия разрушают основы судебной власти, что требует комплексного противодействия, включая применение уголовно-правовых механизмов защиты.

Так, к числу норм об ответственности за неисполнение судебных постановлений в рамках уголовных правоотношений необходимо отнести предписания об ответственности за:

- незаконные действия в отношении имущества, подвергнутого описи или аресту либо подлежащего конфискации (ч. 2 ст. 312 УК РФ),
- побег из места лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи (ст. 313 УК РФ),
- уклонение от отбывания ограничения свободы, лишения свободы, а также от применения принудительных мер медицинского характера (ст. 314 УК РФ),
- уклонение от административного надзора или неоднократное несоблюдение установленных судом в соответствии с федеральным законом ограничения или ограничений (ст. 314.1 УК РФ).

В свою очередь, уголовно-правовые запреты незаконных действий в отношении имущества, подвергнутого описи или аресту либо подлежащего конфискации (ч. 1 ст. 312 УК РФ), а также неисполнения приговора суда, решения суда или иного судебного акта (ст. 315 УК РФ) связаны как с гражданско-правовой, административно-правовой, так и с уголовно-правовой сферой [3, С. 123].

Ключевым критерием оценки общественной опасности преступлений, связанных с неисполнением

судебных актов, выступает их способность наносить ущерб системе правосудия, в особенности в сфере реализации судебных решений [4, С. 56].

Мерами борьбы с преступлениями в сфере исполнения судебных постановлений можно назвать следующие:

1. Усиление законодательной базы: введение строгих санкций за умышленное неисполнение судебных решений, включая уголовную ответственность для злостных нарушителей; чёткое определение в законе понятий «злостное уклонение» и «неправомерное воспрепятствование исполнению», чтобы исключить двусмысленность.

2. Совершенствование процедур принудительного исполнения: автоматизация и цифровизация работы служб судебных приставов (например, электронные реестры должников, онлайн-оповещения); упрощение механизмов ареста имущества, блокировки счетов и других мер взыскания для оперативного реагирования.

3. Межведомственное взаимодействие: создание единой базы данных между судами, правоохранительными органами, банками и регистрационными службами для оперативного обмена информацией; вовлечение прокуратуры в контроль за исполнением решений, особенно в случаях коррупционных схем.

4. Профилактика правонарушений: публикация информации о злостных неплательщиках и нарушителях в открытых источниках (с соблюдением норм о персональных данных); просветительские кампании о последствиях неисполнения судебных решений для граждан и бизнеса.

5. Защита участников процесса: обеспечение безопасности судебных приставов, истцов и свидетелей при угрозах со стороны нарушителей; введение механизмов компенсации для потерпевших, чьи права нарушены из-за задержки исполнения.

6. Стимулирование добровольного исполнения: введение льгот или рассрочек для должников, готовых погасить задолженность без принуждения; медиация и досудебное урегулирование споров для снижения нагрузки на исполнительные органы.

В заключении можно сделать следующие выводы:

– неисполнение судебных решений подрывает авторитет судебной системы, снижает доверие к государственным институтам и дестабилизирует правовые механизмы разрешения конфликтов. Подобные действия ставят под угрозу безопасность государства, общества и граждан;

– неисполнение судебных решений не только подрывает доверие к государственной справедливости, но и создаёт почву для социальных конфликтов. По своей сути, такое неисполнение означает сохранение правового противостояния: между участниками гражданских споров, государством и правонарушителями и другими субъектами. Подобная ситуация способствует эскалации существующих разногласий и возникновению новых. Лица, чьи законные интересы остаются без защиты, нередко обращаются к методам самозащиты, выходящим за правовые рамки;

– борьба с правонарушениями, связанными с игнорированием судебных актов, предполагает: усиление надзора за исполнением решений суда; введение более строгих мер ответственности за их нарушение; совершенствование правоприменительных механизмов для повышения результативности.

– предупреждение таких преступлений, как уклонение от исполнения судебных постановлений, требует: системного контроля за их реализацией; ужесточения наказаний для нарушителей; оптимизации работы органов, обеспечивающих исполнение решений.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Тепляшин П. В., Лелягина Е. А.* Становление и развитие уголовной ответственности за неисполнение приговора суда, решения суда или иного судебного акта в дореволюционный период. История государства и права. 2008. № 7. С. 26–28.
2. *Судебный приговор.* Научно-практическое пособие / М. Т. Тащилин. Пятигорск, 2024. 496 с.
3. *Уголовное право: общая и особенная части: учебно-методическое пособие* / Т. В. Абдульмянова, И. П. Асанова, И. Ю. Янина, В. В. Данилов; Российский университет кооперации. Саранск, 2018. 208 с.
4. *Абдульмянова Т. В.* Уголовное право в понятиях и терминах / Т. В. Абдульмянова, И. П. Асанова, С. Б. Котляров; Российский университет кооперации. Саранск, 2019. 80 с.

УДК 343

ХИЩЕНИЕ ЧУЖОГО ИМУЩЕСТВА КАК УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ КАТЕГОРИЯ

Абдульмянова Татьяна Владимировна, кандидат исторических наук, доцент

Басанин Михаил Валерьевич, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: t.v.abdulmyanova@ruc.su, st810405@ruc.su

THEFT OF OTHER PEOPLE'S PROPERTY AS A CRIMINAL LAW CATEGORY

Abdulmyanova Tatyana Vladimirovna, Associate Professor

Basanin Mikhail Valerievich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В современной российской правовой системе хищения чужого имущества, занимающие доминирующую долю в преступлениях против собственности, представляют растущую угрозу для общества. Их совокупное воздействие приводит к следующим негативным последствиям: дезорганизация экономики (подрыв стабильности хозяйственной деятельности, рост теневых схем и недобросовестной конкуренции), паразитическое обогащение (незаконное присвоение ресурсов одной группой лиц за счёт ущемления прав других граждан), социальная дестабилизация (негативное влияние на социально уязвимые слои населения, провоцирующее вовлечение в преступную деятельность).

Ключевые слова: хищение, формы хищения, общественная опасность, способ совершения, уголовный закон, уголовная ответственность, меры противодействия.

In the modern Russian legal system, theft of other people's property, which occupies a dominant share in crimes against property, poses a growing threat to society. Their combined impact leads to the following negative consequences: economic disorganization (undermining the stability of economic activity, growth of shadow schemes and unfair competition), parasitic enrichment (illegal appropriation of resources by one group of people at the expense of infringement of the rights of other citizens), social destabilization (negative impact on socially vulnerable groups of the population, provoking involvement in criminal activity).

Keywords: theft, forms of theft, public danger, method of commission, criminal law, criminal liability, countermeasures.

В современных условиях развития российской правовой системы постоянно возрастает общественная опасность хищений чужого имущества, которые составляют основную группу преступлений против собственности. В своей совокупности они вносят дезорганизацию в экономическую жизнь страны, создают возможности для паразитического обогащения одних за счет других, а также негативным образом влияют на неустойчивых членов общества [1, С. 124].

Собственность всегда была и является экономической основой функционирования любого общества. Это предполагает необходимость ее охраны от различного рода посягательств, среди которых особое место занимают хищения [2, С. 102]. Надежная правовая охрана имущественных отношений от преступных посягательств и других противоправных действий является неотъемлемым условием успешного развития современной экономики.

Под хищением понимаются совершенные с корыстной целью противоправные безвозмездное изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц, причинившие ущерб собственнику или иному владельцу этого имущества.

Общественная опасность хищения заключается в том, что данное деяние:

1. Нарушает основы экономической стабильности – хищение подрывает право собственности, создает угрозу для законного распределения материальных благ и снижает доверие к экономическим институтам.

2. Вредит общественным отношениям – противоправное изъятие имущества порождает социальную напряженность, усиливает неравенство и провоцирует конфликты.

3. Создает угрозу для правопорядка – хищение способствует распространению преступности, дестабилизирует правовую систему и требует значительных ресурсов на борьбу с его последствиями.

4. Наносит ущерб конкретным лицам и организациям – ведет к прямым материальным потерям, а также моральному вреду (например, чувству незащищенности у потерпевших).

Предметом хищения выступает имущество, принадлежащее третьим лицам, которое включает:

– материальные объекты, созданные с приложением человеческого труда, обладающие материальной или нематериальной ценностью, а также характеризующиеся стоимостью (экономической ценностью) и ценой (денежным выражением);

– деньги – универсальный эквивалент стоимости, выступающий средством обмена для любых видов имущества;

– ценные бумаги с номинальной стоимостью, удостоверяющие имущественные права;

– документы, которые могут выступать заменителями денег или материальных активов (например, подарочные сертификаты, векселя) [3].

Традиционно предметом хищения считается движимое имущество. Однако в условиях рыночной экономики объектом преступных посягательств всё чаще становится недвижимость, включая:

– жилые помещения (квартиры, дома, дачи),

– коммерческую и производственную недвижимость,

– земельные участки и природные ресурсы (недра).

Любая форма хищения характеризуется прежде всего активным поведением – действиями, выражающимися в противоправном изъятии и (или) обращении чужого имущества в пользу виновного или других лиц.

Уголовная ответственность за хищение определяется в зависимости от способа совершения преступления, который напрямую влияет на тяжесть общественной опасности деяния.

К таким способам относятся: тайное (скрытое) или открытое (явное) хищение; ненасильственное (без применения силы) или насильственное (с угрозой или физическим воздействием); хищение через присвоение или растрату (незаконное удержание/использование вверенного имущества); хищение путем обмана (введение в заблуждение) или злоупотребления доверием (использование статуса/должностных полномочий).

Способ совершения хищения позволил законодателю выделить следующие формы хищения: кражу, грабеж, разбой, присвоение, растрату, мошенничество.

Хищение относится к материальным составам преступлений, что означает обязательное наступление общественно опасных последствий. Ключевым признаком здесь является прямой имущественный ущерб, выражающийся в уменьшении материальных активов собственника или законного владельца [4].

Основными характеристиками причиненного ущерба при хищении можно назвать следующие:

1. Ущерб определяется исключительно фактическими потерями: учитывается только стоимость похищенного имущества, а не потенциальная выгода, которую собственник мог бы получить; ущерб возникает из-за безвозмездного изъятия имущества, которое переходит в пользу виновного или третьих лиц.

2. Содержание ущерба: потерпевший лишается возможности владеть, пользоваться и распоряжаться имуществом в соответствии с его назначением; имущество исключается из ресурсов («фондов») собственника, что приводит к их сокращению.

3. Связь ущерба с составом преступления: размер ущерба определяется стоимостью изъятых имущества, что прямо связано с противоправным характером действий (например, кражей, мошенничеством).

Хищение как преступление предполагает наличие трёх обязательных ключевых элементов:

а) прямой умысел – осознание виновным противоправности своих действий, предвидение причинения имущественного ущерба и желание этого результата;

б) корыстный мотив – внутреннее стремление обогатиться за счёт незаконного завладения чужим имуществом;

в) корыстная цель – намерение обратить похищенное в свою пользу (например, продать, обменять, использовать для погашения долга).

Меры борьбы с хищениями включают комплекс правовых, организационных, технических и профилактических инструментов, направленных на минимизацию рисков и пресечение противоправных действий.

Основными мерами противодействия хищениям можно назвать следующие направления:

– увеличение правового регулирования: ужесточение уголовной и административной ответственности за хищения; совершенствование законодательства для закрытия правовых пробелов (например, регулирование цифровых активов, криптовалют); введение конфискации имущества, полученного преступным путем, в качестве дополнительной санкции.

– организационно-контрольные меры: внедрение систем внутреннего аудита и финансового контроля в компаниях и госучреждениях; проведение регулярных проверок и ревизий для выявления нарушений; создание антикоррупционных комитетов и «горячих линий» для анонимных сообщений о хищениях.

– техническая защита: использование систем видеонаблюдения, биометрической идентификации, электронных замков; внедрение блокчейн-технологий для прозрачного учета активов; применение искусственного интеллекта для анализа транзакций и выявления подозрительных операций.

– профилактика и просвещение: обучение сотрудников и граждан основам правовой грамотности; пропаганда антикоррупционных ценностей через СМИ и образовательные программы; стимулирование «белой» экономики через налоговые льготы для добросовестных предпринимателей.

В заключении можно сказать, что хищение (кража, мошенничество, грабеж и т. д.) признается общественно опасным, так как затрагивает не только интересы отдельных граждан, но и фундаментальные ценности государства: справедливость, стабильность экономики и безопасность общества.

Совокупное воздействие всех форм хищения приводит к следующим негативным последствиям: дезорганизация экономики (подрыв стабильности хозяйственной деятельности, рост теневых схем и недобросовестной конкуренции), паразитическое обогащение (незаконное присвоение ресурсов одной группой лиц за счёт ущемления прав других граждан), социальная дестабилизация (негативное влияние на социально уязвимые слои населения, провоцирующее вовлечение в преступную деятельность).

Его опасность усиливается в условиях глобализации, где имущественные правоотношения становятся основой социального развития. Кроме того, хищения эволюционируют вместе с технологиями (кибермошенничество, фишинг), и поэтому меры борьбы и противодействия должны адаптироваться к новым вызовам. Эффективность борьбы зависит не только от репрессивных мер, но и от создания среды, где хищения становятся экономически невыгодными и социально неприемлемыми.

ЛИТЕРАТУРА

1. Косоголова Н. А. Понятие хищения в отечественном уголовном законодательстве // Уголовное право в эволюционирующем обществе : сборник научных статей научно-практической конференции молодых учёных и студентов, Курск, 26 мая 2023 года / редколлегия: Ю. А. Сидорова (отв. ред.). – Курск : Юго-Западный государственный университет, 2023. С. 124–128.
2. Арихаев Д. Р. Понятие хищения в современной доктрине отечественного уголовного права // Интерактивная наука. 2023. № 10(86). С. 102–104.
3. Абдульмянова Т. В. Уголовное право. Особенная часть: краткий курс лекций: учебное пособие / Т. В. Абдульмянова, И. П. Асанова, М. А. Жадяева. Том Раздел VIII. Саранск, 2023. 100 с.
4. Сверчков В. В. Уголовное право. Общая и Особенная части: учебник для вузов. Москва : Юрайт, 2025. 741 с.

УДК 343

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА УБИЙСТВО, СОВЕРШЕННОЕ В СОСТОЯНИИ АФФЕКТА

Абдульмянова Татьяна Владимировна, кандидат исторических наук, доцент

Чалдышев Даниил Александрович, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: t.v.abdulmyanova@ruc.su, st809215@ruc.su

RESPONSIBILITY FOR A MURDER COMMITTED IN A STATE OF PASSION

Abdulmyanova Tatyana Vladimirovna, PhD (History), Associate Professor

Chaldyshev Daniil Alexandrovich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье рассматривается уголовно-правовая ответственность за убийство, совершенное в состоянии аффекта. Анализируются признаки сильного душевного волнения, возникающего в ответ на насилие, оскорбление или иные противоправные действия со стороны потерпевшего. Рассматриваются критерии квалификации преступления, отличия от умышленного убийства и смягчающие обстоятельства. Приводится обзор судебной практики, а также обсуждаются проблемы доказывания состояния аффекта и его влияние на наказание.

Ключевые слова: убийство, состоянии аффекта, обстоятельства, душевное волнение, меры наказания, факторы

The article discusses criminal liability for murder committed in a state of passion. The article analyzes the signs of severe mental agitation that occurs in response to violence, insult or other illegal actions on the part of the victim. The criteria for the qualification of a crime, differences from premeditated murder and mitigating circumstances are considered. The article provides an overview of judicial practice, as well as discusses the problems of proving the state of passion and its impact on punishment.

Keywords: murder, state of passion, circumstances, emotional agitation, punishments, factors

Убийство является одним из наиболее серьезных преступлений, и его последствия могут быть разрушительными как для жертвы, так и для виновного. Тем не менее, в уголовном праве предусмотрены обстоятельства, способные смягчить ответственность преступника. Одним из таких обстоятельств является состояние аффекта.

Состояние аффекта представляет собой эмоциональное состояние, которое характеризуется сильным душевным волнением, возникающим в ответ на резкое и неожиданное воздействие внешних факторов. К таким ситуациям можно отнести предательство, измену, угрозу жизни или здоровью. В этом состоянии индивид способен утратить контроль над своим поведением, что порой приводит к совершению преступлений, включая убийства. [1].

Правовая природа состояния аффекта.

В соответствии с уголовным законодательством ряда стран, состояние аффекта может быть основанием для снижения ответственности. Следует подчеркнуть, что для признания деяния совершенным в состоянии аффекта требуется доказать, что:

1. Состояние аффекта возникло в результате внезапного и сильного эмоционального воздействия. К таким воздействиям могут относиться, например, физическое насилие со стороны потерпевшего или угроза жизни близкого человека.

2. Лицо не имело возможности контролировать свои поступки. Это подразумевает, что в момент совершения преступления человек либо не осознавал своих действий, либо не мог их контролировать.

3. Состояние аффекта носило временный характер. Как правило, суды воспринимают состояние аффекта как кратковременное, и, если между провокацией и совершением преступления прошло значительное время, это может исключить применение смягчающих обстоятельств.

Последствия для обвиняемого.

Если суд установит, что убийство произошло в состоянии аффекта, это может значительно снизить наказание. В некоторых юрисдикциях это может привести к следующим последствиям:

- Сокращение срока лишения свободы.

- Назначение более мягкой меры наказания, например, принудительное лечение или исправительные работы.

- В отдельных случаях – полное освобождение от уголовной ответственности, если будет доказано, что обвиняемый не осознавал сути своих действий [2].

В судебной практике можно найти множество примеров, когда состояние аффекта играло ключевую роль в определении вины. Например, случаи, когда супруги убивали друг друга в результате измены

или в ситуациях, когда один из партнеров подвергался физическому или эмоциональному насилию. В таких делах суды часто учитывают контекст, в котором произошло преступление, и могут признать, что действия обвиняемого были вызваны сильным эмоциональным стрессом.

Примеры из практики.

1. Дело о супружеской неверности: обвиняемый совершил убийство супруги после обнаружения её измены. Суд признал наличие аффекта, вызванного неожиданным и глубоким эмоциональным потрясением, приведшим к временной потере самоконтроля. Данное обстоятельство послужило основанием для смягчения приговора.

2. Дело о защите третьего лица: обвиняемый совершил убийство лица, напавшего на его друга. Суд квалифицировал действия обвиняемого как совершенные в состоянии аффекта, спровоцированного непосредственной угрозой жизни третьего лица. Это обстоятельство способствовало уменьшению меры наказания.

3. Дело о домашнем насилии: обвиняемая, длительное время подвергавшаяся физическому насилию со стороны потерпевшего, совершила его убийство в состоянии аффекта. Суд, учитывая предшествующие обстоятельства, а именно длительное воздействие стресса и опасения за собственную жизнь, признал наличие смягчающих обстоятельств, повлиявших на приговор.

Влияние состояния аффекта на квалификацию и наказание за убийство является существенным фактором, подлежащим тщательному анализу судом. Хотя наличие такого состояния может способствовать смягчению ответственности, следует подчеркнуть, что приговор выносится на основе всестороннего рассмотрения дела, учитывающего все обстоятельства, в частности поведение участников конфликта до совершения преступления, природу провокации и тяжесть её последствий [3].

Аффективное состояние представляет собой сложное явление, имеющее как юридические, так и психологические аспекты. Характеризуется широким спектром эмоциональных реакций, от интенсивного гнева до глубокой скорби, что может приводить к импульсивным действиям, совершаемым без должного осознания возможных последствий. По мнению специалистов, в области психологии, в состоянии аффекта способность к рациональному анализу ситуации существенно снижается, повышая уязвимость к внешним воздействиям.

Влияние на принятие решений.

Эмоциональное возбуждение способно влиять на принятие решений, приводя к поступкам, нехарактерным для индивида в спокойном состоянии. Это обусловлено активацией инстинктов самосохранения под воздействием стресса, что искажает восприятие угрозы, представляя её как неминуемую и реальную. Таким образом, многие правонарушения, совершённые в состоянии аффекта, объясняются ощущением опасности или сильным эмоциональным давлением, испытываемым субъектом.

Социальные и культурные факторы.

Социально-культурный контекст оказывает значительное влияние на проявление аффекта. Различия в культурных нормах и ценностях определяют интенсивность эмоциональных реакций на определённые события, такие как предательство или насилие. Это, в свою очередь, может повлиять на оценку подобных ситуаций правоохранительными органами и судебными инстанциями. Например, в культурах с высоким приоритетом чести и достоинства, деяния, совершённые в состоянии аффекта, могут получать более снисходительную оценку по сравнению с аналогичными случаями в других социокультурных средах.

Проблемы правоприменения.

Хотя законодательство устанавливает ясные критерии для определения состояния аффекта, его

диагностирование на практике сопряжено со значительными трудностями. Проведение судебных экспертиз в таких случаях часто затруднено, объективная оценка наличия аффекта в момент совершения преступления представляет собой сложную задачу. Существует риск злоупотреблений, связанный с использованием обвиняемыми состояния аффекта в качестве попытки смягчения ответственности, не имеющей под собой достаточных оснований.

Альтернативные меры.

При наличии смягчающих обстоятельств, связанных с состоянием аффекта, суд может назначить альтернативные меры, включающие лечение в психиатрическом учреждении или участие в реабилитационных программах. Такой подход, в сравнении с сугубо карательными мерами, представляется более эффективным средством профилактики рецидива и содействует социальной реабилитации обвиняемого [4].

Таким образом, состояние аффекта может служить как смягчающим обстоятельством, так и основанием для более глубокого анализа причин, приведших к трагическим последствиям. Это подчеркивает необходимость комплексного подхода к оценке уголовных дел, связанных с убийством, и важность учета эмоционального состояния обвиняемого в процессе правосудия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александрова О. С. Понятие убийства, совершенного в состоянии аффекта // Грамота. 2011. № 1. С. 23–25.
2. Аталикова И. Р. Отграничение убийства, совершенного в состоянии аффекта, от смежных составов // Наука через призму времени. 2018. № 1 (10). С. 126–128.
3. Богданова Н. В., Волкова Н. А. Аффект по российскому законодательству: исторический аспект // Сборник статей XIX Международной научно-практической конференции. в 3 ч. 2018. С. 26–29.
4. Абдульмянова Т. В. Преступления против личности: особенности квалификации и расследования: краткий курс лекций / Т. В. Абдульмянова, И. П. Асанова, В. В. Данилов. Саранск, 2024.

УДК 343

АНАЛИЗ СТ. 107 УК РФ «УБИЙСТВО В СОСТОЯНИИ АФФЕКТА»: УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ КОНСТРУКЦИЯ

Абдульмянова Татьяна Владимировна, кандидат исторических наук, доцент

Черушова Мария Алексеевна, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: t.v.abdulmyanova@ruc.su, st810425@ruc.su

ANALYSIS OF ARTICLE 107 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION «MURDER IN A STATE OF AFFECT»: CRIMINAL LEGAL STRUCTURE

Abdulmyanova Tatyana Vladimirovna, PhD (History), Associate Professor

Cherushova Maria Alekseevna, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

Убийство – несомненно, одно из самых страшных преступлений, так как дороже жизни человека не может быть ничего. Но убийство в состоянии аффекта относится к деяниям, которые заслуживают снисхождения. За него предусмотрено не самое высокое наказание. Это обусловлено и действиями пострадавшего лица, и психическим состоянием преступника. В данной статье авторами анализируется состав преступления, закрепленный нормами ст. 107 УК РФ «Убийство в состоянии аффекта».

Ключевые слова: преступление, убийство, аффект, наказание, уголовная ответственность, состав преступления.

Murder is undoubtedly one of the most terrible crimes, since nothing can be more precious than human life. But murder in a state of passion is an act that deserves leniency. It does not carry the highest punishment. This is due to both the actions of the victim and the mental state of the criminal. In this article, the authors analyze the elements of the crime, as stipulated by the provisions of Article 107 of the Criminal Code of the Russian Federation, «Murder in a state of passion».

Keywords: crime, murder, passion, punishment, criminal liability, elements of a crime.

Привилегированные составы убийства – это уголовно наказуемые деяния, связанные с лишением жизни, но совершённые при смягчающих обстоятельствах. Они влекут менее строгое наказание по сравнению с «простым» убийством (ст. 105 УК РФ).

В Уголовном кодексе РФ к ним относятся:

1. Убийство матерью новорождённого ребенка (ст. 106 УК РФ).
2. Убийство в состоянии аффекта (ст. 107 УК РФ)
3. Убийство при превышении пределов необходимой обороны или при задержании преступника (ст. 108 УК РФ) [1].

Убийство в состоянии аффекта – это умышленное причинение смерти, совершенное под влиянием внезапного сильного душевного волнения, вызванного противоправными или аморальными действиями потерпевшего. Отличается от «простого» убийства (ст. 105 УК РФ) смягчающими обстоятельствами, что снижает наказание.

Между тем для более четкого понимания термина «убийство в состоянии аффекта» необходимо конкретизировать, в чем выражается аффект, а также разграничить физиологический и патологический аффект и т. д., что в итоге приведет к минимизации проблем квалификации совершения убийства в состоянии аффекта [2, С. 215].

Аффект – это внезапно возникшее сильное душевное волнение, которое временно подавляет сознательный контроль человека над своими действиями. В уголовном праве аффект признаётся смягчающим обстоятельством, так как снижает степень вины из-за невозможности лица полностью осознавать последствия своих поступков.

Основные признаки аффекта:

- внезапность возникновения;
- состояние развивается стремительно в ответ на провокацию (насилие, тяжкое оскорбление, издевательство);
- кратковременность (аффект длится минуты, реже – часы. После него часто наступает упадок сил, амнезия или раскаяние;
- интенсивность эмоций (характеризуется яркими эмоциональными реакциями: гнев, страх, отчаяние, ярость);
- ограниченный контроль (человек действует импульсивно, не оценивая последствия).

В уголовном праве выделяют следующие виды аффекта:

1. Физиологический аффект – кратковременное, но сильное эмоциональное возбуждение без психического расстройства; не исключает вменяемости, но смягчает наказание. Физиологический аффект действительно является наиболее распространённым и изученным видом аффекта в юридической и психологической практике. Разберём, почему это так, и какие особенности делают его ключевым в уголовном праве. Физиологический аффект остаётся «рабочим инструментом» права, позволяющим балансировать между принципом справедливости и учётом человеческой природы. Его распространённость и изученность помогают минимизировать ошибки в квалификации преступлений, но каждый случай требует глубокого анализа контекста.

2. Патологический аффект – кратковременное психическое расстройство, полностью исключающее вменяемость; лицо признаётся невменяемым, уголовная ответственность отсутствует. Патологический аффект – это качественно иное состояние, отличающееся от «обычного» физиологического аффекта. Патологический аффект – это «крайняя» категория, где психика человека полностью выходит из-под контроля, что превращает преступление в трагедию, а не злой умысел. Однако его доказывание требует исключительных оснований, чтобы избежать злоупотреблений [3].

В соответствии со ст. 107 УК РФ причиной сильного душевного волнения (аффекта) являются следующие действия потерпевшего:

- насилие, которое может быть, как физическим (побои, причинение вреда здоровью различной степени тяжести, похищение человека и т. д.), так и психическим (угроза убийством, причинения вреда здоровью человека, уничтожения или повреждения имущества, распространения клеветнических сведений и т. п.);
- издевательство, под которым понимают глумление, психическое и физическое насилие, носящее уничижительный характер и совершаемое в течение более или менее продолжительного времени;
- тяжкое оскорбление – это унижение чести и достоинства виновного со стороны потерпевшего, выраженное в неприличной форме. Признание оскорбления тяжким – оценочный признак, который учитывается в каждом конкретном случае с учетом всех иных обстоятельств дела;
- иные противоправные или аморальные действия (бездействие) потерпевшего – это грубые нарушения прав и законных интересов самого виновного, его близких, общества и государства. Это могут быть не связанные с применением насилия преступления (например, самоуправство, уничтожение или повреждение имущества и др.), иные правонарушения, а также безнравственные поступки (например, супружеская измена или систематическое пьянство);
- длительная психотравмирующая ситуация, которая возникает на фоне вышеуказанных действий потерпевшего. Он систематически, в течение продолжительного времени допускает в отношении виновного противоправные действия или аморально себя ведет, тем самым травмирует его психику, провоцируя аффектированные действия.

Аффект, как состояние интенсивного эмоционального возбуждения, снижает способность человека критически воспринимать ситуацию и контролировать свои действия. Чаще всего подобные пре-

ступления совершаются женщинами, которые ранее сами подвергались насилию в семье или становились жертвами длительного психоэмоционального давления. Такие преступления возникают как реакция на аморальное поведение потерпевшего, его систематические унижения, издевательства и физическое насилие. Это подчеркивает, что аффективные преступления не являются следствием преднамеренной агрессии, а представляют собой акт отчаяния и попытку разрешить невыносимую жизненную ситуацию [4, С. 168].

Приведем пример убийства в состоянии аффекта. Так, например, Смирновы состояли в браке 5 лет. В последний год отношения стали напряжёнными: Смирнов начал выпивать, оскорблять жену, а однажды ударил её. Смирнова терпела, опасаясь за себя и ребёнка. Однажды вечером, вернувшись домой пьяным, Смирнов устроил скандал, обвинил Смирнову в измене и начал её душить. В этот момент их 4-летний сын заплакал и попытался защитить мать. Смирнов оттолкнул ребёнка, тот ударился головой об стену. Увидев это, Смирнова схватила кухонный нож и нанесла Ивану несколько ударов в грудь, от которых он скончался.

Почему это убийство в состоянии аффекта?

Во-первых, была провокация потерпевшего (систематическое насилие).

Во-вторых, присутствовала непосредственная угроза – в момент преступления он душил её и причинил вред ребёнку.

В-третьих, внезапность проявления аффекта – аффект возник мгновенно в ответ на действия мужа. Жена действовала импульсивно, не планируя убийство заранее.

В-четвертых, отсутствие умысла – нож был схвачен спонтанно, под влиянием шока от увиденного.

В-пятых, кратковременность душевного волнения – эмоциональный всплеск длился минуты. После убийства жена сразу вызвала скорую и полицию, осознав содеянное.

Таким образом, для квалификации убийства как «совершенного в состоянии аффекта» необходимо установить, что аффект (сильное душевное волнение) был внезапным и наступил в результате вышеуказанных причин, вызванных поведением потерпевшего.

Убийства в состоянии аффекта возникают спонтанно под влиянием сильных эмоций, что требует комплексного подхода: от профилактики конфликтов до совершенствования правоприменительной практики.

Мерами предупреждения и борьбы с убийствами в состоянии аффекта можно назвать следующие:

1. Профилактика бытовых и межличностных конфликтов:

– создание «горячих линий» психологической помощи для оперативного разрешения кризисных ситуаций;

– обучение навыкам управления эмоциями через образовательные программы;

– популяризация семейного консультирования для предотвращения насилия в быту.

2. Усиление роли правоохранительных органов:

– оперативное реагирование на бытовые ссоры (патрулирование «групп риска» (например, районы с высоким уровнем алкоголизации) или обязательный выезд полиции на все сообщения о семейном насилии);

– специальная подготовка сотрудников полиции (обучение техникам деэскалации конфликтов, проведение бесед с агрессорами и жертвами на месте происшествия).

3. Социальная поддержка уязвимых групп:

– программы помощи жертвам домашнего насилия (кризисные центры, убежища, юридическая поддержка);

– работа с лицами, склонными к агрессии (принудительное лечение от алкоголизма/наркомании, психокоррекционные программы для агрессоров).

4. Правовые меры:

– строгая квалификация преступлений по ст. 107 УК РФ (тщательная экспертиза для подтверждения аффекта (психолого-психиатрические исследования); исключение злоупотреблений и попыток имитировать аффект для смягчения наказания).

5. Информационные меры:

– просветительские кампании (социальная реклама о последствиях агрессивного поведения; разъяснение правовых последствий убийств (например, даже в состоянии аффекта – реальный срок);

– публикация примеров из судебной практики для формирования сдерживающего эффекта.

6. Межведомственное взаимодействие:

– создание единых баз данных для учёта лиц, склонных к насилию;

– координация действий полиции, социальных служб, НКО;

– совместные рейды в неблагополучные семьи;

– реабилитация освобождённых из мест лишения свободы [5, С. 45].

В заключении можно сделать вывод о том, что убийство – несомненно, одно из самых страшных преступлений, так как дороже жизни человека не может быть ничего.

Убийство в состоянии аффекта (преступление, совершённое в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения) действительно может рассматриваться как деяние, заслуживающее снисхождения в правовых системах многих стран, включая Россию. За него предусмотрено не самое высокое наказание. Это обусловлено и действиями пострадавшего лица, и психическим состоянием преступника. Право учитывает человеческую слабость в экстремальных ситуациях. Снисхождение отражает идею, что в момент провокации человек не полностью свободен в выборе действий. Снисхождение здесь – не поощрение преступления, а баланс между справедливостью и признанием человеческой уязвимости. Закон стремится дифференцировать ответственность, учитывая мотивы и обстоятельства, но не исключает её полностью.

Предотвращение убийств в состоянии аффекта требует не только карательных мер, но и устранения коренных причин агрессии: бедности, алкоголизма, низкой правовой культуры. Только комплексный подход снизит количество таких преступлений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: федеральный закон Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 64-ФЗ (с изм. от 28.02.2025 г.) : принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 24 мая 1996 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. № 17. Ст. 2453.
2. Попова И. А. убийство в состоянии аффекта // Актуальные вопросы науки 2025: сборник статей VII Международной научно-практической конференции. Пенза, 2025. С. 215–217.
3. Убийство в состоянии аффекта: статья и возможные сроки // URL: [//msk-legal.ru/news/ubijstvo-v-sostoyanii-affekta-statya-i-vozmozhnye-sroki](https://msk-legal.ru/news/ubijstvo-v-sostoyanii-affekta-statya-i-vozmozhnye-sroki)
4. Абитов Т. Т. Насильственные преступления, совершаемые женщинами в состоянии аффекта // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2025. № 1-1(100). С. 166–170.
5. Абдульмянова Т. В. Уголовное право. Особенная часть: краткий курс лекций: учебное пособие / Т. В. Абдульмянова, И. П. Асанова, М. А. Жадяева. Том Раздел VIII. Саранск, 2023. 100 с.

УДК 343

ОБЪЕКТИВНЫЕ ПРИЗНАКИ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ

Абдульмянова Татьяна Владимировна, кандидат исторических наук, доцент

Тимошкин Павел Сергеевич, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: t.v.abdulmyanova@ruc.su, st810656@ruc.su

OBJECTIVE SIGNS OF ILLEGAL DRUG TRAFFICKING

Abdulmyanova Tatyana Vladimirovna, PhD (History), Associate Professor

Timoshkin Pavel Sergeevich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

Незаконный оборот наркотических средств и их производных служит катализатором для развития организованной преступности, а также способствует росту числа тяжких и особо тяжких преступлений, направленных против личности, общества и государства.

Авторами статьи подробно характеризуется данное негативное явление современного общества, рассматривает какие преступные действия попадают под квалификацию незаконного оборота наркотических средств по объективным признакам.

Ключевые слова: наркопреступления, наркотики, уголовный закон, незаконный оборот, наркопреступность, противодействие наркотизму.

Illegal trafficking of narcotic drugs and their derivatives serves as a catalyst for the development of organized crime, and also contributes to the growth in the number of serious and especially serious crimes directed against the individual, society and the state.

The author of the article characterizes in detail this negative phenomenon of modern society, considers which criminal acts fall under the classification of illicit drug trafficking based on objective criteria.

Keywords: drug crimes, drugs, criminal law, illegal trafficking, drug crime, counteraction to drug addiction, drug crimes.

Незаконный оборот наркотических веществ, будучи социальным злом, провоцирует рост преступности в сфере наркобизнеса. Это выражается в повышении уровня коррупции, преступлениях, связанных с борьбой за рынки сбыта и каналы распространения, а также в финансировании незаконного производства психоактивных веществ [1, С. 108].

Количество людей с наркотической зависимостью неуклонно увеличивается с каждым годом, согласно статистическим данным [2, С. 47].

Таким образом актуальность темы исследования обусловлена особой общественной опасностью наркомании как негативного явления.

Незаконный оборот наркотических средств представляет собой серьёзную угрозу для общества, так как провоцирует рост преступности, наносит ущерб здоровью населения и дестабилизирует социально-экономическую стабильность.

Основу законодательства по борьбе с незаконными изготовлением, хранением и сбытом наркотических и психотропных веществ составляют Федеральный закон «О наркотических средствах и психотропных веществах» от 08.01.1998 № 3-ФЗ, Уголовный кодекс Российской Федерации, Конституция Российской Федерации, а также некоторые международные договоры, в том числе Конвенция о психотропных веществах, принятая ООН в 1971 году.

Вышеуказанные правовые основы государственной политики в сфере оборота наркотических средств, психотропных веществ, а также в области противодействия их незаконному обороту в целях охраны жизни и здоровья граждан, укрепления национальной безопасности России [3, С. 77].

Под незаконным оборотом наркотических средств понимается разработка, производство, изготовление, переработка, хранение, перевозка, пересылка, отпуск, реализация, распределение, приобретение, использование, ввоз на территорию Российской Федерации, вывоз с территории Российской Федерации, уничтожение наркотических средств, психотропных веществ в нарушение законодательства РФ, то есть без специального разрешения уполномоченных государственных органов [4, С. 108].

Изучение основного содержания рассматриваемых статей УК РФ показывает, что объективная сторона незаконного деяния имеет определенные отличительные черты в виде действий, содержание которых подробным образом раскрывает Пленум Верховного суда РФ в своем постановлении от 15.06.2006 № 14.

Так, объективная сторона ст. 228 УК РФ – это всегда действие, направленное на получение наркотиков различными способами, обладание ими, перемещение, извлечение и переработка.

Так же следует дать краткую характеристику некоторых преступных действий, входящих в признаки объективной стороны незаконного оборота наркотических средств.

Незаконное приобретение наркотических средств без цели сбыта – это получение их любым доступным для физического лица способом (покупка, получение в дар, оплата услуг) [5, С. 147].

Так, например, Иванов совершил деяние, попадающее под квалификацию по ч. 2 ст. 228 УК РФ. Деяние было совершено при следующих обстоятельствах. Как было выяснено, 21 июня 2024 года наркоман заказал через Интернет-магазин мефедрон. Получив координаты тайника, он попросил своего товарища отвезти его в лесополосу, чтобы забрать закладку. При этом зачем именно едет, горожанин друга посвящать не стал. На обратном пути машину остановили инспекторы ДПС. Выйдя из салона, наркоман сбросил сверток с 5 граммами мефедрона на землю. Свою вину он в итоге признал.

Незаконное хранение наркотических средств – это противозаконное обладание ими с целью дальнейшего потребления. Период времени, в течение которого данные средства хранились, не оказывает влияние на квалификацию, и преступление характеризуется как длящееся [6, С. 70].

Так, например, 23-летний житель Рузаевки Рытовский попросил своего приятеля отвезти его за город. В этот момент в салоне было несколько человек. Как позже выяснится, мужчина заказал в даркнете наркотики, но что едет их забирать – друзьям не рассказал. Забрав закладку с мефедроном, молодой человек сразу употребил дозу, забрав остальное с собой. По пути домой иномарку остановили оперативники УНК регионального МВД. Увидев это, Рытовский в спешке стал избавляться от улики, высыпая запрещенные вещества под ноги. Часть наркотиков оказалась на коврике, другая – под ним. Эксперты смогли собрать в салоне 1,56 грамма мефедрона, которых хватило, чтобы привлечь виновного к уголовному преследованию по ч. 1 ст. 228 УК РФ.

Или другой пример. Четвертый отдел полиции Саранска возбудил уголовное дело в отношении 25-летнего жителя Иссы, работающего вахтовым методом в Чамзинском районе. Мужчина подозревается по ч. 2 ст. 228 УК РФ «Незаконное хранение наркотических средств». 17 сентября молодого человека остановили оперативники УНК республиканского МВД около дома по улице Победы. Увидев сыщиков, он разорвал и выбросил на землю сверток с веществом. Согласно исследованию, содержимым оказался мефедрон массой 2,65 гр. Житель Иссы признался, что купил наркотик в даркнете для себя. Получив координаты местоположения тайника, он на такси приехал в Саранск, но как только он забрал закладку, его задержали. Свою вину полностью признал, расследование уголовного дела продолжается.

Под незаконной перевозкой понимают осознанные действия лица по перемещению без цели сбыта названных выше объектов из точки «А» в точку «Б». Следует оговориться, что незаконное перемещение (перевозка) наркотиков будет иметь место, если они были перемещены виновными лицами на любом виде транспорта. Данный факт и различие транспортного средства не будет влиять на квалификацию преступления.

Так, например, в г. Рузаевке Республики Мордовия сняли с поезда 43-летнего петербуржца, который вез с собой мефедрон. Пассажир поезда сообщением «Санкт-Петербург – Оренбург» привлек внимание сотрудников Рузаевского линейного отдела МВД России на транспорте своим поведением. Когда 43-летний мужчина увидел людей в форме, то сильно занервничал. Пассажира решено было досмотреть. При нем обнаружили и изъяли пакет с порошком общей массой 2,85 грамма. После проведенной экспертизы было установлено, что это было наркотическое средство дезоморфин. Позднее на допросе житель Санкт-Петербурга признался, что купил и забрал «закладку» в северной столице. Употребив часть наркотика, остальное он забрал с собой в дорогу. По факту незаконного оборота запрещенных веществ следователи транспортной полиции Рузаевки завели уголовное дело по ч. 2 ст. 228 УК РФ.

Под незаконным сбытом, в том числе следует понимать: дарение, обмен, уплату долга наркотическим средством, дачу в займы наркотического средства, введение инъекций другому лицу, а также любой другой способ передачи наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов.

Так, например, 18-летний юноша 22 марта 2024 года купил в даркнете партию гашиша, которую забрал из тайника в Лямбирском районе. Наркотик весом не менее 3,82 граммов он расфасовал в своей квартире на четыре свертка и приготовил для сбыта. В дальнейшем он сделал «закладки» возле двух многоквартирных домов в северо-западной части Саранска. Спустя два дня студент вновь забрал из тайника в Лямбирском районе очередную партию гашиша уже общей массой 24,6 грамма. Но по пути домой его задержали сотрудники Госавтоинспекции и УНК МВД по Мордовии, обнаружив во внутреннем кармане куртки в ходе личного досмотра запрещенные вещества. В ходе обысковых мероприятий в квартире задержанного оперативники нашли упаковочный и фасовочный материалы, весы, изолирующую ленту и устройство для употребления наркотиков. После возбуждения уголовного дела 18-летнего студента заключили под стражу. Суд признал его виновным в совершении вменяемого ему преступления и назначил ему наказание в виде 7 (семи) лет лишения свободы с отбыванием в колонии строгого режима.

Или другой пример. Житель Мордовии в день рождения подруги подарил ей дозу гашиша и попался полицейским. 25 июля сотрудники Управления по контролю за оборотом наркотиков республиканского МВД проводили оперативные мероприятия в Ромодановском районе. Поздно вечером по пути из Алатыря Чувашской республики в райцентр они остановили машину, в салоне которой находился 40-летний мужчина. В его кошельке и сумочке подруги, сидевшей рядом, сыщики обнаружили гашиш общей массой более 2,34 гр. Как позже рассказал наркоман, в день рождения подруги он через Интернет-магазин заказал наркотик. Закладку нужно было забрать в Алатыре, поэтому он попросил товарища отвезти его с женщиной на точку. Забрав гашиш из тайника, он в качестве подарка сбыл 42-летней подруге часть наркотика. На обратном пути иномарку остановили полицейские. Следователи по факту сбыта и хранения запрещенных веществ возбудили два уголовных дела на мужчину, а именинницу привлекли к административной ответственности по ст. 6.8 КоАП РФ «Незаконные приобретение, хранение, без цели сбыта наркотических средств»

Все вышепересмотренные преступные деяния имеют формальный состав, т. е. в момент совершения одного из действий, перечисленных в статье УК РФ, преступление считается уже оконченным. [7, С. 221–224].

Современная государственная политика в сфере оборота наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, а также в области противодействия их незаконному обороту направлена на установление строгого контроля за оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров. Предотвращение зависимости гораздо более экономически эффективнее, чем лечение. Зависимость стоит дорого, что приводит к затратам на здравоохранение, потерянности производительности и участию уголовного правосудия.

В заключение следует подчеркнуть, что общественная опасность анализируемых преступлений заключается в подрыве государственного контроля за оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров. Это создаёт условия для их попадания в незаконный оборот, что в итоге угрожает здоровью населения. Статистика подтверждает устойчиво высокий уровень незаконного распространения наркотиков, особенно среди подростков и молодёжи. Отмечается рост доли высококонцентрированных и синтетических препаратов в структуре незаконного оборота, а также активное вовлечение в сбыт социально уязвимых групп: несовершеннолетних, женщин и лиц без постоянного дохода. Противодействие данному виду преступности должно оставаться приоритетным направлением в системе обеспечения национальной безопасности, требующим комплексного подхода и постоянного усиления мер профилактики, пресечения и реабилитации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахметшина Э. Ф. Незаконный оборот наркотиков (ст. 228, 228.1): вопросы квалификации // Инновационная наука. 2024. № 2-2. С. 107–109.
2. Балафендиев А. М. Ответственность за незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов и прекурсоров по УК РФ // Студенческий вестник. 2023. № 46-3(285). С. 45–50.
3. Габеев С. В. Усиление ответственности как основная тенденция реформирования действующего уголовного законодательства о незаконном обороте наркотиков // Международный научно-исследовательский журнал. 2022. № 12(126). С. 45–49.
4. Абдульмянова Т. В. Уголовное право. Особенная часть: краткий курс лекций : учебное пособие. Том Раздел VIII. Саранск, 2023. 100 с.
5. Гираев М. И. Проблемы эффективности уголовного наказания за незаконный оборот наркотических средств в России // Закон и право. 2024. № 7. С. 146–149.
6. Гордеев С. А. Уголовная ответственность за незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ // Трибуна ученого. 2022. № 4. С. 65–80.
7. Абдульмянова Т. В. Профилактика наркомании среди молодежи нормами уголовного законодательства Российской Федерации // Результаты современных научных исследований : материалы Международной научно-практической конференции. Часть 2. Саранск, 2021. С. 221–224.

УДК 343

ОСОБЕННОСТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ПРАКТИКИ БОРЬБЫ С ВЗЯТОЧНИЧЕСТВОМ

Авдеева Татьяна Александровна, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st808595@ruc.su

FEATURES OF IMPROVING ANTI-BRIBERY LEGISLATION AND PRACTICE

Avdeeva Tatyana Aleksandrovna, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

Коррупция, и, в частности, взяточничество, остается одной из ключевых угроз для развития государства и общества. Борьба с ней требует комплексного подхода, включающего совершенствование законодательства, повышение эффективности правоохранительной системы, развитие международного сотрудничества и вовлечение гражданского общества. Только совместные усилия государства, бизнеса и общества могут привести к значительным результатам в преодолении этого негативного явления.

Ключевые слова: взяточничество, противодействие, основы правопорядка, серьезная проблема современности, предупреждение, выявление, пресечение, коррупционные практики, общество, государство.

Corruption, and bribery in particular, remains one of the key threats to the development of the state and society. Combating it requires an integrated approach, including improving legislation, increasing the efficiency of the law enforcement system, developing international cooperation and involving civil society. Only joint efforts of the state, business and society can lead to significant results in overcoming this negative phenomenon.

Keywords: bribery, counteraction, fundamentals of law and order, serious problems of our time, prevention, detection, suppression, corrupt practices, society, state.

Коррупция, включая взяточничество (во всех его проявлениях), действительно является одной из наиболее серьезных проблем, с которыми сталкиваются современные государства. Она подрывает основы правопорядка, экономику, социальную стабильность и доверие граждан к институтам власти [1, С. 11].

Противодействие коррупции – это комплекс мер, направленных на предупреждение, выявление и пресечение коррупционных практик, а также минимизацию их последствий для общества и государства.

Эффективная борьба с коррупцией требует системного подхода, сочетающего правовые, институциональные, социальные и технологические инструменты.

Рассматривая такой социально-негативный феномен как «коррупция», следует рассмотреть и особо подчеркнуть ключевые аспекты этой проблемы, а также необходимость совершенствования законодательства и практики борьбы с коррупцией [2, С. 95].

Рассмотрим основные моменты и возможные пути решения данной социальной проблеме.

1. Коррупция как угроза обществу и государству.

Коррупция, в частности взяточничество в любом его проявлении, негативно влияет на экономический рост, социальное развитие и доверие граждан к власти. Она создает неравные условия для бизнеса, снижает эффективность государственных институтов и способствует социальному неравенству в обществе.

Кроме того, коррупция может разжигать социальные конфликты и подрывать легитимность власти. Это особенно актуально в условиях глобализации, когда коррупционные практики выходят за пределы национальных границ.

2. Статистика и тенденции.

Приведенные данные о росте числа коррупционных преступлений в России, за исключением мелкого взяточничества, свидетельствуют о сохраняющейся остроте проблемы. Увеличение числа нераскрытых преступлений также вызывает тревогу, так как это может указывать на недостаточную эффективность правоохранительной системы.

Также снижение раскрываемости коррупционных преступлений может быть связано с недостатком ресурсов, сложностью доказательной базы или даже с коррупцией внутри самих правоохранительных органов.

3. Исторический контекст и специфика взяточничества.

Исторический анализ позволяет выявить корни коррупции и понять, как она укоренилась в обществе. Взяточничество часто связано с особенностями формирования властных структур и культурными традициями. Как замечается многими исследователями данной проблемы, коррупция – это не генетическая, а историко-правовая проблема. Это означает, что ее можно преодолеть через реформы, изменение правовой культуры и общественного сознания.

Для примера можно привести исторический контекст и уроки для России по противодействию и искоренению коррупционных проявлений:

а) дореволюционный опыт: в Российской империи борьба с коррупцией (например, реформы Петра I) часто упиралась в сопротивление бюрократии. Это подчеркивает важность независимого контроля (например, через омбудсменов или общественные советы);

б) советский период: жесткие репрессии (статья 173 УК РСФСР) не искоренили коррупцию, что доказывает необходимость системного подхода, а не только карательных мер;

в) современные меры и успешная практика: опыт Эстонии (электронное правительство, 99 % услуг онлайн, что приводит к минимизации коррупционных рисков) и ОАЭ (жесткие санкции за взятки) показывает, что сочетание технологий, прозрачности и неотвратимости наказания даёт результат.

4. Совершенствование законодательства и правоприменения.

Современное уголовное законодательство играет ключевую роль в борьбе с коррупцией. Однако важно, чтобы нормы права адекватно отражали реалии и были эффективно применяемы на практике.

При этом необходимо не только ужесточать наказания, но и обеспечивать их неотвратимость. Это требует улучшения работы правоохранительных органов, повышения их прозрачности и подотчетности [3].

5. Международное сотрудничество.

Поскольку коррупция приобрела международный характер, важно развивать сотрудничество между государствами в борьбе с этим явлением. Это включает обмен опытом, гармонизацию законодательства и совместные расследования транснациональных коррупционных преступлений.

6. Роль гражданского общества.

Вовлечение гражданского общества в борьбу с коррупцией является важным шагом. Это может включать создание механизмов для защиты whistleblowers (информаторов, осведомителей), развитие антикоррупционного образования и поддержку независимых СМИ. Однако формирование антикоррупционной культуры среди населения – это долгосрочная задача, которая требует системного подхода.

7. Рекомендации для дальнейших исследований.

Исследование проблем уголовной ответственности за взяточничество должно быть направлено на выявление пробелов в законодательстве и практике его применения. При этом не менее важно изучать зарубежный опыт борьбы с коррупцией, адаптируя лучшие практики к национальным и современным условиям [4, С. 309].

Необходимо уделять внимание профилактике коррупции, включая меры по повышению прозрачности государственных закупок, улучшению системы госслужбы и созданию стимулов для честного поведения [5, С. 130].

В заключении можно сказать, что для значительного снижения уровня коррупции в России требуется не только ужесточение законов, но и трансформация общественного сознания, цифровизация государственного управления и укрепление международного сотрудничества.

Ключевой задачей является создание системы, где коррупция становится невыгодной, рискованной и социально неприемлемой. Это долгий процесс, но его успех возможен при условии комплексного подхода и политической воли.

ЛИТЕРАТУРА

1. Петрова Г. О. Противодействие взяточничеству в России и за рубежом // Международное уголовное право и международная юстиция. 2024. № 3. С. 11–13.

2. Ивашкин Н. С. Международный опыт противодействия коррупции // *Eromen. Global*. 2024. № 51. С. 86–98.
3. Жадяева М. А. Преступления против государственной власти и интересов государственной службы: квалификация, расследование, доказывание / Т. В. Абдульмянова, И. П. Асанова, В. В. Данилов, М. А. Жадяева. Саранск, 2023. 21 с.
4. Мельников И. В. Организация управления антикоррупционной деятельностью в РФ // *Стратегия социально-экономического развития общества: управленческие, правовые, хозяйственные аспекты*. Курск : Юго-Западный государственный университет, 2022. С. 307–313.
5. Дымов Э. М. Проблемы правопонимания коррупции как социально-правового явления // *Противодействие коррупции: промежуточные итоги и новые задачи : сборник статей межрегиональной научно-практической конференции*. Нальчик, 2024. С. 128–132.

УДК 343

О ПРОБЛЕМАХ МОШЕННИЧЕСТВА В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Авдошкин Александр Анатольевич, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: sasha.avdoshkin@gmail.com

ABOUT THE PROBLEMS OF FRAUD ON THE INTERNET

Avdoshkin Alexander Anatolievich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

Актуальность исследования изучаемой проблемы состоит в глобальном развитии разнообразных способов обмана населения в глобальной сети Интернет, что подвергает большому риску как финансовое благополучие граждан, так и сохранность их личных данных. Анализируя современные методы решения этой проблемы, а также исходя из мировой статистики, можно обнаружить новые пути решения и обеспечения гражданам правовой и финансовой безопасности.

Ключевые слова: киберпреступность, Интернет-преступления, Интернет – мошенничество.

The relevance of the study of the problem under study lies in the global development of various ways of deceiving the population on the global Internet, which puts both the financial well-being of citizens and the safety of their personal data at great risk. Analyzing modern methods of solving this problem, as well as based on world statistics, it is possible to discover new ways to solve and ensure legal and financial security for citizens.

Keywords: cybercrime, Internet crimes, Internet fraud.

Информационные технологии сильно затронули мир современных граждан, в связи с этим возник вопрос правового регулирования деятельности в сети. Технологии делают жизнь людей комфортнее и помогают справляться с обыденными задачами в разы быстрее, технические средства становятся доступнее, вследствие чего растёт число пользователей, обладающих оптимальными навыками пользования компьютерами и другими гаджетами, а также активно пользуются Интернетом.

Но у технологического развития есть и негативная сторона, которая отражается в росте противозаконного использования компьютерных технологий и сети Интернет, что в свою очередь повышает риски совершения преступлений в области it-технологий.

Особую опасность представляют Интернет-преступления, воздействуя на жертв дистанционно, правонарушители имеют множество путей сокрытия своих деяний, в связи с этим у правоохранительных органов возникают новые трудности, прежде всего затрагивающие квалификацию таких деяний и поиск способов противодействия и профилактики.

Государство принимает активные шаги для решения проблем преступлений в Интернете, но, к сожалению, сложность регулирования и новизна технологий не позволяют быстро адаптироваться к новым способам совершения общественно опасных деяний. Так, проблема киберпреступности по настоящее время остается нерешенной, несмотря на все усилия государственной правозащитной деятельности, что подчёркивает актуальность исследования

При невозможности властей решить данную проблему с помощью государственной правозащитной деятельности особая роль в профилактике, борьбе и защите Интернет-пользователей от киберпреступлений в информационно-коммуникационной сети «Интернет» отводится негосударственным правозащитным организациям. Зачастую такую роль на себя берут Интернет-деятели, снимая и выкладывая свой контент в глобальную сеть Интернет, тем самым ведя просвещение населения о способах совершения преступлений в сети и тем самым снижая количество таких прецедентов. Некоторые из них также помогают правоохранительным органам в поимке преступников, проводя свои собственные расследования.

Одной из таких организаций является «Лига безопасного Интернета» – некоммерческое партнерство, созданное для достижения цели в виде защиты граждан от мошенничества и опасного контента в Интернете, борясь при этом с киберпреступностью и оказывающая противодействие информацион-

ным войнам, возглавляемая её директором – общественным деятелем, членом Общественной палаты РФ Екатериной Мизулиной.

Учитывая менталитет жителей Российской Федерации, многие потерпевшие оставляют преступления безнаказанными. То есть не обращаются в соответствующие правозащитные органы с заявлением: будь то государственные в лице полиции или общественные в лице частных фондов противодействия Интернет-преступлениям. Несмотря на активные меры профилактики со стороны государства, пользователи попадают на простейшие схемы.

История развития уголовной ответственности за онлайн-преступления в законодательстве России отражает постоянный процесс адаптации и усиления мер борьбы. Введение жесткой уголовной ответственности и усовершенствование системы противодействия и пресечения киберпреступности в глобальной сети Интернет являются важными шагами в сторону укрепления законности и обеспечения безопасности граждан в России и стабильности всего конституционного строя.

Учитывая анонимность и транснациональность мошенничества в цифровую эпоху, потерпевшие могут считать полицию неспособной адекватно реагировать на этот вызов, даже если они и сообщают о случившемся в правоохранительные органы. Однако рассматриваемые нами два опроса фиксируют постоянную долю тех, кто сообщает об «удаленном» имущественном преступлении в полицию (двое из пяти) и получает расследование дела – менее половины от обратившихся, или 18 % от всех жертв «удаленной» имущественной преступности. Такой высокий уровень нерегистрации преступности смещает официальные данные.

Для эффективного противодействия преступным действиям в глобальной сети Интернет, учитывая отсутствие веры потерпевших в способность решения их проблемы с помощью правоохранительных органов, необходима консолидация усилий правоохранительных органов с правозащитными организациями.

Если рассматривать правозащитную деятельность как элемент правового государства в лице Российской Федерации, то при помощи её обеспечивается не только соблюдение прав отдельно взятых людей и достигается справедливость в конкретных кейсах, но и исправление ошибок государственного управления и аппарата в целом, а также реализация программ, направленных на поддержание общественной безопасности и правопорядка.

Конституция в широком смысле слова заложила фундамент, на котором строится вся суть правозащитной деятельности. При этом госорганы в лице законодателей, исполнительной/судебной власти, а также включая и органы местного самоуправления, осуществляют защиту прав граждан, в ходе которой могут быть реализованы различные меры. Разграничение и делегация полномочий по защите отдельных отраслей и категорий права позволяет осуществлять эффективную разработку новых и оптимизацию устаревших норм и законов. А воздействие на субъекты права несет превентивную, воспитательную и просветительскую функцию, что, в свою очередь, дает необходимый результат в виде предотвращения преступлений и развития правового сознания населения.

Нельзя не упомянуть также Уполномоченного по правам человека, как субъекта, который от имени Российской Федерации осуществляет правозащитную деятельность. Данная должность учреждена в 1997 году ФКЗ № 1 от 1997 г. в целях гарантий государственной защиты прав и свобод граждан. В узком смысле под правозащитной деятельностью понимают только функционирование негосударственных институтов (адвокатура и нотариат), а также общественных правозащитных движений. Эти элементы гражданского общества были созданы в мире, включая и Россию, для защиты от произвола государства, в общем, и нарушения закона (прав граждан) государственными структурами, в частности.

Если затрагивать правозащитную деятельность касательно её признаков, то можно выделить следующее:

- направлена на защиту прав граждан посредством оказания им правовой помощи;
- цель их основной деятельности сводится к восстановлению нарушенных прав граждан путем обеспечения доступа к правосудию;
- субъекты, обладая правовым статусом, могут быть как государственными, так и негосударственными.

Направлением такой деятельности может быть, как независимый контроль за соблюдением прав граждан, так и мониторинг законодательства/правоприменительной практики. Такой контроль могут проводить специально уполномоченные госорганы, так и независимые институты гражданского общества в России. Мониторинг законодательства проводят органы прокуратуры в рамках антикоррупционной экспертизы или надзора за вновь вышедшими проектами НПА, которые противоречат действующему законодательству и грубо ущемляют права и свободы человека и гражданина.

Если исходить из этих принципов, то важнейшим направлением правозащитной деятельности, является правовое воспитание населения. Это может быть и правовое просвещение в школе, в вузах пе-

дагогами и иными уполномоченными лицами. Задачами, которые решаются в рамках правового воспитания, являются: повышение авторитета закона, развитие высокого уровня правосознания, формирование правовой культуры, юридической грамотности и другие.

Рассматривая основные аспекты преступлений с использованием компьютерных технологий, стоит заострить внимание на таком явлении как мошенничество, так как оно является самым распространенным видом правонарушений в сети Интернет. Преступники представляют собой не просто маргиналов без умений, а обладают обширными знаниями не только в области психологии и социологии, но и прекрасно обращаются с компьютерной техникой и технологиями.

При совершении мошенничества в сфере компьютерной информации преступники могут использовать сразу два способа преступления: одновременно получать доступ к компьютерной информации и совершать иное вмешательство в информационные системы современной компьютерной техники.

Говоря о факультативных признаках объективной стороны преступления важно отметить, что наиболее значимым из них является способ совершения преступления, указывающий на способы и средства совершения преступления. Зачастую данные преступления совершаются способом установления вредоносного ПО на устройства жертвы.

Как свидетельствует анализ юридической литературы, современная доктрина уголовного права определяет следующие виды способов совершения преступлений в сети, которые с учетом метода использования преступником тех или иных действий и технических средств могут быть классифицированы на три группы, а именно: несанкционированный перехват информации; несанкционированный доступ к компьютерному оборудованию или технике; манипуляция данными и управляющими командами.

Преступное деяние считается оконченным с момента получения преступником денежной суммы (или чужого имущества) и возникновения у него законных оснований для распоряжения этими деньгами (имуществом).

Уголовным преступлением также признаются действия по взлому, дешифрации, блокировке доступа, модификации компьютерной информации или иное вмешательство в ее работоспособность.

Анализируя мошенничество в Интернете, стоит также затронуть следующую сторону состава: субъект преступления. Субъектом мошенничества в сфере компьютерной информации является вменяемое физическое лицо, достигшее 16-летнего возраста. Что говорит о том, что первым признаком субъекта является его вменяемость.

Для эффективного противодействия преступным действиям в сети, учитывая отсутствие веры потерпевших в способность решения их проблемы при помощи государства, необходима кооперация усилий правоохранительных органов с правозащитными организациями.

Если рассматривать правозащитную деятельность как элемент правового государства в лице Российской Федерации, то при её помощи обеспечивается не только соблюдение прав отдельно взятых людей и достигается справедливость в конкретных кейсах, но и реализуется исправление ошибок государственного управления и аппарата в целом, а также реализация программ, направленных на поддержание общественной безопасности и правопорядка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации : федер. конституц. закон от 26.02. 1997 № 1-ФКЗ (ред. от 29.05.2023) // Собрание законодательства РФ, 03.03.1997, № 9, ст. 1011.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 28.02.2025) // Собрание законодательства РФ, 17.06.1996, № 25, ст. 2954.

УДК 343

ВЗЯТОЧНИЧЕСТВО КАК КОРРУПЦИОННОЕ ПРОЯВЛЕНИЕ: ПОНЯТИЕ И СПОСОБЫ СОВЕРШЕНИЯ

Абдульмянова Татьяна Владимировна, кандидат исторических наук, доцент

Агафонова Екатерина Андреевна, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: t.v.abdulmyanova@ruc.su, st810405@ruc.su

BRIBERY AS A CORRUPTION MANIFESTATION: CONCEPT AND METHODS OF COMMITMENT

Abdulmyanova Tatyana Vladimirovna, PhD (History), Associate Professor

Agafonova Ekaterina Andreevna, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

Коррупционные проявления, в частности взяточничество, негативно влияет на экономический рост, социальное развитие и доверие граждан к власти. Она создает неравные условия для бизнеса, снижает эффективность государственных институтов и способствует социальному неравенству в обществе. Кроме того, коррупция может разжигать социальные конфликты и подрывать легитимность власти. Это особенно актуально в условиях глобализации, когда коррупционные практики выходят за пределы национальных границ.

В данной статье автором дается краткая характеристика взяточничества, общественной опасности этого негативного явления, как коррупционного проявления, приводятся формы проявления взяточничества и меры борьбы с ним.

Ключевые слова: взятка, взяточничество, уголовная ответственность, способы взяточничества, общественная опасность взяточничества, противодействие коррупции.

Corruption, particularly bribery, negatively affects economic growth, social development and citizens' trust in the government. It creates unequal conditions for business, reduces the effectiveness of state institutions and contributes to social inequality in society. Moreover, corruption can fuel social conflicts and undermine the legitimacy of power. This is especially true in the context of globalization when corrupt practices extend beyond national borders.

In this article, the author gives a brief description of bribery, the social danger of this negative phenomenon as a manifestation of corruption and provides forms of manifestation of bribery and measures to combat it.

Keywords: bribe, bribery, criminal liability, methods of bribery, social danger of bribery, combating corruption.

Совершенствование правовых основ противодействия коррупции, в особенности против взяточничества, остается одним из приоритетов государственной политики в современной России. Эта проблема вызывает активный общественный резонанс, широко освещается в СМИ и становится предметом дискуссий в экспертной среде, научном сообществе и среди правоприменителей.

В настоящее время взяточничество охватывает самые разнообразные сферы общественной жизни. К сожалению, по основным его показателям наблюдается отрицательная динамика: рост абсолютного показателя совершенных преступлений; рост удельного веса в общем числе зарегистрированных преступлений и массиве должностных преступлений; высокий процент деяний, совершенных при отягчающих обстоятельствах [1].

Важной характеристикой данных преступлений выступает их значительная скрытность (латентность). Это обуславливает необходимость совершенствования механизмов отслеживания и предупреждения взяточничества, а также разработки действенных стратегий противодействия коррупционным практикам.

В качестве видового объекта получения и дачи взятки следует понимать нормальное функционирование публичного аппарата власти, в частности, его государственных и муниципальных органов. Как непосредственный объект данных преступлений следует рассматривать конкретные общественные отношения в сфере реализации властных полномочий указанных органов.

Содержание предмета взятки довольно широко и может быть представлено любым имуществом, а также правами и услугами имущественного характера.

В последние годы на законодательном уровне предприняты значительные шаги по созданию действенной системы уголовно-правового противодействия взяточничеству и реализации международных обязательств в этой сфере [2, С. 18].

Позитивными положениями современной системы уголовной ответственности за взяточничество следует считать:

- закрепление в отдельных статьях Уголовного кодекса РФ нормативных оснований уголовно-правовой ответственности (дифференциация) за различные формы взяточничества (получение, дача, посредничество);

- развитая система квалифицированных составов взяточничества, основанная на учете таких отягчающих обстоятельств, как вымогательство взятки, получение (дача) вознаграждения за незаконные действия, групповые формы взяточничества, учет размера взятки и служебного положения ее получателя;

- введение отдельного привилегированного состава взяточничества (ст. 291.2 УК РФ);

- использование практики по наказанию в виде штрафа, кратного стоимости самой взятки.

К отрицательным моментам системы уголовной ответственности следует отнести:

- закрепление в частях одной статьи фактически разных уголовно-правовых составов, например посредничества во взяточничестве (ч. 1 ст. 291.1 УК РФ) и обещания или предложения такового в ч. 5 данной статьи;

- использование размера взятки в основном составе посредничества в качестве квалифицирующего признака, что приводит к декриминализации действий посредника при незначительном и мелком размере взятки;

- отсутствие единообразия в юридической технике при индексации разных квалифицирующих признаков в рамках одного состава преступления путем отдельного обозначения каждого признака буквой (цифрой) применительно к квалифицированному составу посредничества во взяточничестве (ч. 2 ст. 291.1 УК РФ).

Итак, действующая система уголовно-правовой ответственности за взяточничество, хотя и несовершенна полностью, тем не менее, вполне работоспособна и динамично развивается. Значительный потенциал этого развития заключается в дальнейшей дифференциации ответственности за различные формы взяточничества. По совершенствованию уголовного законодательства необходимо дифференцировать уголовную ответственность за получение и дачу мелкой взятки путем выделения отдельного состава получения мелкой взятки, предусматривающего более строгую ответственность в сравнении с дачей таковой [1, С. 310].

Взяточничество как форма коррупции проявляется в различных формах, которые можно классифицировать по критериям субъекта, способа передачи и цели:

1. По субъекту:

- дача взятки – активные действия лица, передающего материальные или нематериальные блага должностному лицу для совершения/несовершения действий в своих интересах;
- получение взятки – противоправное принятие выгоды должностным лицом с использованием служебного положения;
- посредничество во взяточничестве – содействие в передаче или получении взятки (организация встреч, переговоров, гарантий).

2. По форме передачи:

- денежная взятка – передача наличных, переводы на счета, криптовалюты;
- имущественная – предоставление недвижимости, ценных бумаг, автомобилей;
- услуги и льготы – бесплатный ремонт, лечение, обучение, содействие в трудоустройстве родственников;
- скрытые формы – завышение оплаты по фиктивным контрактам, «откаты» от госзакупок, доле-вое участие в бизнесе.

3. По целям:

- взятка-подкуп – предварительное вознаграждение для обеспечения нужного решения;
- взятка-вознаграждение – оплата уже совершенных действий в пользу дающего;
- взятка за бездействие – получение выгоды за игнорирование нарушений (например, непривлечение к ответственности виновного лица).

4. По сфере:

- государственный сектор – коррупция в органах власти, судах, правоохранительных структурах;
- коммерческий подкуп – незаконные выплаты в бизнесе (менеджерам, сотрудникам частных компаний);
- бытовая коррупция – взятки в образовании, медицине, ЖКХ за ускорение услуг.

Общественная опасность взяточничества заключается в его разрушительном воздействии на ключевые институты государства и социума. Это явление подрывает доверие к власти, деформирует принципы справедливости, способствует неравномерному распределению ресурсов и создает условия для системной коррупции. В долгосрочной перспективе взяточничество тормозит экономическое развитие, снижает эффективность управления и усиливает социальное расслоение, что угрожает стабильности общества [3, С. 310].

Меры противодействия взяточничеству включают:

1. Усиление контроля и прозрачности – внедрение цифровых платформ для публикации госзакупок, бюджетных расходов и решений чиновников, что минимизирует «теневые» схемы.
2. Совершенствование законодательства – четкое определение коррупционных составов, ужесточение санкций за посредничество и откаты, защита «добросовестных» чиновников от провокаций.
3. Система стимулов и профилактики – регулярный антикоррупционный аудит госорганов, обучение сотрудников этическим стандартам, поощрение отчетности о нарушениях через гарантии анонимности и защиты заявителей.
4. Международное сотрудничество – обмен практиками с иностранными антикоррупционными органами, реализация конвенций ОЭСР и ООН, блокировка трансграничного отмывания средств.
5. Общественный мониторинг – поддержка независимых СМИ и НКО, вовлечение граждан в оценку качества госуслуг через цифровые инструменты (например, рейтинги учреждений).

В заключении можно сделать выводы о том, что коррупция, в частности взяточничество в любом его проявлении, негативно влияет на экономический рост, социальное развитие и доверие граждан к власти. Она создает неравные условия для бизнеса, снижает эффективность государственных институтов и способствует социальному неравенству в обществе.

Кроме того, коррупция может разжигать социальные конфликты и подрывать легитимность власти. Это особенно актуально в условиях глобализации, когда коррупционные практики выходят за пределы национальных границ.

Исследование проблем уголовной ответственности за взяточничество должно быть направлено на выявление пробелов в законодательстве и практике его применения. При этом не маловажно изучать зарубежный опыт борьбы с коррупцией, адаптируя лучшие практики к национальным и современным условиям [5, С. 55].

Необходимо уделять внимание профилактике коррупции, включая меры по повышению прозрачности государственных закупок, улучшению системы госслужбы и созданию стимулов для честного поведения [6, С. 132].

В заключении можно сказать, что для значительного снижения уровня коррупции в России требуется не только ужесточение законов, но и трансформация общественного сознания, цифровизация государственного управления и укрепление международного сотрудничества.

Ключевой задачей является создание системы, где коррупция становится невыгодной, рискованной и социально неприемлемой. Это долгий процесс, но его успех возможен при условии комплексного подхода и политической воли.

ЛИТЕРАТУРА

1. Щеглова Н. Н. Проблемы совершенствования уголовного законодательства в противодействии взяточничеству // Роль юридических и социальных наук в развитии современного общества. 2023. С. 258–262.
2. Преступления против государственной власти и интересов государственной службы: квалификация, расследование, доказывание / Т. В. Абдульмянова, И. П. Асанова, В. В. Данилов, М. А. Жадяева. Саранск, 2023. 21 с.
3. Абдульмянова Т. В. Взяточничество и его место в системе коррупционных преступлений // Кооперация науки и общества как инструмент модернизации инновационного развития : материалы Международной научно-практической конференции, Саранск, 23–24 апреля 2024 года. Саранск: РИЦ МГПУ, 2024. С. 247–250.
4. Мельников И. В. Организация управления антикоррупционной деятельностью в РФ // Стратегия социально-экономического развития общества: управленческие, правовые, хозяйственные аспекты. Курск : Юго-Западный государственный университет, 2022. С. 307–313.
5. Абдульмянова Т. В. Уголовное право. Особенная часть: краткий курс лекций: учебное пособие / Т. В. Абдульмянова, И. П. Асанова, М. А. Жадяева. Том Раздел VIII. Саранск, 2023. 100 с.
6. Дымов Э. М. Проблемы правопонимания коррупции как социально-правового явления // Противодействие коррупции: промежуточные итоги и новые задачи : сборник статей межрегиональной научно-практической конференции. Нальчик, 2024. С. 128–132.

УДК 343

ПОНЯТИЕ И КВАЛИФИЦИРУЮЩИЕ ПРИЗНАКИ ФОРМ ХИЩЕНИЯ ЧУЖОГО ИМУЩЕСТВА

Азисов Абдулкарим Русланович, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st808076@ruc.su

THE CONCEPT AND QUALIFYING FEATURES OF FORMS OF THEFT OF OTHERS' PROPERTY

Azisov Abdulkarim Ruslanovich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

Хищение – это противоправное изъятие чужого имущества в корыстных целях. Каждая форма имеет свои особенности, которые определяют квалификацию и меру ответственности. В данной статье автор рассматривает понятие хищения, формы и индивидуальные признаки форм хищения, приводит примеры квалификации форм хищения.

Ключевые слова: хищение, индивидуальные признаки, кража, грабеж, разбой, мошенничество, присвоение, растрата, квалификация.

Theft is the unlawful taking of someone else's property for personal gain. Each form has its own characteristics that determine qualifications and the level of responsibility. In this article, the author examines the concept of theft, forms and individual characteristics of forms of theft, and gives examples of qualification of forms of theft.

Keywords: theft, individual characteristics, theft, robbery, robbery, fraud, misappropriation, embezzlement, qualification.

Рост преступности, связанной с хищениями, приводит к увеличению уровня бедности и неравенства в обществе, потере доверия к государству и правоохранительным органам, а также к снижению уровня жизни населения. Одни формы хищений – уступают место другим, более современным, основанным на технологических прорывах, но существо, правовая природа хищений и их формы – остаются прежними, хотя и подлежащими исследованию в целях наиболее точной квалификации. В частности, до сих пор сложности в судебной практике представляют собой различные формы «телефонного» мошенничества, различного рода изъятий денежных средств с банковских и иных счетов граждан, до сих пор высок уровень растрат и иных форм злоупотребления доверием [1, С. 85].

Хищение – одно из наиболее древних и наказуемых всеми без исключения правопорядками преступлений, на протяжении всей человеческой истории.

Понятие хищения законодательно закреплено в примечании 1 к ст. 158 УК РФ: «Под хищением в статьях настоящего Кодекса понимаются совершенные с корыстной целью противоправные безвозмездное изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц, причинившие ущерб собственнику или иному владельцу этого имущества».

Данное понятие хищения дает основание для выделения следующих его признаков:

- противоправность: действия совершаются вопреки закону и без согласия собственника;
- безвозмездность: имущество изымается без предоставления эквивалентной компенсации (денег, товара, услуг);
- корыстная цель: преступник стремится извлечь выгоду (материальную или иную) для себя или третьих лиц. Но в случае, если имущество изымается не ради обогащения (например, из мести), это может быть не хищение, а уничтожение имущества (ст. 167 УК РФ);
- изъятие и обращение имущества в свою пользу: изъятие – выход имущества из владения собственника, обращение – использование его виновным как своего собственного (продажа, дарение, потребление);
- предмет хищения – чужое имущество;
- причинение ущерба собственнику: хищение всегда влечёт уменьшение имущественной массы потерпевшего [2, С. 172].

Рассмотрим формы хищения чужого имущества.

Кража – это тайное хищение чужого имущества без применения насилия и без ведома владельца. Например, человек заходит в магазин, прячет в карман дорогой парфюм, обходит кассы и выходит, не оплачивая товар. Это классическая кража, так как он умышленно забрал чужую собственность без разрешения и намерен оставить её у себя навсегда.

Или другой пример – злоумышленник замечает на парковке автомобиль с открытым окном. Он быстро забирает лежащий на сиденье ноутбук и скрывается. Здесь также присутствуют признаки кражи – тайное хищение чужого имущества.

Кража считается оконченной с момента, когда преступник получил возможность распоряжаться похищенным (даже если он еще не успел его продать или использовать по своему усмотрению). Даже если владелец позже обнаружил пропажу, это не меняет квалификацию деяния как кражи.

Признак тайности является главным признаком, по которому состав кражи отграничивается от других составов, связанных с хищением [3, С. 181]. Кража как форма хищения отличается от грабежа или разбоя, так как совершается тайно, без насилия или угроз. Наказание зависит от стоимости похищенного и обстоятельств (например, мелкое хищение или уголовно наказуемая кража).

Грабёж – это преступление, при котором преступник незаконно завладевает имуществом другого лица, применяя насилие или угрозу насилия, но без ограбления личности [4, С. 120]. Например, человек подходит к прохожей на улице, выхватывает у неё из рук сумку и убегает, пока жертва не успела среагировать. В этом случае грабёж квалифицируется как открытое хищение чужого имущества, поскольку действие совершено в присутствии потерпевшей, явно и демонстративно, но без применения насилия, опасного для жизни или здоровья.

Грабёж отличается от кражи открытым характером (жертва или свидетели осознают момент хищения). Если при грабеже применяется насилие, опасное для жизни (например, использование оружия), деяние переqualифицируется в разбой. Наказание за грабёж строже, чем за кражу, и зависит от степени угрозы, размера ущерба и наличия отягчающих обстоятельств (например, группой лиц).

Мошенничество – это хищение чужого имущества или приобретение права на него путем обмана или злоупотребления доверием [5, С. 88]. Например, человек создаёт фиктивный Интернет-магазин с «суперскидками» на популярные товары (например, гаджеты). Покупатели оплачивают заказы, но вместо товаров получают пустые коробки или вообще ничего. Это классическое мошенничество, так как злоумышленник умышленно вводит людей в заблуждение, чтобы завладеть их деньгами.

Или другой пример. пожилой женщине звонят, представляясь «сотрудником банка», и сообщают, что её карта «взломана». Под предлогом «защиты средств» мошенники просят назвать PIN-код или перевести деньги на «безопасный счёт». Женщина, поверив, выполняет указания, после чего деньги списываются со счета. Здесь ключевой элемент – злоупотребление доверием и использование ложной информации.

Мошенничество всегда связано с обманом или злоупотреблением доверием (жертва добровольно передаёт имущество, не понимая, что её вводят в заблуждение). Отличается от кражи и грабежа отсутствием прямого хищения – имущество переходит к преступнику «по воле» обманутого лица.

Разбой – это нападение с целью хищения чужого имущества, совершенное с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой такого насилия [6, С. 330]. Например, водителя такси останавливают под предлогом поездки, после чего один из пассажиров наносит ему удар по голове, а второй забирает выручку из автомобиля. Применение физического насилия, способного причинить вред здоровью, переводит хищение в категорию разбоя.

Разбой отличается от грабежа применением насилия, опасного для жизни/здоровья, или угрозой такого насилия (например, демонстрация оружия). В отличие от кражи, разбой может считаться оконченным преступлением уже в момент нападения, даже если преступник не успел завладеть имуществом. Наказание за разбой значительно строже, чем за кражу или грабёж, и часто связано с длительными сроками лишения свободы (особенно при отягчающих обстоятельствах: группа лиц, проникновение в жилище, крупный ущерб).

Присвоение – это хищение чужого имущества, вверенного виновному, то есть, когда лицо незаконно обращает в свою пользу имущество, которым оно управляет или распоряжается на законных основаниях. Например, сотрудник банка, ответственный за управление клиентскими вкладами, тайно переводит средства со счетов клиентов на свой личный счёт, подделывая документы и маскируя операции под «технические ошибки». Это присвоение, так как деньги были вверены ему по службе, а он обратил их в свою пользу.

Или другой пример. Курьерская компания доверяет водителю доставку дорогостоящего груза. Водитель, вместо выполнения заказа, продаёт товар через чёрный рынок и присваивает выручку. Здесь имущество было передано ему законно, но использовано в корыстных целях.

В отличие от кражи при присвоении имущество уже находится у виновного на законных основаниях, в то время, когда при краже имущество изначально не вверено преступнику. Также отличительным признаком присвоения и кражи является способ совершения преступления: присвоение – нарушение доверия собственника, кража – тайное хищение без доверительных отношений.

Растрата – это хищение чужого имущества, вверенного виновному, путем его незаконного расходования, потребления или отчуждения в корыстных целях. Например, бухгалтер компании получает аванс в размере 500 000 рублей для оплаты услуг подрядчика. Вместо выполнения обязательств он тратит эти деньги на покупку автомобиля для себя, подделывая акты выполненных работ. Это растрата – целенаправленное использование вверенных средств в личных целях, что привело к их невозврату.

Или другой пример. Менеджер по закупкам получает от компании деньги на приобретение офисной техники. Он покупает товары по завышенным ценам через подставную фирму, а разницу присваивает. Здесь растрата сочетается с мошенничеством.

В современных условиях развития российской правовой системы постоянно возрастает общественная опасность хищений чужого имущества, которые составляют основную группу преступлений против собственности. В своей совокупности они вносят дезорганизацию в экономическую жизнь страны, создают возможности для паразитического обогащения одних за счет других, а также негативным образом влияют на неустойчивых членов общества.

Собственность всегда была и является экономической основой функционирования любого общества. Это предполагает необходимость ее охраны от различного рода посягательств, среди которых особое место занимают хищения. Надежная правовая охрана имущественных отношений от преступных посягательств и других противоправных действий является неотъемлемым условием успешного развития современной экономики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дамирова В. И. Проблемы уголовно-правовой конструкции хищений // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2024. № 12-1(99). С. 84–88.
2. Молчанова С. В. Преступления против собственности : учебное пособие. Ижевск, 2024. 200 с.
3. Суровцев А. П. Кража и проблемы её отграничение от других преступлений // Студенческие исследования, идеи и инновации : сборник статей II Международной научно-практической конференции, Пенза, 20 июня 2024 года, 2024. С. 181–183.
4. Кантемиров Е. А. Проблемы назначения наказания за грабеж // Актуальные проблемы деятельности подразделений уголовно-исполнительной системы : сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, Воронеж, 19 октября 2023 года. Воронеж, 2023. С. 119–121.
5. Абдульмянова Т. В. Уголовное право. Особенная часть: краткий курс лекций : учебное пособие / Т. В. Абдульмянова, И. П. Асанова, М. А. Жадяева. Том Раздел VIII. Саранск : Афанасьев Вячеслав Сергеевич, 2023. 100 с.
6. Рубаненко Е. О. Уголовная ответственность за разбой. Разграничение от смежных составов преступления // Вестник науки. 2025. Т. 2. № 2(83). С. 328–335.

**CONCEPT AND QUALIFYING FEATURES OF THEFT AS A FORM OF THEFT OF OTHER
PEOPLE'S PROPERTY**

Azisov Abdulkarim Ruslanovich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

Уголовно-правовая охрана собственности остается в настоящее время одной из важнейших функций государства. Каждое второе корыстное преступление – это хищение в форме кражи, поэтому изучение практики привлечения к уголовной ответственности лиц, совершивших соответствующие преступные деяния, показывает, что судебными органами зачастую допускаются ошибки в их квалификации.

Ключевые слова: хищение, тайное хищение, чужое имущество, покушение на хищение, квалифицирующие признаки, кража.

Criminal law protection of property currently remains one of the most important functions of the state. Every second acquisitive crime is theft in the form of theft, therefore, a study of the practice of bringing to criminal liability persons who have committed the corresponding criminal acts shows that the judicial authorities often make mistakes in their qualifications.

Keywords: theft, secret theft, someone else's property, attempted theft, qualifying features, theft.

В соответствии с действующим уголовным законодательством РФ кража является формой хищения чужого имущества. Нужно сказать, что из всех форм хищения, предусмотренных нормами уголовного законодательства, именно кража является самой распространенной формой хищения, так как в соответствии с судебной статистикой совершается более чаще чем другие формы хищения.

Так, согласно статистическим данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации количество корыстных преступлений против собственности ежегодно увеличивается. Так, в Российской Федерации в 2019 году осуждено 945 529 лиц, осуществивших хищение в форме кражи, в 2020 году – 946 515 лиц, в 2021 году – 946 881 лицо, в 2022 году – 947 174 лица, в 2023 году – 947 893 лица, в 2024 году – 948 452 лица [1].

Ежегодное увеличение числа краж сопровождается высокой латентностью таких преступлений, что необходимо учитывать при анализе их общественной опасности. Рост краж из года в год требует внимания к их высокой скрытой природе (латентности), усложняющей оценку реальных масштабов. При анализе ежегодной динамики краж важно учитывать, что значительная часть этих деяний остаётся неучтённой из-за их латентности. Латентность означает, что многие преступления не регистрируются или не раскрываются, что искажает статистику и требует корректировки мер противодействия.

Широкая распространенность хищений в форме кражи, увеличение их количества, многообразие мнений относительно вопросов квалификации хищений в форме кражи, отграничения кражи от смежных составов преступлений свидетельствуют о необходимости теоретического и практического осмысления правовой сущности хищений в форме кражи, а также разработки предложений, направленных на совершенствование уголовно-правового регулирования общественных отношений, возникающих в сфере преступного посягательства на собственность [2].

Статья 158 УК РФ структурно состоит из четырех частей. Данное обстоятельство позволяет утверждать о том, что преступление, запрещенное ст. 158 УК РФ, состоит из четырех составов [3, С. 244]:

1) основной состав кражи (ч. 1 ст. 158 УК РФ) представлен одним видом хищения чужого имущества – кражей, совершенной без отягчающих обстоятельств. Так, например, Смирнов и Столбов предварительно обговорив между собой план их действий, взломали дверь склада оптовой организации, проникли внутрь помещения и похитили 3 ящика водки, 2 мешка сахара, 15 кг колбасных изделий на общую сумму 25 тысяч рублей. Все похищенное они перенесли в автомобиль, который они припарковали недалеко от склада и перевезли в гараж Смирнова. Через 3 дня все похищенное было обнаружено сотрудниками полиции при обыске гаража. Суд квалифицировал совершенное преступление по ч. 1 ст. 158 УК РФ [4].

2) квалифицированный состав кражи (ч. 2 ст. 158 УК РФ) представлен четырьмя видами хищения чужого имущества:

а) группой лиц по предварительному сговору. Так, например, Фадеев, Попов и Нефедов распивая

спиртные напитки в гараже у Фадеева договорились вскрыть соседний гараж, принадлежащий Нуянзину, и завладеть строительным инструментом, который там хранился. Осуществив задуманное Фадеев, Попов и Нефедов перетащили весь строительный материал и инструменты в гараж Фадеева, который планировали в дальнейшем продать и разделить прибыль поровну. На стадии продажи строительного материала и инструментов, были задержаны сотрудниками правоохранительных органов. Фадеева, Попова и Нефедову суд назначил наказание в виде 1,5 лет лишения свободы по п. «а» ч. 2 ст. 158 УК РФ.

б) с незаконным проникновением в жилище или иное хранилище. Так, например, Сафронов, проходя мимо дома Кафтановой, увидел, что одно из окон дома приоткрыто, а хозяйка в это время была у соседки. Перепрыгнув через забор, Сафронов прошел по участку до дома, открыл окно и залез в дом Кафтановой. Проникнув в дом, Сафронов собрал все ценное имущество Кафтановой и покинул его тем же способом (через окно). Через некоторое время Сафронов был задержан у себя в комнате общежития, где проживал. Всё похищенное Сафронов успел сбыть по соседям общежития. Суд назначил наказание в виде двух лет лишения свободы по п. «б» ч. 2. Ст. 158 УК РФ.

в) с причинением значительного ущерба гражданину. Так, например, в г. Ковылкино Республики Мордовия за кражу велосипеда у местного жителя был осужден дачник Иванов. Преступление было совершено при следующих обстоятельствах: Иванов обратил внимание на оставленный без присмотра велосипед, когда проходил мимо магазина. В отсутствие свидетелей Иванов взял его и откатил за угол здания. Убедившись, что за ним никто не побежал, мужчина сел на велосипед и поехал к себе на дачу. Транспортное средство он спрятал в сарай, предполагая оставить в личное пользование. Судом было назначено наказание в виде двух лет лишения свободы (условно) по п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ.

г) из одежды, сумки или другой ручной клади, находившихся при потерпевшем.

В частности, для того чтобы содеянное виновными квалифицировать по п. «а» ч. 2 ст. 158 УК РФ необходимо установить, что тайное хищение чужого имущества осуществляли двое или более лиц, отвечающих требованиям надлежащего субъекта преступления, между которыми состоялся сговор на совершение хищения чужого имущества тайным способом – до начала выполнения объективной стороны общественно опасного деяния.

3) особо квалифицированный состав кражи (ч. 3 ст. 158 УК РФ) представлен четырьмя видами хищения чужого имущества

а) с незаконным проникновением в жилище;

б) из нефтепровода, нефтепродуктопровода, газопровода;

в) в крупном размере. Так, например, в Чамзинском районе Республики Мордовия два студента предстали перед судом по обвинению в краже имущества. По данным следствия, в конце декабря 2023 года соучастники, являвшиеся несовершеннолетними, помогали разгружать товарно-материальные ценности из грузового автомобиля, съехавшего в кювет возле поселка Чамзинка. В это время они решили совершить хищение части товара, который в последующем продать. Ночью обвиняемые пришли на участок местности, где был сложен товар, и похитили оттуда несколько упаковок чая и две головки блока цилиндров всего на сумму 296.000 рублей. Похищенное имущество они закопали в снегу, а затем переместили в гараж к местному жителю. В последующем похищенное имущество было изъято из гаража и передано представителю потерпевшего. Следствием им предъявлено обвинение в совершении преступления, предусмотренного п. «в» ч. 3 ст. 158 УК РФ (кража).

г) с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств. Так, например, Зотов О. Н. нашел на тротуаре банковскую карту, принадлежащую потерпевшей Алёнкиной А. В. В этот же день Зотов О. Н. в нескольких магазинах «Магнит» и «Пятерочка» расплатился с помощью «находки», похитив тем самым около 25 тысяч рублей. Суд квалифицировал его действия по пункту «г» части 3 статьи 158 УК РФ, приговорив к полутора годам лишения свободы [5].

Или другой пример. Жительница Ковылкинского района Республики Мордовия привлечена к уголовной ответственности за кражу 40 000 рублей с карты приятеля. Следователи полиции предъявили обвинения 35-летней сельчанке в преступлении, предусмотренном п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ «Кража». Как было установлено, 21 августа потерпевший попросил обвиняемую приобрести ему спиртное в магазине. Для расчетов передал ей свою банковскую карту и назвал от нее PIN-код. После этого оба пошли в квартиру к мужчине. Как только приятель уснул, женщина воспользовалась ситуацией, взяла карту и в ближайшем банке сняла с нее 40 000 рублей. Вернувшись в квартиру, она положила платежное средство на стол и ушла. О краже потерпевший узнал следующим утром, когда проснулся и увидел уведомление в своем телефоне. Мужчина позвонил знакомой, с которой отдыхал накануне вечером, но женщина заявила, что денег не брала. После этого мужчина обратился в полицию. Благодаря записям с камеры видеонаблюдения, установленных в месте расположения банкомата, сотруд-

ники уголовного розыска вычислили личность похитительницы и задержали ее. Свою вину она признала и рассказала, что потратила украденные деньги на личные нужды. Виновной было предъявлено обвинение п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ.

4) исключительно квалифицированный состав кражи (ч. 4 ст. 158 УК РФ) представлен двумя видами хищений чужого имущества:

а) организованной группой;

б) в особо крупном размере. Так, в Мордовии зарегистрирован факт хищения более 1,1 млн рублей под предлогом замены электросчетчика. В отдел полиции № 3 УМВД России по г.о. Саранск обратилась 72-летняя местная жительница с сообщением о совершении в отношении нее факта кражи под предлогом оказания услуги по замене электросчетчика. Сумма ущерба составила 1 133 000 рублей. Выяснилось, неизвестные вышли на связь с заявительницей утром 10 сентября 2024 года. Они сообщили о необходимости замены индивидуального прибора учета электроэнергии в квартире и предложили оформить заявку. В ходе дальнейшей беседы звонившие пояснили, что услуга по замене электросчетчика бесплатная, необходимо лишь установить на телефон приложение компании и зарегистрироваться в нем. Пожилая женщина, согласившись, выполнила все рекомендации неизвестных, в том числе указала свои персональные данные и данные банковской карты, на счету которой находилось 900 тысяч рублей. После этого с ней должны были связаться представители подрядной организации для согласования даты и времени. Однако больше ей никто не звонил от энергокомпании, а с банковского счета были списаны все сбережения. Кроме того, в тот же день на пенсионерку был оформлен онлайн-кредит на сумму 200 000 рублей, деньги злоумышленники перевели на неизвестный счет. Потерпевшая в результате обратилась в полицию.

Или другой пример. Участники организованной группы Б. и В. по указанию руководителя организованной группы Х. на грузовом автомобиле под управлением Б. прибыли к участку подъездного железнодорожного пути, где стали ожидать железнодорожную платформу, груженую старогодными деревянными шпалами третьей категории в количестве 200 штук, принадлежащими ОАО «РЖД». В свою очередь, Х., как руководитель организованной группы, с целью незаконного обогащения и обеспечения тайности хищения, привлек к совершению кражи подчиненного ему, и находящегося на смене неустановленного составителя поездов производственной базы, дав ему указание подать железнодорожную платформу, находящуюся на территории базы, груженую указанными шпалами, на участок подъездного железнодорожного пути. Не установленный составитель поездов на предложение Х. согласился, вступив тем самым в предварительный сговор, направленный на тайное хищение чужого имущества.

В это время участники организованной группы Б. и В., находясь возле указанного участка подъездного железнодорожного пути, залезли на железнодорожную платформу и скинули с неё на землю принадлежащие ОАО «РЖД» 200 старогодных деревянных шпал третьей категории, общей стоимостью 6000 руб., которые частями, загружая в кузов грузового автомобиля, и в целях конспирации, укрывая их фрагментом геотекстиля под управлением Б. перевезли на огороженный земельный участок, где впоследствии участники организованной группы использовали их в строительстве гаража [6].

Для определения квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков кражи необходимо учитывать все обстоятельства совершения преступления, которые были рассмотрены выше.

Общественная опасность кражи обусловлена её многоаспектным негативным влиянием – от индивидуальных потерь до системных угроз для экономики и правопорядка. Борьба с ней требует не только уголовно-правовых мер, но и профилактики, повышения правовой культуры и эффективности работы правоохранительных органов.

На сегодняшний день возрастает актуальность противодействия хищениям, что обусловлено как процессом глобализации, выраженном в преобразовании всего миропорядка, так и стремительного развивающимися информационными технологиями [7, С. 45].

Борьба с кражами требует комплексного подхода, сочетающего профилактику, правовые механизмы и технологические решения. Ключевыми направлениями можно назвать следующие меры борьбы с кражами:

1. Профилактические меры:

– повышение уровня безопасности (например, установка систем видеонаблюдения, сигнализаций, современных замков в жилых домах, магазинах, офисах; использование GPS-меток для ценного имущества (автомобилей, электроники);

– просветительская работа (например, информирование граждан о способах защиты имущества (через социальную рекламу, семинары); обучение сотрудников магазинов и предприятий методам предотвращения краж.

2. Усиление правового регулирования:
 - строгая уголовная ответственность;
 - ужесточение наказаний за повторные кражи или хищения в крупных размерах;
 - введение дополнительных санкций за организацию преступных групп, осуществляющих хищения;
 - чёткое определение квалифицирующих признаков кражи (например, с проникновением в жилище, с использованием служебного положения);
 - упрощение процедуры возмещения ущерба потерпевшим через суд.
3. Эффективная работа правоохранительных органов:
 - оперативное реагирование;
 - ускорение расследования краж благодаря цифровым технологиям (анализ записей с камер, электронных следов);
 - создание мобильных групп для патрулирования мест с высоким уровнем краж (рынки, транспорт, парки);
 - стимулирование граждан к обращению в полицию (упрощение процедуры подачи заявлений, онлайн-регистрация);
 - повышение доверия к правоохранителям через открытость и прозрачность их работы.
4. Технологические решения:
 - использование искусственного интеллекта для анализа данных и прогнозирования краж (например, в ритейле);
 - применение блокчейна для учёта и защиты прав собственности (например, на дорогие товары);
 - создание единых баз данных украденных вещей (например, серийные номера техники), доступных для правоохранителей и граждан.
5. Социально-экономические меры:
 - снижение мотивации к кражам через программы поддержки малоимущих, трудоустройства, социальные льготы;
 - программы перевоспитания для осуждённых за кражи (обучение профессиям, психологическая помощь).

В заключении можно сказать, что уголовно-правовая охрана собственности остается в настоящее время одной из важнейших функций государства. Каждое второе корыстное преступление – это хищение в форме кражи, поэтому изучение практики привлечения к уголовной ответственности лиц, совершивших соответствующие преступные деяния, показывает, что судебными органами зачастую допускаются ошибки в их квалификации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации / Судебная статистика 2019–2024 гг. // URL: <http://www.cdep.ru>
2. Абдульмянова Т. В. Уголовное право. Особенная часть: краткий курс лекций : учебное пособие / Т. В. Абдульмянова, И. П. Асанова, М. А. Жадяева. Том Раздел VIII. Саранск : Афанасьев Вячеслав Сергеевич, 2023. 100 с.
3. Столярова Ю. Н. Некоторые вопросы квалификации кражи чужого имущества // Евразийский юридический журнал. 2017. № 11 (114). С. 243–245.
4. Уголовное дело № 6-52/2018 / Архив Октябрьского районного суда г. Саранска Республики Мордовия // URL: <http://oktyabrsky.mor.sudrf.ru/>
5. Уголовное дело № 3-42/2020 / Архив Октябрьского районного суда г. Саранска Республики Мордовия // <http://oktyabrsky.mor.sudrf.ru/>
6. Приговор № 1-100/2018 / Архив Ковылкинского районного суда Республики Мордовия // URL: <https://rospravosudie.com>
7. Методы расследования и практика противодействия наиболее распространенным формам хищений / М. Х. Гельдибаев, И. И. Иванов, И. Н. Кондрат, Т. Г. Николаева // Мониторинг правоприменения. 2024. № 4(53). С. 45–49.

УДК 343.9

РЕЦИДИВНАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ: КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ И МЕРЫ ПРОФИЛАКТИКИ

Асанова Ирина Павловна, кандидат филологических наук, доцент

Игнатова Марина Сергеевна, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: i.p.asanova@ruc.su; st809206@ruc.su

RECIDIVISM: CRIMINOLOGICAL ANALYSIS AND PREVENTIVE MEASURES

Asanova Irina Pavlovna, PhD (Philology), Associate Professor

Ignatova Marina Sergeevna, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

Рецидивная преступность остается одной из наиболее актуальных проблем уголовного права и криминологии. Поскольку большинство преступников, отбывших наказание, возвращаются к преступной деятельности, рецидивная преступность продолжает представлять для общества серьезную угрозу. В настоящее время, статистика демонстрирует нам, что уровень рецидива в различных странах колеблется от 40% до 70%. Исходя из этого можно говорить о том, что предупреждения повторных преступлений недостаточно эффективны.

Ключевые слова: рецидивная преступность, рецидив, исправление, ресоциализация осужденных, психология рецидивной преступности, профилактика рецидива.

Recidivism remains one of the most pressing issues in criminal law and criminology. Since most criminals who have served their sentences return to criminal activity, recidivism continues to pose a serious threat to society. Currently, statistics show us that the recidivism rate in different countries ranges from 40% to 70%. Based on this, we can say that the prevention of repeated crimes is not effective enough.

Keywords: recidivism, recidivism, correction, rehabilitation of convicts, psychology of recidivism, prevention of recidivism.

Актуальность данной темы обусловлена несколькими факторами, играющими ключевую роль в текущем исследовании. Во-первых, из-за высокой степени рецидивной преступности подрывается доверие общества к правовой системе и уголовно-исполнительной политики. Многие граждане считают, что пенитенциарная система не выполняет одну из своих основных функций – перевоспитание и исправление осужденных. Во-вторых, недостатки в системе реабилитации бывших осужденных приводит к маргинализации, что увеличивает риск повторного совершения преступлений. В-третьих, рост социально-экономических проблем также влияет на уровень преступности. Экономическая нестабильность, безработица, социальное неравенство и цифровизация преступного мира создают препятствия для поддержания правопорядка. Современные технологии позволяют преступниками быстрее адаптироваться после выхода из мест лишения свободы, находить новые способы совершения преступлений и взаимодействовать с криминальной средой, даже во время отбывания наказания.

Так что же такое рецидив? Рецидив преступлений – совершение умышленного преступления лицом, имеющим судимость за ранее совершенное умышленное преступление [1]. Этот феномен представляет собой одну из наиболее сложных проблем, как уголовного права, так и криминологии, поскольку он означает, что наказания неэффективны и в системе исправления и ресоциализации осуждённых присутствуют недостатки.

Рецидивная преступность включает преступления, совершаемые преступниками как сразу после освобождения, так и спустя длительное время. Среди основных факторов, способствующих рецидиву, можно выделить криминогенные качества личности, экономическая нестабильность, социальная дезадаптация, влияние криминальной среды, а также недостатки уголовно-исполнительной системы.

Рецидивисты – это лица, которые систематически совершают преступления, несмотря на предыдущие судимости. Они составляют особую криминологическую категорию, характеризующуюся следующими признаками:

- высокая степень криминальной деформации личности – рецидивисты, как правило, обладают устойчивым антисоциальным поведением, что приводит к моральной деградации, и затрудняют исправление таких лиц. Зачастую они имеют примитивные интересы или не имеют их вообще, а также перестают видеть какие-либо перспективы в своей жизни. Совершение преступлений для них стало своеобразной профессией.

- низкий уровень социальной адаптации – многие рецидивисты не могут вновь влиться в общество после освобождения из мест лишения свободы. У них проявляются такие симптомы как безразличие ко всему, повышенная тревожность и возбудимость, частая смена настроения и чрезмерное эмоциональное реагирование на раздражитель.

- трудности с трудоустройством и жильём – у рецидивистов отсутствует стабильный источник дохода и социальных связей, что повышает вероятность повторного совершения преступления. Дело в том, что наличие прошлых судимостей, отрицательно воспринимается при первой встрече с работодателем.

- влияние криминальной среды – бывшие осужденные зачастую остаются в кругу преступных связей, что способствует их возвращению к преступной деятельности. Они будут стремиться к самоутверждению и завоеванию авторитета среди своих преступных товарищей. Способны вовлечь в свои ряды новых лиц.

- сложность постпенитенциарной профилактики – многие рецидивисты стараются избегать внимание правоохранительных органов, что усложняет их ресоциализацию. Подобные меры восприни-

маются ими как карательные, и ничем не отличаются от способа воздействия в местах лишения свободы.

Поскольку рецидивная преступность представляет из себя сложное социальное явление, существует совокупность различных факторов, которые способствуют ей, как в сочетании друг с другом, так и по отдельности. К ним относятся: социально-экономические, психологические и юридические факторы [2]. Рассмотрим подробнее каждый из них.

Социально-экономические оказывают значительное влияние на вероятность повторного совершения преступления. Освобождённый из мест лишения свободы сталкивается с трудностями адаптации, что может подтолкнуть его к возвращению в криминальную среду. Среди них можно выделить:

- бедность и отсутствие источника дохода. Многие бывшие осуждённые оказываются в сложном материальном положении, у них нет сбережений, а возможность заработать легальным путём ограничена из-за отношения общества к ним. Поэтому бедность становится одним из факторов, подталкивающих к совершению новых преступлений, особенно корыстного характера (кража, грабёж, мошенничество).

- безработица и дискриминация на рынке труда. Как говорилось ранее, легальный заработок может вызвать трудности по причине того, что большинство работодателей неохотно берут на работу лиц с судимостью. Даже при наличии квалификации бывшие заключённые сталкиваются с предвзятым отношением. В результате среди них многие остаются безработными, что также повышает риск рецидива.

- утрата социальных связей. Осуждённые, к сожалению, часто теряют контакт с близкими людьми. Примеров довольно полно: семья отвергает их, друзья отворачиваются, а общество относится настороженно. Отсутствие поддержки приводит к ощущению ненужности, что также способствует возвращению к преступной деятельности.

Важную роль в проявлении рецидива играют психологические особенности личности преступника. Сформировавшиеся в ходе преступной деятельности или пребывания в местах лишения свободы, устойчивые черты характера и деформация личности делают процесс исправления крайне сложным. К ним можно отнести:

- агрессивность и низкий уровень самоконтроля. У большинства рецидивистов наблюдается повышенный уровень агрессии, особенно у тех, кто совершает насильственные преступления. Решать конфликт мирным путём – не про них, и зачастую они прибегают к насильственным методам.

- импульсивность и неспособность планировать свою жизнь. Многие преступники не задумываются о будущем и живут одним днём. Долгосрочные цели это не про них.

- деформация личности и стойкие криминальные наклонности. Лица, которые неоднократно совершали преступления, зачастую воспринимают преступный образ жизни как норму. Они оправдывают свои поступки, отрицают вину, и во всём винят окружающих.

Юридические факторы выявляют недостатки уголовно-исполнительной системы, которые также способствуют рецидивной преступности. Выделяют такие показатели как:

- неэффективность наказания как метода исправления. Не всегда лишение свободы положительно влияет на осуждённых, как способ исправления. Происходит усугубление криминальных наклонностей, а исправительное учреждение превращается в «школу преступности».

- сложность ресоциализации после освобождения. Когда человек возвращается из мест лишения свободы зачастую у него отсутствуют ресурсы для начала новой жизни, то есть нет работы, жилья, притуплены навыки для социальной адаптации. А государственные программы помощи таким лицам не всегда работают эффективно.

- отсутствие индивидуального подхода в пенитенциарной системе. Это связано с тем, что в исправительных учреждениях редко разрабатываются персонализированные программы исправления, учитывающие психологические особенности заключённого, что снижает шансы на его успешную адаптацию после освобождения.

Также хотелось бы отметить, что окружение, в котором оказывается человек, значительно влияет на его поведение и склонность к повторному совершению преступления. Многие рецидивисты сохраняют связи с криминальными авторитетами, которые вовлекают их в новые преступления. Вернувшись к знакомому окружению, бывший заключённый часто не видит иной альтернативы, кроме как продолжение преступной деятельности. Осуждённые, неоднократно отбывающие наказание в местах лишения свободы, всё больше усваивают ценности криминальной субкультуры, формируются устойчивые иерархические структуры, которые пропагандируют антиобщественные взгляды. Следовательно, после освобождения такие люди продолжают придерживаться криминального образа жизни.

Поэтому необходимо применять комплекс мер, которые включают в себя образовательные, социальные, психологические, медицинские и другие меры, направленные на коррекцию поведения и мотивов преступника [3]. Для предотвращения повторных преступлений важно изменить систему нака-

заний и улучшить условия содержания осужденных, в плане разработок индивидуального подхода к исправлению с учётом психологических особенностей заключенного. Это могут быть образовательные программы, курсы, психологическая помощь. Важно, чтобы эти люди получали качественную психологическую поддержку и помощь в подготовке к жизни после освобождения. Как говорилось ранее в статье, бывшие заключённые после выхода из мест лишения свободы сталкиваются с трудностями интеграции в общество. Для решения этих проблем можно прибегнуть к следующим программам: программы трудоустройства (государственные квоты на рабочие места для бывших заключённых; сотрудничество с частными компаниями, предоставляющими рабочие места лицам с судимостью; создание социальных предприятий, работающих с бывшими осужденными), образовательные и профессиональные курсы (введение в тюрьмах обязательных курсов повышения квалификации; обучение практическим навыкам, востребованным на рынке труда), жилищные программы (временные центры проживания для бывших заключённых, позволяющие им найти работу и адаптироваться к жизни на свободе), восстановление социальных связей (программы семейной медиации, направленные на воссоединение освобождённых с родными; социальные проекты, создающие поддержку для бывших осужденных).

Не менее важную роль в предотвращении рецидива будут играть психологические программы, направленные на изменение криминального мышления и формирование позитивных социальных установок. Работа с агрессивностью и зависимостями, куда входит терапия для лиц с агрессивным поведением и реабилитационные программы для наркозависимых и алкоголиков. Развитие методик психологической диагностики, которые позволят выявить, какие заключённые имеют высокую вероятность повторного совершения преступления, и назначить таким лицам специальные коррекционные программы. Так будет учитываться не только тяжесть преступлений, но и повысится вероятность того, что осужденный встанет на путь исправления.

В заключении хочется сказать, что борьба с рецидивной преступностью всё же требует не только ужесточения наказаний, но и кардинального изменения подходов к ресоциализации осуждённых. Только комплексный подход, включающий социальные, экономические, правовые и психологические меры, способен снизить уровень повторных преступлений и способствовать успешной интеграции бывших заключённых в общество.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уголовный кодекс Российской Федерации : федер. закон: [принят Гос. Думой 24 мая 1996 г. № 63–ФЗ; в ред. от 1 марта 2025 г.] // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
2. Злоказов К. В. Оценка личностных, межличностных и социальных проблем в ресоциализации лиц, привлекавшихся к уголовной ответственности // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2023. – № 3 (99). – С. 218–226.
3. Пыхтин Е. П. Предупреждение и профилактика рецидивов преступлений // Молодой ученый. – 2023. – № 23 (470). – С. 373–375.

УДК 347

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ НЕЗАКОННОМУ СБЫТУ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ В УСЛОВИЯХ СРЕМТЕЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ И ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Асанова Ирина Павловна, кандидат филологических наук, доцент

Ежов Артемий Алексеевич, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: i.p.asanova@ruc.su; ezh.ac@ruc.su

COUNTERING THE ILLEGAL SALE OF NARCOTIC DRUGS IN THE CONTEXT OF THE RAPID DEVELOPMENT OF INFORMATION AND TELECOMMUNICATION TECHNOLOGIES

Asanova Irina Pavlovna, PhD (Philology), Associate Professor

Yezhov Artemy Alekseevich, master's student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

Статья посвящена анализу современных тенденций и правовых проблем, связанных с незаконным оборотом наркотических средств в условиях цифровой трансформации. Исследование фокусируется на особенностях квалификации преступлений, предусмотренных п. «б» ч. 2 ст. 228.1 УК РФ, в контексте использования электронных и информационно-телекоммуникационных сетей (ИТС). На основе анализа законодательства и судебной практики выявлены терминологические проблемы, связанные с разграничением понятий «электронная сеть» и ИТС. Особое внимание уделено способам и методам обналичивания преступных доходов через криптовалютные миксеры и децентрализованные финансовые системы. Предложены подходы к совершенствованию правового регулирования и усиление международного сотрудничества.

Ключевые слова: незаконный оборот наркотиков, информационно-телекоммуникационные сети, даркнет, Tor, криптовалюты, квалификация преступлений, бланкетные нормы, FATF, технологическая конвергенция, отмывание доходов.

The article is devoted to the analysis of current trends and legal problems related to illicit drug trafficking in the context of digital transformation. The study focuses on the specifics of the qualification of crimes provided for in paragraph "b" of Part 2 of Article 228.1 of the Criminal Code of the Russian Federation in the context of the use of electronic and information and telecommunication networks (ITS). Based on the analysis of legislation and judicial practice, terminological problems related to the differentiation of the concepts of "electronic network" and ITS have been identified. Special attention is paid to the ways and methods of cashing out criminal proceeds through cryptocurrency mixers and decentralized financial systems. Approaches to improving legal regulation and strengthening international cooperation are proposed.

Keywords: drug trafficking, information and telecommunication networks, darknet, Tor, cryptocurrencies, crime classification, blank standards, FATF, technological convergence, money laundering.

Проблематика незаконного оборота наркотических средств демонстрирует устойчивую тенденцию к росту, приобретая всё более структурированный, транснациональный и трансграничный характер [1, 8].

Согласно данным правоохранительных органов, в 2023 году зафиксирован рост количества преступлений в данной сфере до 190,9 тыс. случаев (прирост на 15 % относительно 2022 г.), из которых 108,1 тыс. квалифицировались как акты сбыта [2, 6].

Широкое использование информационных и телекоммуникационных технологий в преступной деятельности обусловлено их уникальными характеристиками, такими как удалённость, децентрализация, транснациональность и даёт возможность сохранять свои анонимность для других пользователей и государства.

Анализ динамики, проведенный в рамках Всемирного доклада о наркотиках 2024 года, указывает на рост интеграции криминальных сетей с легальными финансовыми системами посредством различных криптовалют, что затрудняет отслеживание транзакций и привлечение к уголовной ответственности лиц, осуществляющих сбыт наркотических средств.

При этом важно отметить рост цифровой грамотности преступных групп. Так, в 2024 году почти в каждом третьем преступлении, связанным со сбытом наркотиков использовались электронные или информационно-телекоммуникационные сети, а также, анонимайзеры использующиеся в целях сокрытия собственного IP-адреса для обеспечения анонимности и (или) для выхода в Даркнет, различные алгоритмы шифрования, а также мессенджеры (Signal, Telegram), что на 27 % превышает показатели 2022 года.

При этом по настоящее время существует проблема разграничения терминов «электронная сеть» и «информационно-телекоммуникационная сеть» в научной литературе. Несмотря на кажущуюся схожесть, их смешение или разграничение в зависимости от контекста может приводить к терминологической неопределённости, что критично для юридических, технических и социологических исследований.

Данная проблема в виде нормативной неопределённости обусловлена бланкетным характером законодательной формулировки п. «б» ч. 2 ст. 228.1 УК РФ.

Использование союзов «либо» и «или» в диспозиции рассматриваемой нормы позволяет предположить, что термины «электронная сеть» и «информационно-телекоммуникационная сеть» не являются тождественными, а указывают на альтернативные способы совершения преступления.

Согласно ст. 2 Федерального закона № 149-ФЗ информационно-телекоммуникационная сеть (далее по тексту ИТС) определяется как технологическая система, обеспечивающая передачу информации по линиям связи с применением средств вычислительной техники, тогда как понятие «электронная сеть» в законодательстве прямо не урегулировано [1, 3].

По своей сути ИТС представляет собой более широкий термин, который включает в себя как физическую инфраструктуру (как в электронной сети), и программное обеспечение (протоколы, алгоритмы шифрования), так и логическую организацию данных (маршрутизация, управление трафиком).

Электронная сеть подразумевает физическую инфраструктуру, передающую данные в электронной форме: кабели, маршрутизаторы, серверы, модемы. Ее основа – это аппаратная составляющая (Ethernet, Wi-Fi).

При этом применение электронных сетей связи не всегда означает использование ИТС, так как не в каждом случае при помощи электронных сетей происходит обращение к базам данных (например, общение посредством мобильного или стационарного телефона, или радиосвязи между двумя субъектами).

Технологическая конвергенция, характерная для современных коммуникаций, стирает границы между указанными категориями, что подтверждается правоприменительной практикой.

Например, суды неоднократно отвергали требования о разграничении терминов, указывая, что использование Интернета (как глобальной компьютерной сети) одновременно предполагает вовлечение как электронных, так и информационно-телекоммуникационных компонентов.

В решении по делу В. суд подчеркнул, что передача данных через мессенджер Telegram посред-

ством Интернета охватывается обоими понятиями, так как процесс включает как физическую передачу сигналов (электронная сеть), так и программную обработку информации (ИТС) [3,4].

Аналогичную позицию занял Верховный Суд РФ, квалифицировав применение Интернета при сбыте наркотиков как использование обоих типов сетей [2, 5].

Всё это демонстрирует тенденцию к практическому объединению терминов, которое находит своё отражение даже в формулировках приговоров, где можно встретить такой обобщённый термин как «электронно-телекоммуникационные сети» [4, 6].

Таким образом в контексте сбыта наркотических средств большинство правоведов и судей придерживается позиции тождественности данных дефиниций [5, 7]. С их позицией можно согласиться, а в Докладе НИУ ВШЭ «Цифровая трансформация: риски и безопасность» 2023 года данные термины используются как синонимы. Авторы Доклада объясняют эту тождественность «единым технико-информационным пространством Интернета» [7, 8].

Даркнет представляет собой анонимную сеть, функционирующую поверх Интернета недоступную и неиндексируемую для стандартных поисковых систем, что требует использования специализированных инструментов, таких как The Onion Router (TOR), обеспечивающих шифрование трафика и скрытие IP-адресов.

Tor (The Onion Router) – это система анонимного обмена данными, разработанная в середине 1990-х годов американскими военными исследователями Полом Сайверсоном, Майклом Ридом и Дэвидом Голдшлагом из лаборатории Naval Research Laboratory для обеспечения приватности в Интернете, ключевой особенностью которой является многослойное шифрование и маршрутизация трафика через случайные узлы (серверы) по всему миру. Изначально она предназначалась для защиты государственной связи, но в 2000-х годах стала открытой и перешла под управление некоммерческой организации The Tor Project.

Так, при подключении к Тор весь трафик пользователя шифруется в несколько слоёв (отсюда название «луковая маршрутизация»). Каждый узел в цепочке расшифровывает только свой слой, узнавая лишь адрес следующего сервера, но не конечной цели. При этом трафик проходит через три узла: входной (хранит IP пользователя), промежуточный и выходной (отправляет данные в открытый Интернет). Даже если один из узлов скомпрометирован, полная информация о пути пакета остаётся недоступной, что делает невозможным отслеживание исходного IP-адреса. Посредством этой технологии обеспечивается доступ к onion-сайтам, которые представляют собой скрытые сервисы, доступные исключительно через сеть Тор. Их домены генерируются криптографически.

При этом по мнению экспертов до 50 % onion-сайтов связаны с нелегальной деятельностью в том или ином виде и проявлении. Наиболее распространенным видом противозаконной деятельности в Даркнете является деятельность, связанная с незаконным сбытом наркотических средств.

Для обналаживания преступных наркотических доходов преступники внедряют сложные схемы, включая криптовалютные миксеры, такие как Tornado Cash, размывающие связь между исходными и конечными кошельками, а также децентрализованные финансовые протоколы (DeFi) для конвертации криптовалют в стейблкоины без обязательных KYC-проверок.

Фиктивные онлайн-магазины, имитирующие легальную торговлю цифровыми услугами, служат каналом вывода средств через эквайринговые системы, что затрудняет отслеживание правоохранительными органами.

После закрытия Hydra в 2022 году её нишу заняла платформа Mega, которая использует улучшенные методы анонимизации, такие как интеграция криптовалюты Monero и шифрование чатов, что позволило ей контролировать до 42 % наркооборота в Даркнете уже в 2024 году.

Регуляторные меры, такие как введение FATF Travel Rule в 2023 году, обязывающее криптовалютные биржи передавать данные о транзакциях, снизили возможность использования легальных площадок для отмывания, однако преступники адаптировались, переходя на анонимные криптовалюты и уходя в теневые зоны DeFi.

При этом законодательные инициативы демонстрируют ограниченную эффективность из-за региональных различий в политике: например, либеральные политики в Нидерландах стимулируют трансграничную преступность, а операции вроде Operation Dark HunTor, координируемые международными организациями по типу Interpol и Европола, приводят к временным успехам, но не решают системные проблемы.

Таким образом стратегии противодействия незаконному сбыту наркотических средств требуют комплексного подхода, включая технологический мониторинг с использованием AI для анализа паттернов в блокчейне, международное сотрудничество в рамках операций против наркоцепочек, а также образовательные программы, направленные на противодействие участия молодёжи в даркнет-торговле.

Понимание механизмов функционирования Даркнета остаётся критически важным для разработки

мер, которые не только противодействуют преступности, но и минимизируют социальные риски, связанные с распространением наркотиков, формируя основу для долгосрочных решений в области кибербезопасности и здоровья населения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Об информации, информационных технологиях и о защите информации : федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
2. Апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации от 17 января 2018 г. № 48-АПУ17-30 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
3. Апелляционное определение Верховного суда Чувашской Республики от 5 сентября 2017 г. по делу № 22-2023/2017 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
4. Кассационное определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 19 мая 2020 г. № 77-701/2020 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
5. Винокуров В.Н., Агафонов А.В. Особенности квалификации сбыта наркотических средств с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет) // Уголовное право. 2023. № 1.
6. Статистическая отчетность за 2024 г. Форма: 1-МВ-НОН (171) // Портал ГИАЦ. URL: https://xn--b1aew.xn--plai/mvd/structure1/Centri/Glavnij_informacionno_analiticheskij_cen
7. Цифровая трансформация: эффекты и риски в новых условиях / Национальный портал в сфере Искусственного интеллекта. 2023. URL: https://ai.gov.ru/knowledgebase/investitsionnaya-aktivnost/2023_cifrovaya_transformaciya_effekty_i_riski_v_novyh_usloviyah_niu_vshe/
8. UNODC. World Drug Report 2024: доклад. 2024. URL: https://www.unodc.org/documents/data-and-analysis/WDR_2024/2411140R.pdf

УДК 343

КЛАССИФИКАЦИЯ ФОРМ ХИЩЕНИЯ ЧУЖОГО ИМУЩЕСТВА ПО СПОСОБУ ИХ СОВЕРШЕНИЯ

Басанин Михаил Валерьевич, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st810405@ruc.su

CLASSIFICATION OF FORMS OF THEFT OF OTHER PEOPLE'S PROPERTY BY THE METHOD OF THEIR COMMITMENT

Basanin Mikhail Valerievich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В современной российской правовой системе хищения чужого имущества, занимающие доминирующую долю в преступлениях против собственности, представляют растущую угрозу для общества. В данной статье автором рассматривается понятие хищения чужого имущества; характеризуются основные признаки хищения; рассматриваются формы хищения; приводятся примеры хищения чужого имущества.

Ключевые слова: уголовное право, уголовный закон, преступление, хищение, объект преступления, формы хищения, собственность, преступления против собственности, кража, грабеж, разбой, мошенничество, присвоение, растрата.

In the modern Russian legal system, theft of other people's property, which occupies a dominant share in crimes against property, poses a growing threat to society. In this article, the authors discuss the concept of theft of someone else's property; the main signs of theft are characterized; forms of theft are considered; examples from judicial practice of imposing punishment for theft of someone else's property are given.

Keywords: criminal law, criminal law, crime, theft, object of crime, forms of theft, property, crimes against property, theft, robbery, robbery, fraud.

В Уголовном кодексе Российской Федерации ответственность за хищение чужого имущества дифференцируется в зависимости от того, каким способом совершается посягательство на отношения собственности [1, С. 179].

Способ совершения хищения позволил законодателю выделить следующие формы хищения: кражу, грабеж, разбой, присвоение, растрату, мошенничество.

Рассмотрим основные и исключительные характеристики вышеуказанных форм хищения чужого имущества.

Кража – это тайное хищение чужого имущества без применения насилия и без ведома владельца. Например, женщина оставляет свою сумку на скамейке в торговом центре, отойдя на несколько метров, чтобы посмотреть на витрину. В это время мужчина, сидящий рядом, незаметно открывает сумку, достает кошелек с деньгами и телефон, после чего быстро покидает место происшествия. Жертва обнаруживает пропажу только через 10 минут, когда возвращается к своей сумке.

Этот пример иллюстрирует кражу, так как имущество было изъято тайно, без ведома потерпевшей и без применения насилия.

Ключевыми признаками кражи являются:

- тайность действий – хищение совершено в отсутствие владельца, без его осознания в момент преступления;
- отсутствие насилия или угроз – преступник не вступает в контакт с жертвой и не применяет силу;
- завладение чужим имуществом;
- корыстная цель – личное обогащение за счет чужой собственности.

Кража считается оконченной с момента, когда преступник получил возможность распоряжаться похищенным (даже если он еще не успел его продать или использовать по своему усмотрению). Даже если владелец позже обнаружил пропажу, это не меняет квалификацию деяния как кражи [2].

Грабеж – это открытое хищение чужого имущества, совершенное с применением насилия или угрозой его применения. Например, человек в маске подходит к прохожему на безлюдной улице поздним вечером, угрожает ножом и требует отдать кошелек, телефон и ценные вещи. Потерпевший, испугавшись за свою жизнь, выполняет требования. Преступник забирает имущество и скрывается с места происшествия.

Этот пример иллюстрирует грабеж, так как здесь есть прямой контакт с жертвой, угроза насилием и хищение имущества.

Ключевыми признаками грабежа являются:

- открытость действия – преступление совершается в присутствии потерпевшего/свидетелей;
- применение насилия или угрозы – использование ножа и запугивание.
- цель – завладение чужим имуществом.

Мошенничество – это хищение чужого имущества или приобретение права на него путем обмана или злоупотребления доверием. Например, человек получает сообщение на телефон от «сотрудника банка», который сообщает о подозрительной активности на его счете. Злоумышленник просит срочно «подтвердить данные карты» для защиты средств, направляя жертве ссылку на поддельный сайт, имитирующий интерфейс банка. Потерпевший вводит номер карты, CVV-код и пароль из SMS, после чего с его счета списываются все деньги.

Этот пример иллюстрирует мошенничество, так как хищение происходит без насилия, через манипуляцию информацией и сознанием жертвы. В отличие от грабежа, здесь нет прямого контакта или угрозы физической расправой.

Ключевыми признаками мошенничества являются:

- обман или злоупотребление доверием;
- цель – завладение чужим имуществом;
- добровольная передача имущества жертвой – потерпевший сам передает данные, будучи введенным в заблуждение.

Разбой – это нападение с целью хищения чужого имущества, совершенное с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой такого насилия. Например, группа преступников врывается в квартиру, вооруженная пистолетом и ножами. Один из них приставляет оружие к виску хозяина, угрожая убить, если тот не отдаст деньги и драгоценности. Другой преступник связывает членов семьи, а третий обыскивает помещение, забирая наличные, электронику и ювелирные изделия. Перед уходом злоумышленники наносят хозяину удар по голове, чтобы обездвигнуть его, после чего скрываются.

Ключевыми признаками разбоя являются:

- нападение с применением опасного насилия;
- цель – завладение имуществом;
- реальная угроза жизни/здоровью – даже если жертва не получила тяжелых травм, применение оружия или иного опасного насилия достаточно для квалификации как разбой.

Присвоение – это хищение чужого имущества, вверенного виновному, то есть, когда лицо незаконно обращает в свою пользу имущество, которым оно управляет или распоряжается на законных основаниях. Например, сотрудник склада, ответственный за хранение и учет товаров, получил партию дорогой электроники для передачи в розничные магазины компании. Вместо выполнения своих обязанностей он составил поддельные документы о «браке» части товаров, списал их со счетов компании, а затем продал через знакомых, присвоив вырученные деньги. Руководство обнаружило недостачу только через месяц при проведении аудита.

Этот пример иллюстрирует присвоение, так как сотрудник, имея законные полномочия, незаконно обратил вверенные ему ценности в свою собственность, нарушив договор доверия с работодателем.

Ключевыми признаками присвоения являются:

- имущество вверено виновному;

– злоупотребление доверием – использование служебного положения для незаконного обращения имущества в свою пользу;

– сокрытие хищения – подделка документов, чтобы скрыть факт исчезновения товаров;

– цель – личное обогащение – продажа товаров и присвоение денег.

Растрата – это хищение чужого имущества, вверенного виновному, путем его незаконного расходования, потребления или отчуждения в корыстных целях. Например, финансовый директор компании получил доступ к корпоративному счету для оплаты налогов и других обязательных платежей. Вместо выполнения служебных обязанностей он начал переводить средства со счета на свой личный банковский счет под предлогом «временного займа», обещая вернуть деньги. Полученные средства он потратил на покупку автомобиля и отдых за границей. Через полгода аудиторы обнаружили недостачу, а восстановить украденные деньги не удалось – они уже были израсходованы.

Этот пример иллюстрирует растрату, так как ответственное лицо, имея легальный доступ к средствам, незаконно израсходовало их в личных целях, нарушив доверие работодателя.

Ключевыми признаками растраты являются:

– имущество вверено виновному;

– незаконное расходование/отчуждение;

– корыстная цель – личное обогащение, а не выполнение рабочих задач;

– невозврат средств или имущества.

Перечисленные выше формы хищения имеют особенности, которые дают возможность отличить один состав преступления от другого. Для того, чтобы правильно квалифицировать преступление, необходимо еще точно установить юридические признаки хищения.

Рассмотрев формы хищения чужого имущества, можно выделить следующие основные его признаки:

1. Корыстная цель – предполагает стремление лица посредством совершения преступного деяния получить в свое фактическое обладание или фактическое обладание других лиц чужое имущество. Другими словами, рассматриваемая цель преступления обычно обусловлена личной выгодой или выгодой для лица, совершающего преступление. Сюда могут входить такие мотивы, как приобретение богатства, власти или контроля, удовлетворение личных желаний.

2. Противоправность деяния – означает, что завладение чужим имуществом противоречит положениям законодательства, и виновный не имеет ни реального, ни предполагаемого права на похищаемое имущество.

3. Безвозмездность завладения предметом преступного посягательства – подразумевает его изъятие без соответствующего возмещения, т. е. бесплатно или с символическим либо неадекватным возмещением.

4. Изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц – включает в себя реальный переход имущества из фондов собственника (или иного владельца), и поступление этого имущества в фонды виновного лица [3].

Формы хищения классифицируются по способу совершения, степени насилия и общественной опасности. Правильная квалификация важна для выбора меры наказания и защиты прав потерпевших. Квалификация форм хищения требует анализа объективных и субъективных признаков деяния. Решающую роль играют способ совершения преступления, характер насилия и степень угрозы для общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Карясова Е. В.* Формы хищения в Уголовном праве России, сравнительная характеристика // Вестник науки. 2024. Т. 1. № 2(71). С. 177–183.

2. *Абдульмянова Т. В.* Уголовное право. Особенная часть: краткий курс лекций: учебное пособие / Т. В. Абдульмянова, И. П. Асанова, М. А. Жадяева. Том Раздел VIII. Саранск, 2023. 100 с.

3. *Сверчков В. В.* Уголовное право. Общая и Особенная части: учебник для вузов. Москва : Юрайт, 2025. 741 с.

УДК 343.1

ТИПЫ НАРУШЕНИЙ ЗАКОННОСТИ ПРИ ПРИМЕНЕНИИ ПОЛИЦИЕЙ МЕР АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ

Бутяйкин Денис Дмитриевич, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st808077@ruc.su

TYPES OF VIOLATIONS OF THE LAW WHEN THE POLICE USE ADMINISTRATIVE COERCIVE MEASURES

Butyaikin Denis Dmitrievich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

Изучение нарушений законности при применении мер административного принуждения представляет собой сложную задачу, недостаточно освещенную в административно-правовой науке. Отсутствует систематизация видов таких нарушений, а существующие исследования в основном касаются общих вопросов законности применения мер принуждения, а не конкретных типов правонарушений. Проблема незаконных действий полиции при применении мер административного принуждения, таких как задержание, рассматривалась лишь фрагментарно в рамках более широких исследований.

Ключевые слова: закон, правоохранительные органы, административное принуждение, задержание, правонарушение.

The study of violations of the law in the application of administrative coercion measures is a complex task, insufficiently covered in administrative and legal science. There is no systematization of the types of such violations, and existing studies mainly concern general issues of the legality of the application of coercive measures, rather than specific types of offenses. The problem of illegal police actions in the application of administrative coercion measures, such as detention, has been considered only fragmentarily within the framework of broader studies.

Keywords: law, law enforcement agencies, administrative coercion, detention, offense.

Оценка эффективности применения административного принуждения полицией основывается не только на количественных показателях, но и на качественных аспектах. Особое значение здесь имеет соблюдение сотрудниками правовых норм при реализации таких мер [1, с. 57]. Это делает критически важным изучение механизмов, способствующих укреплению законности в данной области. На первый план выходят исследования, посвященные административно-правовым средствам, которые обеспечивают правомерность принудительных действий со стороны правоохранительных органов.

Важнейшим элементом выступает система контроля и обратной связи, помогающая не только фиксировать нарушения правовых стандартов, но и своевременно корректировать подходы. Так, внедрение цифровых систем мониторинга действий полицейских может снизить вероятность злоупотреблений, повышая прозрачность и ответственность.

Не менее значима профессиональная подготовка сотрудников, направленная на осознание границ между применением принуждения и защитой прав граждан. Тренинги, имитирующие сложные правовые ситуации, развивают навыки принятия решений в рамках законодательства.

Ключевым остается совершенствование правовой базы, отвечающей современным реалиям. Это включает четкие стандарты соразмерности принудительных мер, а также механизмы обжалования, укрепляющие доверие к правоохранительным институтам. Совокупность технологических решений, обучения и законодательных обновлений формирует основу для законного и обоснованного применения принуждения.

Определение результативности использования административного принуждения полицией требует комплексного подхода, учитывающего как численные данные, так и содержательные критерии. Важнейшим фактором остаётся строгое следование сотрудниками правовых предписаний в процессе применения таких мер. Это актуализирует необходимость анализа инструментов, способствующих укреплению правопорядка в указанной сфере. Особое внимание уделяется изучению административно-правовых методов, гарантирующих законность действий правоохранительных структур при использовании принуждения.

Краеугольным камнем в этой системе становится механизм контроля и корректировки, который не только идентифицирует отступления от юридических норм, но и позволяет оперативно вносить изменения в практику. Например, цифровизация надзора за действиями полицейских сокращает пространство для произвола, усиливая открытость и accountability (подотчётность) их работы.

Помимо этого, фундаментальную роль играет непрерывное обучение персонала, ориентированное на поиск баланса между правом на принуждение и обязанностью защищать гражданские свободы. Интерактивные тренинги, воссоздающие конфликтные правовые сценарии, совершенствуют умение действовать в рамках правового поля.

Не менее важным направлением является модернизация законодательства, синхронизированного с динамикой общества. Речь идёт о разработке объективных параметров адекватности принудительных мер и создании доступных процедур обжалования, что укрепляет социальное доверие к органам правопорядка. Интеграция технологических инноваций, образовательных программ и правовых реформ формирует надёжный фундамент для справедливого и обоснованного применения силовых полномочий.

Профессиональные ошибки в квалификации или практической деятельности нередко становятся

причиной служебных нарушений при использовании мер административного принуждения [2, с. 229]. Трактовка законности действий полиции как соответствия законодательным требованиям подразумевает, что любое отклонение от норм, регулирующих компетенцию, основания, цели, процедуру, условия применения мер, а также установленные сроки и правила документирования, считается нарушением законности.

Ключевым элементом здесь выступает соблюдение границы компетенций: их нарушение расценивается как злоупотребление полномочиями и может квалифицироваться как дисциплинарный проступок, административное правонарушение или уголовно наказуемое деяние. Другие отступления от правовых норм, включая ошибки в правоприменении, варьируются в зависимости от формы государственного принуждения – будь то предупреждение, пресечение, процессуальное обеспечение или наложение взыскания.

Базовым условием законности остается наличие правового основания для применения меры:

- состав административного правонарушения – для наказания;
- материальные и процессуальные основания – для обеспечения производства;
- общественная опасность ситуации – для пресечения;
- потенциальная угроза – для предупредительных мер.

Распространённым нарушением, подтверждённым исследованиями разных периодов (советского и современного), является использование принуждения без достаточных правовых оснований.

Отдельную проблему представляет превышение допустимых пределов вреда при применении специальных мер административного пресечения. В целом, нарушение законности в этой сфере – это системное отклонение от требований закона, затрагивающее компетенцию, основания, цели, процедуру, условия, сроки и документальное оформление принудительных действий.

Категоризация нарушений в сфере применения принудительных мер базируется на отклонениях от законодательных требований, регулирующих их правомерное использование [3, с. 14]. Типология таких нарушений выстраивается на основе критериев законности, включающих: превышение полномочий – применение мер сотрудниками, не обладающими соответствующими полномочиями; отсутствие законных оснований – использование принуждения без предусмотренных законом причин; пренебрежение условиями применения – несоблюдение обстоятельств, при которых допустимо использование конкретных мер; искажение целевой направленности – применение мер для достижения целей, не закреплённых законом; нарушение процессуальных норм – отклонение от правил назначения наказаний, сроков или документального оформления; отступление от процедуры – несоблюдение регламента при реализации мер пресечения, процессуального обеспечения или предупреждения; превышение допустимого ущерба – причинение вреда, выходящего за установленные законом рамки при применении специальных мер.

Такая систематизация выявляет ключевые проблемы в правоприменительной практике, связанные с нарушением законодательных требований на разных стадиях административного процесса. Это позволяет точнее диагностировать слабые места в работе правоохранительных органов и корректировать механизмы соблюдения законности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Преступления в сфере экономики и против государственной власти: учебно-методическое пособие / Т. В. Абдульмянова, И. П. Асанова, В. В. Данилов; Саран. Кооп. ин-т (фил.) РУК. Саранск : РИЦ МГПИ, 2020. 153 с.
2. Данилов В. В., Котляров С. Б. Тактические приёмы применения криминалистической фотографии при расследовании преступлений // В книге: Результаты современных научных исследований : материалы Международной научно-практической конференции. В 2-х частях. Редколлегия: Р. Р. Хайров (отв. ред.) [и др.]. Саранск, 2021. С. 227–231.
3. Губанищев В. В. Криминалистический анализ механизма преступной деятельности в сфере экономики : автореф. дис.. канд. юрид. н. / В. В. Губанищев // Нижегородская академия МВД России. Нижний Новгород, 2009. 24 с.

УДК 343

РОЛЬ АДВОКАТА В ДОКАЗЫВАНИИ СОСТОЯНИИ АФФЕКТА ОБВИНЯЕМОГО В МОМЕНТ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Голованова Екатерина Сергеевна, магистрант

Солдатова Татьяна Вячеславовна, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: 9168487813@mail.ru; SoldatovaTV@yandex.ru

THE ROLE OF A LAWYER IN PROVING THE DEFENDANT'S STATE OF PASSION AT THE TIME OF THE CRIME

Golovanova Ekaterina Sergeevna, Master's Degree student

Soldatova Tatyana Vyacheslavovna, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье рассматриваются особенности участия адвоката в уголовных делах, связанных с совершением преступлений в состоянии аффекта. В частности, рассмотрены обстоятельства, имеющие значения для построения линии защиты с целью доказывания наличия аффекта у обвиняемого в момент совершения противоправного деяния.

Ключевые слова: адвокатская деятельность, адвокат, состояние аффекта, патологический аффект, физиологический аффект, юридическая психология, судебно-психологическая экспертиза

The article examines the specifics of the lawyer's participation in criminal cases involving the commission of crimes in a state of passion. In particular, the circumstances that are important for building a line of defense in order to prove the presence of affect in the accused at the time of the commission of the unlawful act are considered.

Keywords: advocacy, lawyer, state of passion, pathological affect, physiological affect, legal psychology, forensic psychological examination

При формировании линии защиты по уголовному делу, в котором есть основания полагать, что совершенное преступление явилось следствием нахождения обвиняемого в состоянии аффекта, адвокату необходимо четко представлять, что такое аффект, какие ситуации являются причиной его возникновения и как он может проявляться.

Аффект представляет собой внезапно возникающее сильное душевное волнение, которое характеризуется кратковременностью такого эмоционального состояния. Аффект может продолжаться всего несколько минут, при этом сознание человека является подавленным, а действия неконтролируемыми. Поэтому при аффекте наблюдаются хаотичные движения и спутанность речи [1, с. 24].

Указанное дает основания говорить об аффекте, как о состоянии, при котором правоспособность человека является пониженной.

Аффект может существовать в двух видах: в виде патологического аффекта и физиологического.

Наиболее критическим с точки зрения эмоционального состояния является патологический аффект. Его интенсивность достигает такой степени, что воля человека фактически парализуется [2, с. 489].

При наличии патологического аффекта можно говорить об исключении вменяемости лица, совершившего преступление, что является основанием для освобождения от уголовной ответственности.

Раскрывая понятие физиологического аффекта, необходимо акцентировать внимание на том, что он не исключает вменяемость, но существенно влияет на ограничение сознания человека. То есть, совершая преступление в состоянии физиологического аффекта, человек вполне отдает отчет своим действиям и в какой-то мере может управлять ими. В связи с указанным основания для исключения уголовной ответственности за совершение преступления в состоянии физиологического аффекта отсутствуют [3].

Таким образом, вступая в дело, адвокату необходимо тщательно изучить материалы на наличие обстоятельств, которые могли бы свидетельствовать о нахождении обвиняемого в состоянии аффекта, чтобы соответствующим образом выстроить свою позицию по делу.

Это необходимо в связи с тем, что наличие аффекта дает основания для квалификации совершенного преступления по статье 107 или 113 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – Уголовный кодекс РФ), которые предусматривают менее суровое наказание, чем по аналогичным составам, но без особых смягчающих обстоятельств [4].

В связи с указанным адвокату необходимо удостовериться, что обстоятельства дела включают в себя такие признаки, как наличие отклоняющихся от норм общественного поведения действий потерпевшего, которые он совершал по отношению к обвиняемому либо его близким до момента совершения преступления. Также важное значение будет иметь наличие длительной психотравмирующей ситуации, в которой находился обвиняемый вследствие противоправных действий потерпевшего.

Стоит отметить, что складывающаяся судебная практика принимает во внимание только длительные психотравмирующие ситуации, которые вызваны именно поведением потерпевшего. Иные ситуации, имеющие длительный характер и оказывающие влияние на эмоциональную стабильность человека, даже при наличии состояния аффекта в момент совершения преступления не будут являться основанием для квалификации преступления как совершенного в состоянии аффекта.

Так, например, М. был привлечен к уголовной ответственности за убийство лица, которое незаконно проникло в его автомобиль. Экспертное заключение показало, что в момент совершения преступления М. действительно находился в состоянии физиологического аффекта, однако, аффект был

вызван длительными проблемами М. со здоровьем, из-за которых он испытывал постоянные переживания и находился в эмоциональном напряжении. Противоправное поведение погибшего хотя и вызвало аффективную разрядку, однако, непосредственно с его действиями состояние аффекта связано не было [5].

Кроме того, отдельное внимание стоит обратить на момент возникновения умысла на совершение преступления: он должен возникнуть до того, как закончилось состояние аффекта. В ситуациях, когда такой умысел возник у обвиняемого после того, как сильное душевное волнение отступило, постановка вопроса о переквалификации преступления с общего состава на привилегированный является бессмысленной.

Поскольку адвокат и судья не обладают специальными познаниями в психологических науках, для квалификации деяний, как совершенных в состоянии аффекта, важное значение имеет судебно-психологическая экспертиза. Однако, как показывает практика, суды не всегда руководствуются выводами, содержащимися в заключениях экспертов. Не редкость дела, в которых в отсутствие подтвержденного экспертизой состояния аффекта, суды всё равно квалифицируют деяние, как совершенное в состоянии эмоционального возбуждения.

В одном из дел суд указал, что несмотря на заключение эксперта об отсутствии состояния аффекта у Р. в момент совершения преступления, имеют место иные обстоятельства, свидетельствующие о нахождении обвиняемого в длительной наносящей вред его психике ситуации. Поскольку такая ситуация была вызвана противоправными действиями погибшего, суд пришел к выводу о возможности квалификации убийства как совершенного в состоянии аффекта [6].

Таким образом, крайне важна роль адвоката в сборе доказательств, которые могут подтвердить, что действительно со стороны потерпевшего допускалось систематическое психологическое либо физическое насилие, которое особым образом повлияло на психоэмоциональное состояние обвиняемого в момент совершения противоправного деяния. К таким доказательствам, в частности, могут относиться показания самого обвиняемого, подкрепленные показаниями свидетелей.

Для построения позиции по делу адвокату необходимо также обратить внимание на отдельные элементы поведения обвиняемого в момент совершения преступления. К примеру, состояние аффекта часто сопровождается сном обвиняемого после совершения преступления, что объясняется выплеском энергии. Из свидетельских показаний может следовать, что он вел себя необычным образом, совершал беспорядочные движения. Необходимо обратить внимание на описание свидетелями внешнего вида обвиняемого: не был ли он бледен, не тряслись ли у него руки.

У обвиняемого может наблюдаться потеря ориентации во времени либо в восприятии окружающих предметов. Так, например, свидетели могут указывать, что до приезда полиции прошло 30 минут, в то время как обвиняемый может утверждать, что полиция приехала сразу.

Важно отметить, что реакции психики людей на аффективные состояния могут быть различными. Так, встречаются ситуации, когда после совершения преступления человек ведет себя холодно и безучастно, что может создать впечатление о его равнодушии к ситуации. Однако, такое поведение тоже является разновидностью реакции психики на аффективную разрядку [7, с. 1879].

Указанное подтверждает важность всестороннего анализа адвокатом фактических обстоятельств дела с целью последующего правильного составления вопросов, которые необходимо поставить перед экспертом, а также формирования наиболее выгодной позиции для защиты.

Подводя итог вышеизложенному, можно сделать вывод, что для определения вероятности нахождения обвиняемого в состоянии аффекта в момент совершения преступления, необходимо проанализировать три вида данных.

Во-первых, адвокату требуется установить обстоятельства, которые существовали до совершения преступления с целью установления наличия противоправного поведения со стороны потерпевшего. Значение могут иметь любые факты, свидетельствующие о наличии психологического либо физического насилия. Особое внимание стоит уделить установлению обстоятельств, которые могут указывать на длительный характер такого насилия.

Во-вторых, необходим анализ поведения обвиняемого в момент совершения преступления. Так, стоит обратить внимание на типичность поведения человека при совершении противоправного деяния, на то, какие орудия он применял, а именно были ли они подготовлены заранее, либо обвиняемый использовал предметы, находящиеся поблизости. Также важно определить момент возникновения умысла на совершение преступления, поскольку, как указывалось ранее, он непосредственно связан с состоянием аффекта и не может возникнуть после его окончания.

В-третьих, адвокату необходимо акцентировать внимание на том, как себя вел обвиняемый после совершения преступления. Проанализированы должны быть такие моменты, как поведение лица после совершения деяния и наличие у него полных воспоминаний о произошедшем.

Совокупность описанных данных может свидетельствовать о наличии состоянии аффекта у обвиняемого в момент совершения преступления и, соответственно, будет являться основанием для принятия адвокатом соответствующих действий с целью инициирования судебно-психологической экспертизы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Караваева Ю. С.* Уголовно значимые правовые состояния как специальные признаки субъекта преступления // Российский юридический журнал. 2023. № 6. С. 23–27.
2. *Болотбекова Э. К.* Уголовно-правовая и психологическая характеристика убийства в состоянии аффекта // Вестник Международного Университета Кыргызстана. 2023. № 4 (52). С. 486–491.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.99 № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» // СПС «КонсультантПлюс»
4. Уголовный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ; ред. от 28.02.2025 // Российская газета. 1996. № 113.
5. Апелляционное определение СК по уголовным делам Верховного Суда РФ от 8 сентября 2016 г. № 14-АПУ16-12 // СПС «КонсультантПлюс»
6. Приговор Кировского районного суда г. Саратова от 9 апреля 2016 г. по делу № 1–7/2015 // СПС «КонсультантПлюс»
7. *Иванова О. В.* Проблематика квалификации убийства, совершенного в состоянии аффекта // Научный аспект. 2024. Т. 15. № 1. С. 1877–1882.

УДК 34.09

ОЦЕНКА ВВЕДЕНИЯ АДВОКАТСКОЙ МОНОПОЛИИ В СОВРЕМЕННЫХ РЕАЛИЯХ

Гордяскина Валерия Валерьевна, студент

Турков Артем Валерьевич, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: lera.gordyaskina@bk.ru; Artem.turkov.92@bk.ru

ASSESSMENT OF THE INTRODUCTION OF A LAWYER'S MONOPOLY IN MODERN REALITIES

Gordyaskina Valeria Valeryevna, student

Turkov Artem Valerievich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье рассматриваются ключевые аспекты и последствия внедрения адвокатской монополии в России. Автор анализирует как исторические предпосылки, так и современные вызовы, стоящие перед юридической профессией. Особое внимание уделяется влиянию монополии на доступ граждан к правовой помощи, а также на качество юридических услуг.

Ключевые слова: адвокатура, адвокатская монополия, судебный процесс, юридическая помощь

The article examines the key aspects and consequences of the introduction of a lawyer's monopoly in Russia. The author analyzes both the historical background and the modern challenges facing the legal profession. Particular attention is paid to the impact of monopoly on citizens' access to legal aid, as well as on the quality of legal services.

Keywords: advocacy, legal monopoly, judicial process, legal aid

Одним из ключевых факторов, обеспечивающих реализацию конституционных прав граждан на квалифицированную юридическую помощь и судебную защиту, выступает институт адвокатуры. Этот институт играет важную роль в обеспечении доступа как граждан, так и юридических лиц к правосудию. В этой связи актуально развивать и совершенствовать законодательство, регулирующее адвокатскую деятельность. Это послужит базой для улучшения уровня юридических услуг и повышения профессионализма судебного представительства. Обсуждение о введении адвокатской монополии для представительства сторон в судах ведется уже достаточно долго. Недавний проект «О внесении изменений в государственную программу Российской Федерации «Юстиция», который был представлен в Правительство России, вновь вызвал активные дебаты среди научного сообщества.

В ходе общественного обсуждения Проекта поступали предложения отклонить проект постановления в части, предполагающей введение в России адвокатской монополии, которые не были учтены разработчиком позиций участников общественного обсуждения из-за того, что государственная программа «Юстиция» является документом стратегического планирования и сама по себе не влечет установления обязательных требований, проектом постановления не предусмотрено введения монополизации адвокатской деятельности, а также тотального запрета для всех физических лиц на представление интересов доверителей в судебном процессе без статуса адвоката [2].

В связи с чем становится весьма примечательным интервью Светланы Володиной к 160-летию

российской адвокатуры. В нем президент Федеральной палаты адвокатов на вопрос о принятии решения о монополизации адвокатуры ответила следующим образом: «На данный момент концепция реформирования судебного представительства, разработанная Министерством юстиции РФ с поддержкой Федеральной палаты адвокатов РФ, была передана в Правительство. Адвокатура выбрана в качестве основной платформы для объединения практикующих юристов. Это подразумевает, что представлять интересы граждан и организаций в судебных инстанциях смогут исключительно адвокаты, обладающие действующим статусом. В то же время предусмотрены исключения для государственных служащих и корпоративных юристов, которым будет разрешено защищать интересы своих работодателей в судах». Федеральная палата адвокатов продолжительное время настойчиво лоббирует введение адвокатской монополии [3].

Введение адвокатской монополии направлено на защиту интересов доверителей от недостаточно квалифицированной юридической помощи. В настоящее время существует немало юристов без статуса адвоката, а также других лиц, предоставляющих юридические услуги, которые зачастую действуют вне правового поля. В отличие от них деятельность адвокатов четко регулируется законодательством, что обеспечивает высокие стандарты профессионализма и доверия в правовых консультациях. Но возможна ли адвокатская монополия в существующих реалиях?

Обращаясь к мировому опыту, который и служит основным доводом сторонников монополизации, обратимся к правовым системам, ранее существовавшим на территории самой России. Впервые в истории Российской империи возникло предложение о введении монополии адвокатов, продиктованное патерналистским желанием оказать помощь гражданам и устранить из судебного процесса коррумпированных поверенных присяжных [1]. Следует отметить, что эта риторика имеет параллели с современными взглядами, однако существует важное отличие: тогда адвокатура формировалась с нуля, создаваясь как новая структура. В отличие от этого, сейчас предполагается, что в объединение адвокатов войдут все текущие элементы, включая тех, кто не соответствует необходимым стандартам, и существующая адвокатура будет вынуждена самостоятельно проводить свою очистку. Вопрос о монополии стал поистине центральным в процессе создания адвокатуры, всякая попытка в этом направлении встречала энергичный отпор и решительно отвергалась. Итогом борьбы стали компромиссы большинства с меньшинством и уступка общественному мнению, а именно было решено, что монополизация адвокатуры вполне допустима как финальная цель, но вступит она в силу не раньше, чем количество присяжных поверенных будет признано «достаточным», и очевидно, что эта «достаточность» так и не была введена, а вопрос о монополии отодвинулся в неопределенное будущее.

О ситуации в советский период можно сказать немного, так как большевики изначально отвергали идею независимости как судебной системы, так и адвокатуры. В результате их правления адвокатура стала лишь слабым отражением самой себе, оказавшись под жестким контролем тоталитарного государства. Одним из ключевых аспектов этого контроля стало введение адвокатской монополии в завуалированной форме.

Сегодня адвокатская монополия распространяется лишь на ключевые категории уголовных дел. В сфере административного судопроизводства введено правило, по которому представителем может выступать только человек, обладающий высшим юридическим образованием. Введение этой нормы в статью 55 Кодекса административного судопроизводства воспринимается многими как первый шаг к монополизации, учитывая акцент на адвокатах в тексте. Среди недостатков, отмечаемых сторонниками монополии касательно неадвокатского рынка судебного представительства, выделяют ухудшение качества услуг и сложности в привлечении представителя к ответственности за возможные нарушения интересов доверителя. К сожалению, обоснованность данных утверждений, носящих предположительный характер, не проверялась. Этим же и апеллировала Светлана Володина в своем интервью: «Для граждан это служит убедительной гарантией того, что, во-первых, они имеют дело с опытными юристами, действующими в соответствии с профессиональным законодательством и, что особенно важно, Кодексом этики. Во-вторых, при нарушении закона они смогут подать жалобу в адвокатскую палату, и данный инцидент будет рассмотрен в рамках дисциплинарного разбирательства».

Интересно соотнести наличие адвокатской монополии с показателями величины судебных пошлин. Государства с наибольшими пошлинами для обычного гражданина часто отказываются от обязательного профессионального представительства. Предполагаем, что это способ компенсировать высокие расходы на пошлины: отсутствие адвокатской монополии предоставляет гражданам возможность, уже раскошелившись на значительную сумму в бюджет, сэкономить на услугах судебных представителей.

Весьма распространенное явление, обнаруживаемое в самых разных юрисдикциях, – самопредставительство делает адвокатскую монополию относительной, а не абсолютной. Наиболее распростра-

ненный аргумент в защиту монополии адвокатов утверждает, что «социально уязвимые» слои населения нуждаются в защите от неправильного выбора, который может привести к провалу дела. Этот аргумент имеет ярко выраженный патерналистский оттенок, и его логика предполагает запрет на самопредставительство. В случае внедрения адвокатской монополии можно ожидать роста числа непрофессиональных истцов, так как уменьшение предложений на рынке юридических услуг способствует росту цен на эти услуги.

Странным представляется наличие адвокатской монополии при одновременном признании права на самопредставительство: если человек может представлять свои интересы без посторонней помощи, то почему он лишен права выбрать квалифицированного представителя, не обладающего адвокатской лицензией? Назначение такого представителя значительно повысит качество судебного разбирательства по сравнению с ситуацией, когда гражданин выступает самостоятельно.

Кроме того, для успешной монополизации необходима хорошо развитая и масштабная система бесплатной юридической помощи, которая должна быть создана до введения монополии. В проекте постановления отмечается, что одной из ключевых социально ориентированных задач, возложенных на Минюст, является совершенствование системы квалифицированной юридической помощи. По данным мониторинга, проведенного Министерством юстиции, более 33,4 миллиона граждан имеют право на получение бесплатной юридической помощи.

Основные направления развития этой системы, представленные в проекте, включают улучшение законодательства, создание государственных юридических бюро по всем регионам и цифровизацию процесса оказания бесплатной помощи. В 42 регионах Российской Федерации применяется смешанная модель предоставления юридической помощи, где задействованы как государственные юридические бюро, так и адвокаты. В 36 регионах работают исключительно адвокаты, в 7 регионах – только государственные бюро, а в 2 регионах (Луганская народная Республика и Херсонская область) отсутствуют нормативные акты, регулирующие смешанную модель бесплатной юридической помощи. В Донецкой Народной Республике и Запорожской области система бесплатной юридической помощи только начинает формироваться.

Является ли это развитой и масштабной системой бесплатной юридической помощи?

В итоге мы приходим к выводу, что убедительных доводов за введение адвокатской монополии не обнаруживается. Полная адвокатская монополия в России технически нереальна в ближайшие десятилетия, поскольку с точки зрения количества дел на адвоката, существующий адвокатский корпус необходимо будет моментально удвоить, чтобы не заблокировать доступ к правосудию. Адвокатская монополия ведет к утрате независимости, создает непредсказуемый риск исчезновения профессии и в значительной степени ограничивает доступ граждан к правосудию, что обусловлено нехваткой адвокатов в системе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Верещагин А. Н. К оценке обоснованности адвокатской монополии // Экономическая политика. 2017. № 2.
2. Проект Постановления Правительства Российской Федерации «О внесении изменений в государственную программу Российской Федерации «Юстиция» (подготовлен Минюстом России 07.10.2024) : Гарант. 2025. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/56903605/>
3. Зачем готовится адвокатская монополия в судах / Российская газета. 2025. URL: <https://rg.ru/2024/11/19/zashchitnaia-reakciia.html>

УДК 343

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЗДОРОВЬЯ НАСЕЛЕНИЯ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ПРАВСТВЕННОСТИ: ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА, ПРОТИВОСТОЯНИЕ ГЛОБАЛЬНЫМ ИЗМЕНЕНИЯМ, ВЫЗВАННЫМ РАЗВИТИЕМ ХИМИЧЕСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Гусев Владислав Александрович, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: kondr.ac@ruc.su

**CRIMES AGAINST PUBLIC HEALTH AND PUBLIC MORALS: GENERAL
CHARACTERISTICS, OPPOSITION TO GLOBAL CHANGES CAUSED
BY THE DEVELOPMENT OF THE CHEMICAL INDUSTRY**

Gusev Vladislav Alexandrovich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

Статья посвящена анализу изменений в Уголовном кодексе Российской Федерации, касающихся преступлений против здоровья населения и общественной нравственности. Особое внимание уделено сравнению Главы 25 УК РФ с Главой 16, анализу изменений, направленных на борьбу с распространением синтетических каннабиноидов, и рассмотрению международного контекста данных преступлений.

Ключевые слова: Уголовный кодекс РФ, Глава 25, преступления против здоровья населения, общественная нравственность, синтетические каннабиноиды, международный контекст, Пленум Верховного Суда РФ.

The article is devoted to the analysis of changes in the Criminal Code of the Russian Federation concerning crimes against public health and public morals. Special attention is paid to comparing Chapter 25 of the Criminal Code of the Russian Federation with Chapter 16, analyzing changes aimed at combating the spread of synthetic cannabinoids, and considering the international context of these crimes.

Keywords: Criminal Code of the Russian Federation, Chapter 25, crimes against public health, public morality, synthetic cannabinoids, international context, Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation.

В уголовном праве Российской Федерации Глава 25 Уголовного кодекса РФ, «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности», занимает особое место в системе «Преступлений против общественной безопасности и общественного порядка», содержащейся в IX Разделе [1–2].

Данная значимость обусловлена рядом следующих факторов:

Во-первых, данная глава располагается второй по порядку (последовательности) в Разделе IX УК РФ.

Во-вторых, Глава 25 включает в себя статьи с 228 по 245 УК РФ, что делает её одной из наиболее объёмных в указанном разделе.

В-третьих, с момента введения в действие УК РФ, Глава 25 существенно расширилась за счёт криминализации новых деяний, отражающих изменения в общественных отношениях и появление новых угроз.

К примеру, были введены статьи, предусматривающие ответственность за незаконные производство, сбыт или пересылку наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов (статья 228.1 УК РФ).

Особенно актуально будет рассмотреть проблему ответственности за сбыт аналогов наркотиков в условиях глобальных изменений, связанных с развитием химической промышленности. Ведь до этого на территории Российской Федерации преобладали такие натуральные наркотики, как гашиш, марихуана и полусинтетический героин, производимые в странах Средней и Восточной Азии.

Однако, в период с 2008 по 2009 годы в РФ произошло значительное увеличение оборота психоактивных веществ, особенно синтетических каннабиноидов, которые ранее не подпадали под действие законодательства о наркотических средствах и распространялись под видом так называемых «солей для ванн».

Синтетические каннабиноиды, являющиеся агонистами каннабиноидных рецепторов CB₁ и CB₂, быстро и широко распространялись как в России, так и в мире. По состоянию на май 2016 года Система раннего предупреждения ЕС мониторил более 350 новых психоактивных веществ, среди которых синтетические каннабиноиды занимали лидирующие позиции.

В России с 2005 года наблюдался рост популярности курительных смесей, содержащих синтетические каннабиноиды, произведённые главным образом в Китае. К 2007 году оборот этих смесей достиг пика, и они были широко доступны через Интернет-магазины, объявления и специализированные форумы.

В апреле 2009 года в России было принято постановление о запрете оборота ряда курительных смесей и ароматизаторов из-за содержания в их составе ядовитых веществ. В декабре 2009 года JWH-018 и ряд других синтетических каннабиноидов были внесены в список наркотических средств и психотропных веществ, оборот которых в Российской Федерации запрещён.

В дальнейшем правительство России продолжало расширять список запрещённых синтетических каннабиноидов, включая JWH-250, JWH, AB-PINACA-CHM, RCS-4, RCS-8 и ur-144. Однако, несмотря на эти меры, транснациональные организованные преступные группы продолжали совершенствовать свои методы, разрабатывая новые и высокоактивные формулы психоактивных веществ, что требовало постоянного обновления законодательства и усиления контроля за их оборотом.

Данная проблема была решена только после внесения изменения в УК РФ, поскольку ранее ответственность за незаконные приобретение, хранение, перевозку, изготовление и переработку наркотических средств и психотропных веществ распространялась только на те вещества, которые были официально включены в список запрещённых, установленных Постановлением Правительства № 681 (до 2012 г.) и № 1002 (с 2012 г. По настоящее время), включая их размеры (значительный, крупный, особо крупный).

Однако с учётом появления новых синтетических каннабиноидов, не входящих в этот список, за-

конодательство было дополнено положениями, позволяющими признавать аналогичные по действию вещества наркотическими, что в свою очередь дало возможность установить уголовную ответственность за вещества, обладающие наркотическим действием, но не входящие в ранее утверждённые списки. Так, была законодательно установлена уголовная ответственность за аналоги наркотических средств, что позволило стабилизировать ситуацию.

Также важно отметить следующие нововведения, в виде появления следующих статей: нарушение правил оборота наркотических средств или психотропных веществ (статья 228.2 УК РФ); контрабанда наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров (статья 229.1 УК РФ); изготовление и оборот материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних (статья 242.1 УК РФ); использование несовершеннолетнего в целях изготовления порнографических материалов или предметов (статья 242.2 УК РФ), что еще раз подчеркивает адаптацию уголовного закона к внешним изменениям.

При этом пониженный до 14 лет возраст уголовной ответственности для данной Главы установлен только для ст. 229 УК РФ.

Данный факт говорит об особой степени общественной опасности данного деяния и необходимости ранней профилактики и пресечения вовлечения несовершеннолетних в преступную деятельность, связанную с наркотиками.

Сравнивая с предыдущими периодами, в частности с уголовным законодательством СССР, можно отметить, что вопросы, связанные с преступлениями против здоровья населения и общественной нравственности, также находили отражение в правовых нормах того времени, в виде УК РСФСР [2–3]. Однако, учитывая изменения в социально-экономических условиях, появление новых форм преступности и угроз, современный УК РФ более детально и широко устанавливает уголовную ответственность за данную категорию преступлений, что отражается в объёме и содержании Главы 25.

В международном контексте, например, в уголовном праве США, вопросы, связанные с посягательствами на здоровье населения и общественную нравственность, регулируются различными нормативными актами как на федеральном уровне, так и на уровне отдельных штатов [3–4].

Подходы к криминализации и наказанию за подобные деяния могут существенно различаться в зависимости от юрисдикции, что обусловлено федеративным устройством страны и различиями в правоприменительной практике.

Параллельно с изменениями в законодательстве, в целях обеспечения единообразного применения норм, Пленум Верховного Суда Российской Федерации издал Постановление от 15 июня 2006 года № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами». Данное постановление является единственным для всех статей Главы 25 УК РФ и предоставило судам разъяснения по ключевым вопросам квалификации преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, включая их аналоги.

Сравним Главу 25 «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности» и Главу 16 «Преступления против жизни и здоровья» Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ), в данном сравнении выявляется существенное различие в объекте посягательства.

Так, в Главе 16 это будет жизни и здоровья индивида, в то время как Глава 25 устанавливает ответственность за деяния, посягающие на здоровье и общественную нравственность неопределённого круга лиц.

При этом фундаментальные основы современного представления о здоровье были заложены ещё в середине XX века, когда в 1948 году Всемирной организацией здравоохранения было сформулировано концептуально новое, на тот момент, определение здоровья как состояния полного физического, духовного и социального благополучия, а не только отсутствия заболеваний и физических дефектов.

Данная дефиниция оказала в дальнейшем существенное влияние на развитие национальных систем здравоохранения, включая российскую. Именно исходя из нее в последующем были сформированы правовые конструкции в национальном законодательстве Российской Федерации, в частности, в п. 1 ч. 1 ст. 2 Федерального закона от 21 ноября 2011 года № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», где здоровье определяется как состояние физического, психического и социального благополучия человека, при котором отсутствуют заболевания, а также расстройства функций органов и систем организма.

Таким образом, наблюдается преемственность между международным правовым подходом, разработанным в рамках деятельности ВОЗ, и положениями российского законодательства, в котором данная категория получила не только правовое закрепление, но и институциональное значение, отражающееся в организации системы здравоохранения.

Более того, в контексте высших конституционных ценностей здоровье признаётся одной из осно-

вополагающих категорий, охраняемых и защищаемых государством, (ст. 7, ст. 41 Конституции РФ), что свидетельствует о её системообразующем характере в национальной правовой системе.

Наряду с этим, важно подчеркнуть, что здоровье в конституционно-правовом контексте тесно с другой категорией — нравственностью, которая также рассматривается как объект государственной охраны. Совокупное упоминание данных ценностей в Основном законе страны указывает на их взаимосвязанный характер, отражающийся в ориентации правовой политики Российской Федерации на обеспечение целостного, сбалансированного развития личности и общества, где физическое и психическое здоровье, а также нравственное состояние населения признаются важнейшими условиями устойчивого функционирования и развития общества [1, 4].

Общественная нравственность же включает в себя общепринятые в обществе нормы поведения, основанные на идеалах добра, чести и долга.

Существует множества трактовок учеными правоведами преступлений против здоровья населения и общественной нравственности, приведем несколько наиболее распространенных и неутративших свою актуальность.

Никулин С. И. считает, что это: «Предусмотренные гл. 25 УК РФ общественно опасные деяния, в результате совершения которых страдает здоровье неограниченного круга людей (здоровье нации) или подрывают нравственные устои общества» [5].

По мнению Яценко Б. В. это: «Предусмотренные уголовным законом общественно опасные деяния, сопряжённые с нарушением правил, обеспечивающих здоровье населения и общественную нравственность, и причиняющие им существенный вред или создающие угрозу его причинения» [6].

Так, преступления против здоровья населения и общественной нравственности, предусмотренные Главой 25 УК РФ, представляют собой общественно опасные деяния, посягающие на физическое, психическое и социальное благополучие населения, а также на моральные и духовные устои всего общества в целом.

Таким образом, анализ положения и содержания Главы 25 УК РФ свидетельствует о её ключевой роли в системе норм, направленных на защиту общественных интересов, здоровья населения и общественной нравственности. Развитие и адаптация к современным реалиям данной Главы отражают стремление законодателя адекватно реагировать на возникающие угрозы и обеспечивать надлежащую охрану общественных отношений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Российской Федерации : принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г. с поправками, одобренными в ходе всероссийского голосования 1 июля 2020 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 1993.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 1 июля 2021 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.
3. Уголовный кодекс РСФСР от 27 октября 1960 г. (утратил силу) // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40. Ст. 591.
4. Model Penal Code and Commentaries (Official Draft and Revised Comments). American Law Institute, 1985.
5. Никулин С. И., Пикуров Н. И. Понятие и виды преступлений против здоровья населения и общественной нравственности // Преступления против здоровья населения и общественной нравственности // Уголовное право. Общая и особенная части: учебник / под общ. ред. М. П. Журавлёва и С. И. Никулина. 2-е изд., перераб. и доп. Москва, 2008.
6. Яценко Б. В. Понятие и виды преступлений против здоровья населения и общественной нравственности // Преступления против здоровья населения и общественной нравственности // Уголовное право. Особенная часть: Учебник под ред. проф. А. И. Рапога. Москва, 1996.

УДК 343

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ НОРМ ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ОБЩЕСТВЕННОЙ НАВЯСТВЕННОСТИ

Гусев Владислав Александрович, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st805214@ruc.su

PROBLEMS OF LAW ENFORCEMENT OF NORMS ON CRIMINAL LIABILITY FOR CRIMES AGAINST PUBLIC MORALITY

Gusev Vladislav Aleksandrovich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

Правовая система любого государства закрепляет жизненно важные для всего общества требования морали и нравственные устои. Общественная опасность преступлений, предусмотренных нормами главы 25 УК РФ, в том, что они причиняют вред здоровью и нравственности не отдельных личностей, а неопределенного числа лиц. Поэтому, при создании норм, касающихся нравственной преступности, нужно учитывать состояние общественной нравственной культуры населения.

Ключевые слова: правовая система, требования морали, нравственные устои, жизненно важные требования общества, преступления против общественной нравственности, нравственная преступность, нравственная культура населения, уголовно-правовая норма

The legal system of any state establishes the requirements of morality and moral principles that are vital for the whole society. The public danger of crimes stipulated by the norms of Chapter 25 of the Criminal Code of the Russian Federation is that they harm the health and morals not of individuals, but of an indefinite number of persons. Therefore, when creating norms concerning moral criminality, it is necessary to consider the state of the public moral culture of the population.

Keywords: legal system, moral requirements, moral principles, vital requirements of society, crimes against public morality, moral crime, moral culture of the population, criminal law norm.

Нормы об общественной нравственности рассматриваются в разделе IX «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка» и главой 25 «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности» УК РФ [1]. Если говорить об общественной опасности рассматриваемых преступлений, то она различна, так как направлена на большое количество слоев населения. Следует указать на особенность этих деяний, которая заключается в том, что они посягают на нравственные устои общества. В статьях 240–242.1 УК РФ она определяется как негативное влияние на нормальное физическое и психологическое развитие несовершеннолетних, в статьях 243–245 УК РФ, в виде существенного ущерба как нравственному состоянию общества, так бережному использованию природной среды обитания, историческому и культурному наследию. Видовым объектом этих преступлений следует признавать общественную нравственность. В судебной практике очень часто возникают неоднозначные взгляды на видовой объект этих деяний. Сегодня очень часто возникают проблемные вопросы квалификации порнографических материалов и предметов. Преступления, посягающие на общественную нравственность на современном этапе, очень быстро приспособляются к меняющимся уголовным нормам, находя всё новые способы избежания наказания [2]. В связи с этим происходит постоянная криминализация или декриминализация деяний, однако проблемам применения наказания законодатель уделяет недостаточно внимания. Многими учеными и практиками критикуется существующая система наказаний (особенно ее подсистема, т. е. наказания, не связанные с лишением свободы), которые более менее стали исполняться в 2013 году. До сих пор в правоприменительной деятельности остаются дискуссионными вопросы применения уголовно-правовых норм, что приводит к серьезным ошибкам при назначении наказания.

В большинстве санкций статей, предусматривающих уголовную ответственность за преступления, посягающие на общественную нравственность, содержатся штраф, обязательные работы, исправительные работы, принудительные работы ну и, конечно же лишение свободы. Известно, что для привлечения к уголовной ответственности необходима доказанность вины лица и наличия всех элементов состава данного преступления. Только при установлении этих двух обстоятельств суд может назначить наказание. Суд, вынося решение, руководствуется правилами о применении наказания, в которых указывается, что лицу не может быть назначено наказание выше установленного законом предела, но в то же время оговаривается, что при наличии к тому оснований допускается назначение более мягкого наказания. Вторую лидирующую позицию в системе применимых наказаний занимает условное осуждение к лишению свободы.

К сожалению, не все виды наказаний, которые содержатся в системе уголовных наказаний, могут назначаться и соответственно исполняться. По мнению П. В. Иванова, применение ареста как альтернативы лишения свободы служило бы средством моральной «встряски» правонарушителя, особенно если он осуждается впервые. Арест по своей сущности хоть и менее строгое по сравнению с лишением свободы, однако даже в определении «лишения свободы» не указан строгий характер изоляции осужденного. Он считает, что неприменение данного вида наказания не только влечет излишнее назначение краткосрочного лишения свободы, но и применение неоправданно мягких мер уголовно-правового воздействия, в частности, условного осуждения. При индивидуализации наказания необходимо учитывать особенности личности виновного. Румянцев М. С. отмечает, что при назначении наказания первостепенное значение приобретают индивидуальные особенности преступника, его поведение, отношение к социальным ценностям. Таким образом, уголовной правоприменительной системе следует задуматься над проблемой такого большого количества условного осуждения за тяжкие преступления. Из-за низкого уровня жизни населения существенно усложняется назначение наказания в виде штрафа, признанного самым мягким видом наказания. Это обуславливается, в частности, неверным и противоречивым подходом судей к индивидуализации уголовного наказания. Отсутствие единой уголовно-правовой концепции ведет в последнее время непоследовательности российского законодателя, фрагментарности и противоречивости изменений УК РФ.

В перечне видов уголовных наказаний на первое место законодатель ставит штраф. Низким оста-

ется процент применения наказания в виде штрафа. Так, по данным Судебного департамента РФ в 2024 году к данному виду наказания было осуждено 160 человек, по Республике Мордовия данный показатель равен 1. Так как в 2023 году по Российской Федерации число осужденных к штрафу составило 220 человек, а в 2022 году – 281 человек. Следовательно, можно прийти к выводу о постепенном уменьшении применения данного вида наказания. Как мы видим из статистики за 2024 год, основную долю осужденных составляют трудоспособные лица без определенных занятий. Необходимо сказать о наказании в виде ограничения свободы. Ограничение свободы как вид уголовного наказания, не связанный с изоляцией осужденных от общества, было введено законодателем с целью сокращения применения наказания в виде лишения свободы. В настоящее время, хотя уголовная политика и направлена на гуманизацию уголовного законодательства и сокращения числа лиц, содержащихся в исправительных учреждениях, ограничение свободы применяется довольно редко. В Республике Мордовия в 2017 году данный вид наказания не применялся вовсе. Столь немногочисленный процент применения ограничения свободы может свидетельствовать о недостаточной финансовой урегулированности вопроса применения данного вида наказания. Для контроля за осужденными постепенно вводятся различные технические средства, например, электронные браслеты, фиксирующие местонахождение осужденного.

Исследуя статистические данные Российской Федерации за 2023 год, мы приходим к выводу, что удельный вес применения исправительных работ невелик и составляет всего 0,03 % от общего числа осужденных. По данным Республики Мордовия к исправительным работам в 2023 году приговорены только 7 человек, что свидетельствует о достаточно низкой эффективности данного вида наказания.

Сегодня выявляется множество вопросов в отношении квалификации ст. 240.1 УК РФ. Проанализировав практику применения ст. 240.1, некоторые исследователи выявили некоторые недостатки юридической конструкции, которые ведут к трудным вопросам квалификации у правоохранительных органов. Современный мир, всевозможные динамичные социально-экономические процессы нашего государства влекут переоценку некоторых ценностей. Следовательно, охрана общественной нравственности предъявляет к себе более требовательных отношений. Известно, что отклонение норм морали, особенно в области сексуальных отношений ведет к отрицательным устоям общества. Это вызывает, во-первых, деградацию половой морали, а в итоге негативно влияет на процесс воспитания несовершеннолетних и семейные отношения. В настоящее время, практически каждый день в отношении несовершеннолетних появляются все новые и новые угрозы, которые требуют правильной реакции со стороны государства. К таким относят, например, сексуальную эксплуатацию несовершеннолетних, детскую порнографию. Получение сексуальных услуг несовершеннолетнего является одной из вышеперечисленных угроз. В настоящее время необходимо и важно рассмотреть сложные вопросы к квалификации данного состава. В действующем УК РФ эта статья появилась относительно не так давно, т. е. в 2013 г. Как показывает практика, применение данной нормы правоприменителями неоднозначно. Некоторые ученые, анализируя юридическую доктрину формулируют некоторые выводы. Они отмечают, что не один раз в науке уголовного права обращалось внимание на несовершенство описательной части этой статьи диспозиции. Некоторые ученые, в частности Архипцев И. Н. не согласны с мнением некоторых представителей МВД, которые за то, чтобы исключить эту статью из УК РФ, так как по ней отсутствует судебная практика. Особую трудность привлечения лиц к уголовной ответственности является то, что оно является высоколатентным [3]. Такое подтверждение отмечают некоторые ученые, такие как Курилова Е. Н., Осокин Р. Б. и др. и мы поддерживаем эту точку зрения. С точки зрения вышеперечисленных ученых, декриминализация рассматриваемой нормы ни к чему положительному не приведет, наоборот усложнит эту проблему в отношении несовершеннолетних. В настоящее время существует несколько точек зрения по вопросу определения объекта данного преступления, например И. С. Алихаджиева рекомендует дополнить статью 240.1 УК РФ таким признаком, как лицо не достигшего 14-летнего возраста. Некоторые ученые поддерживают эту точку зрения. С точки зрения Архипцева И. Н., в ближайшее время нужно совершенствовать нормы УК, связанные с защитой их нравственного здоровья и благополучия. Некоторые представители юридического сообщества считают такое отношение недопустимым, так как абсолютно разные объекты ставятся на одни и те же весы.

В настоящее время имеется точка зрения о необходимости объединения норм ст. 240.1 и ст. 134 УК РФ. Следующий момент, по нашему мнению, который разрешит трудности квалификации данного состава, заключается в разъяснениях понятий, таких, например, как «сексуальные услуги несовершеннолетнего», «возраст несовершеннолетнего» и некоторых других. Необходимо их судебное толкование, которое правильно будет разъясняться в очередном постановлении Пленума ВС РФ.

Мы поддерживаем эту точку зрения и вместе с некоторыми авторами считаем, что существующего

примечания к ст. 240.1 УК РФ, в этой связи недостаточно. И все же основной причиной, заключающихся в квалификации рассматриваемой нормы, является ее неудачная юридическая конструкция.

Сегодня многие специалисты ждут специальных и разработанных методических рекомендаций, которые окажут им реальную помощь при их квалификации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уголовный кодекс Российской Федерации : федер. закон: [принят Гос. Думой 24 мая 1996 г. № 63–ФЗ; в ред. от 1 марта 2025 г.] // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

2. Озерская А. А. Проблема нравственности в современном обществе // Молодежный научный форум: Гуманитарные науки : сб. ст. по мат. XX междунар. студ. науч.- практ. конф. № 1(19). URL: [https://nauchforum.ru/archive/MNF_humanities/1\(19\)](https://nauchforum.ru/archive/MNF_humanities/1(19)). С. 215–221.

3. Квалификация преступлений против здоровья населения и общественной нравственности: учебное пособие / Д. А. Безбородов, А. В. Зарубин, Р. М. Кравченко, Д. Ю. Краев, М. А. Любавина, Ю. В. Морозова, А. Н. Попов, П. В. Федышина, Р. Д. Шарапов ; под общ. ред. А. Н. Попова. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2021. С. 99.

4. Ozerskaya A. A. The problem of morality in modern society // Youth Scientific Forum: Humanities: electronic collection of articles on mat. XX International Student of Science- practical conference No. 1(19). URL: [https://nauchforum.ru/archive/MNF_humanities/1\(19\)](https://nauchforum.ru/archive/MNF_humanities/1(19)). pp. 215–221.

5. Qualification of crimes against public health and public morality: a textbook / D. A. Bezborodov, A.V. Zarubin, R. M. Kravchenko, D. Y. Kraev, M. A. Lyubavina, Yu.V. Morozova, A. N. Popov, P. V. Fedyshina, R. D. Sharapov ; under the general editorship of A. N. Popov. St. Petersburg : St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, 2021. p. 99.

УДК 343.98

ПОНЯТИЕ И КЛАССИФИКАЦИЯ МАТЕРИАЛОВ ПИСЬМА

Данилов Вадим Владимирович, кандидат юридических наук, доцент

Дмитрищенко Алексей Александрович, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: vdanilov@ruc.su; st802972@ruc.su

CONCEPT AND CLASSIFICATION OF WRITING MATERIALS

Danilov Vadim Vladimirovich, PhD (Jurisprudence), Associate Professor

Dmitrischenko Alexey Alexandrovich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

Процесс написания рукописного текста предполагает использование материалов письма - инструментов и веществ, с помощью которых на поверхность наносятся символы. Эти материалы служат не только для фиксации информации, но и отражают индивидуальный зрительно-двигательный паттерн автора, формируемый в ходе реализации письменно-двигательного навыка. Материалы письма выступают не только технической основой создания текста, но и ключевым фактором, влияющим на идентификационные и диагностические аспекты почерковедческого анализа.

Ключевые слова: рукописные записи, почерк, нетрадиционные материалы письма, механизм слеодообразования, экспертиза.

The process of writing a handwritten text involves the use of writing materials - tools and substances with which symbols are applied to the surface. These materials serve not only to record information, but also reflect the individual visual-motor pattern of the author, formed during the implementation of the writing-motor skill. Writing materials are not only the technical basis for creating a text, but also a key factor influencing the identification and diagnostic aspects of handwriting analysis.

Keywords: handwritten notes, handwriting, non-traditional writing materials, mechanism of trace formation, examination.

В Словаре основных терминов почерковедческой и автороведческой экспертиз материалы письма определены как предметы и вещества, используемые для выполнения записей: предметы, на которых выполнены записи, орудия письма и красящие композиции, используемые для письма [1, с. 10]. Р. С. Белкин считает, что для судебного почерковедения и технико-криминалистической экспертизы документов значение понятия материала письма различно: в первом случае материал письма определяется, как предмет, на котором выполнена рукопись, во втором – это вещества, используемые для нанесения рукописных и печатных текстов, отпечатков, оттисков и т. п. [2, с. 114]

В словаре С. И. Ожегова прилагательное «необычный» определяется как не такой как все, не похожий на обычное, привычное [3, с. 348]. Хотя слова «необычный» и «непривычный» часто используются как синонимы, в контексте экспертизы рукописей их целесообразно разграничить: Непривычный – отражает личный опыт исполнителя (например, использование кисти человеком, который пишет только шариковой ручкой). Необычный – описывает объективные свойства материалов, выходящие за рамки традиционных норм (например, письмо углём на стекле). Привычка – устойчивая модель поведения, ставшая для индивида нормой. Традиционные материалы письма – инструменты и

поверхности, укоренившиеся в повседневной практике (ручки, бумага). Нетрадиционные материалы – средства, редко используемые для письма (стилусы, аэрозоли, дерево).

Традиционные/нетрадиционные – характеризуют материалы письма с точки зрения общепринятых стандартов. Привычные/непривычные – описывают степень знакомства конкретного лица с материалом (например, нетрадиционный стилус может быть привычным для цифрового художника). Обычные/необычные – универсальные термины для обозначения любых объектов, условий или инструментов в экспертной практике.

Такое разграничение позволяет избежать терминологической путаницы при анализе рукописей, особенно когда нетрадиционный материал становится привычным для определённого исполнителя.

Далее считаем рациональным в рамках данного исследования провести уточнение терминов и систематизацию материалов письма в криминалистическом почерковедении.

Нетрадиционные инструменты письма – предметы и орудия, применяемые для создания рукописей, которые: не входят в перечень исторически сложившихся инструментов (например, стилус, аэрозольный баллончик); оказывают специфическое влияние на отображение признаков почерка (изменяют нажим, толщину штрихов).

Непривычные материалы письма – инструменты или поверхности, не используемые конкретным лицом в повседневной практике (например, кисть для человека, пишущего только ручкой).

Механизм следообразования. Процесс создания рукописи включает: следообразующие объекты: функционально-динамический комплекс (ФДК) – письменно-двигательные навыки исполнителя; инструменты письма – орудия, используемые для нанесения текста (ручки, кисти, стилусы). Следовоспринимающие объекты: текстовоспринимающая поверхность – материал или предмет, на котором выполняется запись (бумага, дерево, экран).

Например, при письме углём на дереве ФДК автора взаимодействует с инструментом (уголь) и поверхностью (дерево), формируя уникальные графические признаки.

Систематизация материалов письма. Для классификации материалов предлагается: традиционные инструменты: шариковые ручки, карандаши; поверхности: бумага, картон. Нетрадиционные инструменты: стилусы, аэрозоли, кисти; поверхности: стекло, металл, ткань. Привычные/непривычные: определяются индивидуальным опытом исполнителя (например, цифровой стилус может быть привычным для графического дизайнера).

Значение термина «текстовоспринимающая поверхность». Это понятие вводится для обозначения любой поверхности, на которой фиксируется рукописный текст, подпись или схематичное изображение. Его использование позволяет: чётко отделять влияние материала носителя на почерк; анализировать взаимодействие инструмента и поверхности в процессе следообразования.

Систематизация материалов письма и уточнение терминологии повышают точность экспертных исследований, особенно при работе с нестандартными объектами. Это способствует корректной интерпретации признаков почерка, минимизируя ошибки, связанные с влиянием непривычных или нетрадиционных инструментов.

При классификации материалы и инструменты письма по отношению к общей письменной практике можно разделить: 1) на традиционные; 2) нетрадиционные; по индивидуальной письменной практике конкретного исполнителя: 1) привычные; 2) непривычные. [4, с. 19]

В рамках экспертных исследований материалы письма разделяются на две основные категории, учитывая их роль в формировании рукописных текстов: 1. Предметы и поверхности как носители текста. Объект анализа физические свойства поверхности – фактура, шероховатость, гибкость. Материал носителя – вещество, из которого изготовлен предмет (бумага, дерево, металл). Влияние на почерк: Неровности поверхности или её впитывающая способность могут исказить нажим, изменять форму букв или нарушать связность штрихов. Например, письмо на грубой древесине приводит к прерывистым линиям. 2. Вещества, формирующие визуальное отображение текста. Красящие составы (чернила, тушь, графит) не изучаются изолированно, но их распределение по поверхности влияет на проявление признаков почерка. Плотность, вязкость или прозрачность вещества могут маскировать индивидуальные особенности письма (например, растекание жидких чернил на ткани). 3. Инструменты письма как отдельная категория. Определение: Предметы, используемые для нанесения текста, даже если они не содержат красителей (гвоздь, палочка, стилус). Роль в следообразовании: Форма и твёрдость инструмента влияют на глубину штрихов, ширину линий и характер деформации поверхности. Примеры: гвоздь на дереве оставляет углубления с рваными краями; палочка на сыром бетоне создаёт рельефные борозды.

Несмотря на то что некоторые инструменты (например, кисть) могут одновременно выступать как материал (содержащий краску), их функциональная роль в процессе письма требует выделения в са-

мостоятельную группу. Это позволяет экспертам учитывать механическое взаимодействие инструмента с поверхностью; анализировать искажения, вызванные спецификой орудия (например, гибкость кисти меняет динамику штрихов).

Системный подход к классификации материалов и инструментов письма повышает точность экспертизы. Учёт всех трёх групп - носителей, веществ и инструментов - помогает отделить устойчивые признаки почерка от артефактов, порождённых внешними факторами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Словарь основных терминов почерковедческой и автороведческой экспертиз : справочное пособие / И. И. Рубцова [и др.]. Москва : ЭКЦ МВД России, 2008. 64 с.
2. Белкин Р. С. Криминалистическая энциклопедия / Р. С. Белкин. Москва : БЕК, 1997. 342 с.
3. Ожегов С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов. Екатеринбург : Урал-Советы, 1994. 800 с.
4. Губанищев В. В. Криминалистический анализ механизма преступной деятельности в сфере экономики : автореф. дис.. канд. юрид. н. / В. В. Губанищев // Нижегородская академия МВД России. Нижний Новгород, 2009. 24 с.
5. Данилов В. В., Абдульмянова Т. В., Асанова И. П. Основы методики экспертного одорологического (запахового) исследования // Вопросы российского и международного права. 2021. Том 11. № 4А. С. 82–90.

УДК 343.9

СОВРЕМЕННЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ХАРАКТЕРИСТИКАХ ПОЧЕРКА В РУКОПИСЯХ

Дмитрищенко Алексей Александрович, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st802972@ruc.su

MODERN IDEAS ABOUT THE CHARACTERISTICS OF HANDWRITING IN MANUSCRIPTS

Dmitrischenko Alexey Alexandrovich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

Почерк представляет собой сложный объект исследования в криминалистике, обладающий множеством взаимосвязанных свойств, которые формируют его системную природу. Его изучение осложняется спецификой образования рукописных следов, отражающих индивидуальный письменно-двигательный навык автора. Ключевой особенностью почерка является иерархическая структура признаков, которая раскрывает уровни сформированности двигательных навыков (автоматизм, координация, ритм), позволяет выявлять и анализировать индивидуальные особенности исполнителя, а также даёт основание для экспертных выводов через сопоставление с образцами. Эти признаки проявляются в различных формах рукописных материалов (записи, подписи, пометки), демонстрируя устойчивые и вариативные элементы. Таким образом, системность почерка обеспечивает возможность его комплексного изучения, где каждый уровень признаков служит «ключом» к расшифровке уникального двигательного паттерна личности.

Ключевые слова: доказательства, почерк, рукописи, функционально-динамический комплекс, двигательные навыки, экспертиза.

Handwriting is a complex object of study in forensic science, possessing many interrelated properties that form its systemic nature. Its study is complicated by the specifics of the formation of handwritten traces reflecting the individual writing-motor skill of the author. The key feature of handwriting is the hierarchical structure of features, which reveals the levels of formation of motor skills (automatism, coordination, rhythm), allows identifying and analyzing the individual characteristics of the performer, and also provides a basis for expert conclusions through comparison with samples. These features appear in various forms of handwritten materials (notes, signatures, notes), demonstrating stable and variable elements. Thus, the systematic nature of handwriting provides the opportunity for its comprehensive study, where each level of features serves as a "key" to deciphering the unique motor pattern of the individual.

Keywords: evidence, handwriting, manuscripts, functional-dynamic complex, motor skills, examination.

Изучение почерка в криминалистике сосредоточено на статичных объектах – готовых рукописях, которые выступают материальными носителями письменно-двигательных навыков. Ключевыми для экспертизы становятся устойчивые, зафиксированные характеристики, такие как наклон, пропорции букв или особенности нажима, которые объективно отражаются в тексте.

Важной методологической особенностью является возможность реконструкции динамических аспектов письма (ритм, скорость, последовательность движений) через их статическое проявление в рукописи. Например, прерывистость линий может указывать на изменение скорости, а вариативность нажима – на степень автоматизма движений.

Индивидуальность почерка Р. С. Белкин определяет как важное идентификационное качество, состоящее в неповторимости совокупности признаков конкретного почерка [1, с. 82], его своеобразие, являющееся результатом формирования индивидуального письменно-двигательного ФДК навыков у каждого пишущего, благодаря которому возможна идентификация исполнителя почерковой реализации. Индивидуальность почерка проявляется в системе более частных его свойств, образующих признаки, на исследовании которых строится криминалистическая идентификация [2, с. 128].

Динамическая устойчивость почерка отражает его стабильность и индивидуальность, выступая основой для идентификации автора. Как отмечают исследователи, это свойство подчёркивает не только уникальность почерка, но и его способность сохранять устойчивость в различных условиях, что делает его информативным для экспертизы.

Вариационность проявляется в способности почерка адаптироваться к внешним факторам (например, необычным поверхностям, стрессу), сохраняя при этом базовые черты. Это свойство связано с функционально-динамическим комплексом (ФДК) письменно-двигательного навыка, который формируется и корректируется в процессе письма. Выделяют два типа вариационности: 1. Программная – предопределённые изменения, заложенные в автоматизме движений. 2. Коррекционная – сознательная адаптация к условиям (например, смена наклона при письме на вертикальной поверхности).

Избирательная изменчивость – спорное свойство, которое не всеми учёными признаётся самостоятельным. Оно описывает способность ФДК перестраиваться в рамках допустимых вариаций под влиянием внешних факторов (усталость, неудобная поза). По мнению В. Ф. Орловой, такие изменения не случайны: их характер и масштаб напрямую зависят от конкретных условий, что позволяет реконструировать обстоятельства создания документа.

Анализ этих свойств помогает отделить устойчивые признаки автора от ситуативных искажений, обеспечивая точность криминалистических выводов.

При анализе рукописей, созданных с использованием нестандартных материалов (НМП), ключевое значение приобретают избирательная изменчивость и вариационность почерка. Эти свойства обуславливают специфику проявления признаков, таких как наклон, нажим или форма букв; позволяют механизму письма адаптироваться к внешним условиям (например, неровной поверхности или непривычному инструменту); служат основой для диагностики автора, так как отражают индивидуальные адаптационные стратегии.

Динамическая устойчивость почерка, сохраняющаяся несмотря на внешние воздействия, обеспечивает возможность идентификации исполнителя. Даже в условиях влияния «сбивающих факторов» (стресс, неудобная поза) устойчивые признаки (ритм письма, пропорции символов) остаются стабильными.

Согласно научному подходу, свойства почерка материализуются в рукописи через фиксированные признаки, которые формируются на основе технических аспектов письменно-двигательного навыка (автоматизм, координация), используются как идентификационные маркеры в экспертизе, позволяют реконструировать условия создания документа (например, давление на инструмент, скорость письма).

Таким образом, сочетание изменчивости и устойчивости создаёт уникальный «почерковый профиль», который, несмотря на адаптацию к НМП, сохраняет идентификационный потенциал. Это делает анализ таких рукописей важным инструментом в криминалистике, особенно при работе с нестандартными материалами [3, с. 428].

Признаки почерка систематизируют по нескольким критериям, которые определяют их роль в решении экспертных задач. По виду задач: идентификационные – устанавливают авторство; диагностические – выявляют условия создания документа (стресс, поза, инструмент); классификационные – определяют групповую принадлежность (пол, возраст, профессиональные навыки); ситуационные – отражают влияние внешних факторов (например, травма руки). По объёму проявления: общие – отражают общие черты (наклон, разгон, связность); частные – уникальные детали (особенности написания отдельных букв, росчерков). По характеру отображения: статические – фиксированные параметры (форма букв, размер); динамические – особенности движений (ритм, скорость, нажим). По времени существования: постоянные – устойчивые на протяжении жизни; временные – изменяющиеся под влиянием возраста, болезней. По последовательности проявления: первичные – базовые навыки; вторичные/третичные – надстройки над автоматизмом (стилизация, имитация). По способу возникновения: естественные – сформированные в обычных условиях; искусственные – намеренные искажения; патологические – вызванные заболеваниями. По степени наглядности: малозаметные – требуют детального анализа (микроштрихи); броские – легко распознаваемые (крупные размеры, необычные росчерки). По частоте встречаемости: групповые – характерные для определённых категорий лиц; индивидуализирующие – уникальные для конкретного человека; особые/малозначимые – редкие или второстепенные.

Эти признаки формируют основу экспертного заключения. Общие и частные характеристики фиксируются в тексте выводов и визуализируются в приложениях (схемы, фототаблицы). Например, сочетание динамических и статических параметров позволяет отделить естественный почерк от подделки, а классификационные признаки – сузить круг подозреваемых.

Многоуровневая классификация обеспечивает системный подход к анализу, повышая точность криминалистических исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белкин Р. С. Криминалистическая энциклопедия / Р. С. Белкин. Москва : БЕК, 1997. 342 с.
2. Судебно-почерковедческая экспертиза: общая часть: теоретические и методические основы / под науч. ред. В. Ф. Орловой; Центр судеб. экспертизы при Минюсте России. 2-е изд., перераб. и доп. Москва : Наука, 2006. 544 с.
3. Данилов В. В., Чиняков О. Е. Тактические приемы проведения предварительного допроса опознающего при раскрытии и расследовании преступлений // в сборнике : IX Юридические чтения. материалы Национальной научно-практической конференции. Саранск, 2023. С. 428–432.

УДК 343.98

СПЕЦИФИКА АНАЛИЗА ХАРАКТЕРИСТИК ПОЧЕРКА В РУКОПИСЯХ, СОЗДАННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ НЕСТАНДАРТНЫХ ПИСЬМЕННЫХ ИНСТРУМЕНТОВ

Дмитрищенко Алексей Александрович, магистрант

Тугушев Тимур Дмитриевич, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st802972@ruc.su; st802643@ruc.su

SPECIFICS OF THE ANALYSIS OF HANDWRITING CHARACTERISTICS IN MANUSCRIPTS CREATED USING NON-STANDARD WRITING INSTRUMENTS

Dmitrischenko Alexey Alexandrovich, Master's Degree student

Tugushev Timur Dmitrievich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

Исследование рукописных текстов, выполненных нестандартными инструментами письма, требует применения специализированных методов из-за специфических характеристик письменной динамики. Для корректного определения сходств и различий ключевым является установление их природы - связаны ли они с индивидуальными особенностями почерка или обусловлены влиянием непривычных материалов (например, угля, кисти, стилуса). Основу экспертной оценки составляет детальный анализ материала (вязкость, давление, траектория штрихов) и сравнение с эталонными образцами предполагаемого исполнителя.

Ключевые слова: доказательства, почерк, рукописи, нетрадиционные материалы письма, преступление, экспертиза.

The study of handwritten texts written with non-standard writing instruments requires the use of specialized methods due to the specific characteristics of writing dynamics. To correctly determine similarities and differences, it is key to establish their nature - whether they are associated with individual features of handwriting or are due to the influence of unusual materials (for example, coal, brush, stylus). The basis of the expert assessment is a detailed analysis of the material (viscosity, pressure, trajectory of strokes) and comparison with reference samples of the alleged performer.

Keywords: evidence, handwriting, manuscripts, non-traditional writing materials, crime, examination.

При экспертизе текстов, созданных с использованием непривычных материалов (например, кисти, стилуса, угля), специалисты проводят сравнительный анализ между спорной рукописью и образцами почерка предполагаемого автора. Цель – определить, принадлежит ли текст конкретному лицу или был выполнен кем-то другим. Для этого изучается совокупность документов, написанных аналогичными инструментами, и сопоставляются их характеристики с образцами от разных лиц.

Процедура включает сбор репрезентативных образцов – тексты, созданные теми же материалами, что и исследуемый документ; выявление устойчивых признаков почерка несмотря на влияние нестандартных инструментов на нажим, форму штрихов и скорость письма; дифференциацию индивидуальных особенностей автора от артефактов, вызванных спецификой материала (например, прерывистость линий при использовании кисти); анализ совпадений/расхождений с применением методов судебно-почерковедческой экспертизы, адаптированных под необычные условия письма.

Такие исследования требуют учёта технических нюансов, чтобы минимизировать риски ошибок, связанных с искажением привычных графических элементов почерка.

В случаях, когда предполагаемый автор неизвестен, эксперт должен установить, были ли рукописи созданы одним и тем же или разными лицами, даже без образцов от подозреваемого автора. Наличие уникальных характеристик у рукописи оценивается также при отсутствии образцов почерка предполагаемого автора [1, с. 389].

При работе с такими объектами перед специалистами встают задачи, связанные с исследованием текстов, выполненных непривычными средствами (например, углём, кистью, цифровым стилусом); выявлением модификаций в исходном содержании (дописок, исправлений, имитаций); определением техники исполнения и типа инструмента, что часто сочетается с идентификацией индивидуальных особенностей почерка.

Ситуация усложняется рядом факторов: лаконичность текста – ограниченный объём снижает количество анализируемых признаков; использование мультязычных символов или стилизованных шрифтов; наличие сложночитаемых фрагментов (наложенные штрихи, деформированные поверхности).

Эти особенности требуют разработки специализированных экспертных методик, учитывающих взаимодействие материала письма с поверхностью (адгезия краски, давление стилуса); влияние инструмента на графику штрихов (вариативность толщины линий, прерывистость); устойчивость индивидуальных характеристик почерка в непривычных условиях исполнения.

Ключевым становится адаптация классических критериев почерковедения к нестандартным контекстам, включая создание эталонных баз данных для редких материалов и инструментов.

Выделение таких записей в отдельную категорию судебно-почерковедческого анализа обусловлено ограниченностью типичных признаков почерка. Это связано с тем, что характеристики пишущего инструмента (например, кисть, стилус) и свойства поверхности (шероховатость, впитываемость) напрямую влияют на проявление графических особенностей. Проблемы усугубляются нестабильностью признаков из-за краткости текста, сложностью воспроизведения условий (требуется подбор аналоговых материалов и поверхностей), а также иском утраты оригиналов – важность детальной фиксации для сохранения данных.

Этапы исследования: 1. Анализ общих признаков: в текстах, созданных необычными инструментами, индивидуальные элементы (наклон, связность букв) могут «маскироваться» из-за специфики письма; пространственные параметры (расположение текста на листе, поля, отступы) часто имеют низкую значимость для идентификации, но помогают оценить общую динамику движений. 2. Сравнительная экспертиза: требует эталонных образцов, созданных в аналогичных условиях (те же материалы, поверхность, техника); особое внимание – к устойчивым признакам, сохраняющимся вопреки влиянию инструмента (ритм письма, пропорции букв).

Таким образом, экспертиза таких рукописей требует адаптации классических методов с учётом материально-технических нюансов, чтобы обеспечить точность выводов в условиях ограниченной информативности объектов.

При анализе такого общего признака, как амплитуда вертикальных движений, предлагается классифицировать её градации (значительная, умеренная, ограниченная) на основе пропорционального соотношения с шириной штрихов, характерной для конкретного инструмента письма. Это связано с тем, что нетрадиционные материалы (например, кисть, уголь) создают штрихи с вариативной толщиной, влияющей на визуальное восприятие вертикальной протяжённости.

Ключевые аспекты:

- Ширина штриха как эталон: из-за неоднородности линий, свойственной необычным инструментам, именно ширина становится базой для объективной оценки масштаба движений.

- Корректировка критериев: например, широкий штрих кисти может визуально «сокращать» вертикальную амплитуду, что требует поправок при классификации.

- Учёт материальных особенностей: рыхлость поверхности, гибкость инструмента или вязкость краски могут искажать пропорции, что необходимо компенсировать в методике.

Такой подход позволяет минимизировать субъективность при изучении рукописей, где традиционные параметры почерка маскируются спецификой используемых средств.

Проведенные нами эксперименты, направленные на исследование различных характеристик нетрадиционных инструментов и материалов письма, а также особенностей отображения признаков почерка, показали, что протяженность движений напрямую зависит от характеристик пишущего узла (при его наличии) инструмента письма и ширины штрихов, которые он образует [2, с. 280].

Помимо стандартных параметров, при экспертизе таких объектов рекомендуется учитывать следующие специфические признаки:

а) Использование графических элементов за пределами алфавита.

Автор может включать в текст упрощённые символы (например, схематичные рисунки, условные обозначения), которые выполняются быстро и дополняют смысловое содержание. Эти элементы, хотя и не являются буквами или цифрами, отражают индивидуальную манеру письма и контекст создания документа.

б) Адаптация к физическим ограничениям поверхности.

При письме на неровных, деформированных или уже заполненных объектах (например, дерево, металл, ткань) исполнитель вынужден:

- Обходить препятствия (царапины, выпуклости, существующие надписи), что приводит к смещению строк, изменению интервалов или деформации символов;

- Применять нестандартные приёмы, такие как переносы слов, разрыв строк, изменение угла наклона для сохранения читаемости текста.

Эти особенности не только демонстрируют способность автора к импровизации, но и служат дополнительными идентификационными маркерами, помогая отличить преднамеренные искажения от вынужденных изменений, вызванных условиями письма.

При работе с устройствами, анализирующими силу нажатия (например, аэрозольные маркеры), ключевым параметром является расстояние между инструментом и поверхностью. Опытные пользователи демонстрируют стабильность в выборе хвата и дистанции, что обеспечивает чёткость линий и контроль над разметкой. Напротив, новички часто сталкиваются с искажениями из-за неоптимального позиционирования.

Числовые значения параметров (расстояние, угол наклона) определяются с учётом типа краски, что позволяет создавать эталонные образцы в лабораторных условиях.

Например, для аэрозольных красок учитывается вязкость состава и скорость распыления.

Универсальные нормы неприменимы из-за различий в конструкции инструментов:

- диаметр и форма сопла влияют на распределение краски;
- давление в баллоне меняет интенсивность потока;
- ширина распыляемой полосы варьируется между моделями.

Таким образом, анализ требует индивидуального подхода с учётом технических характеристик инструмента и условий нанесения, что исключает шаблонные решения.

Подобные наблюдения возникают, когда происходит истощение краски, что приводит к спорадическому, неравномерному распределению окраски по мазкам. Кроме того, ориентация распылительного отверстия относительно поверхности письма также способствует уникальным характеристикам почерка, демонстрируемым исполнителями, использующими аэрозольные краски [3, с. 389].

Исследователям целесообразно разработать систематизированную таблицу, фиксирующую общие и специфические признаки почерка в спорных рукописях и предоставленных образцах. В рамках кросс-материального анализа следует сопоставлять устойчивые характеристики (ритм письма, пропорции букв, наклон) между текстами, выполненными на разных поверхностях; отмечать отклонения, вызванные влиянием материалов (например, деформация символов при письме кистью на холсте); фиксировать степень трансформации структуры почерка – нестандартные инструменты могут менять форму букв, сохраняя при этом базовые индивидуальные черты (например, связность штрихов).

Такой подход позволяет отделить артефакты, порождённые материалом, от уникальных особенностей автора, повышая точность экспертных выводов.

Учитывайте характеристики поверхности, форму и пишущие инструменты. Форма, направление и длина движений букв могут различаться; экспертам следует осторожно документировать, сравнивать и оценивать эти различия для обеспечения точного анализа [4, с. 430].

Анализ современных данных о характеристиках почерка (общих и индивидуальных) показал отсутствие унифицированной методологической базы в данной области. Разнообразие подходов, предлагаемых различными научными школами для классификации признаков, создаёт трудности в согласовании экспертных оценок, особенно в рамках судебных процессов. Это приводит к противоречиям при интерпретации результатов и снижает доверие к экспертизе как к инструменту доказывания. Уникальные объекты криминалистического почерка требуют специализированных методов оценки и дополнительных возможностей для комплексного анализа [5, с. 87].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Малышкин П. В.* Противодействие расследованию преступлений: законное и незаконное противодействие // Современная криминалистика : проблемы, тенденции, перспективы. Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 90-летию со дня рождения Заслуженного деятеля науки РФ, Заслуженного юриста РСФСР, доктора юридических наук, профессора Николая Павловича Яблокова. Ред.-сост. : М. А. Лушечкина. Москва : МАКС Пресс, 2015. С. 388–392.
2. *Данилов В. В., Котляров С. Б.* Тактические приёмы применения криминалистической фотографии при расследовании преступлений // Результаты современных научных исследований: материалы Международной научно-практической конференции. В 2-х частях. Редколлегия: Р. Р. Хайров (отв. ред.) [и др.]. Саранск, 2021. С. 227–231.
3. *Губанищев В. В.* Криминалистический анализ механизма преступной деятельности в сфере экономики : автореф. дис. канд. юрид. н. / В. В. Губанищев // Нижегородская академия МВД России. Нижний Новгород, 2009. 24 с.
4. *Данилов В. В., Чиняков О. Е.* Тактические приемы проведения предварительного допроса опознающего при раскрытии и расследовании преступлений // в сборнике : IX Юридические чтения. материалы Национальной научно-практической конференции. Саранск, 2023. С. 428–432.
5. *Данилов В. В., Абдульмянова Т. В., Асанова И. П.* Основы методики экспертного одорологического (запахового) исследования // Вопросы российского и международного права. 2021. Том 11. № 4А. С. 82–90.

**CRIMES AGAINST PUBLIC HEALTH AND PUBLIC MORALS: GENERAL
CHARACTERISTICS, OPPOSITION TO GLOBAL CHANGES CAUSED
BY THE DEVELOPMENT OF THE CHEMICAL INDUSTRY**

Yezhov Artemy Alekseevich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

Статья представляет собой глубокий анализ истории развития наркоторговли в Российской Федерации, как глобальный вызов современности охватывая её основные этапы от начала XX века до современных проблем, связанных с синтетическими наркотиками и новым типом наркотической угрозы, связанной с развитием IT и так называемого темного Интернета «darknet».

В ней рассматриваются ключевые события, такие как создание Международной опиумной комиссии, принятие международных конвенций ООН, а также проблемы, возникшие после распада СССР и экономических преобразований 1990-х годов. Также акцентируется внимание на растущей роли Интернета и нового типа распространения и сбыта наркотиков посредством «закладок». Анализ развития российского уголовного законодательства, направленного на борьбу с наркоторговлей, также рассматривается в контексте эволюции антинаркотической политики.

Ключевые слова: наркоторговля, синтетические наркотики, психоактивные вещества, международное сотрудничество, законодательство, наркотический рынок, правовое регулирование, борьба с наркоторговлей, Шанхайская опиумная комиссия, контрабанда, нарколаборатории.

The article provides an in-depth analysis of the history of drug trafficking in the Russian Federation as a global challenge of our time, covering its main stages from the beginning of the 20th century to modern problems related to synthetic drugs and a new type of drug threat associated with the development of IT and the so-called dark Internet «darknet».

It examines key events such as the creation of the International Opium Commission, the adoption of international UN conventions, as well as the problems that arose after the collapse of the USSR and the economic transformations of the 1990s. Attention is also focused on the growing role of the Internet and a new type of distribution and sale of drugs through "bookmarks". The analysis of the development of Russian criminal legislation aimed at combating drug trafficking is also considered in the context of the evolution of anti-drug policy.

Keywords: drug trafficking, synthetic drugs, psychoactive substances, international cooperation, legislation, drug market, legal regulation, fight against drug trafficking, Shanghai Opium Commission, smuggling, drug laboratories.

Психоактивные вещества, известные человечеству с древнейших времён, использовались в различных сферах жизни, включая быт, религиозные обряды и медицинские практики. Их применение было разнообразным: от ритуальных целей до обезболивания. Со временем, с расширением их использования за пределы медицинских и религиозных контекстов, общественность всё чаще сталкивалась с негативными последствиями, связанными с развитием зависимости и других социальных проблем [1, 3].

Так, в 1909 году осознавая глобальную угрозу, которую представляло стремительное расширение наркотического рынка мировым сообществом из 13 стран, включая Российскую империю была учреждена в Шанхае Международная комиссия по опиуму (Шанхайская опиумная комиссия).

Ее основной целью стала разработка комплекса мер, направленных на противодействие незаконному обороту опийных наркотиков, которые в основном поступали из стран Азии, а также на ограничение их распространения в США и европейских государствах. Несмотря на то, что комиссия не приняла конкретных обязательных норм, регулирующих борьбу с незаконным распространением наркотических средств, её деятельность оказала значительное влияние на формирование международных правовых механизмов, направленных на борьбу с наркопреступностью в дальнейшем, что послужило основой для создания политико-юридических механизмов, обеспечивающих глобальную безопасность в сфере контроля за наркотиками, а также сыграли важную роль в дальнейшем укреплении международного сотрудничества, направленного на борьбу с наркозависимостью и устранение каналов незаконного оборота наркотических веществ [2, 6].

Спустя 52 года данный политический базис нашел свое закрепление в международных правовых актах в виде Конвенций [3–4]. Среди них необходимо выделить следующие: Единая конвенция о наркотических средствах 1961 года и Конвенция о психотропных веществах 1971 года, Конвенция ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 1988 года [4–5]. Последняя из которых содержала в себе обязанность для государств участников в уголовном преследования лиц, за наркотические преступления [1, 5].

В конце XIX – начале XX века на территории Российской империи легально использовались следующие наркотические средства, как опий и кокаин в медицинских целях. Например, в качестве снотворного для детей.

В СССР употребление наркотиков было практически сведено к нулю, однако с началом перестройки в 1990-е годы наблюдался рост их распространения. Наиболее популярными стали опиаты, производимые из мака, культивируемого в Средней и Восточной Азии. Изготовление этих веществ часто происходило в кустарных условиях с использованием бытовых растворителей, пищевой соды и аммиака.

Следует отметить, что в конце 1980-х годов по всему СССР стали появляться ОПГ. Так, например в Дальневосточном регионе России появилась крупная преступная группировка «Общак». Созданная в Комсомольске-на-Амуре, она занималась вымогательством, рэкетом, кражами, угоном автомобилей, грабежами, разбоями, наркоторговлей и другими преступлениями.

Таким образом, период фактического распада СССР (конец 1980-х – начала 1990-х годов) характеризуется значительным расширением масштабов наркоторговли в России, что связано с экономическими и социальными преобразованиями того времени, которые привели к возникновению крупных ОПГ на всей территории Российской Федерации.

При всем этом, несмотря на появление первых нарколабораторий для синтеза синтетических наркотиков наиболее распространенными были натуральные виды наркотиков (гашиш, марихуана).

Для личного же употребления наркоманы самостоятельно изготавливали следующие виды наркотиков: экстракт маковой соломы, первитин, самодельный меткатинон и ряд других наркотиков. Помимо личного употребления данные вещества как правило распространялись ими небольшими партиями, через проверенные каналы сбыта, ориентированные на небольшие проверенные группы наркопотребителей.

С развитием химической промышленности и совершенствованием методов синтеза, в Российской Федерации начала развиваться широкая сеть по производству и распространению синтетических наркотиков (МДА, МДМА, МДМБ). Данные наркотики, обладающие высокой степенью психоактивности, поступали в страну исключительно через контрабандные каналы, что в значительной степени осложняло борьбу с наркоторговлей.

Важно отметить, что распространение этих веществ также стимулировалось высокими темпами синтеза новых химических соединений, что усложняло контроль за оборотом наркотиков и требовало постоянного обновления законодательства для своевременной реакции на появление новых видов наркотиков.

Так, в России с 2005 года наблюдался рост популярности курительных смесей, содержащих синтетические каннабиноиды, сырье для которых было произведено как правило в КНР. Уже через несколько лет оборот данных смесей достиг пика, и они были широко доступны через Интернет-магазины, объявления и специализированные форумы.

В контексте эволюции мер, направленных на противодействие наркоугрозе в Российской Федерации, апрель 2009 года ознаменовался важным нормативно-правовым шагом: на уровне государственного регулирования было принято постановление, официально запрещающее оборот целого ряда так называемых «курительных смесей» и ароматизаторов, после экспертизы проведенной по поручению Роспотребнадзора Институтом питания РАМН, в связи с выявленным содержанием в их составе токсичных и потенциально опасных для жизни веществ. Указанная мера стала, по существу, первой попыткой законодательного реагирования на стремительно распространяющуюся категорию психоактивных веществ, маскирующихся под легальные товары.

Уже в декабре 2009 года, в ответ на нарастающую волну злоупотреблений синтетическими наркотиками, в перечень наркотических средств и психотропных веществ, находящихся под запретом на территории Российской Федерации, был включён JWH-018 — один из первых синтетических каннабиноидов, а также ряд сходных по химической структуре и фармакологическому действию соединений.

На последующих этапах развития антинаркотической политики российское правительство продолжило расширять перечень запрещённых синтетических каннабиноидов, дополнив его такими веществами, как JWH-250, JWH, AB-PINACA-CHM, RCS-4, RCS-8 и ur-144. При этом указанный процесс нормативной детализации и криминализации новых соединений отражал необходимость постоянного мониторинга и адаптации законодательства к быстро меняющемуся спектру синтетических наркотических соединений, активно распространяемых как внутри страны, так и за её пределами.

Однако, как показал последующий правоприменительный анализ, даже столь последовательные и интенсивные законодательные меры не смогли в полной мере нейтрализовать угрозу, исходящую от

транснациональных организованных преступных структур. Последние, обладая высоким уровнем материально-технической базы и доступом к международным каналам дистрибуции, оперативно адаптировались к изменениям правового поля, разрабатывая всё новые формулы высокоактивных психоактивных веществ и совершенствуя свои нарколаборатории.

Данная проблема была решена только после внесения изменений в Уголовный кодекс РФ, поскольку до них уголовная ответственность за незаконные приобретение, хранение, перевозку, изготовление и переработку наркотических средств и психотропных веществ распространялась только на те вещества, которые были внесены Правительством в список запрещённых, Постановлением Правительства № 681 (до 2012 г.) и № 1002 (с 2012 г. по настоящее время) [2, 6].

Период с 2015 года можно обозначить как заключительный этап истории развития наркоторговли в РФ в котором наблюдается структурирование незаконного оборота наркотиков, направленного на различные социальные группы, включая как традиционные растительные наркотики, такие как гашиш и марихуана, так и героин, который употребляется в основном низшими «полу-маргинальными» слоями общества.

Для более молодых же слоев населения распространение наркотиков как правило осуществляется через «Интернет» посредством закладок через различные нарко-площадки (маркетплейсы) в так называемом «даркнете» и через различные каналы в мессенджере Telegram.

Особую опасность вызывает тот факт что с расчетом в первую очередь на молодое поколение производятся высокотоксичные синтетические наркотики, намного более опасные чем традиционные натуральные наркотики по типу марихуаны и гашиша такие как: карфентанил, и иные фентаниловые производные, а также новые психоактивные вещества, включая мефедрон, которые зачастую распространяются в виде «конструкторов», состоящих из прекурсоров, как правило не включенных в соответствующие законодательные списки (Постановление Правительства РФ от 30 июня 1998 г. № 681 «Об утверждении перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации, в частности Список прекурсоров, оборот которых в Российской Федерации ограничен и в отношении которых устанавливаются меры контроля в соответствии с законодательством Российской Федерации и международными договорами Российской Федерации (список IV)), что затрудняет правовое регулирование.

В данном контексте преступление, квалифицируемое по статье 228.2 УК РФ, считается завершенным, когда наркотическое средство или его аналог принимают окончательную химическую форму, что позволяет провести его физико-химическое определение с использованием аналитических приборов.

Таким образом для борьбы с растущими угрозами наркоторговли необходимо международное сотрудничество и постоянное совершенствование законодательства. Распространение особо опасных высокотоксичных синтетических наркотиков и использование новых технологий, таких как «даркнет» и мессенджеры по типу «Telegram», среди молодежи требуют более гибких и оперативных мер от правоохранительных органов. Проблема наркоторговли в России остается актуальной, что обусловлено как внешними, так и внутренними факторами, требующими комплексного подхода и совершенствования нормативной базы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Организация Объединенных Наций. Конвенции о международном контроле над наркотиками: Единая конвенция о наркотических средствах 1961 года с поправками, внесенными в нее в соответствии с Протоколом 1972 года; Конвенция о психотропных веществах 1971 года; Конвенция Организации Объединенных Наций о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 1988 года. Вена, 2014. URL: https://www.unodc.org/documents/commissions/CND/Int_Drug_Control_Conventions/Ebook/The_International_Drug_Control_Conventions_R.pdf
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 1 июля 2021 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.
3. Амиды индол-3-уксусной кислоты как предметы злоупотреблений и объекты судебно-химической экспертизы: монография / Р. А. Юрченко, Е. П. Баберкина, А. А. Формановский [и др.]. Тула : Изд-во ТулГУ, 2014. С. 4.
4. Всемирный доклад о наркотиках 2009 год. URL: <https://www.un.org/ru/development/surveys/docs/drug2009.pdf>
5. Конференции ООН о наркотиках с 24 января 1961 года по 2020 год. URL: <https://www.un.org/ru/conferences/drug>
6. Противодействие незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ : учеб. пособие / под ред. А. Н. Сергеева. Москва : УБНОН МВД России, Академия МВД России; Изд-во «Щит-М», 2001.

SELF-INVOLVING CRIME: PREVENTION AND METHODS OF COMBAT

Ezhov Egor Alekseevich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В рамках статьи было представлено определения корыстной преступности, а также описаны основные признаки, которые ей присущи. В качестве мер предупреждения рассмотрена классификация, включающие три основные группы: экономические, правовые и этические. Выделены существующие проблемы, а также возможные пути их устранения. Для наглядности описания мер по борьбе с корыстной преступностью был проанализирован пример с оперативно-розыскной характеристикой корыстной преступности среди несовершеннолетних.

Ключевые слова: корыстная преступность, коррупция, безработица, закон, имущество, оперативно-розыскная характеристика.

The article provides definitions of acquisitive crime and describes its main features. As preventive measures, a classification is considered that includes three main groups: economic, legal and ethical. Existing problems are highlighted, as well as possible ways to eliminate them. To illustrate the description of measures to combat acquisitive crime, an example with an operational-search characteristic of acquisitive crime among minors was analyzed.

Keywords: acquisitive crime, corruption, unemployment, law, property, operational-search characteristic.

Отечественная правовая система является многофакторной структурой, отдельные элементы которой, являясь своеобразными центрами ответственности, выполняют ряд функций, тем самым гарантируя работоспособность и эффективность механизма в целом. В этом контексте достаточно пристальное внимание уделяется профилактике и противодействию отдельных видов правонарушений и преступлений.

Тема данной статьи посвящена вопросу изучения феномена корыстной преступности, а также описания некоторых аспектов ее предупреждения и борьбы с ней. Актуальность темы исследования подтверждается общественной опасностью, которую несет в себе корыстная преступность. Несмотря на отсутствие признаков насилия, результаты корыстной преступной деятельности нарушают конституционные права людей на владение тем или иным имуществом на правах собственности [1]. Следовательно, борьба с корыстной преступностью является стратегической целью государства.

Перед тем, как мы перейдем к описанию методов профилактики и противодействия корыстной преступности, целесообразно представить определение данного правового феномена.

Стоит отметить, что действующее отечественное законодательство не содержит в себе информацию относительно определения категории «корыстная преступность». Однако, существующие научно-методические материалы, а также проанализированные юридические словари позволяют нам судить о том, что сущность корыстных преступлений заключается в реализации преступных интересов, связанных с овладением теми или иными материальными благами [2].

Д. ю. н. Юзиханова Э. Г. и к. ю. н. Смелова С. В., описывая содержание института корыстной преступности выделяют ее следующие обобщенные признаки:

1. Массовость. Территориальная характеристика корыстной преступности обширна и разнообразна. Подобные преступные действия можно встретить в любой стране мира.

2. Социальная обусловленность. Важно заметить, что корыстные преступления являются важнейшим криминогенным фактором в обществе, что может повлиять на преступную картину отдельного региона или даже целого государства.

3. Историческая ретроспектива показывает, что корыстной преступности присущи различные количественные и, в большей степени, качественные характеристики, способствующие процессу по ее изучению и анализу.

4. Корыстные преступления не подчиняются законам логики, а поэтому всегда непредсказуемы.

Как известно, самым действенным способом противодействия преступлениям является их профилактика (предупреждение). То же самое можно сказать и относительно отдельных видов корыстных преступлений.

Смысл правового инструментария предупреждения заключается в создании таких условий и обстоятельств, в рамках которых можно достичь максимального уровня локализации и нивелирования явлений, катализирующих причинно-следственный комплекс всех наиболее значимых видов корыстной преступности. В наиболее обобщенном виде предупреждение представляет собой либо полное предот-

вращение (в случаях, когда преступную схему удалось раскрыть на этапе подготовки), либо максимальное нивелирование конечных последствий (в случаях, когда преступление было совершено).

Предупреждение корыстной преступности состоит в локализации явлений, образующих причинный комплекс общеуголовной корыстной преступности, а также в предотвращении или смягчении последствий действия этих явлений [4].

Существующие меры по предупреждению и борьбе с корыстной преступностью принято подразделять на следующие основные группы.

1. Экономические меры.

Предварительно отметим, что большинство из мер, которую будут описаны ниже, тесно взаимосвязаны с макроэкономическими показателями деятельности государства, что предопределяет роль органов власти в противодействии корыстной преступности.

- Повышение уровня благосостояния общества посредством ликвидации огромной дифференциации доходов населения. Смысл данных мер может быть реализован только посредством экономической политики государства, отвечающего за распределение и перераспределение финансовых ресурсов. То есть, нельзя допускать, чтобы доходы одной группы людей существенно превосходили доходы другой. Разумеется, проблемы корыстной преступности не являются полем ответственности «богатых людей». Следовательно, правовая система в лице государства (гаранта прав и свобод граждан) должна бороться с социально-экономическими проявлениями бедности, толкающей граждан на совершении преступлений [5, с. 107].

– Поддержание основных макроэкономических показателей в нормативном значении. Экономическая политика государства должна ориентироваться не на недопущение неконтролируемых темпов роста инфляции и безработицы. Проблемы безработицы в нашей стране актуальны по сегодняшний день, так как существующие условия на рынке труда не всегда отвечают запросам потенциальных соискателей, что еще более усугубляет и без того непростую ситуацию. В вопросе решения проблем безработицы требуется тщательный дифференцированный подход, обращающий внимание не только на «сухие цифры».

– Проведение мероприятий по ликвидации последствий кризисных явлений. За последние 5 лет, наша страна, как и мир в целом, столкнулись с беспрецедентными обстоятельствами, повысившими уровень общественной неопределенности до небывалых значений. К таким историческим обстоятельствам можно отнести распространение коронавирусной инфекции и специальную военную операцию. В подобных условиях, когда доходы населения, по ряду факторов внутреннего и внешнего характера, растут, отставая от темпов инфляции (реальная покупательская способность денег падает), государственная социальная-экономическая и правовая политика должны обеспечить методическую сформированность и практическую состоятельность конкретных мер, которые могут быть представлены в виде льгот. Это станет фактором противодействия распространения корыстных преступлений.

– Проведение политики деурбанизации (рурализации). Известно, что основная часть экономически активного населения в поисках путей повышения собственного материального благосостояния покидают мелкие населенные пункты и перебираются в крупные города. Это накладывает отпечаток на, и без того, сложную социальную-экономическую обстановку в «слаборазвитых» регионах. В этой связи, стратегически важной целью государства является проведение политики по росту привлекательности «провинциальных» регионов. Это также косвенно способно повлиять на существующую картину корыстной преступности.

Следующая группа мер предупреждения корыстной преступности – правовые. Подробно описывать данные меры нет необходимости, так как понятно, что залогом успеха в борьбе с любыми преступлениями, является мониторинг и корректировка законодательства. Отметим, что существующие нормативно-правовые пробелы ввиду отсутствия в УК РФ пояснений относительно корыстной преступности, могут потенциально являться благоприятной средой для развития корыстной преступности. В этой связи, наиболее действенным инструментом предупреждения и противодействия будет являться борьба с коррупцией.

Основной мерой по борьбе с коррупцией в Российской Федерации принято считать законодательное регулирование данного процесса, которое представлено в рамках федерального законодательства по противодействию с коррупцией.

В соответствии с федеральным законодательством к таким мероприятиям относятся: выделение подразделений или конкретных должностных лиц, в юрисдикции которых находятся вопросы профилактики коррупции; активное взаимодействие с правоохранительными органами; внедрение в повседневную деятельность специальных стандартов и процедур, позволяющих идентифицировать коррупционные проявления; недопущение конфликта интересов; предотвращение формирования неофициальной отчетности и поддельных документов [6].

Как показывает практика, описанные выше механизмы, несмотря на теоретическую значимость, не могут в достаточной мере обеспечить полномасштабную борьбу с коррупцией.

В этой связи остро прослеживается необходимость в активном применении дополнительных мер по противодействию коррупции, наиболее значимыми среди которых являются:

1. Повышение значения общественного контроля. Создание независимых общественных объединений, в ведомости которых будет находиться антикоррупционная деятельность и контроль.

2. Поскольку в коррупционную деятельность достаточно часто вовлечены государственные служащие, занимающие определенные должности в государственных ведомствах, целесообразно повышение уровня прозрачности деятельности основных (системообразующих) органов и ведомств.

3. Антикоррупционное просвещение населения на всех уровнях: в школах, профессиональных учебных заведениях, государственных органах и т. д. Для будущих государственных служащих целесообразно применение специализированных образовательных программ [7].

Следующей группой мероприятий, способствующих снижению уровня коррупции, можно считать финансовые меры, которые в общем виде в условиях современных реалий представлены в двух вариациях:

1. Антикоррупционное стимулирование государственных гражданских служащих и прочих должностных лиц, вовлеченных в деятельность, потенциально являющейся привлекательной для коррупционных проявлений.

2. Государственная налоговая политика, целью которой можно считать снижение налогового бремени для предпринимателей (особенно в среде малого и среднего предпринимательства) [8].

Заключительная группа факторов этические меры:

- Воспитательное воздействие на неустойчивые группы населения, особенно молодежные.

- Борьба с культом наживы, который «заслоняет» действительные ценности в жизни;

- Воспитание уважения к законам. Не только о знании закона, а именно уважения. Многие рецидивисты знают уголовные законы, однако у них нет солидарности к этим законам. Зная законодательную базу, они не будут соблюдать законы, наоборот, они будут избегать уголовной ответственности. Эта мера должна формировать солидарность и уважение к законам.

Рассуждая на предмет борьбы с корыстной преступностью, стоит отметить роль оперативно-розыскной деятельности.

Батыщева Е. И. рассмотрела феномен оперативно-розыскной деятельности через призму корыстной преступности несовершеннолетних.

Автор предполагает, что личность несовершеннолетнего преступника отличается своей социальной и психологической незрелостью. Подросток может попасть под влияние других людей, может согласиться на совершение преступления, особенно если предложение исходит от значимого для него человека.

Кроме того, важным по представлению автора является такой фактор оперативно-розыскной характеристики корыстной преступности, как способ совершения преступления. «Способ совершения преступления выступает центральным элементом криминалистической характеристики. Следует отметить, что на выбор способа совершения преступления несовершеннолетним влияние имеют: черты его характера, которые определяют направленность личности; навыки, которые у несовершеннолетнего развиты слабее, чем у взрослых; привычки, выступающие как обстоятельства, оказывающие влияние на выбор способа совершения преступления. В качестве элементов способа совершения преступления корыстной направленности можно выделить следующие: подготовка к реализации преступления; при необходимости выбор орудия; механизм преступного посягательства; способ последующего сокрытия преступления».

Мотив. Мотив преступления определяется преимущественно его нравственными, правовыми ценностями, образом жизни и воспитания. Соответственно, в мотивах корыстных преступлений среди несовершеннолетних выражается их отношение к основным социальным ценностям общества.

Резюмируя вышеизложенное, справедливыми кажутся следующие выводы:

1. Корыстная преступность во всем многообразии ее форм представляет собой объект повышенной общественной опасности, поскольку подрывает конституционные основы функционирования государства.

2. Общественная опасность корыстной преступности проявляется посредством социально-экономической обусловленности, смысл которой заключается в росте уровня криминализации населения и формирования пренебрежительного отношения к закону.

3. Среди мер предупреждения корыстной преступности выделяют экономические, правовые и этические. В качестве наиболее значимых из них можно отметить: ликвидацию неравенства в уровне

общественного благосостояния; контроль макроэкономических показателей (инфляция, безработица) и соответствующая корректировка экономической и финансовой политики; совершенствование законодательства и борьба с коррупцией; формирование уважения к закону.

4. В качестве примера борьбы с корыстной преступностью были описаны оперативно-розыскные характеристики данного вида преступлений среди несовершеннолетних. Описанные факторы позволяют сформировать перечень необходимых элементов, подлежащих нормативно-правовому и научно-методическому анализу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). // URL: <https://www.consultant.ru/document/cons>
2. Корыстная преступность / Юридический словарь // Словари и энциклопедии на Академике // URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/lower/15691>
3. Юзиханова Э. Г., Смелова С. В. Тенденции и закономерности корыстной преступности // Право и управление. 2022. №12. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tendentsii-i-zakonomernosti-korystnoy-prestupnosti>
4. Криминология: учебник для вузов / под редакцией В. И. Авдийского, Л. А. Букаловой. Москва, 2025. 339 с.
5. Федеральный закон «О противодействии коррупции» от 25.12.2008 № 273-ФЗ // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82959/
6. Пилькевич Б. О. Причины и условия возникновения и развития коррупционных проявлений в современном российском обществе // Молодой ученый. 2021. № 31 (373). С. 120–123
7. Бондарь Е. А., Волчкова А. А. Проблемы противодействия коррупции: налогово-правовой аспект // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2014. №4 (28). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-protivodeystviya-korrupsii-nalogovo-pravovoy-aspekt>
8. Батыщева Е. В. Оперативно-розыскная характеристика преступлений корыстной направленности среди несовершеннолетних // Юридическая наука и практика : Вестник Нижегородской академии МВД России. 2020. №. 3. С. 161–165.

УДК 34.096

СУЩНОСТЬ КОРЫСТНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ. СОВРЕМЕННЫЕ СРЕДСТВА ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ И МЕТОДЫ БОРЬБЫ С НЕЙ

Ежов Егор Алексеевич, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st808080@ruc.su

THE NATURE OF SELF-INTERESTED CRIME. MODERN MEANS OF PREVENTION AND METHODS OF COMBATTING IT

Ezhov Egor Alekseevich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье представлено определение корыстной преступности, а также перечислены наиболее значимые характерные признаки личности преступника, среди которых пол, уровень образования, трудоустройство, эмоционально-психологическая оценка. Кратко охарактеризованы наиболее действенные средства и методы борьбы социально-экономического характера. Для повышения уровня наглядности правовых механизма противодействия корыстной преступности были описаны ее отдельные виды: мошенничество, незаконное овладение объектами интеллектуальной собственности.

Ключевые слова: корыстная преступность, мошенничество, интеллектуальная собственность, рецидив, финансовый контроль, патентное право, мораль.

Abstract: The article provides a definition of acquisitive crime and lists the most significant characteristics of the criminal's personality, including gender, level of education, employment, emotional and psychological assessment. The most effective means and methods of combating socio-economic crime are briefly described. To increase the level of clarity of the legal mechanism for combating acquisitive crime, its individual types were described: fraud, illegal possession of intellectual property.

Keywords: acquisitive crime, fraud, intellectual property, recidivism, financial control, patent law, morality.

Многообразие форм правовых отраслей в Российской Федерации определяет сложность механизма правопорядка, включающего в себя большое количество звеньев, совокупность которых гарантирует общественную безопасность, соблюдение прав и свобод гражданина и пр. Практически состоятельной сопутствующей реализации вышеупомянутых целей в отечественной правовой системе являются средства предупреждения и методы борьбы с преступностью и правонарушениями.

Тема данной статьи посвящена вопросу изучения сущности корыстной преступности через призму современных методов борьбы с ней, а также средств предупреждения. Актуальность темы исследования обусловлена множеством факторов, упоминаемых среди которых заслуживают: социально-экономическая обусловленность, влияющая на криминализацию населения, а также посягательства на конституционные основы функционирования России посредством нарушения прямых норм, закрепленных в ней.

Приведем определение корыстной преступности, после чего опишем методы ее предупреждения и борьбы с ней. Кроме того, приведем примеры конкретных преступлений, попадающих под определение корыстных преступлений.

Растегаев А. А. отмечает, что преступление может идентифицироваться как корыстное, если ее конечной целью является совершение противоправных и преступных деяний в отношении права собственности на имущество. Формой совершения корыстного преступления является преступное овладение объектом собственности с целью неосновательного обогащения [2].

Для формулирования перечня мер по предупреждению и борьбе с корыстной преступностью важным аспектом представляется криминологическая характеристика преступления, в том числе, посредством описания характеристики личности преступника.

Остановимся на наиболее значимых признаках личности преступника.

1. Социально-экономическая характеристика. Субъектами корыстной преступности чаще всего являются представители мужского пола средних лет. Львиная доля преступников числится в безработных, хоть и обладают необходимым базовым или средним образованием. Более того, по некоторым из видов корыстной преступности, среди которых мошенничество, преступники имеют высшее образование. Еще одной важной характеристикой является то, что среди таких преступников один из самых высоких показателей рецидива.

2) Описывая эмоционально-психологические качества преступников, отметим, что в подавляющем большинстве случаев они аморальны, эгоистичны, а также нигилистичны по отношению к государству и закону. Кроме того, они циничны и не обращают внимания на общепризнанные нормы морали. Среди вредных привычек, влияющих на психоэмоциональное состояние преступников выделяют пристрастие к наркотическим веществам и алкоголю, а также зависимость от азартных игр [3].

Как уже отмечалось выше, корыстные преступления имеют ярко выраженную социально-экономическую обусловленность. Следовательно, основные меры предупреждения и противодействия корыстной преступности прямо или косвенно связаны с социально-экономической политикой государства.

Черкашин В. А., отмечает: «В настоящее время необходимо осуществить следующий комплекс мероприятий по регулированию общественных отношений в сфере экономики:

- усиление финансового контроля со стороны государства, добиваясь при этом транспарентности, т. е. «прозрачности» финансовых операций;
- разработать более эффективный механизм защиты прав добросовестных собственников и предпринимателей, а также вкладчиков денежных средств;
- совершенствование системы государственной помощи для воспитания детей как родителям, так и социальными учреждениями;
- увеличение ассигнований на образование и науку, поскольку уровень образованности и развития науки свидетельствуют о степени благополучия в обществе» [4].

Важнейшим элементом борьбы с преступностью в условиях современности является противодействие коррупции, которая является ее локомотивом.

Необходимо, как в некоторых развитых азиатских странах, придать коррупции статус неприемлемости на бытовом уровне, чтоб в подсознании людей срабатывал механизм, не допускающий применение коррупционных схем и инструментов. Например, в Китае, главенствует авторитарный режим правления государством, в связи с этим к коррупционерам применяются очень жесткие меры, в том числе два вида смертных приговоров: с немедленным исполнением и отсрочкой до двух лет. Несколько по другому пути пошел Гонконг. Коррупцию там пытаются искоренить не страхом, а гражданской активностью. Объявлена гласность и свобода слова гражданскому населению, а также средствам массовой информации, в опубликовании и придании гласности совершаемых или совершенных фактах коррупции [5].

Кратко опишем особенности корысти на конкретных преступлениях.

Наиболее распространенным видом корыстного преступления является мошенничество.

Проблемы противодействия мошенничеству носят не столько законодательный характер, сколько связаны с недостаточной правовой просвещенностью населения. Например, при оформлении сделок по продаже объектов недвижимости важным аспектом представляется сотрудничество с юристом, который бы смог профессионально оценить правовые риски и проконсультировать клиента относительно уровня безопасности и законности совершаемой сделки. Кроме того, весомым подспорьем, позволившим бы достичь положительной динамики в неутешительной статистике в области мошенничества с недвижимостью [6], является создание бесплатных онлайн-уроков, на которых бы раскрывалась сущность операций по продаже недвижимого имущества, а также способов минимизации рисков столкнуться с мошенниками.

Во-вторых, менее реализуемым, однако не менее эффективным, являлось бы ужесточение уголовного наказания за факты мошенничества с недвижимостью. Согласно действующему уголовному законодательству, а именно ст. 159 УК РФ максимальный срок заключения составляет два года. Отягчающим обстоятельством в данном контексте выступает факт организованной преступности, в рамках которой ужесточение наказания может варьироваться в пределах до 10 лет [7].

Как известно все познается в сравнении. Сравнивая уголовные наказания за аналогичные виды преступлений в других странах, можно заявить о том, что в нашей стране далеко не самая жесткая форма. Согласно действующему испанскому уголовному законодательству мошенничество в сфере недвижимости карается заключением под стражу на срок до 4 лет [8], в Китае на срок до 3 лет [9].

Приведенные данные свидетельствуют о том, что целесообразным вариантом решения роста случаев мошенничества в Российской Федерации является ужесточение уголовного наказания. Понимание неотвратимости и жесткости наказания может сыграть положительную роль в процессе формирования отношения граждан России к противозаконным мошенническим действиям.

Современный этап исторического развития общества характеризуется широкомасштабным применением инновационных технологий. Разумеется, данный процесс носит в себе большое количество благ, однако встречаются и некоторые негативные последствия. К таким можно отнести незаконное овладение результатами интеллектуальной деятельности, относящихся к объектам интеллектуальной собственности, подверженные корыстным преступлениям.

Результат интеллектуальной деятельности должен сопровождаться оформлением права собственности.

Обладателям патентов на изобретение, полезную модель, промышленный образец и селекционные достижения принадлежит исключительное право на указанные результаты интеллектуальной деятельности, в частности, на использование изобретений, полезных моделей, промышленных образцов и селекционных достижений. Данные права являются объектом патентной охраны. Патентная охрана представляет собой систему правовых мер, которые направлены на восстановление и защиту прав патентообладателя.

Проблема обеспечения правовой охраны прав объектов патентных прав возникает в процессе деятельности патентообладателя, которая направлена на реализацию принадлежащих ему прав. Именно в этой связи наиболее остро и возникает проблема ограничения исключительных прав патентообладателя на объект патентных прав. В рамках вопроса об ограничении исключительных прав патентообладателя на объект патентных прав следует особо отметить институт принудительного лицензирования.

Правовую характеристику данного института следует начать с содержания исключительного права патентообладателя на объект патентной защиты. Данное определение и его содержание было достаточно подробно описано в рамках предыдущего параграфа первой главы курсовой работы.

В нашем распоряжение исключительным правом представляет собой достаточно многогранный процесс, который влияет на законность использования объектов интеллектуальной собственности. Законодательство нашей страны несколько отличается от законодательства некоторых других стран в вопросе распоряжения исключительным правом.

Так, например, в своей работе, аспирант РАНХиГС при Президенте Российской Федерации Бредихин Г. П. отмечает, что отчуждение или уступка исключительного права, активно применяемая в Российской Федерации, не применяется в таких крупных зарубежных странах, как Германия, Австрия, Швейцария. Гражданским законодательством данных стран данный феномен игнорируется, а подобные сделки признаются ничтожными [10].

Целью подобного подхода, как кажется, является защита авторских прав, поскольку допускается заключение лицензионного договора на определенный срок. Следовательно, законодательством поощряется интеллектуальная деятельность и высоко оцениваются продукты ее деятельности.

В условиях современных реалий существует большое множество способов распоряжения исключительным правом. Диапазон способов варьируется от регистрации нематериальных активов в качестве уставного капитала коммерческой организации до отчуждения (уступки) и лицензии. Анализ статистических данных и научной литературы показывает, что последние 1.5–2 года можно трактовать как кризисные, однако положительная динамика наблюдается, и есть высокая вероятность, что фактов государственной регистрации исключительного права будет становиться все больше.

Резюмируя вышеизложенное, можно сделать следующие выводы, подтвержденные примерами:

1. Корыстная преступность в качестве основной цели позиционирует неосновательное обогащение за счет овладения объектами права собственности как материального, так и нематериального характера.

2. Характеристика личности преступника позволяет судить о том, что несмотря на достаточный

уровень образования, преступники вместо того, чтобы устраиваться на работу и развивать в себе положительные социальные качества, ведут циничный образ жизни и зарабатывают деньги путем корыстных преступных схем.

3. Средства предупреждения и методы борьбы с корыстной преступности имеют ярко выраженную социально-экономическую обусловленность, что в очередной раз доказывает роль государства в устранении негативных последствий от подобной преступности.

4. В качестве наиболее распространенных видов корыстной преступности описаны мошенничество и незаконное овладение объектами интеллектуальной собственности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/
2. *Растегаев А. А.* Анализ общеуголовной корыстной преступности // Методика анализа преступности. Москва, 1986. С. 59.
3. *Агагасанов А. Ш., Исаева Л. А.* Криминологическая характеристика корыстных преступлений // Контентус. 2019. № 6 (83). // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kriminologicheskaya-harakteristika-korystnyh-prestupleniy>
4. *Черкашин В. А.* Общесоциальные меры предупреждения корыстно-насильственных преступлений // Теория и практика общественного развития. 2005. №1. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obschesotsialnye-mery-preduprezhdeniya-korystno-nasilstvennyh-prestupleniy>
5. *Луданова В. Г.* Опыт противодействия коррупции в азиатских странах // Символ науки. 2017. № 7. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/opyt-protivodeystviya-korruptsii-v-aziatskih-stranah>
6. Генеральная Прокуратура Российской Федерации. Портал правовой статистики. // URL: <http://crimestat.ru/>
7. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 23.03.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.04.2024). // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/8012ecd64b7c9cfd62e90d7f55f9b5b7b72b755/
8. *Четырин Н. А.* Ответственность за мошенничество в уголовном праве зарубежных стран // Вестник ТГУ. 2009. №6. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otvetstvennost-za-moshennichestvo-v-ugolovnom-prave-zarubezhnyh-stran>
9. *Романовская М. Н.* Мошеннические деяния по уголовному праву Китайской Народной республики // Евразийский Союз Ученых. 2017. № 4-2 (37). // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/moshennicheskie-deyaniya-po-ugolovnomu-pravu-kitayskoy-narodnoy-respubliki>
10. *Бредихин Г. П.* Распоряжение исключительным правом на объекты интеллектуальной собственности // Вестник КГУ. 2020. №2. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rasporyazhenie-isklyuchitelnyim-pravom-na-obektyintellektualnoy-sobstvennosti>

УДК 343

СОЦИАЛЬНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ РЕЦИДИВНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

Игнатова Марина Сергеевна, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st809206@ruc.su

SOCIAL DETERMINANTS OF RECIDIVISM

Ignatova Marina Sergeevna, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

Рецидив остаётся одним из важнейших показателей состояния уголовной системы любого государства, что наглядно демонстрируют современные тенденции преступности. Высокий уровень повторных преступлений говорит о недостатках существующих мер наказания и социальной адаптации тех, кто был ранее осуждён. Традиционные методы борьбы, такие как ужесточение наказаний, не всегда приводят к снижению уровня повторных преступлений, что намекает на поиск альтернативных решений данной проблемы.

Ключевые слова: рецидивная преступность, ресоциализация, социальная адаптация, детерминанты, реинтеграция.

Recidivism remains one of the most important indicators of the state of the criminal system of any State, which is clearly demonstrated by current crime trends. The high rate of repeat crimes indicates the shortcomings of existing punitive measures and the social adaptation of those who were previously convicted. Traditional methods of struggle, such as tougher penalties, do not always lead to a reduction in the rate of repeat crimes, which hints at the search for alternative solutions to this problem.

Keywords: recidivism, re-socialization, social adaptation, determinants, reintegration.

Рецидивная преступность продолжает считаться одной из наиболее острых социальных и правовых проблем, которые оказывают значительное влияние на общественную безопасность [1]. Актуальность изучения рецидивной преступности в современном обществе обусловлена рядом следующих факторов:

- Высокий уровень рецидивов среди бывших осужденных. Несмотря на внедрение программ ресоциализации, доля повторных преступлений остаётся значительной. Согласно последним статистическим данным, более 40 % освободившихся из мест лишения свободы вновь совершают преступления в течение первых трёх лет после освобождения.

- Социально-экономические факторы. Рост безработицы, бедности и социального неравенства усугубляет ситуацию с рецидивной преступностью. Отсутствие экономических перспектив и поддержки со стороны общества вынуждает бывших заключённых возвращаться к преступному образу жизни. Особенно уязвимыми становятся лица без постоянного места жительства, люди с зависимостями, а также молодежь, выходящая из мест лишения свободы без жизненных перспектив на будущее.

- Цифровизация преступности и новые формы рецидива. Развитие технологий привело к появлению новых способов совершения преступлений, среди которых киберпреступления и мошенничество в цифровой среде. Рецидивисты осваивают новые схемы преступной деятельности, которые сложнее выявлять и предотвращать, что создает дополнительные сложности для правоохранительных органов.

Более подробно остановимся на социально-экономических факторах. Уровень жизни, сфера занятости и уровень образования являются ключевыми социальными и потребительскими детерминантами рецидивной преступности [2]. Эти аспекты определяют дальнейший жизненный путь бывших осуждённых.

Уровень жизни и его влияние на рецидивную преступность проявляется в экономической нестабильности и бедности, недоступности жилья, ограниченному доступу к медицинским и социальным услугам.

1) Низкий уровень жизни после освобождения – одна из основных причин возврата к преступной деятельности. Многие бывшие осуждённые сталкиваются с отсутствием средств к существованию и ограниченным доступом к рынку труда. Эта проблема усугубляется инфляцией, ростом цен на жильё и продукты питания, что делает финансовую независимость ещё более труднодостижимой.

2) Отсутствие постоянного места жительства – реальный риск для повторного преступления. Согласно статистике, значительная часть бывших заключённых не имеет стабильного жилья. Без прописки затруднён доступ к социальным гарантиям, трудоустройству и медицинской помощи, что повышает вероятность возврата к преступной среде.

3) Многие бывшие заключённые имеют проблемы со здоровьем, в том числе психические расстройства, алкогольную и наркотическую зависимость. Однако после освобождения с недоступностью медицинской помощи, отсутствием реабилитационных программ и нехваткой психологической поддержки, что также увеличивает вероятность рецидива, так как человек остаётся один на один со своими проблемами.

Занятость и её роль в предупреждении рецидива можно увидеть в дискриминации на рынке труда, отсутствие квалификации и профессиональных навыков, низкой заработной плате и нестабильных условиях труда, отсутствии поддержки со стороны государства и бизнеса.

1) Одной из главных проблем ресоциализации бывших осуждённых является сложность трудоустройства. Работодатели нередко отказывают в приёме на работу лицам с судимостью, опасаясь возможных рисков. В результате выходит на то, что даже те, кто готов изменить свою жизнь, не имеют возможности законно зарабатывать. Отсюда наблюдается замкнутый круг: безработица приводит к бедности, а бедность – к необходимости добывать средства существования незаконным путём.

2) Многие заключённые выходя на свободу без востребованных навыков и порой даже профессий. В пенитенциарных учреждениях программы профессионального обучения либо отсутствуют, либо не соответствуют требованиям современного рынка труда. Безработица среди бывших осуждённых связана не только с дискриминацией, но и с недостаточным уровнем компетенций, необходимых для легального трудоустройства.

3) Даже если человек с судимостью находит работу, это, как правило, низкооплачиваемый и временный труд без социальных гарантий. В таких условиях снижается мотивация к честному труду, особенно когда преступная деятельность приносит более высокий доход.

4) Во многих странах существуют квоты на трудоустройство бывших осуждённых, но на деле эти программы неэффективно работают. Государственные и частные инициативы по реинтеграции осуждённых в трудовую сферу часто оказываются формальными и не решают проблему в сфере занятости.

Образование как фактор социальной адаптации проявляется преимущественно в низком образовательном уровне среди рецидивистов, недостаточной доступности образовательных программ в исправительных учреждениях и ограниченных возможностях дополнительного образования после освобождения.

1) Исследования показывают, что большая часть рецидивистов имеет низкий уровень образования. Это не только ограничивает их возможности трудоустроиться, но и снижает способность к социальной адаптации. Лица с низким уровнем образования в основном не склонны к поиску легальных путей решения проблем и чаще всего прибегают к преступной деятельности.

2) Современные пенитенциарные учреждения, как говорилось ранее, не всегда обеспечивают за-

ключённым возможность получения образования или профессиональных навыков. В результате это делает их неконкурентоспособными на рынке труда.

3) Даже если человек хочет получить образование после выхода из мест лишения свободы, у него зачастую отсутствуют финансовые возможности и доступ к образовательным программам. На сегодняшний день онлайн-образование очень популярно, но многие бывшие осуждённые не могут воспользоваться данной возможностью из-за нехватки технических средств или базовых цифровых навыков.

Анализ социальных и потребительских детерминант рецидивной преступности показывает, что уровень жизни, занятость и образование оказывают ключевое влияние на вероятность повторного совершения преступления. Бывшие осуждённые, оказавшиеся в неблагоприятных социальных и экономических условиях, сталкиваются с многочисленными препятствиями, которые снижают их шансы на успешную реинтеграцию в общество.

Для эффективного снижения рецидивной преступности необходимо внедрение комплексных программ социальной адаптации, включающих меры по поддержке трудоустройства, обеспечению жильём, медицинской и психологической помощи. Развитие пенитенциарного образования и профессионального обучения также важно рассматривать как направление, которое позволит заключённым выйти на свободу с новыми навыками, повышающими их конкурентоспособность на рынке труда.

Вполне среди перспективных направлений работы можно отметить:

- Государственные программы по трудоустройству для бывших осуждённых, включающие налоговые льготы для работодателей, нанимающих лиц с судимостью.
- Создание центров социальной реабилитации, где бывшие осуждённые могли бы получить временное жильё, медицинскую помощь и психологическую поддержку.
- Развитие дистанционного образования и программ профессиональной переподготовки для заключённых и освобождённых, что поможет им адаптироваться к требованиям современного рынка труда.
- Стимулирование участия частного бизнеса в программах ресоциализации, чтобы расширить возможности занятости для лиц, освобождённых из мест лишения свободы.

Таким образом, проблема рецидивной преступности требует не только уголовно-правовых решений, но и углубленной социальной работы. Только системный подход, направленный на устранение ключевых факторов риска, позволит добиться значительного снижения уровня повторных преступлений и создать условия для успешной реинтеграции бывших осуждённых в общество.

ЛИТЕРАТУРА

1. Трубникова А. Ю. Актуальные вопросы противодействия рецидивной преступности // Молодой ученый. – 2023. – № 24 (471). – С. 314–317.
2. Филиппова О. В. Общесоциальные детерминанты рецидивной преступности // Вестник Томского государственного университета. – 2020. – №457. – С. 261–265.

УДК 347.77

К ВОПРОСУ О ПРАВОСУБЪЕКТНОСТИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Колоколова Елена Олеговна, кандидат философских наук, доцент

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: kolokolovalena@mail.ru

ON THE QUESTION OF THE LEGAL PERSONALITY OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE

Kolokolova Elena Olegovna, PhD (Philosophy), Associate Professor

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье проводится анализ действующего законодательства, регулирующего отдельные аспекты отношений в сфере применения искусственного интеллекта. Рассмотрены различные позиции относительно признания права авторства на результаты, созданные с использованием искусственного интеллекта.

Ключевые слова: искусственный интеллект, право интеллектуальной собственности, результат интеллектуальной деятельности, нейросеть, автор, правообладатель.

The article analyzes the current legislation regulating certain aspects of relations in the field of artificial intelligence. Various positions regarding the recognition of the right of authorship to the results created using artificial intelligence are considered.

Keywords: artificial intelligence, intellectual property law, result of intellectual activity, neural network, author, copyright holder.

Век стремительного развития технологий, глобализации и информатизации общественных процессов ставит новые вызовы не только перед человечеством, которое должно осмыслить роль, значе-

ние и место искусственного интеллекта в системе социально-экономических связей, но и перед законодателем, которому необходимо облечь статус искусственного интеллекта в правовую форму с учетом его особенностей, моральных, нравственных и иных ценностей.

Еще недавно искусственный интеллект являлся предметом научно-фантастических произведений, а сегодня он плотно входит в обыденную жизнь каждого человека, открывая массу возможностей и перспектив, с одной стороны, но, с другой стороны, ставя определенные этические и правовые вопросы, а также формируя новые возможные угрозы и риски.

В рамках данной работы будет рассмотрен правовой аспект статуса искусственного интеллекта, соответствие действующего законодательства современным вызовам в данной сфере отношений, а также сделаны предположения о перспективах развития правосубъектности искусственного интеллекта.

Современные возможности нейросетей успешно решают многие задачи, хотя находятся практически на начальном этапе развития. Соответственно, со временем, поставленные задачи и решаемые проблемы будут усложняться, многие функции человека будут заменены искусственным интеллектом. И это неизбежно, данный процесс не остановить.

На современном этапе остается только решить проблему правовой квалификации объектов, генерируемых искусственным интеллектом, установить границы самостоятельности нейросетей, как частного вида искусственного интеллекта, которые способны развиваться как самореферентные, аутопоэтические, саморефлексирующие системы, сформировать основу безопасного функционирования информационных технологий.

В связи с этим разрешения требуют вопросы о достаточности действующего законодательства в сфере установления, осуществления и защиты интеллектуальных прав для регулирования, поставленных выше вопросов, а также о соответствии современных цивилистических представлений о субъектах в сфере права интеллектуальной собственности.

Технологический и информационный мир меняется, что опосредует изменение общественных отношений, которые требуют нового подхода в правовом регулировании и решения вопроса о правосубъектности искусственного интеллекта.

Действующее законодательство, в частности статья 1228 Гражданского кодекса РФ, закрепляет в качестве субъекта права интеллектуальной собственности, которому первоначально могут принадлежать права на созданный результат интеллектуальной деятельности, только физическое лицо, интеллектуальным (творческим) трудом которого создан объект, признаваемый в качестве такого результата. Однако, закон не содержит категорий «искусственный интеллект» и «нейросеть».

Категория «искусственный интеллект» в рамках правового поля России в настоящее время закреплена только на подзаконном уровне, в частности, в пункте 5 Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года. Под искусственным интеллектом следует понимать «комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека или превосходящие их. Комплекс технологических решений включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение (в том числе, в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений». В данном акте также закрепляется следующая категория: «сильный искусственный интеллект – тип искусственного интеллекта, который способен выполнять различные задачи, взаимодействовать с человеком и самостоятельно (без участия человека) адаптироваться к изменяющимся условиям» [1].

Более лаконичное определение искусственного интеллекта содержится в п. 3.17 ГОСТ Р 43.0.5–2009, который определяет его как «моделируемая (искусственно воспроизводимая) интеллектуальная деятельность мышления человека» [2].

Исходя из данных дефиниций, искусственный интеллект представляет собой совокупность действий, решений, которая имитирует (моделирует) функции мыслительной деятельности человека. Что, в свою очередь, позволяет говорить о сопоставлении деятельности искусственного интеллекта и полученных им результатов с интеллектуальной деятельностью и результатами такой деятельности человека.

Важно отметить, что человек, являясь инициатором начала функционирования искусственного интеллекта, создавая комплекс технологических решений, все же в последующем отстраняется от решения поставленных перед искусственным интеллектом задач, что позволяет говорить о том, что человек не замещает его функции.

Нейросети, исходя из системного анализа информации, следует рассматривать как инструмент ис-

кусственного интеллекта, т. е. обучаемую компьютерную программу, работающую по алгоритму, схожему с человеческим мозгом. Однако, в целях унификации законодательства в сфере интеллектуальной собственности все же следует ввести легальное определение данной категории.

Так как нейросети строятся на принципах искусственного интеллекта, то в обыденном сознании для многих искусственный интеллект и нейросеть представляют собой синонимы, что не вполне обосновано с позиции как содержательной характеристики данных категорий, так и с позиции юридической техники.

В научной сфере по вопросу признания прав авторства на результаты, созданные искусственным интеллектом, существует несколько точек зрения.

Одни авторы считают, что искусственный интеллект может быть признан субъектом прав на результат интеллектуальной деятельности, которому могут принадлежать права на созданный результат [3, с. 26].

Другие авторы не столь критичны в своих предложениях о признании в любом случае искусственного интеллекта субъектом права, ограничивая его статус специальной правосубъектностью только при наличии определенных программно-синтезированных способностей, в зависимости от их наличия и объема. Таким образом, искусственный интеллект, претендующий на правовой статус электронного субъекта права, – это программно-техническое средство, обладающее биоподобными способностями, включающими способность обучаться, заниматься творчеством, проходить тестирование и накапливать опыт [4, с. 80].

На современном этапе развития научно-технического прогресса в сфере компьютерных технологий говорить о признании искусственного интеллекта в качестве самостоятельного субъекта, хотя бы и наделенного специальной правоспособностью при наличии установленных критериев и параметров, считаем преждевременной и необоснованной. В будущем такая возможность однозначно будет реализована при наличии соответствующих качеств такой системы.

Ряд исследователей считает, что право на воспроизведенные искусственным интеллектом объекты, принадлежит автору, создавшему такой искусственный интеллект, т. к. именно такой человек (именно человек) прописывает алгоритм деятельности искусственного интеллекта, задает необходимые параметры для достижения определенного результата. Однако, для создания объекта с помощью нейросети недостаточно только прописанных разработчиком алгоритмов, поэтому пользователю для получения необходимого результата требуется задать дополнительные параметры, загрузить дополнительные данные, которые он формирует исходя из собственных представлений, потребностей, видения. В настоящее время владельцы и пользователи нейросетей регулируют отношения посредством заключения пользовательского соглашения, в соответствии с которым, как правило, владелец извлекает прибыль посредством предоставления платного доступа к нейросети, а пользователь вправе реализовывать полученные с помощью нейросети результат по собственному усмотрению.

Данный вывод подтверждается и судебной практикой.

Рассматривая дело о защите исключительных прав на видеоролик, суд указал, что Deep-fake – технология, основанная на использовании генеративно-сопоставительных нейросетей (GAN), которые позволяют частично преобразовывать исходный видеоряд с помощью алгоритмов, созданных человеком. Такое преобразование не исключает тот факт, что исходный видеоряд создан творческим трудом авторов. Суд отклонил довод ответчика о том, что видеоряд полностью сгенерирован нейросетью, а также о том, что созданный видеоролик не является объектом авторского права по причине использования технологии Deep-fake, поскольку технология Deep-fake – это дополнительный инструмент обработки (технического монтажа) видеоматериалов, а не способ их создания. Поэтому суд удовлетворил иск о защите исключительных прав [5].

Рассматривая спор о защите исключительных прав на изображение, суд отклонил как необоснованный довод ответчика о том, что спорное изображение сгенерировано через нейросеть (искусственный интеллект), в связи с чем не может быть признано объектом авторского права. В качестве доказательств авторства спорного изображения суд принял представленный истцом скриншот, в котором произведение открыто в 3D-формате, который имеется только у автора изображения, как обладателя исходного файла 3D-модели с расширением BLEND. Суд заключил, что только истец, как автор произведения, обладающий исходным файлом 3D-модели изображения, имел возможность преобразовать файл BLEND в такой формат изображения, как JPG с большим разрешением, что подтверждается представленной суду видеозаписью осмотра файла с изображением, на которой зафиксировано, что в свойствах изображения в разделе «подробнее» указаны в том числе фамилия и имя автора, разрешение изображения 7500×6000 пикселей. Суд указал, что в п. 109 постановления Пленума ВС РФ от 23.04.2019 № 10 разъяснено, что при рассмотрении судом дела о защите авторских

прав надлежит исходить из того, что, пока не доказано иное, автором произведения считается лицо, указанное в качестве такового на оригинале или экземпляре произведения либо иным образом в соответствии с п. 1 ст. 1300 ГК РФ (ст. 1257 ГК РФ) [6].

В научном сообществе существует точка зрения, в соответствии с которой на искусственный интеллект не могут распространяться правомочия автора, т. к. отсутствует признак творческого характера деятельности [7, с. 20].

В данном случае приходится констатировать, что такой подход тоже не является оправданным, т. к. созданные объекты могут иметь коммерческую ценность, что в свою очередь опосредует интерес к инвестициям в сферу искусственного интеллекта. А отрицание признания необходимости охраны правового статуса созданного с помощью искусственного интеллекта объекта, лишает возможность монетизировать право на такой объект, а следовательно, такая ситуация может негативно сказаться на развитии рассматриваемой области отношений.

Исходя из системного анализа норм действующего законодательства, правоприменительной практики и современного уровня развития искусственного интеллекта, следует на сегодняшнем этапе признать право авторства на результаты полученные с помощью искусственного интеллекта за человеком, который осуществляет подбор команд и параметров, отбирая данные для обучения искусственного интеллекта, тем самым вносит решающий вклад в оригинальность, творческий характер полученного результата, хоть и полученного посредством участия нейросети. Таким образом, в настоящее время необходимо исходить из презумпции авторства лица – пользователя искусственного интеллекта (нейросети).

ЛИТЕРАТУРА

1. О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации: указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 // Официальный Интернет–портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 11.10.2019
2. ГОСТ Р 43.0.5–2009. Национальный стандарт Российской Федерации. Информационное обеспечение техники и операторской деятельности. Процессы информационно–обменные в технической деятельности. Общие положения: утв. и введен в действие Приказом Ростехрегулирования от 15.12.2009 № 959–ст. Москва : Стандартинформ, 2010.
3. Антонов А. А. Искусственный интеллект: вопросы правосубъектности / Е. А. Антонов // Юрист. 2023. № 9. С. 23–28.
4. Кирилова Е. А., Зюльфугарзаде Т. Э. К вопросу о правосубъектности искусственного интеллекта / Е. А. Кирилова, Т. Э. Зюльфугарзаде // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2024. № 4. С. 76–80.
5. Постановление Девятого ААС от 8 апреля 2024 г. № 09АП–642/24 // <https://arbitr.garant.ru/#/document/63646800/paragraph/4:0>
6. Постановление Тринадцатого ААС от 6 февраля 2024 г. № 13АП–37912/23 // <https://arbitr.garant.ru/#/document/64167446/paragraph/1:0>
7. Витко В. Анализ научных представлений об авторе и правах на результаты деятельности искусственного интеллекта / В. Витко // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2019. № 3. С. 5–22.

УДК 343

ВЛИЯНИЕ НОРМ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА НА УГОЛОВНУЮ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ С УЧЁТОМ ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ, СВЯЗАННЫХ С ПРОВЕДЕНИЕМ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ НА ТЕРРИТОРИИ УКРАИНЫ

Кондрашкин Александр Сергеевич, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: kondr.ac@ruc.su

THE IMPACT OF INTERNATIONAL LAW ON THE CRIMINAL LIABILITY OF MINORS, TAKING INTO ACCOUNT THE GLOBAL CHALLENGES ASSOCIATED WITH THE CONDUCT OF A SPECIAL MILITARY OPERATION ON THE TERRITORY OF UKRAINE

Kondrashkin Alexander Sergeevich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

Исследование посвящено анализу интеграции и использованию международных правовых норм и стандартов в российскую правовую систему в контексте регулирования уголовной ответственности несовершеннолетних. Особое внимание уделено необходимости гармонизации национального законодательства с положениями основных международных правовых актов, таких как Конвенция о правах ребенка (1989 г.), Пекинские правила (1985 г.) и Женевская декларация (1924 г.), подчеркивая их роль в формировании воспитательного (восстановительного) подхода и минимизации в применении суровых мер уголовной ответственности.

Ключевые слова: ювенальная юстиция, Пекинские правила, восстановительный подход, уголовная ответственность несовершеннолетних, имплементация международных стандартов, Конвенция о правах ребенка, Женевская декларация, медиация, межведомственное взаимодействие, репрессивная парадигма, социальная реадaptация.

The study is devoted to the analysis of the integration and use of international legal norms and standards in the Russian legal sys-

tem in the context of the regulation of juvenile criminal liability. Special attention is paid to the need to harmonize national legislation with the provisions of major international legal acts, such as the Convention on the Rights of the Child (1989), the Beijing Rules (1985) and the Geneva Declaration (1924), emphasizing their role in shaping an educational (restorative) approach and minimizing the use of harsh criminal penalties.

Keywords: Keywords: juvenile justice, Beijing Rules, restorative approach, juvenile criminal responsibility, implementation of international standards, Convention on the Rights of the Child, Geneva Declaration, mediation, interagency cooperation, repressive paradigm, social readaptation.

В контексте современных правовых трансформаций, обусловленных необходимостью гармонизации национального законодательства с международно-правовыми стандартами, вопросы оптимизации институционально-правовых механизмов регулирования уголовной ответственности несовершеннолетних приобретают статус приоритетного направления в правотворческой деятельности органов государственной власти и предмета междисциплинарного научного анализа. Данная проблематика, находящаяся во введении законодательной, исполнительной и судебной ветви власти требует реализации комплексной стратегии реформирования ювенальной юстиции.

В качестве ключевого аспекта данной стратегии следует выделить взаимодействие национального права с международным, которое проявляется в ратификации (при необходимости) и дальнейшей имплементации положений универсальных конвенций и резолюций (включая Конвенцию ООН о правах ребенка, и не требующие ратификации Минимальные стандартные правила ООН, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних, так называемые «Пекинские правила») в российскую правовую систему.

Высшие судебные инстанции (ВС РФ, КС РФ), осуществляя толкование норм уголовного законодательства, руководствуются принципом субсидиарности, адаптируя международные правовые акты, несущие рекомендательный характер к социокультурным реалиям и правовым традициям государства, для обеспечения баланса между гуманизацией ответственности несовершеннолетних и необходимостью защиты публичных интересов самого государства.

Важно отметить, что интеграция без их ратификации «Пекинских правил» (Минимальные стандартные правила ООН, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних, от 29 ноября 1985 г.) в российскую правовую систему представляет собой сложный процесс, сочетающий в себе имплементацию международных стандартов со спецификой национального уголовного законодательства [1, 3].

Данные правила, будучи рекомендательными, не обладают прямым действием, однако их принципы реализуются в российское законодательство посредством ратификации иных международных договоров, а также находят своё отражение в федеральных законах и подзаконных правовых актах, тем самым создавая прочную основу для гуманизации уголовной ответственности несовершеннолетних.

В контексте российской правовой системы ключевым аспектом является интеграция положений Пекинских правил с нормами Уголовного кодекса РФ (УК РФ), Уголовно-процессуального кодекса РФ (УПК РФ) и действующего по настоящее время Федерального закона «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» принятого в 1999 г.

Согласно «Пекинским правилам», приоритет отдается так называемому восстановительному подходу, минимизации карательных мер, учету возрастных и социально-психологических особенностей несовершеннолетних и по возможности минимизация погружения их в «криминальную среду».

Данные принципы нашли отражение в главе 14 УК РФ, где закреплены особенности уголовной ответственности лиц, не достигших 18 лет: сниженные сроки наказаний, особое внимание уделено принудительным мерам воспитательного воздействия (ст. 90–92 УК РФ), также важно отметить и запрет пожизненного лишения свободы.

Аналогично, ст. 420–432 УПК РФ предусматривают особую процедуру уголовного судопроизводства в отношении несовершеннолетних, включая обязательное участие защитника, педагога. Также особое внимание уделяется восстановительному подходу в реализации уголовной политики в отношении несовершеннолетних.

Однако критики отмечают, что на практике доминирование карательной парадигмы, особенно в случаях тяжких преступлений, снижает эффективность данных норм, что ставит под вопрос о необходимости и актуальности имплементации «Пекинских правил».

Дискуссия о необходимости «Пекинских правил» для России строится вокруг двух основных позиций. Сторонники их интеграции подчеркивают, что правила усиливают защиту прав детей, соответствуют конституционному принципу приоритета международного права (ст. 15 Конституции РФ) и способствуют снижению рецидивов через социальную реадaptацию [1, 2].

Например, статистика Судебного департамента при ВС РФ за 2022 год показывает, что 67 % несовершеннолетних, к которым применены воспитательные меры, не совершают повторных преступлений, что подтверждает эффективность восстановительного подхода. Кроме того,

«Пекинские правила» в отдельных аспектах схожи с Конвенцией о правах ребенка (1989 г.), ратифицированной Россией, которая обязывает государства обеспечить особую процедуру для процесса над несовершеннолетними правонарушителями (ст. 40).

Противники же указывают на избыточность международных стандартов в условиях развито сформированного национального законодательства. По их мнению, возможность освобождения от наказания несовершеннолетних с применением принудительных мер воспитательного воздействия или с помещением в учебно-воспитательное спецучреждения закрытого типа (ст. 92 УК РФ) уже охватывают ключевые аспекты «Пекинских правил». Более того, критики обращают внимание на противоречия между мировыми подходами и национальными реалиями, что особенно актуально в настоящее время.

Например, в России сохраняется высокий уровень общественного запроса на строгость наказаний за тяжкие преступления, что ограничивает применение воспитательных мер в таких случаях. Данная позиция находит свое обоснование особенно во время проведения специальной военной операции (далее по тексту СВО) на территории Украины.

Но с другой стороны ведь основной задекларированной целью Конвенции является формирование такого сознания (мышление) и поведения, чтобы подростки, с одной стороны, не стали жертвами преступлений, с другой – сами не совершили преступление.

Что особенно важно, когда со стороны спецслужб Украины (СБУ) путём запугивания, шантажа и угроз идёт вербовка несовершеннолетних лиц с целью совершения как правило тяжких и особо тяжких преступлений их руками на территории России для дестабилизации социально-политической обстановки внутри страны. Получается, что в отношении подрастающего поколения совершаются особо тяжкие преступления со стороны украинских спецслужб, при этом же сами жертвы являясь с одной стороны потерпевшими становятся преступниками, совершая тяжкие и особо тяжкие преступления вплоть до терактов.

При проведении сравнительного анализа с другими международными актами, интегрированными в российскую правовую систему можно отметить, что Европейские правила для несовершеннолетних правонарушителей (2009 г.), в отличие от «Пекинских правил», делают больший акцент на процесс медиации который почти не нашёл своей реализации в российском законодательстве (ст. 25 УПК РФ) которая может применяться судом или следственными органами (в том числе органами дознания) ко всем лицам вне зависимости от их возраста.

Также хотелось бы отметить, что Конвенцию о правах ребенка обязывает государствам принимать такие законы и реализовывать воспитательно-профилактические, правовые меры, которые должны в первую очередь защищать интересы подрастающего поколения [2, 3].

Принятая более ста лет назад Женевская декларация прав ребенка, ставшая первым в истории международным актом, закрепившим особый правовой статус несовершеннолетних, заложила концептуальные основы гуманизации подходов к ювенальной юстиции.

Как подчеркивает С. В. Хмелевский, ключевая ценность этого правового акта заключалась в опережающем для своей эпохи понимании необходимости так называемого «дифференцированного» отношения к несовершеннолетним преступникам [4].

В нем предлагалось внедрять механизмы, исключаящие суровые наказания в отношении детей: акцент делался на воспитательно-психологическую коррекцию, социально-педагогическое сопровождение и восстановительные методики, направленные на реинтеграцию подростков в образовательную среду и общество.

Данная парадигма была весьма прогрессивной и даже революционной для начала XX века, показывая запрос общества на преодоление уже устаревших моделей «наказания ради возмездия», доминировавших в уголовном праве многих стран.

В настоящее время данные принципы сохраняют актуальность, трансформируясь в современные стандарты, отдающие и подчёркивающие приоритет воспитательных мер над репрессиями и жёстким наказанием (ст. 87–90 УК РФ) и развитие служб пробации (комиссия по делам несовершеннолетних).

Однако, если в 1924 г. внедрение подобных подходов требовало преодоления сопротивления традиционных устоявшимся устоям, то в XXI веке вызовы связаны с оптимизацией межведомственного взаимодействия (образование, соцзащита, правоохранительные органы) и внедрением доказательных реабилитационных методик, основанных сугубо на научном подходе, а не предрассудках.

Историческая преемственность идей Женевской декларации прослеживается в российской правовой системе через имплементацию Пекинских правил (1985 г.) и Конвенции о правах ребенка (1989 г.), что подтверждает универсальность принципов, сформулированных столетие назад, в контексте защиты прав несовершеннолетних лиц в стремительно изменяющемся мире.

Таким образом, проведенный анализ демонстрирует, что ратификация и дальнейшая имплементация международных стандартов как с ратификацией, так и без неё в российскую правовую систему, включая Пекинские правила и Конвенцию о правах ребенка, остаётся ключевым инструментом гума-

низации уголовной ответственности несовершеннолетних, ориентированным на приоритет воспитательно-восстановительных мер над репрессивными.

Однако, несмотря на формальное закрепление прогрессивных норм в УК РФ и УПК РФ, сохраняется своего рода значительный дисбаланс между декларируемыми принципами и правоприменительной практикой, где доминирование карательной практики, особенно в случаях тяжких преступлений, снижает эффективность социальной реадaptации несовершеннолетних.

При этом важно отметить, что в контексте современных вызовов, обусловленных проведением СВО, актуальность защиты прав несовершеннолетних приобретает особое значение ведь вербовка подростков украинскими спецслужбами, сопровождающаяся их вовлечением в совершение тяжких и особо тяжких преступлений, требует пересмотра подходов к профилактике, воспитательно-восстановительным мерам, уголовному преследованию и уголовной ответственности, что в свою очередь требует усиления межведомственного взаимодействия, внедрения научно обоснованных методик противодействия манипуляциям, а также разработки собственного и адаптации имеющегося международного опыта к реалиям гибридных угроз, где несовершеннолетние становятся одновременно жертвами и преступниками становясь тем самым инструментом дестабилизации внутриполитической обстановки внутри страны.

Историческая преемственность идей гуманизации наказания, начиная от Женевской декларации, должна быть дополнена новыми инновационными практиками и стратегиями, учитывающими как традиционные угрозы, так и новые формы эксплуатации подростков в условиях геополитической конфронтации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Российской Федерации : принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г. с поправками, одобренными в ходе всероссийского голосования 1 июля 2020 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 1993.
2. Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 г., вступила в силу для СССР 15 сентября 1990 г.). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
3. Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила) (приняты Резолюцией Генеральной Ассамблеей ООН 40/33 от 29 ноября 1985 г.) // официальный сайт Организации Объединенных Наций. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/beijing_rules.shtml.
4. Хмелевский С. В. Международно-правовая защита детей с древности до начала Второй мировой войны // Пробелы в российском законодательстве. 2012. №. С. 295–298.

УДК 34

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УСТАНОВЛЕНИЯ ИНВАЛИДНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Крылова Людмила Сергеевна, преподаватель

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: l.s.krilova@ruc.su

ACTUAL PROBLEMS OF DISABILITY IDENTIFICATION IN THE RUSSIAN FEDERATION

Krylova Lyudmila Sergeevna, Lecturer

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье рассматриваются основные вопросы, связанные с порядком установления инвалидности. Проанализированы цели социальной политики в области предоставления мер социальной поддержки лицам с ограниченными возможностями здоровья. Выделены основные проблемы и пути их решения в данной области.

Ключевые слова: инвалид, группа инвалидности, медико-социальная экспертиза, ограничение жизнедеятельности, утрата трудоспособности, социальная защита.

The article discusses the main issues related to the procedure for establishing disability. The objectives of social policy in the field of providing social support measures to people with disabilities are analyzed. The main problems and ways to solve them in this area are highlighted.

Keywords: disabled person, disability group, medical and social expertise, disability, disability, social protection.

На сегодняшний день инвалидность является достаточно одной из острых социальных проблем. Согласно статистическим данным, в мире проживает более миллиарда людей, которые признаны инвалидами и нуждаются в мерах социальной поддержки. Поэтому социальная политика любого государства, должна являться приоритетным направлением по созданию наиболее благоприятных условий жизнедеятельности граждан.

Установление инвалидности является одним из юридических фактов, который в последствии порождает предоставление государством мер социальной поддержки как в денежной форме, так и в натуральной, предусмотренных законодательством.

Ключевая роль при определении группы инвалидности, категории «ребенок инвалид», а также потребностей освидетельствуемого лица в мерах социальной защиты непосредственно отводится учреждениям медико-социальной экспертизы, в структуру которых входят: Федеральное бюро медико-социальной экспертизы, Главное бюро медико-социальной экспертизы в городах и районах.

Направление на проведение медико-социальной экспертизы гражданину выдается медицинской организацией на основании решения врачебной комиссии, подтверждающее стойкое расстройство функций организма. Ранее, данное направление имели право выдать органы социальной защиты и органы пенсионного обеспечения, что вызывало ряд трудностей, которые были обоснованы тем, что дополнительные обследования приходилось назначать бюро медико-социальной экспертизы самостоятельно и данный факт затягивал во временных рамках процедуру установления инвалидности.

У гражданина до введения в действия новых правил порядка признания лица инвалидом была возможность самостоятельно обратиться в бюро, имея справку из медицинской организации, подтверждающая наличие стойких расстройств функции организма, приводящих к ограничению жизнедеятельности, то сейчас лицо может получить, в случае отказа медицинской организации в направлении его на экспертизу, заключение врачебной комиссии и на его основании подать жалобу в вышестоящую инстанцию.

Постановление Правительства Российской Федерации от 05 апреля 2022 года «О признании лица инвалидом» предусматривает определенные формы проведения медико-социальной экспертизы: с личным присутствием гражданина, без личного присутствия гражданина, дистанционно, с применением информационно-коммуникационных технологий, с выездом к гражданину по месту его жительства [1].

Несмотря на определенные преимущества проведения освидетельствования лица и установления группы инвалидности, с применением информационно-коммуникационных технологий, есть ряд проблем, связанных с отсутствием возможности физического осмотра лица, искажение информации, участие третьих лиц, ограниченная техническая инфраструктура. Ряд вопросов возникает по идентификации личности, а также конфиденциальности персональных данных и медицинской тайны.

Порядок проведения медико-социальной экспертизы осуществляется в строгом регламенте, при котором учитываются критерии, классификации необходимые для установления инвалидности.

Критериями установления инвалидности являются одна из четырех степеней выраженности стойких нарушений функций организма, обусловленных заболеваниями, последствиями травм или дефектами, приводящие к ограничению одной из степеней категорий жизнедеятельности. Исходя из критериев определены три группы инвалидности, детям в возрасте до 18 лет устанавливается категория «ребенок инвалид».

Инвалидность как юридический факт в праве социального обеспечения, по своей конструкции характеризуется сложным юридическим составом. Отсутствие хотя бы одного из необходимых условий не порождает правоотношений по социальной защите. Именно в этом и заключается юридическое значения установления группы инвалидности, потому как от данного факта непосредственно зависит размер и объем социальной помощи от государства. Если в ходе переосвидетельствования лица изменяется категория инвалидности, то и изменяется содержание правоотношения по социальной защите инвалидов. Так система социальных гарантий для лица в зависимости от степени инвалидности может быть расширена или сужена. Перечень льгот и мер социальной поддержки зависит преимущественно от присвоенной группы и категории инвалидности.

Стоит отметить, что медико-социальная экспертиза на сегодняшний день проводится без доступа к персональным данным гражданина, специалистам необходимо проанализировать медицинские данные обратившегося лица, его социально-бытовые, профессионально-трудовые данные и на основании полученных материалов определить группу инвалидности и указать перечень мер социальной защиты.

По результатам проведения экспертизы гражданину выдается справка, удостоверяющая факт инвалидности или категория ребенок с инвалидностью и одновременно лицо получает индивидуальную программу реабилитации (ИПР), в которой учитываются индивидуальные особенности инвалида.

Анализируя деятельность Федерального казенного учреждения «Главное бюро медико-социальной экспертизы по Республике Мордовия» Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации стоит отметить, что за прошедший 2024 год было проведено порядка 15 413 медико-социальных экспертиз, из них объем первичных экспертиз составил 4 656, инвалидность установлена 4 091 гражданам, бессрочно 491 человеку. Повторных медико-социальных экспертиз, направленных на переосвидетельствование за 2024 год, прошли 9 160 человек. Количество обратившихся, для определения степени утраты профессиональной трудоспособности составило 30 человек.

Анализируя первичную инвалидность лиц старше 18 лет в Республике Мордовия, учитывая клас-

сы болезней по МКБ-10, в динамике показывает, что причиной первичной инвалидности являются злокачественные новообразования – 41,6 %, болезни системы кровообращения – 26,4 % и третье место занимают болезни косно-мышечной системы – 7,3 %.

Граждане, которым медико-социальная экспертиза проведена для определения причины смерти гражданина, за все годы наблюдения составляют единичные случаи, которые не достигают одного процента в структуре первичных медико-социальных экспертиз (2024 г. – 0,6 %).

Изучение особенностей структуры контингента ВПИ из числа взрослого населения с учетом групп инвалидности в динамике показало, что реже всего при первичном освидетельствовании устанавливалась инвалидность I группы. Анализ структуры первичной инвалидности по группам с учетом возраста показал, что в структуре первичной инвалидности по тяжести в 2024 г. отмечается увеличение доли инвалидов III группы.

Детская инвалидность – это один из наиболее чувствительных индикаторов состояния общественного здоровья, являющееся выражением качества жизни населения в целом. Динамика уровня детской инвалидизации в 2024 году составила 23,1 на 10 тыс. детского населения. Показатели детской инвалидности позволяют судить об образе жизни молодежи (врожденные аномалии), материальном обеспечении молодых семей (инвалидизация детей с хроническими заболеваниями при отсутствии лечения из-за недостатка средств), уровне дорожно-транспортных происшествий и экологических катастроф (инвалидность вследствие травматизма) и другие факторы.

Федеральным казенным учреждением «Главное бюро медико-социальной экспертизы по Республике Мордовия» Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации в 2024 году было проведено 346 экспертиз, при первичном освидетельствовании категория ребенок-инвалид была установлена 292 детям.

Инвалидность сегодня представляет комплексную социальную проблему, которая требует координации со стороны органов государственной власти, управленческих структур различной ведомственной принадлежности.

Основываясь на анализе практической деятельности учреждений медико-социальной экспертизы, следует отметить, что не всегда обращения граждан конституируются фактом установления инвалидности, нередко встречаются случаи отказа в установлении группы инвалидности, либо в случае прохождения переосвидетельствования, гражданин утрачивает группу инвалидности. В связи с чем приходится оспаривать данный факт, обращаясь в вышестоящие инстанции. Нередко заявители сомневаются в квалификации, независимости экспертного состава, их предвзятости.

Одними из проблем, возникающие при установлении группы инвалидности, могут быть такие как несогласие с установленными причинами инвалидности, срок её наступления, продолжительность, на которую устанавливается группа инвалидности, а также меры социальной защиты, перечисленные в индивидуальной программе реабилитации (ИПР). Наличие заболевания у гражданина не всегда служит основанием для установления инвалидности, так как здесь необходимо учитывать ряд установленных критериев и правил [2].

Суды отмечают тот факт, что установление инвалидности не относится к компетенции суда, если данное требование заявлено гражданином. В своих решениях, касающихся как правило незаконного отказа в признании лица инвалидом, недействительные решений бюро, либо протокола врачебной комиссии, возложении обязанности изменить группу, срок на который установлена инвалидность, суд как правило в мотивировочной части своего решения основывается на результаты судебной экспертизы, проводимые экспертным составом, имеющим соответствующее образование и квалификацию, а так же предупрежденные об уголовной ответственности за дачу ложных заключений.

Ряд проблем возникает ввиду изменений, связанных с вступлением в силу, нового порядка установления инвалидности, а именно проведение освидетельствования лица без доступа к персональным данным. Отсутствие индивидуального подхода могут привести к неверной оценке потребностей лица при прохождении экспертизы. Обезличенные данные могут быть неполными, что может привести к правовым сложностям, связанным с обжалованием в вышестоящих инстанциях.

Еще одной проблемой является сбор необходимых документов, для установления факта инвалидности. Лицам с ограниченными возможностями здоровья, порой трудно собрать все необходимые документы из-за недостаточной информированности медицинских работников о нормативных документах, регулирующих прохождение медико-социальной экспертизы. В некоторых медицинских учреждениях отсутствует возможность прохождения полного спектра обследований, что препятствует сбору более детальной информации о заболевании гражданина.

Ввиду указанных недостатков, существует необходимость в проведение специального дополнительного обучения медицинских работников, задействованных в решении вопросов по порядку

направления на медико-социальную экспертизу. Важно иметь возможность в регионах проводить полное стационарное обследование лица, вести мониторинг заболевания и своевременно корректировать терапевтическую и реабилитационную программу.

Таким образом, одними из основных проблем при установлении инвалидности остаются бюрократические преграды, связанные со сбором достаточно большого количества документов, неоднозначность медицинских показаний к установлению группы инвалидности, качество и объективность медицинских заключений при проведении освидетельствования лица в учреждениях медико-социальной экспертизы.

ЛИТЕРАТУРА

1. О признании лица инвалидом : постановление Правительства от 05 апреля 2022 г. № 588 // СЗ РФ. 2022. № 15. Ст. 2506.
2. Асташкина М. А. Некоторые аспекты оспаривания решений медико-социальной экспертизы // Право. 2024. № 2. С. 8–15.

УДК 343

ПРАВОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ УБИЙСТВА ПО ЭКСТРЕМИСТСКИМ МОТИВАМ

Малышонков Никита Игоревич, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: mal.ni@ruc.su

LEGAL FEATURES OF THE QUALIFICATION OF MURDER FOR EXTREMIST MOTIVES

Malyshonkov Nikita Igorevich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье рассматриваются актуальные вопросы расследования и квалификации преступлений экстремистской направленности, с особым акцентом на установление мотива преступления как ключевого элемента в правовой квалификации данных деяний.

Анализируются статистические данные о росте числа дел об экстремизме, переданных в суд, и увеличении числа обвиняемых.

Ключевые слова: экстремизм, уголовные дела об экстремизме, установление мотива преступления, квалификация экстремистского убийства, судебная практика, социогуманитарная экспертиза, информационно-телекоммуникационные сети, цифровые следы преступлений.

The article discusses current issues of the investigation and qualification of extremist crimes, with a special focus on establishing the motive of the crime as a key element in the legal qualification of these acts.

The statistical data on the increase in the number of cases of extremism brought to court and the increase in the number of defendants are analyzed.

Keywords: extremism, criminal cases on extremism, establishing the motive of the crime, qualification of extremist murder, judicial practice, socio-humanitarian expertise, information and telecommunication networks, digital traces of crimes.

Экстремизм и терроризм являются серьезными вызовами для всего мирового сообщества. Борьба с этими проявлениями – важнейшее направление деятельности Следственного Комитета РФ. По словам главы ведомства А. И. Бастрыкина за 2024 год по делам об экстремизме в суд передано 615 дел – это на 43 % больше, чем в прошлом 2023 году. Количество обвиняемых по ним выросло более чем на 50 %.

Необходимо подчеркнуть роль оперативно-разыскной деятельности, включая прослушивание телефонных переговоров, в выявлении взглядов, интересов и круга общения подозреваемых в совершении экстремистских преступлений. Следует рассмотреть сложности в установлении преобладающего мотива преступления и важность его правильной квалификации для различения экстремистских убийств от убийства без квалифицирующих признаков.

Анализируется роль социогуманитарной экспертизы, например анализа татуировок, в подтверждении наличия экстремистского мотива. Рассматриваются современные технологии, такие как искусственный интеллект и информационно-аналитические комплексы, в контексте повышения эффективности расследования преступлений экстремистской направленности.

При расследовании уголовных дел, связанных с экстремизмом, ключевую роль играет установление мотива, так как это обстоятельство является обязательным элементом состава субъективной стороны преступлений экстремистской направленности, что закреплено в уголовном законодательстве (примечание 2 к ст. 282.1 УК РФ).

Данной позиции придерживается и высшая судебная инстанция (ВС РФ), которая акцентирует внимание на необходимости доказательства мотива для правильной правовой квалификации деяния в п. 3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» [1].

При этом, преступление, предусмотренное п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ, квалифицируется как экстремистское без дополнительных условий, так как квалифицирующий признак является альтернативным (мотив и цель убийства).

Таким образом для правильной квалификации деяния важно определить и доказать, какие именно мотивы (политическая, религиозная, национальная ненависть или вражда и т. д.) определяли действия преступника.

Как справедливо отмечает П. С. Яни, «выявить доминирующий мотив действительно весьма сложно», что отражает сложность данного процесса, однако данный аспект имеет ключевое значение [2, 6].

Установление мотива преступления представляет собой сложный процесс, обусловленный его субъективной природой, отражающей внутренние убеждения и побуждения субъекта, которые могут не иметь явного объективного выражения. Следовательно, ключевым аспектом является тщательное исследование объективных проявлений субъективного мира обвиняемого, что требует применения комплексного анализа и внимательного подхода к выявлению внешних свидетельств его внутреннего состояния.

Анализ судебной практики по делам экстремистской направленности демонстрирует, что установление мотива преступления часто основывается на показаниях обвиняемых, предоставленных в ходе допросов. Кроме того, в рамках расследования изымается запрещённая экстремистская литература, что служит дополнительным доказательством.

Доказывание квалифицирующего признака, предусмотренного п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ, осуществляется посредством допроса двух категорий свидетелей. Первая группа включает лиц, которые узнали о приверженности обвиняемого к определённым идеям в результате общения с ним. Вторая группа состоит из очевидцев преступления, способных пояснить, какие высказывания сопровождали действия обвиняемого и демонстрировалась ли экстремистская символика.

Примечательным является пример, когда одним из ключевых доказательств наличия экстремистского мотива стало заключение социогуманитарной экспертизы, согласно которой текст татуировок на теле обвиняемого свидетельствовал о его принадлежности к группе белых расистов, отвергающих существующие законы, придерживающихся нацистских взглядов и оправдывающих насилие, мотивируемое ненавистью, местью и кровью [3].

Так, социогуманитарная экспертиза татуировок представляет собой специализированное исследование, направленное на анализ изображений и надписей на теле лица, с целью выявления их связи с определёнными субкультурами, идеологиями и социальными группами. Зачастую, при расследовании преступлений экстремистской направленности, такие экспертизы играют ключевую роль в установлении мотивов и принадлежности обвиняемых к определенной социальной группе.

Например, в деле Нейдерова С. М. Верховный суд РФ признал татуировки на его теле достаточным доказательством его высокого статуса в преступной иерархии. Экспертное заключение указывало на то, что нанесённые изображения и надписи соответствуют символике, ассоциируемой с лидерами криминальных структур. Суд учёл это заключение наряду с другими доказательствами, такими как свидетельские показания и записи телефонных переговоров, подтверждающими его роль в преступном мире.

Таким образом социогуманитарная экспертиза татуировок является неотъемлемой частью расследования преступлений с экстремистской направленностью. Она предоставляет возможность глубже понять социальный и культурный контекст обвиняемого, что способствует более точному установлению мотивов и связей с определёнными группами. Однако для эффективного использования таких экспертиз необходимы высококвалифицированные специалисты и чётко разработанные методики анализа, учитывающие все аспекты социальной и культурной специфики исследуемых символов.

Современное совершенствование средств коммуникации и развитие информационно-телекоммуникационных сетей Интернет предоставили правоприменительным органам дополнительные инструменты для доказывания экстремистского мотива.

В этой связи А. А. Бессонов справедливо отмечает, что современная криминалистическая деятельность немыслима без применения информационно-аналитических комплексов, предназначенных как для поиска цифровых следов преступления, так и для анализа массивов криминалистически значимой информации [4].

По мнению В. В. Бычкова, значимым подспорьем следователю при производстве по уголовным делам об экстремистских преступлениях может служить искусственный интеллект [5].

Действительно, стремительное развитие информационных технологий открыло новые горизонты в расследовании преступлений экстремистской направленности. Искусственный интеллект (ИИ) способен анализировать большие объемы данных (big data), выявлять скрытые связи и паттерны, что значительно повышает эффективность расследования.

Кроме того, ИИ может использоваться для прогнозирования преступной деятельности. Предиктивная правоохранительная деятельность – пример того, как ИИ может быть использован для предотвращения преступлений до их совершения. Алгоритмы предиктивной правоохранительной деятельности анализируют исторические данные о преступности, выявляя районы с повышенным риском преступлений, что позволяет правоохранительным органам сосредоточить ресурсы в этих районах и снизить уровень преступности.

Однако, несмотря на очевидные преимущества, использование ИИ в расследованиях вызывает и определённые юридические вопросы. Так, необходимо обеспечить баланс между инновациями и соблюдением законов, защищая права человека и конфиденциальность данных. Кроме того, важно учитывать, что ИИ-системы должны дополнять, а не заменять человеческий фактор в расследованиях, учитывая сложность и многогранность человеческого поведения, что особенно важно для правильной квалификации преступлений.

Также особо значимыми источниками информации о потенциально экстремистских взглядах подозреваемых являются коммуникации в сети «Интернет», включая электронную почту, сообщения в мессенджерах, записи телефонных разговоров, а также мультимедийные файлы, такие как фотографии и видеозаписи, демонстрирующие запрещённую экстремистскую символику.

При этом, зачастую из-за отсутствия качественного официального сервиса для правоохранительных органов, направленного на анализ информации из открытых источников, так называемого OSINT приходится использовать частные коммерческие продукты с неопределённым правовым статусом по типу бота для пробива «ГЛАЗ БОГА» в мессенджере Telegram и его аналоги, что может ставить под угрозу всю оперативно-розыскную деятельность в отношении преступников.

Особое внимание уделяется анализу содержимого переписок в различных мессенджерах и социальных сетях, где лица, склонные к экстремистским действиям, активно обмениваются идеями, ищут единомышленников и потенциальных соучастников.

В связи с этим, следственным органам важно проводить детальный анализ электронных устройств подозреваемых, включая изучение истории браузера, анализа файлов и проверки на доступ к скрытым сетям, таким как даркнет.

При необходимости, для более глубокого понимания контекста и содержания обнаруженных материалов, назначаются специализированные экспертизы, включая фоноскопическую, лингвистическую и религиоведческую.

Анализ судебной практики показывает, что лица, совершающие преступления на экстремистской почве, часто фиксируют происходящее с помощью технических средств (сотовые телефоны), а затем распространяют полученный контент в сети Интернет, делясь им через мессенджеры и социальные сети [2, 6].

Значительную роль в доказывании экстремистских мотивов совершённого убийства играют результаты оперативно-розыскной деятельности (ОРД), среди которых можно выделить, например, прослушивание телефонных переговоров.

В ходе этой процедуры фиксируются мнения, интересы и круг общения подозреваемого, что позволяет глубже понять его идеологическую направленность и, в частности, определить наличие экстремистского мотива.

Такие данные становятся важнейшими доказательствами, которые помогают следственным органам установить связь между преступником и его идеологическими убеждениями, а также раскрывают его связь с потенциальными сторонниками или соучастниками преступления.

В заключение следует подчеркнуть, что квалификация убийства по пункту «л» части 2 статьи 105 УК РФ может быть осуществлена только в случае, если будет доказан и конкретизирован экстремистский мотив. Для успешной реализации этого процесса следственные органы должны максимально эффективно использовать все доступные инструменты для получения доказательств, включая всю доступную информацию из информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», а также проводить анализ социальных сетей, сообщений в мессенджерах и из других источников, которые позволяют раскрыть подробности преступной деятельности и мотивы подозреваемого.

ЛИТЕРАТУРА

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 г. № 11 (ред. от 28.10.2021 г.) «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» // БВС РФ. 2011. № 8.
2. Апелляционное определение Третьего апелляционного суда общей юрисдикции от 22.01.2022 г. № 55-9/2022 // СПС «КонсультантПлюс»

3. Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 19.01.2017 г. № 78-АПУ16- 34 // СПС «КонсультантПлюс»
4. Бессонов А. А. Современные информационные технологии на службе следствия / А. А. Бессонов // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2022. №1 (35). С. 94–100.
5. Бычков В. В. Искусственный интеллект как средство совершения преступлений экстремистской направленности, совершённых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, так и борьбы с ними // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 1. С. 60–65.
6. Яни П. С. Квалификация преступлений экстремистской направленности // Российская юстиция. 2011. № 10. С. 11–16.

УДК 343

ОБЩЕСТВЕННАЯ ОПАСНОСТЬ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ПРАВОСУДИЯ И МЕРЫ БОРЬБЫ С НИМИ

Мартынов Виталий Сергеевич, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st808599@ruc.su

PUBLIC DANGER OF CRIMES AGAINST JUSTICE AND MEASURES TO COMBAT THEM

Martynov Vitaly Sergeevich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

Преступления против правосудия составляют совокупность уголовных преступлений, направленных на осложнение легитимной деятельности органов судебной власти. Данные правонарушения затрагивают процессы, которые необходимы для реализации основных конституционных прав, в том числе права на судебную защиту прав и свобод. Также подобные преступные деяния способны нарушить законные процедуры сбора доказательств и мешать оперативному реагированию соответствующих ведомств на уголовные преступления.

Ключевые слова: суд, судебная система, правосудие, преступления против правосудия, реализация правосудия, выявление, противодействие, привлечение.

Crimes against justice constitute a set of criminal offenses aimed at complicating the legitimate activities of the judiciary. These offenses affect processes that are necessary for the implementation of fundamental constitutional rights, including the right to judicial protection of rights and freedoms. Also, such criminal acts can disrupt legal procedures for collecting evidence and interfere with the prompt response of relevant agencies to criminal offenses.

Keywords: court, judicial system, justice, crimes against justice, implementation of justice, identification, counteraction, attraction.

Одной из наиболее острых проблем в России была и остается реализация защиты прав и свобод личности процессе отправления правосудия. Особого внимания заслуживает анализ проблемы соблюдения, защиты прав и интересов государства в механизме осуществления судебной власти в России [1, С. 93].

Судебная власть – неотъемлемый элемент системы разделения властей в любом государстве. Её значимость была очевидна ещё на этапе формирования ранних форм государственности. Исторически суды выполняли роль арбитра, разрешающего конфликты и поддерживающего социальный порядок. Эта функция остаётся ключевой и сегодня, так как именно независимая и справедливая судебная система служит гарантом правового характера государства. Демократия и верховенство закона невозможны без механизмов, обеспечивающих защиту прав граждан и равенство перед правосудием.

Доверие к судебной системе – основа стабильного и справедливого общества. Её главная задача заключается в том, чтобы гарантировать соблюдение верховенства права и обеспечивать беспристрастное и справедливое разрешение конфликтов. Крайне важно, чтобы у граждан была уверенность в том, что судьи и представители судебных органов принимают решения строго в соответствии с законом и профессиональной этикой. Именно эта уверенность позволяет сохранять социальную гармонию: когда люди доверяют правосудию, споры решаются цивилизованно, а общество остаётся устойчивым даже в сложных ситуациях [2, С. 15].

Современная судебная система в лице судей и лиц, осуществляющих правосудие, выполняют свои функции на основе действующего законодательства, вынося такие юридические акты, как: постановления, решения, приговоры и определения, но при этом не имея права самостоятельно принимать новые правовые нормы. Основная роль лиц, осуществляющих функции правосудия, заключается в контроле за соблюдением установленных законов, что подчёркивает правоприменительный характер судебной власти, в отличие от законодательной ветви власти, принимающей и одобряющей законы в рамках своей правотворческой деятельности по специально предусмотренной для этого законодательной процедуре.

Интересы правосудия так же, как и другие социально значимые интересы человека, общества и

государства попадают под противоправную деятельность лиц, действия которых наносят большой ущерб для правоохранительной системы, а главное, подрывают общественное доверие к институтам права. Данные действия направлены на независимость судебной власти; нормальные условия функционирования правоохранительных органов; законность действий должностных лиц; выполнения гражданами своих обязанностей в сфере противодействия преступной деятельности; эффективное пресечение правонарушений; защита прав и свобод человека.

Речь идет о преступлениях против правосудия. Преступление против правосудия – это грубое вмешательство в работу органов следствия, дознания, судопроизводства разных уровней, а также органов исполнительной власти, которые занимаются комплексным и беспристрастным расследованием правонарушений различной квалификации и степени тяжести, а также надлежащим исполнением судебных решений. Система таких правонарушений основывается непосредственно на объекте посягательства, при этом основным объектом в таком случае является общественные отношения, на которых осуществляется судебная власть [3, С. 131].

Преступления, направленные против правосудия, представляют повышенную угрозу для общества, так как они напрямую подрывают основы законности и справедливости. К таким деяниям относятся, например, фальсификация доказательств, лжесвидетельство, давление на судей, подкуп должностных лиц или воспрепятствование исполнению судебных решений. Их опасность проявляется в нескольких аспектах:

1. Разрушение верховенства права. Правосудие – ключевой институт, обеспечивающий соблюдение законов. Когда преступники манипулируют судебными процессами, это ставит под сомнение саму возможность справедливого разрешения конфликтов. В результате чего страдает авторитет закона, а граждане теряют веру в его незыблемость.

2. Угроза справедливости. Подделка доказательств, запугивание свидетелей или коррупция в судебной системе могут привести к вынесению необъективных решений. Это не только нарушает права конкретных лиц (например, невиновные получают наказание, а виновные избегают ответственности), но и дискредитирует судебную систему в целом.

3. Эрозия доверия к государству. Судебная система – один из столпов социальной стабильности. Если её работа подвергается сомнению из-за преступных действий, граждане перестают видеть в ней защитника своих прав. Это провоцирует правовой нигилизм, рост самосуда и недовольства властью.

4. Дестабилизация общества. Правосудие призвано разрешать конфликты цивилизованно. Когда его механизмы дают сбой из-за преступлений, споры всё чаще решаются вне правового поля, что ведёт к хаосу, обострению социальной напряжённости и даже насилию [5, С. 150].

Преступления против правосудия требуют комплексного подхода, сочетающего профилактику, строгое правоприменение и укрепление институтов. Вот ключевые направления борьбы с такими деяниями:

– совершенствование законодательной базы: ужесточение санкций за преступления против правосудия (например, подкуп судей, фальсификацию доказательств, лжесвидетельство), чтобы повысить риски для нарушителей; четкое определение составов преступлений в Уголовном кодексе РФ, исключающее двусмысленность трактовок; введение специальных норм для защиты судей, свидетелей и потерпевших от давления и угроз;

– техническое и организационное укрепление системы: цифровизация судопроизводства (использование электронного документооборота, систем видеопотоколирования заседаний и блокчейна для защиты данных от подделки); создание независимых надзорных органов, например инспекций при судах для мониторинга этичности действий должностных лиц; анонимные каналы сообщений о коррупции и злоупотреблениях (горячие линии, онлайн-платформы);

– профилактика и образование: обучение судей и сотрудников по вопросам этики, противодействия коррупции и кибербезопасности; правовое просвещение граждан (разъяснение роли судов, последствий лжесвидетельства и манипуляций с доказательствами); публичные кампании с примерами наказанных преступлений для формирования нетерпимости к таким деяниям;

– международное сотрудничество: обмен опытом и данными с другими странами для борьбы с транснациональными преступлениями (например, отмыванием денег через подкупленные суды); участие в международных антикоррупционных инициативах (например, в рамках ООН, ГРЕКО);

– защита участников процессов: программы защиты свидетелей и потерпевших, включая изменение личности, переселение и психологическую поддержку; обеспечение безопасности судей: телохранители, шифрование коммуникаций, запрет на публикацию персональных данных.

– прозрачность и общественный контроль: открытость судебных процессов: трансляции заседаний, публикация решений в открытом доступе (с учетом защиты персональных данных); вовлечение

СМИ в мониторинг работы судов, но с четкими правилами для предотвращения давления на участников процессов.

– эффективное расследование и наказание: специализированные следственные группы по делам о преступлениях против правосудия; использование современных методов (анализ больших данных для выявления коррупционных схем, «прослушка» с санкции суда) [6, С. 57].

Проблема привлечения к ответственности за преступления, направленные против основ судебной системы, приобретает особую остроту в условиях современного мира. Глобализация, цифровизация и усложнение общественно-экономических отношений создают благоприятную среду для криминогенных факторов, таких как:

– системная коррупция, подрывающая независимость судебных институтов;

– транснациональная организованная преступность, использующая лазейки в законодательстве разных стран;

– киберпреступность, которая ставит под угрозу конфиденциальность судебных данных и целостность электронного правосудия.

Эти вызовы не только усложняют расследование преступлений против судебной власти, но и делают их последствия более разрушительными. Например, коррупционные схемы могут блокировать объективное рассмотрение дел, а кибератаки – парализовать работу судов. В таких условиях традиционные механизмы юридической ответственности требуют адаптации: необходимо сочетать ужесточение санкций с внедрением технологий прогнозирования и пресечения угроз [7, С. 185].

В заключении можно сделать следующие выводы:

– преступления против правосудия опасны не только прямым вредом, но и долгосрочными последствиями для всей правовой системы. Они разрушают фундамент, на котором строится доверие между обществом и государством, а потому требуют особо строгого пресечения и профилактики;

– борьба с преступлениями против правосудия должна быть системной: ужесточение законов без повышения прозрачности судов или защиты участников процессов не даст результата. Ключевая цель — не только наказать виновных, но и восстановить доверие общества к институтам, показав, что правосудие остаётся независимым и справедливым механизмом. Только так можно сохранить верховенство права как основу стабильного государства;

– исследование преступлений против правосудия – ключевой инструмент для формирования эффективной законодательной базы. Анализ исторических практик, судебных прецедентов и ошибок прошлого позволяет: выявить устойчивые закономерности в механизмах нарушений (например, коррупционные схемы или давление на судей); спрогнозировать новые угрозы, связанные с цифровизацией и транснациональной преступностью. В условиях глобализации такая работа приобретает особое значение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ажи А. В. Судебная власть как институт защиты прав личности и государства // Судебная система России: история, современность и тенденции развития: материалы Всероссийской национальной научно-практической конференции с международным участием, посвященной 100-летию Верховного суда Республики Алтай, Горно-Алтайск, 15 ноября 2023 года. Горно-Алтайск: Горно-Алтайский государственный университет, 2023. С. 91–96.
2. Преступления против государственной власти и интересов государственной службы: квалификация, расследование, доказывание / Т. В. Абдульмянова, И. П. Асанова, В. В. Данилов, М. А. Жадяева. Саранск, 2023. 21 с.
3. Преступления против правосудия: Учебное пособие / Н. Н. Артеменко, Р. С. Бурганов, А. Ю. Епихин, М. А. Ефремова. Казань, 2024. 154 с.
4. Абдульмянова Т. В. Уголовное право. Особенная часть: краткий курс лекций: учебное пособие / Т. В. Абдульмянова, И. П. Асанова, М. А. Жадяева. Том Раздел VIII. Саранск, 2023. 100 с.
5. Сафонов О. А. Уголовное право Российской Федерации в вопросах и ответах: учебное пособие. Саратов, 2025. 180 с.
6. Абдульмянова Т. В. Ответственность за преступления против правосудия (на примере ст. 295 УК РФ) // Современные тенденции развития науки и образования в эпоху цифровизации : материалы Международной научно-практической конференции. В 2-х частях, Саранск, 26–27 апреля 2022 года / Редколлегия: Р. Р. Хайров (отв. ред.) [и др.] Том Часть 2. Саранск, 2022. С. 55–59.
7. Кадырова Н. Н. Понятие правосудия как объекта охраны в уголовном праве // Личность, право, государство: проблемы развития и взаимодействия : сборник статей научно-представительских мероприятий. Москва, 2023. С. 184–187.

УДК 34

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЗАКЛЮЧЕНИЯ БРАКА С ИНОСТРАННЫМ ЭЛЕМЕНТОМ НА ТЕРРИТОРИИ ТУРЕЦКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Минеева Ирина Николаевна, кандидат исторических наук, доцент

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: irina.min82@gmail.com

THE MAIN STAGES OF FORMATION AND FEATURES OF THE LEGAL REGULATION OF THE INSTITUTE «ILLEGITIMATE CHILDREN»

Mineeva Irina Nikolaevna, PhD (History), Associate Professor

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В данном научном исследовании охарактеризованы основные основополагающие аспекты действующего турецкого семейного законодательства в области заключения брачных правоотношений с иностранным элементом, непосредственно возникающих на территории государства, выбранного нами для анализа, когда один или оба будущих супруга не являются резидентами Турецкой Республики. Основной акцент работы сделан на рассмотрение специфики заключения брачного союза посредством официальной регистрации брака; приводится перечень документов, необходимых для заключения брака на территории данного государства, перечень которых напрямую зависит от наличия или отсутствия турецкого резидентства у будущих супругов; изучены последствия, возникающие для супругов в результате совершения данных юридических действий. Кроме того, в исследовании рассмотрены такие вопросы как пошаговая процедура заключения брака на территории Турции, а также изучены спорные моменты, связанные с таким понятием как «многоженство».

Ключевые слова: брачные правоотношения, заключение брака, иностранный элемент, многоженство, Турция.

This scientific study describes the main fundamental aspects of the current Turkish family legislation in the field of marriage relations with a foreign element, directly arising in the territory of the state chosen by us for analysis, when one or both future spouses are not residents of the Turkish Republic. The main focus of the work is on considering the specifics of concluding a marriage union through official marriage registration; a list of documents necessary for marriage in the territory of this state is provided, the list of which directly depends on the presence or absence of Turkish residency for future spouses; the consequences arising for spouses as a result of these legal actions are studied. In addition, the study examines issues such as the step-by-step procedure for marriage in Turkey, as well as controversial issues related to the concept of «polygamy».

Keywords: marital relations, marriage, foreign element, polygamy, Turkey.

Сегодня уже никого не удивить фактом регистрации брака на территории того или иного иностранного государства. Молодожены идут на подобный шаг по разным причинам: некоторые планируют дальнейшее проживание в качестве основного, а также официальное трудоустройство на территории страны бракосочетания, другие же хотят банально похвастаться красивыми свадебными фотографиями и незабываемыми пейзажами или старинной архитектурой на видеосъемке торжества перед друзьями и коллегами.

Основополагающие факты, на которых акцентируют свое внимание будущие супруги при выборе места бракосочетания за границей – это красивые достопримечательности, много «живой» природы, историческое наследие, культурные традиции, обычаи и менталитет страны, относительно недорогой и качественный сервис обслуживания, а также изобилие гастрономических изысков. Одной из стран, отвечающей вышеперечисленным пожеланиям, на которую часто выпадает выбор иностранных молодоженов не только евразийского континента, но и жителей стран, по территориальному признаку находящихся далеко за океаном, является Турецкая Республика.

Консульские учреждения и дипломатические миссии иностранных государств, расположенные на территории Турции, наделены правом регистрации заключения брака исключительно между гражданами своей страны. Для официального оформления брачного союза между иностранцем и турецким резидентом, последним необходимо обратиться именно в турецкие органы ЗАГСa (Evlendirme Dairesi) [3, с. 36]. Процедура регистрации брачного союза будет зависеть не только от факта наличия или отсутствия турецкого гражданства у одного из будущих супругов, но и от того, в каких обстоятельствах находится пара.

Минимальный возраст, с которого турецкий гражданин получает полную брачную дееспособность, составляет 18 лет. При чем в отличие от многих европейских государств, для Турции характерно согласование данного решения с родителями. Если возраст одного или обоих брачующихся колеблется в рамках 16–18 лет, то для юридической регистрации отношений потребуется обязательное предоставление официального согласия законных представителей или опекунов на совершение этого правового действия. Например, в Российской Федерации такого согласия, в соответствии с правовыми нормами нашего действующего семейного законодательства, предоставлять в органы ЗАГСa, если лицу в установленном порядке снижен брачный возраст, не нужно.

И жених, и невеста обязаны иметь документ, подтверждающий их безбрачный статус, т. е. на момент подачи документов лица не должны «юридически» находиться в другом официально зарегистрированном браке. Резиденты Турецкой Республики так называемый «Сертификат об отсутствии препятствий» (CNI) (Nüfus MÜDÜRLÜĞÜ) [4, с. 21] получают в ЗАГСе по месту проживания, иностранцы же оформляют подобный документ в уполномоченных учреждениях страны своего постоянного места жительства.

На церемонии бракосочетания необходимо присутствие свидетелей, допустимое количество которых по турецким законам варьируется от двух до четырех, при этом гражданство данных лиц не име-

ет значения. Главное требование – совершеннолетие лица, полная дееспособность, наличие при себе документа, удостоверяющего личность, обязательное личное знакомство с парой, вступающей в брак, т. е. «поймать» человека с улицы и попросить его быть свидетелем на вашей свадьбе не получится.

Если один или оба будущих супруга не владеют турецким языком как своим в полной мере, чтоб понимать юридическое значение и дальнейшие правовое последствия совершаемых действий, то при регистрации брачных отношений присутствие лицензированного переводчика является обязательным требованием действующего турецкого законодательства.

Близкие родственники по законам Турции на ее территории сочетаться браком не могут. Лица, страдающие различными психическими отклонениями (т. е. недееспособные) заключать брак также, не имеют право. Юридические последствия для брачующихся имеет только гражданская процедура брака. Однако по своему усмотрению будущие супруги могут подкрепить официальную регистрацию бракосочетания религиозной церемонией. Как и в большинстве стран, регистрация брака в Турецкой Республике является платной услугой, за которую придется выложить около 30 \$.

Иностранка, вступающая в брак с турецким гражданином, может взять фамилию супруга, либо оставить свою. Если женщина все-таки меняет свою прежнюю фамилию, которую она носила до брака (а в большинстве случаев так и происходит), то в государстве своего постоянного места жительства ей нужно будет поменять документ, удостоверяющий ее личность и все иные документы, где была зафиксирована ее прежняя фамилия. Выданное в Турции свидетельство о браке на родине иностранца должно быть апостилировано (данная юридическая процедура заключается в непосредственном проставлении специального штампа на официальных документах с целью освобождения последних от необходимости дипломатической или консульской легализации) [1, с. 32] и иметь нотариальный перевод.

Как мы видим, вышеперечисленные положения турецкого законодательства во многом схожи с российскими правовыми нормами в данной области общественных правоотношений.

Для регистрации брака в Турции будущим супругам необходимо будет предоставить в регистрирующий орган (ЗАГС либо в Генеральное консульство своего государства в республике) следующие документы. При этом сразу хотим акцентировать наше внимание на таком факте, как вид на жительство в Турции. Так, относительно недавно, Министерство внутренних дел государства обязало иностранных граждан иметь действующий ВНЖ Турции, чтобы вступать в брак с резидентами страны. Нововведение коснется и пар, где потенциальные супруги не являются турецкими гражданами. Данная мера введена в действующее турецкое законодательство как своеобразное подспорье в борьбе с участвовавшей регистрацией фиктивных брачных отношений, на которую иностранцы чаще всего идут с целью дальнейшего упрощения процедуры получения разрешения на пребывание в стране фактического бракосочетания или же турецкого паспорта.

Итак, если брачное соглашение планируют заключить иностранные граждане, являющиеся резидентами одного и того же государства, то им нужно будет предоставить следующий пакет документов:

- заявление установленного образца, подписанное обоими брачующимися;
- действующие заграничные паспорта и внутренние паспорта государства гражданства;
- документы, подтверждающие прекращение предыдущих браков, если таковые имели место быть (например, свидетельство о разводе) – как в подлиннике, так и надлежащим образом заверенные копии.

В случае заключения брака между иностранными гражданами, являющимися резидентами различных государств, сотрудники регистрирующего органа попросят предоставить последних такие документы как:

- заграничного паспорта и их перевод на турецкий язык, заверенный у нотариуса;
- выписки о действующем семейном положении (которые можно непосредственно запросить в консульстве своего государства) и одобренные в МИД Турции.
- справки о состоянии здоровья (Evlenme saglik raportu) [5, с. 59], для получения которых можно обратиться в любую государственную больницу, сдав необходимые анализы. Как правило, нужно будет сдать тесты на такие опасные для жизни и здоровья человека заболевания, как например, гепатит, СПИД и др. Кроме того, определяется группа крови, проводится рентген легких. Полученную справку заверяет семейный врач в Турции, номинальный срок действия которой – 6 месяцев;
- если потенциальная невеста не так давно (меньше девяти месяцев назад) состояла в официальном браке и разведена, то для исключения факта беременности от бывшего партнера женщину обяжут предоставить медицинскую справку из медучреждения об отсутствии таковой;
- свидетельства о рождении (как исключение в некоторых случаях).

При вступлении в брачные правоотношения иностранных граждан с резидентами Турции понадобятся следующие документы:

- заявление установленного образца, подписанное обоими брачующимися;
- загранпаспорт будущего супруга-иностранца, внутренний паспорт турецкого гражданина, их надлежаще заверенные копии;
- если потенциальная невеста не так давно (меньше девяти месяцев назад) состояла в официальном браке и разведена, то для исключения факта беременности от бывшего партнера женщину обяжут предоставить медицинскую справку из медучреждения об отсутствии таковой;
- выписка о действующем семейном положении гражданина Турецкой Республики, которую можно заблаговременно запросить в национальном реестре;
- свидетельства о рождении;
- справки о состоянии здоровья.

Сама процедура заключения брачного союза в государстве, выбранном нами для исследования, проходит в несколько следующих друг за другом этапов:

- сбор документов и прохождение медобследования;
- подача заявления в местное Управление гражданского состояния и выбор даты бракосочетания;
- проверка данных заявителей;
- официальная церемония.

Еще один вопрос, который будоражит умы многих иностранцев (особенно если человек далек от культурных традиций, менталитета и вероисповедания данного государства и имеет хоть какие-то представления об этих дефинициях лишь из турецких сериалов): разрешено ли официально в Турции многоженство или нет?

Хотим сразу сказать, что на территории современной Турции практика многоженства запрещена законом. Произошло это после распада Османской империи во времена основания Турецкой Республики, как светского государства. В 1926 г. был утвержден Семейный кодекс, где основным принципом брачных отношений была провозглашена моногамия, направленная на уравнивание правового положения женщины и мужчины в семье как неотъемлемой «ячейке» общества. С этой даты выявленные факты многоженства согласно правовым нормам турецкого законодательства преследуются (например, по ст. 230 Уголовного кодекса Турецкой Республики за брак с несколькими женщинами гражданин может быть по решению суда, лишен свободы на период от двух до шести лет), а на женатого человека, вступившего в брачные отношения повторно, налагаются штрафы и административные взыскания. При этом санкции могут быть наложены как на мужчин, так и на женщин.

Однако следует отметить, что несмотря на все усилия со стороны органов власти, до сих пор в Турции некоторыми людьми практикуется многоженство, что связывают в первую очередь, с традициями определенных религиозных консервативных общин. Конечно же такие браки официально не признаются и не несут за собой для супругов никаких юридических последствий.

В целом вопрос о многоженстве остается весьма дискуссионным. Приверженцы данной практики ссылаются в аргументации своей точки зрения на многовековые культурные и религиозные мусульманские традиции. Кроме того, акцент дискурсов делается и на плоскость социально-экономического характера. Ведь, по их мнению, находясь в таких отношениях, мужчины смогут позаботиться о материальном благосостоянии не одной, а нескольких жен и их общих детей [2, с. 106].

Противники же многоженства напротив акцентируют свое внимание на ряде таких насущных проблем, как ревность, постоянные конфликты между женами одного мужа, что естественно не проходит бесследно и сказывается разрушительным образом на их психоэмоциональном состоянии. Более того, в связи с нестабильностью ситуации в области мировой экономики, на мужчину ложится большая финансовая ответственность, ведь взяв на себя определенные материальные обязательства за нескольких женщин одновременно, не факт, что мужчина сможет нести их в полной мере буквально через несколько лет [6, с. 76].

Подводя итог нашему исследованию, хотелось бы еще раз отметить тот факт, что турецкая семья является краеугольным камнем общественной жизни населения страны, одновременно сочетая в себе и многовековые традиционные исламские ценности и современные тенденции развития общества. Семейные узы в Турции чрезвычайно крепки, а брак рассматривается как священный союз. Однако в последние десятилетия в развитии семейных правоотношений наметились серьезные трансформации, которые в первую очередь связаны с такими общественными конструкциями как урбанизация, повышение уровня образования и экономические факторы, в связи с чем прослеживается тенденция к уменьшению размера семьи и увеличению числа нуклеарных (родители и дети) семей, что характерно в первую очередь для городских районов. Средний размер домохозяйства в Турции сократился с 5,7 человек в 1980 г. до 3,3 человек в 2020 г., а доля нуклеарных семей увеличилась с 59,7 % в 2000 г. до 65,2 % в 2020 г. Тем не менее подобные тенденции, проходящие на фоне общих глобальных изме-

нений общественной жизни, неразрывно идут в ногу с процессом сохранения многих традиционных турецких семейных ценностей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Минеева И. Н. Актуальные вопросы легализации иностранных документов в международном частном праве: правовая сущность, процедура оформления // IV Юридические чтения: матер. Национальной науч.-практ. конф. (Саранск, 20 ноября 2018 г.) / Саран. кооп. ин-т (фил.) РУК. Саранск : АНО СНОЛД «Партнер», 2019. С. 3232–362.
2. Раджабов О. Р., Миримова А. А. Объективные и субъективные факторы появления многоженства в обществе // Социально-гуманитарные знания. 2019. № 8. С. 104–108.
3. Сафонова А. А. Брачные отношения, осложненные иностранным элементом: характеристика и правовое регулирование // Нотариус. 2017. № 6. С. 35–38.
4. Степкин С. П. Брачно-семейные отношения в международном частном праве // Международное публичное и частное право. 2017. № 6. С. 19–22.
5. Тригунова Д. П., Нодари Д. Э. Актуальные проблемы заключения брака с иностранным гражданином // Государственная служба и кадры. 2021. № 1. С. 55–62.
6. Хапчиев С. Т. Полигамия в мусульманском праве: сравнительно-исторический анализ // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2019. № 2. С. 71–85.

УДК 35.081.711

ЦИФРОВИЗАЦИЯ АРБИТРАЖНОГО ПРОЦЕССА: ПЕРСПЕКТИВЫ ВНЕДРЕНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В РАЗРЕШЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СПОРОВ

Моисеева Елена Николаевна, кандидат философских наук, доцент

Артюхин Артём Александрович, студент

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: e.n.moiseeva@ruc.su, st804672@ruc.su.

DIGITALIZATION OF THE ARBITRATION PROCESS: PROSPECTS FOR THE IMPLEMENTATION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE RESOLUTION OF ECONOMIC DISPUTES

Moiseeva Elena Nikolaevna, PhD (History), Associate Professor

Artyukhin Artem Alexandrovich, student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье рассматривается возможность использования искусственного интеллекта в арбитражном судопроизводстве, приводятся примеры способов его рационального применения.

Ключевые слова: арбитражный процесс, арбитражное судопроизводство, искусственный интеллект, нейронные сети, цифровизация судопроизводства.

The article discusses the possibility of using artificial intelligence in arbitration proceedings, provides examples of ways to use it rationally.

Keywords: arbitration process, arbitration proceedings, artificial intelligence, neural networks, digitalization of legal proceedings.

Арбитражные суды в Российской Федерации всегда шли навстречу новшествам и первыми внедряют электронные технологии. Цифровизация и автоматизация судебной системы значительно «разгрузили» и облегчили работу судебных органов, ускорив ее, и повысив доступность правосудия.

Россия является частью романо-германской правовой семьи, это означает что судьи в процессе рассмотрения дела и при вынесении решения руководствуются нормами права, закреплёнными в нормативно-правовых актах. Сама деятельность судей и их ход работы, строго регламентирован, и чётко сформулирован в отраслевых процессуальных кодексах. Соответственно, чтобы осуществить цифровую трансформацию судебного процесса, потребуется внесение изменений в нормативную составляющую его работы.

Правотворческие органы планомерно и выборочно вносили поправки и дополнения к действующим законам, принимали новые нормативные акты, способствуя развитию электронной цифровой среды. Сюда можно отнести Федеральный закон «Об электронной подписи» от 06.04.2011 № 63-ФЗ, который имеет прямое отношение к судебному процессу и является одним из серьёзных этапов цифровизации, поскольку электронная подпись применяется сторонами судопроизводства.

Согласны с позицией Аносова А. В. который полагает, что важным шагом в процессе информатизации отечественной судебной системы и становления электронного правосудия является создание Государственной автоматизированной системы «Правосудие» [1]. Благодаря её появлению гражданам была предоставлена возможность подать исковое заявление в электронном формате, отследить

дальнейшие движения по иску и многое другое. Отсюда следует, что именно в процессуальном праве появилась необходимость применения компьютерных технологий.

Как считает Саввинова Т.-М. В., конкретно арбитражный процесс можно назвать «полигоном» для испытаний инновационных технологий, так как именно в арбитражном процессе цифровые технологии стали применяться наиболее широко, а затем были заимствованы гражданским и административным судопроизводством.[3]

В рамках Федеральной целевой программы «Развитие судебной системы России на 2013-2024 годы», утвержденной Постановлением Правительства Российской Федерации от 27 декабря 2012 года № 14061, были обозначены конкретные мероприятия по развитию использования видеоконференцсвязи; создание мобильного правосудия; формирование электронных дел и электронного архива судебных дел; использование современных технологий в системе исполнительного производства.

Всё чаще арбитражные заседания стали проводиться посредством видео-конференц-связи, а естественным развитием ВКС явилась система веб-конференции, предусмотренная статьёй 153.2 Арбитражного процессуального кодекса РФ, которая была введена в 2021 году и закрепила за сторонами судопроизводства возможность использовать личные средства коммуникации для участия в судебном процессе.

Большую роль также сыграло развитие программно-технического комплекса информационных систем, таких как «Мой арбитр», «Картотека арбитражных дел», «Электронный страж» и других. Применение данных систем серьёзно упростило судопроизводство, так как позволило значительно сэкономить время и исключить необходимость каждый раз ездить с документами в суд.

С 2020 года на портале государственных и муниципальных услуг постепенно внедряется суперсервис «правосудие онлайн» который планируется сделать частью существующей системы, ГАС «Правосудие», о которой мы говорили выше. Полноценный запуск системы планировался в 2024 году, однако был отложен из-за сложностей реализации.

Согласно заявлениям члена Президиума Верховного Суда Российской Федерации Момотова Виктора Викторовича, озвученным в ходе семинара-совещания председателей советов судей субъектов Приволжского федерального округа на тему: «Правосудие в России в современных условиях: эффективность, доступность, ответственность» 10 октября 2024 года в Уфе, данный, сервис смог бы автоматически распределять дела, вести судебное делопроизводство в электронном виде, формируя дело в цифровом формате, принимать документы онлайн и направлять извещения.

На наш взгляд, сложность реализации столь масштабного проекта, в первую очередь упирается в недостаточную техническую готовность судов, сжатые сроки реализации и трудности с распространением и грамотным функционированием данного сервиса во всех судах и арбитражных судах субъектов федерации. Реализация данного суперсервера полностью коррелирует с целями цифровизации арбитражного процесса. К ним можно отнести:

- 1) повышение прозрачности и доступности делопроизводства в арбитражном суде;
- 2) постепенное снижение нагрузки на судейский аппарат, путём отказа от бюрократических излишеств и перевода их в электронный формат;
- 3) упрощение отдельных процессуальных действий, совершаемых участниками арбитража;
- 4) постепенный отказ от бумажного документооборота;
- 5) и автоматизация арбитражного процесса.

Согласны с позицией Мигалёв И. Н. который считает, что одно из направлений развития – это автоматизированное рассмотрение определенной категории дел. Подобные системы уже успешно внедрены и используются в зарубежных правовых системах, например, в Китае, Австралии и Канаде [2].

По нашему мнению, Российская Федерация постепенно старается достичь именно этой цели. Ведь если наладить автоматизированное решение отдельных споров, например, из категории арбитража это могут быть дела из административных и иных публичных правоотношений, где одной из сторон процесса будет государство в лице специализированных органов, а у судей, как известно, нет основания не доверять представителям властных структур, данные споры смогут решаться автоматически путём внедрения централизованной информационной федеральной системы, имеющей своим ядром программный код, именуемый искусственным интеллектом. Он же может помочь в автоматизации дел о банкротстве, так как это отдельная процессуальная процедура, которая является популярным способом избавления от долговых обязательств. Но необходимо уточнить в какой роли будет выступать искусственный интеллект в таких спорах и какую юридическую силу будет иметь его воздействие на судебный процесс.

Указом Президента России от 10.10.2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» была утверждена «Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года», где к основным принципам развития и использования технологий искусственного интеллекта относится защита прав и свобод человека. Следовательно, искусственный ин-

теллект должен функционировать по принципу «от людей и для людей» и гарантировать защиту основных прав наших граждан. А весь процесс применения данной технологии должен опираться на Российские правовые реалии.

Внедрение технологий искусственного интеллекта в область судопроизводства, в том числе в арбитражный процесс, вызывает масштабные дискуссии. Множество вопросов, касающихся «легализации» искусственного интеллекта, не нашли своего отражения в действующем Российском правовом поле и всплывают лишь в стратегии национального развития.

Как говорилось выше, искусственный интеллект представляет собой набор числовых выражений, представленный в виде программного кода. Данный код формируется разработчиками программного обеспечения, следовательно, человек может заложить в него абсолютно любого рода информацию. Ход разработки подобной программной машины должен быть под надзором профессиональных учёных-программистов и под контролем профильных правительственных ведомств.

Участие в арбитражном процессе искусственного интеллекта может быть разноплановым. В глобальном плане подразумевается автоматизированное разрешение споров, то есть, замена роли судьи – вычислительной машиной, которая запрограммирована на определённый результат.

В этой связи нельзя не согласиться с мнением Соколкиной А. С., которая в своём исследовании отмечала, что применение искусственного интеллекта в арбитражном процессе помогает точно прогнозировать определенные результаты дел [4]. Соответственно нарушается один из главных принципов арбитражного процесса – состязательность. Именно в процессе состязательности сторон, грамотное предоставление доказательств своей правоты путём изложения фактических обстоятельств, определяет исход дела.

Теперь представим, что в искусственный интеллект заложена определённая база данных, исходя из которой, формируется решение по делу. В эту базу включены нормы Российского законодательства, которые будут применяться в процессе рассмотрения спора. Применение правовых норм подразумевает их толкование, которое осуществляется судом и судьёй как главным арбитром. Судья является обычным человеком, которому присущ так называемый «человеческий фактор». Искусственный интеллект, в роли судьи или его процессуального помощника, будет лишён данного фактора. Из этого следует, что программа будет принимать рационализированные решения, опираясь на свой набор знаний. В ряде случаев это может как помочь, так и навредить правильности итогового решения суда.

Человек в роли судьи имеет возможность комплексно оценивать обстоятельства дела, и брать за основу не только норму права, но и дух закона. В рамках судебного заседания судья оценивает в том числе и поведение сторон, их мотивы разрешить дело в свою пользу и способность подкреплять свою позицию доказательствами. Программный код не сможет проявлять гибкость в таких моментах, а будет строго ориентироваться на свою базу знаний.

Большую роль искусственный интеллект может сыграть в качестве помощника по экономическим вопросам. Например, при банкротстве или корпоративном споре стороны могут приобщить к делу весомую массу бухгалтерской отчётности и иной финансовой документации в качестве доказательственной базы, которую необходимо будет изучить. Искусственный интеллект сможет проанализировать предоставленные сведения и выдать результат своей вычислительной работы, но соотнести полученные данные с характером и спецификой конкретного спора под силу только судье.

Как нами оговаривалось выше, искусственный интеллект может по-разному влиять на арбитражный процесс. Например, технологии искусственного интеллекта вполне способны переводить речь и текст в реальном времени и принять на себя роль переводчика. Однако стоит конкретизировать степень ответственности за программные ошибки в переводе, и кто её будет нести. А в перспективе, умный программный переводчик сможет уменьшить судебные издержки на привлечение отдельно взятого специалиста, владеющего навыками перевода.

Мы считаем, что внедрение искусственного интеллекта в арбитражный процесс должно быть планомерным и постепенным, с последующим анализом его воздействия на исход дела. Он должен содействовать осуществлению правосудия, играя вспомогательную роль в процессе. Например, он может по запросу судьи или иного участника выдавать прецеденты из судебной практики по схожим делам, помочь составить процессуальный документ по строго прописанному регламенту или же выдать необходимую информацию об истце или ответчике из федеральных реестров ЕГРИП, ЕГРЮЛ и других.

Вспомогательные элементы искусственного интеллекта могут быть внедрены в систему ГАС «Правосудие» или «Мой арбитр». И по аналогу «Робота Макса» из портала государственных и муниципальных услуг, оказывать навигационную помощь в получении необходимой информации и содействовать грамотной подаче искового заявления в нужный суд по правилам подсудности и подведомственности.

Полноценное внедрение искусственного интеллекта в арбитражный процесс в качестве самостоя-

тельного субъекта права, на данный момент очень сложно реализовать. Необходимо проводить анализ каждого элемента программного кода в рамках закрытого тестирования и под строгим государственным контролем. Задействовать опыт продвинутых IT компаний и привлечь их к подобной работе, путём предоставления определённых льгот и гарантий.

Также давно назрел вопрос о правовом статусе искусственного интеллекта, который необходимо сформулировать в законе. Закрепить искусственный интеллект как полноценный объект интеллектуальной собственности или же урегулировать принятием отдельного федерального закона и наделить особым юридическим статусом.

Мы считаем возможным закрепить искусственный интеллект в Арбитражном процессуальном кодексе РФ в качестве программно-вычислительной машины, содействующей правосудию и регламентировать её роль как «электронного помощника» в отдельной статье с исчерпывающим перечнем возможностей. В этой связи необходимо наладить техническое обеспечение всех арбитражных судов судебной системы России.

Задачи дальнейшего развития информационной политики судебной системы сформулированы в Концепции информационной политики судебной системы на 2020–2030 годы. В перспективе, поэтапное внедрение искусственного интеллекта в судебный процесс поможет оптимизировать сферу арбитражного судопроизводства сократив его срок, оказывать помощь всем его участникам, вывести на новый уровень электронный документооборот, автоматизировать разрешение определённой категории дел, осуществлять умный перевод текста и речи в реальном времени или же принять роль «электронного помощника», содействующего правосудию. Но о полноценной замене судьи и самостоятельном рассмотрении дела говорить пока не приходится.

ЛИТЕРАТУРА

- 1.Аносов А. В. Информационно-правовые вопросы формирования электронного правосудия в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юр. наук. Москва, 2016. 25 с.
- 2.Мигаль, И. Н. Некоторые перспективные направления развития цифровых технологий в арбитражном процессе // Молодой ученый. 2020. № 43 (333). С. 242–244.
- 3.Саввинова Т.-М. В. Цифровизация в арбитражном процессе // Вопросы российского и международного права. 2021. Том 11. № 6А. С. 176–182.
- 4.Соколкина, А. С. Искусственный интеллект в арбитражном процессе // Молодой ученый. 2022. № 48 (443). С. 334–336.

УДК 34

СУДЕБНЫЕ РЕФОРМЫ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Нестеренко Анастасия Александровна, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: asya_ntsadaa@mail.ru

JUDICIAL REFORM IN MODERN RUSSIA

Nesterenko Anastasia Aleksandrovna, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье проведен анализ судебных реформ в современной России, охватывающий период с 2014 по 2020 годы. Автор рассматривает ключевые этапы преобразований. Особое внимание уделяется оценке последствий реформ, выявлению достижений и проблем в сфере судебной власти.

Ключевые слова: суд, реформы, судебная система, судебная власть.

The article analyzes judicial reforms in modern Russia, covering the period from 2014 to 2020. The author examines the key stages of transformations, with particular attention to assessing the consequences of reforms, identifying achievements and problems in the sphere of judicial authority.

Keywords: court, reforms, judicial system, judicial power.

В условиях динамично меняющихся общественных отношений особую значимость приобретает создание такого судебного механизма, который обеспечивал бы не только защиту конституционных прав и свобод граждан, но и способствовал укреплению правопорядка, стабильному экономическому развитию страны. Судебная система, основанная на принципах открытости, прозрачности и доступности, становится фундаментальным элементом в построении доверительных отношений между государством и обществом, гарантируя при этом охрану собственности, общественной безопасности и конституционного строя Российской Федерации.

Судебная власть, согласно ст. 10 Конституции Российской Федерации, занимает особое положение в системе правоохранительных органов, обладая статусом самостоятельной ветви власти [1]. Данное конституционное положение обуславливает необходимость постоянного совершенствования

механизмов отправления правосудия. Судебная система России претерпела значительные изменения в последние годы, что стало результатом масштабных реформ, направленных на повышение эффективности и независимости судебной власти.

Стратегическим документом, заложившим фундаментальные основы трансформации системы правосудия, выступила федеральная целевая программа «Развитие судебной системы России на 2013-2024 годы», утвержденная постановлением Правительства РФ № 1406 от 27 декабря 2012 г. Существенное внимание в данной программе уделялось модернизации материально-технической базы судебных органов при одновременном внедрении инновационных технологий, направленных на комплексную информатизацию судопроизводства. Помимо технологического совершенствования, программа определила многоаспектные задачи реформирования, среди которых одним из важных является качественное преобразование судебно-экспертной деятельности, осуществляемой профильными учреждениями Министерства юстиции РФ [2].

Фундаментальным преобразованием в судебной системе России стало объединение Верховного и Высшего арбитражного судов, реализованное в 2014 году. Данная реформа сопровождалась принятием комплекса нормативно-правовых актов, среди которых особую значимость имели: Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 05.02.2014 № 2-ФКЗ «О Верховном суде Российской Федерации и прокуратуре Российской Федерации»; Федеральный конституционный закон от 05.02.2014 № 3-ФКЗ «О Верховном суде Российской Федерации»; Федеральный конституционный закон от 05.02.2014 № 4-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон „О судебной системе Российской Федерации“»; а также Федеральный закон от 05.02.2014 № 16-ФЗ, регламентирующий порядок формирования первоначального состава объединенного Верховного суда [3, с. 54].

Ключевой задачей указанного преобразования выступало обеспечение единообразия судебной практики и устранение противоречий в толковании правовых норм высшими судебными инстанциями при рассмотрении аналогичных дел. Следует отметить, что данная цель в значительной степени была достигнута. Вместе с тем, анализируя последствия реформы, специалисты указывают на неоднозначность полученных результатов. С одной стороны, общее качество судебных решений сохранилось на прежнем уровне, однако, с другой стороны, наблюдается определенное снижение качества рассмотрения коммерческих споров, а в сфере интеллектуальной собственности отмечается существенное падение уровня судебных актов.

Сравнительный анализ правотворческой активности показывает, что Коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ демонстрирует значительно меньшую интенсивность в формировании правовых позиций по сравнению с упраздненным Высшим Арбитражным Судом. К негативным аспектам реформы также относится недостаточная эффективность надзорной инстанции в области экономического правосудия, что обусловлено преобладанием в ее составе судей с уголовно-правовой и административно-правовой специализацией, не имеющих достаточного опыта в разрешении экономических споров. Таким образом, несмотря на достижение определенной унификации судебной практики, наблюдается снижение качества и эффективности рассмотрения отдельных категорий дел, что требует дальнейшего совершенствования механизмов судебной защиты прав граждан и организаций в экономической сфере.

Значительным этапом модернизации судебной системы Российской Федерации стала реформа 2019 года, в рамках которой были созданы новые апелляционные и кассационные суды общей юрисдикции. Параллельно с формированием новых судебных инстанций законодатель внес существенные изменения в процессуальное законодательство, затронувшие все ключевые кодифицированные акты: Арбитражный процессуальный кодекс, Гражданский процессуальный кодекс, Уголовно-процессуальный кодекс и Кодекс административного судопроизводства [4]. Данные преобразования были направлены на совершенствование механизмов обжалования судебных актов и повышение эффективности судопроизводства в целом.

Формирование апелляционных и кассационных судов общей юрисдикции как самостоятельных судебных инстанций способствовало реализации принципа экстерриториальности, согласно которому суды вышестоящих инстанций территориально отделены от нижестоящих. Подобная организационная структура призвана минимизировать возможность административного влияния на судей при пересмотре судебных решений. Особую значимость в контексте данной реформы приобрело введение принципа сплошной кассации, предполагающего обязательное рассмотрение всех кассационных жалоб в судебном заседании, что существенно расширило возможности граждан на исправление судебных ошибок и защиту нарушенных прав.

Несмотря на положительный эффект проведенных преобразований, российская судебная система по-прежнему сталкивается с рядом системных проблем, требующих дальнейшего реформирования.

Ключевой проблемой остается недостаточное обеспечение независимости судебной ветви власти от исполнительной. Влияние исполнительной власти прослеживается на различных этапах судебной карьеры – начиная с процедуры назначения судей, которая предусматривает предварительное рассмотрение кандидатур Комиссией при Президенте Российской Федерации, и заканчивая механизмами привлечения судей к дисциплинарной ответственности. Подобная ситуация создает риски для объективного и беспристрастного отправления правосудия, особенно в делах, где одной из сторон выступают государственные органы.

Существенным недостатком современной судебной системы России выступает также слабая процессуальная позиция защитника в уголовном судопроизводстве. Адвокаты-защитники зачастую сталкиваются с трудностями при реализации своих полномочий, что свидетельствует о недостаточной имплементации конституционного принципа состязательности и равенства сторон. В частности, защитники ограничены в возможностях самостоятельного сбора доказательств, испытывают сложности с доступом к материалам дела, а их ходатайства нередко отклоняются судом без должной мотивировки. Указанные обстоятельства негативно сказываются на качестве защиты и, как следствие, на справедливости судебного разбирательства в целом.

Отдельного внимания заслуживает проблема коррупционных проявлений в судебной системе. Несмотря на предпринимаемые меры по противодействию коррупции, случаи неправомерного влияния на судебные решения со стороны должностных лиц продолжают иметь место. При этом процедура привлечения к ответственности за подобные деяния характеризуется закрытостью и непрозрачностью, а роль общественного контроля в данной сфере остается минимальной [6, с. 254].

Конституционные поправки 2020 года внесли значительные изменения в судебную систему России, которые оказали противоречивое влияние на ее функционирование. Одним из ключевых изменений стало сокращение численности судей Конституционного Суда РФ с 19 до 11, что могло повлиять на эффективность его работы. Кроме того, поправки предоставили Президенту Российской Федерации право инициировать прекращение полномочий председателей, их заместителей и судей высших судов, включая кассационные и апелляционные суды, что потенциально ослабляет принципы независимости и несменяемости судей [5].

Подводя итог, становится очевидным, что основным направлением будущих преобразований судебной системы должна стать усиление ее самостоятельности и независимости. Для достижения этой цели необходимо внести изменения в порядок назначения судей, сократив влияние представителей исполнительной власти и расширив роль органов судейского сообщества в этом процессе. Кроме того, важно повысить уровень гласности и открытости деятельности Кадровой комиссии при Президенте РФ, что позволит обеспечить прозрачность и подотчетность при отборе кандидатов на судебские должности. Дополнительно, целесообразно пересмотреть требования к судьям, чтобы они соответствовали современным вызовам и потребностям правовой системы. Это может включать повышение квалификационных требований, введение более строгих стандартов этики и поведения, а также обеспечение постоянного профессионального развития судей. Такие меры не только укрепят независимость судебной власти, но и повысят доверие общества к судебной системе, что является важнейшим условием для эффективного функционирования правовой системы в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Российской Федерации (с гимном России). Москва : Проспект, 2024. 64 с.
2. Постановление Правительства Российской Федерации от 27 декабря 2012 г. № 1406 О федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России на 2013–2024 годы». URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=102088054&backlink=1&nd=102162740>
3. *Парашук К. В.* Судебная реформа в России: результаты и перспективы / К. В. Парашук // Теология. Философия. Право. 2021. № 2. С. 51–60.
4. Реформ: Задачи и перспективы судебной реформы в России. URL: <https://reform.io/contents/uploads/2021/02/sud-reform.pdf>
5. *Стеничкин Н. Г.* Обеспечение независимости и самостоятельности судебной власти в контексте конституционной реформы 2020 года // Lex Russica. 2020. № 4. С. 41–52.
6. *Учайкина Е. А.* Коррупция в Судебной Системе Российской Федерации // Право и правосудие в современном мире, Ч.1 Санкт-Петербург, 2018. 488 с.

УДК 330.34

КОНЦЕПЦИЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Никишова Наталья Валерьевна, кандидат философских наук, доцент

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: nikishova.2011@mail.ru

THE CONCEPT OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT IN MODERN SOCIETY

Nikishova Natalia Valerievna, PhD (Philosophy), Associate Professor

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье рассматривается концепция устойчивого развития в современном обществе с позиции триединого подхода, в котором выделяют три основных аспекта для сбалансированного существования окружающего пространства – экономический, социальный и экологический. Каждый из данных аспектов реализует собственные задачи для формирования условий создания устойчиво-развивающегося общества. Особый приоритет отдается взаимодействию экономического и экологического аспекта с помощью различных методов и средств, одним из которых выступают зеленые облигации. Автор уделяет внимание рассмотрению принципов выпуска и классификации зеленых облигаций, и их преимуществам.

Ключевые слова: общество, устойчивое развитие, экология, экономика, зеленые облигации

The article examines the concept of sustainable development in modern society from the perspective of a three-pronged approach, which identifies three main aspects for a balanced existence of the surrounding space - economic, social and environmental. Each of these aspects implements its own tasks to create conditions for the creation of a sustainable society. Special priority is given to the interaction of the economic and environmental aspects through various methods and means, one of which is green bonds. The author pays attention to the principles of issuing and classifying green bonds, and their advantages.

Keywords: society, sustainable development, ecology, economy, green bonds

Парадигма устойчивого развития была предложена в конце XX века в ходе работы комиссии Организации Объединенных Наций на конференции, посвященной окружающей среде, как попытка выхода из сложившегося экологического кризиса [1].

Рост экономики в последние годы и включение всё больших стран в единый процесс глобализации потребовал затрат огромного количества ресурсов, которые либо относятся к разряду невозможных, либо для их пополнения необходимо длительное время. Все это привело к формированию детерминантов будущей экологической катастрофы, последствия которой могут привести к краю гибели всё человечество.

Устойчивое развитие по своей сути представляет собой единый процесс взаимодействия человека – природы – общества с учетом особенностей и интересов каждой из сторон, а человечество должно думать и о потребностях будущего поколения. Поэтому эффективный экономический рост, направленный на улучшение условий жизни людей, невозможен без защиты окружающей среды.

Несмотря на длительную разработку данной концепции на сегодняшний день не существует четкого определения устойчивого развития, что сказывается на её реализации на практике. Из всех имеющихся в научной литературе дефиниций наиболее полной, по нашему мнению, является точка зрения Н. А. Личак, которая пишет, что «устойчивое развитие означает обладание системы всеми необходимыми свойствами и принципами устойчивости, которые на каждом этапе и процессе изменений в обществе и переходах на новые уровни развития, остаются стабильными и достаточными для успешного функционирования. Основными аспектами при этом считаются: экономическая эффективность и ресурсоспособность; защита и сохранение окружающей среды; социальное равенство и справедливость; благоприятные взаимоотношения с заинтересованными сторонами осуществления деятельности» [2, с. 71].

В основе вышеизложенного мнения лежит триединый подход к концепции устойчивого развития, основоположником которого считается профессор экономики Э. Барбье, выделявший три основных аспекта для сбалансирования окружающего пространства – экономический, социальный и экологический. Каждый из данных аспектов имеет собственные задачи, так экономический ориентирован на внедрение в производство природосберегающих технологий и реализацию участниками предпринимательской деятельности различных зеленых проектов. Социальный аспект устойчивого развития осуществляет мероприятия для сохранения и передачи культурных ценностей, выступающие основой для формирования социального равенства среди людей. А экологический стремится сформировать целостно функционирующих друг с другом материально-экономическую, социальную и природную системы.

В XXI веке особый приоритет отдается взаимодействию экономического и экологического аспекта концепции устойчивого развития с помощью различных методов и средств. Одним из них выступают зеленые облигации.

Первые упоминания о таком специфическом виде долгового инструмента появились в работах западных ученых-экономистов в начале XXI века, когда частные компании, обязанные государством внедрять природосберегающие технологии в производство, стали искать методы привлечения инвестиций для собственного переоборудования.

Организация International Capital Market Association (далее – ICMA), проанализировав общемировые тенденции и возможности внедрения такого вида облигаций, выпустила документ под названием

Green Bond Principles (далее – GBP), где не только сформулировала определение зеленых облигаций, но и их параметры.

Зеленые облигации, как и классические, обладают такими признаками как номинальная стоимость, дата погашения, дюрация и так далее. Однако их цель заключается в неполучение прибыли эмитентом, а в привлечении средств для реализации экологических проектов. Эта особенность нашла отражение и в дефиниции зеленых облигаций, утвержденной ICMA [3].

Еще одна особенность связана с отнесением облигации к категории зеленой. Для признания её в качестве таковой необходимо получение сертификата, выдаваемое сторонней организацией, имеющей для этого советующее право. Сертификат является документом свидетельствующим, что выпускаемая эмитентом облигация соответствует четырём принципам, прописанным в GBP, и выступает одним из средств реализации концепции устойчивого развития.

К данным принципам относятся:

1. Целевое использование средств от размещения облигации. Эмитент обязан, во-первых, прописать в проспекте эмиссии зеленых облигаций на какие конкретно проекты будут направлены средства, полученные от реализации данного вида ценной бумаги; во-вторых, эти проекты должны быть отнесены к разряду экологических, то есть направлены на охрану окружающей среды или уменьшение негативного влияния производства на неё, и в-третьих, предполагаемый результат от реализации проекта должен иметь не только качественную, но и количественную оценку.

В GBP не приводится полный перечень сфер жизнедеятельности, в котором должны быть реализованы экологические проекты на средства от размещения зеленых облигаций. Тем не менее, опираясь на доклад Всемирной комиссии по вопросам окружающей среды и развития «Наше общее будущее», были прописаны категории, выступающие наиболее приоритетными на ближайшие десятилетия – возобновляемая энергия, зеленые здания, энергоэффективность, адаптация к изменению климата, предотвращение загрязнения и контроль над ним, устойчивое управление сточными водными ресурсами, устойчивое управление природными ресурсами и землепользование, экологически чистый транспорт, сохранение биоразнообразия;

2. Критерии оценивания и отбора экологических проектов. Организации, начавшие процесс по выпуску зеленых облигаций, должны предоставить инвесторам сведения, подтверждающие эффективность и возможность реализации на практике отобранных ими экологических проектов. К ним обычно относят критерии отнесения выбранного проекта к категориям, прописанным ICMA; методика достижения экологической устойчивости зеленых проектов в ближайшем будущем; возможные социальные и экологические риски, с которыми организация может столкнуться при осуществлении проекта, и пути их преодоления;

3. Управление средствами, полученными от размещения зеленых облигаций. Данный принцип реализуется компанией путем создания отдельного счета или портфеля, куда будут поступать средства от эмиссии зеленых облигаций; прозрачность при их использовании; а также привлечение внешних аудиторов при проведении ежегодной проверки финансовой отчетности организации;

4. Отчётность. Четвертый принцип закономерно вытекает из всех вышеперечисленных и выступает как бы их итогом. Ежегодно эмитенты, до момента полной их реализации, в открытом доступе предоставляют информацию об использовании полученных средств от размещения зеленых облигаций, которая включает в себя перечень финансируемых проектов из категорий утвержденных ICMA; описание их целей и результатов за отчетный период; сумма средств, направленной на их реализацию; и потенциальное воздействие на состояние экологии в отдельном регионе или мире в целом.

ICMA в GBP дает и собственную классификацию зеленых облигаций – стандартные зеленые облигации; зеленые облигации, привязанные к доходам; зеленые облигации проектного финансирования; зеленые секьюритизированные облигации.

Но в научной литературе приводятся и иные классификации. Наиболее популярной стало деление зеленых облигаций по такому основанию как их обеспечение. Она была предложена исследователем Олафом Узбером [4]. Ученый выделил семь категорий зеленых облигаций:

- корпоративные зеленые облигации, обеспеченные балансом компании и поэтому выступающие как наиболее привлекательные для инвесторов;

- проектные зеленые облигации, реализуемые специально созданной дочерней компанией и финансируемые от доходов основной компании, полученных в результате вложений в один или несколько видов предпринимательской деятельности;

- зеленые облигации, обеспеченные активами, которые создаются за счет специально выделенного залога при реализации самого экологического проекта (например, использование энергии, полученной от солнечных панелей или ветряных электростанций);

- зеленые облигации с покрытием, имеющие возможность вернуть вложенные средства инвесторам при банкротстве самой компании;
- наднациональные зеленые облигации, которые обеспечиваются средствами от доходов международных банков и международных агентств. Полученный доход от эмиссии данного вида облигаций идет в основном на проекты, носящие межгосударственный характер или направленный на улучшение состояния природного объекта, используемый всем человечеством – атмосферный воздух, Мировой океан и т. д.;
- зеленые облигации финансового сектора, выпускаемые небольшими финансовыми организациями для последующего вложения полученных средств в деятельность другой компании, которая и будет напрямую финансировать экологический проект (данный вид по своему характеру является более посредническим);
- муниципальные зеленые облигации, обеспечиваемые бюджетом региональных правительств, муниципалитета или города, и направленных на реализацию экологических проектов в конкретном регионе.

Зеленые облигации обладают рядом преимуществ, делающих их весьма привлекательными. Во-первых, компания заинтересовывает новых инвесторов для вложений в собственную деятельность. В последние годы вырос спрос на вложения средств в так называемые социально-ответственные инвестиции, предполагающее не просто получения дополнительного дохода, но и вклад в жизнь будущего поколения. Во-вторых, реализуя выпуск зеленых облигаций компания повышает привлекательность собственного бренда, так как данный вид ценной бумаги выступает средством реализации концепции устойчивого развития, утверждённой Организацией Объединенных Наций в качестве основной парадигмы на ближайшие десятилетия. И, в-третьих, зеленые облигации хорошо подходят для финансирования именно экологических проектов, которые требуют существенных вложений без получения значительного дохода и носят длительный характер.

Таким образом, мы можем прийти к выводу, что согласно концепции устойчивого развития современное общество для оптимального развития должно избрать путь гармонизации трех основных составляющих – экономической, социальной и экологической. Последняя выступает важнейшей из них, так как от нее зависит жизнеспособность всей биосферы. В XXI веке особый приоритет отдается взаимодействию именно экономического и экологического аспекта концепции устойчивого развития. Это предполагает комплексный подход при принятии решений и использование различных средств, одним из которых выступают зеленые облигации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Наше общее будущее: доклад Всемирной комиссии по вопросам окружающей среды и развития // Организация Объединенных Наций. URL: <https://www.un.org/ru/ga/pdf/brundtland.pdf>
2. Личак Н. А. Значение философии в парадигме устойчивого развития / Н. А. Личак, Н. С. Арихина, Р. И. Попов, А. С. Ермишин // Социально-гуманитарные знания. 2023. № 12. С. 70–74.
3. International Capital Market Association. Green Bond Principles. // URL: <https://www.icmagroup.org/assets/documents/Sustainable-finance/2021-updates/Green-Bond-Principles-June-2021-140621.pdf>
4. Olaf Weber, Vasundhara Saravade. «Green Bonds. Current Development and Their Future» / CIGI Papers. 2019. No. 210.

УДК 34.09

ЭТИКА АДВОКАТОВ В ПЕРИОД ЦИФРОВИЗАЦИИ

Панфилов Михаил Анатольевич, кандидат педагогических наук, доцент

Турков Артем Валерьевич, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: mpanfilov@ruc.su; Artem.turkov.92@bk.ru

ETHICS OF LAWYERS IN THE PERIOD OF DIGITALIZATION

Panfilov Mikhail Anatolyevich, PhD (Pedagogy) Associate Professor

Turkov Artem Valerievich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

Статья посвящена исследованию роли адвокатской этики в правовой системе Российской Федерации. Адвокатская этика рассматривается как основополагающий элемент, который обеспечивает доверие общества к адвокатам и правосудию в целом. Автор анализирует основные принципы адвокатской этики, их влияние на профессиональную деятельность адвокатов и защиту прав клиентов. Особое внимание уделяется современным вызовам, с которыми сталкивается адвокатура в условиях глобализации и цифровизации, а также вопросам ответственности адвокатов за нарушение этических норм.

Ключевые слова: адвокатская этика, правовая система, адвокатская деятельность, профессиональная ответственность, этические нормы, цифровизация.

The article is devoted to the study of the role of lawyer ethics in the legal system of the Russian Federation. Lawyer ethics is considered as a fundamental element that ensures public confidence in lawyers and justice in general. The author analyzes the basic principles of lawyer ethics, their impact on the professional activities of lawyers and the protection of clients' rights. Special attention is paid to the modern challenges faced by the legal profession in the context of globalization and digitalization, as well as the issues of lawyers' responsibility for violating ethical standards.

Keywords: lawyer ethics, legal system, advocacy, professional responsibility, ethical standards, digitalization.

Данное исследование имеет особую значимость, так как фокусируется на проблемах и возможностях, с которыми сталкиваются современные юристы в процессе своего профессионального роста на фоне цифровизации. Внедряя этические нормы и стандарты поведения в свою практику, адвокаты подчеркивают свою преданность обеспечению наилучших интересов своих клиентов.

Этические нормы и стандарты поведения адвокатов закреплены в Кодексе профессиональной этики, который предлагает ориентиры по множеству аспектов адвокатского труда. Этот кодекс служит адвокатам важным инструментом для преодоления профессиональных дилемм и гарантирует, что их действия соответствуют установленным этическим требованиям [1, с. 87].

Современное общество погружено в мир научно-информационных технологий, деятельностью которых способствуют верные трансформации в экономике и праве. Примером наглядного воздействия этих нововведений является повсеместное применение электронного документооборота, который стал неотъемлемой частью работы судебных органов, госструктур и администраций. Это свидетельствует о том, как технологии меняют устоявшиеся процедуры, делая их более эффективными и прозрачными.

Российская адвокатура, играющая центральную роль на рынке юридических услуг в стране, также решительно вошла в эпоху цифровых технологий. Она инициировала разработку Комплексной информационной системы адвокатуры России (КИС АР), которую планируется интегрировать в общую экосистему цифровой экономики. Это даст возможность соединить усилия с другими информационными системами и создать более эффективный и современный подход к оказанию юридических услуг. Использование социальных сетей адвокатами имеет множество преимуществ, к примеру, возможность общения с клиентами в удобном формате (видеоконференция или чат), в таком случае использование передовых информационных инструментов позволяет адвокату более качественно и эффективно выполнять возложенные на него задачи. Безусловно, к передовым информационным инструментам относятся не только социальные сети, но и такие системы как «ГАС Правосудие», «Мой арбитр».

Проблемы, возникающие при соблюдении профессиональной этики адвокатов, в первую очередь связаны с открытым Интернет-пространством. Вопрос в том, должен ли адвокат придерживаться Кодекса профессиональной этики в рамках маркетинга своих услуг? Какие средства продвижения он вправе применять в социальных сетях?

Федеральная палата адвокатов Российской Федерации в 2022 году утвердила Рекомендации по ведению сайта адвокатского образования и персонального сайта адвоката, согласно которым целью создания сайтов является донесение достоверной информации об адвокатском образовании или о конкретном адвокате до сведения неопределенного круга пользователей [2].

Признавая сайт в сети «Интернет» таким же естественным атрибутом профессиональной деятельности адвоката, как визитную карточку и эффективным инструментом для привлечения новых доверителей, ФПА РФ обязывает придерживаться манеры поведения, соответствующей деловому общению. Это необходимое требование, направленное на поддержание и укрепление авторитета адвокатуры как независимого института гражданского общества и составной части процесса отправления правосудия.

Тут же подчеркнем важность соблюдения Кодекса этики адвоката интересным кейсом, имевшим место быть в 2017 году. Сергей Наумов лишился статуса адвоката за слишком вольный стиль одежды. 24 июля 2017 года Верховный суд Мордовии инициировал дисциплинарное производство в отношении юриста, который нарушил правила, прописанные в статье 8 Кодекса профессиональной этики адвоката. В ходе судебного заседания по уголовному делу юрист появился в крайне неформальной одежде: солнцезащитные очки, футболка, джинсовая куртка без рукавов, шорты, а также шарф на шее и бандана на голове. Суд отметил, что таким внешним видом он нарушил порядок в зале и отказался подчиниться указаниям председательствующего, что в итоге сделало невозможным продолжение заседания, и оно было отложено.

Возвращаясь к теме исследования, отметим, что всеобщая цифровизация, которая коснулась института адвокатуры, не может не вызывать опасения у ряда представителей адвокатского сообщества в силу следующих факторов: проблема установления тотального контроля за деятельностью адвокатов, возможность совершения преступных посягательств на электронные данные, хранящиеся у адвоката [3, с. 249].

Тем не менее предсказать все потенциальные этические конфликты, возникающие в сети, невозможно. Возможно, стоит разработать методы, позволяющие оценивать действия адвокатов через призму соблюдения этических норм. Использование Интернет-пространства юристами в России связано с различными рисками, касающимися соблюдения профессиональной этики. К таким рискам можно отнести утечку конфиденциальных данных, неверную интерпретацию информации из социальных сетей, а также отсутствие контроля над публикуемым контентом.

Этика адвокатов служит основой для их профессиональной репутации и стимулирует развитие правового сознания в обществе. В условиях постоянно меняющегося правового ландшафта и влияния современных технологий, таких как социальные сети, адвокаты должны адаптировать свои подходы к сохранению этических стандартов и поддержанию высокого уровня профессионализма. Современные технологии открывают широкие горизонты для профессиональной деятельности, но одновременно и увеличивают риски нарушения конфиденциальности и профессиональных стандартов. Важно, чтобы адвокаты понимали эти риски и выработали четкие внутренние регламенты, направленные на соблюдение этических норм. Это позволит не только сохранить доверие клиентов, но и укрепить репутацию профессии в целом. В результате соблюдение этики в цифровую эпоху станет неотъемлемой частью успешной практики адвокатуры.

В заключение, понимание и соблюдение адвокатской этики являются неотъемлемой частью успешной юридической практики, способствуя укреплению правового государства и защите прав граждан в Российской Федерации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Валиахметова Л. Р., Сайфутдинов А. Ю., Ларинбаева И. И. Проблемы соблюдения адвокатской этики в информационно-коммуникационных сетях // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023. № 5-1(80).
2. Рекомендации по ведению сайта адвокатского образования и персонального сайта адвоката (утв. Решением Совета ФПА РФ от 15 сентября 2022 г.) / Федеральная палата адвокатов Российской Федерации : официальный сайт. 2025. URL : <https://fparf.ru/documents/fpa-rf/the-documents-of-the-council/rekomendatsii-po-vedeniyu-sayta-advokatskogo-obrazovaniya-i-personalnogo-sayta-advokata/>
3. Фадеев А. В., Салманова В. А. Роль адвоката в период цифровизации // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023. № 11-4 (86).

УДК 347.91/.95

ОСОБЕННОСТИ ВЗЫСКАНИЯ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО ДТП

Панфилов Михаил Анатольевич, кандидат педагогических наук, доцент

Логутенков Александр Владимирович, преподаватель

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: mpanfilov@ruc.su; a.v.logutenkov@ruc.su

FEATURES OF RECOVERY OF DAMAGE CAUSED BY AN ACCIDENT

Panfilov Mikhail Anatolyevich, PhD (Pedagogy), Associate Professor

Logutenkov Alexander Vladimirovich, Lecturer

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье анализируются особенности гражданского судопроизводства по делам о возмещении вреда, причиненного дорожно-транспортным происшествием. Авторами рассматриваются нормы действующего законодательства, а также акты толкования и применения права по избранной теме исследования.

Ключевые слова: дорожно-транспортное происшествие, стоимость восстановительного ремонта, реальный ущерб, вина, страхование автогражданской ответственности.

The article analyzes the specifics of civil proceedings in cases of compensation for damage caused by a traffic accident. The authors consider the norms of current legislation, as well as acts of interpretation and application of law on the chosen research topic.

Keywords: traffic accident, cost of repair, real damage, guilt, civil liability insurance.

Согласно данным официальной статистики в Республике Мордовия в феврале 2025 г. зафиксировано 44 дорожно-транспортных происшествия, в Пензенской области – 88 случаев, а в целом по России – 7120 случаев дорожно-транспортных происшествий [1].

В результате ДТП может быть причинен вред не только имуществу собственников транспортных средств, но и жизни и здоровью водителей и пассажиров, находящихся в автомашине в момент столкновения.

Как следует из ч. 2 ст. 307 ГК РФ, основанием возникновения гражданско-правовых обязательств является факт причинения вреда.

Действующее законодательство предусматривает три варианта возмещения вреда, причиненного ДТП:

- возмещение вреда, причиненного ДТП в рамках ОСАГО;
- возмещение вреда, причиненного ДТП в рамках ГК РФ;
- возмещение вреда в рамках ОСАГО и ГК РФ.

Действующий закон «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» [2] в качестве одного из вариантов возмещения вреда автомобилю, пострадавшему в ДТП, называет восстановительный ремонт автотранспортного средства на станции техобслуживания страховщика и страховую выплату в счет возмещения вреда здоровью пострадавшего в ДТП.

В случае, когда виновник ДТП не исполнил обязанности по страхованию автогражданской ответственности, вред, причиненный имуществу, жизни и здоровью возмещается по правилам, регламентированным действующим ГК РФ.

Третий случай связан с реализацией права потерпевшего от ДТП на возмещение вреда в форме страховой выплаты. Реализация указанного способа порождает у пострадавшего возникновение права на взыскание с виновника ДТП разницы между суммой страхового возмещения и фактически причиненным (реальным) ущербом. Такая разница возникает в силу следующих обстоятельств.

Закон «Об ОСАГО» допускает возможность выбора потерпевшим возмещения вреда в форме страховой выплаты (п. е ч. 16.1 ст. 12). При этом расчет стоимости восстановительного ремонта по правилам ОСАГО, осуществляется в соответствии с методикой, утвержденной Положением Банка России от 04.03.2021 г. № 755-П. При расчете размера страхового возмещения учитываются износ комплектующих деталей, узлов и агрегатов.

Статья 1072 ГК РФ закрепляет обязанность лица, застраховавшего ответственность в рамках обязательного страхования возместить разницу между страховой выплатой и фактически причиненным ущербом [3].

Указанная позиция законодателя нашла свое отражение в пунктах 63–64 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 8 ноября 2022 г. № 31, согласно которому реализация потерпевшим права на получение страхового возмещения в форме страховой выплаты является правомерным поведением и сама по себе не может расцениваться как злоупотребление правом [4].

Из приведенных выше положений закона и акта его толкования следует, что потерпевший при недостаточности страховой выплаты для ремонта транспортного средства вправе взыскать разницу за счет виновного лица. Размер ущерба для выплаты страхового возмещения по договору ОСАГО и размер ущерба, подлежащего возмещению причинителем вреда в рамках деликтного правоотношения, определяются по разным правилам, и эта разница заключается не только в учете или неучете износа, но и в применяемых при этом ценах.

Единая Методика, утвержденная положением Центрального Банка Российской Федерации от 4 марта 2021 г. № 755-П, предназначена для определения размера ответственности в рамках страхового возмещения на основании договора ОСАГО и не применяется для определения размера ущерба в рамках деликтного правоотношения, предполагающего право потерпевшего на полное возмещение убытков [5].

Статьями 15, 1064 ГК РФ предусмотрено право лица, чье право нарушено требовать полного возмещения убытков, вызванных таким нарушением, а на лицо, причинившее вред возлагается обязанность по его полному возмещению. При этом законодатель презюмирует наличие вины до момента пока лицо, причинившее вред не докажет обратное.

По делам о возмещении убытков истец обязан доказать, что ответчик является лицом, в результате действий (бездействия) которого возник ущерб, а также факты нарушения обязательства или причинения вреда, наличие убытков (пункт 2 статьи 15 ГК РФ).

Размер подлежащих возмещению убытков должен быть установлен с разумной степенью достоверности. По смыслу пункта 1 статьи 15 ГК РФ в удовлетворении требования о возмещении убытков не может быть отказано только на том основании, что их точный размер невозможно установить. В этом случае размер подлежащих возмещению убытков определяется судом с учетом всех обстоятельств дела, исходя из принципов справедливости и соразмерности ответственности допущенному нарушению [5].

Реализация права на возмещение вреда, причиненного ДТП осуществляется как правило в судебном порядке.

В целях успешной реализации вышеуказанного права в судебном порядке необходимо соблюдение следующих условий.

1. Наличие доказательственной базы, подтверждающей обстоятельства, при которых был причи-

нен ущерб. Как правило в качестве доказательств выступают материалы ДТП, составленные сотрудниками ГАИ;

2. Наличие доказательств, устанавливающих вину в совершении ДТП;
3. Наличие соглашения о возмещении вреда в форме страховой выплаты;
4. Наличие автотехнической экспертизы, подтверждающей реальный размер ущерба, подлежащего взысканию.

Вышеперечисленные документы-доказательства прилагаются к исковому заявлению в порядке, предусмотренным ст. 132 ГПК РФ [6].

Следует отметить, что успех в разрешении подобной категории дел зависит от качества доказательственной базы.

Особые требования предъявляются к актам экспертных исследований и судебных автотехнических экспертиз.

В случае, когда ответчик оспаривает стоимость восстановительного ремонта, суд назначает судебную автотехническую экспертизу, которая подлежит оплате путем внесения денежных средств на депозитный счет Судебного департамента либо суда, в котором осуществляется производство по делу.

В основе правового регулирования проведения автотехнической экспертизы лежат следующие нормативные документы, методическое и другое обеспечение:

- Методические рекомендации по проведению судебных автотехнических экспертиз и исследований колесных транспортных средств в целях определения размера ущерба, стоимости восстановительного ремонта и оценки (Министерство юстиции Российской Федерации, Москва 2019 г.);
- Программный продукт «ПС Комплекс» версии 8.0.54;
- Издания периодической печати, Интернет и другие источники, содержащие информацию о ценах на автотранспортные средства, о стоимости их обслуживания, ремонта, эксплуатации.

Следует отметить, что по делам о взыскании разницы между страховым возмещением и реальным ущербом досудебный порядок урегулирования спора не обязателен.

Однако, личный опыт авторов настоящей статьи, позволяет констатировать целесообразность обращения к причинителю вреда (виновнику ДТП) с досудебной претензией. В рамках досудебного урегулирования спора и надлежащей организации переговоров возможно разрешение сложившегося между сторонами материально-правового спора, возникшего вследствие причинения вреда.

ЛИТЕРАТУРА

1. Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. ГИБДД России. URL: <http://stat.gibdd.ru/> – 2025.
2. Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств: федер. закон от 25 апреля 2002 г. № 40-ФЗ; в ред. от 03 февраля 2025 г. // Собрание законодательства РФ. 2002. № 18. Ст. 1720.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая): федер. закон от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ; в ред. от 13 декабря 2024 г. // Российская газета. 1996. № 23.
4. О применении судами законодательства об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств: постановл. Пленума Верховного Суда РФ от 08 ноября 2022 г. № 31 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2023. № 1.
5. Решение Пролетарского районного суда г. Саранска Республики Мордовия от 13 ноября 2024 г. по делу № 2-865/2024. URL: https://proletarsky-mor.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=151786187&delo_id=1540005&new=0&text_number=1 2025.
6. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ; в ред. от 28 декабря 2024 г. // Российская газета. 2002. № 220.

УДК 343.1

ОСОБЕННОСТИ СУДЕБНОГО КОНТРОЛЯ ЗА ПРИМЕНЕНИЕМ МЕР АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ СОТРУДНИКАМИ ПОЛИЦИИ

Перепелкин Владимир Юрьевич, кандидат юридических наук, доцент

Средне-волжский институт (филиал), Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)

Бутяйкин Денис Дмитриевич, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st808077@ruc.su; vladimir.perepelkin@mail.ru

FEATURES OF JUDICIAL CONTROL OVER THE APPLICATION OF ADMINISTRATIVE COERCIVE MEASURES BY POLICE EMPLOYEES

Perepelkin Vladimir Yurievich, PhD (Jurisprudence), Associate Professor

Middle Volga Institute (branch), All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia)

Butyaikin Denis Dmitrievich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

Судебный контроль играет ключевую роль в обеспечении законности применения полицией мер административного принуждения. Он является неотъемлемым элементом правового государства, обеспечивая независимую оценку правовых ситуаций и фактов, в отличие от ведомственного контроля. Судебная система предоставляет возможность обжалования незаконных или несправедливых действий и решений должностных лиц исполнительной власти, гарантируя беспристрастность разбирательства.

Ключевые слова: административное принуждение, законность, права и свободы человека, сотрудник полиции, судебный контроль.

Judicial review plays a key role in ensuring the legality of the police's use of administrative coercion measures. It is an integral part of the rule of law, ensuring an independent assessment of legal situations and facts, unlike departmental review. The judicial system provides the opportunity to appeal illegal or unfair actions and decisions of executive officials, guaranteeing the impartiality of the proceedings.

Keywords: administrative coercion, legality, human rights and freedoms, police officer, judicial review.

Судебный надзор обычно понимается как проверка судами законности и обоснованности судебных актов, а также разъяснение законодательства и разрешение межсудебных споров [1]. В контексте вышестоящих судов это проверка решений нижестоящих инстанций. Таким образом, судебный контроль и надзор, будучи взаимодополняющими способами обеспечения законности, могут перетекать друг в друга.

В случае применения полицией мер административного принуждения, судебный контроль реализуется в рамках КоАП РФ на двух этапах: 1) непосредственно при рассмотрении дела судьей; 2) при пересмотре постановления по жалобе или протесту. Первый случай запускается передачей материалов дела судье (ст. 23.1 КоАП РФ), второй – подачей жалобы участником процесса или протеста прокурора (ст. 30.1 и 30.10 КоАП РФ). В обоих случаях суд проверяет законность применения мер обеспечения производства по делу и назначенных административных наказаний. Этот механизм обеспечивает двухуровневую проверку законности действий полиции, позволяя исправить ошибки на ранней стадии и предотвратить неправомерные действия. При этом суд не ограничивается лишь формальной проверкой соблюдения процессуальных норм, но и оценивает соответствие принятых решений фактическим обстоятельствам дела и принципам справедливости. Возможность обжалования решений в вышестоящую инстанцию гарантирует дополнительную защиту прав граждан и повышает ответственность как сотрудников полиции, так и самих судей за принятие обоснованных и законных решений. Эффективность данной системы напрямую зависит от оперативности рассмотрения жалоб и протестов, а также от уровня профессионализма судей, способных объективно оценить все представленные доказательства.

Судебный контроль за законностью действий полиции осуществляется не только в рамках дел об административных правонарушениях, но и в административном судопроизводстве судами общей юрисдикции [2, с. 308]. Это означает, что граждане могут обратиться в суд с жалобами на действия или бездействие полиции, выходящие за рамки рассмотрения административных правонарушений, например, на нарушения прав человека, незаконное ограничение свободы или неправомерные обыски. Такой расширенный контроль гарантирует более всеобъемлющую защиту прав граждан и способствует повышению ответственности сотрудников полиции за свои действия. Разделение полномочий между судами общей юрисдикции и специализированными органами по рассмотрению административных правонарушений позволяет обеспечить более эффективное и справедливое разбирательство жалоб, учитывая специфику каждого случая. Это происходит двумя способами:

1. Оспаривание решений и действий: суды рассматривают дела о защите прав граждан и организаций, нарушенных действиями государственных органов и должностных лиц, включая полицию (ст. 1 КАС РФ, п. 2 ч. 2). Этот «последующий» контроль запускается административным иском (ст. 4 КАС РФ), оспаривающим действия полиции при применении мер административного принуждения.

2. Обязательный судебный контроль: суды осуществляют обязательный контроль за соблюдением прав при реализации властных требований, в частности, в делах о помещении иностранцев в специальные учреждения (ст. 1 КАС РФ, п. 4 ч. 3) и о применении административного надзора (ст. 1 КАС РФ, п. 5 ч. 3). Эти дела могут также касаться действий полиции.

Судебный контроль за законностью применения полицией мер административного принуждения реализуется в двух основных формах:

1. Производство по делам об административных правонарушениях: контроль осуществляется на стадии рассмотрения дела судьей и на стадии пересмотра решений по жалобам или протестам.

2. Административное судопроизводство: здесь выделяются два аспекта: «Последующий» контроль: Рассмотрение дел о защите прав граждан и организаций, нарушенных действиями полиции (п. 2 ч. 2 ст. 1 КАС РФ), по инициативе заявителя. «Предварительный» контроль: Обязательная судебная проверка законности действий полиции при применении отдельных мер, таких как установление административного надзора (ч. 1 ст. 1; ч. 3 ст. 1 КАС РФ), осуществляемая до фактического применения меры.

В обоих случаях суд проверяет законность действий полиции, предоставляя гражданам и организациям механизм обжалования решений и действий правоохранительных органов [3].

Судебный контроль за применением полицией мер административного принуждения может иницироваться двумя сторонами: правоохранительные органы – должностные лица, уполномоченные возбуждать дела о применении мер административного принуждения, сами направляют материалы в суд для рассмотрения; заинтересованные лица – граждане, в отношении которых применялись меры, могут обжаловать действия полиции, а прокурор – опротестовывать постановления.

В обоих случаях суд проверяет соответствие действий полиции закону, включая основания, порядок, сроки и документацию применения мер. Однако, когда инициатива исходит от граждан, суд дополнительно устанавливает факт нарушения их прав, если таковое имело место в результате применения мер административного принуждения.

Суды обеспечивают надзор за законностью применения мер административного принуждения, рассматривая споры, связанные с действиями (или бездействием) государственных органов и их представителей. Это позволяет гражданам и организациям защищать свои права и свободы, если они считают, что применение мер административного принуждения было незаконным или необоснованным. Суд в этом случае выступает гарантом соблюдения законности и справедливости, обеспечивая независимую оценку действий правоохранительных органов и других государственных структур. Такой контроль способствует повышению ответственности должностных лиц и предотвращению злоупотреблений властью. Это, в свою очередь, укрепляет доверие граждан к правоохранительной системе и способствует созданию более справедливого и правового общества. Возможность обжалования действий властей является важным механизмом защиты прав человека и ограничения произвола. Наличие эффективного механизма судебного контроля стимулирует государственные органы действовать в рамках закона и учитывать интересы граждан при принятии решений, связанных с применением мер административного принуждения. Этот механизм не только защищает от незаконных действий, но и способствует повышению качества работы государственных органов. Зная, что их действия могут быть подвергнуты тщательному судебному анализу, государственные служащие более склонны к соблюдению закона и процедур, что в итоге приводит к большей прозрачности и подотчетности. Однако, эффективность этого механизма зависит от доступности судебной системы, своевременности и объективности судебного разбирательства, а также от независимости судей от политического и иного давления. Поэтому, не только наличие, но и качественное функционирование судебного контроля является ключевым фактором для обеспечения прав человека и верховенства права.

ЛИТЕРАТУРА

1. Юридическая энциклопедия. СУДЕБНЫЙ НАДЗОР // URL: https://yuridicheskaya_encyclopediya.academic.ru/11143/%D0%A1%D0%A3%D0%94%D0%95%D0%91%D0%9D%D0%AB%D0%99
2. Данилов В. В. Сущность криминалистического анализа / В. В. Данилов // Культурологический подход в экономико-правовом развитии региона. Саранск, 2014. С. 306–313.
3. О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации : федеральный закон от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ: ред. от 04.08.2023 // СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_59999/

УДК 343

ПРОФИЛАКТИКА БЕЗНАДЗОРНОСТИ, БЕСПРИЗОРНОСТИ, ПРАВОНАРУШЕНИЙ И АНТИОБЩЕСТВЕННОГО ПОВЕДЕНИЯ СРЕДИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ КАК ОДНО ИЗ КЛЮЧЕВЫХ НАПРАВЛЕНИЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОКУРОРОВ

Подосинникова Ксения Владимировна, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st808923@ruc.su

PREVENTION OF NEGLECT, HOMELESSNESS, DELINQUENCIES AND ANTI-SOCIAL BEHAVIOR AMONG MINORS AS ONE OF THE KEY AREAS OF PROSECUTORS' ACTIVITIES

Podosinnikova Ksenia Vladimirovna, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

Для снижения количества неблагополучных семей, а также несовершеннолетних детей, находящихся в социально-опасном положении, воспитываясь в этих семьях необходимо проводить профилактические мероприятия по искоренению «асоциального» образа жизни родителей этих детей, ввести более суровое наказание для таких родителей. Данные мероприятия находятся под особым контролем органов прокуратуры.

В статье автором рассматриваются меры предупреждения и пресечения негативного воздействия «асоциального» образа жизни окружения несовершеннолетних лиц и молодежи.

Ключевые слова: органы прокуратуры, прокурор, защита детства, социально-опасное положение, дети, неблагополучные семьи.

In order to reduce the number of dysfunctional families, as well as minor children in a socially dangerous situation, being brought up in these families, it is necessary to carry out preventive measures to eradicate the «asocial» lifestyle of the parents of these children, to introduce more severe punishment for such parents. These measures are under special control of the prosecutor's office.

In this article, the author examines measures to prevent and suppress the negative impact of the «antisocial» lifestyle of the environment of minors and young people.

Keywords: prosecutor's office, prosecutor, child protection, socially dangerous situation, children, dysfunctional families.

В последнее время все большее внимание привлекается к семьям с характерными нарушениями их социального функционирования, вызванными различными факторами. Угроза жизни и здоровью несовершеннолетних детей, а также деструктивное воздействие на их личность наблюдается в семьях, попавших в социально опасную ситуацию.

Семейное воспитание играет важнейшую роль в формировании личности ребенка. Именно в семье, общаясь в первую очередь с родителями, человек приобретает первый социальный опыт. Будучи основным носителем традиций, культурных устоев и общественных правил, семья закладывает основы мировоззрения и модели поведения в социуме. Семейные ценности и унаследованные обычаи нередко становятся определяющими при выборе человеком своих жизненных ориентиров – как на ближайшую перспективу, так и в глобальном смысле [1, С. 62].

Как уже ранее нами отмечалось, что не все семьи способны выполнять данные функции.

Семья, находящаяся в социально опасном положении или неблагополучная семья, – это семья, имеющая детей, находящихся в социально опасном положении, а также семья, где родители или иные законные представители несовершеннолетних не исполняют своих обязанностей по их воспитанию, обучению и (или) содержанию и (или) отрицательно влияют на их поведение либо жестоко обращаются с ними [2, С. 235].

В числе форм семейного неблагополучия выделяют социально опасное положение. Рассматривая статистику признания семей «неблагополучными», либо попавшими в социально опасное положение можно сказать, что с каждым годом таких семей, становится больше и больше. Причин тому множество: периодическое изменение социально-экономического положения населения, снижение уровня жизни, утрата нравственных и семейных устоев и многие другие.

Находясь в «асоциальных условиях» семьи несовершеннолетние лица «впитывают» в себя устои и переносят это поведение в дальнейшую свою жизнь. Дальнейшее асоциальное поведение несовершеннолетних (нарушение законов, агрессия, вандализм, употребление запрещенных веществ, кибербуллинг и т. д.) представляет угрозу не только для самих несовершеннолетних, но и для общества в целом. Его опасность проявляется в следующих аспектах:

1. Угроза общественному порядку и безопасности:

- рост преступности: подростковые правонарушения (кражи, грабежи, участие в бандах) повышают уровень уличной преступности;
- вандализм: разрушение общественного имущества (парки, школы, транспорт) ведет к экономическим потерям и ухудшению качества жизни;
- кибербуллинг и киберпреступность: травля в сети, распространение запрещенного контента или хакерские атаки нарушают психологическое благополучие жертв и стабильность цифровой среды.

2. Деградация социальной среды:

- влияние на сверстников: асоциальные подростки вовлекают других в девиантные группы, формируя субкультуры, пропагандирующие насилие или употребление наркотиков;
- «эрозия» моральных норм: оправдание агрессии, воровства или неуважения к закону подрывает базовые ценности общества;
- конфликты в образовательных учреждениях: драки, буллинг и прогулы учебного процесса, снижают качество образования для всех учащихся.

3. Экономические и демографические последствия:

- расходы на реабилитацию и наказание: лечение зависимостей несовершеннолетних, содержание в спецучреждениях, судебные издержки ложатся на бюджет государства;
- потеря человеческого капитала: подростки с девиантным поведением реже получают образование, что ограничивает их профессиональные возможности и увеличивает риски бедности, что в своё время приводит к росту преступности;
- демографические риски: ранняя алкоголизация, наркомания и суициды сокращают продолжительность жизни.

4. Долгосрочные риски для самих подростков:

- криминализация: неисправленные нарушения в юном возрасте часто ведут к рецидивам и переходу во «взрослую» преступность;
- психологические травмы: агрессия, изоляция и зависимости провоцируют депрессии, тревожные расстройства, суицидальные наклонности;
- социальная исключенность: стигматизация мешает интеграции в общество, создавая почву для маргинализации.

Рассмотрев аспекты опасности асоциального поведения несовершеннолетних, можно сказать, что асоциальное поведение подростков – индикатор системных проблем: неравенства, кризиса семьи, недостатка образования. Эффективная борьба требует не карательных мер, а создания среды, где молодые люди чувствуют поддержку и имеют возможности для самореализации. Инвестиции в профилактику, образование и социальные программы не только снизят преступность, но и укрепят общество в долгосрочной перспективе.

Несмотря на тот факт, что в настоящее время принято большое количество стратегических документов, закрепляющих положения о предупреждении и пресечении причин возникновения социально-опасных факторов неблагополучных семей, количественные показатели социально опасной ситуации в семьях, где воспитываются несовершеннолетние, постепенно увеличиваются каждый год.

Органы прокуратуры во все времена занимали важное положение в системе защиты прав и законных интересов несовершеннолетних.

Профилактика безнадзорности, беспризорности, правонарушений и антиобщественного поведения среди несовершеннолетних – одно из ключевых направлений деятельности прокуроров. В рамках своих полномочий они осуществляют надзор за соблюдением законодательства, регулирующего защиту прав детей, выявляют факты бездействия органов опеки, образования или социальных служб. Прокуроры инициируют проверки в учреждениях для несовершеннолетних, требуют устранения нарушений, а также участвуют в разработке программ социальной адаптации подростков.

Важной задачей является пресечение случаев вовлечения молодежи в преступную деятельность, включая привлечение виновных к ответственности. Кроме того, прокуроры взаимодействуют с общественными организациями и правоохранительными структурами для создания комплексной системы профилактики, направленной на снижение рисков асоциального поведения.

Прокуратура активно реализует меры по защите несовершеннолетних от воздействия вредоносного контента в Интернете, угрожающего их психическому, физическому и моральному развитию. В рамках этой работы проводится систематический мониторинг цифрового пространства для выявления материалов, пропагандирующих насилие, экстремизм, суицидальные настроения или призывы к противодействию законным требованиям правоохранителей.

Особое внимание уделяется блокировке опасных ресурсов, привлечению к ответственности распространителей деструктивной информации, а также взаимодействию с соцсетями и IT-платформами для оперативного удаления запрещённого контента. Параллельно ведётся профилактическая работа: сотрудники прокуратуры инициируют образовательные проекты для подростков и родителей, направленные на повышение цифровой грамотности и распознавание манипулятивных технологий [3, С. 257].

Проведённый анализ подтверждает, что работа прокуратуры по защите прав и законных интересов несовершеннолетних носит комплексный и многогранный характер. Для повышения её эффективности необходимо чётко выделить ключевые направления. Это позволит сфокусировать ресурсы на наиболее острых проблемах – тех сферах, где права детей систематически нарушаются и требуется незамедлительное вмешательство. В таких случаях прокурор обязан оперативно применять предусмотренные законодательством меры: от предписаний и исков до возбуждения административных или уголовных дел. Приоритизация задач не только оптимизирует работу ведомства, но и усиливает превентивную функцию, минимизируя риски дальнейших нарушений [4, С. 45].

Механизмы защиты прав, свобод и законных интересов детей постоянно совершенствуются,

спектр вопросов, требующих внимания прокуроров, расширяется. В зону ежедневного мониторинга включена каждая ситуация, так или иначе повлекшая нарушения закона или угрожающая правам и законным интересам несовершеннолетних. Повышенное внимание уделяется качеству оказания медицинской помощи и профилактике детской смертности, обеспечению прав многодетных семей, детей-сирот, доступности и безопасности образования [5, С. 35].

Защита прав детей, находящихся в социально опасном положении, пресечение фактов жестокого обращения с ними, насилия в семьях, воспитательных и образовательных организациях – также зона ответственности прокуроров.

Во многом благодаря вмешательству прокуроров удалось обеспечить права миллионов детей и подростков, в том числе на охрану жизни и здоровья, образование, труд, социальное обеспечение, защиту от жестокого обращения, вовлечения их в преступную деятельность, пьянство, наркоманию и попрошайничество.

В заключении можно сказать, что обеспечение правовой защиты детей и формирование действенной системы предотвращения правонарушений в отношении несовершеннолетних – приоритетные направления для любого современного общества.

Семья, как первичная социальная единица, исторически играет ключевую роль в становлении личности: именно в ней закладываются основы ценностных ориентиров, формируется культурная и нравственная идентичность. Кроме того, семья сохраняет и передаёт традиции, обеспечивая связь между поколениями, что укрепляет социальную стабильность и способствует снижению рисков асоциального поведения среди молодёжи.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ерғашев Е. Р., Бобина Р. В.* Проблемы профилактики семейного неблагополучия, безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2019. № 3. С. 59–63.
2. *Абдульмянова Т. В.* Право ребенка на семейное воспитание и понятие семейного неблагополучия / Т. В. Абдульмянова, К. В. Подосинникова // Кооперация науки и общества как инструмент модернизации инновационного развития : материалы Международной научно-практической конференции, Саранск, 23–24 апреля 2024 года. Саранск : РИЦ МГПУ, 2024. С. 234–237.
3. *Ажирков Н. А.* Семьи, находящиеся в трудной жизненной ситуации: проблемы, вопросы социальной защиты // Студенческие исследования, идеи и инновации : сборник статей II Международной научно-практической конференции. Пенза, 2024. С. 256–258.
4. *Ережипалиев Д. И.* Актуальные направления и задачи прокурорского надзора за исполнением законов о несовершеннолетних в условиях неблагоприятных внешнеполитических и экономических факторов // Современные проблемы и тенденции развития органов прокуратуры : материалы круглого стола. Екатеринбург, 2024. С. 39–48.
5. *Ребрина И. А.* Прокуроры на страже детства (к 80-летию профильного подразделения Генеральной прокуратуры Российской Федерации) // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2024. № 1(99). С. 30–38.

УДК 343

НОРМАТИВНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ АНТИТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Попова Татьяна Валерьевна, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st805214@ruc.su

REGULATORY REGULATION OF ANTI-TERRORIST ACTIVITIES

Popova Tatuina Valerievna, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

Террористические акты по всему миру унесли тысячи жизней. В условиях формирования и развития новых государств и недостаточного развития институтов жизнедеятельности. Терроризм является важным орудием в руках террористов для запугивания общества и государства. Увеличение масштабов террористических течений в России и за её пределами позволяет говорить о том, что сегодняшние террористические акты – это самые жестокие деяния, направленные на разрушение мира.

Ключевые слова: террористические акты, запугивание общества, террористические течения, национальная безопасность, глобализационные процессы, мировое пространство, инструмент разрешения различных конфликтов.

Terrorist attacks around the world have claimed thousands of lives. In the context of the formation and development of new states and the insufficient development of vital institutions. Terrorism is an important tool in the hands of terrorists to intimidate society and the State. The increase in the scale of terrorist movements in Russia and abroad suggests that today's terrorist acts are the most brutal acts aimed at destroying the world.

Keywords: terrorist acts, intimidation of society, terrorist movements, national security, globalization processes, global space, a tool for resolving various conflicts.

Количество террористических актов, произошедших за последние годы и число людей, погибших в результате этих актов, свидетельствуют о масштабах и негативных проявлениях терроризма в обществе.

Источниками опасностей в сфере государственной и общественной безопасности являются:

- разведывательная и иная деятельность специальных служб и организаций иностранных государств и отдельных лиц, направленная на уничтожение безопасности Российской Федерации;
- деятельность террористических организаций и отдельных лиц, направленная на насильственное изменение основ конституционного строя Российской Федерации, нарушение стабильного функционирования.

Актуальность данной темы играет огромную роль в нашем обществе. Терроризм начинает набирать популярность, а это значит, что он представляет глобальную угрозу населению всего земного шара. Террористический акт имеет сложное правовое регулирование, закрепленное в Уголовном кодексе Российской Федерации по сравнению с другими преступлениями. Стоит отметить, что смысл будут иметь международные правовые акты, а также международное сотрудничество.

Угроза преступлений террористической направленности, преследуемая целями террористов нарушает конституционный строй и такие цели идут наравне с преступлениями против мира и безопасности человечества. Терроризм несет угрозу в экономической сфере государства. Реализация национальных интересов страны возможна только на основе устойчивого развития экономики, следовательно, национальные интересы России в этой сфере являются ключевыми. Терроризм несет угрозу национальной безопасности России в сфере внутривнутриполитических интересов, нарушая стабильность конституционного строя, институтов государственной власти, обеспечение гражданского мира и национального согласия, несет угрозу территориальной целостности, единству правового пространства, правопорядку и завершению процесса становления демократического общества [1].

Внедрение терроризма гарантирует скрытность политического и финансового воздействия на вселенские процессы, а идеология глобальной войны, напротив терроризма делает вероятность для полного вмешательства в дела каждой страны.

Терроризм превратился в своеобразный инструмент разрешения различных конфликтов. Причем при относительно скромных, затратных механизмах реализации террористических актов, масштабность целей возрастает: терроризм уже посягает на корректирование внутривнутриполитических, а нередко, и международных решений лидеров государств и межгосударственных образований.

В современном обществе существует множество различных определений терроризма. Каждый из них устанавливает свое специфическое содержание при определении феномена терроризма. В юридической литературе терроризм определяется как применение или угроза применения насилия над обществом, а также иных объектов для захвата политической, экономической власти и иных целей в пользу террориста.

С другой точки зрения, а именно рассмотрим с ракурса психологии, это способы борьбы с обществом, властью, при применении угроз насилием, убийством, для достижения корыстных целей и молчание противников.

Определение термина терроризм непременно сопряжено с термином террор. Главной отличительной чертой терроризма является то, что терроризм – это правонарушение, а террор – способ процесса с угрозой применения силы, насилия, убийства, одним словом, вселения страха.

Объектом террористического акта выступает безопасность общества, исходя, из этого можно так же отнести жизнь, здоровье граждан, материальное составляющее.

Больше всего к совершению террористического акта подвержена молодежь, поэтому можно и нужно проводить профилактику среди молодежи, так как это ещё выгоднее, чем потом ликвидировать последствия этого терроризма.

Терроризм классифицируется на формы:

- транснациональный, внутривнутригосударственный;
- политический, экономический и социальный (бытовой);

Подразделяя терроризм на виды это даёт возможность придать ему условный характер, а выделение конкретных признаков его форм нужно для придания целенаправленности и анализа правотворческой и правоприменительной работы в данной области.

Государственные органы выполняют важную задачу, обеспечивая общественную безопасность. В целях предупреждения и профилактики терроризма необходимо устранить корень проблемы, факторы, способствующие совершению террористического акта, применяя информационно-пропагандистскую деятельность [2].

Не стоит забывать, что преступление террористического акта зачастую сопряжено с различными

сферами жизнедеятельности общества. Также можно рассматривать возникновение преступления такого рода в случае совершения мести. Этот «обычай» берет своё начало из древности, когда это считалось «делом чести», так как служило расплатой, если закон не был справедливым к виновному. Сейчас этот случай «мести» провозглашаемый, нежели реальный.

На практике определённые формы терроризма встречаются как в «чистом», так и в «смешанном виде». В настоящее время интерес правоохранительных органов и ученых вызывает такой вид терроризма, как кибертерроризм (цифровой, компьютерный, терроризм).

В нашем государстве сформирована абсолютная законная база противодействия терроризму согласно основным тенденциям: предотвращению, раскрытию, подавлению, выявлению, также следствию террористических действий, ликвидации его результатов, установлению возможностей специализированных подразделений, военных сил Российской Федерации и иных органов государственной власти и её субъектов.

Требования к нормативно-правовой базе, касающейся терроризма, закреплены в п. 26 Концепции противодействия терроризму. Тем не менее, нормативная база должна соответствовать требованиям:

- реагировать на постоянные изменения в террористической деятельности;
- ориентироваться в международном опыте и других факторах;
- определять полномочия субъектов в сфере противодействия терроризма;
- определять ответственность граждан и организаций за несоблюдение законодательства Российской Федерации;
- обеспечить эффективное уголовное преследование;

Нормативную базу Российской Федерации по регулированию антитеррористической деятельности составляют Конституция Российской Федерации (далее Конституция РФ), которая закрепляет принципы гуманизма, права и свободы человека и гражданина, определяет основы компетенции органов государственной власти и местного самоуправления, определяющие их компетенцию, задачу и функции; УК РФ; Федеральный закон от 06 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму»; Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»; принципы и нормы международного права, которые являются общепринятыми во всём мире, международные договоры Российской Федерации; Указ Президента Российской Федерации от 26 декабря 2015 г. № 664 «О мерах по совершенствованию государственного управления в области противодействия терроризму»; Указ Президента РФ от 15 февраля 2006 г. № 116 «О мерах по противодействию терроризму».

В сегодняшнем мире терроризм предстаёт для Российской Федерации и прочих стран вполне серьёзной угрозой. Противоборство терроризму, а также экстремизму – основная задача любого государства, с целью предоставления защиты для существования индивидуума, общества, держав для множества стран.

Федеральный закон от 23 апреля 2018 года № 90-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части противодействия финансированию распространения оружия массового поражения» направлен на приведение национального законодательства в соответствие с международными стандартами и установление правового механизма противодействия финансированию распространения оружия массового уничтожения также в данной сфере. Таким образом, терроризм представляется большой угрозой национальной безопасности. Противостояние терроризму и экстремизму – главная цель для обеспечения безопасности жизни, общества и государств для многих стран.

Сейчас преступление террористического характера совершается с помощью средств массовой информации, через социальные сети «Интернет», что даёт преступникам возможность использования различных способов шифрования данных и другие способы, позволяющие скрывать местоположение и персональные данные.

Терроризм – постоянный спутник человечества, который относится к числу самых опасных и трудно прогнозируемых явлений современности, приобретающих все более разнообразные формы и угрожающие масштабы для общества. Террористические акты приносят массовые человеческие жертвы, оказывают сильное психологическое давление на большие массы людей, влекут разрушение материальных и духовных ценностей, не поддающихся порой восстановлению, сеют вражду между государствами, провоцируют войны, недоверие и ненависть между социальными и национальными группами, которые иногда невозможно преодолеть в течение жизни целого поколения.

Таким образом, нормативно-правовая база в РФ, регулирующая террористическую деятельность полностью собрана, и соответствует тенденциям её развития. В Конституции РФ закреплены принципы, права и свободы человека и гражданина. Так же в ней закреплены полномочия органов власти,

защитников правопорядка от преступлений террористического характера. УК РФ определяет специфику и квалификацию таких преступлений, а самое главное, уголовную ответственность за их совершение. Федеральные законы закрепляют основные понятия в сфере терроризма, задачи, функции, международные договоры, принципы, которые знает весь мир и следует им.

Однако скорость популяризации терроризма набирает оборот и зачастую, то нормативное регулирование, которое есть, бывает не совсем эффективным. Поэтому органам власти необходимо немедленно реагировать на изменения в деятельности террористов. Пробовать опыт зарубежных стран, внедрять что-то новое, ужесточить наказания за преступления террористического характера, а так же разграничить полномочия между субъектами РФ.

Следовать тенденциям изменения терроризма и каждый раз менять нормативную базу, это достаточно трудоёмкий процесс, и он занимает длительное время. Однако, если хотя бы реагировать на острые формы её проявления, можно во многом преуспеть и спасти жизни невинных людей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Серебрянникова А. В. Уголовно-правовая характеристика террористического акта // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 2 (111). С. 136.
2. Мешев И. Х. Правовая политика государства в сфере противодействия терроризму // Образование и право. 2021. № 6. С. 324.
3. Ворошилов Е. О. Терроризм в современной России // Аллея науки. 2020. № 4. С. 121.
4. Serebryannikova A. V. Criminal and legal characteristics of a terrorist act // Actual problems of Russian law. 2020. № 2 (111). P. 136.
5. Meshev I. H. Legal policy of the state in the field of countering terrorism // Education and law. 2021. No. 6. p. 324.
6. Voroshilov E. O. Terrorism in modern Russia // Alley of Science. 2020. No. 4. p. 121.

УДК 349.2.

СОВРЕМЕННЫЕ ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ТРУДОВОМ ПРАВЕ

Прокина Екатерина Васильевна, преподаватель

Харитонов Мария Игоревна, преподаватель

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: e.v.prokina@ruc.su; m.i.haritonova@ruc.su

MODERN INFORMATION TECHNOLOGIES IN LABOR LAW

Prokina Ekaterina Vasilyevna, Teacher

Kharitonova Maria Igorevna, Teacher

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

Современные информационные технологии удивительно изменили все сферы жизни, включая трудовое право. Развитие цифровых технологий, таких как автоматизация и искусственный интеллект, обострило вопросы правового регулирования трудовых отношений и привело к необходимости пересмотра традиционных подходов. В данной статье рассматриваются основные аспекты внедрения информационных технологий в трудовое право, его историческое развитие, текущее состояние, проблемы и вызовы, а также возможные направления будущего.

Ключевые слова: цифровизация, искусственный интеллект, беспилотники, новые формы трудовых отношений, IT-технологии, автоматизация, трудовые отношения, правовые коллизии.

Modern information technologies have amazingly changed all spheres of life, including labor law. The development of digital technologies such as automation and artificial intelligence has exacerbated issues of legal regulation of labor relations and led to the need to revise traditional approaches. This article discusses the main aspects of the introduction of information technology in labor law, its historical development, current status, problems and challenges, as well as possible future directions.

Keywords: digitalization, artificial intelligence, drones, new forms of labor relations, IT technologies, automation, labor relations, legal conflicts.

Значение IT-технологий и искусственного интеллекта в трудовом праве трудно переоценить. Они оказывают существенное влияние на все аспекты трудовых отношений, от найма до увольнения, и требуют постоянной адаптации законодательства и практики применения трудового права.

Применение искусственного интеллекта (ИИ) в трудовых правоотношениях открывает широкие возможности для повышения эффективности, оптимизации процессов и улучшения условий труда.

«Искусственный интеллект (ИИ) – это быстро развивающаяся и перспективная область, которая все активнее влияет на различные аспекты жизни современного общества. Однако столь стремительное внедрение ИИ порождает и множество правовых коллизий, требующих немедленного решения. Особое внимание следует уделить определению правового статуса ИИ, изучению его возможностей и ограничений в различных областях, а также рассмотрению этических проблем, возникающих в связи с его применением» [1, с. 91].

Согласно Указу Президента РФ от 10 октября 2019 года № 490 «О развитии искусственного интеллекта в РФ» под искусственным интеллектом понимается комплекс технологических решений, который позволяет имитировать когнитивные функции человека и получать результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека [2]. При этом отдельно отмечается, что имитация включает самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма.

Трудовое право формировалось как ответ на экономические и социальные требования общества. В начале XX века применялись стандартные трудовые контракты, которые мало затрагивали технологические аспекты. Однако с развитием информационных технологий в конце XX века начали возникать новые формы трудовых отношений, таких как удаленная работа, аутсорсинг, фрилансинг, инсорсинг, краудсорсинг, меритосорсинг.

С повсеместным внедрением передовых технологий возникла необходимость адаптации трудового законодательства к реалиям цифровой экономики. Современные законы о труде начали учитывать использование информационных технологий, а также механизмы защиты прав работников в цифровом пространстве. Например, пандемия COVID – 19, начавшая в 2020 году, ускорила этот процесс, сделав удаленную работу и использование IT– технологии для взаимодействий с работниками и организациями нормой.

Для работодателей данная ситуация стала поводом обратить повышенное внимание на процесс цифровизации. В частности, особый акцент был сделан на том, что ИИ в последние годы получил широкое распространение, успешно проводились испытания ИИ в различных сферах [3, с. 98]. Примером может послужить внедрение беспилотных автомобилей в повседневную жизнь. Ведение данной технологии началось еще в 2018 году в Москве. Однако разработчики выпускают беспилотные автомобили на российские дороги только с водителем, так как есть много недоработок в данном проекте.

Современное трудовое законодательство стало более социально адаптированным и гуманным. В ряде производств, которое связано с тяжелыми и вредными работами, беспилотники пользуются большим спросом. Примером может послужить горнодобывающая промышленность, где работать приходится в неблагоприятных условиях, а иногда и с повышенной радиоактивностью, в связи с этим применяются беспилотные карьерные самосвалы.

Еще одной отраслью производства, где часто применяются беспилотные автомобили, можно выделить агропромышленность. В данной отрасли активно продвигает свои автономные сельскохозяйственные машины молодая и перспективная российская компания Cognitive Pilot. В частности, в 2024 году благодаря беспилотным комбайнам по уборке зерновых культур было сэкономлено около 500 млн рублей.

В основном беспилотники применяются в тех профессиях, где работа для здоровья человека вредна или опасна. Данные технологии применяются и в освоении Арктики, например в 2023 году стали широко использовать грузовики «Газпром нефть».

Современные IT– технологии не обошли стороной и здравоохранение. Медицинские работники в трудовом процессе активно применяют передовые достижения и искусственный интеллект. Благодаря современным разработкам врачи существенно сокращают время на диагностику заболеваний у пациентов, разрабатываются и создаются новые лекарства, проводятся дистанционно сложные операции и др. Применение передовых разработок существенно сокращают затраты на здравоохранение. Однако, на наш взгляд, не следует безоговорочно доверять результатам диагностик, сделанных искусственным интеллектом, так как данная технология находится на стадии развития и могут быть ошибки.

Широко применяется в работе врачей такая технология как Телемедицина, преимущество которой заключается в том, что пациент имеет возможность получить качественную консультацию врача находясь у себя дома, что существенно экономит время и деньги обеих сторон.

Нормативно–правовую основу в области развития современных цифровых технологий и искусственного интеллекта составляют такие нормативные акты как Конституция РФ, федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172–ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» [4], указ Президента РФ от 21 июля 2020 года № 474 «О национальных целях развития РФ на период до 2030 года» [5], где в качестве одной из национальных целей указана цифровая трансформация общества и иные нормативные правовые акты Российской Федерации, определяющие направления применения информационных технологий в России. Всё это, безусловно, можно назвать положительным моментом в развитии цифровизации российского общества.

Несмотря на вышеперечисленную правовую основу развития цифровизации и искусственного интеллекта в Трудовом кодексе отсутствуют нормы, которые бы регулировали правоотношения с искусственным интеллектом.

В юридическом сообществе развернулась дискуссия о правовом статусе искусственного интеллект-

та, так «доктор юридических наук, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета Архипов В. В. предлагает наделить его статусом юридического лица, а ученый–правовед и практикующий юрист Наумов В. Б. – физического, Европарламент статусом электронного лица» [6, с. 324].

Сегодня IT–технологии играют ключевую роль в трудовых отношениях и делают их более комфортными и продуктивными. Современный работник может осуществлять работу и вне рабочего места. Платформы для видеоконференций, онлайн-встречи позволяют работникам выполнять свои обязанности из любой точки мира. Регулирование труда данной категории работников осуществляется трудовым кодексом РФ глава 49.1 [7]. Возможность подписания и хранения трудовых договоров в электронном виде значительно упростила процесс найма и привела его в соответствие с современными реалиями. Системы управления человеческими ресурсами (HRM) позволяют эффективно учитывать рабочее время, проводить аттестации, управлять бонусами и другими аспектами трудовых отношений. Искусственный интеллект и автоматизация могут использоваться для оценки производительности труда, однако могут возникнуть правовые вопросы о дискриминации на основе алгоритмических решений.

Несмотря на вышеперечисленные преимущества информационных технологий с их внедрением трудовом праве возникают несколько существенных проблем.

Во-первых, в условиях цифровизации и внедрения современных технологий в трудовые правоотношения происходит постоянный сбор персональных данных работников включая и те, которые по трудовому законодательству нельзя обрабатывать без согласия работника [7, ст. 86]. Данная ситуация может привести к дискриминации и нарушениям прав на неприкосновенность частной жизни. Кроме того, создается большой риск утечки и злоупотреблений персональными данными работника.

Во-вторых, необходимо внести поправки в Трудовой кодекс об регулировании статуса искусственного интеллекта как работника, составить список профессий, на которых имеет право, трудиться только человек, чтобы защитить работников от безработицы.

В-третьих, применяемые IT–технологии в работе дают возможность работодателю быть на связи с подчиненными практически круглосуточно, что может привести к профессиональному выгоранию работника.

Существует множество исследований, посвященных влиянию информационных технологий на трудовое право. Ученые, отмечают, что цифровизация создаёт новые вызовы, требующие совместных усилий правозащитников, работодателей и государственных структур для их решения.

Кроме того, исследования показали, что правильное регулирование технологий может привести к повышению производительности и улучшению рабочих условий. Однако для этого необходимо постоянное сотрудничество между всеми заинтересованными сторонами и адаптация законодательства на международном уровне.

Таким образом, информационные технологии оказывают значительное влияние на трудовое право, создавая как новые возможности, так и проблемы. Применение технологий в трудовых отношениях требует активного участия государственных структур, работодателей и работников для создания эффективного и безопасного правового поля. Будущее трудового права необходимо направить на развитие гибкого, но защищенного правового регулирования, учитывающего динамичность и разнообразие современного трудового рынка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Степанов К. А., Кушнарев А. С. Искусственный интеллект в сфере труда: тенденции, проблемы, перспективы развития / К. А. Степанов, А. С. Кушнарев // Вопросы российской юстиции. 2023. №26. С. 89–94.
2. О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») : указ Президента РФ от 10 октября 2019 № 490, в ред. от 15 февраля 2024 г. // Собрание законодательства РФ. 2019. № 41. Ст. 5700.
3. Степанов К. А., Лунин С. А., Балицкий К. С. Проблемы и перспективы правового регулирования искусственного интеллекта в сфере труда / К. А. Степанов, С. А. Лунин, К. С. Балицкий // Уральский журнал правовых исследований. 2022. № 4 (21). С. 91–101
4. О стратегическом планировании в Российской Федерации : федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172 ФЗ; в ред. от 13 июля 2024 г. // Российская газета. 2024. № 146.
5. О национальных целях развития РФ на период до 2030 года: Указ Президента РФ от 21 июля 2020 года № 474 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 30. Ст. 4884
6. Горлатых О. Ю. Особенности применения искусственного интеллекта в сфере труда / О. Ю. Горлатых. Текст : непосредственный // Молодой ученый. 2024. № 15 (514). С. 324–326.
7. Трудовой кодекс Российской Федерации : федер. закон от 30 декабря 2001 № 197–ФЗ ; в ред. от 28 декабря 2024 г. // Российская газета. 2001. № 256.

**PUBLIC DANGER OF CRIMES IN THE SPHERE OF ECONOMIC ACTIVITIES
AND MEASURES TO COMBAT THEM**

Rakhmetullov Lekman Anverovich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

Борьба с экономической преступностью требует комплексных мер: ужесточения законодательства, повышения прозрачности финансовых операций, усиления международного сотрудничества и образовательных программ для населения. Игнорирование этих проблем угрожает не только экономическому росту, но и национальной безопасности и социальному миру.

В статье автором рассматривается проблема борьбы с преступлениями в сфере экономической деятельности, а также предлагаются ключевые меры по искоренению данной категории преступной деятельности.

Ключевые слова: экономическая преступность, экономический рост, национальная безопасность, предпринимательская деятельность, экономическая деятельность, меры борьбы, меры профилактики.

Combating economic crime requires comprehensive measures: tightening legislation, increasing the transparency of financial transactions, strengthening international cooperation and educational programs for the population. Ignoring these problems threatens not only economic growth, but also national security and social peace.

In this article, the author examines the problem of combating crimes in the sphere of economic activity, and also proposes key measures to eradicate this category of criminal activity.

Keywords: economic crime, economic growth, national security, entrepreneurship, economic activity, control measures, preventive measures

Улучшение условий осуществления предпринимательской и экономической деятельности в Российской Федерации непосредственно связано с трансформацией уголовной политики государства.

Однако, несмотря на воспринятый в Российской Федерации курс по либерализации взаимоотношений государства и бизнеса, действующая конструкция составов преступлений экономической направленности в совокупности с процессуальными формами производства уголовных дел ввиду их несовершенства требует особого внимания в науке права и правоприменительной практике [1, С. 103].

Согласно концептуальным прогнозам социально-экономического развития Российской Федерации в ближайшие годы будет увеличиваться дисбаланс в международной торговле, а также отток капитала, что приведет к появлению очередных вызовов и угроз экономической безопасности [2, С. 58].

Существенное влияние на экономику страны, стабильность и эффективность жизнедеятельности общества оказывают новые негативные явления, в силу которых мир сталкивается с труднопрогнозируемыми последствиями.

В настоящее время показатель экономической стабильности в государстве состоит в зависимости от большого количества факторов, в частности связанных с обособленной спецификой отдельных видов экономической деятельности [3, С. 103].

Общественная опасность преступлений в сфере экономической деятельности проявляется в многообразии негативных последствий, затрагивающих как экономику, так и социальную стабильность государства. Вот ключевые аспекты этой проблемы:

1. Подрыв экономической системы:

- недополучение бюджетных средств: уклонение от налогов, таможенные нарушения и коррупция лишают государство ресурсов для развития инфраструктуры, здравоохранения и образования;
- искажение рыночных механизмов: нечестная конкуренция (например, картельные сговоры, монополизация) нарушает баланс спроса и предложения, снижает качество товаров и услуг;
- отток капитала: легализация преступных доходов (отмывание) и вывод средств за рубеж ослабляют национальную экономику.

2. Социальные последствия:

- ухудшение уровня жизни: сокращение бюджетного финансирования ведет к снижению доступности социальных услуг;
- потеря доверия населения: финансовые пирамиды, мошенничество с кредитами или инвестициями приводят к разорению граждан, росту социальной напряженности;
- рост безработицы: Банкротства компаний из-за недобросовестных практик (например, рейдерства) оставляют людей без работы.

3. Угроза правопорядка и институтов:

- коррупция: подкуп чиновников искажает работу государственного аппарата, способствует принятию выгодных преступникам решений;
- снижение доверия к власти: безнаказанность экономических преступлений подрывает авторитет законов и стимулирует правовой нигилизм.

4. Связь с организованной преступностью:

- финансирование незаконной деятельности: прибыль от экономических преступлений часто направляется на поддержку наркоторговли, терроризма или торговли людьми;
- создание криминальных сетей: отмывание денег через подставные фирмы формирует инфраструктуру для других видов преступности.

5. Международные риски:

- транснациональный характер: кибермошенничество, уклонение от налогов через офшоры осложняют расследование и требуют глобального сотрудничества;
- угроза экономической безопасности: санкции, репутационные потери и снижение инвестиционной привлекательности страны из-за криминализации экономики.

6. Долгосрочные последствия:

- замедление инноваций: искажение конкурентной среды подавляет стимулы для развития технологий;
- деформация правосознания: молодое поколение, видя огромный успех преступных схем, может воспринимать их как норму и внедрить в повседневную жизнь [4, С. 14].

Борьба с экономическими преступлениями требует комплексного подхода, включающего усиление законодательного контроля, совершенствование механизмов надзора и повышение прозрачности финансовых операций.

Ключевыми мерами борьбы с преступлениями в сфере экономической деятельности можно назвать следующие меры:

1. Ужесточение санкций за мошенничество, уклонение от налогов, отмывание доходов и коррупционные схемы.
2. Включение в УК правонарушений, связанных с криптовалютными схемами, NFT-мошенничеством, использованием ИИ для манипуляций на рынках.
3. Внедрение цифровых инструментов для мониторинга транзакций (например, блокчейн-технологий), что снижает риски незаконных операций с денежными средствами и активами.
4. Внедрение распределенных реестров в госзакупки и цепочки поставок, чтобы исключить фальсификации.
5. Защита финансовых систем от хакерских атак, включая обязательное страхование киберрисков для банков и корпораций.
6. Создание межведомственных рабочих групп с участием правоохранительных органов, налоговых служб и финансовых регуляторов для оперативного выявления нарушений и преступлений в сфере экономической и предпринимательской деятельности.
7. Обязательное обучение сотрудников компаний основам антикоррупционного законодательства и этическим стандартам ведения бизнеса.
8. Стимулирование «белой» экономики через налоговые льготы для добросовестных предпринимателей и упрощение процедур отчетности [5, С. 242].

В заключении можно сказать, что главный вызов по борьбе с преступностью в сфере экономической и предпринимательской деятельности – адаптировать меры к стремительной цифровизации экономики и глобализации преступных схем. Необходимо сочетать «жесткость» законов с гибкостью технологических решений, а международную координацию – с защитой прав добросовестного бизнеса. Только так можно сохранить баланс между свободой рынка и безопасностью общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Квасова А. А. Актуальные направления борьбы с экономическими преступлениями в условиях глобальной цифровой экономики // *Европ. Global*. 2024. № 50. С. 100–104.
2. Абдульмянова Т. В. Уголовное право. Особенная часть: краткий курс лекций : учебное пособие / Т. В. Абдульмянова, И. П. Асанова, М. А. Жадяева. Том Раздел VIII. Саранск, 2023. 100 с.
3. Предупреждение правонарушений в сфере экономической деятельности: Учебно-методическое пособие / Т. В. Абдульмянова, И. П. Асанова, С. Б. Котляров, В. Ю. Перепелкин. Саранский кооперативный институт (филиал). Саранск, 2019. 108 с.
4. Глуценко А. В. Выявление зависимости уровня экономической безопасности от борьбы с экономическими преступлениями // *Бухгалтерский учет в бюджетных и некоммерческих организациях*. 2024. № 9(585). С. 11–19.
5. Абдульмянова Т. В. Коррупционные виды преступлений в сфере экономической деятельности: общеправовая пробле-

УДК 343.1

МИРОВАЯ ЮСТИЦИЯ: СОВРЕМЕННЫЕ ВЕКТОРЫ В РАЗВИТИИ

Родина Юлия Сергеевна, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st808927@ruc.su

GLOBAL JUSTICE: MODERN VECTORS IN DEVELOPMENT

Rodina Yulia Sergeevna, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

Мировая юстиция прошла длинный эволюционный путь своего развития. За это время сформировалась не только организационно-правовая основа её деятельности, но и обозначились векторы развития на современном этапе. К ним можем отнести оптимизацию судебной нагрузки на судей, активное внедрение цифровых сервисов, необходимость в автоматизации процессов судебного делопроизводства. В тоже время до сих пор не утрачивают своей актуальности проблемы материально-технического обеспечения мировых судей, нехватка финансирования, кадров, создание дополнительных судебных участков, примирения сторон.

Ключевые слова: мировая юстиция, мировой суд, суд, судебная система, оптимизация, цифровизация, нагрузка, дело, производство, примирение.

The justice of the peace has gone through a long evolutionary path of its development. During this time, not only the organizational and legal basis of its activities was formed, but also the vectors of development at the present stage were outlined. These include the optimization of the judicial workload on judges, the active implementation of digital services, the need to automate the processes of judicial office work. At the same time, the problems of logistical support for justices of the peace, lack of funding, personnel, the creation of additional court areas, and reconciliation of the parties have not lost their relevance.

Keywords: justice of the peace, magistrate's court, court, judicial system, optimization, digitalization, workload, office work, reconciliation.

Мировая юстиция насчитывает определенный период времени в своем становлении и развитии, которой позволяет говорить о ее эффективной реализации в судебной системе. Она была создана в ходе реформы 1864 года и являлась выборным органом; основное ее предназначение сводилось к примирению участников конфликта [1, с. 21].

Поскольку данный институт является приближенным к населению, следовательно, и доля нагрузки по рассмотрению дел ложится большая. Согласно данным Главного управления по обеспечению деятельности мировых судей Московской области, за 9 месяцев 2023 года мировыми судьями Московской области было рассмотрено более 1 339 805 дел и материалов, что на 5 % превышает показатель аналогичного периода предыдущего года [2]. По данным изученной практики, подобные тенденции наблюдаются и в других регионах страны.

Увеличение нагрузки на мировых судей приводит к необходимости выработки на законодательном уровне мер оптимизации, направленных на совершенствование их деятельности.

К числу таковых можем отнести предложенный Минюстом РФ проект [3] внесения изменений в ст. 4 Федерального закона «О мировых судьях в Российской Федерации». Он уже прошел этапы обсуждения, был доработан с учетом замечаний, прошел антикоррупционную экспертизу и получил положительные отклики от членов юридического сообщества. В нем нашло обоснование необходимости создания дополнительных судебных участков. Это является важным если численность населения превышает предел, установленный в абз. 1 п. 4 ст. 4 Федерального закона «О мировых судьях в Российской Федерации». Следовательно, в районах и городах с большим количеством проживающих целесообразно создавать новые судебные участки и вводить должности мировых судей. И, наоборот, в малонаселенных районах следует укрупнять судебные участки мировых судей, что позволит отчасти перераспределить (снизить) и расходы на их содержание.

Перегруженность судебной системы в целом, и мировых судей в частности, оказывает влияние на качество принимаемых решений. Поэтому, любые действия, направленные на снижение нагрузки, способствуют улучшению работы судебной системы в целом. Но также можно отметить, что такая работа должна быть комплексной. И если есть возможность передать спор другому ведомству или органу (например, нотариат, служба судебных приставов), то это необходимо сделать.

Важным может быть и активное внедрение цифровых сервисов, которые позволят затрачивать как можно меньше человеческих ресурсов на целый ряд действий: отправка почтовых уведомлений, создание типовых форм документов, фиксации документов. По сути, цифровизация предполагает из-

бавление суда от ручного механического труда. А он начинается с момента поступления дела в суд заявления или жалобы (регистрации «от руки») и сопутствующих материалов, и, заканчивается «подшиванием» дела, его отправкой между инстанциями и сдачей, в последующем, в архив.

В этой связи главной целью информатизации судебного делопроизводства следует признать закреплённую в Концепции информатизации судов и системы Судебного департамента до 2030 годов «максимально возможную автоматизацию процессов судебного делопроизводства, начиная с первичной регистрации поступающих в суд процессуальных документов и заканчивая обращением судебного постановления к исполнению». Ориентир на эту цель поспособствует принятию цифровизации, что в свою очередь позволит снизить нагрузку на судей и повысить эффективность их деятельности.

На пути к достижению этой цели могут возникать задачи, которые будут требовать решения. Одной из таких является отказ от формирования дел на бумажных носителях. Такая практика уже давно сложилась в других государствах. Например, Верховным Судом Республики Казахстан электронное уголовное дело было рассмотрено уже в январе 2018 г., а в уголовно-процессуальное законодательство вошли такие термины как: электронный документ, электронно-цифровая форма, электронно-цифровая подпись; в виде электронных документов оформляются доказательства [5, с. 71].

Следовательно, в условиях стремительной цифровизации, думаем возможным применять подобный опыт и в нашей стране, а именно переходить к формированию электронных дел, в основе которых будут электронные машиночитаемые документы. Это будет способствовать не только сокращению времени и трудовых затрат, но и финансовой экономии. Однако, информация, на сегодняшний день в форме письменных документов может пока не подлежать автоматизированной обработке, так как она имеет традиционную форму. Следовательно, это и должно быть изменено. Решение этой проблемы предполагает, во-первых, подачу документов (например, искового заявления) в форме электронного документа. Причем он должен быть машиночитаем, либо в специальном формате (xml). Соответственно, это ускоряет процесс поступления документов судье и порядок принятия решения по нему. Принимаемые в таком случае решения могут в дальнейшем послужить основой для составления подобных процессуальных документов, например определения о принятии дела к производству.

Во-вторых, думается, что в электронном документообороте судебной системы (между различными инстанциями или органами) все судебные решения и процессуальные документы также должны отвечать форме электронных машиночитаемых документов, а не электронных образов письменных документов. Это положительно скажется на скорости их автоматической обработки при регистрации, пересмотре дела в вышестоящей инстанции, другими органами, например, на стадии исполнения решений суда.

В-третьих, важным является предусмотреть систему хранения поступающей в суд информации, электронных документов, иных процессуальных обращений и выносимых судом решений по ним. Необходимо создать максимально доступные условия ознакомления участников дела с ними, а также вышестоящего суда в случае обжалования.

Определённые трудности возникают в связи с нехваткой кадров в аппарате мирового суда. Такая нестабильность в кадровом составе связана исключительно с невысоким уровнем заработной платы и высокими квалификационными требованиями к кандидатам, замещающим соответствующие должности. Это в свою очередь, ведет к совмещению выполнения работниками на некоторых судебных участниках нескольких функций одновременно.

Так, в Республике Крым подобная проблема была решена понижением квалификационных требований в аппарате мировых судей. В частности, должность секретаря суда мирового судьи была изменена на должность специалиста 1 категории. Это позволило привлечь для работы лиц, которые не имеют высшего юридического образования и стажа работы [6, с. 97].

Не менее значимой является и проблема оплаты труда мировых судей. Законодательство предусматривает финансирование их деятельности через Судебный департамент при Верховном Суде РФ. При этом материально-технические расходы, оплата труда работников аппарата мирового суда осуществляется за счет бюджетных ассигнований субъекта РФ. Поскольку социально-экономического состояние регионов может быть разным, соответственно, это может ставить в зависимость мировых судей при отправлении правосудия от экономической ситуации. Решение этой наболевшей ситуации видится в закреплении на уровне страны определенных стандартов обеспечения мировых судей (минимальный уровень). Не секрет, что мировые суды сталкиваются с проблемами нехватки не только бумаги и компьютерной техники, но даже канцелярских принадлежностей. Более того, актуальной является необходимость размещения мировых судей в зданиях, которые отвечают всем определенным в законодательстве требованиям, расширения архивных помещений и оборудования залов судебных заседаний.

Для решения некоторых указанных проблем и невозможности уменьшения финансирования миро-

вых судей явилось принятие поправок к федеральному закону № 76 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием правового регулирования в сфере организационного обеспечения деятельности мировых судей» [7]. Они способствовали необходимости взаимодействия в части разработки проекта бюджета органов исполнительной власти субъектов и совета судей субъектов РФ. Plusом является и то, что сократить материально-техническое обеспечение мировых судей можно лишь с согласия совета судей субъекта или в отдельных случаях – конференции судей субъектов РФ.

Динамично меняющиеся социально-экономические условия жизни страны диктуют необходимость пересмотра компетенции мирового судьи. Инициатива Верховного Суда РФ в части повышения цены иска по некоторым категориям дел поспособствовали уменьшению количества подаваемых исков в мировой суд. Думается, что подобного рода действия могут быть актуальными по имущественным спорам, разделу совместно нажитого имущества между супругами, защиты прав потребителей.

Кроме того, внимание может быть уделено и развитию альтернативных процедур, направленных на примирение сторон с участием судебных примирителей. Изначально, в ходе реформы 1864 года применительно к мировым судьям такая задача была заложена: примирить стороны и урегулировать конфликт. В Постановлении X Всероссийского съезда судей указывается: «Важное значение для повышения эффективности судопроизводства, снижения конфликтности в обществе, укрепления социальных и экономических связей имеет дальнейшее развитие института примирения сторон» [8].

Соответственно, на сегодняшний день эта задача мировой юстиции является актуальной, поскольку договоренности составляют основу нормального функционирования общества. Но, чтобы этот механизм заработал необходима его популяризация, постоянное разъяснение лицам его положительных моментов. И без профессиональных знаний судьи в этом случае никак не обойтись.

В любом случае, стоит отметить, что институт мировых судей совершенствуется. Статус мировых судей подкреплен поправками 2020 года, внесенными в ст. 118 Конституции РФ, которые включили мировых судей в судебную систему РФ. А с 2021 года мировые судьи, как и федеральные назначают-ся бессрочно, что способствует укреплению судебной власти, приведения к единству статуса судей всех уровней.

ЛИТЕРАТУРА

1. Балабайкин В. В., Жадяева М. А. Становление института мировых судей в свете судебной реформы 1864 г. // Studium. 2014. № 4-1 (33). С. 21.
2. Справка о работе мировых судей Московской области за 3 месяца 2023 года // Главное управление по обеспечению деятельности мировых судей Московской области URL: <https://gudms.mosreg.ru/dokumenty>
3. О внесении изменения в статью 4 Федерального закона «О мировых судьях в Российской Федерации»: 153725 URL: <https://regulation.gov.ru/Regulation/Npa/PublicView?npaID=153725>
4. Концепция информационной политики судебной системы на 2020–2030 годы: одобрена Советом судей РФ 05.12.2019 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Задорожная В. А. Производство по уголовному делу в электронном формате по законодательству Республики Казахстан // Правопорядок: история, теория, практика. 2018. 4 (19). С. 70–75.
6. Шкляр Т. А. Актуальные вопросы деятельности мировых судей в Республике Крым // В сборнике: Вопросы судебной деятельности и правоприменения в современных условиях. Сборник статей по результатам II международной научно-практической конференции, посвященной празднованию 10-летней годовщины воссоединения Крыма с Российской Федерацией. Симферополь : Ариаал, 2024. С. 94–98.
7. СЗ РФ. 2018. № 17. Ст. 2425.
8. О развитии судебной системы Российской Федерации : Постановление X Всероссийского съезда судей от 1 декабря 2022 г. № 1 URL: <http://www.ssrf.ru/siezd-sudiei/49122>

УДК 343

ПРИЧИНЫ, СПОСОБСТВУЮЩИЕ ПОРОЖДЕНИЮ ЭКСТРЕМИЗМА

Стрелков Иван Валерьевич, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st805214@ruc.su

CAUSES CONTRIBUTING TO EXTREMISM

Strelkov Ivan Valeruevich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

Экстремизм, как уголовно-правовое явление не имеет общей причины возникновения, в качестве ключевых причин можно выделить как экономическое состояние общества и государства, так и социальные, политические и духовно-нравственные причины, что может повлечь за собой радикализм в любой форме проявления, вплоть до сепаратизма.

Ключевые слова: уголовно-правовое явление, экстремизм, общепризнанное определение экстремизма, ключевые причины экстремизма, экстремистские преступления, проблемы экстремизма.

Extremism, as a criminal phenomenon, has no common cause. The key causes include the economic state of society and the state, as well as social, political, and spiritual and moral causes, which can lead to radicalism in any form, including separatism.

Keywords: criminal law phenomenon, extremism, generally accepted definition of extremism, key causes of extremism, extremist crimes, problems of extremism.

В Российской Федерации запрещаются создание и деятельность общественных и религиозных организаций, цели которых направлены на осуществление экстремистской деятельности.

Ст. 280, 280.1, 282, 282.1-282.3 УК РФ, п. «л» ч. 2 ст. 105, п. «е» ч. 2 ст. 111, п. «б» ч. 1 ст. 213 УК РФ [1], являются экстремистскими в соответствии с Постановлением Пленума ВС РФ № 11 от 28 июня 2011 г. (далее по тексту ПП ВС РФ № 11). Уголовная ответственность за совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 282 УК РФ наступает для лиц, достигших ко времени совершения преступления шестнадцатилетнего возраста.

Анализ причин, способствующих порождению экстремизма в условиях нынешних реалий, приобретает особое значение. Необходимо точно выяснить сущность природы современного экстремизма, чтобы сформировать методы преодоления этих проблем, и их искоренения. Специалистами и учеными до сих пор не выявлено общепризнанное определение экстремизма, что способствует непониманию при их изучении и формировании выводов, исходя из этого анализа. Сегодня важным является феномен экстремизма, как крайней формы сепаратизма.

По мнению большинства представителей юридического сообщества, причинами совершения экстремистских преступлений, являются: восприятие обществом государства через СМИ, «Интернет», навязывание западной культуры, отсутствие «Социальных лифтов», а также возможности для самореализации у молодёжи, обуславливающие искажение мировоззрения и как следствие одобрение и даже совершение преступлений экстремистской направленности;

Наибольший интерес в рамках данной проблемы представляет ст. 282 УК РФ «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства», поскольку согласно статистическим данным за 2024 г. данная статья является одной из самых «востребованных», применяемых на практике. Общее же количество случаев использования в совокупности ст. 282–282.3 УК РФ за 2024 г. не превышает 160.

Стоит отметить, что проблемы экстремизма и терроризма неоднократно поднималась высшим руководством нашей страны. Так В. В. Путин, являясь Президентом Российской Федерации, говорил о насущных проблемах в области борьбы с терроризмом и экстремизмом в своих посланиях Федеральному Собранию.

Наглядным примером является попытка отделения Чечни из состава РФ и создание Чеченской Республики Ичкерия, а также дальнейшее распространение экстремисткой идеологии на территории РФ с покровительства так называемых «западных партнеров» в лице Европы, США и Великобритании.

Про что очень справедливо в своё время сказал В. В. Путин «Мы будем преследовать террористов везде. В аэропорту – в аэропорту. Значит, вы уж меня извините, в туалете поймает, мы и в сортире их замочим».

Экономическая причина обусловлена низким уровнем достатка населения, а морально-нравственные причины обуславливают деградацию личности что влечёт за собой подмену морально-нравственных категорий.

Из статистических данных Министерства внутренних дел России видно, что число зарегистрированных преступлений экстремистской направленности в 2023 г. выросло на 43 %. Статистика за январь–апрель 2024 г. показывает, что за первые четыре месяца 2024 г. преступлений экстремистского характера было совершено на 13 % больше чем за январь–апрель 2023 г., возможно ключевым фактором повышения количества преступлений экстремистского характера является проведение СВО.

Представленные выше статистические данные, а также активизация различных экстремистских организаций на территории РФ, после начала СВО впечатляют и заставляют о многом задуматься. Также важно отметить и превентивную деятельности правоохранительных органов, направленную на профилактику экстремистских преступлений. Так как зачастую вступают в экстремистские организации и осуществляют свою преступную деятельность на территории РФ не иностранцы, боевики, получившие опыт в зарубежных странах и «горячих точках», как было в Казахстане в январе 2022 г., о чём сообщил телеканалу «Хабар 24» Президент Республики Казахстан Токаев Касым-Жомарт Кемелевич, а граждане России проживающие в ней с рождения, которые «не смогли найти себя в жизни», поскольку на их мировоззрение негативно повлияли иностранные СМИ и Интернет источники открыто занимающиеся русофобией: «Радио Свобода», «МБХ медиа», «ВВС» и др., ведущие целенаправленную политику на дестабилизацию обстановки внутри страны, так называемая «раскачка общества и государства», о чём не раз справедливо отмечал В. В. Путин.

Сегодня с уверенностью можно сказать об эффективности профилактических мероприятий, проводимых сотрудниками правоохранительных органов, однако требующими некоторых изменений.

Переворот, антиконституционный захват власти, произошедший в соседней Украине в 2014 г., не без помощи западных стран, привёл к созданию, запрещенной в России экстремистской организации «Правый Сектор», а также к полной потере украинского суверенитета и государственности.

В результате вмешательства западных стран во внутренние дела отдельных регионов Ближнего Востока и Северной Африки, а также спонсирования террористических организаций, на свет рождаются запрещенные в России террористические организации – Аль-Каида и ИГИЛ.

Несмотря на то, что к концу 2019 г. показатель совершения подобных преступлений уменьшился более чем наполовину, в настоящее время, в момент проведения СВО, экстремисты, пользуясь поддержкой так называемых «западных партнеров», «подняли голову» и «пытаются раскачать наше общество и государство», их цель ясна — устроить «оранжевую революцию» в РФ на примере Украины и других СНГ стран, что в дальнейшем может привести к полной потере суверенитета и нашей государственности.

Одним из методов НАТО, для достижения данной цели, является попытка активизации сепаратистских настроений на территории РФ с помощью Центров информационно-психологических операций ССО Украины (ЦиПСО).

Сегодня выделяется несколько видов экстремизма, среди которых важное значение имеет молодежный. Особенным фактором его проявления является крайне националистическое настроение среди молодых людей. Причины возникновения такого явления как молодежный экстремизм – это ухудшение положения в стране, воспитание в семье, круг общения, а также влияние на подсознание молодежи СМИ [2]. В качестве примера следует привести созданную под видом борьбы с наркоманией (в настоящее время запрещенная и прекратившая свою деятельность в 2014 г. в РФ) организацию «Оккупай-Наркофилия» – проект международного националистического праворадикального экстремистского общественного движения «Реструкт» (запрещённого в РФ), созданный под руководством его ныне покойного лидера Максима Марцинкевича (по прозвищу Тесак).

Целью проекта была заявлена борьба с наркоманией. Данная идея нашла своих единомышленников в ряде городов России, а также за границей. В некоторых регионах РФ участники и организаторы данного проекта были осуждены за вымогательство, шантаж, грабежи и причинение вреда здоровью.

Некоторые участники на момент совершения данных преступлений не достигли даже совершеннолетия.

Так, Александр Шанкин, на момент совершения преступления не достигший совершеннолетия, был приговорен судом к шести годам воспитательной колонии.

После ареста лидера данной организации Максима Марцинкевича (по прозвищу Тесак) и возбуждения многочисленных уголовных дел в отношении ее участников, данное движение (запрещённое в РФ) в 2014 г. заявило о своём самороспуске.

Доктрина уголовного права выделяет такие общие черты экстремизма и экстремистской деятельности как направленность против общества, нации, расы, верующих и государства [3]. Из теории уголовного права известно, что любое общественно опасное деяние может быть реализовано путем совершения активных действий либо наоборот путем бездействия. Из диспозиции ч. 1 ст. 282 УК РФ следует, что данное преступное деяние может совершаться только через выполнение лицом активных действий, направленных на возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства. Под преступным действием понимается общественно опасный в данных условиях места, времени и обстановки противоправный акт внешнего поведения лица, при этом лицо совершает данный акт целенаправленно и сознательно. Всякое действие во вне проявляется в виде движения и обычно охватывает совокупность однородных движений. Преступное действие внешне выражается либо в форме жеста, либо в виде произнесения слов, либо в виде физического воздействия на других людей или на предметы внешнего мира. Действия, которые осуществляются произнесением слов или жестами непосредственно оказывают влияние на сознание потерпевшего. Этот способ преступного посягательства направлен именно на провоцирование вражды между социальными группами. Иная трактовка приводила бы к тому, что статья 282 УК РФ утратила бы свое антиэкстремистское содержание и применялась для квалификации обычных бытовых конфликтов.

В преамбуле Конституции РФ закреплено, что Россия является многонациональным государством. Насчитывается более 190 национальностей (этносов), проживающих на территории России, из них русские, татары, украинцы, башкиры, чуваша – самые большие этнические группы. Поэтому особенно важным является выявление смысла признака национальности в контексте ст. 282 УК РФ.

Слово национальность, производное от нации, также может иметь разные значения. В первом слу-

чае слово «национальность» будет синонимично со словом «народность» (этнос), во втором, под «национальностью» будет пониматься гражданство лица, то есть его правовая связь с каким-нибудь государством. Представляется, что и в том, и в другом случае такое понимание национальности лица укладывается в контекст ст. 282 УК РФ.

По мнению С. В. Борисова и А. В. Жеребченко признак происхождения следует исключить из диспозиции ст. 282 УК РФ, так как он является абстрактным и многозначным, редко встречающимся в следственной и судебной практике [4]. С данной точкой зрения нельзя согласиться, так как существуют объективные критерии выделения групп населения по признаку происхождения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уголовный кодекс Российской Федерации : федер. закон: [принят Гос. Думой 24 мая 1996 г. № 63–ФЗ: в ред. от 1 марта 2025 г.] // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
2. Костина Е. А. Криминалистическая характеристика преступлений экстремистской направленности // Эпомен, 2021. № 56. С. 268–272.
3. Кожевников И. А. Скрытые технологии политического экстремизма // Государственная молодежная политика: вызовы и современные технологии работы с молодежью : материалы Международной молодежной научно-исследовательской конференции (Екатеринбург, 4 апреля 2024 г.) / под общ. ред. д-ра пед. наук А. В. Пономарева. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2024. С. 125–131.
4. Борисов С. В., Жеребченко А. В. Возбуждение ненависти, вражды, унижение человеческого достоинства: проблемы установления и реализации уголовной ответственности: монография // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru>
5. Kostina E. A. Criminalistic characteristics of extremist crimes // Epomen, 2021. No. 56. pp. 268-272.
6. Kozhevnikov I. A. Hidden technologies of political extremism // State youth policy: challenges and modern technologies of working with youth : materials of the International Youth Research Conference (Yekaterinburg, April 4, 2024) / under the general editorship of Doctor of Pedagogical Sciences A. V. Ponomarev. Yekaterinburg : Ural Publishing House. University, 2024. pp. 125-131.

УДК 343.9

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОРГАНИЗАЦИИ ОЧНЫХ СТАВОК С УЧАСТИЕМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПОТЕРПЕВШИХ И СВИДЕТЕЛЕЙ: КЛЮЧЕВЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Тимошкин Александр Витальевич, магистрант

Сафронов Сергей Михайлович, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st810656@ruc.su; st808087@ruc.su

FORENSIC ASPECTS OF ORGANIZING CONFRONTATIONS WITH THE PARTICIPATION OF MINOR VICTIMS AND WITNESSES: KEY PROBLEMS

Timoshkin Pavel Sergeevich, Master's Degree student

Safronov Sergey Mikhailovich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

Среди следственных действий, связанных с участием несовершеннолетних потерпевших и свидетелей, очная ставка по степени частоты применения уступает лишь допросу. В соответствии с ч. 1 ст. 192 УПК РФ, данная процедура инициируется при выявлении существенных расхождений в сведениях, полученных от ранее опрошенных лиц. Анализ указанной нормы позволяет выделить два ключевых условия: наличие противоречий между разными участниками процесса; роль следователя в разрешении противоречий. Таким образом, очная ставка как инструмент актуальна только при межличностных противоречиях, требующих непосредственного взаимодействия сторон. В остальных случаях устранение несоответствий в показаниях достигается через критический анализ материалов дела и аргументированное воздействие на участника процесса.

Ключевые слова: доказывание, очная ставка, преступление, расследование, несовершеннолетний, потерпевший, свидетель.

Among investigative actions involving minor victims and witnesses, confrontation is second only to interrogation in terms of frequency of use. In accordance with Part 1 of Article 192 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, this procedure is initiated when significant discrepancies are identified in the information received from previously interviewed persons. An analysis of this rule allows us to identify two key conditions: the presence of contradictions between different participants in the process; the role of the investigator in resolving contradictions. Thus, confrontation as a tool is relevant only in the case of interpersonal contradictions that require direct interaction between the parties. In other cases, the elimination of inconsistencies in testimony is achieved through a critical analysis of the case materials and reasoned influence on the participant in the process.

Keywords: proof, confrontation, crime, investigation, minor, victim, witness.

При оценке существенности противоречий в показаниях участников уголовного процесса, требующих проведения очной ставки, необходимо учитывать потенциальные риски, связанные с игнорированием таких расхождений. Отказ следователя от устранения несоответствий может привести к

использованию противоречивых доказательств на стадии судебного разбирательства, что способно исказить результаты расследования и повлиять на законность итогового решения.

Превентивная функция данного следственного действия заключается в минимизации риска судебных ошибок, вызванных некорректной оценкой доказательств [1, с. 87]. Эта идея находит отражение в ч. 4 ст. 389.16 УПК РФ, где закреплено основание для пересмотра приговора: несоответствие выводов суда фактическим обстоятельствам дела. Законодатель акцентирует, что приговор может быть отменён, если выявлены существенные противоречия в аргументации суда и эти противоречия повлияли (или могли повлиять) на установление виновности, применение норм уголовного права или определение меры наказания. Своевременное устранение противоречий на досудебной стадии через очную ставку становится не только инструментом доказывания, но и гарантией соблюдения принципа законности. Игнорирование этой процедуры создаёт предпосылки для оспаривания судебных решений, особенно в делах с участием несовершеннолетних свидетелей и потерпевших, где точность показаний критически важна.

В рамках уголовно-процессуальной деятельности очная ставка традиционно рассматривается как действенный инструмент установления истины, позволяющий не только подтвердить имеющиеся доказательства, но и получить новые сведения [2, с. 12]. Несмотря на это, дискуссии о её правовой природе продолжаются: одни исследователи подчеркивают её самостоятельный характер как отдельного следственного акта, тогда другие акцентируют сходство с процедурой допроса, предлагая считать её специализированной формой последнего. На наш взгляд, подобные научные споры носят преимущественно терминологический характер, маскируя отсутствие реальных противоречий в понимании сути данного института.

Важно отметить, что наличие подвидов в рамках одного следственного действия не лишает их процессуальной автономии. Яркой иллюстрацией этого тезиса служат различные формы осмотра – будь то исследование места происшествия, изучение вещественных доказательств или экспертиза трупа. Каждая из этих процедур решает уникальные задачи и требует специфических методов работы, что закреплено в ст. 176–178 УПК РФ, однако это не исключает их принадлежности к общей категории следственного осмотра.

Аналогичный подход, на наш взгляд, применим и к очной ставке. Её законодательное закрепление в качестве отдельной процессуальной нормы (ст. 192 УПК РФ) подчеркивает самостоятельность, однако структурное сходство с допросом (использование показаний участников, процедура фиксации данных) позволяет рассматривать её как особую модификацию данного действия. Ключевая особенность заключается в синтезе элементов: сохраняя признаки родового понятия, очная ставка одновременно приобретает качественно новые характеристики, обусловленные спецификой одновременного опроса лиц с противоречивыми показаниями.

Таким образом, дуализм правовой природы очной ставки отражает системный характер уголовно-процессуального регулирования, где дифференциация процедур сочетается с единством их процессуальных целей [3, с. 6]. Этот подход позволяет избежать искусственного противопоставления характеристик, которые в действительности взаимодополняют друг друга в рамках единого механизма доказывания.

В процессуальном отношении очная ставка, сохраняя значительное сходство с допросом, предстаёт уникальным форматом взаимодействия, объединяющим общие принципы вербальных следственных действий со специфическими механизмами получения информации. Каждый такой инструмент доказывания характеризуется особым сочетанием методов, что подчёркивает его функциональную автономию в системе уголовно-процессуальных процедур. Особую актуальность криминалистическое сопровождение приобретает при организации очной ставки с участием несовершеннолетних свидетелей или потерпевших, чьи первоначальные показания нередко вступают в конфликт не только с версиями взрослых участников процесса, но и с позицией обвиняемого. Подобные ситуации формируют наиболее проблемный контекст для применения криминалистических методик, требуя от следователя повышенной компетентности.

Структурно очная ставка, как форма коммуникативного противоборства, усложняется из-за психологического напряжения между участниками. Это обуславливает необходимость тонкого анализа динамики взаимодействия и внедрения стратегий управления диалогом, что становится ключевым фактором достижения процессуальных целей. Наибольшие сложности возникают при работе с разностатусными участниками, например, когда несовершеннолетний потерпевший сталкивается в ходе процедуры с взрослым обвиняемым. Эксперты неоднократно указывали на необходимость применения специальных тактических протоколов в таких случаях, акцентируя риски психологического давления и манипуляций.

Эффективное разрешение этих проблем требует комплексного использования организационно-тактических и технико-криминалистических инструментов. Среди приоритетных задач выделяется нейтрализация попыток сговора или косвенного воздействия на несовершеннолетнего с целью искажения его показаний. Современные криминалистические методики позволяют не только фиксировать признаки внешнего влияния, но и создавать условия для сохранения достоверности информации - например, через применение аудиовизуальных средств фиксации, психологическое сопровождение или пространственную организацию процедуры. Важным аспектом остается прогнозирование поведенческих реакций участников, что требует от следователя владения навыками невербальной диагностики и ситуационного моделирования.

При организации очной ставки с участием несовершеннолетних потерпевших или свидетелей тактико-технические меры должны быть направлены на минимизацию риска психологического давления со стороны взрослых участников, особенно обвиняемых [4, с. 429]. Ключевым аспектом становится исключение непосредственного взаимодействия между несовершеннолетним и лицом, чьи показания противоречат его позиции. Для реализации этой задачи целесообразно применять дистанционные форматы коммуникации, исключающие физический контакт.

Современные криминалистические технологии предоставляют широкий арсенал инструментов для визуализации процесса в режиме реального времени. Наиболее эффективными признаны платформы видеоконференцсвязи, такие как Zoom или аналогичные защищенные системы, позволяющие организовать диалог через экран при сохранении процессуальной достоверности. Обязательным условием является синхронная аудиовизуальная фиксация процедуры с учётом специальных требований к опросу несовершеннолетних, например участие педагога или психолога, выбор нейтрального фона для снижения стрессового воздействия.

Дополнительно рекомендуется использовать программные решения с функцией шифрования данных и автоматическим протоколированием, что исключает манипуляции с записями. Техническое оснащение должно дополняться тактическими приёмами: зонирование пространства при гибридном формате, использование задержки трансляции для предотвращения спонтанных реакций, а также предварительный инструктаж несовершеннолетнего в присутствии законного представителя. Эти меры не только блокируют попытки сговора, но и обеспечивают эмоциональную защиту юного участника, сохраняя объективность полученных показаний.

ЛИТЕРАТУРА

1. Данилов В. В., Абдульмянова Т. В., Асанова И. П. Основы методики экспертного одорологического (запахового) исследования // Вопросы российского и международного права. 2021. Том 11. № 4А. С. 82–90.
2. Губаницев В. В. Криминалистический анализ механизма преступной деятельности в сфере экономики : автореф. дис.. канд. юрид. н. / В. В. Губаницев // Нижегородская академия МВД России. - Нижний Новгород, 2009. 24 с.
3. Данилов В. В. Неблагополучная семья-детерминант рецидивной преступности несовершеннолетних // Мир науки и образования. 2015. № 4. С. 6.
4. Данилов В. В., Чиняков О. Е. Тактические приемы проведения предварительного допроса опознающего при раскрытии и расследовании преступлений // В сборнике: IX Юридические чтения. материалы Национальной научно-практической конференции. Саранск, 2023. С. 428–432.

УДК 343

ОБЩЕСТВЕННАЯ ОПАСНОСТЬ ДОЛЖНОСТНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И МЕРЫ БОРЬБЫ С НИМИ

Тиньгаева Екатерина Викторовна, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st808932@ruc.su

PUBLIC DANGER OF OFFICIAL CRIMES AND MEASURES TO COMBAT THEM

Tingaeva Ekaterina Viktorovna, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

Коррупция во всех её проявлениях в стране настолько системна, что сложна не только для выявления, но и для эффективного противодействия, поэтому все программы и проекты, направленные на пресечение этого социально опасного явления, должны быть ориентированы на достаточно длительный период времени. В данной статье автором рассматривается общественная опасность должностных преступлений и приводятся меры по противодействию данному виду преступлений.

Ключевые слова: должностная преступность, должностное лицо, коррупционные правонарушения, коррупционные преступления, негативная проблема, извлечение личной выгоды, корыстные преступления, корысть.

Corruption in all its manifestations in the country is so systemic that it is difficult not only to identify, but also to effectively counteract, therefore all programs and projects aimed at suppressing this socially dangerous phenomenon must be oriented towards a

sufficiently long period of time. In this article, the author examines the social danger of official crimes and provides measures to combat this type of crime.

Keywords: official crime, official, corruption offenses, corruption crimes, negative problem, personal gain, selfish crimes, self-interest.

Должностные преступления считаются особо опасными, так как их субъекты обладают властными полномочиями, а последствия затрагивают основы государственного управления.

Коррупция в России приобрела системный характер, глубоко проникнув во многие сферы общественной жизни. Ее устойчивость обусловлена десятилетиями формирования неформальных связей, что превратило коррупционные практики в элемент повседневности [1, С. 399].

Все вышеизложенное требует принципиально иного подхода к противодействию: вместо точечных мер необходимо реализовывать стратегию последовательных институциональных преобразований.

Ключевым приоритетом должно стать устранение системных предпосылок коррупции – чрезмерной бюрократизации, непрозрачности госзакупок, неэффективного контроля. Государству следует сосредоточить ресурсы на создании цифровых механизмов отчетности, внедрении прозрачных процедур принятия решений, реформе судебной системы. Особое значение имеет формирование нулевой терпимости к коррупции через образовательные программы и вовлечение гражданского общества.

Важно понимать, что искоренение столь масштабного явления – задача поколения. Успех возможен только при условии постоянной эволюционной работы, сочетающей правовое ужесточение с глубокой модернизацией государственного управления [2, С. 219].

Для эффективной борьбы с должностной преступностью (коррупция, злоупотребление полномочиями, взяточничество) необходим комплексный подход, сочетающий правовые, институциональные, технологические и общественные меры. Ключевыми мерами можно назвать следующие меры противодействия должностной преступности:

1. Усиление законодательной базы и правоприменения:

- ужесточение санкций за должностные преступления, включая конфискацию имущества, пожизненный запрет на госслужбу;
- создание специализированных судов по коррупционным делам для ускорения процессов и минимизации давления на судей;
- внедрение нормы о «необъяснимом богатстве»: если доходы чиновника не соответствуют декларациям, бремя доказывания законности ложится на него.

2. Профилактика через прозрачность:

- цифровизация госуслуг и отчетности (например, электронные аукционы, автоматизация бюджетных расходов) для минимизации «ручного» вмешательства;
- обязательное публичное декларирование доходов и расходов чиновников и их семей, включая зарубежные активы;
- открытые данные о госзакупках, бюджетах, кадровых назначениях – для контроля со стороны СМИ и граждан.

3. Реформа государственного аппарата управления:

- ротация кадров на ключевых должностях (например, каждые 3–5 лет) для предотвращения формирования коррупционных сетей;
- конкурсный отбор и аттестация госслужащих с акцентом на профессиональную этику;
- создание «антикоррупционных комиссий» внутри ведомств с участием независимых экспертов.

4. Технологический контроль:

- внедрение аналитики больших данных для выявления аномалий в госрасходах (например, завышение цен в закупках);
- блокчейн-системы для отслеживания финансовых потоков и документооборота;
- анонимные онлайн-платформы для сообщений о коррупции (с защитой информаторов).

5. Общественное участие и образование:

- гражданский аудит – вовлечение НКО и активистов в мониторинг госпроектов;
- образовательные программы по антикоррупционной грамотности (школы, вузы, госслужба);
- публичные рейтинги ведомств и регионов по уровню прозрачности.

6. Международное сотрудничество:

- обмен информацией с зарубежными правоохранительными органами для расследования транснациональных схем;
- использование санкционных механизмов против лиц, замешанных в коррупции [3, С. 21].

Должностная преступность – системная проблема, поэтому «точечные» меры (например, посадки

чиновников) не дадут долгосрочного эффекта. Успех возможен только при параллельном сокращении возможностей для злоупотреблений (через технологии и прозрачность) и формировании культуры нетерпимости к коррупции (через образование и общественный контроль). Примеры Сингапура, Эстонии, Грузии подтверждают: для снижения коррупции на 70–80 % требуется 10–15 лет системной работы [4, С. 15].

В заключении можно сказать, что в настоящее время коррупционные правонарушения и преступления полностью искоренить не представляется возможным ни в одной стране мира. Однако, это не повод не работать над данной негативной проблемой и оправдывать этим слабую эффективность антикоррупционной политики.

Современное научное сообщество сходится во мнении, что в настоящее время необходимо стремиться к снижению масштабов коррупции до такого уровня, чтобы она перестала быть проблемой, не станет наносить существенного вреда обществу, государству и бизнесу, в частности, оказывая негативное влияние на него, повышая транзакционные издержки предпринимателей и формируя не здоровую экономическую среду.

Коррупционные злоупотребления должностными полномочиями наносят масштабный урон всем уровням общества: граждане и бизнес несут прямые потери, государство лишается ресурсов для развития, а общественное благо подменяется частными интересами.

Такие преступления не только дискредитируют институты власти, но и разрушают базовое доверие граждан к способности государства гарантировать защиту их прав. Это создаёт порочный круг, где правовой нигилизм населения и коррумпированность элит взаимно усиливают друг друга, угрожая стабильности всей системы. Борьба с такими преступлениями требует не только наказания виновных, но и системных реформ, исключающих саму возможность злоупотреблений (прозрачность, цифровизация, общественный контроль).

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдульмянова, Т. В. Должностная преступность: понятие и сущность проблемы // IX Юридические чтения: материалы Национальной научно-практической конференции, Саранск, 28–29 ноября 2023 года. Саранск : Рузаевский печатник, 2023. С. 398–401.
2. Зорькина, А. А. Актуальные проблемы предупреждения должностных преступлений // Право и управление. 2024. № 9. С. 217–220.
3. Каляшин, А. В. Должностная преступность: динамика и тенденции на современном этапе // Вестник Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых. Серия: Юридические науки. 2022. № 3(33). С. 19–23.
4. Преступления против государственной власти и интересов государственной службы: квалификация, расследование, доказывание / Т. В. Абдульмянова, И. П. Асанова, В. В. Данилов, М. А. Жадяева. Саранск, 2023. 21 с.

УДК 343.985

ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ И СПЕЦИФИКА КРИМИНАЛЬНОГО КОНТЕКСТА ПРЕСТУПЛЕНИЙ В ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ СФЕРЕ

Толайкин Артем Александрович, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st808088@ruc.su

PENITENTIAL CRIMES: CONCEPT, ESSENCE AND FEATURES OF THE CIRCUMSTANCE OF COMMITMENT

Tolaikin Artem Alexandrovich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

Результативность раскрытия преступлений определяется комплексом взаимосвязанных условий. Информация выступает ключевым ресурсом, объединяющим эти элементы. Например, данные с камер наблюдения или цифровые следы становятся основой для выдвижения версий. Использование исторического опыта позволяет избежать повторения типовых ошибок, сократить временные и финансовые затраты за счёт шаблонных решений для стандартных ситуаций, рационально распределять ресурсы, фокусируясь на уникальных аспектах конкретного дела. Интеграция процессуальных, технических и управленческих аспектов с опорой на актуальные данные и исторический контекст формирует основу для эффективного расследования.

Ключевые слова: доказательства, преступление, расследование, механизм совершения преступления, обстановка совершения преступления, осужденный, исправительное учреждение.

The effectiveness of crime detection is determined by a set of interrelated conditions. Information is a key resource that unites these elements. For example, data from surveillance cameras or digital traces become the basis for putting forward versions. Using historical experience allows you to avoid repeating typical errors, reduce time and financial costs due to template solutions for stand-

ard situations, rationally allocate resources, focusing on the unique aspects of a particular case. Integration of procedural, technical and managerial aspects based on current data and historical context forms the basis for an effective investigation.

Keywords: evidence, crime, investigation, mechanism of committing a crime, crime environment, convict, correctional facility.

Эффективный анализ отдельных преступных деяний невозможен без доступа к детализированным экспертно-ориентированным данным, которые служат основой для их точной правовой квалификации. Специализированная информация (например, криминалистические отчёты, результаты цифровой экспертизы, психологические заключения) позволяет выявить признаки состава преступления, дифференцировать схожие правонарушения, установить причинно-следственные связи между действиями и последствиями. Этот набор данных, называемый криминалистической характеристикой в рамках расследований, играет решающую роль в квалификации преступлений [1, с. 87].

Понимание концепции «обстановка совершения преступления» имеет решающее значение в исследованиях, поскольку оно составляет суть научного исследования.

Режим, как ключевой компонент функционирования исправительных учреждений и следственных изоляторов, определяет порядок исполнения уголовных наказаний, в особенности связанных с изоляцией от общества. Законодательно он закреплён как система правил, регулирующих содержание осуждённых и лиц, находящихся под стражей. Опираясь на нормативные определения, сформулированные законодателем, мы акцентируем внимание на правовых аспектах, избегая углубления в теоретические дискуссии о его генезисе или методах реализации.

Хотя прямая взаимосвязь между режимными требованиями и расследованием внутритюремных преступлений не всегда очевидна, пенитенциарная среда формирует специфические условия для противоправных действий. Пенитенциарный режим, будучи инструментом обеспечения порядка, одновременно формирует уникальный криминогенный контекст, требующий адаптивных методов расследования. Примечательно, что соблюдение правил содержания в следственных изоляторах отражает структуру регулирования, наблюдаемую в исправительных учреждениях [2, с. 12].

Основной задачей пенитенциарного режима является обеспечение защиты и социальной изоляции осуждённых, что реализуется через комплекс мер безопасности, применяемых специализированными исправительными учреждениями. Меры безопасности направлены на отражение внешних угроз, предотвращение побегов и другой преступной деятельности, а также на контроль проникновения посторонних лиц или запрещённых предметов в замкнутые пространства.

Соблюдение режимных норм в пенитенциарных учреждениях критически важно для сбора доказательной базы, которая формируется из двух основных источников: 1. Данные от персонала - сотрудники, ответственные за пресечение нарушений (побегов, контрабанды, несанкционированных контактов), предоставляют ключевую информацию в ходе допросов. Их показания помогают установить круг причастных лиц (свидетелей, подозреваемых); восстановить хронологию событий; выявить системные сбои (например, неисправности оборудования охраны). 2. Технические системы безопасности - инженерно-технические решения (видеонаблюдение, датчики движения, системы контроля доступа) минимизируют человеческий фактор, автоматически фиксируя нарушения. Полученные с их помощью данные (записи, логи активности) служат вещественными доказательствами, подтверждающими факт противоправных действий. К примеру, запись с камеры наблюдения, зафиксировавшая передачу запрещённых предметов через ограждение, не только доказывает факт контрабанды, но и идентифицирует участников инцидента. Сочетание человеческого и технологического ресурсов в рамках режима обеспечивает всестороннее документирование событий, необходимое для объективного расследования.

Эффективность технических систем безопасности определяется их возможностью обнаруживать угрозы и поддерживать защищённость объекта. Такие устройства становятся незаменимыми инструментами для следователей, поскольку автоматически фиксируют нарушения (несанкционированный доступ, попытки проникновения). Материальные следы, зарегистрированные этими системами (отпечатки, записи с камер, данные датчиков), формируют доказательственную базу, критически важную для установления обстоятельств преступления. Например, данные с биометрического сканера, зафиксировавшие время и место прохода злоумышленника, позволяют точно реконструировать его маршрут и действия. Интеграция инженерных решений в систему охраны не только предотвращает инциденты, но и обеспечивает следователей объективными цифровыми и физическими уликами. Изоляция осуждённых в учреждениях значительно ограничивает их контакты, что облегчает расследование преступлений, уменьшая количество лиц для исследования и создавая более ограниченные круги связей для установления версий по делу [3, с. 19].

При подозрении в причастности осуждённого к событиям за пределами учреждения требуется анализ каналов коммуникации – выявление незаконного использования мобильной связи, контрабандных гаджетов или посреднических схем передачи информации; применение режимных мер – изоляция и

раздельное содержание особых категорий заключённых с усилением контроля через видеонаблюдение, электронные датчики и регулярные обыски; информационное взаимодействие – сотрудники пенитенциарных учреждений, обладая оперативными данными о поведении и связях осуждённых, выступают ключевым источником сведений для расследования внутритюремных инцидентов. Например, обнаружение скрытого телефона у заключённого в ходе обыска позволяет установить его контакты с внешними соучастниками, что может быть критично для раскрытия планируемого побега. Сочетание технологического контроля, режимной дисциплины и взаимодействия с персоналом формирует основу для пресечения и расследования преступной активности в местах лишения свободы.

В контексте расследования преступлений в исправительных учреждениях защита благополучия потерпевших, свидетелей и лиц, говорящих правду, имеет первостепенное значение [4, с. 6]. В соответствии с уголовным законодательством меры безопасности в отношении заключённых, участвующих в судопроизводстве, обеспечиваются администрацией учреждения на основании поручений судьи, прокурора или следственного органа. При возникновении угроз безопасности осуждённых или персонала стандартной практикой является их перевод в защищённые зоны: штрафные изоляторы или одиночные камеры. Если базовые меры неэффективны, применяется перемещение в другое учреждение для минимизации рисков. Аналогичные меры распространяются на подозреваемых, обвиняемых и задержанных, а также на свидетелей и потерпевших, что упрощает сбор доказательств и снижает давление на участников процесса.

Обязательное ношение униформы с индивидуальными идентификаторами (номера, штрих-коды) позволяет быстро распознавать лиц, лишённых свободы, и сверять данные через визуальный осмотр или документацию. Технические стандарты одежды (тип ткани, отсутствие скрытых карманов, усиленные швы) исключают возможность сокрытия запрещённых предметов.

При проведении досмотров сотрудники тщательно исследуют одежду и личные вещи, чтобы обнаружить следы преступной деятельности (наркотики, орудия побега, записки).

Ответственность администрации включает не только обеспечение стандартной униформой, но и регулярный аудит её соответствия регламентам. Например, перевод осуждённого, подозреваемого в организации беспорядков, в изолятор предотвращает координацию с сообщниками, а анализ его униформы во время досмотра может выявить микро-записки или повреждения, указывающие на попытки изготовления запрещённых предметов. Комплекс мер безопасности, от изоляции до стандартизации атрибутов, направлен на поддержание порядка и создание условий для эффективного расследования внутри учреждений.

При расследовании противоправных действий лиц, содержащихся в условиях изоляции, следователи и дознаватели вправе применять следующие меры: личный досмотр лиц, относящихся к особым категориям (например, подозреваемых в организации преступных схем); инспектирование помещений, где проживают или перемещаются такие лица, включая камеры, общие зоны и рабочие объекты; проверку личных вещей, имущества и транспортных средств на территории исправительных учреждений, СИЗО и прилегающих зон, где действует усиленный режим безопасности. Цель мероприятий – выявление запрещённых предметов (наркотики, оружие, средства связи), документирование нарушений и пресечение криминальной активности. Правовая основа – соблюдение норм УПК и внутренних регламентов учреждений. Комплексный подход к досмотрам и инспекциям в условиях строгого режима обеспечивает прозрачность расследования и минимизирует риски сокрытия доказательств.

Примечательным аспектом этих процедур является их внутренняя интеграция в повседневную деятельность учреждений, предназначенных для социальной сегрегации. Учитывая это, при расследовании пенитенциарных преступлений использование мер безопасности и их результаты могут дать важные следственные и доказательные данные. Важно отметить, что данные действия могут совершаться как до возбуждения уголовного дела, так и на различных стадиях расследования, незаметно отвлекая внимание осуждённых на следственные действия.

Данные, полученные в ходе контроля безопасности (журналы учёта, записи камер, акты досмотра), становятся доказательствами после их процессуального оформления (изъятие, описание, приобщение к материалам дела). Они подлежат следственной верификации – анализу на соответствие законности процедур и достоверности информации.

Допрос сотрудников, ответственных за безопасность (надзирателей, оперативников), помогает восстановить ход событий и выявить нарушения в действиях персонала или заключённых. Исследование изъятых предметов (орудия побега, запрещённые вещества, самодельные устройства) позволяет установить их связь с преступлением. Например, экспертиза микрочастиц на одежде осуждённого может подтвердить контакт с взрывчатыми веществами.

Они не только фиксируют факты, но и задают вектор расследования: определение круга причастных лиц; выбор тактики допросов; планирование оперативных мероприятий (обыски, засады). Обна-

ружение поддельных документов при досмотре камеры становится основанием для возбуждения дела о подготовке побега, а анализ почерка на записке – для установления соучастников. Легитимность и качество собранных доказательств напрямую влияют на успех раскрытия преступлений в условиях пенитенциарной системы.

Для минимизации криминальных проявлений в пенитенциарной системе применяется комплексный подход, сочетающий открытые меры контроля. Внедрение оперативных сотрудников в среду заключённых, использование замаскированных камер и прослушивающих устройств. Сочетание открытых, скрытых и технологических мер формирует многоуровневую систему безопасности, которая не только пресекает нарушения, но и создаёт базу для процессуально корректного расследования.

В пенитенциарной практике для сдерживания преступной деятельности применяются активные и пассивные методы видеонаблюдения. Активный подход нацелен на конкретных лиц, совершивших преступные деяния, с помощью оперативно-розыскных данных. Это помогает документировать преступления, планировать расследования и использовать тактические стратегии. Напротив, пассивный метод использует общую информацию мониторинга, не связанную с конкретными лицами или происшествиями, что помогает осуществлять надзор за осужденными. Проблемы включают низкое качество изображения в неблагоприятных условиях, сбой в работе панели управления, проблемы с оборудованием и ограниченный срок хранения данных [5, с. 432].

В исследовании акцентируется разделение исправительных учреждений на два типа, условно обозначаемых как «красные» и «чёрные», что отражает их внутреннюю организацию и методы управления. В «красных» учреждениях прозрачность процедур облегчает сбор доказательств и взаимодействие с персоналом. В «чёрных» – сопротивление расследованию усиливается из-за закрытости среды и страха жертв/свидетелей перед местью. Чем выше дисциплина и контроль («красная» модель), тем ниже вовлечённость заключённых в противоправные действия. Напротив, в «чёрных» учреждениях автономия заключённых провоцирует рост нарушений, включая организацию бунтов и контрабанду. Эффективность борьбы с пенитенциарной преступностью напрямую зависит от способности администрации поддерживать баланс между формальными правилами и профилактикой неформальных властных структур. Интеграция технологий контроля и повышение прозрачности процессов могут снизить влияние «чёрной» динамики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Данилов В. В., Абдульмянова Т. В., Асанова И. П. Основы методики экспертного одорологического (запахового) исследования // Вопросы российского и международного права. 2021. Том 11. № 4А. С. 82–90.
2. Губанищев В. В. Криминалистический анализ механизма преступной деятельности в сфере экономики : автореф. дис.. канд. юрид. н. / В. В. Губанищев // Нижегородская академия МВД России. Нижний Новгород, 2009. 24 с.
3. Малышкин П. В. Понятие, сущность и виды преступных инсценировок, их логико-психологическая природа / П. В. Малышкин // Следователь. 2008. № 12. С. 17–28.
4. Данилов В. В. Неблагополучная семья-детерминант рецидивной преступности несовершеннолетних // Мир науки и образования. 2015. № 4. С. 6.
5. Данилов В. В., Чиняков О. Е. Тактические приемы проведения предварительного допроса опознающего при раскрытии и расследовании преступлений // В сборнике: IX Юридические чтения. материалы Национальной научно-практической конференции. Саранск, 2023. С. 428–432.

УДК 343.9

ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВА ИНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Толайкин Артем Александрович, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st808088@ruc.su

FEATURES OF OTHER INVESTIGATIVE ACTIONS IN THE INVESTIGATION OF PENITENTIARY CRIMES

Tolaikin Artem Alexandrovich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

Следственный осмотр и допрос остаются наиболее востребованными процессуальными действиями при расследовании пенитенциарных преступлений, что подтверждается практикой. Однако это не исключает применения следователями и дознавателями других процессуальных инструментов для сбора доказательственной и ориентирующей информации. Тем не менее, использование иных следственных действий в условиях учреждений закрытого типа (СИЗО, колонии) существенно ограничено из-за специфики их функционирования. В ряде случаев эффективным решением становится комбинация процессуальных процедур с административными мерами контроля, направленными на поддержание режима содержания.

Ключевые слова: исправительное учреждение, преступление, пенитенциарная система, расследование, следственные действия, осужденный.

Investigative inspection and interrogation remain the most popular procedural actions in the investigation of penitentiary crimes, which is confirmed by practice. However, this does not exclude the use of other procedural tools by investigators and inquirers to collect evidentiary and reference information. Nevertheless, the use of other investigative actions in closed-type institutions (pre-trial detention centers, colonies) is significantly limited due to the specifics of their functioning. In some cases, an effective solution is a combination of procedural procedures with administrative control measures aimed at maintaining the detention regime.

Keywords: correctional institution, crime, penitentiary system, investigation, investigative actions, convicted person.

В условиях системного недоверия осуждённых к следственным органам и их устойчивой готовности противодействовать расследованию, ключевое значение приобретают режимные мероприятия (досмотры, обыски), проводимые администрацией учреждений. Несмотря на неприятие со стороны осуждённых, эти действия воспринимаются как неотъемлемая часть повседневной жизни в местах изоляции, что снижает их настороженность.

Административные проверки, в отличие от следственных действий, не провоцируют осуждённых на экстренное уничтожение улик. Однако появление следователя в зоне лишения свободы неизбежно вызывает тревогу: это воспринимается как сигнал к активному сокрытию или ликвидации следов преступной деятельности. Как результат, процессуальные обыски в таких условиях проводятся редко, так как их эффективность сводится к минимуму из-за оперативной реакции осуждённых.

Администрация учреждений, осуществляющих изоляцию от общества, в соответствии с законодательством обязана обеспечивать их стабильную работу. В её задачи входит предотвращение преступлений на территории учреждений и защита безопасности всех находящихся там лиц. При выявлении признаков правонарушений или задержании подозреваемых администрация, руководствуясь статьёй 82 УИК РФ, проводит досмотры и обыски лиц, помещений, транспортных средств и иных объектов.

Анализ уголовно-процессуальных норм и научных исследований позволяет выделить два ключевых признака обыска как следственного действия: принудительный характер - осуществление и изъятие доказательств происходит независимо от воли участников процесса; поисковая направленность - основная цель заключается в обнаружении предметов или информации, имеющих значение для расследования. Эти характеристики частично совпадают с сущностью обыска как режимного мероприятия в учреждениях изоляции [1, с. 230]. Однако он не может рассматриваться как полный аналог следственного действия, предусмотренного УПК РФ.

Разграничение этих понятий принципиально важно по нескольким причинам. Ключевое отличие заключается в целях проведения: следственный обыск (ст. 182 УПК РФ) направлен на поиск предметов, документов и орудий преступления, значимых для уголовного дела; режимный обыск (ст. 82 УИК РФ) служит для обнаружения и изъятия запрещённых предметов на территории учреждений в рамках соблюдения внутреннего распорядка.

Правовая основа также различается: режимные проверки регулируются локальными актами учреждений, тогда как следственные действия - нормами уголовного процесса. Смешение этих процедур недопустимо, так как они преследуют разные задачи и имеют отдельные правовые последствия.

Различия между видами обыска также проявляются в субъектах, уполномоченных на их проведение. Процессуальный обыск - исключительное право следователя или дознавателя. Однако, как показывает практика, в более чем 50 % случаев следователи в исправительных учреждениях делегируют эту задачу оперативным сотрудникам уголовно-исполнительной системы, ограничиваясь изданием поручения. Режимный обыск - проводится только администрацией учреждений (сотрудниками режимных подразделений) в рамках обеспечения внутреннего порядка.

Оформление результатов процессуального и режимного обысков также существенно различается. Процессуальный обыск требует обязательного составления протокола (ст. 166-167 УПК РФ). В нём детально фиксируются: ход проведения обыска; перечень изъятых предметов, документов, ценностей (с указанием характеристик). Режимный обыск документируется только при обнаружении запрещённых предметов. В таких случаях составляется акт об изъятии, который часто содержит формальные записи (например, «изъято 3 предмета, запрещённых к хранению») без детального описания.

Срочность обыска при расследовании пенитенциарных преступлений, особенно совершаемых лицами с криминальным опытом, приобретает критическое значение. Любая задержка в его проведении может привести к безвозвратной потере доказательств, что делает оперативность ключевым условием успеха.

Этот фактор диктует необходимость: сокращения сроков подготовки - планирование и сбор информации должны проводиться в минимальные сроки; повышения качества организации - чёткое распределение ролей, проверка оборудования, координация с администрацией учреждения [2, с. 17].

В идеале подготовительные этапы завершаются до прибытия на место. Однако в условиях экстренности (например, при риске уничтожения улик) следователь вынужден совмещать подготовку с

непосредственным проведением обыска, что требует гибкости и оперативного принятия решений.

К ключевым подготовительным этапам относится определение состава участников. Обязательными являются понятые и представитель администрации исправительного учреждения или СИЗО. Дополнительно, в зависимости от обстановки, следователь может привлечь: специалистов (врачей для осмотра тела, протезов, повязок, где могут быть спрятаны запрещённые предметы: наркотики, SIM-карты, деньги); технических экспертов (инженеров, мастеров для поиска тайников в оборудовании); профильных работников (электриков, сантехников – при проверке коммуникационных систем); кинологов со служебными собаками для обнаружения спрятанных объектов.

Решение о привлечении дополнительных лиц зависит от специфики ситуации. Например, осмотр сложного промышленного оборудования требует экспертизы инженера, а поиск в вентиляционных шахтах – участия технических специалистов.

Участие сотрудников исправительных учреждений или СИЗО в обыске определяется конкретными задачами, возникающими в ходе этого процесса. Например, младшие инспекторы службы безопасности чаще всего выступают в роли специалистов. Их опыт в проведении обысков и работе с поисковым оборудованием (металлодетекторы, дроны, тепловизоры) делает их ценными участниками группы. Обследование обширных территорий (цехов, складских помещений, прилегающих зон) требует их вовлечения для ускорения и повышения эффективности поиска.

Условия привлечения: руководство следователя – все действия выполняются под его контролем; присутствие понятых – гарантирует законность процедуры. Например, при осмотре территории колонии младшие инспекторы могут оперативно проверить труднодоступные зоны (чердаки, подвалы), используя профессиональные навыки, что экономит время следствия.

Перед началом обыска проводится обязательный инструктаж всех участников. Это позволяет повысить уровень организации действий, определить тактику поиска с учётом особенностей объекта (например, скрытых тайников, электронных носителей) и учесть внешние факторы: время суток, площадь помещения, доступность зон [3, с. 24].

Привлечение большого количества лиц нежелательно, так как это усложняет координацию, увеличивает риск утечки информации (например, через сотрудников, не связанных напрямую со следствием).

Если их участие необходимо (например, для работы со спецтехникой), требуется: провести дополнительный инструктаж с чётким распределением ролей («кто проверяет документы», «кто фиксирует находки»); ограничить доступ к конфиденциальным данным (только в рамках задачи). Например, при обыске в цеху с промышленным оборудованием инженеру объясняют, что его роль – идентифицировать скрытые полости в станках, не участвуя в описи изъятых предметов.

Решение о проведении проверки показаний на месте в рамках расследования зависит от двух ключевых факторов. Актуальность для дела – способно ли это действие устранить недостатки доказательственной базы. Признание вины обвиняемым – даже частичное, полученное в ходе допроса [4, с. 431].

Свободное перемещение осуждённых по территории требует точного выбора времени (например, вне массовых мероприятий или рабочих смен), продуманного маршрута – использование служебных коридоров, изолированных зон для минимизации контактов с другими лицами. Например, если проверка связана с местом в мастерской колонии, следователь согласует время с администрацией, чтобы исключить присутствие посторонних осуждённых, и следует по заранее определённому пути через контролируемые зоны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Данилов В. В., Котляров С. Б. Тактические приёмы применения криминалистической фотографии при расследовании преступлений // Результаты современных научных исследований: материалы Международной научно-практической конференции. В 2-х частях. Редколлегия: Р. Р. Хайров (отв. ред.) [и др.]. Саранск, 2021. С. 227–231.
2. Губанищев В. В. Криминалистический анализ механизма преступной деятельности в сфере экономики : автореф. дис.. канд. юрид. н. / В. В. Губанищев // Нижегородская академия МВД России. Нижний Новгород, 2009. 24 с.
3. Малышкин П. В. Понятие, сущность и виды преступных инсценировок, их логико-психологическая природа / П. В. Малышкин // Следователь. 2008. № 12. С. 17–28.
4. Данилов В. В., Чиняков О. Е. Тактические приемы проведения предварительного допроса опознающего при раскрытии и расследовании преступлений // В сборнике : IX Юридические чтения. материалы Национальной научно-практической конференции. Саранск, 2023. С. 428–432.

**ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ АДВОКАТУРЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ:
ОТ ИМПЕРИИ ДО СОВРЕМЕННОСТИ**

Турков Артем Валерьевич, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: Artem.turkov.92@bk.ru

**HISTORICAL DEVELOPMENT OF THE LEGAL PROFESSION IN THE RUSSIAN
FEDERATION: FROM THE EMPIRE TO THE PRESENT**

Turkov Artem Valerievich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

Статья исследует историческое развитие адвокатуры в Российской Федерации, начиная с периода Российской империи и заканчивая современными реалиями. Признавая адвокатуру как важный институт правовой системы, автор анализирует ключевые этапы её формирования, включая законодательные изменения, влияние политических процессов и социально-экономических факторов.

Ключевые слова: адвокатура, присяжные поверенные, судебная власть, правозаступник, юридическая помощь

The article explores the historical development of the legal profession in the Russian Federation, starting from the period of the Russian Empire and ending with modern realities. Recognizing the legal profession as an important institution of the legal system, the author analyzes the key stages of its formation, including legislative changes, the impact of political processes and socio-economic factors.

Keywords: advocacy, sworn attorneys, judicial authority, lawyer, legal aid

К концу XIX века общественное развитие России стало требовать эффективного разрешения гражданских споров, стремления к открытости и состязательности в судебных процессах. Сословные суды, находившиеся под контролем административных органов, не могли оперативно и качественно решать вопросы гражданских прав. В ответ на это император Александр II инициировал реформу, целью которой стало создание системы судов, отличающихся быстротой, справедливостью и равным отношением ко всем гражданам. Он поставил перед собой задачу усилить судебную власть, обеспечить её независимость и воспитать в обществе уважение к закону, будучи уверен, что без этого невозможно достичь общественного благосостояния, которое является основой всех государственных инициатив [1].

Закон «Учреждение судебных установлений» ознаменовал собой важный этап в развитии адвокатуры, открыв новые возможности для её институционального роста. Внедрение должности присяжных поверенных стало значимым шагом вперёд и получило положительное одобрение Императора Александра II 20 ноября 1864 года. Этот закон не только реформировал судебную систему, но и заложил основы для формирования профессии, придавая ей более четкие рамки и статус в обществе. Хотя этот институт находился под контролем судебной системы, он функционировал как самостоятельная корпорация при судебных палатах, обладая принципами самоуправления. Создание адвокатуры стало важным рубежом в общественной жизни страны. В ряды присяжных поверенных быстро вошли юристы, чьи знания, практический опыт и ораторские способности ничуть не уступали западным коллегам. Однако стоит отметить, что представители женского пола не могли заниматься деятельностью присяжных поверенных и их помощников, что свидетельствовало о значительной дискриминации.

Главной целью деятельности присяжных поверенных, установленной в Учреждении судебных установлений 1864 года, было назначение и выбор уполномоченных представителей для сторон, участвующих в судебных процессах, включая обвиняемых и других вовлеченных лиц. Их функции охватывали не только формирование коллегий присяжных поверенных, но и назначение председателей в судебных инстанциях. Согласно Судебным уставам, адвокатская деятельность основывалась на защите прав, где адвокат выступал не только защитником, но и оратором, а также доверенным лицом своего клиента. Адвокаты делились на две основные группы: присяжных поверенных и частных адвокатов. Институт частных адвокатов возник в результате контрреформ в декабре 1874 года и изначально задумывался как временная мера, однако со временем стал неотъемлемой частью адвокатской практики. Работа частных поверенных в России имела свои уникальные черты, существенно отличающиеся от западной адвокатской практики. В то время как присяжные поверенные имели право представлять своих клиентов в любых судах Российской империи, частные поверенные сталкивались с гораздо более жесткими ограничениями. Их возможности шлифовались рамками конкретных судебных инстанций, каждая из которых устанавливала свои собственные требования для получения разрешения на представительство.

Каждый суд имел свою уникальную сертификационную процедуру, иногда включая в нее прохождение письменных экзаменов, что добавляло дополнительный уровень сложности. При этом важно отметить, что для занятия индивидуальной адвокатской практикой специальное образование и опыт работы не являлись обязательными требованиями. Это обстоятельство позволяло судам привлекать к процессам поверенных, чьи квалификации оставляли желать лучшего, что, в свою очередь, ставило под сомнение качество юридических услуг, предоставляемых частными поверенными. Важно отметить, что присяжные поверенные не относились к государственной службе, не подчинялись бюрократическим требованиям и не обладали правом на получение служебных наград. Эти специалисты действовали в интересах общества, представляя собой независимую профессию, не зависящую от государственных институтов.

Присяжные поверенные имели право вести любые дела, как уголовные, так и гражданские. Однако они не были единственными представителями интересов сторон: в гражданских процессах дела могли также вести частные адвокаты, а в уголовных делах – близкие родственники обвиняемых. [2]

Присяжные поверенные получили право заключать письменные соглашения о гонорарах, что обеспечивало большую гибкость в договоренностях между ними и клиентами. Тем не менее, существовала установленная такса, интерпретируемая двояко. С одной стороны, суд применял эту норму для расчета судебных расходов, которые обязаны были покрывать проигравшие стороны. С другой стороны, именно судебная инстанция определяла размер вознаграждения поверенного, когда между ним и клиентом имелось соглашение. Согласно предыдущим наработкам, Министерство юстиции должен был каждые три года пересматривать и фиксировать ставку для адвокатских услуг, основываясь на запросах судебных палат и рекомендациях присяжных поверенных. Однако этот амбициозный замысел не был реализован. В итоге, единственная ставка, установленная еще в 1868 году, оставалась в силе на протяжении всей эпохи присяжной адвокатуры в России и касалась исключительно гражданских дел.

К 1866–1867 годам завершился процесс формирования нового, независимого института правозащиты – присяжных поверенных, который начал свою активную деятельность в обновленных судах Российской Империи. В ходе этого становления в российской адвокатуре стали развиваться традиции корпоративной чести, высокий уровень общения, независимость, а также смелость и мужество, которые стали важными столпами профессии. С 1890 года началось развитие коллективной адвокатуры через создание юридических консультаций, ориентированных на определенные социальные группы. Как отмечают исследователи, структура адвокатуры опиралась на двойственный принцип: с одной стороны, она находилась под контролем судебных округов, а с другой – организовывалась в адвокатские сословия, подчиненные совету присяжных.

Недостаточная эффективность структуры частных поверенных стала серьезной проблемой судебной реформы. Отсутствие четких гарантий в отношении профессиональной квалификации, морального облика и независимости частных поверенных негативно сказывалось на репутации всего института. Вдобавок, значительный ущерб адвокатуре нанесла так называемая «уличная» или подпольная адвокатура, которая только усилила путаницу и недоверие к юридическому сообществу.

Проблемы и трудности, с которыми сталкивался институт адвокатуры, обострили необходимость проведения контрреформ. В этой связи в 1876 году Министерство юстиции предприняло попытку ограничить независимость адвокатуры, но этот замысел не увенчался успехом. Идея контрреформ судебной системы принадлежала выдающемуся ученому и прокурору К. П. Победоносцеву, который сумел быстро изменить курс политики самодержавия в сторону открытой реакции. В своей записке по реформе судебной системы он предложил ряд инициатив, направленных на подчинение всей судебной структуры административным органам. Среди его предложений были устранение несменяемости судей, ограничение открытости судебных заседаний и внедрение строгого контроля и регулирования адвокатской деятельности, включая отмену суда присяжных. Тем не менее, эти идеи не получили широкой поддержки, благодаря усилиям А. Ф. Кони, обер-прокурора уголовного кассационного департамента Сената, который имел значительный авторитет среди сенаторов.

Революция 1905 года кардинально изменила лицо адвокатуры, став периодом, когда к адвокатам начали применять репрессивные меры, создавая серьезные преграды для их нормальной деятельности. В марте 1905 года в Санкт-Петербурге произошел знаковый момент в истории объединения адвокатов, когда состоялся съезд, на котором был создан «Всероссийский съезд адвокатов». Главной целью этого объединения стало объединение усилий адвокатского сообщества для продвижения общественно-профессиональных ценностей и стремление к политическому освобождению России, опираясь на принципы демократической конституции. Тем не менее, стоит отметить, что в дальнейшем Всероссийский союз адвокатов так и не смог достичь поставленных задач, оставив лишь незначимые следы в практике адвокатов.

Революция оказала значительное влияние на корпоративное развитие института адвокатуры, устранив вероисповедные и этнические барьеры. Министерство юстиции дало зеленый свет для приема женщин в адвокатскую профессию и сняло запрет на участие присяжных поверенных в военных судах. Таким образом, адвокатская система и суд присяжных сохранили свое почти первозданное состояние вплоть до революционных перемен 1917 года.

Смена политической власти в России привнесла кардинальные изменения в эволюцию адвокатуры. Под влиянием марксистских концепций право стало восприниматься как отражение политической власти, а правовые структуры подверглись переосмыслению в контексте инструментов борьбы рабочего класса. Декрет о суде № 1, принятый 24 ноября 1917 года, фактически положил конец адвокату, прокуратуре и большинству судебных органов, что привело к значительной трансформации всей судебной системы. Однако отмена официального статуса не привела к прекращению работы защитников. Следует обратить внимание, что в соответствии со статьей 3 того же декрета, право представлять защиту и обвинение было предоставлено всем «неопорочным» гражданам, независимо от пола. Это состояние сохранялось до утверждения Декрета о суде № 2 7 марта 1918 года, который значительно сузил список лиц, имеющих право защищать интересы обвиняемых, и ввел обязательств создание коллегий правозащитников при местных Советах.

В 1918 году Совнарком инициировал декрет, который обязал местные власти создавать единую систему защитников в формате государственных, финансируемых из бюджета коллегий правозащитников. В ноябре того же года ВЦИК утвердил новшество под названием «Положение о народном суде», отменив прежние законы о судах и адвокату. Учрежденные коллегии правозащитников были переименованы в «коллегии обвинителей, защитников и представителей сторон в гражданских делах». Члены этих структур получили статус постоянных государственных служащих, назначаемых местными Советами, а их зарплата была приравнена к окладам народных судей. Внедрялась система, позволяющая государству оказывать влияние на ход дела еще до его судебного разбирательства, а про саморегулирование коллегий в законодательных рамках и говорить не приходилось. Данный порядок действовал до лета 1920 года.

Определяющим моментом в становлении и эволюции советской адвокатуры стало принятие Положения об адвокатуре СССР, одобренного постановлением СНК 16 августа 1939 года (№ 1219), которое вновь утвердило использование термина «адвокат». Это Положение стало фундаментом для формирования областных, краевых и республиканских адвокатских коллегий, а контроль над адвокатской деятельностью был передан союзно-республиканскому Народному комиссариату юстиции. Установленные строгие требования к кандидатам, включая их образовательный уровень и профессиональный опыт, заметно повысили стандарты адвокатской практики.

В коллегии принимали людей с высшим и средним образованием, причем для специалистов со средним образованием обязательным условием стало наличие как минимум одного года практического опыта в юридических органах. Также Положение ввело дисциплинарную ответственность для адвокатов, которая варьировалась от замечания до исключения из коллегии.

В 1957 году во время сессии Верховного Совета СССР особое внимание было уделено значению адвокатов в укреплении «социалистической законности и правосудия». Это стало отправной точкой для переосмысления Основ уголовно-процессуального законодательства СССР, утвержденного в 1958 году, а также для актуализации уголовно-процессуальных кодексов республик союзного характера. В результате адвокаты получили возможность принимать участие в уголовном разбирательстве на более ранних стадиях по определенным категориям дел, что существенно расширило их полномочия и влияние в судебной системе.

Положение об адвокатуре 1962 года стало первой попыткой вернуть утраченные права после ликвидации адвокатуры в 1917 году. Хотя коллегии по-прежнему действовали под контролем юротделов исполкомов, их самоуправление уже довольно напоминало дореволюционные нормы. Обязанность оказывать юридическую помощь как гражданам, так и государственным предприятиям значительно затрудняла адвокатам сосредоточиться исключительно на судебном представительстве.

В конце 1970-х годов продолжалось формирование правового фундамента адвокатуры как важного института. Конституция СССР 1977 года в статье 161 впервые подтвердила статус адвокатуры как конституционного органа, что привело к ее большей зависимости от государственной власти и снизило степень автономии этой профессии. Законы «Об адвокатуре» 1979 года и «Об утверждении Положения об адвокатуре РСФСР» 1980 года не только вводили строгие требования для кандидатов на статус адвоката – такие как наличие гражданства СССР, высшего юридического образования и не менее двух лет опыта работы, – но и значительно усиливали их роль в уголовном процессе. Новые нормы предоставили некоторые гарантии частичной независимости адвокатов, включая запрет на их

допрос в качестве свидетелей по вопросам, ставшим известными в ходе защиты. На 1980 год коллегии адвокатов уже представляли собой объединения профессионалов, занимающихся адвокатурой, и способствовали формированию децентрализованной сети самоуправляющихся социальных организаций [4].

В конце 80-х годов XX века в Советском Союзе началось движение, направленное на усиление прав и самостоятельности адвокатуры, а также на приведение её в соответствие с международными стандартами. Важные моменты этого процесса нашли отражение в Концепции судебной реформы 1991 года. Непрозрачность таких понятий, как «адвокатура» и «адвокатская деятельность», вызвала их многозначные и зачастую произвольные интерпретации в рамках либеральных реформ 1991–1993 годов. Это создало предпосылки для интеграции частнопрактикующих юристов, коммерческих структур и других юридических представителей в адвокатскую систему. В результате появились многочисленные «параллельные» адвокатские объединения, коллегии и юридические центры.

В 90-х годах XX века одним из наиболее значительных вопросов стало формирование новой концепции адвокатуры в изменившихся условиях. Адвокаты России активно выступали за сохранение принципов самоуправления, в то время как министр юстиции РСФСР Н. Фёдоров продвигал идеи, нацеленные на его отмену и переход к «огосударствлению». Тем не менее, Верховный Совет отверг предложенный Н. Фёдоровым законопроект об адвокатуре. Аналогичное решение приняли и профильные комиссии Верховного Совета, занимающиеся вопросами законодательства и прав человека.

25 мая 2001 года в Государственную Думу Российской Федерации был представлен проект Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», разработанный по инициативе Президента В. В. Путина. Этот шаг явился явным свидетельством заинтересованности государства в дальнейшем развитии института адвокатуры.

Ключевые преобразования в законодательстве охватывали несколько значительных аспектов. Введены новые подходы к понятиям «адвокат» и «адвокатура». Обеспечены гарантии независимости для адвокатов и их объединений. Расширены полномочия адвокатов, включая самостоятельный сбор доказательств. Установлены механизмы назначения и аннулирования адвокатского статуса. Адвокаты могут выбирать организационную форму своей деятельности: индивидуальная практика, коллегия, бюро или консультация. Созданы органы адвокатского самоуправления и обеспечены условия для бесплатной юридической помощи. В завершение, проведена кодификация этических стандартов для адвокатов. Кодекс профессиональной этики адвоката стал важным инструментом, регулирующим поведение членов профессионального сообщества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Высочайше утвержденный 20.11.1864 «Устав гражданского судопроизводства» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XXXIX. Отделение второе. 1864.
2. Сычугова Н. Г. Российская адвокатура в эпоху перемен: «Новая» власть и «Старая» адвокатура // Актуальные проблемы российского права. 2009. №3.
3. Родионова А. А. ОРГАНИЗАЦИЯ АДВОКАТУРЫ В СССР // Символ науки. 2021. № 6.
4. Дмитриев Д. С., Дмитриева Д. С., Городнова О. Н. Историческое развитие российской адвокатуры // Вестник РУК. 2021. № 3 (45).

УДК 349.3

СУБЪЕКТЫ ПРАВООТНОШЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ СО СТРАХОВЫМ ОБЕСПЕЧЕНИЕМ ЛИЦ, ПОЛУЧИВШИХ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ЗАБОЛЕВАНИЕ

Учайкина Наталья Юрьевна, преподаватель

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: natanayka@mail.ru

SUBJECTS OF LEGAL RELATIONS RELATED TO INSURANCE COVERAGE OF PERSONS WHO HAVE RECEIVED AN OCCUPATIONAL DISEASE

Uchaykina Natalia Yurievna, teacher

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье рассматриваются категории граждан, имеющих право на страховое возмещение. Гарантом соблюдения прав граждан в этой сфере является суд. Страховщиком в правоотношениях выступает Социальный фонд России. Анализ его деятельности на примере Республики Мордовия показывает тенденцию к снижению уровня профессиональной заболеваемости в регионе. Для того, чтобы обезопасить участников трудовых отношений от профессиональных заболеваний, Управлением Роспотребнадзора по РМ разработаны ряд рекомендации для предприятий.

Ключевые слова: страховое обеспечение, профессиональное заболевание, Отделение социального фонда России по Республике Мордовия, Социальный фонд России.

The article examines the categories of citizens eligible for insurance compensation. The court is the guarantor of the observance of citizens' rights in this area. The insurer in legal relations is the Social Fund of Russia. An analysis of his activities using the example of the Republic of Mordovia shows a downward trend in occupational morbidity in the region. In order to protect participants in labor relations from occupational diseases, the Office of Rospotrebnadzor of the Republic of Moldova has developed a number of recommendations for enterprises.

Keywords: insurance coverage, occupational disease, Department of the Social Fund of Russia in the Republic of Mordovia, Social Fund of Russia.

В таком направлении социальной деятельности как страховое обеспечение лиц, получивших профессиональное заболевание, важной и основополагающей составляющей данного правового института является и благоприятность условий труда каждого человека. Исследования в области профессиональных заболеваний подтверждают, что на заболеваемость вследствие профессиональной деятельности напрямую влияют условия труда, они имеют тесную взаимосвязь и взаимовлияние. Основной целевой задачей каждого работодателя и контролирующих органов является снижение неблагоприятных условий, обеспечение работника необходимыми выходными, временем на перерыв и отдых, обеспечение безопасности во время выполнения непосредственных трудовых обязанностей работника на рабочем месте, которое позволит сохранить здоровье работника.

Основными составляющими элементами, которые позволяют сохранить здоровье работника, является состояние на рабочих местах, физическое и психическое состояние самого работника, регулярные медицинские осмотры, защита работника от неблагоприятных условий труда, которые вредят здоровью. При правильном соблюдении всех правил и грамотно разработанных мероприятиях, направленных на сохранение здоровья работника, ситуаций, создающих риск развития профессиональных заболеваний, будет значительно меньше.

На современном этапе развития трудовых отношений политика в отношении труда в России носит постоянный характер, большинство работодатели понимают, что основой эффективного функционирования предприятия являются люди, персоналу уделяется важное и приоритетное место, каждое мощное предприятие в своём штате имеет специалистов по охране труда, которые помогают ориентироваться в актуальных аспектах законодательства, анализируя и выбирая наиболее благоприятные меры для предотвращения профессиональной заболеваемости на рабочем месте [1, С. 52].

Безопасные и благоприятно созданные рабочие места значительно повышают эффективность и работоспособность человека, а предприятие заинтересовано в сильных и здоровых кадрах, так это положительно влияет на рост и развитие компании. При соблюдении всех условий труда контролирующие органы не предъявляют претензий, не накладывают штрафы, а также при соблюдении всех норм работник сам с удовольствием ходит на работу и выполняет свои непосредственные обязанности, а руководство, ориентируясь на законы понимает, что нарушение его приведёт к значительным штрафам.

Субъектами обязательств по возмещению вреда являются 3 лица: застрахованный – работник, страхователь – работодатель, страховщик – внебюджетный страховой фонд. Данный субъект – это государственное бюджетное предприятие в лице Отделения социального фонда России.

Также к субъектам института возмещения вреда можно отнести близких родственников пострадавшего, они будут являться субъектами если при наступлении страхового случая произошла смерть работника или в результате произошедшего несчастного случая родственник получили моральный вред.

Соцвзносы на травматизм уплачиваются в обязательном порядке всеми работодателями. Перечисляются они непосредственно в ОСФР по РМРР.

В случае если страховщик отказывает в страховой выплате, к данным правоотношениям присоединяется еще один субъект – суд. Исходя из практики, до суда доходят крайне мало разбирательств, обычно если страховые выплаты не покрывает полученные ущерба сумма, потраченная на восстановление, превышает выплаченные Фондом средства.

Подробнее остановимся на страховщике, а именно на Отделении социального фонда России по Республике Мордовия, так как именно данный внебюджетный Фонд регулирует субъектов данного страхового обеспечения.

Главным органом, который осуществляет проведения обязательного социального страхования граждан России, является Фонд социального страхования, еще буквально в 2022 году эти Фонды имели разную практику, но уже сейчас выполняют единую социальную роль. Данное учреждение направленно на материальное обеспечение тех граждан, которые по определенным причинам не могут исполнять свои трудовые обязанности [2, С. 48].

Финансирование данного фонда состоят из взносов работодателей, выделение средств из бюджета, а также добровольные взносы физических и юридических лиц.

По данным Управления Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека по Республике Мордовия отмечается тенденция снижения уровней профессиональной заболеваемости.

По данным Министерства социальной защиты, труда и занятости населения Республики Мордовия, динамика впервые установленных случаев профессиональных заболеваний следующая: 2016 г. – 15 случаев, 2017 г. – 12 случаев, 2018 г. – 5 случаев, 2019 г. – 7 случаев, 2020 г. – 4 случая, 2021 г. – 9 случаев, очевидна динамика к снижению, за исключением последних лет, это связано с ростом заболеваемости новой коронавирусной инфекцией, и рост заболевшего медицинского персонала. Показатель общей профессиональной заболеваемости в случаях на 10 тыс. работников по Республике Мордовия имеет динамику к снижению: 2016 год – 0,71; 2017 г. – 0,57; 2018 г. – 0,24; 2019 г. – 0,33; 2020 г. – 0,11, 2021 г. – 0,06 [3].

Показатель профессиональной заболеваемости по Республике Мордовия значительно ниже среднероссийского показателя 2022 года – в 29 раз.

По видам экономической деятельности наибольший удельный вес профессиональных заболеваний отмечался в следующих отраслях:

- производство электрических машин и оборудования (ГУП РМ «Лисма»);
- здравоохранение (в большей части ГБУЗ «Республиканский противотуберкулезный диспансер и в единичных случаях другие лечебно-профилактические учреждения);
- металлургическое производство (ООО «ВКМ-СТАЛЬ», ОАО «Центролит»).

При этом, отметим, что наиболее частыми и распространенными видами профессиональных заболеваний на территории Республики Мордовия считаются:

- тугоухость, которая возникает в заводских условиях, где шум оборудования и рабочих установок превышает обычные нормы для человека, допустимый уровень шума считается не более 25 дБА;
- туберкулез, который развивается чаще в условиях медицинских учреждений, при непосредственном и частом контактировании с заболевшими пациентами, основной источник профессионального заболевания установлен в Саранском туберкулезном диспансере;
- бронхит, силикоз – эти заболевания обусловлены частым нахождением в пространстве, насыщенным пылью, которая содержит высокую концентрацию вредных веществ;
- вирусным заболеваниям также наиболее подвержены сотрудники медицинских учреждений при непосредственном контакте с пациентом или его биоматериалами.

Распространении коронавирусной инфекции Covid-19 в начале 2020 года ознаменовалось всплеском профессиональных заболеваний работников медицинской сфере. Они имели прямой контакт с заболевшими, при этом, учитывая высокую распространённость вируса и тяжесть заболевания данный риск был усложнен и передачей заболевания всем близким и контактирующим людям.

Обязательному социальному страхованию от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний подлежат:

- физические лица, выполняющие работу на основании трудового договора (контракта), заключенного со страхователем (в данном случае в договоре обязательно прописывается что работодатель обязан делать отчисления в фонд социального страхования страховые взносы);
- физические лица, выполняющие работу на основании гражданско-правового договора (контракта), заключенного со страхователем, предмет данного договора определен как выполнение какой-либо услуги выполнение работы, данный договор носит временный характер, но тем не менее работодатель обязан застраховать сотрудника, выполняющие услуги на его производстве;
- физические лица, осужденные к лишению свободы и привлекаемые к труду страхователем [4].

Право на получение соответствующей выплаты распространяется на граждан Российской Федерации, иностранных граждан и лиц без гражданства, если иное не предусмотрено федеральными законами или международными договорами Российской Федерации.

От лица застрахованного может действовать представитель, это может быть законный представитель или уполномоченный. При этом, для подтверждения полномочий представителя, ему необходимо иметь соответствующий документ, например, заверенная нотариусом доверенность.

Право застрахованного на обеспечение по страхованию возникает со дня наступления страхового случая.

Если гражданин не смог получить бесплатное получение данного вида помощи, то потраченная сумма подлежит возмещению, данный вопрос, как правило, решается в судебном порядке.

Также, в рамках Круглого стола «Профилактика профессиональных заболеваний в Республике Мордовия», было установлено, что риск возникновения профессиональных заболеваний имеет тенденцию к снижению, для того чтобы вовсе минимизировать такой риск и обезопасить участников трудовых отношений от профессиональных заболеваний, Управление Роспотребнадзора по РМ раз-

работало ряд рекомендаций для промышленных и иных предприятий Республики Мордовия:

- исключение металлической ртути при производстве люминесцентных ламп или минимизация контакта работника с данным вредным веществом;
- обеспечение сотрудников средствами защиты от шума, вдыхания вредных веществ;
- организовать своевременное посещение работниками медицинских учреждений, с целью прохождения регулярного медицинского осмотра;
- осуществлять проверку и контролировать исполнение норм охраны труда;
- организовать и разработать эпидемиологические меры для снижения риска заболеваний на рабочем месте, в частности Covid-19.

Таким образом, нами были рассмотрены категории граждан, которые имеют право на страховое обеспечение при возникновении профессионального заболевания.

Во-первых, мы выделили три субъекта данных правоотношений, это застрахованный – работник, страхователь – работодатель, страховщик – внебюджетный страховой фонд. Данный субъект – это государственное бюджетное предприятие в лице Социальный фонд Российской Федерации.

Отделение социального фонда России по Республике Мордовия, в отношении института социального страхования работников, получивших профессиональное заболевание, работает со следующими категориями граждан: физические лица, выполняющие работу на основании трудового договора (контракта), физические лица, выполняющие работу на основании гражданско-правового договора (контракта), физические лица, осужденные к лишению свободы и привлекаемые к труду страхователем.

Основным условием возникновения таких правоотношений являются страховые взносы работодателя за своего работника. При этом, в объем возмещаемого вреда, причиненного здоровью граждан, включаются утраченный потерпевшим заработок до приобретения профессионального заболевания и расходы на лечение и иные дополнительные расходы.

Анализируя деятельность ОСФР по Республике Мордовия, нами было выявлена тенденция к снижению числа профессиональных заболеваний на территории региона, это связано, в-первую очередь, с ужесточением контроля со стороны надзорных органов в отношении охраны труда предприятий.

Также нами было установлено, что в последние годы, на территории Республики Мордовия наиболее частыми и распространенными видами профессиональных заболеваний стали тугоухость, туберкулез, бронхит, силикоз, вирусные заболевания, в частности Covid-19.

Это обусловлено значительным количеством производственных и промышленных предприятий с высоким уровнем шума и концентрации вредных веществ в воздухе, а также, большое количество медицинских учреждений, которые непосредственно работают и контактируют с больными, что в итоге приводит к заболеванию самих медицинских работников или работников, находящихся в постоянном контакте с больными или с их биологическими материалами в лабораторных условиях.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Сороколетова М. А.* Проблемы исполнения обязанностей работодателя по обеспечению безопасных условий охраны труда работников / М. А. Сороколетова // Преднепровский научный вестник. 2022. № 3. С. 52–56.
2. *Ибрагимова И. И.* Значение фонда социального страхования в реализации государственных социальных гарантий / И. И. Ибрагимова, Р. М. Иссубутаева, А. К. Гамманцева // Тенденции развития науки и образования. 2019. № 57-5. С. 48–52.
3. Сайт Социального фонда России : официальный сайт. Москва. URL: <https://sfr.gov.ru/>
4. Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний : федер. закон от 24.07.1998 г № 125-ФЗ ; в ред. от 25 декабря 2023 г. // Собрание законодательства РФ. 1998. № 31. Ст. 3803.

УДК 343

МЕРЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НЕЗАКОННОЙ МИГРАЦИИ

Четайкин Михаил Иванович, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st808603@ruc.su

MEASURES TO COUNTER ILLEGAL MIGRATION

Chetaikin Mikhail Ivanovich, Master's Degree student

Saransk Cooperative Institute (branch) of the Russian University of Cooperation

Незаконная миграция – это не только вопрос безопасности, но и системный вызов, требующий сочетания жесткого контроля, технологических решений и социальной интеграции. Для России критически важно устранить коррупционные «лазейки» в миграционной системе, разрушить сети этнических организованных преступных групп, контролирующими неле-

гальные миграционные потоки, усилить международное сотрудничество для борьбы с транснациональной преступностью, внедрить цифровые инструменты для повышения прозрачности. При этом борьба с нелегальной миграцией требует комплексного анализа всех аспектов управления миграционными потоками, так как изолированное рассмотрение этой проблемы невозможно без учета взаимосвязанных элементов миграционной политики.

Ключевые слова: миграционная политика, миграция, миграционные процессы, миграционные преступления, социально-криминальный феномен, нелегальный въезд иностранцев, преступное сообщество, международная преступность, транснациональная преступность, организованная преступность, незаконное пересечение границы, ответственность, уголовный закон.

Illegal migration is not only a security issue, but also a systemic challenge that requires a combination of strict controls, technological solutions and social inclusion. It is critical for Russia to eliminate corruption loopholes in the migration system, destroy the networks of ethnic organized crime groups that control illegal migration flows, strengthen international cooperation to combat transnational crime, and introduce digital tools to increase transparency. At the same time, the fight against illegal migration requires a comprehensive analysis of all aspects of managing migration flows, since an isolated consideration of this problem is impossible without taking into account the interrelated elements of migration policy.

Keywords: migration policy, migration, migration processes, migration crimes, social and criminal phenomenon, illegal entry of foreigners, criminal community, international crime, transnational crime, organized crime, illegal border crossing, liability, criminal law.

В мире существует множество людей, которые переезжают в другие страны в поисках работы, образования или лучших условий для жизни. Однако не все имеют возможность переехать легально, поэтому существует такое явление, как незаконная миграция.

Миграционные процессы в различных регионах мира имеют уникальные особенности, что определяет необходимость использования специфических подходов к их регулированию. При этом борьба с нелегальной миграцией требует комплексного анализа всех аспектов управления миграционными потоками, так как изолированное рассмотрение этой проблемы невозможно без учета взаимосвязанных элементов миграционной политики [1, С. 268].

Незаконная миграция эволюционирует в высокоорганизованный криминальный бизнес, характеризующийся разветвлённой сетью, масштабными финансовыми потоками и вовлечением множества участников. Это явление создаёт серьёзные риски для национальной и общественной безопасности, провоцирует рост преступности и развитие теневого сектора занятости. Указанные факторы формируют необходимость выработки комплексной государственной стратегии, направленной на противодействие данным угрозам и минимизацию их социально-экономических последствий.

Незаконная миграция, будучи социально-криминальным феноменом, импортируемым на территорию России транснациональными преступными сообществами, существенно дестабилизирует криминальную обстановку в стране. Это явление провоцирует рост социальной напряжённости, создаёт почву для межэтнических противостояний, а также способствует образованию организованных этнических преступных группировок, экстремистских ячеек и террористических структур [2, С. 5].

Приведённые аргументы свидетельствуют о недостаточной результативности существующей правоохранительной системы в противодействии нелегальному въезду иностранцев. При этом важно подчеркнуть, что реализация миграционной политики требует многопланового подхода, выходящего за рамки исключительно силовых и контролирующих мер. Её эффективность зависит от сочетания правовых, социальных и профилактических инструментов, направленных на устранение коренных причин явления.

Незаконная миграция в России приобрела статус стратегической проблемы на фоне роста международной экстремистской и террористической угрозы. Геополитическое положение страны и упрощённый режим пересечения границ с государствами СНГ способствуют проникновению значительного числа нелегалов. Согласно данным Пограничной службы ФСБ, ежегодно фиксируется 5–6 тысяч попыток незаконного въезда. В 2023–2024 гг. задержано свыше 2,5 тыс. мигрантов, причём у большинства из них обнаружены поддельные документы. Часто мигранты используют обходные пути, скрываясь в грузовых поездах и фурах [3, С. 99].

Мигранты в центральных регионах России всё чаще вовлекаются в экстремистские и террористические группировки. Параллельно наблюдается систематическое нарушение миграционного законодательства и коррупционные схемы. В 2022 г. в ЦФО пресечено 15 каналов нелегальной миграции, возбуждено 186 дел против коррупционеров. В 2023–2024 гг. раскрыто около 9 тыс. преступлений, связанных с нелегалами, включая фиктивную регистрацию и подделку документов.

Динамика преступности по ст. 322.1 УК РФ («Организация незаконной миграции») демонстрирует снижение на 45 % за 5 лет (с 1636 случаев в 2020 г. до 737 в 2024 г.). Аналогичная тенденция наблюдается в статистике преступлений, совершённых нелегалами (с 1442 до 1076 случаев). Однако эти данные могут свидетельствовать о росте латентности: преступники совершенствуют конспирацию, а

правоохранительные органы сталкиваются с дефицитом оперативных ресурсов для противодействия этническим организованным преступным группам [4, С. 775].

Организованная преступность остаётся ключевым фактором. За 2020–2024 гг. 21 % преступлений по ч. 2 ст. 322.1 УК РФ совершены этническими группировками, использующими родственные связи, религиозную солидарность и насилие для контроля. Такие организованные преступные группы поддерживают связи с транснациональными сетями, включая экстремистские организации, что усиливает угрозу национальной безопасности. Мигранты не только становятся жертвами эксплуатации, но и формируют криминальные сообщества, интегрированные в диаспоры. Эти землячества предоставляют нелегалам жильё, работу и защиту, но также служат платформой для противоправной деятельности.

Ключевые вызовы включают:

1. Высокую латентность из-за замкнутости диаспор и этнической корпоративности.
2. Связь с международной преступностью, включая террористические группировки.
3. Техническую оснащённость организованных преступных групп, усложняющую их нейтрализацию.
4. Внутренние проблемы правоохранительной системы, такие как недостаточная координация между подразделениями и дефицит оперативных методов для проникновения в этнические сообщества.

Для противодействия незаконной миграции требуется:

- усиление оперативной работы (внедрение агентов в диаспоры, точечная нейтрализация лидеров организованных преступных групп);
- совершенствование межведомственного взаимодействия;
- разработка превентивных мер, направленных на интеграцию мигрантов и борьбу с радикализацией [5, С. 71].

Изучение уголовных дел, заведённых по фактам организации незаконной миграции, показало, что объективными трудностями при расследовании уголовных дел данной категории, являются: отсутствие эффективной системы учёта мигрантов, что затрудняет устанавливать их местонахождение на территории России с целью проведения необходимых следственных действий; невозможность сбора свидетельских показаний в виду выдворения иностранных граждан за пределы Российской Федерации и др. В то же время активных мер по установлению места нахождения нелегальных мигрантов и лиц, организовавших их незаконное пребывание и трудоустройство; проведению конкретных мероприятий, направленных на раскрытие совершённых мигрантами преступлений и установление обстоятельств, способствовавших совершению преступлений, не проводится.

Таким образом, незаконная миграция трансформируется в комплексную угрозу, требующую сочетания силовых, правовых и социальных инструментов для минимизации её последствий. Только комплексный подход позволит снизить риски, связанные с незаконной миграцией, и предотвратить её использование в преступных и экстремистских целях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гитинова М. М. Незаконная миграция как негативное социально-правовое явление // Современный ученый. 2024. № 1. С. 267–271.
2. Абдульмянова Т. В. Особенности привлечения к уголовной ответственности и предупреждения незаконной миграции посредством норм уголовного законодательства Российской Федерации // VII Юридические чтения: Материалы Национальной научно-практической конференции. Саранск, 2021. С. 4–8.
3. Сафонова Е. О. Незаконная миграция в России: понятие и сущность // Сибирский юридический форум: современные проблемы науки и практики в уголовном праве и криминологии. Барнаул, 2024. С. 98–100.
4. Матиева М. Х. Незаконная миграция: современное состояние проблемы // Аллея науки. 2022. Т. 1. № 11(74). С. 772–776.
5. Гончаров Л. А. Незаконная миграция как один из факторов распространения терроризма // Вестник Воронежского института экономики и социального управления. 2024. № 2. С. 68–71.

УДК 343.985

ОРГАНИЗАЦИЯ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ: ЭТАПЫ И КЛЮЧЕВЫЕ ОСНОВЫ

Чумаков Михаил Дмитриевич, магистрант

Орешкин Никита Павлович, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st808091@ruc.su; st801984@ruc.su

ORGANIZING CRIME INVESTIGATION: STAGES AND KEY FUNDAMENTALS

Chumakov Mikhail Dmitrievich, Master's Degree student

Oreshkin Nikita Pavlovich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

Организационная структура управления процессом расследования преступлений включает определенные ключевые компоненты. Постановка целей - уточнение задач расследования и конкретизация действий, направленных на их достижение. Стратегическое планирование - разработка алгоритма работы. Подготовительный этап - формирование предпосылок для эффективной работы. Координация взаимодействия - обеспечение синергии между участниками процесса (следователи, оперативники, специалисты) для оперативного обмена информацией. Руководящая роль следователя - управление всеми аспектами процесса: от контроля за соблюдением процессуальных норм до принятия решений в нестандартных ситуациях. Эти элементы образуют единую систему, где каждый этап взаимосвязан с другими.

Ключевые слова: доказательства, планирование, расследование, преступление, следственная версия, взаимодействие.

The organizational structure of crime investigation management includes certain key components. Goal setting - clarification of investigation tasks and specification of actions aimed at achieving them. Strategic planning - development of a work algorithm. Preparatory stage - formation of prerequisites for effective work. Coordination of interaction - ensuring synergy between participants in the process (investigators, operatives, specialists) for prompt exchange of information. The leading role of the investigator - management of all aspects of the process: from monitoring compliance with procedural rules to decision-making in non-standard situations. These elements form a single system, where each stage is interconnected with others.

Keywords: evidence, planning, investigation, crime, investigative version, interaction.

Начальный этап расследования предполагает обязательную формулировку целей, которая выступает отправной точкой для всех последующих действий. Этот шаг определяет направление работы, обеспечивая её системность и результативность. Цели расследования, хотя и являются решающими для расследования, часто служат предварительными вехами в более широкой деятельности, по сути, представляя собой этап уголовного процесса [1, с. 17]. Современные перспективы подчеркивают, что цели сложных задач многогранны и включают в себя последовательность промежуточных целей, ведущих к конечной цели, и эта закономерность отчетливо наблюдается в следственных процессах. Цель выступает ключевым элементом динамической стратегии саморегулирования, задавая вектор действий для достижения определённого результата.

Этот подход подчеркивает, что цель не просто фиксирует желаемый итог, но и интегрируется в адаптивную систему управления поведением, где каждый шаг корректируется в соответствии с изменяющимися условиями.

Примечательно, что в контексте расследования возникают две отдельные категории целей: общие цели, продиктованные уголовно-процессуальным законодательством и общественными потребностями, присущие следственному процессу, и конкретные цели, неразрывно связанные с сутью расследования, требующие точности и соответствия целям расследования [2, с. 83].

Тактические (оперативные) цели включают задачи следственно-оперативных мероприятий, зависящие от методологии расследования отдельных категорий преступлений. Они фокусируются на выявлении ключевых обстоятельств инцидента, разработке алгоритма сбора доказательств и определении последовательности процессуальных действий. Следователи конкретизируют их на основе первичной информации, формируя чёткий вектор работы и доказательной базы. Основой этого этапа становится выдвижение рабочих гипотез – предположений, требующих подтверждения через анализ фактических материалов.

Следственные версии выполняют роль инструмента для уточнения деталей: локализации места происшествия, хронологии событий, личности фигуранта. Например, гипотеза о времени совершения преступления может быть проверена через анализ данных с камер наблюдения или показаний свидетелей. Такая систематизация позволяет минимизировать риски ошибок и обеспечить логическую стройность расследования. В случаях, когда информация ограничена, следователи строят версии для уточнения обстоятельств. Точность постановки этих целей зависит от доступа следователя к информации и ее интерпретации, что определяет направление расследования. Эта познавательная деятельность лежит в основе формирования задач расследования, предшествует этапу планирования и существенно влияет на процесс расследования.

Планирование является основой эффективного расследования, объединяя целеполагание с практическими действиями. Этот процесс включает определение задач – увязка целей расследования с выбором ресурсов и методов проверки версий; оптимизацию работы – распределение сил, средств и инструментов для рационального использования возможностей.

Подготовительные этапы дополняют планирование: формирование команды с чётким распределением ролей; инструктаж участников для минимизации ошибок; создание алгоритмов взаимодействия между следователями и органами дознания.

Эти меры трансформируют абстрактные идеи в конкретные процедуры, обеспечивая качественное проведение следственных действий (допросы, экспертизы), системный сбор и анализ доказательств. Успех расследования зависит от слаженной коммуникации между всеми участниками, поддержки на каждом этапе (технической, информационной), синхронизации усилий, особенно в сложных делах (например, при расследовании киберпреступлений). Таким образом, планирование и подготовка создают структурный каркас, где координация и чёткие роли превращают теорию в практику, повышая шансы на раскрытие преступления.

Структура организации расследования преступлений базируется на двух взаимосвязанных компонентах:

1. Аналитико-стратегическая работа следователя – формулировка целей, разработка плана действий, прогнозирование возможных сценариев.

2. Практическая реализация – создание оптимальных условий для проведения следственных мероприятий (обеспечение ресурсами, координация участников).

Фундаментальные принципы, лежащие в основе процесса, тесно связаны с нормами уголовно-процессуального права. Они отражают ключевые установки государства, определяющие требования к действиям участников судопроизводства, гарантии соблюдения правовых стандартов на всех этапах.

Эти принципы выполняют роль системообразующего каркаса, проявляясь в различных аспектах расследования. Единство процессуальных норм – согласованность этапов дознания и следствия; иерархичность – чёткое распределение полномочий между участниками; адаптивность – учёт специфики конкретного дела при сохранении процессуальной строгости.

Цель принципов – обеспечить системную целостность расследования; эффективное достижение задач правосудия (установление истины, защита прав граждан); минимизацию рисков procedural errors за счёт чётких алгоритмов действий.

Синтез стратегического планирования и процессуальной дисциплины формирует основу для профессионального и объективного расследования, отвечающего требованиям закона и общества.

Примечательные принципы включают в себя согласование организации подсистемы со всеобъемлющей следственной структурой, интеграцию законов на всех уровнях расследования, соответствие квалификации следователя сложности дела, обеспечение согласованности прав и обязанностей между организационными подразделениями, централизацию расследований под руководством ведущих следователей, информирование руководителей следственных органов, синхронизацию следственных действий, поддержание темпов расследования и оптимизация рабочей нагрузки следователей [3, с. 390].

Иерархия организации расследования преступлений основывается на принципах, которые формируют последовательную структуру работы. Каждый этап базируется на предыдущем, обеспечивая системность и логичность процесса.

Системный подход, основанный на иерархии, правовой дисциплине и рациональном распределении задач, создаёт условия для успешного раскрытия преступлений. Это поддерживает баланс между профессионализмом, законностью и эффективным использованием кадрового потенциала.

Принцип ритма расширяет комплексность следственных действий. Принцип рациональной нагрузки следователя обеспечивает сбалансированные условия труда с учетом психических, физических и профессиональных качеств [4, с. 429].

Научные методы в криминалистике представляют собой комплекс адаптивных инструментов и технологий, направленных на эффективное расследование преступлений. Гибкость научных подходов позволяет адаптировать их к различным условиям, сохраняя при этом строгость и системность. Например, цифровые технологии используются как для анализа «цифровых следов» в киберпреступлениях, так и для моделирования сценариев в сложных уголовных делах. Таким образом, наука не только предоставляет инструменты, но и формирует логическую основу для принятия процессуальных решений. По сути, средства расследования включают в себя материально-технические инструменты, оперативные методы, методы применения, а также тактические или криминалистические стратегии [5, с. 227].

ЛИТЕРАТУРА

1. Губанищев В. В. Криминалистический анализ механизма преступной деятельности в сфере экономики : автореф. дис.. канд. юрид. н./В. В. Губанищев // Нижегородская академия МВД России. Нижний Новгород, 2009. 24 с.
2. Данилов В. В., Абдульмянова Т. В., Асанова И. П. Основы методики экспертного одорологического (запахового) исследования // Вопросы российского и международного права. 2021. Том 11. № 4А. С. 82–90.
3. Малышкин П. В. Противодействие расследованию преступлений: законное и незаконное противодействие // Современная криминалистика : проблемы, тенденции, перспективы. Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 90-летию со дня рождения Заслуженного деятеля науки РФ, Заслуженного юриста РСФСР, доктора юри-

дический наук, профессора Николая Павловича Яблокова. Ред.-сост. : М. А. Лушечкина. Москва : МАКС Пресс, 2015. С. 388–392.

4. Данилов В. В., Чиняков О. Е. Тактические приемы проведения предварительного допроса опознающего при раскрытии и расследовании преступлений // В сборнике : IX Юридические чтения. материалы Национальной научно-практической конференции. Саранск, 2023. С. 428–432.

5. Данилов В. В., Котляров С. Б. Тактические приёмы применения криминалистической фотографии при расследовании преступлений // Результаты современных научных исследований: материалы Международной научно-практической конференции. В 2-х частях. Редколлегия: Р. Р. Хайров (отв. ред.) [и др.]. Саранск, 2021. С. 227–231.

УДК 343.985

СОЗДАНИЕ ОПТИМАЛЬНЫХ УСЛОВИЙ ДЛЯ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Чумаков Михаил Дмитриевич, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st808091@ruc.su

CREATING OPTIMAL CONDITIONS FOR CARRYING OUT INVESTIGATIVE ACTIONS

Chumakov Mikhail Dmitrievich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

Расследование преступлений как социально-правовой процесс представляет собой сложноорганизованную деятельность, направленную на восстановление объективной картины правонарушения. В его основе лежит система взаимосвязанных элементов, где ключевую роль играют следственные действия (допросы, обыски, экспертизы и др.). Именно в ходе этих процедур следователь получает подавляющее количество информации, критически важной для раскрытия дела. Успех расследования напрямую зависит от условий, обеспечивающих полноту и достоверность каждого следственного действия.

Ключевые слова: доказательства, преступление, расследование, планирование, следственное действие.

Investigation of crimes as a socio-legal process is a complex activity aimed at restoring an objective picture of the offense. It is based on a system of interrelated elements, where investigative actions (interrogations, searches, examinations, etc.) play a key role. It is during these procedures that the investigator receives the overwhelming amount of information that is critically important for solving the case. The success of the investigation directly depends on the conditions that ensure the completeness and reliability of each investigative action.

Keywords: evidence, crime, investigation, planning, investigative action.

Для достижения максимальной результативности при проведении следственных мероприятий необходимо соблюдение ряда ключевых требований (материально-техническая база, целеполагание и планирование, междисциплинарное взаимодействие). Эти элементы взаимосвязаны: например, техническое оснащение позволяет реализовать поставленные задачи, а эксперты обеспечивают корректное применение методов в рамках процессуальных норм. Они формируют базис для качественного расследования, минимизируя риски ошибок и повышая достоверность полученных данных [1, с. 216].

Ключевыми факторами, обеспечивающими результативность следственных действий, выступают: достаточный уровень технического оснащения и материального обеспечения - как для следственных подразделений в целом, так и для отдельных сотрудников. Это подразумевает не только предоставление следователям специализированных инструментов для работы, но и выделение необходимых ресурсов под конкретные уголовные дела; целевое распределение ресурсов – оборудование и материалы должны соответствовать задачам каждого этапа расследования. Например, для точного воссоздания событий на месте преступления может потребоваться использование манекена для имитации действий преступника или демонстрация копии орудия преступления; адаптация под нужды дела – ресурсы должны гибко распределяться в зависимости от специфики расследования: от базовых процессуальных действий до сложных экспертиз, требующих высокотехнологичного оборудования.

Такая организация позволяет не только повысить точность реконструкции событий, но и минимизировать риски ошибок из-за недостаточной доказательной базы. Например, визуализация с помощью манекена помогает объективно оценить механизм совершения преступления, что критически важно для судебного разбирательства [2, с. 23].

Крайне важно, чтобы следователи понимали динамику работы имеющихся в их распоряжении технологических инструментов и могли эффективно их использовать. В настоящее время использование таких устройств, как персональные компьютеры, принтеры, камеры и записывающее оборудование, значительно повышает эффективность следственных процедур. Правовое регулирование notwithstanding широкий спектр технических средств, их применение в расследованиях строго регламентируется нормами уголовно-процессуального кодекса. Следователи нередко вынуждены самостоятельно приобретать оборудование и материалы для повышения качества работы. Это связано с унифицированным подходом следственных органов к обеспечению сотрудников, без учёта специфики

конкретных дел. Результативность мероприятий варьируется в зависимости от их типа. При этом УПК не содержит исчерпывающего списка таких действий, выделяя лишь ключевые, включая: допрос, очную ставку, обыск, выемку, осмотр места происшествия; освидетельствование, контроль переговоров, получение данных о соединениях абонентов; опознание, следственный эксперимент, проверку показаний на месте; арест корреспонденции, назначение экспертиз, эксгумацию с последующим осмотром. Даже при отсутствии детализации в законе, выбор метода должен соответствовать принципам законности и обоснованности. Например, использование манекена для реконструкции событий допустимо, если это не противоречит процессуальным нормам и способствует установлению истины.

Организационные аспекты имеют второстепенное значение. При личном проведении допросов потребность в привлечении дополнительных сотрудников или сложных технических средств сводится к минимуму. Основное оборудование ограничивается: персональным компьютером для фиксации показаний; принтером для оформления процессуальных документов. Использование видеозаписи применяется в ситуациях, когда значительные расхождения в показаниях делают необходимым проведение очной ставки. В таких случаях оба участника вызываются для одновременного допроса, а видеоматериалы служат объективным подтверждением процедуры. Следователь выявляет истину через сопоставление версий, доказательств и показаний, полученных в ходе взаимодействия с участниками дела. Видеозапись очной ставки не только фиксирует противоречия, но и позволяет позднее детально проанализировать невербальные реакции допрашиваемых, что может стать дополнительным аргументом в установлении достоверности информации. Таким образом, даже при ограниченных ресурсах акцент на непосредственном взаимодействии и документальной фиксации позволяет эффективно выстраивать доказательную базу.

Для проведения тщательного допроса следователь должен быть хорошо осведомлен обо всех достоверных данных, позволяющих получить точную информацию [3, с. 12]. Крайне важно критически относиться к показаниям, уделяя особое внимание осмотру места преступления и вещественным доказательствам. Во время расследования рекомендуется использовать фотографии для последующего детального анализа. Использование технических инструментов расширяет возможности проверок, таких как проверка данных на электронных устройствах хранения данных. Решающее значение имеет осведомленность следователя о специфике объекта проверки. Гибкость в выборе источников информации определяется спецификой дела и не ограничивается заранее установленным списком. Например, при расследовании финансовых преступлений ключевыми источниками становятся банковские выписки, транзакционные данные и бухгалтерская документация. Для работы с узкоспециализированными данными необходимы: знание профильной терминологии (например, финансовой или IT-сферы); навыки анализа документов (составление отчетов, выявление аномалий); привлечение экспертов для минимизации ошибок и интерпретации сложных данных. Использование цифровых инструментов (аналитических программ, систем верификации) повышает точность и скорость обработки информации. Однако даже их применение требует критической оценки результатов. Текущая модель ресурсного обеспечения в МВД России оценивается как недостаточно эффективная. Отсутствие адаптивного подхода к распределению техники, финансирования и экспертной поддержки снижает качество расследований. Например, при анализе банковских операций следователь, не обладающий экономическим образованием, рискует упустить признаки отмывания средств. Здесь требуется не только доступ к ПО для отслеживания транзакций, но и консультация финансового аудитора. Оптимизация расследований возможна только через комбинацию трех элементов – модернизацию материальной базы, интеграцию экспертного знания и персонализированный подход к ресурсному обеспечению по каждому делу.

Успех расследования зависит не только от ресурсов, предоставляемых ведомством, но и от компетенций следователя. Экспертные знания (криминалистика, психология, цифровая аналитика) и личностные качества (аналитическое мышление, коммуникабельность) становятся критически важными. Профессионализм следователя определяет: способность корректно интерпретировать доказательства; эффективное взаимодействие с экспертами для углубления анализа; построение логичной и доказательной картины дела через интеграцию деталей. Помимо стандартных мер (техническое оснащение, доступ к данным), ключевым становится структурирование рабочего процесса: четкое планирование этапов расследования; распределение ролей в команде; применение методологий управления временем. Например, расследование многоэпизодного мошенничества требует не только анализа финансовых потоков, но и систематизации данных из разных источников. Следователь, владеющий навыками проектного менеджмента, может параллельно координировать работу IT-специалистов, аудиторов и оперативников, сокращая сроки и минимизируя ошибки. Модернизация следственной деятельности должна включать не только техническое переоснащение, но и инвестиции в профессиональное развитие кадров, а также внедрение процессуальных стандартов, адаптированных под современные вызо-

вы. Это позволит трансформировать расследование из набора разрозненных действий в управляемую, целенаправленную систему.

Признавая, что следственная работа преимущественно включает в себя интеллектуальные задачи, оптимизация оперативной эффективности за счет минимизации организационной нагрузки может значительно повысить способность следователя сосредоточиться на основных обязанностях, таких как раскрытие преступлений. Тем не менее, признание незаменимой роли следователей в определении целей, выявлении ключевых проблем и управлении следственными усилиями имеет первостепенное значение [4, с. 229].

Стремясь облегчить техническую нагрузку на следователей, по-прежнему важно учитывать время, отводимое на выполнение вспомогательных обязанностей.

Таким образом, создание условий, способствующих первоклассным расследованиям, требует целостного подхода, включающего стратегическую согласованность следственных действий и создание условий, способствующих эффективным и превосходным результатам расследования. Это предполагает сосредоточение внимания на таких ключевых элементах, как определение целей, тщательное планирование и создание среды, способствующей проведению высококвалифицированных следственных действий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Данилов В. В., Асанова И. П. Проблемы применения судом обстоятельств, отягчающих уголовное наказание // Вопросы российского и международного права. 2019. Т. 9. С. 215–220.
2. Малышкин П. В. Понятие, сущность и виды преступных инсценировок, их логико-психологическая природа / П. В. Малышкин // Следователь. 2008. № 12. С. 17–28.
3. Губанищев В. В. Криминалистический анализ механизма преступной деятельности в сфере экономики : автореф. дис.. канд. юрид. н. / В. В. Губанищев // Нижегородская академия МВД России. Нижний Новгород, 2009. 24 с.
4. Данилов В. В., Котляров С. Б. Тактические приёмы применения криминалистической фотографии при расследовании преступлений // Результаты современных научных исследований: материалы Международной научно-практической конференции. В 2-х частях. Редколлегия: Р. Р. Хайров (отв. ред.) [и др.]. Саранск, 2021. С. 227–231.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РЕФОРМИРОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

УДК 340

ОСОБЕННОСТИ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА В НАЛОГОВЫХ ПРАВООТНОШЕНИЯХ

Автаев Михаил Иванович, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st808883@ruc.su

PECULIARITIES OF REPRESENTATION IN TAX RELATIONS

Avtayev Mikhail Ivanovich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье рассматриваются актуальные вопросы и правовые особенности института представительства в налоговых правоотношениях.

Ключевые слова: налоговые отношения, представительство, законодательство о налогах и сборах, гражданское законодательство, публичные отношения, суд.

The article discusses topical issues and legal features of the institution of representation in tax legal relations.

Keywords: tax relations, representation, legislation on taxes and fees, civil legislation, public relations, court.

Нормативно налоговые правоотношения определены как властные, а деятельность органов публичной власти и ее результаты не могут выступать предметом частноправового регулирования [1].

При этом в правовой позиции Конституционного Суда РФ также указывается на особую юридическую природу налоговых отношений, обусловленную их публично-правовым характером и определением свободы усмотрения субъектов при наличии прямых нормативно-правовых предписаний в законодательстве о налогах и сборах [2].

В частности, в судебной практике отмечается, что современная система налогово-правового регулирования содержит элементы диспозитивности (реализация идеи свободы в праве), тем самым расширяются возможности (самостоятельность, активность и инициативность) участников налоговых отношений.

Так налоговое законодательство не исключает действия принципа диспозитивности и допускает возможность выбора варианта поведения налогоплательщиком конкретно в отношении метода учетной политики и применения правил о налоговых льготах [3]. В другом частном вопросе о праве выбора участниками налоговых правоотношений оптимального способа организации экономической деятельности и налогового планирования также есть решения Конституционного Суда РФ [4].

Проявления диспозитивности в сфере налогообложения определяются пределами норм и принципов законодательства о налогах и сборах, а такие диспозитивные институты налогового права как гражданско-правовой договор (соглашение о разделе продукции, договор о залоге, договор о поручительстве, договор о создании консолидированной группы налогоплательщиков и др.) или представительство являются прямой рецепцией (заимствованием) гражданско-правовых институтов в структуру налогового права [5].

Согласно п. 1 ст. 11 Налогового кодекса РФ [6] институты, понятия и термины гражданского, семейного и других отраслей законодательства, используемые в Налоговом кодексе, применяются в том значении, в каком они используются в этих отраслях, если иное не предусмотрено в данном акте.

Следовательно, институт представительства в налоговом праве носит бланкетный характер, так как участие представителей в налоговых правоотношениях, не урегулированное законодательством о налогах и сборах, регулируется гражданским законодательством.

Однако, в п. 3 ст. 2 Гражданского кодекса [7] законодатель установил, что к имущественным отношениям, основанным на административном или ином властном подчинении одной стороны другой, в том числе к налоговым и другим финансовым и административным отношениям, гражданское законодательство не применяется, если иное не предусмотрено законодательством.

В соответствии с п. 1 ст. 182 ГК РФ представительство определяется через полномочие, основанное на доверенности, указании закона либо акте уполномоченного на то государственного органа или органа местного самоуправления, которое непосредственно создает, изменяет и прекращает гражданские права и обязанности представляемого. Полномочие может также явствовать из обстановки, в которой действует представитель (продавец в розничной торговле, кассир и т. п.).

Институт представительства в налоговых отношениях получил свое закрепление в качестве права налогоплательщика представлять свои интересы в отношениях, регулируемых законодательством о налогах и сборах, лично либо через своего представителя в ст. 21 НК РФ.

В 4 главе «Представительство в отношениях, регулируемых законодательством о налогах и сборах» Налогового кодекса РФ ст. 26 определяет, что налогоплательщик может участвовать в отношениях, регулируемых законодательством о налогах и сборах через законного или уполномоченного представителя, если иное не предусмотрено НК РФ и при отсутствии прямого на то запрета.

Терминологической неопределённости представительства способствовали разъяснения Конституционного Суда РФ [8], как совершение представителем действий от имени и за счет собственных средств налогоплательщика – представляемого лица, что обусловило неоднозначную судебную практику по данному вопросу.

При реализации норм, связанных с представительством в налоговых отношениях, возникает большое количество спорных ситуаций [9]. К примеру, что отношения представительства не позволяют исполнить самую главную обязанность налогоплательщика – уплатить налог. То есть, представитель даже при наличии должным образом оформленного полномочия не имеет права от имени налогоплательщика, плательщика сборов выполнить основную обязанность представляемого лица.

Так возникают трудности с определением возможной формы уплаты налогов – наличной или безналичной. И если законодательство о налогах и сборах (п. 4 т. 58 НК РФ) допускает обе формы уплаты налоговозначимых платежей, что подтверждается судебной практикой [10], то Минфин России в вопросе о порядке уплаты налогов садоводческими некоммерческими товариществами придерживается противоположного мнения [11].

В своем Письме Минфин указывает на то, что только для физических лиц предусмотрена возможность уплаты налогов наличными денежными средствами, т. к. НК РФ не содержит прямую норму по уплате налогов представителем налогоплательщика-организации наличными деньгами за этого налогоплательщика.

Однако в вопросе уплаты государственной пошлины позиция Минфина России меняется и допустимо использование наличных денежных средств представителем организации-плательщика, что подтверждается и судебной практикой [12, 13].

Противоречивость материалов правоприменительной практики свидетельствуют о том, что права представителя как субъекта налогового права отличаются от тех, которые может реализовать представитель как субъект налогового правоотношения.

Правовая специфика представительства в налоговых отношениях также определяется императивностью и строгой регламентацией в соответствии с принципом «разрешено то, что закреплено в законе», что порождает трудности и споры, в которые вынуждены вступать хозяйствующие субъекты с налоговыми органами.

В этой связи, с учетом сложившейся практики считаем необходимым расширение норм о представительстве в налоговом законодательстве и закрепить правовой статус, права и обязанности, ответственность представителя. Это необходимо при решении вопроса о привлечении налогоплательщика к ответственности за то или иное нарушение законодательства о налогах и сборах действия (бездействие) его представителем, поскольку они расцениваются как действия (бездействие) самого налогоплательщика [14].

Таким образом, институт представительства по своей природе является гражданско-правовым, а положения главы 4 НК РФ устанавливают исключение применительно к гражданско-правовому институту представительства в налоговых отношениях. При этом конкретизация в нормах законодательства о налогах и сборах объема полномочий представителя и требований, предъявляемых к форме и содержанию доверенности, не изменяют общего смысла данного межотраслевого института.

При этом следует отметить, что определение представительства, закрепленное в ст. 182 ГК РФ как сделки не отражает того многообразия отношений по представительству, которое сложилось в настоящее время в налоговой сфере. Поэтому даже появление в НК РФ отдельной главы по представительству не решило споров на практике и не расширило правила гражданско-правового института представительства. А межотраслевые признаки и другие положения о представительстве, свойственные представительству в налоговых отношениях, определяются императивным методом регулирования налоговых отношений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Постановление КС РФ от 23.01.2007 № 1-П. // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс»
2. Определение КС РФ от 07.11.2008 № 1049-О-О. // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс»

3. Постановление КС РФ от 03.06.2014 № 17-П. // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс»
4. Определение КС РФ от 29.03.2016 № 460-О. // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс»
5. *Копина А. А.* Права налогоплательщика (часть 1) // *Налоги.* 2016. № 21. С. 22.
6. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ. // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс»
7. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ. // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс»
8. Определение КС РФ от 22.01.2004 № 41-О. // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс»
9. Определение ВАС РФ от 27.11.2008 № 14830/08 по делу № А29-815/2008. // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс»
10. Определение КС РФ от 22.01.2004 № 41-О; Постановление ФАС Поволжского округа от 11.03.2010 по делу № А72-10616/2009. // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс»
11. Письмо Минфина России от 11.07.2014 № 03-02-08/33873 // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс»
12. Письмо Минфина России от 04.02.2013 № 03-05-04/03/2261; Письмо Минфина РФ от 18.11.2011 № 03-02-07/1-396. // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс»
13. Постановление Пленума ВАС РФ от 11.07.2014 № 46 // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс»
14. Решение Арбитражного суда Иркутской области от 2.06.2015 по делу № А19-20523/2014 // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс»

УДК 340

ПОНЯТИЕ СМАРТ-КОНТРАКТА И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Алукаев Абдурахман Бясырович, магистрант

Челноков Александр Викторович, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st808093@ruc.su; st808107@ruc.su

THE CONCEPT OF SMART CONTRACT AND ITS SIGNIFICANCE FOR THE DIGITAL ECONOMY

Alukaev Abdurakhman Byasyrovich, Master's Degree student

Chelnokov Alexander Viktorovich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье рассматриваются вопросы правовой сущности смарт-контрактов и проблемы законодательного регулирования их применения. Приводятся конкретные примеры реализации проектов через заключение смарт-контрактов, а также анализируются основные преимущества и недостатки применения такой формы договора.

Ключевые слова: смарт-контракт, цифровая экономика, цифровой рубль, цифровая валюта, цифровой контракт, информационные технологии, экономическая безопасность

The article discusses the issues of the legal nature of smart contracts and the problems of legislative regulation of their application. Specific examples of project implementation through the conclusion of smart contracts are given, as well as the main advantages and disadvantages of using this form of contract are analyzed.

Keywords: smart contract, digital economy, digital ruble, digital currency, digital contract, information technology, economic security

Цифровизация экономики существенным образом влияет на взаимоотношения, складывающиеся между субъектами экономической деятельности. Такое влияние выражается в том, что привычные принципы и способы взаимодействия претерпевают кардинальные изменения, во многом связанные с упрощением отдельных операций.

Благодаря внедряемым инновационным подходам к регулированию экономических отношений снижается количество времени, затрачиваемого на документальное оформление договорённости сторон, что в первую очередь проявляется в отсутствии необходимости личного присутствия при совершении юридически значимых действий.

Одним из инновационных инструментов, возможность применения которого появилась сравнительно недавно, является заключение смарт-контрактов. Впервые идея цифрового оформления обязательств между сторонами появилась в США в 90-е годы. Именно в указанный период было сформировано представление о смарт-контрактах, основным назначением которых является фиксация прав и обязанностей сторон в цифровом виде с созданием протокола их исполнения, на основании которого компьютерный алгоритм осуществляет контроль за правильностью и своевременностью выполнения договорных обязательств [1, с. 3].

Идея применения смарт-контрактов появилась благодаря развитию вендинга, который представляет собой автоматизированный вид торговли. Его ярким примером является продажа напитков и продуктов через автоматы, которые размещаются в местах, посещаемых большим количеством людей.

Приобретение товаров через такие автоматы представляет собой не что иное как заключение соглашения, в результате которого любое лицо вправе приобрести товар по цене, которая заранее была определена продавцом.

Более современным примером сферы применения смарт-контрактов является появление агрегаторов, выполняющих посреднические функции при оформлении взаимоотношений между клиентом и исполнителем услуги. Таким агрегатором, к примеру, является Яндекс. Такси, через платформу которого клиент знакомится со стоимостью и условиями поездки и в случае выражения согласия получает услугу на определенных заранее условиях. При этом саму услугу оказывает не Яндекс. Такси, а водитель, который обязан довести клиента до указанного им места на тех условиях, которые предложил клиенту агрегатор.

Смарт-контракты достаточно часто применяются во многих странах при заключении различных сделок, в том числе и в государственном секторе. Однако, их возможности зачастую ограничены, поскольку отсутствует надлежащая правовая регламентация порядка применения смарт-контрактов, что на практике может вызывать трудности при возникновении спорных ситуаций.

В России первое упоминание о применении смарт-контрактов связано с деятельностью крупной российской авиакомпании, которая в 2016 году совместно с Альфа-Банком провела расчеты с помощью смарт-контракта [2, с. 53].

Суть такого взаимодействия заключалась в том, чтобы обеспечить защиту интересов авиакомпании, которая выступала заказчиком по заключенному со сторонней организацией контракту. Для этого авиакомпания перечислила денежные средства в Альфа-Банк, который при подаче заявления на открытие аккредитива заморозил их в необходимом размере, а после предоставления исполнителем документов, подтверждающих полное и надлежащее выполнение условий сделки, перечислил денежные средства, причитающиеся ему в качестве оплаты. Заказчику и исполнителю даже не было необходимости лично присутствовать при заключении такой сделки, а ее безопасность полностью обеспечивалась банком.

Существуют и другие примеры реализации смарт-контрактов в России. Например, российская авиакомпания S7 Airlines разработала специальную платформу, которая позволила осуществлять в автоматизированном формате расчеты с агентами, осуществляющими продажу билетов на рейсы авиакомпании [3, с. 16].

В 2018 году указанная авиакомпания заключила смарт-контракт с поставщиком топлива для самолетов. Его суть заключалась в том, что в него были включены условия о стоимости топлива за его конкретный объем. В проведении расчетов за поставку топлива участвовал всё тот же Альфа-Банк, который резервировал необходимую сумму в качестве платы за топливо после того, как командир воздушного судна запрашивал конкретный объем топлива. Банк подтверждал заявку и начинался автоматический процесс заправки. После окончания заправки происходило списание денежных средств в качестве оплаты и закрытие сделки.

В настоящий момент в связи с появлением в России цифрового рубля смарт-контракты получили новое направление развития. Специфика указанной цифровой валюты обуславливает необходимость создания специальной платформы, где пользователи смогут самостоятельно заключать смарт-контракты, которые заранее были разработаны специализированными организациями и допущены к применению Банком России [4, с. 19].

В такие смарт-контракты будут включаться все существенные условия сделки, необходимые для ее исполнения. После подписания смарт-контракта всеми сторонами, участвующими в выполнении предусмотренных в нем условий, будет происходить его регистрация на платформе цифрового рубля.

Важно отметить, что применение смарт-контрактов позволит оплачивать цифровыми рублями любые товары или услуги, но при этом функционал платформы цифрового рубля позволит устанавливать целевое назначение такой валюты. То есть будет происходить своеобразная маркировка цифровых рублей, что позволит отслеживать, когда и на оплату какого товара или услуги они были направлены. Представляется, что подобный функционал может стать эффективным средством обеспечения борьбы с коррупцией и теневой экономикой.

В дополнение к изложенному стоит отметить, что применение смарт-контрактов на платформе цифрового рубля могло бы оказать положительное влияние и на сферу осуществления государственных закупок.

К преимуществам применения смарт-контрактов в указанной сфере можно отнести возможность обеспечения прозрачности и ускорения государственных закупок за счет автоматической фиксации условий исполнения контракта и проведения оплаты цифровыми рублями, имеющими целевое назначение.

В настоящий момент российское законодательство уже развивается по указанному пути. Так, с 2024 года в сфере государственных закупок применяются цифровые контракты [5, с. 18]. Их суть заключается в автоматическом заполнении контракта, которое осуществляется на основании сведений, содержащихся в структурированных извещении о закупке, заявке участника, признанного победителем, и итоговом протоколе. Это исключает возможность произвольного изменения существенных условий контракта, поскольку система самостоятельно их включает на основании уже имеющихся данных в вышеуказанных документах.

Несмотря на все очевидные преимущества смарт-контрактов, нельзя не отметить, что они имеют и определенные недостатки.

Так, одним из главных недостатков является отсутствие достаточной нормативной правовой базы, регулирующей порядок заключения, изменения и расторжения смарт-контрактов, что приводит к неопределенности их правовой сущности и, как следствие, к возникновению споров.

У лиц, заключивших смарт-контракт, могут возникать проблемы с органами государственной власти, в особенности с осуществляющими контроль и надзор в сфере налогообложения. В связи с указанным, рекомендуется дублировать содержание смарт-контрактов на бумаге или же создавать электронные файлы, подписываемые электронными цифровыми подписями.

Кроме того, смарт-контракты характеризуются ограниченной гибкостью, то есть их применение является эффективным и удобным только для выполнения простых условий сделки. Для реализации сложных схем взаимодействия они могут оказаться неэффективными ввиду отсутствия необходимого функционала [6].

На сегодняшний день в России начат процесс законодательного регулирования заключения смарт-контрактов. В частности, законодателем в 2019 году в Гражданский кодекс Российской Федерации были введены нормы, закрепляющие право участников гражданских правоотношений заключать договоры с использованием любых технических средств, которые позволяют воспроизвести их условия на материальном носителе. При этом необходимо, чтобы существовала возможность достоверно установить личности тех, кто участвовал в подписании договора таким способом [7].

Так же, указанными поправками было установлено, что исполнение обязательств может осуществляться путем применения информационных технологий.

Таким образом, развитие практики применения смарт-контрактов имеет своей основной целью оптимизацию бизнес-процессов, а также обеспечение безопасности участников различных правоотношений при осуществлении финансовых операций. В связи с чем представляется необходимым дальнейшее расширение сферы применения смарт-контрактов, а также совершенствование законодательной регламентации их правовой сущности в целях повышения эффективности взаимодействия между государством, гражданами и организациями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аналитический обзор по теме «Смарт-контракты» // Банк России: официальный сайт: URL: <https://www.cbr.ru>
2. Цифровое право в банковской деятельности: сравнительно-правовой аспект / под ред. Л. Г. Ефимова. Москва : Проспект, 2021. 416 с.
3. Майоров А. А. Смарт-контракт как новый способ заключения договора // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2022. № 4. С. 15–22.
4. Концепция цифрового рубля // Банк России: официальный сайт: URL: <https://www.cbr.ru>
5. Постовалова С. О. Цифровой контракт по Закону № 44-ФЗ: отдельные нюансы // Вестник Института госзакупок. 2024. № 5. С. 18–20.
6. Смарт-контракты: как они работают и зачем нужны // Право.ru: сайт: URL: <https://pravo.ru>
7. О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации : федеральный закон от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ // Российская газета. 2019. № 60.

УДК 342.5

ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ФУНКЦИЯ ГОСУДАРСТВА И ЕГО ОРГАНОВ

Арюков Рамиль Фаильевич, магистрант

Курганов Никита Игоревич, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

Пиксайкина Анастасия Владимировна, студентка

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

E-mail: st804472@ruc.su; st809165@ruc.su; apiksajkina@mail.ru

THE LAW ENFORCEMENT FUNCTION OF THE STATE AND ITS AGENCIES

Aryukov Ramil Failevich, Master's Degree student

Kurganov Nikita Igorevich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

Piksaykina Anastasia Vladimirovna, student

Lomonosov Moscow State University

В статье рассматриваются вопросы понимания правоохранительной функции государства реализуемая посредством соответствующих его органов.

Правоохранительная функция государства и его органов является одним из важнейших направлений его деятельности в публично-правовой сфере, выражающая в защите прав и свобод граждан их объединений, а также законных интересов общества и государства.

Ключевые слова: правоохранительная функция, правоохранительные органы, охрана, защита.

The article discusses the issues of understanding the law enforcement function of the state implemented through its relevant agencies. The law enforcement function of the State and its agencies is one of the most important areas of its activity in the public law sphere, expressing itself in the protection of the rights and freedoms of citizens, their associations, as well as the legitimate interests of society and the state.

Keywords: law enforcement function, law enforcement agencies, security, protection.

Круг органов государственной власти, причисленных законодателем, в той или иной форме, к правоохранительным органам достаточно большой, но у каждого из них имеются основные направления деятельности, которые закреплены и конкретизированы в их полномочиях, задачах и функциях.

Как известно, функции вытекают из задач, поставленных перед каждым органом, а направления из целей деятельности конкретного государственного органа, вытекающие из правовой политики государства. При этом все их функции, в конечном счете, должны соответствовать общей концепции и быть направлены на защиту прав и свобод личности, интересов общества и государства от противоправных посягательств.

В действующем законодательстве выделяют следующие основные функции правоохранительных органов [1]:

- конституционный контроль;
- правосудие, судебный контроль и судебный надзор;
- прокурорский надзор;
- охрана конституционного строя и обеспечение государственной безопасности Российской Федерации;
- выявление и предварительное расследование преступлений;
- предупреждение преступлений и иных правонарушений;
- обеспечение экономической безопасности;
- организационное обеспечение деятельности судов и исполнение судебных решений;
- оказание юридической помощи и защита по уголовным делам;
- охрана общественного порядка и обеспечение общественной безопасности;
- охрана прав, свобод и законных интересов личности.

В юридической литературе ряд ученых-юристов объединяют некоторые функции в более объемные, некоторые, наоборот, пытаются конкретизировать их, поэтому разновидность функций не исчерпывается данным перечнем. Здесь необходимо отметить, что в некоторых случаях можно проследить прямую зависимость между функцией и тем правоохранительным органом, который эту функцию реализует. Но зачастую один правоохранительный орган может реализовать несколько функций, например, органы внутренних дел, им можно отнести более половины из вышеуказанного перечня функций. В то же время одну и ту же функцию могут исполнять несколько правоохранительных органов, например, функцию обеспечения экономической безопасности – органы ФТС России, МВД РФ и ФСБ РФ.

К тому же функция охраны прав, свобод и законных интересов личности касается практически всех как государственных, так и негосударственных правоохранительных органов, впрочем, как и предупреждение преступлений и иных правонарушений является одной из основных функций большинства из них. Все вышеназванные функции можно в свою очередь разделить на блоки – судебный, прокурорский и блок так называемых «силовых органов». Особо здесь необходимо отметить функции конституционного контроля и правосудия. Именно суды восстанавливают нарушенные права, применяют меры государственного принуждения, а также предупреждают возможные нарушения прав личности, законных интересов общества уже на этапе проверки соответствия Конституции РФ всех нормативно-

правовых актов абсолютно любого уровня. «Ни один нормативно-правовой акт любого уровня в России не может вступать в противоречие с Основным законом страны – Конституцией РФ».

Органы судебной власти обеспечивают законность решений исполнительной и представительной властей путем рассмотрения жалоб граждан или юридических лиц о нарушении прав и свобод, а также путем рассмотрения жалоб и протестов в рамках дел административного производства или же о признании незаконными правовых актов в области управления; проведения проверок относительно качества проведения предварительного расследования в рамках рассмотрения уголовных дел и на предмет законности и дисциплины при рассмотрении уголовных, гражданских, административных дел в деятельности органов и организаций и их должностных лиц, а также проверкой правовых актов управления на предмет законности, имеющих значение по рассматриваемому делу [2].

В Конституции РФ закреплено право граждан на обжалование в суде действия (бездействия) органов предварительного расследования и прокурора в случае нарушения их конституционных прав и свобод. Это обычно касается каких-либо процессуальных действий, например, обыск, задержание, арест, продления процессуальных сроков, отказов в возбуждении уголовного дела, прекращении производства по уголовному делу и др. Также суды обеспечивают исполнение приговоров и иных решений судебных органов.

Принципами, которые положены в основу судебного контроля, являются законность, справедливость и разумность. Как отмечала Н. В. Енина: «одна из особенностей судебного контроля состоит в том, что он осуществляется в сферах, недоступных некоторым другим видам контрольно-надзорной деятельности» [3].

Прокурорский надзор в России является самостоятельной отраслью, являясь единственным видом публичной контрольной деятельности, которая дает правовую оценку соблюдения и исполнения законов максимально большей части публичных органов, учреждений и должностных лиц.

Реализация прокурорского надзора осуществляется методами наблюдения и реагирования.

Под наблюдением понимается слежение и выявление нарушений законности. Реагирование же включает в себя восстановление нарушений законности, а также действия по восстановлению нарушенных правоотношений и устранение их негативных последствий. При этом различают два способа восстановления нарушений законности. Первый из них упрощенный и состоит в обязывании нарушителей устранить нарушения и их негативные последствия. Он более оперативный и не предполагает использование механизма принуждения. Второй же, его в юридической литературе называют усложненной, наоборот предполагает возбуждение административных, уголовных, судебных производств из-за того, что имеются какие-либо препятствия в правовосстановительной деятельности. Иными словами, происходит обращение к механизму принуждения.

Прокурорский надзор осуществляется от имени государства, никакие иные органы, учреждения и должностные лица не могут препятствовать законной деятельности прокурора. Целью прокурорского надзора является обеспечение и укрепление законности, а также защита прав и свобод человека и гражданина, и защита охраняемых интересов общества и государства.

Правоохранительные функции многоаспектны и одни и те же функции осуществляются одновременно несколькими органами. Так, например, обеспечением экономической безопасности может осуществляться правоохранительными органами, Счетной палатой РФ и др. Что касается Счетной палатой РФ, основным объектом ее контроля является бюджет страны, его исполнение, недопущение нарушений, в том числе нерационального использования бюджетных средств.

Деятельность, например, таможенных органов в основном связана с перемещением материальных средств (товаров, транспортных средств и т. д.) через таможенную границу, обеспечением взимания налогов, пошлин и других взиманий, борьбой с контрабандой товаров и денежной массы и др.

Органы внутренних дел занимается предупреждением, выявлением, раскрытием преступлений экономической направленности на территории субъектов РФ, учитывая их региональные особенности [4].

В целом система обеспечения экономической безопасности направлена на защиту личности, общества, государства в сфере общественных отношений в сфере экономики. Еще одна важнейшая функция в восстановлении нарушенных прав субъектов общественных отношений в наибольшей степени непосредственно осуществляется Федеральной службой судебных приставов. Восстановление нарушенных прав и обеспечение негативного воздействия на нарушителей закона во исполнение решений судебных органов можно назвать результатом деятельности правоохранительных органов. Именно они непосредственно применяют государственное принуждение при возникновении препятствий в восстановлении нарушенных прав личности, общества, государства [5].

Одним из важнейших негосударственных правозащитных институтов, осуществляющих функцию

по защите прав и свобод граждан, является адвокатура. Каждый кто сталкивается с проблемой, связанной с осуществлением установленных процедур, где нужны специальные юридические познания (например, обжалование действий должностных лиц, каких-либо решений в судебном порядке) осознает необходимость в оказании ему квалифицированной юридической помощи. «Право каждого человека на получение профессиональной правовой помощи как одним из важнейших признают почти все международные правовые акты по правам человека» [6].

Особенно это очевидно в рамках уголовных дел и здесь важно оказать всевозможную помощь гражданину, а не склонять его, например, к признательным показаниям или руководствоваться рекомендациями, усмотрениями лиц, осуществляющих предварительное расследование, как нередко бывает на практике. О недопущении подобных фактов указал Конституционный Суд РФ в своем определении от 08.02.2007 года № 251-О-П: «...реализация права пользоваться помощью адвоката (защитника) на той или иной стадии уголовного судопроизводства не может быть поставлена в зависимость от усмотрения должностного лица или органа, в производстве которого находится уголовное дело, т. е. от решения, не основанного на перечисленных в уголовно-процессуальном законе обстоятельствах, предусматривающих обязательное участие защитника в уголовном судопроизводстве, в том числе по назначению.

Манипулирование правом на защиту, чем бы оно ни мотивировалось, недопустимо», а функция защиты прав, свобод и законных интересов личности является основной для всех без исключения правоохранительных органов.

Являясь гарантом защиты прав, свобод и законных интересов личности государство реализует правозащитный механизм их охраны от противоправных посягательств. Таким образом, функции правоохранительных органов государства разнообразны и не исчерпываются вышеприведенными примерами. Среди них также выделяют функции, осуществляемые судебными органами, прокурорскими и «силовыми органами». Одни и те же функции зачастую выполняются несколькими правоохранительными органами, отдельные же из них являются функциями конкретного органа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пинчугина Е. Н. Правовая основа деятельности органов внутренних дел: понятие, специфика, уровневая организация / Е. Н. Пинчугина. // Огарев-online. 2022. № 11. URL: <http://journal.mrsu.ru/arts/pravovaya-osnova-deyatelnosti-organov-vnutrennikh-delponyatie-specifika-urovnevaya-organizaciya>
2. Малько А. В. Ограничения в праве: проблемы теории, практики, политики / А. В. Малько. // Юридическая техника. 2018. № 12. С. 238.
3. Бойко Н. С. Конституционное право зарубежных стран: учебник для академического бакалавриата. / Н. С. Бойко, А. В. Иглин, И. А. Чуканов; ответственный редактор А. В. Иглин. 2-е изд., испр. и доп. Москва : Юрайт, 2022. С. 46.
4. Батуринов А. А. Проблемы и правовые основы порядка применения огнестрельного оружия сотрудниками органов внутренних дел РФ. /А. А. Батуринов, А. А. Козляков, В. В. Копылов // Вестник экономической безопасности. 2019. № 3. С. 264.
5. Одина Н. В. Соблюдение прав и свобод человека в деятельности органов внутренних дел Российской Федерации / Н. В. Одина. // Государственная служба и кадры. 2018. № 2. С. 51.
6. Маркушин А. Г. Основы управления в органах внутренних дел: учебник для вузов. / А. Г. Маркушин, В. В. Казаков. – 2-е изд., перераб. и доп. Москва : Юрайт, 2019. С. 27.

УДК 336.1

К ВОПРОСУ О ВВЕДЕНИИ ЕДИНОГО НАЛОГОВОГО СЧЕТА КАК ЭЛЕМЕНТА ЭФФЕКТИВНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Асанкина Елена Львовна, магистрант

Саранский кооперативный институт (филиал) Российского университета кооперации

E-mail: e.asankina@gmail.com

ON THE ISSUE OF INTRODUCING A SINGLE TAX ACCOUNT AS AN ELEMENT OF PUBLIC ADMINISTRATION EFFICIENCY

Asankina Elena Lvovna, Master's Degree student

Saransk Cooperative Institute (branch) of Russian University of Cooperation

Данная статья посвящена изучению вопросов, связанных с реализацией нового инструмента налогового законодательства – Единого счета налогоплательщика. Изучается значение процессов цифровизации в решении фискальных функций государства. Статья рассматривает сложности реализации субъектного взаимодействия ФНС и налогоплательщиков, а также в исследовании анализируются преимущества практики применения ЕСН.

Ключевые слова: единый налоговый счет налогоплательщика, налоговые правоотношения, Налоговый законодательство РФ, налоговые правоотношения, цифровые технологии.

This article is devoted to the study of issues related to the implementation of a new instrument of tax legislation - the Unified Taxpayer Account. The significance of digitalization processes in solving the fiscal functions of the state is studied. The article considers the difficulties of implementing this subject interaction between the Federal Tax Service and taxpayers, and also analyzes the advantages of the practice of applying the Unified Taxpayer Account

Keywords: single tax account of the taxpayer, tax legal relations, tax legislation of the Russian Federation, tax legal relations, digital technologies.

Современные эффективные практики государственного управления опираются на цифровые технологии и цифровые решения. С помощью них достигается оперативность и адресность управленческих решений. Системы реализации государственных задач ориентируют правовое взаимодействие между субъектами общественных отношений на различные цели: фискальные, контрольные, правоохранительные, исполнительные, управленческие, организационные и др. И здесь на помощь многозадачности и комплексности приходят цифровые технологии.

Цифровые технологии принесли ряд прогрессивных элементов в государственное управление. Сегодня можно обратиться в государственное учреждение за услугой и получить ее посредством технической связи. В гражданский и управленческий оборот входят электронный документ, информация, имеет визуальное воплощение, значительный объем общественного взаимодействия осуществляется с помощью бесконтактного взаимодействия.

Управление Федеральной налоговой службы РФ активно использует возможности цифровизации в системе обеспечения собственных целей деятельности. Задачи качественного налогового учета, оперативной отчетности, контрольных мероприятий, введения новых видов налогов, систематизация объектов налогообложения стали возможными при использовании возможностей цифровых технологий.

В рамках данного исследования под цифровыми технологиями в налоговых правоотношениях мы будем понимать методы сбора, хранения, обработки и обобщения информации, посредством технических средств, связанных с фискальной функцией государства и реализацией прав налогоплательщиков.

С 1 января 2023 года был введен такой инструмент налоговой политики как единый налоговый счет налогоплательщика. Суть его состоит в том, что идентификация фискальных платежей происходит в автоматическом режиме и не имеет четкой персонализации. Основным в данном процессе выступает выполнение налогоплательщиком обязательств перед государством. Правовой статус единого налогового счета определяется Налоговым кодексом РФ в отношении определенных видов налогов для всех налогоплательщиков. Создание единого налогового счета по заявлению ФНС должно было уменьшить количество неопределенных и неустановленных платежей, уменьшить число бюрократических процедур, упростить взаимоотношения налогоплательщиков и налоговых органов и способствовать повышению доверия граждан к системе реализации исполнительной власти.

Сегодня есть возможность, на основании научных исследований и общего анализа ситуации подвести первые итоги введения и действия единого налогового счета.

Отметим, что первый год работы данной системы наблюдались технические сбои, в кабинетах налогоплательщиков отражалась искаженная не объективная информация, что увеличило число обращений в техническую поддержку, реализующую программное обеспечение. Связаны эти обращения с разными обстоятельствами. Например, в кабинеты налогоплательщиков попадает задолженность, срок уплаты по которой составляет более трех лет, подобные факты влияют на формирование конечного сальдо по уплате налоговых платежей и не отражают реальную картину по налоговым обязательствам налогоплательщиков.

Необходимость уплачивать налог одним платежом снижает возможность контролировать собственные финансовые потоки, не дает основания регулирования и контроля за ситуацией какие налоги уплачивать в первую очередь, а какие во вторую. Фактически, налогоплательщик теряет контроль над ситуацией в части какой налог он хотел бы оплатить первоначально, а это в итоге влияет и на санкции в отношении неуплаченного налога. Введение единого налогового счета, фактически, отменяет институт отсрочки налогового платежа. При отрицательном сальдо недоимка возникает сразу по общей совокупности налогов. Фактически, программа не разбирается в индивидуальных причинах возникновения подобного отрицательного сальдо. За каждым изменением или разъяснением необходимо обратиться в налоговый орган через разработанные программой формы обращений. Не всегда представляется возможность отразить все возможные ситуации и тогда программа предлагает обратиться в налоговый орган, который, как правило, находится в отдаленном от налогоплательщика месте. Следует отметить, что, понимая множество сложностей, с которыми столкнулись налогоплательщики, ФНС разработала письмо 14.02.2023 N БВ-4-9/1702@ «О рассмотрении жалоб по вопросам, связанным с ЕНС». По содержанию данного письма, все жалобы должны быть рассмотрены по сути, даже если обращение поступило не по форме.

В рамках данного исследования остановимся на вопросах распоряжения налогоплательщиком положительного сальдо по ЕНС. Им можно распорядиться тремя способами. Во-первых, высказать желание использовать положительное сальдо в счет уплаты налога третьими лицами. Во-вторых, зачесть положительное сальдо в зачет последующих налоговых обязательств налогоплательщика. Это происходит после реализации заявительного способа налогового производства. Однако, если налогоплательщик напишет заявление о зачете положительного сальдо и у него возникнет какая-либо недоимка, то налоговый орган вправе самостоятельно распорядиться денежными средствами налогоплательщика. Например, такая ситуация может возникнуть при доначислении налоговой недоимки на основании каких-либо судебных решений. В-третьих, налогоплательщик вправе направить положительное сальдо в счет принятых в отношении него решений налогового органа.

В отношении налоговой задолженности с истекшими сроками давности, отметим, алгоритм пользования данными средствами отражен в Письме ФНС России от 14 марта 2023 г. № КЧ-48/2882 «О порядке исключения из ЕНС задолженности, в отношении которой истек срок взыскания». Согласно данному письму, ее списание возможно только по решению суда, с указанием обстоятельства по истечению срока давности и обозначением сверки отрицательного сальдо.

Современная действительность показывает, что функционирование ЕНС упростила систему безоговорочной системы внесения налога в бюджет, но если возникает необходимость разобраться в индивидуальных особенностях внесения платежей, то эта процедура значительно усложняется. В масштабах всей страны обозначается множество ситуаций, когда налогоплательщик не имеет возможности и желания разбираться в ситуации по особенностям действия ЕНС, что противоречит принципам справедливости и соразмерности налогового бремени.

Отметим, что трудности введения налогового счета возникли не только у налогоплательщиков, но и у налогового органа в части перераспределения доходов бюджета внутри бюджетной системы Российской Федерации. В подобных условиях могут пострадать бюджеты регионов, поскольку налоговая задолженность списывается в полном объеме и в случае недоимок налогов не ясно в отношении какого налога она возникла и в каком бюджете возникает реальная отрицательная доходность.

Анализируя значение введения ЕНС отметим, что для различных субъектов данное нововведение имело различные значения. По оценки специалистов наибольшее количество тревог возникло у бизнеса и ИП. «ЕНП оптимизирует издержки и бизнеса, и государства, потому как, к примеру, при оплате налогов через почтовое отделение связи взимается плата за оформление платежных документов. Это освободит плательщиков от дополнительных трат, а также снизит финансовые издержки ФНС в процессе исполнения своих функций» [1, с. 152]

Учитывая то, что по вопросу функционирования ЕНС существует огромное количество вопросов можно предположить, что переходный период еще не закончился, поскольку технические сбои, законодательные противоречия не дают возможности увидеть положительный социальный эффект в полном объеме.

ЛИТЕРАТУРА

1. Есенжурова Е. С. Плюсы и минусы единого налогового платежа для организаций и ИП // Западный филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

2. О рассмотрении жалоб по вопросам, связанным с ЕНС ФНС разработала письмо 14.02.2023 N БВ-4-9/1702@ https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_440109/

УДК 342

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЦИФРОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Бакаева Жанна Юрьевна, доктор философских наук, профессор

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет им. И. Н. Ульянова»

Синдянкин Николай Николаевич, кандидат юридических наук, доцент

Балаковский филиал ФГБОУ ВО «Саратовская Государственная Юридическая Академия»

E-mail: zannabaka@mail.ru; sind-078@mail.ru

LEGAL PROBLEMS OF DIGITAL REALITY

Bakayeva Zhanna Yurievna, Doctor of Philosophy, Professor

I. N. Ulyanov Chuvash State University,

Sindyankin Nikolay Nikolaevich, PhD (Jurisprudence), Associate Professor

Balakovo Branch of Saratov State Law Academy

В статье рассматривается правовая проблема в контексте цифровой реальности. Ойлайн-публикации, кибербуллинг, конфиденциальность информации, плагиат – это неотъемлемая сторона правовых процессов цифровой реальности. Решение

вопросов права в контексте цифровой реальности обусловлено условиями и критериями соблюдения нормативно-правовых и этических аспектов в их взаимосвязи.

Ключевые слова: нормативно-правовые аспекты, конфиденциальная информация, кибербуллинг, плагиат, цифровая реальность права и свободы, сообщение, цифровые рейды.

The article examines the legal problem in the context of digital reality. Online publications, cyberbullying, confidentiality of information, plagiarism are an integral part of the legal processes of digital reality. The solution of legal issues in the context of digital reality is determined by the conditions and criteria for compliance with regulatory and ethical aspects in their interrelation.

Keywords: regulatory and legal aspects, confidential information, cyberbullying, plagiarism, digital reality of rights and freedoms, communication, digital raids.

Декларации прав человека и гражданина, которая составляет одну из существенных основ демократического общества, одно из главных условий его прогресса и развития каждой личности. На первый взгляд, внедрение цифровых технологий в последние годы прежде всего укрепило многие основные права и свободы и изменило условия их реализации [1, с. 141]. Мы наблюдаем неоднозначное влияние цифровых технологий на реализацию основных прав, что ставит под сомнение актуальность существующих правовых рамок. Короче говоря, нет ничего нового в утверждении о неоднозначности вклада цифровых технологий в наше общество: с одной стороны, они способствуют и укрепляют реализацию существующих свобод, с другой – создают новые риски для этих же свобод. Таким образом, общий правовой режим свободы выражения мнения был с соответствующими изменениями перенесен на выражение мнения с помощью цифровых средств, чтобы учесть проблемы, возникающие в связи с использованием Интернета. Европейский суд по правам человека, в частности, весьма активно признал роль Интернета в осуществлении свободы выражения мнения. Во Франции Конституционный совет также установил цифровой инструмент в качестве важнейшего вектора защиты свободы выражения мнений (Конституционный суд 2009 г., закон, способствующий распространению и защите творчества в Интернете), напомнив, что отсутствие априорного контроля за контентом, публикуемым в Интернете, таким образом, благоприятствует либеральному и защитному режиму [2, с. 66–67].

Информационно-коммуникационные технологии повышают риск распространения противоправного контента, например, подстрекающего к расовой ненависти, дискриминации, насилию или преступлениям. Осуществление свободы выражения мнений в Интернете также может затрагивать определенные категории уязвимых людей [3, с. 286]. Рост киберпреступности – еще один риск, связанный с развитием цифровых технологий. Желание законодателя пресечь привычное посещение террористических сайтов проистекает в этом отношении из желания распространить борьбу с терроризмом на Интернет, роль которого в радикализации людей часто подчеркивается. Кроме того, развитие цифровых технологий создает новые риски для безопасности, поскольку создаваемые базы данных подвержены взлому и повреждению в результате внешних атак. Мы не должны верить, что система образования невосприимчива к подобным эксцессам. Напомним лишь, что там действуют те же правила, а именно те же права и обязанности пользователей [4, с. 67]. Право на уважение частной и семейной жизни. Возможности онлайн-публикаций могут иметь потенциально пагубное воздействие на репутацию отдельных лиц. Таким образом, обработка и распространение персональных данных, ставшие движущей силой цифровой экономики, представляют значительный риск для конфиденциальности людей.

Цифровые технологии повышают условия соблюдения этических обязательств для государственных служащих:

1. Государственный служащий исполняет свои обязанности с достоинством, беспристрастностью, честностью и порядочностью;
2. При исполнении своих функций он связан обязательством нейтралитета. Государственный служащий исполняет свои функции в соответствии с принципом светскости. В связи с этим он воздерживается, в частности, от выражения при исполнении своих функций своих религиозных взглядов;
3. Государственный служащий относится ко всем людям одинаково, уважает их свободу совести и достоинство;
4. Обязанность сохранения также добавлена к обязательствам, вытекающим из прецедентного права, как и:
5. Долг верности и преданности;
6. Долг чести и морали.

Эти общие правила применимы и к цифровым технологиям. Действительно, Интернет-госслужащий не освобожден от своих этических обязанностей [5, с. 34–35].

Развитие Интернета и легкость, с которой он позволяет выражать свое мнение, увеличивают риски

обхода или нарушения, иногда непреднамеренного, этических обязательств. Ограничения этого упражнения не позволяют нам развить, но давайте просто укажем, что обязательства иерархического подчинения, сдержанности, профессиональной осмотрительности, достоинства и образцовости регулярно подвергаются испытанию при использовании электронных коммуникационных сетей: комментарии в блогах или на форумах, критика правительства, раскрытие конфиденциальной информации, отрицательные или ревизионистские комментарии, раскрытие фотографий или видео эротического, унижительного или оскорбительного характера, оскорбительные комментарии, распространяемые в социальных сетях, использование профессиональных сообщений в личных целях и т. д.

Плагиа́т определяется как присвоение интеллектуального авторства всей или части работы другого лица путем сокрытия имени ее истинного автора. Плагиа́т упоминается в статьях Р. 335-9 Кодекса об образовании. От копирования и вставки до возобновления идей – действия, безусловно, разнообразны, но их общей чертой является отсутствие упоминания имени автора. В сфере высшего образования плагиатом занимаются как студенты, так и преподаватели. Распространенными причинами являются экономия времени, экономия мыслей и возможности, предлагаемые цифровыми технологиями. Фальсификатор может быть привлечен к гражданско-правовой ответственности и оштрафован на возмещение ущерба, расчет которого осуществляется в соответствии с законодательством об интеллектуальной собственности. Кроме того, дисциплинарные взыскания применяются как к студентам, так и к преподавателям-исследователям [6, с. 141].

Важнейшей проблематикой является установление взаимосвязи между истинным, полученным знанием и метафизическими обязательствами его изучения в контексте реальности. Доказательства аспектов соответствия, согласованности знания реальности обусловлены вопросом о единстве теории истины. Современная теория истинности знания – это эволюционная истина, которая включает в себя реалистические метафизические компромиссы. Метод закрепления убеждений, подчеркивает, что простого биологического импульса недостаточно для утверждения истинности убеждения в получении знания. Метод фиксации научного опыта, который действует в соответствии с критерием биологической адекватности. Эволюционная метафизика основана на тесной взаимосвязи между истинным знанием и его применимостью к реальности.

По сути, истинность в получении современного знания объединяет теорию конвергенции и соответствия. Со стороны конвергенции – истинное знание – это результат эволюции естественных эпистемологических процессов существования субъекта и инструментов, доступных для научных исследований, которые в своем развитии адаптированы для познания мира. Под истинным знанием понимается убеждение, которое соответствует реальной семантике [7, с. 38]. Конвергенция и соответствия как элементы истинности основаны на истинном знании. Истинность знания обусловлена предположениями об адекватности объекта в разуме субъекта. Теория отражает прагматическую позицию, оставляя рассмотрение истинности соответствия, знаний на втором плане и конвергенция знания сама по себе предполагает эпистемологические ограничения. Конвергенция дает возможность интегрировать противоположные идеи в единое целое. Самые противоположные убеждения исследования приводят к определенному выводу. Эта мыслительная деятельность, посредством которой осуществляется определенная цель [8, с. 41]. Следовательно, адекватная ситуация для эпистемологического субъекта конвергенцией его деятельности. Теория истинности конвергенции объясняет метафизическое приближение к реальности и такое приближение, которое точно совместимо с конкретными эпистемологическими условиями субъекта и с инструментами, доступными для научного исследования в данный момент. Теория истинности конвергенции – это способ объяснения реальности. Теория истинности знания и его конвергенции включает не только эпистемологические, но и метафизические соображения, указывающие на взаимосвязь между истиной, реальностью и эволюцией. Истинные убеждения – это убеждения, коррелирующие с чем-то реальным, в то время как ложные убеждения – это убеждения, основанные на простых вымыслах. Теория эволюционной истины тесно связывает истину и реальность. Истина состоит из реального факта, который соответствует истинному утверждению, что понимается под реальностью в вопросе, который рассматривается с точки зрения прагматизма. Среди случаев, когда есть что-то реальное, но, тем не менее, нет истины, есть первичные и вторичные качества, а также утерянные или скрытые факты. Что касается первого, то утверждается, что ожидаем, что первичные качества будут проявлены в законах с широким спектром объяснительного применения и способностью объединить большую часть наших знаний [9, с. 14].

Следовательно, плагиат в онлайн режиме как правовая проблема – это не только метафизическая проблема, т. е. существования субъекта в данной реальности, но и существование самой реальности как таковой. Соответствие знаниям, получаемым субъектом при соответствии их с реальными знаниями, которые не всегда отражаются в базах данных.

Итак, сообщение становится отчетом, когда оно содержит разоблачение, раскрытие или выявление факта совершения преступления или правонарушения, например, жестокого обращения с детьми. Основными законодательными положениями, применимыми в этом вопросе, являются положения пункта 2 статьи 40 Уголовно-процессуального кодекса, которые требуют, чтобы любой законный орган власти, любое государственное должностное лицо или государственный служащий, который при исполнении своих обязанностей узнает о преступлении или правонарушении, обязан безотлагательно уведомить об этом государственного прокурора и передать этому мировому судье всю информацию, отчеты и акты. Кибербуллинг является отягчающим обстоятельством морального преследования, когда действия совершаются с использованием службы общественной коммуникации в Интернете либо с помощью цифровых или электронных средств. Виновным в подобных деяниях грозят суровые сроки тюремного заключения и штрафы. Цифровые рейды, называемые стайным преследованием, наказываются таким же образом. Эти вопросы в первую очередь являются вопросами уголовного права и выходят за рамки нашей компетенции. Однако можно утверждать, что виновные в онлайн-преследовании, если они известны и связаны с государственной образовательной службой, могут быть подвергнуты дисциплинарным санкциям, как и сотрудники, которым стало известно о таких действиях, но которые не выполнили свои обязательства по сообщению о них.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Имяреков С. М.* История управленческой мысли / С. М. Имяреков; Саран. кооп. ин-т (фил) РУК. Саранск : Руз. печатник, 2017. 200 с.
2. *Болотова Л. С.* Системы искусственного интеллекта: модели и технологии, основанные на знаниях : учебник. Москва, 2012. 663 с.
3. *Имяреков С. М.* Стратегия Владимира Путина: модернизация Российского государства и экономики / С. М. Имяреков. Москва : Академический проект, 2017. – 500 с.
4. *Имяреков С. М.* Мордовия: модернизация 2000-х гг. / С. М. Имяреков; СКИ РУК; Лит. фонд России. Саранск : Красс. Окт., 2014. – 256 с.
5. *Алексеев С. С.* Общая теория права: Курс в 2-х т. Т. 2. Москва : Юрид. литература, 1982. 360 с.
6. Актуальные проблемы информационного права / Под ред. И. Л. Бачило, М. А. Лапиной. Москва : Кнорус, 2019. 594 с.
7. *Имяреков С. М.* Развитие жилищного строительства как драйвер экономического развития России / С. М. Имяреков, И. В. Волгина, И. В. Романова // Вестник Российского университета кооперации. 2018. № 2 (32). С. 36–40.
8. *Имяреков С. М.* Проблемы социально-экономической политики и качества жизни населения региона и направления их устранения / С. М. Имяреков, Ж. Ю. Бакаева // Вестник Российского университета кооперации. 2020. № 1 (39). С. 37–42.
9. *Левчаев П. А.* Финансы и налогообложение организаций : учебное пособие / П. А. Левчаев, С. М. Имяреков, Н. Н. Семенова. Москва : Академический проект, 2007. 205 с.

УДК 342.56

РОЛЬ СУДЕБНОЙ ВЕТВИ ВЛАСТИ В ЗАЩИТЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Болмасова Татьяна Сергеевна, магистрант

Уланов Данил Дмитриевич, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st808889@ruc.su; st809173@ruc.su

THE ROLE OF THE JUDICIAL BRANCH IN PROTECTING HUMAN RIGHTS

Bolmasova Tatyana Sergeevna, Master's Degree student

Ulanov Danil Dmitrievich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье рассматривается значительная роль судебной власти в защите прав человека, которая является важнейшей составляющей демократического общества. Особое внимание уделяется судебной практике, с примерами значимых дел, где судебные решения сыграли ключевую роль в защите прав человека. Обсуждаются функции судебной власти, такие как рассмотрение дел о нарушениях прав человека и доступ к правосудию, а также проблемы и вызовы, стоящие перед судебной системой, включая вопросы независимости судов и коррупции.

Ключевые слова: судебная власть, права человека, защита прав, судебная практика, доступ к правосудию, независимость судов, международное право.

The article examines the significant role of the judiciary in the protection of human rights, which is an essential component of a democratic society. Special attention is paid to judicial practice, with examples of significant cases where court decisions have played a key role in protecting human rights. The functions of the judiciary, such as handling cases of human rights violations and access to justice, as well as issues and challenges facing the judicial system, including issues of judicial independence and corruption, are discussed.

Keywords: judicial power, human rights, protection of rights, judicial practice, access to justice, independence of courts, international law.

Законодательная база, обеспечивающая защиту прав человека, играет ключевую роль в функционировании правовой системы любого государства. На международном уровне основными правозащитными документами являются Всеобщая декларация прав человека и Европейская конвенция по правам человека. Всеобщая декларация, принятая в 1948 году Генеральной Ассамблеей ООН, стала значимым шагом к установлению универсальных стандартов в области прав человека. Она закрепляет основные права и свободы, включая право на жизнь, свободу, безопасность и равенство перед законом. Европейская конвенция, подписанная в 1950 году, обеспечила механизм защиты прав человека на уровне государств Европы, что способствовало развитию институтов и процедур по защите этих прав.

На национальном уровне законодательство России также направлено на защиту прав человека, что находит отражение в Конституции РФ. Во второй главе Конституции РФ закреплены основные права и свободы человека и гражданина – это право на жизнь, достоинство, свободу и личную неприкосновенность, неприкосновенность частной жизни, право на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства, свободу совести и многие другие. Эти нормы гарантируют защиту граждан не только от действий государства, но и от произвола со стороны иных лиц.

Многочисленные законодательные и подзаконные акты, действующие в нашей стране также направлены на защиту и гарантирование прав и свобод личности. Защита прав, свобод и законных и интересов личности является функциональной обязанностью органов публичной власти, среди которых особое место занимает Уполномоченный по правам человека в РФ. Должность Уполномоченного по правам человека была учреждена в РФ в 1993 г., а к исполнению своих обязанностей первый Уполномоченный в истории России приступил в январе 1994 г. Уполномоченный призван обеспечивать гарантии государственной защиты прав и свобод граждан, их соблюдения и уважения государственными органами, органами местного самоуправления и должностными лицами. Уполномоченный выполняет существенную роль в вопросах защиты прав и свобод граждан, осуществляет мониторинг действующего законодательства в этой области, рассматривает жалобы граждан на действия и бездействия органов публичной власти и их должностных лиц, взаимодействует с ними, что, в свою очередь, обеспечивает прозрачность и повышает ответственность субъектов вовлеченных в отношения по защите прав и свобод личности [1].

Судебные органы власти выполняют исключительно важные функции по защите прав и свобод личности, призванные обеспечивать справедливость в обществе и соблюдение норм действующего законодательства. Суды рассматривают дела о нарушениях прав и свобод личности, как со стороны органов публичной власти и их должностных лиц, так и иных субъектов правоотношений. Все граждане имеют равный доступ к правосудию, лично или через своих представителей, в целях защиты или восстановления своих нарушенных прав. Разбирательства в судах в таких случаях являются не только целью восстановления справедливости, но и предупреждения нарушений прав граждан в будущем.

Помимо этого, суд призван обеспечивать юридическую помощь и равный для всех доступ к правосудию, независимо от материального положения, происхождения и иных дискриминирующих личностей обстоятельств. Квалифицированная юридическая помощь, оказываемая судом призвана утвердить в обществе не только идеалы равенства всех перед законом и судом, но и выражать принцип справедливости.

Также следует понимать, что суды в своей деятельности исключительно руководствуются принципом верховенства закона, означающий, что суд выносит решения только на основании и исполнение норм закона и никто и ничто не должно быть выше закона, следовательно, сами решения судов олицетворяют собой закон в действии, его воплощение в реальной жизни общества, в том числе в вопросах защиты прав личности.

Реальность решений судов, основанных на законе, а не произволе, демонстрирует гражданам механизм претворения формальных юридических норм в фактические юридические нормы и связанные с ними общественные отношения по защите их прав и законных интересов. В суде каждый может лично удостовериться в том, как закон применяется к нему и какие юридические последствия это за собой влечет, независимо от его социального положения и вида деятельности. Суды осуществляют не только защиту прав личности от неправомерного действия органов публичной власти, их должностных лиц и иных субъектов, но призваны обеспечивать стабильность всей правовой системы в стране [2].

Остановимся на отдельных рассмотренных национальными и международными судами делах по защите прав личности, которые оказали существенное влияние на дальнейшее формирование института прав личности в России.

В 2016 году Европейский Суд по правам человека рассмотрел дело «Багдонавичюс и другие против России». Судом было установлено, что решение национальных судов о сносе домов и выселении

членов шести цыганских семей нарушает статью 8 Конвенции о защите прав человека, которая гарантирует право на уважение частной и семейной жизни. В этом деле было подчеркнуто, что до принятия таких радикальных решений органы власти не провели должных консультаций с заявителями. Это обстоятельство стало критическим, так как требование о необходимости учитывать особенности и потребности семей, особенно в контексте уязвимых групп населения, должно находиться в центре правоприменительной практики. Решение Суда не только подтвердило значимость соблюдения прав уязвимых групп, но и поставило под сомнение легитимность действий органов власти, которые не учитывают индивидуальные обстоятельства каждого случая [3].

Другим примером является дело «Икрамов против Российской Федерации», в котором Европейский суд признал нарушение пункта 5 статьи 5 Конвенции. В данном случае речь шла о том, что заявитель не имел возможности получить компенсацию за нарушение его прав в связи с чрезмерной длительностью предварительного задержания. Суд отметил, что неэффективная судебная система, недостаточное внимание к правам обвиняемых и отсутствие адекватных механизмов для возмещения ущерба за нарушение прав формируют неблагоприятные условия для соблюдения прав человека. Это решение продемонстрировало, насколько важна практика судебных разбирательств для эффективной защиты прав граждан, а также необходимость совершенствования механизмов правосудия.

Другой интересный случай касается журналиста, который пересек границу из Абхазии в Россию, и стал жертвой чрезмерных проверок со стороны таможенных органов. В ходе досмотра у него были скопированы 16 300 файлов с ноутбука, включая личные данные и переписки. Хотя в российских судах журналист не смог оспорить действия таможенников, Европейский суд по правам человека признал, что Россия нарушила его право на частную жизнь, защищенное статьей 8 Конвенции. Это дело иллюстрирует важность цифровой безопасности и защиты личных данных, особенно в условиях современного общества, где технологии играют все более значимую роль в жизни каждого гражданина. Решение страсбургского суда не только подтвердило право на неприкосновенность частной жизни, но и наглядно показало, как действия государства могут угрожать этому праву [4].

Перспективы улучшения судебной системы для гарантии прав человека предполагают внедрение комплексных реформ, направленных на повышение независимости судов и профессионализма судей. Важно установить четкие механизмы контроля за действиями судебной власти и обеспечить прозрачность судебных процессов. Необходимы инициативы, способствующие улучшению доступа к правосудию для всех слоев населения, включая создание юридических консультаций и центров помощи тем, кто не может позволить себе адвоката.

Роль образовательных программ и повышения правовой грамотности в обществе не может быть переоценена. Обучение правам человека с раннего возраста, а также специальные курсы для взрослых могут существенно повысить осведомленность граждан о своих правах и способах их защиты. Такие программы могут сыграть ключевую роль в формировании ответственного общества, готового отстаивать свои интересы в правовом поле и требовать соблюдения прав человека от государственных структур.

Значение международного сотрудничества в области защиты прав человека также имеет первостепенное значение. Взаимодействие стран, многосторонних организаций и неправительственных организаций способствует обмену лучшими практиками и опытом, позволяя выработать более эффективные стратегии в борьбе с нарушениями прав человека. Совместные усилия на международной арене могут создать мощный импульс для изменений на национальных уровнях, поднимая стандарты защиты прав человека [5].

В заключение, можно подчеркнуть, что для достижения реальных изменений в сфере защиты прав человека необходимо осуществить многогранные реформы в судебной системе, повысить уровень правовой грамотности и обеспечить активное международное сотрудничество.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баренбойм П. Д. 3000 лет доктрины разделения властей. Суд Сьютера. Москва : РОССПЭН, 2023. 288 с.
2. Еришов В. В. Статус суда в правовом государстве. Москва : Изд-во РПА МЮ РФ, 2022. 206 с.
3. Кашепов В. П. Судебная защита прав и свобод граждан. Москва : Норма, 2022. 255 с.
4. Конституция Российской Федерации [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года.] // Официальный Интернет портал правовой информации. <http://www.pravo.gov.ru>.
5. Павловский В. Конституционно-правовые основы судебной власти // Право и жизнь. 2019. № 51(8). С. 128–149.

**INSTITUTE OF THE COMMISSIONER FOR HUMAN RIGHTS IN RUSSIA: STAGES
OF FORMATION AND MODERN CHALLENGES**

Boyarkina Anastasia Sergeevna, master student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

Как автономный институт, не входящий в систему традиционных ветвей власти, институт Уполномоченного по правам человека обеспечивает беспристрастную защиту интересов граждан, гарантируя соблюдение взаимосвязанных положений Конституции РФ. В отличие от иных государственных структур, для которых защита прав является одной из множества задач, данная функция составляет основу миссии Уполномоченного. Это определяет его исключительную роль в правовой системе России, формируя особый конституционно-правовой статус, который подчеркивает независимость, ориентированность на диалог с обществом и приоритет восстановления нарушенных гарантий.

Ключевые слова: права человека, взаимодействие, право, Уполномоченный по правам человека, правозащитная деятельность, институт защита прав человека.

As an autonomous institution that is not part of the system of traditional branches of government, the institution of the Commissioner for Human Rights ensures impartial protection of the interests of citizens, guaranteeing compliance with the interrelated provisions of the Constitution of the Russian Federation. Unlike other state structures, for which the protection of rights is one of the many tasks, this function forms the basis of the mission of the Commissioner. This determines its exceptional role in the legal system of Russia, forming a special constitutional and legal status that emphasizes independence, focus on dialogue with society and the priority of restoring violated guarantees.

Keywords: human rights, interaction, law, Commissioner for Human Rights, human rights activities, institution of human rights protection.

В условиях современного общества, где соблюдение прав личности стало глобальным приоритетом, институт омбудсмана получил широкое распространение в международной практике. Этот правозащитный механизм, трансформируясь под специфику национальных законодательств и культурных особенностей, выполняет функцию важнейшего гаранта гражданских свобод. Его деятельность направлена на обеспечение баланса между государственными интересами и индивидуальными правами через реализацию принципа верховенства права, контроль за соблюдением правовых норм и оперативное реагирование на вызовы конкретного социума.

Задача учреждения, отвечающего за защиту прав человека, выходит за рамки формального соблюдения законодательных норм. Его миссия включает не только охрану гражданских свобод и восстановление нарушенных прав, но и создание устойчивой системы превентивных мер. Например, внедрение образовательных программ по правовой грамотности позволяет минимизировать риски дискриминации до её возникновения, формируя культуру уважения к человеческому достоинству.

Важным аспектом становится адаптация деятельности к цифровой реальности: защита персональных данных, противодействие кибербуллингу и регулирование алгоритмов ИИ, способных воспроизводить системные предубеждения. Эти вызовы требуют от организации гибкости в интерпретации традиционных правовых концепций – например, расширения трактовки права на приватность в условиях массовой цифровой слежки.

Институт также выполняет роль катализатора диалога между гражданским обществом и властью. Через публичные отчёты и экспертные заключения он трансформирует единичные случаи нарушений в системные решения, как это произошло с реформами пенитенциарных систем в Скандинавии после серии расследований условий содержания заключённых.

Особую значимость приобретает международное измерение работы: от координации с ЕСПЧ до разработки кросс-культурных стандартов, учитывающих этнические и религиозные особенности. Так, в странах Балтии успешная интеграция механизмов защиты прав меньшинств стала возможной благодаря синтезу локального опыта и международных конвенций.

Эффективность такого учреждения измеряется не количеством выигранных судебных дел, а способностью создавать прецеденты для трансформации правовой культуры. Как показывает практика Омбудсмана в Канаде, даже рекомендательные функции при экспертной поддержке и медийном освещении могут приводить к пересмотру устаревших административных процедур на уровне правительства.

Создание института Уполномоченного по правам человека направлено на более тесное сотрудничество общества с государством в разрешении возникающих конфликтов, тем самым выравнивая баланс между ними в области защиты прав и свобод граждан, причем уполномоченный не претендует на замену традиционных органов и механизмов контроля и надзора, действующих на территории Российской Федерации [1].

Одна из ключевых функций представителя по правам человека заключается в просветительской деятельности, поскольку незнание своих прав часто приводит к их нарушениям среди граждан. В рамках действующего законодательства РФ, данный представитель обладает возможностью самостоятельно или через уполномоченного делегата обращаться в судебные инстанции за защитой нарушенных прав, включая инициирование административных или уголовных процессов. Кроме того, представитель вправе требовать проверки и пересмотра законных решений через обращение в прокуратуру, вносить протесты и участвовать в процессах на судебных заседаниях.

Институт Уполномоченного в России образовался не беспочвенно – ему предшествовал опыт зарубежных стран, учредивших у себя этот институт раньше Российской Федерации. В этой связи рассмотрение генезиса института омбудсмана в России целесообразнее начать с вопроса его возникновения как явления в мире, так как зарождение института омбудсмана в нашем государстве является следствием общемирового тренда по учреждению институционализированного правозащитного механизма.

Помимо демократического характера государства, как условия появления омбудсмана, для генезиса этого института в России имеет значение какая именно модель института омбудсмана была наиболее подходящей для российского общества.

Важнейшей задачей уполномоченного по правам человека является правовое просвещение населения, так как отсутствие знаний о своих правах нередко становится причиной их систематических нарушений. Согласно российскому законодательству, данный институт наделён полномочиями лично или через доверенных лиц обращаться в суды для восстановления справедливости, включая право возбуждать административные и уголовные дела. Дополнительно омбудсмен может инициировать прокурорские проверки, оспаривать нормативные акты, вносить протесты и выступать в судебных инстанциях в качестве третьего лица.

Становление института Уполномоченного в России носит заимствованный характер, что обусловлено влиянием международного опыта. По этой причине анализ его формирования логично предварить изучением глобальных предпосылок: российская модель правозащиты сложилась как часть мирового процесса институционализации механизмов защиты гражданских свобод.

Ключевыми факторами для внедрения омбудсмана в России стали не только переход к демократической системе управления, но и необходимость адаптации зарубежных моделей к национальным реалиям. Особое значение имел поиск оптимального формата института, соответствующего правовым традициям и социокультурным особенностям российского общества.

При систематизации института омбудсмана по правовому статусу и функциональным особенностям выделяют три основные модели: классическую, континентально-европейскую и англо-американскую, каждая из которых обладает уникальным сочетанием характеристик. Наиболее эталонной считается классическая модель, исторически сложившаяся в скандинавских странах (Швеция, Финляндия, Дания, Норвегия) и Эстонии. Континентально-европейский вариант отличается ограниченными полномочиями омбудсмана, узкой специализацией контроля и возможным наличием местных уполномоченных на муниципальном уровне. Для англо-американской системы характерны тесная связь с парламентом, расширенные властные prerogatives омбудсмана и универсальный характер его деятельности.

В советский период идея создания омбудсмана находилась под идеологическим запретом. Перелом наметился в конце 1980-х годов на фоне нарастания системного кризиса: Верховный Совет СССР впервые рассмотрел инициативы о введении парламентского уполномоченного. Эти идеи получили формальное закрепление в Декларации прав и свобод человека и гражданина, где предусматривалось создание пятилетнего мандата парламентского омбудсмана, избираемого Верховным Советом РСФСР. Как справедливо отмечал М. А. Кудрявцев, данная конструкция предполагала реализацию именно парламентской модели. Однако конкретизация компетенции уполномоченного осталась нерешённой – разработка профильного закона была заблокирована конституционным кризисом 1992–1993 гг. Углубление конфликта между ветвями власти окончательно отодвинуло институционализацию омбудсмана на неопределённый срок.

Принятая в 1993 году Конституция РФ проигнорировала этот институт, ограничившись созданием президентской Комиссии по правам человека. Правовой вакуум был частично заполнен лишь в 1994

году, когда председатель комиссии получил статус Уполномоченного по правам человека, что стало компромиссным решением в условиях отсутствия законодательной базы.

Принятие федерального закона об институте Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации стало результатом многолетних дискуссий. Первоначальный проект, внесенный на рассмотрение Государственной Думы в начале 1990-х годов, претерпел значительные изменения. Закон, окончательно утвержденный лишь в 1996 году, был существенно ужесточен в части процедуры назначения: кандидатура омбудсмена требовала не простого, а квалифицированного большинства голосов депутатов (не менее 300 из 450), что создавало высокий барьер для консенсуса между политическими силами. Кроме того, первоначальная редакция ограничивала самостоятельность института, запрещая создание региональных представительств и блокируя инициативу субъектов федерации по учреждению собственных правозащитных структур. Именно эти положения стали камнем преткновения, приведшим к отклонению документа Советом Федерации. Потребовались продолжительные межпарламентские согласования, и только в 1997 году, уже во втором созыве Госдумы, скорректированный вариант закона – с правом субъектов формировать региональные институты омбудсмена при координации с федеральным Уполномоченным – получил одобрение верхней палаты и был подписан президентом Б. Н. Ельциным.

Этот правовой акт заложил основу для системной работы института. После трехлетнего перерыва, вызванного сложностями законодательного процесса, в 1998 году Госдума избрала нового омбудсмена – О. О. Миронова, чья деятельность ознаменовала начало этапа институционализации правозащиты. Преемственность позиции подчеркивалась преемственностью кадров: В. П. Лукин (2004–2014), единственный, кто занимал пост два срока, акцентировал международное измерение прав человека; Э. А. Памфилова (2014–2016) усилила фокус на социальной защите, а действующая Уполномоченная Т. Н. Москалькова развивает цифровизацию обращений граждан.

Однако эффективность работы института остается зависимой от системных вызовов. Помимо пробелов в законодательстве, ключевой проблемой является «правовая апатия населения». По данным опросов ВЦИОМ, лишь 15 % россиян готовы отстаивать свои права в суде, а 67 % считают обращение к омбудсмену «бесполезной бюрократической процедурой» [2]. Усугубляет ситуацию «правовой нигилизм», укорененный как в исторической памяти общества, так и в несовершенстве правоприменительной практики. Например, случаи формального исполнения решений Уполномоченного региональными органами власти, когда нарушения прав устраняются лишь «на бумаге», подрывают доверие к институту.

Для преодоления этих барьеров необходима «системная синергия»: образовательные реформы – интеграция правовых модулей в школьные программы, просветительские кампании в соцсетях; расширение полномочий региональных омбудсменов, включая право законодательной инициативы; публичная отчетность – ежегодные доклады с кейс-стади успешных практик, транслируемые в СМИ; межсекторное взаимодействие с НКО, например, создание платформы для совместного мониторинга жалоб.

Как показывает опыт стран Балтии, где институт омбудсмена дополнен сетью общественных приемных, подобные меры способны сократить дистанцию между государством и гражданином, трансформируя правовую культуру из пассивной в активную. В российской практике это требует не только политической воли, но и переосмысления роли гражданского общества как соавтора правозащитного диалога.

В заключение следует подчеркнуть, что институт Уполномоченного по правам человека, являясь ключевым элементом современного демократического общества и правового государства, выполняет значимую функцию в обеспечении гарантий прав и свобод граждан. Этот орган выступает связующим звеном между населением и структурами государственной власти, содействуя диалогу в рамках защиты законных интересов личности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ермаков А. В.* Органы прокуратуры как субъект взаимодействия с институтом Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации в вопросах защиты права и свобод человека и гражданина / А. В. Ермаков // Современные тенденции развития науки и образования в эпоху цифровизации : материалы Международной научно-практической конференции. В 2-х частях, Саранск, 26–27 апреля 2022 года / Редколлегия: Р. Р. Хайров (отв. ред.) [и др.]. Том Часть 2. Саранск : Ковылкинская типография, 2022. С. 239–244.
2. *Котляров С. Б.* Понятие, признаки и структура гражданского общества: проблемы современного развития / С. Б. Котляров, Е. С. Келейникова // Вестник Академии права и управления. 2024. № 1(76). С. 32–36.

LEGAL ASPECTS OF THE USE OF DIGITAL EVIDENCE IN THE DIGITAL TRANSFORMATION OF LEGAL PROCEEDINGS

Breykina Elena Alekseevna, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

Сегодня электронные доказательства становятся ключевым инструментом в судебной практике, однако их правовое регулирование в России остается фрагментарным. Основная проблема — отсутствие законодательно закреплённого определения, которое бы учитывало специфику цифровых данных и их процессуальные особенности. Рассмотрим ключевые аспекты этой проблемы.

Ключевые слова: электронное правосудие, цифровые технологии, электронные доказательства, правовое регулирование.

Today, electronic evidence is becoming a key tool in judicial practice, but its legal regulation in Russia remains fragmented. The main problem is the lack of a legislatively enshrined definition that would take into account the specifics of digital data and their procedural features. Let's take a look at the key aspects of this problem.

Keywords: electronic justice, digital technologies, electronic evidence, legal regulation.

Согласно статье 2 Федерального закона № 149-ФЗ от 27.07.2006 «Об информации, информационных технологиях и защите информации», электронные документы определяются как зафиксированная в цифровом формате информация, структурированная для восприятия через компьютерные системы, передачи по сетям или обработки автоматизированными средствами. Данная формулировка согласуется с нормами ГПК РФ, однако не учитывает весь спектр цифровых материалов, используемых в качестве доказательств. Например, SMS-сообщения, скриншоты, программные коды и другие подобные объекты остаются за рамками законодательного определения. В этой связи актуальным становится вопрос о введении в правовое поле термина «электронное доказательство», который устранил существующие пробелы и четко регламентирует статус таких материалов в судопроизводстве.

Ключевые аспекты электронных доказательств:

1. Юридическая фиксация. Легитимность электронных доказательств зависит от корректной процедуры их регистрации и документирования. Файл, выступая носителем информации, сочетает материальные атрибуты (наличие данных) и нематериальные свойства (возможность копирования без потери качества). Это позволяет передавать доказательства через цифровые каналы, сохраняя их юридическую значимость.

2. Идентичность копий. В отличие от бумажных документов, где копия уступает оригиналу, электронные файлы при дублировании сохраняют полное соответствие исходнику. Различие между «оригиналом» и «копией» в цифровой среде теряет смысл, так как все экземпляры обладают равной доказательной силой.

3. Процессуальные требования. Для использования электронных материалов в суде необходимо соблюдение строгого порядка их получения и представления. Информация может храниться на любых носителях (магнитных, оптических и др.), но её допустимость в процессе зависит от соответствия процедурам, исключающим фальсификацию или нарушение законодательства.

Законодательное закрепление понятия «электронное доказательство» позволит унифицировать подход к цифровым материалам, учитывая их специфику. Это снизит риски противоречий в судебной практике и обеспечит защиту прав участников процесса в условиях цифровизации общества.

При анализе содержательной составляющей данных, хранящихся на электронных носителях, можно констатировать отсутствие принципиальных различий в их информационной сути по сравнению с другими категориями документов. Ключевое отличие между электронными и традиционными документами заключается не в семантике информации, а в формальных критериях её фиксации. Специфика электронных документов проявляется в жёсткой регламентации формата представления данных, что подразумевает обязательную запись информации на материальном носителе с соблюдением технических стандартов. Таким образом, разграничение проводится не на уровне содержания, а на основании требований к структуре, способу кодирования и физическому носителю, обеспечивающему долговременную сохранность и воспроизводимость данных [1]. Если отступить от указанных тре-

бований: доказательство не будет принято в производство и соответственно приобщено к делу.

Противоречивость судебных решений актуализирует необходимость включения в договор специального положения. Его суть должна заключаться в признании сторонами юридической значимости электронной переписки и передаваемых в ее рамках документов при условии использования почтовых адресов, указанных в реквизитах договора. Указанные документы и электронная корреспонденция получают юридическую силу доказательств, соответствующих требованиям действующего процессуального права. Если исходная формулировка контракта не содержит соответствующих положений, сторонам рекомендуется оформить дополнительное соглашение для устранения правовых пробелов.

Данная мера не только упрощает формирование доказательственной базы для сторон спора, но и минимизирует риски оспаривания таких материалов в суде. Активное использование цифровых доказательств в судопроизводстве обусловлено технологизацией общества, однако отсутствие законодательно закреплённых критериев их достоверности порождает дискуссии об их допустимости. Для решения этой проблемы возможно применение двух подходов.

Способы верификации электронных материалов:

1. Экспертное исследование – привлечение специалиста для анализа цифровых документов в ходе судебного разбирательства.

2. Предварительная экспертиза – направление материалов специалисту до суда для детального изучения.

Несмотря на существующие сложности технического характера при внедрении, указанные подходы направлены на предотвращение предоставления ложной или сомнительной информации. В рамках гражданского судопроизводства к числу цифровых доказательств причисляют следующие категории: официальные онлайн-источники – информационные материалы, размещённые на государственных веб-порталах; корпоративные данные – сведения, извлечённые из внутренних информационных систем организаций; электронные коммуникации – переписка через мессенджеры, социальные медиа и почтовые сервисы; государственные реестры – информация из автоматизированных систем (например, ГАС «Правосудие», обеспечивающая документооборот судов, или ГАС «Выборы», используемая для организации избирательных процессов). Каждая из этих категорий требует особого подхода к верификации, что подчёркивает важность технологических решений в современном правоприменении.

Ключевая проблема заключается в соблюдении процедуры аутентификации. Например, веб-страница приобретает статус доказательства только после заверения, однако динамичность онлайн-контента (возможность редактирования или удаления) осложняет нотариальное удостоверение. Это подчеркивает важность оперативной фиксации цифровых материалов с соблюдением процессуальных требований.

Актуальной задачей современного государственного управления становится формирование эффективной системы межведомственного взаимодействия в сфере работы с электронными доказательствами. Данная проблема требует комплексного подхода, включающего не только стандартизацию процедур, но и внедрение цифровых решений для обеспечения прозрачности и оперативности процессов.

Ключевым аспектом здесь выступает «разработка унифицированного механизма обмена электронными документами» между ведомствами. Для этого необходимо:

1. Создать единые форматы данных и протоколы верификации, совместимые с ИТ-системами различных органов власти;

2. Регламентировать сроки и порядок передачи информации с учётом требований информационной безопасности;

3. Внедрить платформы межведомственного взаимодействия с функцией аудита операций.

Особое значение приобретает «привлечение профильных специалистов» – юристов в области цифрового права, экспертов по электронному документообороту и ИТ-архитекторов. Их компетенции позволяют: минимизировать риски нарушения юридической силы документов; оптимизировать процессы интеграции legacy-систем с современными решениями; обеспечить соответствие международным стандартам (например, eIDAS в ЕС). Не менее важным представляется «развитие нормативной базы», регулирующей вопросы кибербезопасности и защиты персональных данных в контексте межведомственного обмена. Только синергия технологических, организационных и кадровых ресурсов позволит создать экосистему, отвечающую вызовам цифровизации государственного сектора [2].

При проектировании системы архивации цифровых доказательств эксперты подчеркивают приоритетность их классификации по смысловым категориям. Однако ключевым аспектом эффективного управления информацией становится синхронизация разноформатных материалов. Практика демонстрирует, что максимальная реализация возможностей ИТ-инфраструктуры достигается при комби-

нированном использовании электронных и физических носителей, объединенных общей целевой задачей.

Особое значение приобретают случаи, когда к основным цифровым материалам прикрепляется специализированная проектная документация, адаптированная под конкретные кейсы. Это позволяет реконструировать события с высокой точностью, предоставляя специалистам доступ к исчерпывающему контексту. При этом возникает организационная дилемма: требуется определить стратегию работы с гибридными делами, содержащими как сканированные, так и оригинальные бумажные артефакты. Эксперты предлагают ориентироваться на существующие workflow-процессы – например, физические копии целесообразно формировать после окончательной цифровой систематизации всех компонентов дела.

Решение о дублировании электронных данных в материальном виде должно приниматься после анализа: отраслевых стандартов документооборота; требований к верификации материалов; практики использования информации конечными пользователями; юридических аспектов допустимости разных форматов.

Такой подход позволяет создать гибкую систему, где цифровые и традиционные носители не конкурируют, а взаимно дополняют друг друга, обеспечивая комплексность доказательной базы. В результате может быть получена возможность дать оценку всей композиции при работе с бумажными документами и, если возникает объективная необходимость, дополнить их распечатанными копиями документов в электронном формате [3].

В правовом государстве личность и государство являются равными партнерами, наделенными равноценными правами и обязанностями. Как государство, так и личность вправе требовать соблюдения правовых предписаний и соблюдения ответственности друг друга [4]. Управление документацией и доказательной базой представляет собой процесс, выходящий за рамки внутриорганизационных процедур, что требует системного подхода к регулированию. В связи с этим, при выборе методов и технологий, направленных на обеспечение нормативно-правового соответствия, критически важно дифференцировать принципы организации «внутреннего» и «внешнего электронного документооборота», учитывая их правовые и операционные особенности.

В контексте управления внешней документацией ключевое значение приобретают вопросы внедрения инновационных решений, основанных на использовании «метаданных». Современные платформы документооборота, интегрирующие механизмы автоматизированного анализа, верификации и отслеживания жизненного цикла документов, обеспечивают не только прозрачность процессов, но и соответствие требованиям регуляторных стандартов.

Указанные аспекты подчёркивают необходимость разработки комплексных стратегий, сочетающих технологические инновации с правовыми механизмами, что является неотъемлемым условием для достижения соответствия требованиям современных регуляторных систем.

При осуществлении доказательной деятельности особый акцент должен быть сделан на соблюдении принципа допустимости используемых аргументов. Данная правовая категория выполняет функцию фильтра, отсеивающего сведения, полученные с нарушением процессуальных норм. Ключевая задача соответствующих юридических предписаний заключается в создании механизмов, гарантирующих: научную обоснованность применяемых методов исследования; соответствие процедуры сбора информации требованиям законодательства; техническую корректность фиксации доказательственных фактов. Эти меры формируют правовую основу для признания юридической силы устанавливаемых обстоятельств, выступая одновременно как гарантия защиты от субъективизма в оценке доказательственного материала.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ворожбит С. П.* Электронные средства доказывания в гражданском и арбитражном процессе : автореф. диссертации на соискание ученой степени кандидата юрид. наук. Санкт-Петербург, 2011. 25 с.
2. *Ларин М. В.* Электронные документы в управлении: науч.-метод. пособие / М. В. Ларин, О. И. Рысков. Москва : У Никитских ворот, 2008. 208 с.
3. *Котляров С. Б.* Понятие и принципы правотворческого процесса / С. Б. Котляров, Д. П. Зверев // VII Юридические чтения : материалы Национальной научно-практической конференции, Саранск, 29–30 ноября 2021 года. Саранск : Типография «Рузаевский печатник», 2021. С. 198–207.
4. *Котляров С. Б.* К вопросу о проблемах взаимной ответственности личности и государства в современных условиях / С. Б. Котляров, О. В. Кукушкин // Кооперация науки и общества как инструмент модернизации инновационного развития: Материалы Международной научно-практической конференции, Саранск, 23–24 апреля 2024 года. Саранск : РИЦ МГПУ, 2024. С. 113–118.

PROBLEMS OF DIGITALIZATION OF THE JUDICIAL SYSTEM AND ELECTRONIC EVIDENCE UNDER THE LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION

Burnosova Victoria Vladimirovna, Master's Degree student

Zaykina Ksenia Sergeevna, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье рассматриваются актуальные вопросы цифровизации системы правосудия в России и института доказывания и электронных доказательств.

Ключевые слова: электронное правосудие, электронные доказательства, судебная система, информационное общество, закон.

The article discusses topical issues of digitalization of the justice system in Russia and the institution of evidence and electronic evidence.

Keywords: electronic justice, electronic evidence, judicial system, information society, law.

Информационно-коммуникационные технологии являются основой стратегического развития в современном мире и неотъемлемой частью управленческих систем в ключевых отраслях экономики, сферах государственного управления и правосудия.

Устойчивый интерес ученых и практиков к теме цифровизации общественных отношений в России берет свое официальное начало с 2009 года. Впервые в российском государстве был принят нормативный правовой акт, определивший необходимость создания государственной информационной системы «Управление» [1].

Создание единой цифровой платформы было обосновано целями эффективного государственного управления и стратегического планирования на основе формирования баз данных и их последующей обработки.

Реализация этих целей получила свое нормативное закрепление в Распоряжении Правительства РФ в 2010 году (утр. силу) об утверждении Государственной программы РФ «Информационное общество», которая была пересмотрена Постановлением Правительства РФ в 2014 году [2].

Как указывается в программном документе, развитие информационно-телекоммуникационной инфраструктуры позволит расширить возможности использования средств электросвязи, радиочастотного спектра для повышения эффективности государственного управления, нужд обороноспособности и безопасности государства и обеспечения правопорядка.

Важной вехой считаем принятие Указа Президента РФ в 2017 году, определившего окончательный поворот вектора развития российского государства на виртуализацию всех общественных сфер – развитие информационного общества на основе формирования информационного пространства, где основой является получение, сохранение, производство и распространение информации [3].

Заданный в 2018 году курс на построение цифровой экономики только укрепил положение о том, что драйвером развития современной экономики становятся цифровые базы данных [4].

Поэтому в программных документах и федеральном бюджете на 2025 год и плановые 2026–2027 годы цифровая экономика стала именоваться прямо – Экономика данных и основной упор был сделан на цифровизацию в формате экосистем.

Судебная система также претерпела существенные изменения, обусловленные принятием Постановлением Правительства РФ от 20.11.2001 № 805 (ред. от 06.02.2004) федеральной целевой программы, которая обозначила курс на цифровизацию правосудия, т. е. информационное обеспечение и внедрение современных технологий.

В становлении электронного правосудия определяющим стало создание в 2007 году Государственной автоматизированной системы «Правосудие» (ГАС «Правосудие») [5].

Это территориально распределенная автоматизированная система, предназначенная для формирования единого информационного пространства судов и системы Судебного департамента (на него возложены организационно-правовые полномочия по обеспечению функционирования ГИС «Правосудие»).

Так Приказом Судебного департамента при Верховном Суде РФ были разработаны инструкции по судебному делопроизводству [6]. А привычно употребляемое на сегодняшний «электронное правосудие» являлось только модулем программного изделия ГАС «Правосудие».

В построении информационного общества и цифровой экономики – экономики данных важным стала легализация в процессуальных нормах возможность участия в судебных заседаниях посредством видео-конференц-связи (ВКС) и веб-конференций. Данные внедрения в систему правосудия нацелены на расширение возможностей в отправлении правосудия при сокращении временных, финансовых издержек.

Безусловно, здесь вполне реалистично необходимо принимать во внимание бюджетные расходы на техническое оснащение и программное обеспечение. Однако, в совокупности средств, расходуемых на бумажное делопроизводство и ресурсные временные затраты, можно считать их вполне оправданными в условиях глобальной перестройки мира в цифровое пространство.

Направлением цифровой оптимизации судебной нагрузки является внедрение цифровых технологий, в том числе искусственного интеллекта (ИИ), с целью ассистирования судье и сотрудникам аппарата суда.

И следует отметить, что положительные результаты применения искусственного интеллекта в рассмотрении спора судом и формирования электронного правосудия в широком смысле наблюдаются в странах США, Китая, Сингапура [7].

Ряд авторов отмечают существенные достижения при внедрении ИИ в Российской Федерации [8].

Так Л. А. Терехова усматривает потенциал цифровой трансформации в приказном производстве, что может стать толчком для полномасштабного цифрового реформирования судебной системы [9]. При этом обязательным сохраняется контроль мирового судьи за формируемым системой ИИ судебным приказом, а программный комплекс в основном задействован в работе судебного участка за счет увеличения скорости обработки информации и ввода данных, формирования бумажного дела.

Возможные организационные проблемы в приказном производстве связаны с качеством доставки почтовой корреспонденции, проживания граждан не по адресу постоянной регистрации и о прочих особенностях, что влияет на должное уведомление лиц, участвующих в судебном производстве. Однако, возможность электронного оповещения, установленная законом во многом способна решить подобные сложности в своевременном оповещении.

Другой наиболее сложной проблемой является исключение мировых судей в 2023 г. из проекта по созданию суперсервиса «Правосудие онлайн» и единой системы электронного документооборота на базе ЕСИА «Госуслуги». То есть, децентрализованная цифровизация деятельности судебных участков мировых судей целиком будет зависеть от региональных властей [10].

Во многом это создаст сложности в предоставлении доказательств дистанционно в электронном формате.

Вопросы применения электронных технологий в документообороте в силу их актуальности нашли свое отражение в нормах Федерального закона от 23 июня 2016 г. № 220-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части применения электронных документов в деятельности органов судебной власти».

В соответствии с вышеуказанным законом и процессуальным законодательством Судебный департамент при Верховном Суде РФ издал приказ, устанавливающий порядок подачи документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа [11].

Однако достаточно серьезной проблемой электронного документооборота и электронных доказательств может стать установление их достоверности, что во многом определяет правильный и подлинный исход судебного разбирательства, основанного на исследовании доказательственной базы.

Достоверность сведений или их истинность, т. е. точность и правильность отражения обстоятельств, рассматриваемых судом, как требование равным образом относится к электронным доказательствам. Они позволяют точно и максимально достоверно фиксировать определенные юридические факты.

Однако в современном судопроизводстве все больше появляются дипфейки различных электронно-цифровых сведений [12]. То есть, современные технологии позволяют правдоподобно создавать поддельные фальшивые сведения, не соответствующие действительности.

Технологии дипфейка базируются на нейросетях, которые могут генерировать различные ложные фото, видео- и аудиозаписи довольно высокого качества на основе изучения учебных характеристик фото, видео - или аудиоданных.

Можно сказать, что это обучаемые алгоритмы, но стремительно и качественно развивающиеся. Поэтому совершенствование дипфейков становится проблемой угрожающего характера не только в

области судопроизводства, но на уровне государственного устройства и межгосударственного взаимодействия.

Бесконтрольное использование генеративного ИИ (ChatGPT и другие чат-боты с ИИ) способно причинить значительный общественно опасный вред, а фейковый контент применяется для психологического воздействия и различных манипуляций, дезинформации и прикрытия совершенных преступлений.

Следовательно, данная проблема несет серьезные риски для всей системы правосудия, поскольку оно основано на доказывании и доказательствах, а электронные доказательства, набирающие свою популярность, способны исказить истинную сущность судебного разбирательства [13].

И очевидным является решение проблемы в принятии мер по правовому урегулированию создания и использования генеративного контента, а также установления юридической ответственности за нарушение данных правовых норм.

Но прежде всего, в систему ГАС «Правосудие» установить антифейковую технологию распознавания сфальсифицированной с помощью чат-ботов информации по примеру такой функции в современных системах антиплагиата (определение сгенерированного текста нейросетями).

Кроме того, очевидным является необходимость владения профессиональными участниками судопроизводства (судьи, прокуроры, следователи, дознаватели, адвокаты, иные юристы) минимально необходимыми навыками распознавания дипфейков.

Парадоксальность ситуации, когда IT-технологии облегчают процесс собирания и проверки доказательств и одновременно создают возможности для их фальсификации должна быть разрешена. В противном случае электронный контент не должен приниматься в судах в качестве допустимых и достоверных доказательств, если установить его подлинность не представляется возможным. Иначе ставится под сомнение само существование справедливого правосудия в условиях цифровизации и требуется пересмотр института доказывания и доказательств.

ЛИТЕРАТУРА

1. Постановление Правительства РФ от 25.12.2009 № 1088: ред. от 16.12.2024 // СПС «КонсультантПлюс»
2. Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 313: ред. от 25.12.2024 // СПС «КонсультантПлюс»
3. Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203. // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 13.03.2025).
4. Указ Президента РФ от 07.05.2018 № 204: ред. от 21.07.2020 // СПС «КонсультантПлюс»
5. Постановление Правительства РФ от 21.09.2006 № 583: ред. от 01.11.2012 // СПС «КонсультантПлюс»
6. Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 15.12.2004 № 161: ред. от 06.12.2024 // СПС «КонсультантПлюс»
7. *Русакова Е. П.* Воздействие цифровизации на гражданское судопроизводство в России и за рубежом: опыт Китая, Индии, Сингапура, Европейского Союза, США, ЮАР и некоторых других стран : дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2021. С. 97 – 98.
8. *Брановицкий К. Л., Незнамов А. В., Ренц И. Г.* Цифровизация гражданского процесса в масштабах интеграционных объединений (на примере ЕАЭС) // Российский юридический журнал. 2021. № 6. С. 79.
9. *Терехова Л. А.* Эффективность приказного производства // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2023. Т. 20. № 2. С. 76.
10. *Трезубов Е. С.* Исключение из судебной нагрузки «недостойных дел» за счет внедрения технологий искусственного интеллекта // Вестник гражданского процесса. 2024. № 2. С. 283–300.
11. Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 27 декабря 2016 г. № 251 // Бюллетень актов по судебной системе. 2017. № 2.
12. *Ярошенко Т. В.* Проблематика электронных доказательств в условиях развития электронного правосудия в арбитражном процессе // Администратор суда. 2023. № 1. С. 35.
13. *Степанов Д.* ChatGPT обманул опытного адвоката, придумав прецеденты, которых в реальности не было. Теперь адвокату грозит наказание // Snews.ru. 2023. 29 мая.

УДК 336.1

КОРРУПЦИЯ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ КОНТРАКТНОЙ СИСТЕМЕ

Дубинин Михаил Сергеевич, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st808096@ruc.su

CORRUPTION IN THE STATE CONTRACT SYSTEM

Dubinin Mikhail Sergeevich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

Данная статья посвящена проблемам коррупции в сфере публичных финансов, а именно правоотношениям, реализуемым в контрактной системе в сфере закупок товаров, работ и услуг для обеспечения государственных и муниципальных

нужд. В ходе исследования определяется значимость финансовой дисциплины, основанной на этических и правовых принципах реализации закупочной деятельности, обозначаются ситуации, которые дают основания для проявления коррупционных маркеров. Статья содержит анализ законодательства с позиции формирования значимых инноваций, определяющих антикоррупционное законодательство в закупочной деятельности. В ходе исследования даются рекомендации, способствующие снижению коррупционных рисков в изучаемых правоотношениях.

Ключевые слова: закупочная деятельность, государственная контрактная система, коррупция, антикоррупционное законодательство, коррупционные нарушения, публичные финансы.

This article is devoted to the problems of corruption in the sphere of public finance, namely, legal relations implemented in the contract system in the sphere of procurement of goods, works and services to meet state and municipal needs. The study determines the importance of financial discipline based on ethical and legal principles of implementation of procurement activities, and identifies situations that give grounds for the manifestation of corruption markers. The article contains an analysis of legislation from the position of the formation of significant innovations that determine anti-corruption legislation in procurement activities. The study provides recommendations that help reduce corruption risks in the legal relations under study.

Keywords: procurement activities, state contract system, corruption, anti-corruption legislation, corruption violations, public finances.

Коррупция в современном мире является острой социально-политической проблемой. Отрицательные последствия данного явления имеют политические последствия, выражающиеся в недоверии к власти, росту социальной напряженности, снижению эффективности государственного управления и материальному ущербу бюджету страны.

Необходимость устранения коррупционных явлений – тема, широко изученная в современной юридической доктрине. Методология науки нуждается в практическом изучении коррупционных практик с целью совершенствования законодательства и устранения пробелов, дающих возможность проявления коррупционных маркеров.

Определений термина коррупция множество приведем некоторые из них. А. И. Долгова, С. В. Ванышкин определяют под коррупцией социальное явление, характеризующее подкупом-продажностью государственных и иных служащих, и на этой основе корыстным использованием ими в личных, либо узкогрупповых, корпоративных интересах официальных служебных полномочий, связанных с ними авторитета и возможностей [1] Г. К. Мишин Явление в сфере социального управления, выражающее в злоупотреблении субъектами управления своими властными полномочиями путем их использования в личных (в широком смысле – индивидуальных и групповых, материальных и иных) целях [2, с. 13] А. А. Храбкин Общественно опасное явление в сфере политики и государственного управления, выражающееся в умышленном использовании лицами, осуществляющими функции представителей власти, а также находящимися на государственной службе, своего должностного положения для незаконного получения ими благ имущественного и неимущественного характера, а также преимуществ в любой форме [3]

Особую общественную опасность имеют коррупционные проявления в сфере публичных финансов. Под публичными финансами мы понимаем фонды денежных средств, участвующих в решении государственных задач.

Следует отметить, что контрактная система, функционирующая в рамках № 44–ФЗ была создана как юридический механизм, способствующий устранению коррупционных явлений. По своему социально-правовому назначению контрактная система – это основной механизм устранения коррупции в сфере публичных финансов. Развитие цифровизации дало возможность внедрить данный процесс, действующий на основании принципов открытости, гласности, продвижения конкуренции. Сегодня можно сказать, что вместе с решением одних проблем пришли другие, которые требуют юридическо-го совершенствования. За более чем десятилетнюю историю развития данного правового института родилось огромное множество НПА, которые зачастую противоречат друг другу и не всегда ориентированы на антикоррупционные действия.

Основные коррупционные нарушения со стороны заказчика, несущие урон бюджету, связаны со следующими ситуациями:

- прием и ввод в эксплуатацию товара или услуги не соответствующей конкурсной документации;
- неправомерное установление НМЦ контракта в ситуации, когда закупка заключается с единственным поставщиком;
- незаконный выбор поставщика, сговор;
- проведение некачественной экспертизы товара или не проведение экспертизы в установленных случаях;
- изменение условий контракта при невыполнение изначальных договорных позиций;
- отсутствие каких-либо ответных действий за неисполнение контракта;
- нарушения, связанные с отстранением от конкурса потенциальных поставщиков без особых объяснений причин и условий отказа;

- при установлении НМЦ контракта методом сопоставимых цен вступать в сговор с поставщиками о предоставлении завышенной информации, не соответствующей действительности;
- некачественно составленная конкурсная документация, дающая возможность поставить товар или услугу сомнительного качества.

Среди наиболее значимых механизмов противодействия коррупции в сфере государственных и муниципальных закупок выделяют:

- повышение квалификации сотрудников контрактных служб, распространения практик привлечения к административной, уголовной и дисциплинарной ответственности субъектов закупочной деятельности;
- своевременное обнаружение конфликта интересов при проведении той или иной закупки и наблюдение за ходом жизненного цикла закупки, с целью обнаружения конфликта интересов;
- введение дополнительных региональных платформ для реализации малых закупок или закупок у единственного поставщика;
- введение реестров недобросовестных поставщиков и уволенных со службы государственных гражданских служащих. [4]

В качестве рекомендаций по совершенствованию государственной контрактной системы на предмет профилактики коррупции отечественными исследователями предлагаются и психологические механизмы профилактики:

- возможность использования кадровых ротаций в среде сотрудников, занимающихся контрактной деятельностью;
- проверка сотрудников на детекторе лжи, анкетирование на предмет склонности к обогащению;
- использование провокационных методов;
- введение института добровольных осведомителей;
- введение мотивации добросовестных сотрудников;
- усиление мониторинга за ходом переговоров.

В рамках данного исследования необходимо отметить, что Министерство труда РФ разработало Методические рекомендации по выявлению и минимизации коррупционных рисков при осуществлении закупок. Суть этого НПА состоит в том, что он рекомендует оценивать риски при проведении закупочной деятельности на всех этапах, ориентируя заказчиков на адресное выявление коррупционных рисков с учетом закупок в конкретной сфере. Данные рекомендации позволяют заказчикам сформировать круг ситуаций на различных стадиях закупки, при возникновении которых возможно более точно увидеть и как следствие предотвратить коррупционные риски. Рекомендации используются государственными учреждениями для составления собственных программ профилактической антикоррупционной работы с выявлением коррупционных ситуаций и мероприятиями по их предотвращению.

Так же, на наш взгляд, существенным достижением в сфере профилактики коррупционных явлений будет являться разграничение контрольных компетенций между государственными структурами, осуществляющими надзор за реализацией закупочной деятельности в организациях на предмет коррупционных маркеров, детализация контрольных мероприятий. Назрела необходимость внедрения мониторинга коррупционных ситуаций, а не только санкционное воздействие. Примечателен опыт налогового мониторинга, когда уполномоченный орган сопровождает налоговые обязательства крупных компаний. Антикоррупционное сопровождение закупочной деятельности, особенно необходимо в тех организациях, которые тратят значительный объем бюджетных средств.

Проведенное теоретическое исследование позволяет нам выделить несколько значимых законодательных инициатив в формировании современной антикоррупционной методологии в сфере закупок товаров работ и услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд.

Первая инициатива связана с появлением в 2014 году закона №44-ФЗ, ориентированного на снижение коррупции в сфере государственных закупок.

Второе обстоятельство обращает нас к 2018 году и введению уголовной ответственности за злоупотребления в контрактном законодательстве. Также на формирование антикоррупционной методологии оказало влияние – разработка методических рекомендаций по выявлению и минимизации коррупционных рисков при осуществлении закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд (утв. Минтрудом России).

Таким образом, совершенствование законодательства в вопросе профилактики и противодействия коррупции в сфере закупок, ориентируется на использовании новых форм кадровой работы, совершенствование контрольных мероприятий уполномоченных органов и динамичное внедрение инновационных методик реализации закупочной деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Долгова А. И. Криминологические проблемы коррупции в России / В сборнике: Коррупция: политические, организационные и правовые проблемы // Сборник материалов международной научно-практической конференции (г. Москва, 9–10 сентября 1999 г.). Москва : Юрист, 2001. С. 151–164.
2. Мишин Г. К. Коррупция: понятие, сущность, меры ограничения. Москва : Изд-во Акад. МВД СССР, 1991. 34 с.
3. Храшкин А. А. Противодействие коррупции в госзакупках: монография. Москва: Юриспруденция, 2009. 139 с.
4. Гапоненко В. Ф. Причины и условия коррупции в системе государственных и муниципальных закупок в контексте экономической безопасности Академия управления МВД <https://elibrary.ru/item.asp?id=48478655>
5. Методические рекомендации по выявлению и минимизации коррупционных рисков при осуществлении закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд (утв. Минтрудом России) https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_363998/

УДК 342.5

К ВОПРОСУ О ЗНАЧЕНИИ ПРОЕКТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Замотаева Ольга Николаевна, кандидат философских наук, доцент

Винокуров Алексей Сергеевич, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: ozamotaeva@ruc.su; st808892@ruc.su

ON THE SIGNIFICANCE OF PROJECT ACTIVITIES IN THE SYSTEM OF PUBLIC ADMINISTRATION

Zamotaeva Olga Nikolaevna, PhD (Philosophy), Associate Professor

Vinokurov Alexey Sergeevich, Master's Degree student

Saransk Cooperative Institute (branch) of Russian University of Cooperation

В статье рассматривается понятие проектной деятельности в государственном управлении, ее принципы и этапы осуществления. Кроме того, изучаются преимущества и недостатки проектной деятельности в государственном управлении.

Ключевые слова: государственное управление, проектная деятельность, национальный проект, эффективность, цель, оптимизация.

The article discusses the concept of project activity in public administration, its principles and stages of implementation. In addition, the advantages and disadvantages of project activities in public administration are studied.

Keywords: public administration, project activity, national project, efficiency, purpose, optimization.

В настоящее время Российская Федерация противостоит острым вызовам, которые возникли вследствие нестабильной геополитической и геоэкономической обстановки в мире. Государственное управление требует новых подходов к своей реализации, т. к. у нашей страны обострилась потребность в развитии конкурентоспособности, укрепления своих позиций на международной арене. Все эти потребности продиктованы беспрецедентным давлением как на российскую экономику и на политическую обстановку. Особое место в системе государственного управления отводится внедрению проектного управления для решения социально-политических задач государства, выработке наиболее эффективных практик государственного управления. Решение данных задач отражается в действующем законодательстве Российской Федерации [1].

Уже много лет подряд как на высшем уровне руководства нашей страны, так и в экспертных кругах и международными организациями отмечается низкий уровень государственного управления в России. Данная проблема выступает катализатором других негативных явлений, которые препятствуют развитию экономики России.

Для того, чтобы выдержать конкуренцию с другими странами и стать одним из мировых лидеров, который не будет зависеть от влияния других государств, России необходимо повышать качество и эффективность государственного управления. Это позволит привлечь в страну дополнительные инвестиции и реализовать собственные стратегические приоритеты развития. Одним из таких приоритетов может стать внедрение проектной деятельности в государственное управление.

Реализация проектного подхода в государственное управление – очень сложная задача. Для его эффективности необходимо трансформировать существующие механизмы управления в целях усиления роли гражданского общества и бизнес-сообщества в развитие территорий.

Проектная деятельность в системе государственного управления подразумевает под собой такой метод организации работы, при котором цели и задачи государства решаются через реализацию проектов. Такой подход позволяет более эффективно использовать ресурсы, оптимизировать процессы и повышать результативность государственного управления [2, с. 183].

На рисунке 1 представлены принципы осуществления проектной деятельности в государственном управлении.

Целенаправленность	• каждый проект имеет четко определенные цели, которые должны быть достигнуты в результате его реализации
Ограниченность по времени	• проекты имеют определенный срок реализации, по истечении которого они завершаются
Ограниченность по ресурсам	• реализация проектов требует определенных ресурсов (финансы, персонал, материалы и т.д.), которые должны быть эффективно использованы для достижения цели
Координация	• проектная деятельность предполагает координацию работы между различными участниками и заинтересованными сторонами

Рисунок 1 – Принципы осуществления проектной деятельности в государственном управлении

Проектная деятельность в государственном управлении имеет свои преимущества и недостатки. К преимуществам проектной деятельности относятся:

- решение конкретных задач. Проектная деятельность позволяет сосредоточиться на решении конкретных задач и достижении результатов;
- оптимизация ресурсов. Проектная деятельность позволяет более эффективно использовать ресурсы, избегая их перерасхода;
- повышение эффективности. Проектная деятельность способствует повышению эффективности работы государственных органов за счет оптимизации процессов;
- инновации. Проектная деятельность способствует внедрению инноваций и новых подходов в работу государственных органов.

К недостаткам проектной деятельности в государственном управлении относятся:

- сложность координации. Координация работы между различными участниками проекта может стать сложной задачей;
- риск превышения сроков. Проекты могут затягиваться, что приводит к повышению сроков их реализации;
- необходимость контроля. Проектная деятельность требует постоянного контроля и мониторинга со стороны государственных органов для достижения поставленных целей [3, с. 32].

Этапы проектной деятельности в государственном управлении представлены на рисунке 2.

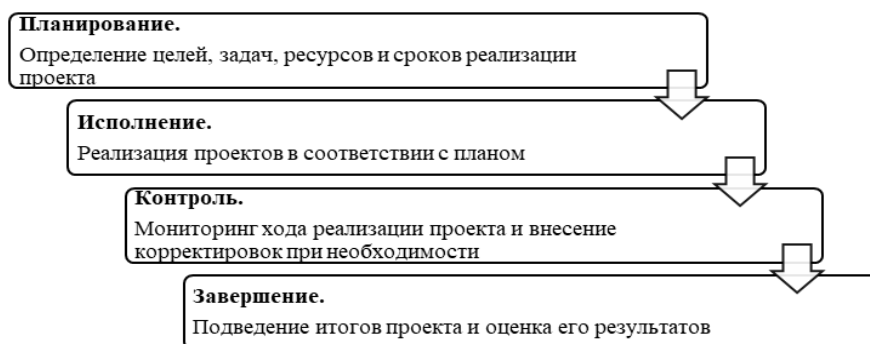

Рисунок 2 – Этапы проектной деятельности в государственном управлении

В контексте государственного менеджмента проектный подход может быть применён как в процессе выполнения отдельных проектов, разнообразных по своей направленности и сложности, так и в ходе реализации государственных программ в различных областях и секторах.

В такой ситуации проектное управление становится инструментом для решения социально-экономических проблем через разработку и осуществление комплекса мер, нацеленных на достижение целей, установленных в соответствующих государственных программах.

Набор вызовов, с которыми сталкивается госуправление в России, потребует сфокусированного использования ресурсов и управленческих способностей на ключевых направлениях, где ресурсы ограничены и риски высоки. Проектный подход предлагает эффективное решение этих задач [4, с. 18].

Говоря о проектной деятельности в государственном управлении в Российской Федерации, нельзя обойти стороной реализацию национальных проектов. На 1 января 2025 года в России реализуется 14 национальных проектов, среди которых «Семья», «Молодежь и дети», «Здоровье», «Экология», «Развитие бизнеса» и многие другие.

Кураторами проектов выступают вице-премьеры правительства, а руководителями – министры.

Средства на реализацию проектов выделяются из федерального, регионального и местного бюджетов. Объем финансирования нацпроектов с 2025 по 2030 год составит 57 трлн. рублей, сообщил вице-премьер РФ Александр Новак в ходе совещания президента РФ Владимира Путина с кабинетом 9 января 2025 года.

Таким образом, проектная деятельность в государственном управлении является инновационным методом, позволяющим решать конкретные задачи, оптимизировать ресурсы и повышать эффективность государственного. Однако она требует тщательного планирования, координации и контроля для достижения результатов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Постановление Правительства РФ от 31 октября 2018 г. № 1288 «Об организации проектной деятельности в Правительстве Российской Федерации».
2. Особенности внедрения проектного управления в органе государственной власти / Ю. Г. Иванова, Е. К. Троицкая, Л. П. Воронина, Д. В. Вышегородский // Форум молодых ученых. 2020. № 12(52). С. 182–188.
3. Полунин Е. В. Проблемы реализации проектного управления в органах исполнительной власти / Е. В. Полунин, Д. И. Масленникова // Общество, экономика, управление. 2020. Т. 5, № 4. С. 30–36.
4. Валуйский М. А. Задачи и проблемы проектного управления при совершенствовании системы управления проектами в деятельности исполнительных органов государственной власти субъекта Российской Федерации / М. А. Валуйский // Социально-политические процессы в современном мире: взгляд молодых: материалы студенческой научно-практической конференции, Воронеж, 25 ноября 2023 года. Воронеж : РАНХиГС, 2023. С. 16–20.

УДК 342.9

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ КАК ВИД ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ: ГЕНЕЗИС И ТРАНСФОРМАЦИЯ В ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ

Исаев Михаил Ильич, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: natali.isaeva_777@mail.ru

ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY AS A TYPE OF LEGAL RESPONSIBILITY: GENESIS AND TRANSFORMATION IN THE LEGAL SYSTEM

Isaev Mikhail Ilyich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В данной научной статье рассматриваются вопросы становления и последующего развития института административной ответственности как вида юридической ответственности в Российской Федерации на разных исторических этапах. Описываются предпосылки и причины, вызывающие необходимость в установлении обозначенного правового института. В частности, поднимается вопрос о проблеме установления конкретного периода возникновения данного вида ответственности на территории России. Также, указывается значение административных санкций для государства, общества и конкретной личности.

Ключевые слова: административное право, институт административной ответственности, правонарушение, проступок, административное законодательство, меры ответственности, правовые санкции.

This scientific article examines the issues of the formation and subsequent development of the institute of public administration in the Russian Federation at various historical stages. In particular, the civil service is being studied as a legal category necessary for the normal functioning of the state and society. It also analyzes the activities of civil servants, the degree of their professionalism and competence.

Keywords: administrative law, institute of administrative responsibility, offense, misconduct, administrative legislation, liability measures, legal sanctions.

На сегодняшний день институт административной ответственности занимает значимое место в правовой системе нашей страны. Это, в первую очередь, обусловлено тем, что посредством именно этого института права государство, в лице уполномоченных органов власти и должностных лиц, выполняет одну из ключевых, а вместе с тем и важнейших своих функций – поддержание правопорядка в обществе.

Кроме того, механизм административной ответственности создает условия для эффективной защиты прав, свобод и законных интересов граждан, что также является немаловажным.

Изучением вопросов становления и развития института административной ответственности занимались многие отечественные ученые-административисты и профессора: Д. Н. Бахрах, А. П. Алехин, Ю. М. Козлов, Ю. А. Тихомиров и ряд других. Этот факт дает основания полагать, что данная тема актуальна и востребована.

В научной литературе нет однозначного мнения на счет того, в какой именно период начали происходить процессы становления административной ответственности и с какими историческими событиями это было связано. Некоторые авторы считают, что административные наказания начинают постепенно появляться еще до XVIII века, другие же называют значительно более поздний период – XX век – время принятия Кодекса РСФСР об административных правонарушениях.

Таким образом, П. И. Конов отмечает, что «институт административной ответственности как самостоятельный вид юридической ответственности (наряду с уголовной) зародился еще в доимперский период отечественной истории» [2, с. 144].

А. Н. Хохлов в своей научной статье подчеркивает: «начало XX века ознаменовалось знаковыми событиями для института административной ответственности» [1, с. 29].

Известно, что в первом документе, который относят к правовым – Русской правде Ярослава Мудрого – еще нет никаких видов ответственности, которые применялись бы опосредованно от старейшего вида ответственности – уголовной. Безусловно, данное собрание норм права довольно часто в качестве наказания называет виру, так называемую штрафную санкцию, но она обладает уголовным началом.

Во время княжения Ивана III происходит расцвет Московского княжества и параллельно создается важный исторический документ – Судебник 1497 года – свод законов русского права.

В это время еще не существовало ни правовых норм, ни административного законодательства в целом как самостоятельных категорий. Однако, закон действует, общественные отношения регулируются, негативные последствия для личности, в виде наступления ответственности за нарушение закона, закреплены. К тому же издаются различные нормативно-правовые акты, но основная проблема в том, что они не систематизированы и не упорядочены.

К концу XVI века и началу XVII века в правовых нормах впервые вводится понятие пени – довольно значительного взыскания в казну государя. Эта санкция коренным образом отличается от уголовных, которые повсеместно применялись на данном историческом этапе. Следовательно, есть основания полагать, что данную меру ответственности представляется вполне логичным отнести к административным.

Только в Петровскую эпоху происходит учреждение административного законодательства в качестве независимого и обособленного. Это было напрямую связано с тем, что в это время, в частности в рамках проведенных Петром I реформ, принимается довольно обширный пласт правовых актов, регулирующих и регламентирующих деятельность органов государственной власти: Сената, полиции, Генерал – прокурора и так далее.

Поскольку было сформировано публичное законодательство, то было необходимо разработать и закрепить абсолютно новые для этого времени меры ответственности – публично-правовые, которые имели существенные отличия от устоявшихся уголовных.

Петр Великий за время своего правления издал некоторое количество указов, касающихся закрепления публичной ответственности должностных лиц государственных органов. Стоит отметить, что названные указы в действительности исполнялись Сенатом, который и взыскивал штрафы. Также, осуществлялись полицейские меры, с помощью которых поддерживался и охранялся общественный порядок. Представляется справедливым отнесение данных мер в разряд административных.

При Екатерине Великой был принят Полицейский Устав, считающийся первым в истории кодифицированным административным законом. В его главах за проступки, к которым относилось, например, несоблюдение правил поведения в общественных местах, предусматривались наказания в виде взыскания пени, помещение в смиренные и рабочие дома и так далее. Причем применялись эти виды санкции за проступки во внесудебном порядке.

Со второй половины XIX века активно принимаются полицейские уставы, в которых значительно

расширяется перечень категорий взысканий, относящихся к административным, за нарушение закреплённых в правовых актах правил торговли, здравоохранения и ряд других.

Когда в 1864 году проводилась Судебная реформа, Александр II принимает Указ о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. Правонарушения, перечисляющиеся в нем, получили название проступков. Меры ответственности, которые применялись за эти проступки, были следующими: замечание, штраф, выговор и так далее.

Итак, следует отметить, что в досоветский период уже существовал вид юридической ответственности, получивший название административного, несмотря на степень смешения в правовых актах норм, касающихся уголовной и административной ответственности.

В период становления СССР происходит окончательное выделение административной ответственности из уголовной. Однако, законодательство об административной ответственности все еще было децентрализовано и даже носило больше местный характер. Нормативно-правовых актов, регламентирующих рассматриваемый вид ответственности, издавалось множество, все они были разрозненными, а единого кодифицированного акта не было, что создавало неудобства.

В связи с этим, в 1984 году принимается Кодекс РСФСР об административных правонарушениях (КоАП РСФСР), в котором не только содержались нормы, предусматривающие составы административных правонарушений и ответственность за их совершение, но и процессуализация института данной ответственности.

С возникновением Российской Федерации политическая и социально-экономическая сферы жизнедеятельности государства и общества претерпели существенные изменения. По сути, произошло построение нового государства, в результате чего возникла потребность в пересмотре действующего законодательства, причем это касается не только административных норм.

В КоАП РСФСР достаточно активно вносились дополнения и изменения. Например, вводились новые составы правонарушений и ответственность за них. Также, появились и новые виды взысканий.

Однако, возникла некая спорная ситуация: в новом демократическом государстве, которое к тому же перешло на сторону рыночной экономики, до сих пор действовал Кодекс, принятый и разработанный в советском государстве, которое отнюдь не было демократическим. Параллельно с этим, существовала целая база юридических актов, которые касались вопросов административной ответственности [3, с. 512].

Вступивший в силу в 2002 году Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ) соответствовал современным реалиям. Необходимость его принятия довольно остро ощущалась, было понятно, что это неизбежно.

На сегодняшний день КоАП РФ довольно качественно и эффективно регламентирует институт административной ответственности. Очевидно, это связано с тем, что в него довольно часто вносятся изменения в целях регулирования вновь появляющихся правоотношений и устранения пробелов в административном законодательстве, что в свою очередь позитивно сказывается и на институте административной ответственности.

С течением времени жизнь меняется, отношения граждан друг с другом, а также с государством, усложняются, что является вполне закономерным процессом эволюции. В связи с этим, в государстве устанавливаются соответствующие правила поведения и постепенно в правовой среде возникают понятия административного правонарушения, ответственности за него, да и административного права в целом [4, с. 25].

Подводя итог, стоит отметить, что становление и развитие института административной ответственности имеют довольно продолжительную историю.

Если с XV по XX века административная ответственность входила в уголовную и, по мнению многих ученых, составляла с ней одно целое, то уже к концу первой половины XX века стала вполне самостоятельной и, как ни странно, трактуется как довольно часто применяемый вид юридической ответственности на территории Российской Федерации.

Действующий на данный момент КоАП РФ соответствует тенденциям развития страны, отвечает конституционным требованиям и тем, которые предъявляются конкретно к административной ответственности, в частности: справедливости, индивидуальной определенности и соразмерности ответственности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кононов П. И. История, проблемы и перспективы модернизации института административной ответственности в России: к двадцатилетию принятия Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях / П. И. Кононов // Правосудие. 2021. Т. 3, № 4. С. 140–166.

2. Хохлов А. Н. Становление и развитие института административной ответственности в Российской Федерации / А. Н. Хохлов // NovaUm.Ru. 2022. № 38. С. 28–32.
3. Арсентьев Г. В. Развитие института административной ответственности в Российской Федерации / Г. В. Арсентьев // Вопросы устойчивого развития общества. 2021. № 12. С. 509–515.
4. Осинцев Д. В. Административная ответственность : учебник / Д. В. Осинцев. 3-е изд., испр. и доп. Москва : Юрайт, 2020. 439 с.

УДК 342.5

КОРНИ ПРАВОВОГО НИГИЛИЗМА: АНАЛИЗ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО СОЦИУМА

Исайкин Владислав Дмитриевич, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st809160@ruc.su

THE ROOTS OF LEGAL NIHILISM: AN ANALYSIS OF MODERN RUSSIAN SOCIETY

Isaykin Vladislav Dmitrievich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье проводится анализ и выявление причин правового нигилизма в современном российском государстве, установлено их место в современном обществе с позиции теории права. Особое внимание уделяется историко-культурным предпосылкам, таким как длительный период советского этатизма, при котором право часто подменялось идеологическими директивами, что сформировало у граждан устойчивое недоверие к формальным институтам. На примере современных реалий исследуются противоречия между динамично меняющимся законодательством и низким уровнем правовой социализации населения, что усиливает разрыв между нормами права и их практическим воплощением.

Ключевые слова: нигилизм, право, идеализм, правосознание, правовая культура, государство и право.

The article analyzes and identifies the causes of legal nihilism in the modern Russian state, establishes their place in modern society from the standpoint of legal theory. Particular attention is paid to historical and cultural prerequisites, such as a long period of Soviet statism, in which law was often replaced by ideological directives, which formed a stable distrust of formal institutions among citizens. Using the example of modern realities, the contradictions between dynamically changing legislation and the low level of legal socialization of the population are investigated, which increases the gap between the norms of law and their practical implementation.

Keywords: nihilism, law, idealism, legal consciousness, legal culture, state and law.

Комплексное исследование истоков правового нигилизма в условиях современного российского общества представляет собой важный этап в разработке эффективных механизмов противодействия этому социально-правовому феномену. Глубокий анализ причинно-следственных связей, лежащих в основе отрицания ценности права, создает предпосылки для формирования многоуровневой системы мер, направленных на укрепление правосознания граждан и совершенствование правоприменительной практики.

С методологической точки зрения, категория «причина» в контексте правового нигилизма требует многоаспектного рассмотрения. В философско-юридической интерпретации причинность предполагает наличие устойчивой связи между явлениями, где одно событие (причина) закономерно порождает другое (следствие).

В современном российском государстве причины правового нигилизма можно рассматривать по различным основаниям. Например, К. Ю. Бакланова подразделяет причины правового нигилизма на организационно-управленческие, семейно-ориентированные, культурные и субъективные [1]. Причины правового нигилизма, как отмечают исследователи Д. М. Сулов, Н. И. Сухарев, А. Д. Соколов и М. К. Усатов, коренятся в комплексе социально-правовых факторов. Во-первых, ключевой проблемой выступает недостаточное внимание к правовому просвещению в образовательных учреждениях, что формирует у граждан поверхностное понимание норм закона. Во-вторых, значимую роль играет взаимное отчуждение между гражданами и институтами власти: с одной стороны, население демонстрирует скептицизм в отношении государственных структур, с другой – отмечается двустороннее безразличие, когда власть воспринимает диалог с обществом как формальность. Особый акцент авторы делают на деструктивной роли медиапространства. Средства массовой информации, систематически транслирующие критические настроения в адрес властных структур, способствуют не только росту социальной апатии, но и формированию аполитичных установок, особенно выраженных среди молодого поколения. Подобная риторика, по мнению экспертов, подрывает базовые основы правовой культуры, заменяя конструктивный диалог пассивным неприятием институтов государства [2].

В современном российском обществе наблюдается устойчивая тенденция к снижению уровня

юридической грамотности и культуры взаимодействия с правовыми институтами, что проявляется в распространённости правового нигилизма. Социальные противоречия усугубляют кризис доверия граждан к правовой системе, при этом именно отрицание значимости законов выступает ключевым фактором дестабилизации. Формирование полноценного правового государства в России требует системных преобразований как в институтах власти, так и в массовом восприятии роли права.

Феномен правового нигилизма остается предметом дискуссий в юридической науке. Исследователи предлагают различные трактовки этого явления, отражающие его многогранность. Например, Н. И. Матузов интерпретирует нигилизм как форму социального протеста, выражающуюся в отрицании общепринятых норм, идеалов и ценностных ориентиров. Согласно его позиции, это явление охватывает не только правовую сферу, но и экзистенциальные аспекты человеческой жизни, трансформируясь в специфический тип мировоззрения.

Анализ научных работ позволяет заключить, что преодоление правового нигилизма невозможно без комплексного подхода. Он должен включать реформу законодательства, повышение доступности правового образования и формирование у граждан осознанного уважения к закону как инструменту социальной справедливости. Особую роль в этом процессе играет диалог между государством и обществом, направленный на восстановление взаимного доверия [3, с. 17].

В рамках исследования правового сознания особого внимания заслуживает концепция Ю. А. Тихомирова, анализирующая феномен юридического нигилизма. Учёный определяет данное явление как устойчивую модель поведения, характеризующуюся системным игнорированием законодательных установлений. Центральным аспектом его теории выступает тезис о девальвации права как социального института – субъекты, руководствуясь прагматичными мотивами, сознательно минимизируют использование правовых механизмов, предпочитая альтернативные способы реализации интересов. Автор акцентирует внимание на двуединой природе проблемы: с одной стороны, наблюдается утрата доверия к нормативно-регулятивной функции права, с другой – инструментальное восприятие законодательства лишь как средства достижения частных целей. Подчеркивается, что соблюдение правовых предписаний зачастую обусловлено не внутренней убеждёностью, а внешним принуждением или расчётом на получение выгоды. Эта мировоззренческая установка проявляется в отсутствии осознанной солидарности с принципами правопорядка, что формирует порочный круг взаимного отчуждения между индивидом и правовой системой. Важным элементом анализа становится классификация форм правового отчуждения: от пассивного неприятия юридических процедур до активного использования квазиправовых практик. Тихомиров отмечает, что подобный скептицизм не только подрывает авторитет закона, но и провоцирует замену легитимных механизмов регулирования неформальными, а подчас и противоправными стратегиями взаимодействия. Такой подход создаёт предпосылки для формирования параллельных систем социального контроля, что существенно осложняет процессы правовой социализации [4, с. 35].

В современном мире любое государство, претендующее на статус демократического и прогрессивного, неизбежно обладает развитой правовой системой. Формирование таких систем обычно происходит в результате длительного исторического пути, в ходе которого закрепляются ключевые принципы: гуманизм, защита человеческого достоинства, соблюдение правовых норм. Именно право выступает фундаментом для построения гражданского общества и эффективного функционирования государственных институтов, поскольку без его регулирующей роли достижение социального порядка невозможно [5].

Идеологические основы правовых систем могут быть как продуктом внутреннего развития общества, так и результатом заимствований из внешних источников. К числу основных генераторов идеологий относятся государственные структуры, социум и юридическая наука. При этом идеологическая составляющая права отличается устойчивостью и малой подверженностью изменениям. Особенностью правосознания является его коллективная природа: оно формируется и проявляется исключительно в процессе активного взаимодействия индивидов в рамках общества [6].

На современное правосознание значительное влияние оказывают государственная политика, образовательные институты и социальное окружение. Право развивается в тесной взаимосвязи с культурными, политическими и социальными процессами, отражая правовую культуру общества, включая установки отдельных личностей. Понимание правовых ценностей и их интерпретация возможны лишь в контексте динамики общественной жизни.

Эффективная реализация государством функций по защите прав граждан возможна только при наличии комплексной системы социально-экономических и политических предпосылок. Эти условия создают основу для полноценного соблюдения свобод личности через специально разработанный институциональный инструментарий, известный как государственный механизм. Данная структура вы-

ступает ключевым элементом правоохранительной политики, объединяя организационные и правовые ресурсы для гарантий законных интересов общества.

Ключевыми компонентами этого механизма в Российской Федерации выступают: институт президентства как гарант конституционных норм; судебные органы (с особым статусом Конституционного Суда в разрешении правовых коллизий); надзорный институт прокуратуры; правоохранительные подразделения МВД; институт омбудсмана, осуществляющий независимый контроль; законодательные органы власти (Федеральное Собрание); муниципальные структуры, реализующие права на местном уровне [7].

Важно подчеркнуть, что правосознание исторически носит классовый и политически обусловленный характер, защищая интересы доминирующих групп. Однако даже в условиях идеологических противоречий в нём сохраняются универсальные элементы: стремление к справедливости, законности и стабильности правопорядка.

Правовой нигилизм как социальный феномен проявляется в тотальном отрицании значимости права, его норм и социальной роли, что создает серьёзные вызовы для государства и граждан. Его ключевые признаки включают: отвержение общепринятых ценностей; радикализм и массовость распространения; связь с антисоциальными установками.

Таким образом, можно утверждать, что причинами правового нигилизма является:

1. Дефицит правовой информации: несмотря на технологический прогресс, облегчающий доступ к знаниям, Интернет-пространство стало площадкой для манипуляций. Представители маргинальных групп, используя социальные сети и форумы, навязывают аудитории искажённые ценности, включая нигилистические установки. Примером служит распространение фейков о военных конфликтах, где СМИ (например, израильский «Channel 13 News») подменяли реальные кадры видеоиграми или киноматериалами.

2. Низкое качество работы СМИ: вместо просвещения медиа часто тиражируют дезинформацию, искажая исторические факты или интерпретируя события в провокационном ключе, что усиливает недоверие к правовым институтам.

3. Внутренние факторы: стереотипы восприятия: Укоренившееся недоверие к государству, правоохранительным органам и праву в целом; антисоциальные установки личности: Противоречие между индивидуальными целями и нормами общества, ведущее к девиантному поведению; социально-психологические особенности: Влияние среды и личностных характеристик (например, склонность к агрессии или отрицанию авторитетов), способствующих противоправным действиям.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что ключевые вызовы для России в контексте правового нигилизма включают: последствия социально-экономических кризисов, системные нарушения закона, низкий уровень правовой культуры, а также деформацию правосознания граждан. Преодоление этих проблем требует комплексного подхода — от повышения качества правового образования до усиления ответственности СМИ за достоверность информации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бакланова К. Ю. Причины правового нигилизма // Теория государства и права. 2016. № 2. С. 15–20.
2. Суслов Д. М. Правовой нигилизм: причины и пути преодоления / Д. М. Суслов, Н. И. Сухарев, А. Д. Соколов, М. К. Усатов // FORCIPE. 2021. Т. 4. № S1. С. 274.
3. Матузов Н. И. Правовой нигилизм как образ жизни // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2012. № 4(87). С. 1717–33
4. Тихомиров Ю. А. Социальная концепция права: новый подход / Ю. А. Тихомиров, С. Б. Нанба, Ф. В. Цомартова // Журнал российского права. 2014. № 8(212). С. 323–375. Теория государства и права, конституционное и муниципальное право: проблемы и критерии развития / О. Е. Алексикова, А. С. Борисов, Я. В. Коженко [и др.]. – Новосибирск : Сибирская академическая книга, 2016. 196 с.
6. Гражданское общество в российских регионах / М. К. Акимова, И. Г. Брызгалова, Т. А. Гужавина [и др.]. Новосибирск : Сибирская академическая книга, 2015. 140 с.
7. Котляров С. Б. К вопросу о проблемах взаимной ответственности личности и государства в современных условиях / С. Б. Котляров, О. В. Кукушкин // Кооперация науки и общества как инструмент модернизации инновационного развития: Материалы Международной научно-практической конференции, Саранск, 23–24 апреля 2024 года. Саранск : РИЦ МГПУ, 2024. С. 113–118.

УДК 342.15

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА И ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Котляров Сергей Борисович, кандидат исторических наук, доцент

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

Кукушкин Олег Викторович, кандидат философских наук, доцент
Казанский институт (филиал) Всероссийского государственного
университета юстиции (РПА Минюста России)
E-mail: kandidatistorii@rambler.ru , ovkuk@mail.ru

THEORETICAL ASPECTS OF INTERACTION BETWEEN THE LEGAL STATE AND CIVIL SOCIETY: CONCEPTUAL ANALYSIS

Kotlyarov Sergey Borisovich, PhD (History), Associate Professor

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

Kukushkin Oleg Viktorovich, PhD (Philosophy), Associate Professor

Kazan Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia)

Формирование государства, основанного на верховенстве права, неразрывно связано с преодолением различных барьеров - как субъективного, так и объективного характера. Этот сложный процесс требует пристального внимания к роли общественных институтов. Многогранность становления гражданских структур затрагивает множество сфер жизни социума: культуру, образование, экономику, политику, право, технологии и социальное устройство. Особое значение приобретает организационный компонент, который вместе с другими элементами создает фундамент для построения зрелого гражданского общества.

Ключевые слова: правовое государство, гражданское общество, проблемы теоретического характера, свобода, права человека и гражданина.

The formation of a state based on the rule of law is inextricably linked with overcoming various barriers - both subjective and objective. This complex process requires close attention to the role of public institutions. The versatility of the formation of civil structures affects many areas of social life: culture, education, economy, politics, law, technology and social structure. Of particular importance is the organizational component, which, together with other elements, creates the foundation for building a mature civil society.

Keywords: the rule of law, civil society, problems of a theoretical nature, freedom, human and civil rights.

История показывает, как гражданское общество постепенно выделилось из системы, где государственный аппарат был неотделим от социальной структуры. Управленческая элита, монополизировавшая власть, создавала закрытую систему, допуская к рычагам управления только избранных представителей своего круга. Такой подход привел к тому, что государственная машина обслуживала исключительно привилегированную прослойку, игнорируя потребности других социальных групп. Классовое деление общества определяло всю политическую систему, где властные структуры фактически отождествляли себя с государством в целом.

В процессе развития социума возникла потребность разделить понятия гражданского общества и государства, когда юридическое равенство стало нормой. Различные социальные группы, борясь за собственные интересы и стремясь к автономии от государственного аппарата, способствовали формированию этого разделения. Несмотря на то, что государство и гражданское общество существуют как отдельные сферы, они неразрывно связаны между собой и оказывают взаимное влияние друг на друга.

В то время как государственная структура основывается на вертикальной иерархии, где органы власти находятся в системе строгой подчиненности, структура гражданского общества развивается по горизонтальному принципу. В гражданском обществе такое развитие связано с равноправием всех его членов. Разделение на государство и общество привело к юридическому оформлению различия между общественными и индивидуальными интересами, несмотря на все противоречия внутри каждого из них. В качестве основополагающих принципов проявились фундаментальные – равенство перед законом, свобода личности и независимость, которые нашли свое отражение именно в сфере частного права.

Развитие демократических принципов и общественных институтов привело к фундаментальным изменениям в понимании роли конституции в современном мире. Становление гражданского общества существенно трансформировало взгляды людей на основной закон государства и его функции. В процессе этой эволюции произошло четкое разделение полномочий между государственными структурами и общественными институтами. Конституция, как основополагающий документ, теперь не только определяет государственное устройство, но и устанавливает границы вмешательства власти в жизнь граждан. Это разграничение стало ключевым принципом современного демократического общества. Государство берет на себя ответственность за регулирование публичной власти и защиту общественных интересов, в то время как частная сфера жизни граждан находится под контролем самого общества. Такое распределение полномочий способствует развитию гражданских инициатив и защи-

щает личные свободы граждан от чрезмерного государственного контроля. В результате формируется сбалансированная система взаимоотношений, где права и обязанности всех участников четко определены и защищены законом [2].

Без существования эффективных инструментов, которые бы позволяли личности не только влиять на действия государственных структур, но и воплощать в жизнь свои права и свободы, сама идея этих прав осталась бы лишь теорией. С появлением в эпоху Нового времени представительной демократии, где были созданы парламенты с постоянным статусом, имеющие в своем арсенале обширные полномочия для законотворчества, произошло значительное изменение. История формирования гражданского общества и правового государства вызывает множество дискуссий среди исследователей. Существует большое количество различных подходов к пониманию этих важнейших социально-политических феноменов. Несмотря на длительную историю изучения, научное сообщество до сих пор не пришло к консенсусу относительно точных определений данных понятий.

Особую роль в становлении современного гражданского общества сыграли представительные органы власти. Парламентские институты, выступая от имени граждан и защищая их интересы, создали фундаментальную основу для развития демократических принципов. Они обеспечили механизмы представительства различных социальных групп и защиты их прав.

Сегодня продолжают активные дебаты о природе взаимодействия государства и гражданского общества, их взаимном влиянии и границах полномочий. Эта дискуссия остается актуальной в контексте современных вызовов демократии и развития общественных институтов. Возможно, следует рассматривать гражданское общество как сеть взаимоотношений между людьми, которые по собственной инициативе и доброй воле собираются вместе в различные общественные группы, чтобы удовлетворять свои интересы и потребности.

В любой структуре гражданского общества ключевую роль играет наличие законодательной системы, поддерживающей принципы юридического равноправия среди населения. Это условие подразумевает критическую важность внедрения этих принципов в конституцию или аналогичные фундаментальные правовые документы страны, поскольку оно служит основой для поддержания справедливости и порядка в обществе. Таким образом, правовые отношения в сфере взаимодействия между государственной властью и обществом являются многогранными и носят комплексный характер. Они взаимосвязаны и взаимообусловлены. Учитывая «конкурентность» государственной власти по отношению к деятельности общественных институтов, следует сказать, что в ходе такого взаимодействия происходит процесс воздействия власти на общество и его правовая легализация [4].

Основной принцип разделения государства и общества заключается в разграничении прав и обязанностей на уровне индивидуальных и коллективных интересов, которые определяются как частные и общественные сферы деятельности. Это разделение напрямую влияет на методы управления и взаимодействия между этими сферами. Правительственные структуры формируются и действуют в рамках установленного законодательства, в то время как действия отдельных граждан и их объединений имеют большую степень свободы и не всегда подпадают под жесткие законодательные регулировки. В самом сердце гражданского общества лежат индивидуальная свобода и права человека.

Основой гражданского права является принцип, по которому его создают свободные люди, стоящие на одной юридической ступени, а не подчиненные или рабы. Это подчеркивает его название – «гражданское», которое указывает на то, что оно служит интересам тех, кто обладает равными правами и свободами. При гражданском общественном укладе каждый индивид имеет возможность самостоятельно определять свой путь и действовать по своему усмотрению, при условии, что это не мешает другим и не нарушает общественный порядок. При этом, отличительным аспектом правового государства является условие, чтобы общество достигло определенного уровня развития и «зрелости», без которых невозможно существование такой системы.

В условиях наличия объективных механизмов, способствующих условию, когда большая часть населения обладает достаточной властью, чтобы контролировать государственные структуры и использовать законодательство в своих интересах, именно тогда и возникает правовое государство. Состояние, когда граждане активно участвуют в управлении своей страной, определяется как гражданское общество. Многие эксперты сходятся во мнении, что наличие правового государства, в котором власть подчиняется интересам общественности, является ключевым признаком существования гражданского общества [1; 3].

В современном мире формирование и развитие гражданского общества представляет собой сложный многогранный процесс. Его фундаментальная структура охватывает множество взаимосвязанных элементов, создающих целостную систему общественных отношений. Добровольные объединения граждан, общественные организации и движения составляют важнейший социальный базис гражданского общества.

Помимо социального измерения, структура гражданского общества характеризуется тесным переплетением экономических механизмов, политических институтов и информационных потоков. Культурно-духовная составляющая играет особую роль, формируя ценностные ориентиры и нравственные установки членов общества. В этом сложном взаимодействии различных сфер создается уникальная архитектура гражданских институтов. Особое значение приобретает информационная открытость и цифровизация общественных процессов, позволяющая гражданам активно участвовать в социальной жизни. При этом экономическая независимость и политическая активность населения служат важными факторами укрепления гражданского общества. Развитие подобной многоуровневой структуры требует постоянного внимания к балансу интересов различных социальных групп и институтов. Гражданское общество может возникнуть, функционировать и развиваться только в условиях правового демократического государства. Любое гражданское общество предполагает, что государство стоит на службе у человека, обеспечивает его интересы, а человек, в свою очередь, является орудием осуществления политики государства [5].

Формирование развитого гражданского общества является одной из важнейших задач современного демократического государства. Этот сложный процесс требует глубоких преобразований во всех сферах общественной жизни и затрагивает различные аспекты социального устройства. Современная Россия находится на пути становления полноценного гражданского общества, однако этот процесс сталкивается с рядом серьезных препятствий. Одной из ключевых проблем является недостаточный уровень правовой культуры и гражданского самосознания населения, что существенно замедляет развитие демократических институтов.

Важнейшим условием формирования гражданского общества выступает добровольное объединение граждан в различные организации и сообщества для реализации своих интересов и защиты прав. При этом особую роль играет экономическая составляющая – необходимо создание сильного среднего класса как основы социальной стабильности.

Решение проблемы социального неравенства является критически важным фактором в построении гражданского общества. Существующий разрыв между богатыми и бедными слоями населения создает серьезные препятствия для социальной консолидации и развития демократических институтов. Для успешного развития гражданского общества необходимо также повышение уровня политической культуры, развитие независимых СМИ и укрепление местного самоуправления. Только комплексный подход к решению этих задач может обеспечить успешное становление гражданского общества в России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гражданское общество в российских регионах / М. К. Акимова, И. Г. Брызгалова, Т. А. Гужавина [и др.]. Новосибирск, СибАК, 2015. 140 с.
2. Котляров С. Б. Понятие, признаки и структура гражданского общества: проблемы современного развития / С. Б. Котляров, Е. С. Келейникова // Вестник Академии права и управления. 2024. №1(76). С. 32–36.
3. Шоисматуллоев Ш. Ш. Роль гражданского общества в продвижении политики активного долголетия / Ш. Ш. Шоисматуллоев // Общественные науки в современном мире: политология, социология, философия, история: сборник статей по материалам ХС международной научно-практической конференции, Москва, 07 января 2025 года. Москва : Интернаука, 2025. С. 43–47.
4. Кудинова Е. Я. Правовое регулирование взаимодействия органов государственной власти и институтов гражданского общества / Е. Я. Кудинова // Актуальные вопросы науки 2025: сборник статей VII Международной научно-практической конференции, Пенза, 15 января 2025 года. Пенза : Наука и Просвещение, 2025. С. 180–182.
5. Гречишкин Д. С. Конституционно-правовые основы гражданского общества в России / Д. С. Гречишкин // Проблемы становления гражданского общества: сборник статей IX Международной научной студенческой конференции, Иркутск, 19 марта 2021 года. Часть I. Иркутск : ИЮИ (филиал) «Университет прокуратуры РФ», 2021. С. 142–145.

УДК 342.6

ИСПОЛНИТЕЛЬНАЯ ВЛАСТЬ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПОНЯТИЕ, ПРИЗНАКИ, ПРИНЦИПЫ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

Кулагина Екатерина Викторовна, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: kkat.02@mail.ru

EXECUTIVE POWER IN THE RUSSIAN FEDERATION: CONCEPT, FEATURES, PRINCIPLES AND TRENDS OF DEVELOPMENT

Kulagina Ekaterina Viktorovna, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье рассматривается исполнительная власть как ключевой элемент системы разделения властей в Российской Федерации. Подчеркивается отсутствие унифицированного подхода к определению исполнительной власти в современной российской правовой доктрине, что обуславливает актуальность углубленного теоретического анализа данной категории. В работе анализируются основные направления деятельности исполнительной власти, включая подзаконное регулирование, управленческую деятельность, административное правоприменение, осуществление политики государства по лицензированию, регистрации и сертификации, административный контроль, охрану правопорядка и информационное обеспечение органов государственной власти.

Ключевые слова: исполнительная власть, Россия, Российская Федерация, унификация, правовая доктрина, подзаконное регулирование, административное правоприменение, государство, органы власти, парламентские контроль.

The article examines the executive power as a key element of the system of separation of powers in the Russian Federation. It emphasizes the lack of a unified approach to the definition of executive power in the modern Russian legal doctrine, which determines the relevance of an in-depth theoretical analysis of this category. law enforcement, implementation of state policy on licensing, registration and certification, administrative control, law enforcement and information support of state authorities. In conclusion, topical issues of improving the management system and increasing the efficiency of the activities of executive authorities in the Russian Federation are considered, including in the context of strengthening parliamentary control.

Keywords: executive power, Russia, Russian Federation, unification, legal doctrine, subordinate regulation, administrative law enforcement, state, authorities, parliamentary control.

Исполнительная власть – это термин, который трактуется различными теоретиками по-разному, но большинство из них согласно с тем фактом, что данная ветвь власти имеет весьма спорные характеристики в отличие от законодательной и судебной власти и требует более детального изучения. «В обществе ученых исполнительную власть принято трактовать как управление государством, реализующееся путем деятельности исполнительно-распорядительных органов государственной власти, и определяется как ветвь государственной власти, которая воплощает нормы права для дальнейшего урегулирования отношений в экономической, социальной, культурной и административно-политической сферах» [3, с. 26].

«Исследования в области государственного управления и конституционного права демонстрируют, что исполнительная власть является неотъемлемым элементом триады властей, наряду с законодательной и судебной» [1, с. 39]. Её сущностная задача – практическая реализация государственной политики и непосредственное управление общественными процессами. Однако, несмотря на значимость исполнительной власти, в современной российской правовой доктрине отсутствует консенсус относительно её точного определения. Это обстоятельство обуславливает необходимость углубленного теоретического анализа данной категории. «Четкое понимание сущности и структуры исполнительной власти имеет не только академическое, но и важное практическое значение, поскольку способствует эффективному взаимодействию граждан и организаций с государственными органами, а также защите их прав и законных интересов [2, с. 459].

Указом Президента РФ от 9 марта 2004 «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти» установлено, что в систему федеральных органов исполнительной власти входят федеральные министерства, федеральные службы и федеральные агентства [4].

Продолжая представленный анализ исполнительной власти, необходимо отметить, что неоднозначность в трактовке данного понятия порождает ряд теоретических и практических проблем. В частности, отсутствие общепринятого определения затрудняет разграничение полномочий между различными органами исполнительной власти, а также создает предпосылки для произвольного толкования нормативных актов, регламентирующих их деятельность.

Для преодоления указанной неопределенности представляется целесообразным обратиться к историко-правовому контексту формирования института исполнительной власти. Исторически, исполнительная власть возникла как инструмент реализации воли суверена, а её функции сводились к обеспечению исполнения законов и поддержанию порядка. Однако с развитием демократических институтов и принципа разделения властей, исполнительная власть приобрела более сложную структуру и многообразные функции.

В современной теории государственного управления исполнительную власть можно определить как систему органов, наделенных полномочиями по реализации законов и иных нормативных актов, управлению государственным имуществом, обеспечению общественного порядка и безопасности, а также осуществлению внешнеполитической деятельности. При этом, важным аспектом является то, что исполнительная власть не только исполняет законы, но и обладает правом нормотворчества, принимая подзаконные акты, необходимые для реализации законодательных норм.

Для всестороннего рассмотрения понятия исполнительной власти необходимо выявить её ключевые признаки и функции, которые отражают её специфическую роль и место в системе разделения властей.

Итак, «данная ветвь власти характеризуется следующими признаками:

- 1) добросовестное исполнение законов субъектами права;
- 2) организация общества путем государственно-властного механизма;
- 3) функционально-компетенционная самостоятельность в осуществлении деятельности;
- 4) ориентированный характер на воплощение правоприменительных норм» [1, с. 39].

Как и любая ветвь государственной власти, исполнительная власть обладает уникальными характеристиками, позволяющими ей эффективно выполнять возложенные на неё задачи.

Исполнительная власть в Российской Федерации наделена широким спектром полномочий, направленных на реализацию государственной политики и обеспечение эффективного управления обществом. В рамках осуществления своих функций исполнительная власть:

- осуществляет подзаконное регулирование, что является необходимым элементом правового обеспечения реализации государственной политики. Органы исполнительной власти издаются нормативные правовые акты, такие как постановления Правительства РФ, приказы и распоряжения министерств и ведомств, которые детализируют и конкретизируют положения законов;

- осуществляет управленческую деятельность, которая является ядром исполнительной власти. Она заключается в организации исполнения законов, реализации государственных программ и проектов, а также в оперативном управлении государственными делами. Управленческая деятельность охватывает широкий спектр направлений, включая экономику, социальную сферу, образование, здравоохранение, культуру и другие;

- осуществляет административное правоприменение. Эта функция предполагает осуществление контрольно-надзорной деятельности, применение мер административного принуждения и рассмотрение жалоб граждан и организаций на действия (бездействие) органов исполнительной власти;

- осуществляет политику государства по лицензированию, регистрации и сертификации. Исполнительная власть осуществляет выдачу лицензий на осуществление определенных видов деятельности, ведет государственные реестры и регистры, а также проводит сертификацию продукции и услуг. Эти процедуры направлены на обеспечение безопасности и качества товаров и услуг, а также на защиту прав потребителей;

- осуществляет административный контроль за соблюдением правовых норм и общеобязательных правил. Исполнительные органы осуществляют контроль за соблюдением законодательства и иных нормативных правовых актов, а также за выполнением общеобязательных правил поведения. Функция направлена на поддержание правопорядка и обеспечение законности в обществе;

- обеспечивает охрану правопорядка. Исполнительная власть обеспечивает безопасность граждан и общества, предотвращает и пресекает правонарушения, а также осуществляет охрану общественного порядка. Функция реализуется, в частности, органами внутренних дел, Росгвардии и другими правоохранительными органами;

- осуществляет информационное обеспечение органов государственной власти. Исполнительные органы собирают, обрабатывают и предоставляют информацию, необходимую для принятия управленческих решений другими органами государственной власти. Эта функция обеспечивает координацию деятельности различных органов власти и способствует повышению эффективности государственного управления [2].

Реализация вышеуказанных функций исполнительной власти тесно связана с необходимостью обеспечения баланса между государственным регулированием и свободой экономической деятельности, между обеспечением безопасности и защитой прав граждан. Достижение этого баланса требует постоянного совершенствования правовой базы, повышения эффективности государственного управления, а также развития механизмов общественного контроля за деятельностью исполнительной власти. Ненадлежащее исполнение любой из перечисленных функций свидетельствует о некомпетентности соответствующего исполнительного органа и может повлечь за собой юридическую ответственность, включая дисциплинарную, административную, гражданско-правовую или уголовную.

Для обеспечения эффективного функционирования исполнительной власти необходимо учитывать не только ее функции, но и принципы организации и деятельности. К числу основополагающих принципов относятся следующие.

Таблица 1 – Основополагающие принципы

Принцип	Характеристика
Принцип законности	Этот принцип предполагает, что любые действия исполнительных органов должны иметь четкую правовую основу и не выходить за рамки предоставленных полномочий
Принцип разделения властей	Исполнительная власть является самостоятельной ветвью государственной власти, но при этом взаимодействует с законодательной и судебной властями в рамках системы

	сдержек и противовесов. Это взаимодействие обеспечивает баланс интересов и предотвращает концентрацию власти в одних руках
Принцип гласности и открытости	Этот принцип предполагает обеспечение доступа к информации о деятельности исполнительной власти, проведение консультаций с общественностью при принятии важных решений, а также учет общественного мнения при формировании и реализации государственной политики
Принцип профессионализма и компетентности	Этот принцип предполагает постоянное повышение квалификации государственных служащих, внедрение современных методов управления и использование информационных технологий
Принцип ответственности	«Исполнительные органы и их должностные лица несут ответственность за свои действия и решения. Эта ответственность может быть дисциплинарной, административной, гражданско-правовой или уголовной в зависимости от характера и тяжести совершенного правонарушения» [3, с. 26]

В настоящее время в российском обществе активно обсуждается вопрос о совершенствовании системы управления и повышении эффективности деятельности органов исполнительной власти. Одним из направлений дискуссии является возможное изменение системы подчинения правительства и усиление роли Государственной Думы в контроле за деятельностью исполнительной власти. Данный вопрос является дискуссионным и требует всестороннего анализа с учетом различных точек зрения. Однако, не вызывает сомнений необходимость обеспечения надлежащего контроля за деятельностью исполнительной власти, поскольку бесконтрольность может привести к злоупотреблениям и узурпации власти. Усиление парламентского контроля за деятельностью исполнительной власти может способствовать повышению ее подотчетности обществу и эффективности.

Следует обратить внимание на значимость аналитической и прогностической деятельности исполнительных органов. В условиях динамично меняющейся внешней и внутренней среды, органам исполнительной власти необходимо осуществлять постоянный мониторинг социально-экономических процессов, выявлять тенденции и риски, а также разрабатывать прогнозы развития ситуации. На основе полученных данных принимаются управленческие решения и разрабатываются стратегические планы, направленные на достижение поставленных целей и задач.

В заключение отметим, что исполнительная власть является ключевым элементом системы государственного управления, обладающим широким спектром полномочий. Эти полномочия охватывают как нормотворческую, так и правоприменительную деятельность, а также функции контроля и обеспечения безопасности. Существенной характеристикой исполнительной власти является ее подзаконный характер. Издание нормативных правовых актов, конкретизирующих положения законов, позволяет оперативно реагировать на изменения в социально-экономической ситуации и обеспечивать гибкость в управлении. Однако, необходимо отметить, что подзаконное регулирование должно осуществляться в строгом соответствии с Конституцией РФ и федеральными законами, чтобы избежать нарушения прав и законных интересов граждан и организаций. Данное обстоятельство требует постоянного совершенствования механизмов контроля за законностью и обоснованностью подзаконных актов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вязовченко Л. И., Ахмерова Р. Р. Взаимодействие органов исполнительной власти в условиях использования информационных технологий // Государство и общество: вчера, сегодня, завтра. Серия: Право. 2017. № 17 (3). С. 39–46.
2. Еланцева О. П. Автоматизация оказания государственных услуг: учебное пособие. Тюмень: ТюмГУ, 2016. 459 с.
3. Лолаева А. С. Информационное взаимодействие федеральных органов исполнительной власти и органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации // Annali d'Italia. 2021. № 25. С. 26–30.
4. О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти / Указ Президента РФ от 09 марта 2004 г. № 314.

УДК 341

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ПРАВА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Кулыгин Максим Владимирович, магистрант

Чебоксарский институт (филиал) Московского гуманитарно-экономического университета

E-mail: zannabaka@mail.ru

PROBLEMS OF MODERN LAW IN THE CONTEXT OF MODERN REALITY

Kulygin Maxim Vladimirovich, Master's Degree student

Cheboksary Institute (branch) Moscow University of Humanities and Economics

В статье рассматривается проблема международного права, обусловленная характеристиками международного права в контексте реальности. Необходимо создать модель международного права, опирающуюся на коллективную правовую си-

стему, обусловленную индуктивными категориями. Ключевые точки международного права, обусловлены не только личностно-этическими моментами, но и осуществление деятельности субъектов при критических событиях в определенном правовом поле.

Ключевые слова: международное право, индуктивность, коллективное право, модель, критические события, ключевые точки, оценка, современная реальность, договор, нормы.

The article examines the problem of international law, determined by the characteristics of international law in the context of reality. It is necessary to create a model of international law based on a collective legal system based on inductive categories. The key points of international law are determined not only by personal and ethical issues, but also by the implementation of the subjects' activities during critical events in a certain legal field.

Keywords: International law, inductance, collective law, model, critical events, key points, assessment, modern reality, contract, norms.

Актуальность темы обусловлена тремя вопросами практического характера: 1. Каковы требования действующего международного права? 2. Какие части международного гуманитарного права применяются в контексте современности? 3. Что необходимо сделать сегодня на национальном и международном уровнях в рамках изучения современного права? На этом фоне необходимо провести общую оценку, которая также включает некоторые предложения по поиску решения вышеупомянутых фундаментальных проблем. Международное гуманитарное право в значительной степени состоит из императивных принципов, которые в соответствии со статьей 53 Венской конвенции о праве международных договоров являются нормами, принятыми и признанными международным сообществом государств в их первоначальном виде.

Выделяют фундаментальные проблемы, связанные с соблюдением международного гуманитарного права, примененного в вооруженных конфликтах. В мирное время никто не стремится к ситуации, в которой это право будет эффективно реализовано [1, с. 39]. Кроме того, на самом деле нелегко пробудить интерес к нормам, которые имеют мало общего с личным опытом. Но, если определенные усилия и действия не предпринимаются в мирное время, то не следует ожидать, что эти нормы будут соблюдаться в случае кризиса или вооруженного конфликта [2, с. 126]. Другая проблема заключается в том, что, как показывает практика, нарушения примененного права многочисленны в случае вооруженного конфликта. В соответствии с предвзятым и широко распространенным мнением, против такого рода нарушений не могут быть предприняты эффективные законные действия, так что требование гуманитарной защиты обычно не выполняется в таких случаях.

Важность западной доктрины «юридического глобализма» безусловно, зависит от военно-экономической гегемонии Запада, а также от влияния процессов глобализации, которые, по-видимому, требуют объединения в планетарном масштабе, также регулирующих и юрисдикционных структур. Но это также зависит от того обстоятельства, что это философия права, направлена на узаконивание существующих сегодня международных институтов, в частности, их новейших гуманитарных и судебных разработок.

Идея международного права, которую предлагает, неотделимость от метафизической точки зрения, отраженной в понятии, которая ставит в основу международного правового сообщества двойственную веру в моральную природу и единство человечества. В философии права преобладает идея, кантианская и неокантианская, о том, что прогресс человечества возможен только при условии, что определенные этические принципы разделяются всеми людьми и подкрепляются наднациональными силами, которые выходят за рамки «многобожия» существующих сегодня этических убеждений и нормативных порядков. Неудивительно, что индивидуалистически-либеральная доктрина прав человека, представлена незападным культурам как парадигма политической Конституции мира. И даже явление войны объясняется ситуацией «анархии», которая, согласно этой монистической философии, характеризует отношения между государствами на протяжении как минимум трех столетий [3, с. 181]. Праведный мировой порядок и стабильный и всеобщий мир могут быть гарантированы, только иерархией наднациональной власти, универсальным законодательством и обязательным уголовным законодательством.

Одно из современных течений права предлагает, в качестве альтернативы, модель юридического общества между суверенными государствами или между политическими и социальными организациями, а не между отдельными членами человеческого рода.

Современная философия права должна быть в состоянии, другими словами, предложить различные и альтернативные схемы правовой и институциональной организации. Теория международного права должна строить свои категории индуктивным методом, начиная с анализа политических, экономических и военных проблем, которые являются международной повесткой дня. Отказаться от какой-либо прерогативы когнитивной объективности и универсальности своих высказываний и, следовательно, не пытаться привязать действительность международного права к предполагаемой "истине" или, тем более, к универсалистской этике.

В свете эпистемологии правовая теория такого рода должна ограничиваться предложением определенных нормативных инструментов как функциональных в отношении определенных целей, предполагаемых в гипотезах как достойных преследования. И при определении целей и инструментов следует учитывать историко-социальные переменные, ограничивающие эффективность правовых норм, особенно международного права. Последний, настолько подвержен непредвиденным обстоятельствам военно-политического равновесия и потрясениям на рынках, что рискует исчезновением регулирования больше, чем любой другой. Эта теория также должна четко определять взаимосвязь, которую она намеревается установить между функциями международного порядка и функциями государственного порядка. И при выполнении этого выбора следует, по крайней мере, косвенно, ссылаться на философию права, которая определяет функции, которые он намеревается приписать праву как специфический нормативный метод: метод, который способствует взаимодействию с другими нормативными способами.

Альтернативная концепция международного права может быть разработана путем принятия в качестве ориентира реалистической линии мышления. Эта линия была выражена в ее наиболее авторитетной формулировке в работе с большой теоретической ценностью, такой как анархическое общество. Реконструктивное предложение разработать в конкретных терминах реалистической философии международного права то, что было предложено, только на уровне интуиции или общих высказываний остается актуальным на сегодняшний день.

Можно предположить, что «отправные точки» не нейтральны, но на самом деле в них загружены информация в рамках философских предположений. В формулировке пунктов есть неявные ссылки на довольно определенную общую эпистемологию, антропологию и политико-правовую теорию.

Обеспечение безопасности это согласно реалистической концепции, специфическая функция политической и правовой системы [4, с. 39]. Эти социальные структуры гарантируют людям минимальный уровень управляемости и предсказуемости социальной среды, в которой они живут, избирательно защищают их от рисков и, в итоге уменьшают страх. Естественно, что современное право остерегается идеи идеального места разума, в котором должны сходиться универсальная мораль, универсальное право и универсальное государство; место, другими словами, в котором реализуется «минимальный политический порядок». Первый момент связан с идеей о том, что теория международного права может быть только «нечистой теорией» права. Международная сфера представлена сферой, в которой примесь правовой теории кажется более чем когда-либо навязанной характеристиками ее объекта. На международной арене отношения между правом и властью настолько узки и настолько двусмысленны, что философия международного права сводилась бы к чистым нормативным спекуляциям, если бы она не поставила в центр своей теории множество переменных, которые делают связь между книжным и действительным правом проблематичным. Достаточно вспомнить сложные отношения тематического пересечения и нормативной взаимозависимости, которые соединяют между собой правовыми предписаниями – культурные традиции различных континентов, политические идеологии, деятельность крупных концентраций экономической и финансовой власти, военно-политические стратегии сверхдержав, политический терроризм и международная преступность.

Теория права как наука о чистых нормативных предложениях, отделенная от политической теории и социологии субъектов и нормативного поведения является менее предлагаемой в международной сфере, чем во внутренней. Таким образом, современная и реалистичная теория международного права должна прежде всего тематизировать взаимосвязь, существующую между формами права. Другими словами, речь идет о признании невозможности «очистить» международное право, отделив его от международной политики, и параллельной невозможности стерилизовать политику во всех ее формах [5, с. 38–39].

Тезис о множественности и структурной дифференциации правовых систем является определяющим в современном праве. Порядок, хотя и сильно отличается друг от друга с морфологической точки зрения устанавливает: каноническое право. Следует отвергнуть монистическую и нормативную идею, для которой она не может существовать, из-за предполагаемой логической необходимости. Историческую эволюцию международного права в соответствии с эволюционными этапами права государств обуславливают существование эволюционных законов, касающихся структуры правовых систем [6, с. 45–46].

На историко-эволюционном уровне правовая система тем более совершенна, чем больше применение силы вычитается из индивидуальной инициативы и централизуется в специализированных органах, таких как правительства и суды. В этом смысле современное национальное государство видится как совершенная правовая система, потому что внутри нее коллективный порядок, обеспечивающийся высокой централизацией применения силы. Но с реалистической точки зрения правовое качество международного упорядочения должно оцениваться не с точки зрения его «структуры», а с точ-

ки зрения его «функций»: а именно его способности претворять в жизнь свои нормативные требования в отношении целей [7, с. 57].

В предположении, что задача обеспечения коллективной безопасности во всем мире, приписывается международному праву как степень регулирования эффективности. Поэтому не менее разумно полагать, что международное право должно стремиться, чтобы преодолеть свое состояние структурной примитивности, к централизации своих принудительных функций и обязательности своей уголовной юрисдикции. Международный порядок с централизованной структурой, не смог бы, за исключением более низкого уровня эффективности, урегулировать международный конфликт – порядок, который в гипотезе способствует распространению международного терроризма или отделению влиятельных международных преступных организаций.

С другой стороны, если бы это было связано с международным порядком, то можно обеспечить коллективную безопасности, но и, прежде всего, ритуализацию применения силы, а именно, в связи с этим параметром следует измерить его регулируемую эффективность. Решающим элементом в этом случае будет его способность не подчинять международную власть формам и процедурам права. В качестве реалистического параметра следует рассматривать не саму централизованную правовую-институциональную модель, а модель, способную к большей эффективности, чем ее регулирующие цели [8, с. 68]. С этой гипотетической точки зрения можно утверждать, что именно Лига Наций должна рассматриваться как высшая правовая форма. Его завет не склонял международное право признать превосходство некоторых великих держав, приписывая им «юридическую прибавочную стоимость» права вето и ряд других произвольных привилегий и полномочий.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Имяреков С. М.* История управленческой мысли / С. М. Имяреков; Саран. кооп. ин-т (фил) РУК. Саранск : Тип. «Руз. печатник», 2017. 200 с.
2. *Имяреков С. М.* Стратегия Владимира Путина: модернизация Российского государства и экономики / С. М. Имяреков. Москва : Академический проект, 2017. 500 с.
3. *Имяреков С. М.* Мордовия: модернизация 2000-х гг. / С. М. Имяреков; СКИ РУК; Лит. фонд России. Саранск : Тип. «Красс. Окт.», 2014. 256 с.
4. *Имяреков С. М.* Проблемы социально-экономической политики и качества жизни населения региона и направления их устранения / С. М. Имяреков, Ж. Ю. Бакаева // Вестник Российского университета кооперации. 2020. № 1 (39). С. 3737–425.
5. *Имяреков С. М.* Развитие жилищного строительства как драйвер экономического развития России / С. М. Имяреков, И. В. Волгина, И. В. Романова // Вестник Российского университета кооперации. 2018. № 2 (32). С. 36–40.
6. *Старченко В. М.* Регулирование земельных и имущественных отношений в сельскохозяйственных производственных кооперативах: монография / В. М. Старченко, С. М. Имяреков, А. Г. Сулейманова. Москва : Восход-А, 2007. 104 с.
7. *Левчаев П. А.* Финансы и налогообложение организаций: учебное пособие / П. А. Левчаев, С. М. Имяреков, Н. Н. Семенова. Москва : Академический проект, 2007. 205 с.
8. *Имяреков С. М.* Заготовительная деятельность потребительской кооперации Республики Мордовия: проблемы и перспективы развития: монография / С. М. Имяреков. Саранск, 2006. 256 с.

УДК 342.9

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ НАДЗОРА В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ

Логунова Анастасия Александровна, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st808900@ruc.su

CURRENT ISSUES OF SUPERVISION IN THE FIELD OF EDUCATION

Logunova Anastasia Alexandrovna, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

Данная статья посвящена вопросам организации надзора в сфере образования. Помимо этого, авторы рассматривают соотношение понятий «контроль» и «надзор» применительно к образовательному процессу.

Ключевые слова: надзор, образование, государственный надзор, надзорный орган, надзорные функции.

This article is devoted to the organization of supervision in the field of education. In addition, the authors consider the relationship between the concepts of «control» and «supervision» in relation to the educational process.

Keywords: supervision, education, state supervision, supervisory authority, supervisory functions.

Образование на современном этапе развития государства выступает не только в качестве инструмента подготовки кадров, но и одной из наиболее значимых сфер государственного регулирования, а также ключевым компонентом и двигателем социально-экономического развития современного государства. Действующее законодательство Российской Федерации гласит об общедоступности образования, о его бесплатности. Однако стоит помнить о том, что на бесплатной основе высшее образование можно получить лишь один раз.

Исследуя базу научно-исследовательских работ, посвященных исследованию и анализу вопросов организации надзорных мероприятий в сфере образования, прежде всего, следует отметить достаточно низкий уровень исследованности данных вопросов в современной юридической доктрине. В силу данных обстоятельств, в рамках данной статьи мы рассмотрим вопросы организации надзора в сфере образования.

Прежде всего, отметим, что данные вопросы регламентируются фундаментальным нормативно-правовым актом, т. е. Федеральным законом от 29.12.2012 № 273-ФЗ. В качестве базисной нормы, в рамках которой рассматриваются вопросы надзора в сфере образования, выступает норма-дефиниция, содержащая определение государственного контроля (надзора) в сфере образования. Так, согласно ч. 1 ст. 93 Закона об образовании, он включает в себя федеральный государственный контроль (надзор) в сфере образования, государственный контроль (надзор) за реализацией исполнительными органами субъектов Российской Федерации полномочий в сфере образования, государственный контроль (надзор) за реализацией органами местного самоуправления полномочий в сфере образования» [1].

На наш взгляд объединение понятий «контроль» и «надзор» в данном случае вводит в заблуждение. Данные категории принципиально отличаются друг от друга, представляют собой различные процессуальные действия и результаты.

Рассматривая контроль в сфере образования, мы должны иметь в виду, что под ним понимается деятельность компетентных органов, направленная на объективную оценку соответствия содержания и качества подготовки обучающихся лишь по аккредитованным образовательным программам федерального государственного стандарта.

Особенность надзора является наличие четкой направленности на результат. Проведение надзора способствует не только предотвращению и выявлению правонарушений, но и пресечению нарушений законодательства об образовании. В качестве субъекта, в отношении которого проводятся надзорные мероприятия, выступают образовательные организации. Конечным результатом надзора является фиксация имеющихся нарушений, а также предписания по их устранению [2, с. 253].

Функции по надзору в сфере образования на сегодняшний день возложены на специально созданный орган исполнительной власти – Федеральную службу по надзору в сфере образования и науки. Положение определяет Рособрнадзор как федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по нормативно-правовому регулированию в сфере государственной регламентации образовательной деятельности, в сфере федерального государственного контроля (надзора) за соблюдением обязательных требований к проведению экзамена по русскому языку как иностранному, истории России и основам законодательства Российской Федерации и выдаче иностранным гражданам сертификата, функции по контролю и надзору в сфере образования и науки, в сфере проведения экзамена по русскому языку как иностранному, истории России и основам законодательства Российской Федерации и выдаче иностранным гражданам сертификата, в сфере защиты детей от информации, причиняющей вред их здоровью и (или) развитию, функции по признанию образования и (или) квалификации, полученных в иностранном государстве, по предоставлению государственных услуг в рамках полномочий, предусмотренных Положением.

Предлагаем более подробно рассмотреть процедуру осуществления государственного надзора в сфере образования. Так, в качестве предмета такой процедуры выступает проверка соблюдения органами и организациями в сфере образования действующего законодательства и его предписаний. Предметом проверок может быть также проверка выполнения вышеупомянутыми субъектами предписаний Рособрнадзора об устранении выявленных нарушений законодательства в сфере образования [3].

Документарные проверки проводятся по месту нахождения территориального органа Рособрнадзора. В частности, для проведения данной проверки необходимо изучить документы, представленные организацией, а также имеющихся сведений. Помимо этого, может использоваться информация, которая находится в свободном доступе в сети Интернет, а также на официальных ресурсах организаций. Согласно действующим на сегодняшний день правилам, общий срок проведения данной проверки составляет 10 рабочих дней без учета времени, затрачиваемого на истребование документов и объяснений. Также следует отметить, что орган, осуществляющий надзорные функции, может запросить письменные объяснения, а также истребовать документы, необходимые для проведения проверок. При необходимости можно проводить экспертизы.

Следующий вид надзорных мероприятий – выездные проверки. Они проводятся на базе организации или по месту осуществления организацией своей непосредственной деятельности. На проведение выездных мероприятий установлены сроки в 5 рабочих дней. Исключительным случаем является использование дистанционного способа взаимодействия, в таком случае срок продлевается до 10 дней. При этом в рамках проведения выездной проверки допускается проведение осмотров, опросов, ис-

следование документов, письменные объяснения, а также проведение экспертизы, способствующей всесторонней проверке организации.

Важно отметить, что при организации внеплановых проверок они могут быть проведены в местах проведения единого государственного экзамена, т. е. в пунктах проведения самого экзамена и региональном центре обработки информации.

В рамках процедуры государственного надзора за соблюдением законодательства об образовании органы управления вправе проводить следующие действия:

- всесторонний анализ и экспертиза документов и материалов, полученных в ходе надзорных мероприятий, содержащих сведения о деятельности проверяемой организации. При этом, в данном случае речь также идет и о нормативных актах организации (особенно при проведении документарных проверок);

- анализ представленной информации, размещенной органом управления на официальных ресурсах организации в сети Интернет, а также иными способами, незапрещенными действующим законодательством.

Результаты проведения надзорных мероприятий закрепляются документально актом проверки, который содержит в качестве приложений заключения экспертов, которые принимали непосредственное участие в проведении проверки. На основании данного акта о проведении проверки, а также экспертного заключения формируется отчет о проведении проверки, утверждаемый руководителем надзорного органа, а при отсутствии – заместителем руководителя. Данный отчет содержит конкретное указание на выявленные нарушения, а также меры, направленные на их устранение и по отношению к должностным лицам и организациям их совершившим.

Важно также акцентировать внимание на том, что, если при проведении надзорных мероприятий выявлены нарушения требований федерального государственного образовательного стандарта надзорный орган предъявляет организации-нарушителю предписание об устранении выявленных нарушений требований федерального государственного образовательного стандарта.

Рисунок 1 – Количество надзорных мероприятий в сфере образования за 2023–2024 гг.

Исследуя надзорные мероприятия, а также последствия выявления нарушений обратимся к правоприменительной практике. Согласно данным, представленным на официальном сайте Рособрнадзора, в первом полугодии 2024 года было проведено свыше 160 надзорных мероприятий, в результате которых выявлено свыше 150 нарушений требований законодательства. По факту выявления нарушений Рособрнадзором приняты меры об их устранении. Проводя сравнительный анализ с 2023 годом, мы наблюдаем тенденцию увеличения количества проводимых надзорных мероприятий. В первом полугодии 2023 году их количество составило – 53 ед. Мы видим, что количество проверок в первом полугодии 2024 года возросло практически в 3 раза по сравнению с первым полугодием 2023 года [4].

Соответственно, надзорный орган стал проводить больше проверок с целью выявления нарушений соблюдения требований законодательства об образовании, а также устранения нарушений.

Помимо этого, в юридической доктрине уделяется внимание нормативно-правовому регулированию вопросов организации и проведения надзора в сфере образования. В частности, в законодательстве, к сожалению, отсутствует четкое упоминание о привлечении к юридической ответственности лиц, которые игнорируя предписания законодательства, нарушили их. В качестве одной из проблем выступает составление правовых актов по результатам проведения проверки, что связано с наличием достаточно тяжелого для понимания понятийного аппарата. Как отмечают в исследованиях, законодательные акты, регламентирующие проведение надзорных мероприятий достаточно сложны и для специалистов в этой области, не говоря уже о рядовых гражданах, которые совсем в этом не разбираются [5, с. 74].

Таким образом, мы выяснили, что понятия контроля и надзора имеют некоторые сходные черты, однако это не делает их тождественными. В ходе проведения надзорных мероприятий выявляются и пресекаются нарушения законодательства об образовании, вследствие чего готовится предписание об их устранении. Основным надзорным органом при этом выступает Федеральная служба по надзору в сфере образования и науки. При осуществлении надзорных мероприятий орган может запрашивать необходимые документы, проводить опросы, экспертизы и т.д. При выявлении каких-либо нарушений дается предписание об их устранении. Также, анализируя статистику надзорных мероприятий, мы выявили их рост в несколько раз. Помимо этого, теоретиками выдвигается несколько недостатков построения некоторые положений законодательства касательно проведения надзора в сфере образования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Об образовании в Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ // СЗ РФ. 2012. № 53 (часть I). – Ст. 7598.
2. Казенков О. Ю. Контроль и надзор в сфере образовательной деятельности: теоретическое и практическое «разграничение» институтов / О. Ю. Казенков // Образование и право. 2018. № 3. С. 251–258.
3. Об утверждении Положения о Федеральной службе по надзору в сфере образования и науки и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации : Постановление Правительства РФ от 28.07.2018 № 885 // СЗ РФ. 2018. № 32 (часть II). Ст. 5344.
4. Открытые данные // Федеральная служба по надзору в сфере образования и науки (Рособрнадзор) : официальный сайт. URL: <https://obrnadzor.gov.ru/otkrytoe-pravitelstvo/opendata/>.
5. Ахмадеева Г. И. Проблемы государственного контроля и надзора в сфере образования / Г. И. Ахмадеева, И. А. Биккинин // Вестник науки. 2023. № 10 (67). С. 72–76.

УДК 342.9

ОРГАНИЗАЦИЯ КОНТРОЛЯ КАЧЕСТВА ОБРАЗОВАНИЯ: ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Логунова Анастасия Александровна, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st808900@ruc.su

ORGANIZATION OF QUALITY CONTROL OF EDUCATION: EXPERIENCE AND PROSPECTS

Logunova Anastasia Alexandrovna, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В рамках данной статьи рассматриваются вопросы организации контроля качества образования. Авторы акцентируют свое внимание не только на существующем опыте, но и выдвигают перспективы совершенствования механизма контроля в сфере образования.

Ключевые слова: контроль, образование, государственный контроль, лицензирование, образовательный процесс.

This article discusses the organization of quality control of education. The authors focus not only on existing experience, but also put forward prospects for improving the control mechanism in the field of education.

Keywords: control, education, state control, licensing, educational process.

Контроль качества образования является важным аспектом образовательной системы любой страны. Он позволяет оценить уровень знаний и навыков учащихся, выявить слабые места в образовательной программе и принять меры для их устранения.

Федеральный закон «Об образовании» в ч. 1 ст. 93 закрепляет, что государственный контроль в сфере образования подразумевает под собой целый комплекс мер, целью которых является обеспечение соблюдения норм действующего законодательства по вопросам образования. В качестве основных элементов данных мер выступают государственный контроль, контроль на уровне субъектов Российской Федерации, предполагающий осуществление контроля за органами исполнительной власти субъектов, а также контроль, осуществляемый на муниципальном уровне, т. е. контроль за правильной реализацией полномочий, возложенных на органы местного самоуправления.

Предметом федерального государственного контроля (надзора) в сфере образования являются следующие положения, закрепленные в действующих нормативно-правовых актах:

- соблюдение, закрепленных в законодательстве обязательных предписаний, в том числе, лицензионные требования к образовательной деятельности, федеральные государственные обязательные стандарты, а также условия выполнения аккредитационных показателей;
- соблюдение требований и создание необходимых условий с целью обеспечения доступности объектов социальной, инженерной и транспортной инфраструктуры для инвалидов [1].

Наиболее детально процедура проведения федерального государственного контроля (надзора) в

сфере образования урегулирован в ином нормативно-правовом акте. В частности, он определяется Постановлением Правительства Российской Федерации от 25.06.2021 № 997 «Об утверждении Положения о федеральном государственном контроле (надзоре) в сфере образования».

Данное Постановление закрепляет, что контрольный орган при осуществлении федерального государственного контроля (надзора) вправе привлекать экспертов и экспертные организации в целом. В данном случае услуги привлекаемого эксперта оплачиваются в строгом соответствии с порядком и размерами, которые определены Постановлением Правительства Российской Федерации. Помимо оплаты услуг эксперта, он также может требовать возмещение произведенных расходов, которые напрямую связаны с его участием в контрольных (надзорных) мероприятиях.

В связи с осуществлением экспертизы эксперту возмещаются все транспортные расходы до места осуществления своей деятельности юридическим лицом или индивидуальным предпринимателем, в отношении которого осуществляется государственный контроль (надзор) в сфере образования. Также возмещаются необходимые расходы по проживанию эксперта.

Учет объектов государственного контроля (надзора) осуществляется посредством:

- реестра лицензий на осуществление образовательной деятельности;
- государственной информационной системы «Реестр организаций, осуществляющих образовательную деятельность по имеющим государственную аккредитацию образовательным программам»;
- государственной информационной системы государственного надзора в сфере образования;
- федеральной информационной системы «Федеральный реестр сведений о документах об образовании и (или) о квалификации, документах об обучении»;
- иных государственных и региональных информационных систем путем межведомственного информационного взаимодействия [2].

Крайне важно, чтобы у организации, которая осуществляет проведение образовательного процесса, была действующая лицензия, а также высококвалифицированные учителя и педагоги, что предусмотрено действующим законодательством.

Немаловажным при контроле качества образования проводить различные мероприятия, направленные на выявление качества образования.

Одним из основных инструментов контроля качества образования является стандартизация. Она позволяет установить единые требования к уровню знаний и навыков учащихся в разных регионах и странах. Это обеспечивает сопоставимость результатов и позволяет проводить сравнительный анализ.

Также в качестве наиболее распространенного метода контроля качества образования выступает тестирование. Оно позволяет оценить уровень знаний и навыков учащихся в различных областях, таких как математика, физика, химия, иностранные языки и другие.

Помимо вышеназванных методов, одним из распространенных методов является мониторинг, который позволяет отслеживать динамику изменений в уровне знаний и навыков учащихся. Он позволяет выявить тенденции и принять меры для улучшения качества образования.

Применяя системный подход к образовательному мониторингу, исследователи выделяют следующие уровни мониторинга качества образования:

– в рамках проведения мониторинга внутри школы результатом становятся сведения не только об уровне знаний отдельно взятого ученика, но и о функционировании всего образовательного учреждения в целом;

– следующий не менее важный уровень – муниципальный. В рамках мониторинга на данном уровне производится оценка работы системы образования на муниципальном уровне путем проведения сравнительного анализа каждого элемента системы образования, каждой образовательной организации, при этом во внимание берется специфика данного учреждения. Результатом мониторинга на данном уровне является прогноз развития образования в конкретном рассматриваемом районе;

– организация и проведение мониторинга на региональном уровне способствует формированию объективной оценке эффективности функционирования системы образования на уровне региона путем проведения сравнительного анализа образовательных учреждений всех муниципалитетов региона;

– на федеральном уровне дается оценка функционирования всей федеральной системы образования в целом, выстраиваются различные прогнозы по ее развитию, используя данные мониторинга на предшествующих уровнях.

Мониторинг, осуществляемый на различных уровнях, предоставляет педагогам ценную информацию, анализ которой позволяет оценить эффективность применяемых методов обучения и восприятие учебного материала учащимися [3, с. 57].

Соответственно после проведения мероприятий, направленных на выявление качества современ-

ного образования, осуществляется анализ полученных результатов, которые впоследствии позволяют выявить как слабые места, над которыми необходимо поработать, так и определить положительный опыт и определить перспективы развития образования.

С целью устранения всех недостатков предоставляется обратная связь, которая позволяет вносить в дальнейшем необходимые коррективы в образовательный процесс.

Все данные инструменты используются на современном этапе развития образования. В частности, они применяются в большей своей степени при оценке качества школьного образования.

Важно отметить, что на сегодняшний день в образовательных организациях для обучающихся различного возраста проходят мероприятия, направленные на выявление уровня полученных знаний, а также определение уровня качества образования посредством организации ВПР, экзаменационных работ, а также различных проверочных работ, по результатам которых определяется уровень и качество получаемого образования.

Однако, на наш взгляд, чтобы оценить качество получаемого образования крайне важно проводить проверочные работы, которые будут в большинстве своем содержать не тестовые задания, а, например, вопросы с открытым вариантом ответа, чтобы обучающийся смог дать свою оценку поставленной перед ним задаче. Данный вариант будет эффективнее, а также в таком случае обучающиеся не будут загнаны в рамки, будут учиться размышлять сами, а не просто ставить галочку напротив одного из вариантов.

На основе применяемых на сегодняшний день инструментов контроля качества образования можно выделить следующие перспективы развития данного направления.

В силу того, что на данный момент процесс цифровизации пронизывает практически все сферы жизнедеятельности, целесообразно предположить, что он может открыть инновационные возможности для проведения наиболее качественного контроля качества образования. Применение современных технологий позволяет нам не только ускорить и автоматизировать прохождения различных тестирований, но и автоматизировать систему мониторинга, а также анализа полученных результатов. Несомненно, процесс цифровизации уже постепенно проникает в систему образования, однако даже на сегодняшний день есть некоторые пункты, которых данный процесс еще только ожидает.

Для улучшения качества образования мы рекомендуем использовать индивидуальный подход абсолютно к каждому обучающемуся. Несмотря на общую образовательную программу, необходимо стараться найти подход к ученику, при этом важно учитывать индивидуальные особенности каждого ученика. Каждый обучающийся обладает разным уровнем восприятия, что усложняет проведение занятий.

Внедрение инновационных технологий способствуют помимо всего прочего повышению мотивации обучающихся, а также автоматизации результатов проведенного контроля и мониторинга. На данный момент крайне важно применять при проведении занятий новых методов обучения, новых подходов, а также геймификации уроков с целью наилучшего восприятия информации обучающимися. У современной молодежи развито клиповое мышление, в связи с этим крайне важно искать новые форматы и организовать процесс обучения в более интерактивном формате, что способствует наиболее эффективному восприятию информации.

Однако у преподавательского состава, к сожалению, отсутствуют навыки для организации занятий в таком формате. Поэтому мы предлагаем организовать для них курсы повышения квалификации, в результате которых у преподавателей сформируются навыки проведения занятий в наиболее интерактивном формате. Также для проведения таких мероприятий важно приобретать инвентарь, соответственно, это тоже требует некоего дополнительного финансирования. Для эффективного восприятия информации необходимо подготовить пространство, соответствующее всем требованиям для проведения интерактивных мероприятий.

Интерактивный формат проведения мероприятий способствует наиболее осознанному представлению при выборе обучающимся своей будущей профессии, что способствует снижению количества выпускников ВУЗов, которые впоследствии идут работать не по специальности.

В силу вышеизложенного, следует отметить важность организации контроля качества образования как одного из элементов системы образования. Это способствует формированию объективной оценки уровня знаний и навыков у обучающихся образовательных организаций и учреждений, а также определению сильных и слабых сторон системы образования. При проведении контроля качества образования чаще всего прибегают к методам стандартизации, тестированию, мониторингу, а также анализу результатов и цифровизации. Данные методы оказывают значительное воздействие на повышение качества образования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Об образовании: Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ // СЗ РФ. 2012. № 53 (часть I). Ст. 7598.
2. Об утверждении Положения о федеральном государственном контроле (надзоре) в сфере образования : Постановление Правительства РФ от 25.06.2021 № 997 // СЗ РФ. 2021. № 27 (часть II). Ст. 5385.
3. Пономарчук Н. В. Мониторинг качества обучения в современной системе образования / Н. В. Пономарчук, К. К. Капшукова, Е. А. Васильченко // Символ науки. 2020. № 7. С. 56–59.

УДК 340

ЦИФРОВИЗАЦИЯ В ПРОФИЛАКТИКЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ФИНАНСОВ

Ломакин Павел Алексеевич, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: lomakin_pavel_5@mail.ru

DIGITALIZATION IN CRIME PREVENTION IN PUBLIC FINANCE

Lomakin Pavel Alekseevich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье рассматриваются актуальные вопросы предупреждения преступлений в области государственных финансов в условиях цифровизации.

Ключевые слова: цифровизация, профилактика преступлений, государственные финансы, информационное общество, закон.

The article discusses topical issues of crime prevention in the field of public finance in the context of digitalization.

Keywords: digitalization, crime prevention, public finance, information society, law.

Преступный мир как явление социальное практически сразу реагирует на научно-практические новации в разных сферах и изобретает способы ее использования в своих противоправных интересах. Скорость и масштабы использования возможностей информационно-коммуникационных технологий (далее – ИКТ) и автоматизированных систем приводит к мысли о формировании высочайших криминальных угроз для граждан, общества и государства.

Цифровизация в правовом поле российского государства впервые была обозначена Постановлением Правительства РФ от 28.01.2002 № 65 и в качестве целей федеральной целевой программы «Электронная Россия (2002–2010 годы)».

Такое решение вполне обусловлено объективными причинами, начиная от участия России в процессе глобализации и включения в единое информационное пространство, до широкого распространения и доступности мобильных устройств, а также беспроводных технологий, сетей связи.

Поэтому Указом Президента РФ от 09.05.2017 № 203 был принят первый стратегический документ, который положил начало интенсивному использованию органами государственной власти Российской Федерации, бизнесом и гражданами информационных и коммуникационных технологий в стране, – Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы (Стратегия) [1].

Открытость и доступность информации на основе использования цифровых технологий повышает эффективность и скорость работы органов публичной власти, создает дополнительные благоприятные и комфортные условия для частных лиц в их обыденной практике и перспективе развития.

Государственные финансы (бюджетные средства) объективно стали авангардом процесса информатизации общественных отношений, поскольку являются самой основой функционирования государства и системы управления.

По открытым данным официального портала Федерального казначейства и сайта Федеральной налоговой службы более 80 % доходов государственных финансов составили налоговые поступления, а повышение собираемости налоговозначимых платежей (налоги, сборы, страховые взносы) во многом обусловлено внедрением цифровых технологий в систему налогового администрирования [2].

Открытость и некая прозрачность финансовых операций на основе использования электронных сервисов ФНС России и формирования «Биг базы» – федерального регистра, содержащего сведения о населении РФ, позволяет вести строгий контроль за движением денежных средств и обеспечивать своевременное в соответствии с законом формирование доходной части бюджетных средств.

В свою очередь, это позволяет выявлять разного рода противоправные отношения, связанные с уклонением от уплаты налогов, финансированием незаконных действий, неуплатой налогов. Профилактике налоговых правонарушений способствует расширенное информационное взаимодействие

правоохранительных структур с налоговыми органами, размещение в сети Интернет открытой информации о налогоплательщиках в соответствии с нормами налогового законодательства.

То есть, цифровой сбор материалов по каждому налогоплательщику несет превентивные цели пресечения преступности в области государственных финансов на этапе их формирования в централизованные фонды денежных средств.

С одной стороны, это несет в себе положительные перспективы, но, с другой, повышает риски от технологических сбоев, профессиональной неэтичности сотрудников в незаконном предоставлении баз данных третьим лицам, а также формирование системы тотального контроля – цифрового контролера или смартконтроллинга.

Цифровизация государственных финансов – рисковый сектор бюджетных отношений даже при столь глобальной цели как противодействие преступности, в том числе коррупции в области финансов.

К примеру, на этапе использования государственных финансов (бюджетных средств) как части цифровой экономики внедрение цифрового продукта в виде ГИИС «Электронный бюджет», ЕИС «Закупки» в полной мере не предотвратило нецелевое расходование государственных финансов и незаконный вывод капитала из страны. К примеру, по данным Банка России отток капитала из страны за 2022–2024 годы увеличился в сравнении с прошлыми годами [3].

При всех очевидных положительных результатах построения цифровой экономики (комфорт в совершении действий, расширение возможностей) эволюционирует цифровой формат совершения преступлений в области финансов без физического присутствия при несоответствии должного правового обеспечения и технических средств для проведения расследования в новых условиях [4].

Активное внедрение и использование ИТ-технологий вполне способствуют трансформации преступного мира и, как ни странно, росту финансовой преступности: уклонение от уплаты налоговых платежей, хищение, мошенничество, нецелевое использование бюджетных средств и т. д. Об этом свидетельствуют данные о росте преступлений, совершенных с использованием ИКТ [5].

Сложившаяся ситуация предопределила принятие Указа Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». Начиная с 2021 года наметилась положительная тенденция роста раскрываемости такого рода преступления, что стало результатом реализации организационных, правовых, технических и иных мер.

Однако, специалисты в уголовно-правовой тематике киберпреступности отмечают ряд проблем, требующих своего разрешения, связанных с координацией работы по их нейтрализации, совершенствованием профилактики и раннего выявления преступлений в этой сфере [6].

В этой связи с учетом скорости совершения финансовых правонарушений на законодательном уровне принять норму, согласно которой допустимо в оперативных целях обеспечить меры по неотложной блокировке электронных счетов на основе электронного документооборота между соответствующими организациями и ведомствами.

Крайне важно в борьбе с преступностью использовать цифровые возможности для формирования информационного пространства по предупреждению, выявлению, раскрытию преступлений в сфере ИКТ при создании единой унифицированной информационной системы взаимодействия органов прокуратуры, правоохранительных органов с финансовыми органами, операторами связи, провайдером электронных услуг.

Таким образом, действующая модель государственного управления в сфере государственных финансов во многом определяется внедрением информационных технологий в контексте общей повестки макроэкономической политики и профилактики финансовых правонарушений.

Глобальные цифровые преобразования на основе использования информационных технологий показали положительную динамику в формировании государственных финансов бюджетной системы РФ в рамках политики налогового администрирования.

В целом, внедрение информационно-коммуникативных технологий, автоматизированных систем, электронных систем управления данными способствуют реализации принципов прозрачности, эффективности и рациональности использования бюджетных средств, а также профилактике правонарушений в сфере государственных финансов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 // СЗ РФ. 2017. № 20. Ст. 2901.
2. ФНС лидирует в госсекторе РФ по внедрению LegalTech : официальный сайт. URL: <https://www.nalog.gov.ru/>
3. Банк России : официальный сайт. URL: <https://www.cbr.ru/>
4. Tropina T. Do Digital Technologies Facilitate Illicit Financial Flows? // Background Dividends. Background paper. World Development report. 2016. P. 8
5. Раскина Т. В. О некоторых аспектах организации противодействия преступлениям, совершаемым в сфере информа-

ционно-коммуникационных технологий в Российской Федерации // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2023. № 2. С. 69.

6. Лукашов Н. В. Ситуационные центры как инструмент раскрытия, расследования и профилактики преступлений в сфере высоких технологий. Криминалистика в условиях развития информационного общества (59-е ежегодные криминалистические чтения) : Сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. Москва, 2018. С. 151.

УДК 342.9

ЭВОЛЮЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ В РОССИИ: ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ И СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

Меркулов Максим Владимирович, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: mvm_13@inbox.ru

THE EVOLUTION OF PUBLIC SERVICE IN RUSSIA: HISTORICAL CONTEXT AND CURRENT TRENDS

Merkulov Maxim Vladimirovich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В данной научной статье рассматриваются вопросы становления и последующего развития института государственной службы в Российской Федерации на разных исторических этапах. В частности, изучается госслужба как правовая категория, необходимая для нормального функционирования государства и общества. Также, анализируется деятельность государственных служащих, степень их профессионализма и компетентности.

Ключевые слова: государственная служба, государственный служащий, государственная власть, профессиональная служебная деятельность, реформа государственной службы, государственная должность, государственно-правовой институт.

This scientific article examines the issues of the formation and subsequent development of the institute of public administration in the Russian Federation at various historical stages. In particular, the civil service is being studied as a legal category necessary for the normal functioning of the state and society. It also analyzes the activities of civil servants, the degree of their professionalism and competence.

Keywords: civil service, civil servant, public authority, professional official activity, civil service reform, public office, public law institute.

В настоящее время для четкой работы всего механизма государственной власти институт государственной службы выполняет одну из главенствующих ролей. Если рассматривать практическую часть вопроса, то становится очевидным, что прерогатива государственного управления воплощается в жизнь посредством осуществления закрепленных в актах закона полномочий, которыми наделяются государственные служащие, прошедшие определенную подготовку.

Известный ученый-правовед Д. Н. Бахрах отмечает, что «государственная служба РФ – это профессиональная служебная деятельность, состоящая в обеспечении исполнения государственными служащими федеральных государственных органов и государственных органов субъектов РФ полномочий Российской Федерации и ее субъектов, государственных органов и лиц, замещающих государственные должности как Российской Федерации, так и ее субъектов» [1, с. 10].

На протяжении многих десятилетий государство и общество меняется и развивается. Институт государственной службы, не являясь статичной категорией, также подвластен влиянию времени.

В Древнерусский период уже существовала довольно острая потребность в государственной власти, поскольку постоянно возникали конфликты между различными племенами внутри государства того времени, также стоял вопрос о необходимости защиты от внешней угрозы и начинала проследиваться актуальность интеграции в сфере экономики.

В это время государственная территория делится на довольно многочисленные удельные княжества, во главе которых находятся удельные князья (по обычаю – родственники великого князя), формирующие собственную дружину, представляющую собой воинское формирование, главной задачей которого была защита удела от внутренних и внешних конфликтов. Таким образом, вся полнота власти принадлежала определенному княжескому роду, который, в свою очередь, выступал задатком государственной службы того времени.

В годы правления Ивана IV появляются Приказы – ведомства, руководящие теми или иными отраслями государственного управления. В это же время был принят документ, – «Уложение о службе» – регламентирующий трудовую деятельность людей, относящихся к категории служивых.

Проведение самых масштабных реформ в области государственной службы связано с именем

Петра I Великого. Его Табель о рангах впервые в России обозначил и закрепил государственную службу в виде устойчивой единой системы. Так, на смену большого количества различного вида служб, которые было практически невозможно контролировать и упорядочивать, пришла категория рангов, в соответствии с которой все чины разбивались на ранги, низшим из которых был 14 ранг, а высшим – 1.

Помимо введения так называемой ранговой системы, при Петре I в начале XVIII века получают свое правовое определение и закрепление чиновники. Теперь они представляли собой определенную группу населения, имеющую специальное юридическое положение.

В правление Павла I впервые встает прогрессивный вопрос о пенсионном обеспечении госслужащих и принимается Указ от 28.04.1798 г. «О правилах производства пенсионерам служащим и неслужащим военным и гражданским чиновникам». Это явилось значительным шагом вперед в осуществлении регламентации трудовой деятельности данной категории служащих.

М. М. Сперанский стремился обличить государственную службу в профессиональную форму. Он считал, что данный вид службы осуществляется не лично государю, а государству, то есть рассматривал ее в широком смысле [2, с. 6].

Сперанский занимался вопросами подготовки госслужащих, поднимал проблемы организованности и в целом работоспособности этой категории. Им даже был подготовлен и опубликован в 1809 году «Указ о новых правилах производства в чины по гражданской службе».

В этой связи Николаем I была проделана довольно серьезная работа в сфере реформирования требований, предъявляемых к кандидатам на пост госслужащих, поскольку в этот период действовали требования еще Петровской эпохи, которые нуждались в должном пересмотре и корректировке.

Для этой цели был принят Устав «О службе по определению от Правительства», который закреплял в себе новые цензы для кандидатов: возрастной (достижение 16 лет), имущественный, образовательный (от него во многом зависел карьерный рост) и так далее.

Стоит отметить тот факт, что в Российской империи уделялось особое внимание отношению чиновников к своей службе, в частности к служебным обязанностям. Если поведение было недобросовестным, то есть нарушались нравственные нормы, это было одним из оснований для увольнения.

В XIX веке было сделано немало попыток к реформированию государственной службы. В этот период можно отметить деятельность в данной сфере С. Ю. Витте, В. Н. Панина и других государственных деятелей.

Например, С. Ю. Витте занимался подготовкой и введением новых критериев для построения и осуществления кадровой политики. Он составил циркуляр, закрепляющий положение о назначении на управленческие государственные должности лиц, которые имеют высшее профессиональное образование.

После революции 1917 года произошли коренные перемены во всех сферах жизнедеятельности общества и государства в целом. Изменения претерпели и государственные органы. В этой связи Г. А. Борщевский отмечает, что «чины госслужбы полностью были упразднены. На их смену пришла так называемая номенклатурная система кадровой расстановки, в связи с которой занятие руководящих должностей в государственном аппарате преимущественно было связано с продвижением госслужащего по карьерной лестнице в Компартии СССР» [3, с. 30].

В это время всех государственных служащих относят к административно-управленческому персоналу, поэтому становится сложным определить, что такое госслужба и кто такие госслужащие.

Только к концу 1980-х годов начинает вестись деятельность по юридическому оформлению госслужбы, но этот процесс оказался практически безрезультатным, поскольку произошел распад СССР [4, с. 563].

После принятия Конституции РФ в 1993 году Президент РФ подписал указ, которым утвердил довольно значимый документ: «Положение о федеральной государственной службе Российской Федерации». Данное Положение закрепляло ряд общих понятий и основных принципов, на основании которых выстраивалась государственная служба новой России с учетом роли гражданского общества и его взаимоотношений с органами власти.

Произошла очередная реформа госслужбы РФ, на первом этапе которой создаются новые кадровые службы, а партийная система назначения на должность стала неактуальной.

Создается мощный пласт из нормативно-правовых актов, регламентирующих государственную службу, например, принимается Закон от 31 июля 1995 г. № 119-ФЗ «Об основах государственной службы Российской Федерации» и ряд других правовых актов.

Второй этап ознаменован подготовкой Концепции административной реформы, в которой важное

место занимали положения, закреплявшие необходимость в повышении профессиональной культуры госслужащих, а также в результативном сотрудничестве органов государственной службы и общества.

На третьем этапе принимается Федеральная программа «Реформирование государственной службы Российской Федерации (2003–2005 гг.)». Поскольку было понятно, что реформирование института госслужбы РФ еще необходимо и будет продолжаться, то данная Программа послужила необходимой базой для реализации целей, которые ставились в программе реформирования госслужбы.

Как институт профессиональной деятельности государственная служба была оформлена федеральным законом от 27.05.2003 № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» и рядом других нормативно-правовых актов, принятых позднее (например «О государственной гражданской службе Российской Федерации» от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ).

В процессе любого реформирования появляются различные новшества, которые касаются основных черт или иных характеристик реформируемого отношения. В этом плане институт государственной службы не является каким-то исключением, а наоборот.

За столько долгий период разного рода преобразований, как положительных, так и отрицательных, государственная служба примкнула к тенденции открытости и доступности своей деятельности, а также осуществления этой самой деятельности строго в рамках закона, на благо государству и обществу. Государственные служащие современной России отличаются своим профессионализмом и компетентностью в вопросах, касающихся их трудовой деятельности.

Сейчас государственная служба выступает как эффективно работающий механизм, который объединяет профессионалов своего дела, служащих не только государству и обществу, но и конкретному гражданину.

Тем не менее, на сегодняшний момент в институте госслужбы существует некая негативная тенденция: кризис и текучка кадров, показатели которых с каждым годом только возрастают.

С развитием информационных технологий, гражданского общества, а также научных знаний, госслужба РФ будет продолжать развиваться и изменяться путем реформирования.

Подводя итог, стоит обратить внимание на то, сколько разного рода стадий и ступеней становления и развития претерпела государственная служба в России. Эти процессы были тесно связаны со сменой различных исторических эпох и приоритетов, что дает право говорить о том, какую важную и значимую роль данный государственный институт всегда имел для государства и его граждан, и продолжает это делать.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахрах Демьян Николаевич. Государственная служба России : учебное пособие / Д. Н. Бахрах. Москва : Проспект, 2007. 148 с.
2. Упоров И. В. Управление государством и государственная служба в суждениях М. М. Сперанского / И. В. Упоров // История. Культурология. Политология. 2023. №1. С. 5–8.
3. Борщевский Г. А. Государственная служба : учебник для вузов / Г. А. Борщевский. 4-е изд., перераб. и доп. Москва : Юрайт, 2025. 288 с.
4. Касимов Т. С. История института государственной службы в РФ / Т. С. Касимов, Р. А. Шайхулова // Аллея науки. 2021. Т. 1, № 5(56). С. 562–565.

УДК 342.56

АНАЛИЗ ЭТАПОВ РАЗВИТИЯ И СТАНОВЛЕНИЯ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Михалкина Анастасия Васильевна, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st810389@ruc.su

ANALYSIS OF THE STAGES OF DEVELOPMENT AND FORMATION OF THE JUDICIARY IN THE RUSSIAN FEDERATION

Mikhalkina Anastasia Vasilievna, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В контексте эволюции демократических институтов России анализ генезиса и трансформации судебной системы приобретает ключевое значение. Судебная власть, будучи неотъемлемым элементом правового государства, требует глубокого концептуального осмысления, поскольку без четкой дефиниции её роли в системе разделения властей невозможно оценить эффективность механизмов реализации её функций.

Ключевые слова: суд, судебная власть, история суда, судебная система, становление судебной власти.

In the context of the evolution of Russia's democratic institutions, the analysis of the genesis and transformation of the judicial system is of key importance. The judiciary, being an integral element of the rule of law, requires a deep conceptual understanding, since without a clear definition of its role in the system of separation of powers it is impossible to assess the effectiveness of the mechanisms for the implementation of its functions.

Keywords: court, judicial power, court history, judicial system, formation of judicial power.

Судебная система, выступая специфическим социально-правовым институтом, выполняет функцию арбитража социально-правовых противоречий, оказывая регулятивное воздействие на общественные процессы. Её ключевая миссия заключается в охране интересов как гражданского общества, так и государственных институтов, что предопределяет её роль в поддержании баланса между индивидуальными и коллективными правами. Формируясь в рамках историко-культурного контекста, судебная власть обретает формализованную систему организации с четко прописанной иерархией, функциональной дифференциацией и статусными характеристиками участников, которые эволюционируют параллельно трансформациям социума.

Особенность этого института проявляется в его способности адаптировать правовые нормы к изменяющимся реалиям, формируя эталоны правомерного поведения через прецеденты и интерпретацию законодательства. Его деятельность базируется на императивных правовых постулатах – независимости, беспристрастности, верховенстве закона, – которые детально регламентированы специальным нормативным комплексом, исключительным для данной сферы. Например, введение института апелляции или специализации судов (арбитражные, общей юрисдикции) отражает не только дифференциацию функций, но и стремление к профессионализации правоприменения.

Таким образом, судебная власть, сохраняя преемственность исторических форм, одновременно выступает динамичным инструментом социальной инженерии, чья структура и принципы служат основой для легитимации власти в условиях правового государства.

Исторический экскурс позволяет выделить несколько этапов становления: от советской модели, где суды выступали инструментом политического контроля, до радикальных реформ 1990-х годов, закрепивших принципы независимости и гласности. Принятие Конституции 1993 года и создание Конституционного Суда стали поворотными моментами, заложившими основы для защиты прав граждан через судебные механизмы.

Однако современные вызовы, такие как проблема обеспечения реальной автономии судей от административного влияния, сохранения баланса между публичными интересами и правами личности, указывают на незавершенность реформ. Например, резонансные дела, связанные с защитой свободы слова или предпринимательских прав, демонстрируют как потенциал судебной системы в укреплении демократии, так и её уязвимость перед внешним давлением. Статистика Европейского суда по правам человека, где РФ долгое время лидировала по числу жалоб, подчеркивает необходимость совершенствования внутренних механизмов правосудия.

Перспективы развития судебной власти видятся в цифровизации процессов, повышении прозрачности через внедрение электронного правосудия, а также в усилении роли общественного контроля. Эти шаги могли бы не только повысить доверие граждан к институтам, но и создать прецеденты для формирования судебной практики, ориентированной на международные стандарты справедливости. Таким образом, эволюция судебной системы остается индикатором зрелости российской демократии, отражая её успехи и противоречия.

История становления судебной системы России опиралась как на собственный внутренний опыт и видение, так и на наработанные решения из других частей света. В Древнерусском государстве судебные функции единолично принадлежали князю, в отдельных случаях судебные решения принимали представители князя. Современные ученые указывают, что определенно выяснить время рождения российской судебной власти не является возможным. Но ее рождения в древнерусском государстве прямо связано с принятием православной веры и дальнейшим развитием, об этом свидетельствуют договорные отношения нашего государства и Византии [1].

Историческое становление российской судебной системы берёт начало с эпохи «Русской Правды» – свода норм, синтезировавшего обычное право, княжеские указы и византийские правовые традиции. Этот документ зафиксировал первые элементы судостроительства, став основой для последующего развития институтов власти. В период феодальной раздробленности ключевыми правовыми актами стали «Новгородская» и «Псковская судные грамоты», отразившие высокий авторитет судов среди населения. Анализ Псковской грамоты демонстрирует, что судьи обязаны были воплощать идеалы справедливости и беспристрастности, что подчёркивало их социальную значимость.

С централизацией государства в XV веке возникла система «кормлений», где наместники совме-

щали административные и судебные функции. Несмотря изначальную пользу для укрепления княжеской власти, эта модель со временем стала тормозом для развития, порождая злоупотребления.

В XVII веке судебная система усложнилась: действовали государственные (центральные и местные), церковные, вотчинные суды. Соборное Уложение 1649 г. закрепило тенденцию к централизации, выделив судопроизводство в отдельную главу. Доказательная база включала ссылки, обыски и иные процедуры, отражавшие формализацию процесса. Реформы Петра I трансформировали судебную власть: вместо приказов ввели коллегии (например, Юстиц-коллегию), ограничили церковную юрисдикцию, создали военные суды и магистраты. Однако судебные функции оставались слиты с административными. Иерархия судов (нижние → надворные → коллегии → Сенат) заложила основу для будущих преобразований.

При Екатерине II «Учреждение для управления губерний» (1775 г.) реорганизовало суды по словному принципу, создав многоуровневую систему (общесловные, специализированные, губернские суды). Судебная реформа 1864 г. ввела элементы независимости: коммерческие суды руководствовались отдельным уставом, а Сенат стал высшей инстанцией. Однако Верховный уголовный суд созывался лишь эпизодически, что подчёркивало его исключительный статус.

В начале XX века система сохраняла преемственность, но революция 1917 года уничтожила прежние институты. Советская власть создала суды, подчинённые классовому принципу и партийным директивам. Лишь к 1950–60-м годам началась частичная либерализация, хотя слияние судебной и государственной власти сохранялось.

Современная российская судебная система, формально основанная на принципе разделения властей (ст. 10 Конституции РФ), унаследовала элементы советской модели. Проблема терминологической неопределённости («судебная власть» не имеет легального определения) затрудняет реализацию её независимого статуса. Исторический анализ показывает, что эволюция судебных институтов всегда отражала социально-политический контекст эпохи, сочетая преемственность и новации. Этот опыт требует критического осмысления для формирования системы, отвечающей вызовам современности.

Анализируя историографию функционирования отечественных судов, можно констатировать, что современная судебная система демонстрирует способность эффективной защиты прав и законных интересов всех субъектов правоотношений.

Судебная власть в РФ осуществляется судьями коллегиально, при привлечении присяжных и арбитражных заседателей и единолично судьями. Судьи в таком случае действуют как носители именно судебных функций, то есть выступают в качестве органа правосудия [2].

Судебная власть в Российской Федерации реализуется через специализированные государственные институты, осуществляющие правосудие. Ключевая роль в обеспечении конституционного контроля принадлежит Конституционному Суду РФ, который уполномочен проводить проверку нормативных актов на соответствие Основному закону страны. Согласно части 1 статьи 18 Федерального конституционного закона «О судебной системе РФ», данный орган выступает единственным субъектом, наделённым функциями конституционного надзора на федеральном уровне.

Правоприменительная деятельность в сфере гражданских и административных правоотношений осуществляется судами общей юрисдикции и арбитражными судами. Первые рассматривают споры с участием физических лиц, а вторые специализируются на разрешении экономических конфликтов между юридическими лицами и предпринимателями. Что касается уголовного судопроизводства, то его исключительная компетенция закреплена за судами общей юрисдикции, которые уполномочены рассматривать дела в рамках установленных УПК РФ процедур.

Каждое из направлений судебной деятельности (конституционное, гражданское, административное, уголовное) реализуется через отдельные виды судопроизводства. Это обеспечивает специализацию судебных органов и соблюдение процессуальных норм, соответствующих характеру рассматриваемых дел. Судебная власть – инструмент, обеспечивающий законный порядок и контроль. Роль судебной власти в сохранении принципа законности и вовлечении преступников к видам ответственности очень значительная, в отличие системы правоохранительных органов [3–4].

Ключевые функции судебной системы формируются совокупностью нескольких направлений: управление правосудия, системный надзор за деятельностью судов, толкование нормативно-правовых документов, а также иные аспекты, зафиксированные в законодательстве. Реализацией этих задач на всех уровнях занимаются российские судебные инстанции – от мировых судей до высших надзорных органов [5].

Отметим, что любое правовое государство должно быть конституционным и его основные права должны быть закреплены в Конституции. Данное утверждение не требует обоснования или объяснения. Но при этом его необходимо раскрыть более подробно. Основным признаком, который позволя-

ет раскрыть наилучшим образом понятие правового государства, является верховенство права. Правовое государство подразумевает собой различные ограничения, которые могут осуществляться со стороны государства по отношению к личности и обществу. В большей степени в этом процессе должна быть задействована конституция страны [6].

Отдельный сегмент судебной власти представлен арбитражными судами, которые специализируются на разрешении экономических конфликтов между субъектами предпринимательства и юридическими лицами. В рамках модернизации правовой системы в стране был учреждён Суд по интеллектуальным правам, уполномоченный рассматривать дела, связанные с защитой объектов интеллектуальной собственности.

Судебная власть реализуется через специализированные государственные институты, выполняющие уникальную социально-значимую миссию – осуществление правосудия. Эта прерогатива принадлежит исключительно судам в лице профессиональных судей, а также привлекаемым в установленном порядке присяжным заседателям и арбитражным представителям.

В целях оптимизации правового регулирования предлагается консолидировать нормы, определяющие статус судей, в единый законодательный акт. Предпочтительным форматом видится федеральный конституционный закон, который обеспечит системность, стабильность и сбалансированность правового положения судебного корпуса в России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Теория государства и права, конституционное и муниципальное право: проблемы и критерии развития / О. Е. Алексикова, А. С. Борисов, Я. В. Коженко [и др.]. – Новосибирск : Сибирская академическая книга, 2016. 196 с.
2. Котляров С. Б. Соотношение понятий «правосудие» и «судопроизводство» // Право и образование. 2018. № 2. С. 44–49.
3. Котляров С. Б. Понятие и принципы правотворческого процесса / С. Б. Котляров, Д. П. Зверев // VII Юридические чтения : материалы Национальной научно-практической конференции, Саранск, 29–30 ноября 2021 года. Саранск : Типография «Рузаевский печатник», 2021. С. 198–207.
4. Ямбушев Ф. Ш. Реализация концепции правового государства в конституционно-правовой модели Российской Федерации / Ф. Ш. Ямбушев, С. Б. Котляров // Вопросы российского и международного права. 2019. Т. 9. № 10-1. С. 44–52.
5. Кукушкин О. В. Понятие и сущностная характеристика правовой системы / О. В. Кукушкин, С. Б. Котляров // Актуальные проблемы юридической науки и правоприменительной деятельности : материалы Всероссийской научно-практической конференции, приуроченной ко Дню юриста, Москва, 03 декабря 2024 года. – Москва : ЮрЭксПрактик, 2024. С. 79–83.
6. Котляров С. Б. Теоретические основы понимания конституционного государства / С. Б. Котляров, Е. А. Кукушкина // VII Юридические чтения: Материалы Национальной научно-практической конференции, Саранск, 29–30 ноября 2021 года. Саранск : Типография «Рузаевский печатник», 2021. С. 187–192

УДК 342.9

ТРАНСФОРМАЦИЯ НОРМАТИВНОГО АКТА В ОСНОВНОЙ ИСТОЧНИК ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ

Молчанов Евгений Юрьевич, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st814085@ruc.su

TRANSFORMATION OF THE NORMATIVE ACT INTO THE MAIN SOURCE OF THE LEGAL SYSTEM

Molchanov Evgeny Yuryevich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В современной юридической науке особое внимание уделяется исследованию правовых актов государственного управления как ключевого элемента административно-правового регулирования. Несмотря на значительный объем накопленных исследований в данной области, дискуссионные аспекты сохраняют свою актуальность, порождая противоречивые трактовки в академической среде.

Ключевые слова: нормативный акт, правовая система, акт государственного управления, источник права, административный акт, право.

In modern legal science, special attention is paid to the study of legal acts of public administration as a key element of administrative and legal regulation. Despite the significant amount of accumulated research in this area, the debating aspects remain relevant, giving rise to conflicting interpretations in the academic environment.

Keywords: normative act, legal system, act of public administration, source of law, administrative act, law.

Эффективное государственное управление и принятие стратегических решений требуют интеграции знаний, накопленных не только юриспруденцией, но и другими научными дисциплинами. Такой междисциплинарный подход служит основой для формирования результативной системы управле-

ния, которая должна быть закреплена на законодательном уровне. Нормативные акты призваны определять механизмы реализации управленческих процессов, обеспечивая их прозрачность, легитимность и соответствие принципам верховенства права.

Термин «государственное управление» имеет двойственную трактовку. В широком понимании он охватывает скоординированную деятельность всех институтов государственной власти, включая представительные, судебные и контролирующие структуры. В узкой интерпретации акцент смещается исключительно на функционирование исполнительных органов, наделённых полномочиями по изданию административных актов. Эти документы, обладая признаками нормативности и индивидуальной направленности, выступают ключевым инструментом реализации управленческих функций в рамках установленной компетенции.

Административный акт выступает ключевым инструментом государственного управления, выступая юридической формой осуществления властных полномочий исполнительными структурами. Посредством таких актов формируются институты государственной власти, закрепляются их целевые установки, базовые направления деятельности, полномочия, а также осуществляется распределение материально-технических и организационных ресурсов. Кроме того, они обеспечивают реализацию прав граждан и выполнение обязанностей представителями государственного аппарата.

С точки зрения правовой природы, административные акты можно определить как подзаконные распорядительные решения, принимаемые уполномоченными органами и должностными лицами в рамках законодательно закреплённой компетенции. Их издание происходит с соблюдением установленных регламентов, что подчеркивает их связь с принципами законности и процессуальной упорядоченности в деятельности исполнительной власти.

Значение правовых актов в современном обществе сложно переоценить – они пронизывают все сферы публичной и частной жизни, устанавливая систему правовых координат. Многообразие содержащихся в них норм отражает комплексный характер регулирования общественных отношений. Исторически возникновение нормативных актов как основного источника права обусловлено становлением централизованной государственности и возрастанием роли системного правового регулирования в социальной организации.

Нормативно-правовое регулирование через принятие и применение соответствующих актов служит фундаментом для устойчивого развития экономических, политических, трудовых и иных общественных отношений. Эти документы выполняют функцию динамического обновления правового поля – вводя новые нормы, корректируя или отменяя устаревшие положения. Формирование согласованной и работоспособной системы нормативно-правовых актов представляет собой необходимое условие для реализации концепции правового государства, позволяя системно решать задачи публичного управления и гарантировать верховенство закона.

Государственное управление, равно как и управленческая деятельность в целом, представляет собой уникальную форму творчества, требующую чёткой правовой регламентации. Этот процесс не сводится к механическому исполнению предписаний, а предполагает стратегическое моделирование решений в рамках правового поля. Особое место в этой системе занимает создание административных актов – специализированных процедур, формирующих основу управленческого процесса. Их разработка и имплементация выступают неотъемлемым элементом административного производства, структурированного последовательностью юридически значимых действий.

Актуальность исследования обусловлена ключевой ролью правовых актов в системе законодательства. Эти документы, обладая межотраслевым значением, выходят за пределы сугубо административных отношений, оказывая регулирующее воздействие на различные сферы общественной жизни. Выступая юридическими фактами, они инициируют возникновение, изменение и прекращение правоотношений. При этом субъективный характер административных решений, отражающих индивидуальную интерпретацию управленческих ситуаций, создаёт риски злоупотреблений, что подчёркивает необходимость детальной процессуальной регламентации.

Историко-правовой анализ эволюции юриспруденции демонстрирует многовековой интерес научного сообщества к природе права как системообразующего элемента социума. Многочисленные теории, разработанные в разные эпохи, исследуют генезис правовых институтов через призму культурных, экономических и политических факторов. Эта научная дискуссия выявила универсальные характеристики правовых актов, сохраняющие свою значимость несмотря на историческую трансформацию общества. Их функциональное назначение, формы закрепления норм и механизмы реализации адаптируются к потребностям конкретной эпохи, сохраняя при этом роль стабилизирующего фактора в системе общественных отношений.

В качестве современной тенденции развития выступает достижение цели проведения глубокого и всестороннего анализа исторических этапов формирования и «создания» указанного правового явления как фактора, определяющего сущность правовой системы [1]. На протяжении всей истории пра-

новой системы, начиная с эпохи возникновения первых кодифицированных норм, центральное место в регулировании социума занимает нормативно-правовой акт. Данная форма закрепления права, обладающая письменной формой и иерархической силой, выполняет двойственную функцию: с одной стороны, систематизирует правовые коррективы, с другой – транслирует властную волю, обязательную для всех членов общества. Особенностью такого акта выступает его универсальное воздействие – он не только формализует правила поведения, но и детерминирует модели социального взаимодействия, пронизывая все уровни общественных связей. Легитимность устанавливаемых предписаний обеспечивается монополией правотворческого субъекта на нормотворчество в конкретном социуме.

Процесс возникновения установленных норм права, определенных конкретными явлениями общественной жизни, сообща составляют основание, определяющим, что надлежит определить источниками права.

Анализируя данное правовое явление и определяя его, необходимо указать, например, что источником права в этом плане могут являться:

- совокупность общественных отношений, объективная необходимость существования права определены конкретными материальными условиями жизни общества;
- прямое волеизъявление народа, строящееся из основных юридических принципов и права человека и гражданина;
- воля государства, создающая определённые юридические нормы, действующие на всей территории государства [2].

В процессе становления и эволюции права как социального института воля государства выступает ключевым фактором, придающим правовым нормам приоритет и нормативную силу по сравнению с иными социальными регуляторами. Это обуславливает их доминирующую роль в регулировании общественных отношений, включая взаимодействие граждан и их объединений.

Если анализировать природу источника права в данном контексте, становится очевидным, что оно обладает относительной автономностью. Его самостоятельность проявляется в способности формироваться под влиянием комплексного взаимодействия объективных условий – экономических, политических, культурных и исторических детерминант. Эти факторы, синтезируясь, создают основу для генезиса и развития права как системообразующего элемента государственности и общественного устройства.

Таким образом, специфика источников права заключается не только в их нормативном содержании, но и в многогранности социальных процессов, которые детерминируют их возникновение, трансформацию и практическое воплощение. Эта динамика отражает диалектическую связь права с потребностями социума, обеспечивая его адаптивность и функциональность в меняющихся условиях.

С точки зрения формальной юриспруденции, внешние формы объективации правовых норм включают следующие ключевые категории:

1. Правовой обычай (обычное право). Данный феномен представляет собой архаичную форму правообразования, возникающую в результате длительной (нередко многовековой) кристаллизации повторяющихся социальных практик. В теории права он трактуется как:

- санкционированная государством поведенческая модель, приобретающая нормативную силу через механизмы официального признания;
- исторически сложившийся регулятор общественных отношений, укоренённый в коллективном правосознании;
- элемент правовой культуры, характеризующийся межпоколенческой трансмиссией и устойчивостью к модернизационным воздействиям.

2. Судебный прецедент (case law). В доктрине общего права данный источник интерпретируется как:

- юридически обязательное решение высшей судебной инстанции по конкретному казусу, приобретающее нормативно-образцовый характер;
- форма судебного правотворчества, реализующаяся через механизм «stare decisis» (следование прецеденту);
- казуально-ориентированный инструмент восполнения законодательных лакун.

При всем при этом важно учитывать, что: первичные прецеденты (устанавливающие новые правовые позиции); прецеденты-интерпретаторы (раскрывающие смысл действующих норм). Такая систематизация позволяет выделить генезис, функциональную специфику и социальную детерминированность указанных правовых явлений в контексте сравнительного правоведения. Следует отметить, что для стран англосаксонской правовой семьи прецедент является основной формой источника права:

Нормативный правовой акт – представляет собой официальный письменный документ, созданный и утвержденный уполномоченным государственным органом. Его ключевая функция заключается в

юридическом закреплении новых правовых норм, их модификации либо полной отмене. Обязательным признаком такого акта является наличие в его содержании общеобязательных предписаний, регулирующих поведение субъектов права в типовых ситуациях.

Нормативный договор – данная форма права выполняет специфическую регулятивную функцию и приобрела особую значимость в правовых системах государств с демократическим режимом. Его отличительная характеристика проявляется в двусторонней природе формирования — положения документа становятся обязательными только при достижении взаимного согласия сторон. Такой тип соглашения сочетает в себе черты правового источника и инструмента социального взаимодействия.

В Российской Федерации, как и во многих других странах, относящихся к романо-германской правовой семье, нормативно-правовой акт является документом, принимаемый уполномоченным государственным органом, устанавливающий, изменяющий или отменяющий нормы права и является основным и доминирующим источником права.

Историко-правовой анализ генезиса юридических систем позволяет установить, что формирование ранних письменных источников права детерминировано объективной потребностью в формализации социально-нормативных паттернов, устоявшихся в рамках коллективного правосознания. Данный процесс представляет собой не спонтанное явление, а закономерный этап эволюции правовых институтов, связанный с переходом от устной трансляции обычаев к их материальной фиксации посредством сакрализованных носителей (глиняных таблиц, папирусов, стел). Важно подчеркнуть, что их нормативность обусловлена не столько институциональным авторитетом (как в современных правовых системах), сколько длительной консенсусной практикой, трансформированной в письменный формат под влиянием усложнения социально-экономических отношений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Котляров С. Б. Необходимость технического совершенствования актов применения права / С. Б. Котляров, Е. А. Чичеров // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2016. № 4(27). С. 49–51.

2. Соколов Е. С. Субъектный состав административной юрисдикции: сущность, признаки и виды / Е. С. Соколов, В. С. Им // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. № 10-2(37). С. 155–157.

УДК 340.9

ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОЕ ПАРТНЕРСТВО КАК ФОРМА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ВЛАСТИ И БИЗНЕСА: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО ХАРАКТЕРА

Муталимов Расул Асимович, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st807082@ruc.su

PUBLIC-PRIVATE PARTNERSHIP AS A FORM OF INTERACTION BETWEEN GOVERNMENT AND BUSINESS: LEGAL PROBLEMS

Mutalimov Rasul Asimovich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В современных экономических условиях Россия демонстрирует растущий интерес к укреплению кооперации между государственным сектором и частными компаниями. Эта тенденция приобретает особую значимость в контексте внешних ограничений, оказывающих давление на национальную экономику. Одной из ключевых форм такого сотрудничества выступает государственно-частное партнерство (ГЧП), которое становится стратегическим инструментом для достижения целей государственной политики в области повышения устойчивости и конкурентоспособности экономики. Успешное применение партнерских механизмов требует не только адаптации международного опыта, но и учета специфики российских регионов, что открывает новые возможности для синхронизации интересов всех сторон.

Ключевые слова: государственная власть, государство, бизнес, гражданское общество, правовое регулирование.

In today's economic environment, Russia is showing a growing interest in strengthening cooperation between the public sector and private companies. This trend is of particular importance in the context of external restrictions that put pressure on the national economy. One of the key forms of such cooperation is public-private partnership (PPP), which is becoming a strategic tool for achieving the goals of state policy in the field of increasing the stability and competitiveness of the economy. Successful use of partnership mechanisms requires not only adaptation of international experience, but also taking into account the specifics of Russian regions, which opens up new opportunities for synchronizing the interests of all parties.

Keywords: government, state, business, civil society, legal regulation.

В контексте трансформации мировой политической обстановки и усиления санкционного давления на Россию власти акцентировали усилия на поддержке и развитии предпринимательства. На текущем этапе ГЧП (государственно-частное партнерство) в России стало ключевым элементом государственной политики, ориентированной на воплощение стратегических инициатив, поддержание устойчивого роста национальной экономики, а также мобилизацию частного капитала в социально

ориентированные сферы. Это позволяет оптимизировать бюджетные расходы, минимизировать фискальную нагрузку и стимулировать деловую активность в приоритетных отраслях.

Формат ГЧП выступает инновационной платформой кооперации, объединяющей ресурсы коммерческого сектора и административного аппарата. Такой симбиоз способствует реализации инфраструктурных проектов, повышению качества общественных услуг и созданию условий для долгосрочного экономического прогнозирования. В фокусе взаимодействия – баланс интересов: бизнес получает гарантии стабильности, а государство – инструмент для достижения стратегических целей без прямого финансирования.

Предпосылкой для успешного внедрения эффективных моделей «взаимодействия» между властью и бизнесом является создание идеологической базы и установление правил. основополагающую роль в этом процессе играют квалифицированные и компетентные специалисты, которые становятся ключевыми участниками обмена информацией на национальной политической арене. Это особенно важно в контексте изоляции политических институтов в России, где межсекторальный диалог не является обыденным явлением.

В действительности, несмотря на определенные сложности, государственная власть активно ищет способы эффективного взаимодействия с частным сектором, стремясь выйти из тупика через административные реформы и новые формы сотрудничества. Такой процесс поиска должен учитывать интересы и мнения представителей бизнес-среды, которые затем лежат в основе политических решений, официально объявляемых представителями государства. Также наблюдается тенденция к тесному переплетению интересов бизнеса и власти, что влечет за собой изменение ролей и функций участников в этом взаимодействии [1].

В современной геополитической реальности, отмеченной санкционными ограничениями, крупные корпорации сталкиваются с сужением возможностей для участия в решении стратегических вопросов. Это ослабляет их политический вес и осложняет продвижение интересов на федеральном уровне. С начала 2000-х годов бизнес-элита постепенно утрачивает доступ к формированию и обсуждению значимых социально-политических инициатив, что фактически маргинализирует её роль в публичной политике. Подобная динамика противоречит запросам современного российского общества, несмотря на отдельные попытки диалога между сторонами.

За последние два десятилетия трансформация во взаимодействии власти и бизнеса приобрела системный характер. Усложнение бюрократического аппарата за счёт дублирующих структур, снижение открытости при принятии решений и перераспределение влияния в пользу регионов вынуждают компании пересматривать подходы к коммуникации с государством. В текущих условиях наиболее эффективной стратегией становится альянс с ключевыми игроками, обладающими административным ресурсом.

Для повышения эффективности при реализации модели партнерства власти и бизнеса сегодня необходимо совершенствовать меры поддержки в условиях антироссийских санкций. Еще в 2022 году Общероссийская общественная организация малого и среднего предпринимательства «Опоры России» рекомендовала правительству ввести меры господдержки малого бизнеса, среди которых стоит выделить:

- ограничить темпы роста налогов и сборов в соответствии с законом, с целью снижения налоговой нагрузки на субъекты предпринимательства;
- повысить порог для упрощения налоговой системы до 300 миллионов рублей (около 4,05 миллионов долларов США);
- снизить ставки налога на добавленную стоимость как минимум до 10 %;
- увеличить объемы субсидий и грантов в реализации наиболее приоритетных инвестиционных проектов, направленных на развитие приоритетных отраслей промышленности и пр. [2].

Критическим фактором в выстраивании отношений с госструктурами остаётся личность руководителей компаний. При этом сохраняется устойчивая тенденция к злоупотреблениям, а политическое поле всё больше контролируется клановыми объединениями и представителями номенклатуры, отодвигая традиционные партии на периферию. Доминирование региональных элит в экономике и политике усиливает риски для бизнеса, стимулируя его к диверсификации активов, экспансии на зарубежные рынки и привлечению иностранного капитала как инструментам снижения зависимости от внутренней конъюнктуры.

Либерализация экономики в постсоветской России сопровождалась принятием нормативных актов с неоднозначными формулировками, создающими почву для коррупции. Противоречивые требования законодательства, усиленные страхом чиновников перед ответственностью в условиях антикоррупционных кампаний, порождают правовые коллизии. Это не только замедляет развитие предпринима-

тельства, но и создаёт риски приостановки производственных процессов из-за административного давления.

Выходом для бизнеса становится консолидация через профессиональные ассоциации. Сопроводительные структуры при ключевых институтах власти – Федеральном собрании, Общественной палате, министерствах и региональных администрациях – служат площадками для согласования интересов. Участие в таких объединениях позволяет бизнесу влиять на формирование законодательной базы и государственных программ, обеспечивая симбиоз частных и публичных целей.

Особую роль в этом процессе играют специализированные организации, выступающие медиаторами между предпринимателями и властью. Российский союз промышленников и предпринимателей (РСПП) и Торгово-промышленная палата РФ, будучи наиболее авторитетными структурами, лоббируют отраслевые интересы, смягчая регуляторное давление. Их деятельность демонстрирует, что даже в условиях институциональных ограничений диалог между бизнесом и государством остаётся важным элементом экономической экосистемы.

Законодательные акты крайне важны для государственной политики в области поддержки бизнеса. В первую очередь, они помогают определять предприятия для поддержки (финансирование, помощь в оформлении документов, налогообложение и прочее). Так же важно знать к какой категории относится предприятие для внесения его в реестр различных государственных и муниципальных органов для отчетности в экономическом плане. Более того, государству необходимо знать, у какой из категорий бизнеса есть проблемы, чтобы организовывать конкретные органы по поддержке и развитию [3].

Хотя часто утверждается, что ассоциации, представляющие интересы бизнеса, нацелены на поддержку малого и среднего предпринимательства, реальность показывает обратное: обещания защиты интересов не всегда находят отражение в их действиях. В результате, малые и средние предприятия редко получают возможность влиять на решения, принимаемые внутри этих ассоциаций, и зачастую оказываются исключенными из процессов управления и представления своих интересов. Такое взаимодействие важно и для государственных органов, которые заинтересованы в привлечении частного сектора к реализации крупных проектов, требующих поддержки и ресурсов, которыми обладает только бизнес [4].

На Западе сотрудничество между частным и государственным секторами имеет глубокие исторические корни и институциональную основу. Например, в США и странах ЕС успешно реализуются модели государственно-частного партнерства (ГЧП) в инфраструктурных проектах, здравоохранении, образовании и цифровизации. В Германии программа «Industrie 4.0» объединяет усилия государства, бизнеса и науки для развития «умного производства», а в Великобритании частные компании активно участвуют в строительстве дорог и больниц через механизмы долгосрочных контрактов. Эти практики опираются на прозрачное законодательство, распределение рисков и взаимное доверие, что обеспечивает синергию ресурсов и компетенций.

В России аналогичные механизмы пока находятся в зачаточной стадии. Это связано с рядом факторов:

1. Историческое наследие: доминирование государства в экономике в советский период и последующие 1990-е годы, когда частный сектор ассоциировался с нестабильностью.
2. Институциональные барьеры: недостаток четких правовых рамок для ГЧП, бюрократизация процессов, коррупционные риски.
3. Культурный фактор: недоверие бизнеса к государству и наоборот, вызванное частыми изменениями правил игры.

Однако текущие условия создают предпосылки для изменений. Санкционное давление, необходимость технологического суверенитета и реализация нацпроектов (например, «Цифровая экономика», «Жилье и городская среда») требуют объединения ресурсов. Примеры первых успехов уже есть: создание ОЭЗ (особых экономических зон), привлечение частных инвесторов в инфраструктуру (например, проект МЦД в Москве), сотрудничество в сфере IT через госзаказы.

Особенно важно приглашать иностранных инвесторов на различные экономические форумы, съезды, бизнес-сообщества, где в больших масштабах обсуждаются различные инструменты взаимодействия органов государственной власти и бизнеса, с целью укрепления и тесного сотрудничества отечественных компаний с зарубежными партнерами. Принять ряд мер, благодаря которым повысится эффективность взаимодействия государства и бизнеса, в реализации социально значимых инвестиционных проектов, играющих огромное значение в социально-экономическом развитии страны и повышении устойчивости экономики [5].

Таким образом, на современном этапе развития, опыт Запада как ориентир: России необходимо

адаптировать лучшие практики ГЧП, учитывая специфику своей институциональной среды. В качестве ключевых шагов лежит политика, направленная на совершенствование законодательства, снижение бюрократической нагрузки, создание независимых арбитражных институтов. При этом необходимо создать «реально эффективные условия» для публичности проектов, вовлечения гражданского общества и СМИ в мониторинг результатов.

Риски, такие как коррупция или неравномерное развитие регионов, требуют продуманной регуляторной политики. Однако в долгосрочной перспективе интеграция секторов способна стать драйвером модернизации экономики и социальной сферы, превратив «догоняющее развитие» в устойчивую модель роста.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Апрядкин В. А.* Взаимодействие бизнеса и власти как стратегическое русло развития современной экономики / В. А. Апрядкин, Н. И. Морозова // Мировые тенденции и перспективы развития науки в эпоху перемен: от теории к практике : материалы I Международной научно-практической конференции, Ростов-на-Дону, 30 января 2023 года. Ростов-на-Дону : Изд-во Манускрипт, 2023. С. 237–239.
2. Опора России. Помощь предприятиям малого бизнеса. URL: <https://opora.ru/>
3. Особенности экономического взаимодействия государственных и муниципальных органов власти и бизнес структур / Ю. И. Каргин, О. В. Кукушкин, С. Б. Котляров, Е. А. Чичеров // Механизмы решения проблем социально-экономического развития / Под общей редакцией Г. Ю. Гуляева. Пенза : Наука и Просвещение, 2016. С. 92–123.
4. *Панфилов М. А.* Взаимодействие власти и бизнеса в России: модели и механизмы / М. А. Панфилов, С. Б. Котляров, Е. А. Чичеров // ЛУЧШАЯ НАУЧНАЯ СТАТЬЯ 2016 : сборник статей. Пенза : Наука и Просвещение, 2016. С. 302–306.
5. *Винокурова П. Ф.* Государственно-частное партнерство как форма взаимодействия власти и бизнеса / П. Ф. Винокурова, Е. Б. Хоменко // Институты и механизмы инновационного развития: мировой опыт и российская практика : сборник статей 14-й Международной научно-практической конференции. В 2-х томах, Курск, 24 октября 2024 года. Курск : Университетская книга, 2024. С. 86–89.

УДК 342.951

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ НА ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЕ

Неськин Данила Валерьевич, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: neskin.2014@mail.ru

CONFLICT OF INTEREST IN PUBLIC SERVICE

Neskin Danila Valerievich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В данной статье анализируется феномен конфликта интересов в контексте государственной службы. Рассматриваются международные стандарты в области регулирования конфликта интересов. Выявлены направления в профилактике конфликта интересов в системе государственной службы.

Ключевые слова: конфликт интересов, коррупция, государственная служба, международные стандарты, профилактика, антикоррупционное законодательство

This article analyzes the phenomenon of conflict of interest in the context of public service. International standards in the field of conflict of interest regulation are considered. The directions in the prevention of conflicts of interest in the public service system have been identified.

Keywords: conflict of interest, corruption, civil service, international standards, prevention, anti-corruption legislation

Коррупция представляет собой многогранное социальное явление, глубоко укорененное в институциональной структуре общества. Политические институты, как ключевые элементы государственного устройства, играют определяющую роль в формировании коррупционных практик. В коррумпированных государствах наблюдается существенное снижение уровня человеческого капитала, что указывает на тесную взаимосвязь между качеством институциональной среды и социально-экономическим развитием.

Эмпирические исследования демонстрируют, что при определенных условиях повышение заработной платы государственных служащих может выступать эффективным инструментом сдерживания коррупционных практик. Это связано с тем, что более высокие доходы уменьшают стимулы к принятию взяток и повышают репутационные риски для должностных лиц.

Другие исследователи определяют коррупцию как злоупотребление служебным положением в личных интересах, что представляет собой форму девиантного поведения в институциональной среде, подрывающую доверие к государственным институтам и нарушающую принципы социальной справедливости.

В настоящее время наблюдается усиленный интерес общества к проблематике коррупционных рисков, что обусловлено необходимостью обеспечения честности и прозрачности государственного управления в интересах общества и государства. В данном контексте коррупционный риск рассматривается как феномен, тесно связанный с действиями конкретных субъектов, осуществляющих управленческие функции.

Значительный научный интерес представляют исследования различных форм коррупции в системе государственной службы.

Государственная служба – это не просто часть государственного аппарата, а специализированный институт, который формирует и реализует государственную политику, принимая важные для общества решения. Именно она обеспечивает стабильную работу государства и способствует достижению целей развития страны.

Неукоснительное соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина является одним из главных принципов государственной службы. Данный принцип является фундаментальным элементом правового государства, обеспечивая баланс между интересами государства и личности.

Нарушение данного принципа приводит к возникновению и развитию коррупционных явлений в системе государственной службы.

Согласно данным представленных генеральным прокурора И. Краснова в 2024 году в Российской Федерации было зафиксировано применение дисциплинарных мер в отношении 30 тысяч государственных служащих в связи с выявленными нарушениями антикоррупционного законодательства. По причине утраты доверия были уволены порядка 500 служащих. Среди всех коррупционных правонарушений взяточничество является самым распространённым, на его долю приходится более половины всех выявленных случаев. За первые девять месяцев 2024 года было зафиксировано почти 19 тысяч эпизодов взяточничества. При этом факты получения взятки были зарегистрированы в количестве 6,6 тысяч, что на 30 % превышает аналогичные показатели за аналогичный период предыдущего года. Однако следует признать, что, несмотря на продолжительные усилия по борьбе с коррупцией, эта проблема всё ещё существует.

Поскольку коррупционные схемы затрагивают большое количество людей, общественных организаций и государственных структур, борьба с коррупцией требует комплексных и последовательных действий. Один из таких инструментов – это институт конфликта интересов.

Универсальное, общеправовое определение понятия «конфликт интересов» сформулировал Д. И. Дедов: «противоречие между интересами, которые защищены правом и должны быть удовлетворены действиями другого уполномоченного принципалом лица (поверенного, агента, директора, доверительного управляющего) и личными интересами этого уполномоченного» [1].

О. А. Гурьева определяет конфликт интересов как «ситуацию, происходящую по причине заинтересованности государственного служащего, когда он оказывает определенное влияние на выполнение своих должностных полномочий. В такой ситуации возникает разногласие между личной заинтересованностью должностного лица и интересами населения, что приводит к причинению вреда государству в целом либо организациям и гражданам – в отдельности» [2].

А. А. Цыбикова предлагает понимать конфликт интересов, как «конфликт между должностными обязанностями и личными интересами государственного гражданского служащего, при котором его личные интересы способны повлиять на выполнение им должностных обязанностей, вследствие чего возможно наступление негативных последствий в виде нанесения ущерба гражданам, организаций, общества субъекта Российской Федерации или Российской Федерации» [3].

В рамках данного исследования необходимо обратиться к действующему законодательству Российской Федерации.

Согласно части 1 статьи 19 Федерального закона от 27 июля 2004 г. № 79 – ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» конфликт интересов представляет собой ситуацию, при которой личная заинтересованность государственного гражданского служащего Российской Федерации влияет или может повлиять на объективное исполнение им должностных обязанностей и при которой возникает или может возникнуть противоречие между личной заинтересованностью гражданского служащего и законными интересами граждан, организаций, общества, субъекта Российской Федерации или Российской Федерации, способное привести к причинению вреда этим законным интересам граждан, организаций, общества, субъекта Российской Федерации или Российской Федерации [4].

В соответствии с ч. 1 ст. 10 Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» под конфликтом интересов понимается ситуация, при которой личная заинтересованность (прямая или косвенная) государственного или муниципального служащего влияет или мо-

жет повлиять на надлежащее исполнение им должностных (служебных) обязанностей и при которой возникает или может возникнуть противоречие между личной заинтересованностью государственно-го или муниципального служащего и правами и законными интересами граждан, организаций, общества или государства, способное привести к причинению вреда правам и законным интересам граждан, организаций, общества или государства [5].

Сравнивая доктринальные и легальные определения, мы склонны полагать, что в рамках представленного исследования следует придерживаться легального определения, так как оно наиболее полно раскрывает сущность рассматриваемого явления.

В большинстве стран функционируют нормативно-правовые акты, регулирующие стандарты предотвращения конфликта интересов в сфере государственной службы. В последние годы наблюдается тенденция к ужесточению данных стандартов, обусловленная как внутренними реформами, так и внешним давлением со стороны международного сообщества, которое акцентирует внимание на значимости данной проблематики.

Стандарты в отношении конфликтов интересов основаны на международных стандартах и руководствах. Результатом разработанной глобальной антикоррупционной политики являются универсальные международные стандарты – это Конвенция ООН против коррупции 2003 г., Межамериканская конвенция против коррупции (Inter-American Convention Against Corruption; 1997).

Конвенция ООН против коррупции является комплексным универсальным международным договором, препятствующим развитию и распространению коррупции во всех сферах жизнедеятельности современного общества.

Межамериканская конвенция против коррупции (Inter-American Convention Against Corruption; 1997), отражает региональный консенсус в отношении того, что следует предпринять государствам для предупреждения и криминализации коррупции, а также возвращения активов, выведенных коррупционерами. Данная Конвенция была принята в 1996 г. на пленарном заседании Организации американских государств и стала первым региональным международным актом мягкого права по борьбе с коррупцией.

Международные рекомендации предоставляют возможность создавать и внедрять системы, которые способствуют открытости и предотвращают конфликт интересов на государственной службе.

Любое национальное законодательство, регулирующее конфликты интересов, должно создавать систему и структуру, которые обеспечивают добросовестность в государственных учреждениях и укрепляют, и поддерживают доверие общественности. Поэтому система предотвращения конфликта интересов должна быть усилена за счёт обучения, выделения ресурсов и проверок.

Центральное направление в профилактике конфликта интересов в системе государственной службы заключается в выявлении, нейтрализации или минимизации факторов и условий, способствующих его инициированию и эскалации. Это предполагает комплексный подход, включающий диагностику потенциальных рисков, разработку превентивных мер и мониторинг их эффективности. В рамках данной стратегии осуществляется анализ институциональных, правовых и этических аспектов, влияющих на возникновение конфликта интересов, с целью создания прозрачной и подотчетной системы управления государственной службой [6].

Разработка внедрение в антикоррупционные практики эффективных методов выявления типичных ситуаций, подпадающих под критерии конфликта интересов, обеспечит в среднесрочной перспективе снижение уровня риска совершения коррупционных правонарушений, укрепление прозрачности административных процедур прохождения службы, способствуют исключению личных интересов из процесса принятия решений публичных служащих.

В заключении стоит отметить, что основными последствиями конфликта интересов является снижение качества выполнения государственными служащими профессиональных обязанностей, нанесение значительного ущерба интересам государства, а также снижение уровня доверия граждан к государственным служащим и институту власти в целом.

Таким образом, предотвращение и урегулирование конфликта интересов как одного из важнейших средств противодействия коррупции – это сложная организованная и правовая работа государственных органов, органов местного самоуправления, институтов гражданского общества и самих граждан. Ненадлежащее осуществление этой деятельности требует согласованных решений, систематического обобщения рационального опыта. Необходимо осуществлять постоянный мониторинг служебного поведения государственных служащих, предотвращать и урегулировать конфликт интересов на государственной службе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дедов Д. И. Конфликт интересов / Д. И. Дедов. Москва : Волтерс Клувер, 2004. 272 с.

2. Гурьева О. А. Конфликт интересов на государственной службе как социальный конфликт : сборник научных трудов Международной конференции в 6-ти частях. Т. 1. Москва, 2018. С. 121–124.
3. Цыбикова А. А. Формирование механизма управления конфликтами интересов на государственной гражданской службе : автореферат дис. ... канд. экон. наук. Москва, 2011. 24 с.
4. О государственной гражданской службе Российской Федерации : федер. закон: [Принят Гос. думой 07 июля 2004 г. № 79-ФЗ; в ред. от 08 августа 2024 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. № 31. Ст. 3215.
5. О противодействии коррупции : федер. закон: [Принят Гос. думой 19 декабря 2008 г. № 273-ФЗ; в ред. от 08 августа 2024 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. 2008. № 52 (ч.1). Ст. 6228.
6. Зайцева Е. С. Конфликт интересов в сфере государственной гражданской службы России: оптимизация организационно-правового механизма / Е. С. Зайцева, А. А. Карпикова // Современные проблемы права, экономики и управления. – 2019. № 1(8). С. 36–43.

УДК 342.9

ОСОБЕННОСТИ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ

Неськин Данила Валерьевич, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: neskin.2014@mail.ru

PECULIARITIES OF ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY OF CIVIL SERVANTS

Neskin Danila Valerievich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье рассматривается специфика административной ответственности государственных служащих, анализируются различные научные подходы к определению данного понятия, а также детально изучаются виды административных наказаний, применимых к данной категории лиц.

Ключевые слова: ответственность, гражданский служащий, штраф, дисквалификация, предупреждение, государственная служба.

The article examines the specifics of administrative responsibility of civil servants, analyzes various scientific approaches to the definition of this concept, and also examines in detail the types of administrative penalties applicable to this category of persons.

Keywords: responsibility, civil servant, fine, disqualification, warning, Public service.

Правовое положение государственного гражданского служащего, включая вопросы его юридической ответственности, закрепляется в федеральных законах, регулирующих соответствующий вид государственной службы. При формировании этого законодательства учитываются особенности различных видов ответственности, таких как административная, материальная, дисциплинарная и другие, что отражает стратегию правотворчества в данной сфере. Ответственность является элементом административно-правового статуса государственного служащего.

Основанием привлечения к административной ответственности государственного служащего является совокупность юридических фактов, предусмотренных административным законодательством [1].

Для того, чтобы способствовать устойчивому развитию общества государственная служба требует от своих представителей идеального исполнения возложенных на них обязанностей. Решить проблемы эффективного государственного управления помогает институт юридической ответственности государственных служащих, который представляет собой регламентированные нормами права общественные отношения между государством, в лице его специальных органов, и государственным служащим – правонарушителем, на которого возлагается обязанность претерпевать неблагоприятные последствия за совершенное правонарушение. В связи с этим особую важность приобретают меры ответственности за недобросовестное выполнение или пренебрежение служебными обязанностями. В свою очередь государственная служба немыслима без четко установленных мер ответственности государственных служащих.

Административная ответственность государственных служащих в юриспруденции анализируется с различных теоретических позиций. Каждый исследователь выделяет конкретные аспекты этого феномена, что способствует формированию разнообразных теоретических моделей и подходов.

Так, по мнению А. П. Алехина «административная ответственность государственных служащих – это совокупность различных мер административного наказания, направленного на восстановление баланса между совершенным проступком и мерами по его искуплению» [2].

Ю. И. Мигачев считает, что «административная ответственность государственных служащих – это ряд различных видов наказания, прописанных в Кодексе об административных правонарушениях, но с поправкой на то, что наказание направлено именно на сотрудников государственных органов» [3].

Кроме того, Л. Л. Попова отмечает, что «административная ответственность государственных служащих – это применяемая в отношении сотрудников государственных органов совокупность мер наказания, призванная побудить данных сотрудников к прекращению нарушений как в настоящее время, так и в дальнейшем» [4].

На основании вышеассмотренных точек зрения пришли к выводу, что административная ответственность государственных служащих представляет собой систему правовых норм и процедур, целью которых является помощь в выполнении своих профессиональных обязанностей в соответствии с действующим законодательством. Данная система включает в себя четко определенные основания для привлечения к ответственности, а также процессуальные механизмы, обеспечивающие соблюдение принципов законности и справедливости при применении санкций.

Государственные служащие подвергаются более суровой административной ответственности по сравнению с обычными гражданами. Данный феномен обусловлен их особым правовым статусом, который предполагает повышенную степень социальной и государственной ответственности за их действия. В рамках правового поля это выражается в более строгих санкциях и мерах дисциплинарного воздействия, направленных на обеспечение соблюдения высоких стандартов профессионализма и этики в исполнении служебных обязанностей.

Государственный служащий может быть привлечен не только к административной ответственности, но и к иным видам юридической ответственности, таких как дисциплинарная, уголовная, гражданско-правовая и другие.

Согласно Кодексу Российской Федерации об административных правонарушениях, государственный служащий в связи с неисполнением либо ненадлежащим исполнением возложенных на него профессиональных обязанностей подлежит административной ответственности.

В зависимости от обстоятельств совершенного правонарушения, могут быть применены следующие меры административных наказаний:

- предупреждение;
- административный штраф;
- дисквалификация.

Предупреждение является наиболее мягкой мерой административного наказания, которое установлено ст. 3.4 КоАП РФ [5]. Этот вид административного наказания практически не изучен наукой. Административисты редко углубляются в его природу и превентивный эффект. Предупреждение как мера наказания рассматривается в научных работах лишь эпизодически, и то, как правило, в контексте анализа всей системы административных наказаний.

Одним из наиболее часто применяемых мер административного наказания является административный штраф. Данный вид административного наказания выражается в денежном взыскании с лица, совершившего административное правонарушение. Важно подчеркнуть, что помимо превентивной и воспитательной роли, административные штрафы служат источником пополнения федерального бюджета.

В период с 2022 по 2024 годы было зафиксировано значительное количество административных правонарушений. В 2022 году по статье 5.59 КоАП РФ было зарегистрировано 8306 правонарушений, из которых 6700 государственных служащих были привлечены к ответственности. В результате наложения штрафов на нарушителей была взыскана сумма 39 779 428 рублей. В 2023 году количество рассмотренных дел по этой же статье возросло до 8852, и штрафы были наложены на 7262 государственных служащих, общая сумма взысканных штрафов составила 41 896 811 рублей. В 2024 году наблюдается рост числа правонарушений, совершенных государственными служащими, до 9148 случаев. Из них 7423 человека были привлечены к административной ответственности, а сумма штрафов составила 42 430 913 рублей.

Дисквалификация как мера административного наказания является одним из наиболее суровых видов административных санкций, предусмотренных законодательством Российской Федерации. В соответствии со ст. 3.11 КоАП РФ «дисквалификация представляет собой лишение физического лица права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на установленный законом срок». Данная мера направлена на предотвращение повторения государственным служащими противоправных действий и обеспечение соблюдения установленных норм и правил.

На сегодняшний день можно выделить ряд условий для привлечения к административной ответственности государственных служащих:

- государственный служащий в рамках своей профессиональной деятельности издает акт, который может стать причиной или уже стал причиной негативных последствий для личности, общества и государства;

- совершение служащим государственного органа действия, которое нарушает установленный в статье КоАП;
- частичное или полное невыполнение служебных обязанностей государственным служащим требований закона и служебного контракта, влекущее наложение на него мер административной ответственности.

В рамках привлечения государственных служащих к дисциплинарной ответственности могут быть частично применены названные выше условия. Это позволяет выявить проблему, связанную с неоднозначностью разграничения, мер наказания в контексте административного и дисциплинарного законодательства. Данный аспект требует более детального анализа и четкого правового регулирования для обеспечения справедливого и эффективного применения дисциплинарных санкций в отношении государственных служащих.

Административная ответственность государственных служащих может быть классифицирована на две категории: на общую и специальную. Под общей административной ответственностью государственных служащих следует понимать ответственность государственных служащих как граждан, а специальную – как должностных лиц. Должностные лица, занимающие государственные должности, несут более серьёзную ответственность за свои действия, чем обычные граждане. Это связано с особым статусом государственных служащих и тем, что их ненадлежащее исполнение обязанностей может привести к нарушению прав и свобод граждан, что в итоге подрывает авторитет государственных органов и самого государства в целом. К административной ответственности государственный служащий может быть привлечен не только как должностное лицо, но и как гражданин за совершение общих административных правонарушений.

Таким образом, неисполнение или ненадлежащее исполнение возложенных обязанностей на государственных служащих влечёт наложение на него мер административной ответственности в соответствии с КоАП РФ. Надлежащее поведение государственных служащих, а также добросовестное исполнение ими своих должностных обязанностей, строгое соблюдение установленных запретов и ограничений возможны исключительно в условиях функционирования системы юридической ответственности. Поэтому административная ответственность представляет собой неотъемлемый компонент правового статуса государственного служащего, обеспечивая его правовую регламентацию и гарантируя соблюдение норм служебного поведения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Соколова Д. О. Государственная служба как институт административного права / Д. О. Соколова, Д. А. Коровин // Эпомен. 2020. № 50. С. 278–287.
2. Алехин А. П. Административное право Российской Федерации : учебник / А. П. Алехин. Москва : Зеркало, 2020. 752 с.
3. Мигачев Ю. И. Административное право Российской Федерации. Москва : РГ-Пресс, 2021. 447 с.
4. Попов Л. Л. Административное право: учебник / Л. Л. Попов. Москва : Юрист, 2021. С. 484.
5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : федер. закон: [Принят Гос. Думой 20 декабря 2001 г. № 195–ФЗ; в ред. 7 апреля 2025 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1(ч. 1). Ст. 1.

УДК 35.08

СЛУЖБА В ОРГАНАХ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ КАК ВИД ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ

Неськин Данила Валерьевич, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: neskin.2014@mail.ru

SERVICE IN THE INTERNAL AFFAIRS BODIES AS A TYPE OF PUBLIC SERVICE

Neskin Danila Valerievich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье рассматриваются особенности службы в органах внутренних дел Российской Федерации как вида государственной службы. Система государственной службы в органах внутренних дел – это ключевой институт, который формирует основу для укрепления законности и поддержания общественного порядка. Этот институт играет важную роль в борьбе с преступностью и нарушениями закона, а также в защите прав и свобод граждан. Деятельность государственной службы в органах внутренних дел должна соответствовать современным потребностям и вызовам общества, так она имеет свои особенности в обеспечении законности и порядка.

Ключевые слова: органы внутренних дел, служба иных видов, государственная служба, МВД, общественная безопасность

The article examines the features of service in the internal affairs bodies of the Russian Federation as a type of public service. The public service system in the internal affairs bodies is a key institution that forms the basis for strengthening the rule of law and maintaining public order. This institution plays an important role in combating crime and violations of the law, as well as in protect-

ing the rights and freedoms of citizens. The activities of the civil service in the internal affairs bodies must meet the modern needs and challenges of society, as it has its own peculiarities in ensuring law and order.

Keywords: internal affairs bodies, other types of service, civil service, Ministry of Internal Affairs, public security

Традиционно в России государственная служба ассоциировалась с такими понятиями, как связь с государством, обязательства, защита, верность и готовность служить обществу. Однако лишь в 1990-е годы сформировалось современное понимание государственной службы, как правового института.

В области юриспруденции существует несколько интерпретаций понятия «государственная служба». Рассмотрим некоторые из них.

И. В. Седая считает, что государственная гражданская служба, как вид профессиональной деятельности предусматривает исполнение полномочий государственных органов лицами, находящимися на государственных должностях на основе непрерывности, преемственности, компетентности, профессионализма. Это профессия требует специальной подготовки и получения специального образования [1].

Согласно мнению Н. М. Кониной, государственная служба представляет собой сложный и многогранный государственный институт, специфика которого обусловлена организацией государственной деятельности [2].

Нельзя не оставить без внимания и точку зрения В. М. Манохина, что государственная служба – это особое публично-правовое отношение государственных служащих к выполняемым ими функциям в процессе осуществления государственной деятельности, основанное на подчинении и верховенстве публичных интересов перед частными [3].

В современном российском законодательстве понятие «государственная служба» получило своё развитие. Так, согласно ч. 1 ст. 1. Федерального закона от 27 мая 2003 № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» государственная служба Российской Федерации – профессиональная служебная деятельность граждан Российской Федерации по обеспечению исполнения полномочий: Российской Федерации; федеральных государственных органов; субъектов Российской Федерации, государственных органов субъектов Российской Федерации; лиц, замещающих государственные должности Российской Федерации; лиц, замещающих государственные должности субъектов Российской Федерации; федеральных территорий; органов публичной власти федеральных территорий; лиц, замещающих в федеральных территории должности устанавливаемые федеральными законами и указами Президента Российской Федерации [4].

Обеспечение благополучия граждан и реализация государственной политики является главной целью государственной службы. Это требует от государственных служащих всех уровней не только профессиональных навыков, но и понимания социально-экономических процессов, знания законодательства и умения работать в интересах как отдельной личности, общества, так и всего государства в целом.

Понятие «государственная служба в органах внутренних дел» закреплено в рамках действующего законодательства Российской Федерации. В Федеральном законе «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» дано следующее определение: «служба в органах внутренних дел является федеральной государственной службой, которая представляет собой профессиональную служебную деятельность граждан Российской Федерации на должностях в органах внутренних дел РФ, а также на должностях, которые не относятся к должностям органов внутренних дел» [5].

В настоящее время в правовой науке существует множество подходов, которые применяются для трактовки этого понятия. Одни авторы заостряют свое внимание на необходимости его формулировки в контексте основных целей служебной деятельности сотрудников органов внутренних дел.

Так, по мнению Матвеевой Н. В. государственная служба в органах внутренних дел РФ является собой профессиональную служебную деятельность граждан РФ, направленную на достижение следующих целей: охрану жизни и здоровья граждан, собственности, общественного порядка, борьбу с терроризмом [6].

В частности, Евстафиади Я. К. говорит о службе в органах внутренних дел как о государственной службе, основные задачи которой неразрывно связаны с обеспечением исполнения полномочий на должностях Министерства внутренних дел РФ [7].

Н. М. Коркунов, рассматривает понятие государственная служба в органах внутренних дел следующим образом «особое публично-правовое отношение служащего к государству, основанное на подчинении и имеющее своим содержанием обязательную деятельность, совершаемую от лица государства и направленную к осуществлению определенной задачи государственной деятельности» [8].

Из анализа приведённых выше определений можно выделить ключевые характеристики службы в органах внутренних дел как разновидности государственной службы. Среди ключевых характеристик

можно отметить: профессиональную деятельность, связанную со службой в федеральных органах; которой свойствен принцип подчинения.

Законодательство о государственной службе в органах внутренних дел Российской Федерации сформировано полностью, создана комплексная нормативно-правовая база. Достаточно широким перечнем источников права регулируются отношения государственной службы в органах внутренних дел. Одним из таких является Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции». Данный закон устанавливает правовые нормы, регулирующие порядок прохождения службы, права и обязанности сотрудников полиции, а также механизмы их профессиональной подготовки и аттестации. Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» является основным источником, устанавливающим правовые рамки и механизмы функционирования службы в органах внутренних дел. [9].

Работа в органах внутренних дел имеет свои особенности, которые отличают ее от государственной гражданской и военной службы. Эти особенности продиктованы задачами, которые решает МВД, и функциями, которые оно выполняет. Сотрудники органов внутренних дел выполняют широкий спектр задач, направленных на обеспечение общественной безопасности. В частности, они осуществляют превентивную деятельность, направленную на предотвращение потенциальных угроз и правонарушений.

Государственные служащие имеют особый правовой статус. Он проявляется в их служении только государству в лице его органов, в их назначении на должность соответствующим должностным лицом. Речь также идет о возможности осуществления организационно-распорядительных и административных мер, предоставления им особых государственно-правовых и властных полномочий для выполнения функций государства и др. Поскольку работа в органах внутренних дел представляет собой одну из форм государственной службы, то и права, и обязанности сотрудника ОВД определяются на основе правового положения государственного служащего.

В процессе выполнения своих должностных обязанностей сотрудники органов внутренних дел сталкиваются с рядом ограничений, запретов и обязательств, которые определены для государственных гражданских служащих. В то же время, если брать во внимание специфику оперативно-розыскной деятельности, то такие ограничения могут быть изменены или сняты в той степени, в которой не мешают выполнению поставленных задач перед сотрудниками органов внутренних дел.

В рамках системы органов внутренних дел и полиции предусмотрена возможность замещения определенных должностей федеральными государственными гражданскими служащими, что позволяет обеспечить более высокий уровень профессионализма и компетентности в выполнении служебных обязанностей.

Деятельность органов внутренних дел играет ключевую роль не только в контексте предотвращения и раскрытия преступлений, но и в формировании благоприятных условий для устойчивого экономического развития, обеспечения социальной стабильности и гармонизации общественных отношений.

В заключение отметим, что государственная служба в органах внутренних дел представляет собой вид федеральной государственной службы, профессиональную служебную деятельность граждан Российской Федерации на должностях в органах внутренних дел. Службе в органах внутренних дел присущие свойственные ей особенности, которые позволяют отграничить ее от иных видов государственной службы. Государственная служба в органах внутренних дел является очень важным элементом в системе государственных органов поскольку обладает особой важностью выполняемых функций, а они в свою очередь крайне важны для обеспечения безопасности и защиты прав граждан.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Седая И. В.* Понятие и сущность государственной гражданской службы / И. В. Седая // Академическая публицистика. 2020. № 3. С. 157–165.
2. *Конин Н. М.* Административное право : учебник для вузов / Н. М. Конин, Е. И. Маторина. Москва : Юрайт, 2025. 454 с.
3. *Манохин В. М.* Конституционные основы законодательства о государственной службе / В. М. Манохин // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1983. № 4. С. 11–18.
4. О системе государственной службы Российской Федерации : федер. закон [Принят Гос. Думой 25 апреля 2003 г. № 58-ФЗ; в ред. от 14 февраля 2024 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 22. Ст. 2063.
5. О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон [принят Гос. Думой 17 ноября 2011 г. № 342-ФЗ; в ред. 28 декабря 2024 г.] // Официальный Интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>
6. *Матвеева Н. В.* Правовые и организационные основы прохождения государственной службы в органах внутренних дел Российской Федерации : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2005. 22 с.
7. *Евстафиади Я. К.* Административно-правовое регулирование государственной службы сотрудников органов внутренних дел : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2017. 28 с.
8. *Коркунов Н. М.* Российское государственное право. Т. 1: Введение и общая часть / Н. М. Коркунов. Санкт-Петербург : Тип. М. М. Стасюлевича, 1983. 573 с.

УДК 34.01

**ОПТИМИЗАЦИЯ НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫХ МЕХАНИЗМОВ ЗАЩИТЫ
ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ:
РОССИЙСКИЙ ОПЫТ**

Немов Ярослав Олегович, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st802204@ruc.su

**OPTIMIZATION OF REGULATORY MECHANISMS OF PERSONAL DATA PROTECTION
IN THE CONTEXT OF DIGITAL TRANSFORMATION: RUSSIAN EXPERIENCE**

Nemov Yaroslav Olegovich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

Настоящее исследование систематизирует ключевые аспекты модернизации российского законодательства в сфере защиты персональных данных. Анализ направлен на формирование комплексного подхода к совершенствованию нормативной базы, что позволит минимизировать правовые коллизии и повысить эффективность защиты «приватности граждан» в цифровую эпоху.

Ключевые слова: оптимизация законодательства, защита персональных данных, цифровизация права, правовое регулирование, государственная политика, правоприменительная практика.

This study systematizes key aspects of the modernization of Russian legislation in the field of personal data protection. The analysis is aimed at forming an integrated approach to improving the regulatory framework, which will minimize legal conflicts and increase the effectiveness of protecting the "privacy of citizens" in the digital era.

Keywords: optimization of legislation, protection of personal data, digitalization of law, legal regulation, public policy, law enforcement practice.

В современном цифровом мире защита персональных данных является одной из самых важных задач. От безопасности данных зависит наше финансовое положение, репутация и даже физическая безопасность. Поэтому необходимо принимать меры для обеспечения безопасности своих персональных данных. Важность безопасности данных нельзя недооценивать. Поэтому принятие мер для защиты персональных данных ничем не отличается от закрытия двери или установки сигнализации в реальном мире – это необходимость [1–2].

Общий регламент по защите данных (GDPR), действующий в Европейском Союзе, обладает экстра-территориальным эффектом, что создаёт потенциальные коллизии с правовыми системами государств за пределами ЕС. В частности, в России международные организации сталкиваются с необходимостью одновременного соблюдения требований GDPR и национального законодательства, даже при наличии прямых противоречий между ними. Например, Федеральный закон № 152-ФЗ «О персональных данных» обязывает компании локализовывать обработку данных граждан РФ на территории страны, тогда как GDPR может требовать трансграничной передачи информации в ЕС для выполнения договорных обязательств.

Согласно ст. 3 GDPR, юрисдикция европейского регулятора распространяется на российские юридические лица в двух ключевых случаях: если организация целенаправленно предлагает товары или услуги резидентам ЕС (например, через multilingual сайт, европейские платёжные системы или таргетированную рекламу); если осуществляется мониторинг поведения субъектов данных на территории ЕС, включая отслеживание онлайн-активности через cookies или аналитические инструменты.

Двойственность правовых требований ставит компании перед сложным выбором: нарушение GDPR грозит штрафами до 4 % глобального оборота, а несоблюдение российских норм может привести к блокировке ресурсов или приостановке деятельности. Для минимизации рисков эксперты рекомендуют внедрять гибкие системы compliance, учитывающие региональную специфику, а также проводить аудит цепочек обработки данных. В спорных ситуациях целесообразно обращаться к механизмам международного права, таким как стандартные договорные clauses, одобренные ЕС для трансграничных transfers.

Таким образом, экстра-территориальность GDPR требует от компаний неевропейских юрисдикций, включая Россию, реализации комплексных стратегий, балансирующих между конфликтующими регуляторными рамками. Ключевым элементом становится прозрачность политик обработки данных и адаптация операционных процессов под мультисанкционную среду.

На основе анализа правовых коллизий, возникающих из-за частичного сближения российских

норм с европейскими стандартами (в частности, GDPR), предлагается проведение комплекса мер по модернизации национального законодательства. Предлагаемые решения направлены на два ключевых аспекта:

1. Оптимизацию регуляторного воздействия – через внедрение риск-ориентированного подхода к обработке данных, совершенствование механизмов информированного согласия субъектов, а также расширение полномочий надзорных органов.

2. Устранение правовых противоречий – путем гармонизации российских норм с международными стандартами в области трансграничной передачи данных, автоматизированной обработки информации и правовых оснований для использования персональных сведений.

Особое внимание уделяется необходимости создания «мостов совместимости» между российской и европейской системами. Это предполагает: унификацию терминологического аппарата (например, уточнение понятий «обезличенные данные» и «анонимизация»); внедрение многоуровневой системы защиты прав субъектов данных, включая превентивные проверки бизнес-процессов (аналоги европейских DPIA); развитие института ответственности операторов через дифференциацию санкций в зависимости от категорий нарушений.

Следует предположить, что поэтапная конвергенция законодательств позволит не только минимизировать правовые риски для международного бизнеса, но и сформировать этические стандарты цифровой экономики. Ключевым вектором развития видится адаптация лучших практик GDPR с учетом национальной специфики – например, через расширение перечня исключений для государственного сектора или создание гибких правил для исследований Big Data. Реализация этих мер способна превратить российское законодательство в динамичную систему, сочетающую цифровой суверенитет с интеграцией в глобальное правовое пространство.

В качестве первого шага на пути усиления защиты персональных данных необходимо внесение поправок в действующее законодательство: в ст. 3 федерального закона «О персональных данных» необходимо внести понятие «контролёр». В качестве возможной формулировки мы предлагаем следующие определения: организация, орган власти, компания или частное лицо, единолично или в сотрудничестве с иными сторонами устанавливающее задачи и инструменты для работы с личными сведениями, именуется «контролером», такой субъект берет на себя ответственность за определение методов и целевых установок при обработке персональной информации. Если такое изменение будет принято, оно усилит защиту персональных данных и адаптирует российское законодательство к международным стандартам. Однако для реализации всего комплекса мер потребуется обширная правовая реформа, а не только поправка в ст. 3 закона.

В российском законодательстве существует пробел, поскольку 152-ФЗ возлагает ответственность только на первичного оператора персональных данных, в то время как обработчики, действующие по его поручению, административно не наказываются. Текущее положение дел фактически соответствует Директиве 95/46/ЕС Европейского Парламента от 24-го числа. Введение классификации операторов на контролеров и процессоров могло бы исправить ситуацию, установив непосредственную административную ответственность для процессоров за несоблюдение норм обработки персональной информации. Директива 10.1995 регулировала защиту персональных данных физических лиц при их обработке, устанавливая договорные взаимоотношения между процессором и контролером. В соответствии с этим документом, ответственность процессора ограничивалась исключительно рамками соглашения с контролером данных.

В настоящее время взаимоотношения между субъектом, поручающим обработку персональных данных, и исполнителем такого поручения требуют пересмотра. Следуя примеру Общего регламента по защите данных, целесообразно законодательно закрепить ответственность обработчиков информации. Роскомнадзору необходимо предоставить полномочия для прямого наложения штрафных санкций на компании, осуществляющие обработку данных по поручению операторов.

Кроме этого, предлагается ограничить круг лиц, которые могут являться процессорами, как это сделано в Общем регламенте по защите данных. В частности, Общий регламент по защите данных в статье 28(1) указывает, что процессорами могут являться «только те лица, которые могут обеспечить гарантии соблюдения технических и организационных стандартов обработки персональных данных, в той мере, которая гарантирует защиту прав субъектов персональных данных» [3]. Если же мы обратимся к статье 6 ФЗ-152, то мы увидим, что подобные требования в отношении лиц, осуществляющих обработку персональных данных по поручению оператора не оговорены.

Риск нарушения прав субъектов персональных данных значительно возрастает при отсутствии соответствующего положения, так как данные могут обрабатываться неквалифицированными лицами. Эффективное взаимодействие между контролёрами и процессорами обеспечивает полное соответ-

ствие законодательным требованиям и защиту прав субъектов. Общий регламент по защите данных предъявляет комплексные требования к процессорам, что предотвращает несанкционированное использование персональных данных для целей, противоречащих намерениям контролера.

Дополнительно иницируется утверждение исчерпывающего перечня цифровых форматов передачи персональных данных. Это позволит унифицировать технические стандарты обработки информации и упростит практическое применение законодательных норм. Процедура обезличивания обеспечивает практическую реализацию метода обезличивания и задается своим описанием. Допускается программная реализация процедуры различными способами и средствами. При этом различные способы реализации одной процедуры должны обеспечивать одинаковые результаты [4].

Существует значимая инициатива по модернизации законов России, предлагающая создать позицию контролёра персональных данных. Эта должность станет обязательной в трёх ключевых ситуациях. Во-первых, когда обработкой данных занимаются государственные органы (кроме судебных инстанций). Во-вторых, при регулярной масштабной обработке персональной информации. В-третьих, когда происходит работа с особыми категориями персональных сведений или биометрическими характеристиками. Данное предложение представляет собой существенный шаг в трансформации российского правового поля.

Предлагается дополнить ФЗ-152 специальной главой об инспекторе по защите персональных данных. Благодаря своему глубокому пониманию внутренних процессов организации и доступу к конфиденциальной информации, инспектор становится ключевым преимуществом в системе защиты данных. Новая глава закона определит обстоятельства, при которых назначение инспектора становится обязательным, а также регламентирует его функционал, права и полномочия. Кроме того, будут четко прописаны обязанности операторов в отношении инспектора и конкретные задачи, которые он должен решать. Создание этой должности обеспечит автономный надзор за операторами персональных данных и будет способствовать строгому соблюдению законодательных норм.

Законодательство предусматривает, что инспекторы должны проверять практики компаний и предупреждать потенциальные нарушения в сфере обработки личных данных. Благодаря этому операторы лучше понимают правовые риски и эффективнее соблюдают требования закона. Важно отметить, что Общий регламент обеспечивает инспекторам прямой контакт с руководством операторов персональных данных, что способствует повышению осведомленности компаний о своих обязательствах.

В рамках предложенных изменений, аналогично положениям статьи 38 Общего регламента, особое внимание уделяется укреплению правовых гарантий для инспекторов, предотвращающих их необоснованное увольнение вследствие добросовестного выполнения профессиональных обязанностей. Ключевая функция инспектора заключается в обеспечении взаимодействия между субъектами, чьи персональные данные обрабатываются, и операторами, осуществляющими такую обработку.

Критически важным аспектом является законодательное закрепление независимого статуса инспектора, включая его право на беспрепятственный доступ к информации обо всех процессах, связанных с обработкой персональных данных. Для эффективной реализации своих полномочий инспектор должен быть наделен достаточными материально-техническими ресурсами, а также правом напрямую принимать обращения от субъектов данных, задействованных в деятельности оператора-работодателя.

Отдельный акцент сделан на недопустимость совмещения противоречащих друг другу интересов. Деятельность инспектора должна регламентироваться исключительно нормами законодательства, а не корпоративными интересами оператора. Это предполагает введение механизмов, исключаящих влияние оператора на принятие инспектором объективных решений в рамках его компетенции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жуков А. А. Защити свои персональные данные: важность и способы обеспечения безопасности // Информационно-коммуникационные технологии в педагогическом образовании. 2024. № 2(89). С. 31–33.
2. Котляров С. Б. Механизмы реализации политических прав и свобод человека и гражданина в современной России / С. Б. Котляров, О. В. Кукушкин // VI Юридические чтения : материалы Национальной научно-практической конференции, Саранск, 18 ноября 2020 года. Саранск : Принтиз, 2020. С. 12–16.
3. General Data Protection Regulation (GDPR) 2012 // URL: <http://ec.europa.eu/transparency/regdoc/rep/1/2012/EN/1-2012-11-EN-F1-1.Pdf>
4. Тимофеев А. М. Информационная безопасность персональных данных // Управление информационными ресурсами : материалы XX Международной научно-практической конференции, Минск, 29 марта 2024 года. Минск : Академия управления при Президенте Республики Беларусь, 2024. С. 312–313.

**СОВРЕМЕННЫЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ МИГРАЦИОННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ТЕНДЕНЦИИ И ТРАНСФОРМАЦИИ****Никулина Карина Александровна, магистрант***Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)*

E-mail: st810863@ruc.su

**CURRENT STAGES OF MIGRATION LEGISLATION DEVELOPMENT IN THE RUSSIAN
FEDERATION: TRENDS AND TRANSFORMATIONS****Nikulina Karina Alexandrovna, graduate student***Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)*

Актуальные тенденции глобального развития демонстрируют рост миграционной активности, обусловленный политической нестабильностью, конфликтами и увеличением числа лиц, вынужденных менять место проживания. Эти факторы способствуют значительному притоку беженцев и трудовых мигрантов на территорию Российской Федерации, что актуализирует вопрос анализа правовых механизмов регулирования миграционных процессов. Исследование нормативно-правовой базы РФ в данной области представляется особенно значимым, так как позволяет выявить пробелы в законодательстве и адаптировать его к динамично меняющимся социально-политическим условиям.

Ключевые слова: административно-правовой механизм, правовой статус, миграционное законодательство, ответственность, правоспособность.

Urrtent trends in global development demonstrate an increase in migration activity due to political instability, conflicts and an increase in the number of people forced to change their place of residence. These factors contribute to a significant influx of refugees and labor migrants into the territory of the Russian Federation, which actualizes the issue of analyzing the legal mechanisms for regulating migration processes. The study of the regulatory framework of the Russian Federation in this area seems to be especially significant, as it allows you to identify gaps in the legislation and adapt it to dynamically changing socio-political conditions.

Keywords: administrative-legal mechanism, legal status, migration legislation, liability, legal capacity.

Прежде чем перейти к анализу структуры миграционного законодательства Российской Федерации, важно охарактеризовать базовые принципы построения российской правовой системы, которые служат основой для его формирования. Система законодательства РФ в теоретическом понимании представляет собой внешнюю форму выражения правовой системы. Её становление происходит через принятие нормативно-правовых актов и их последующую кодификацию или инкорпорацию. Современная структура российского законодательства отличается многоуровневостью, включая следующие элементы:

1. «Отраслевой (горизонтальный) тип регулирования» – объединяет нормы, регулирующие однородные общественные отношения в рамках отдельной отрасли права. Классическими примерами служат административное, уголовное, гражданское право. Миграционное законодательство, однако, не выделено в самостоятельную отрасль, что подчеркивает его междисциплинарный характер.

2. «Внутриотраслевая система» – включает подотрасли и правовые институты, детализирующие регулирование в рамках отрасли. Например, в гражданском праве выделяют авторское, корпоративное право. Миграционное законодательство сегодня рассматривается как «комплексный институт», интегрирующий нормы административного, международного и трудового права. Это отражает его роль в регулировании переселенческих процессов, включая вопросы въезда, трудоустройства и натурализации.

3. «Иерархическая (вертикальная) система» – основана на принципе верховенства права и федерализма. Высшую силу имеют международные договоры (ст. 15 Конституции РФ), за ними следуют федеральные законы, акты субъектов РФ и муниципальные нормы. В миграционной сфере ключевыми являются соглашения ЕАЭС, Конвенция ООН о статусе беженцев 1951 г., а также двусторонние договоры (например, с государствами Средней Азии по трудовой миграции).

4. «Федеративная модель» – согласно ст. 71–73 Конституции РФ, миграционная политика отнесена к ведению федерального центра. Субъекты РФ и муниципалитеты могут принимать акты в рамках делегированных полномочий (например, квоты на трудоустройство иностранцев или программы адаптации).

5. «Комплексные системы регулирования» – объединяют нормы разных отраслей для решения задач в специфических сферах (транспорт, IT, экология). Миграционное право пока не стало такой системой из-за отсутствия кодификации. Однако с 2021 г. обсуждается проект Миграционного кодекса, что может изменить его статус в перспективе. Текущая структура миграционного законодательства РФ остаётся гибридной, сочетая элементы внутриотраслевого и комплексного регулирования. Однако динамика правотворчества указывает на движение в сторону формализации его самостоятельности. [1, с. 12].

В современный период система миграционного законодательства Российской Федерации характеризуется избыточной сложностью, обусловленной множеством разрозненных правовых документов (около 800 источников), которые не обладают четкой структурной организацией. Для лучшего понимания рассмотрим её ключевые компоненты в систематизированном виде.

1. Федеральный уровень. Главенствующую роль в системе занимают международные договоры и соглашения, ратифицированные РФ. Эти документы формируют правовую базу, гармонизирующую национальное законодательство с глобальными стандартами.

2. Национальное законодательство. Второй уровень включает нормативно-правовые акты федерального значения, регулирующие миграционную политику: верховенство принадлежит Конституции РФ как основному источнику права; далее следуют федеральные законы, детализирующие правовые механизмы; подзаконные акты (указы Президента и постановления Правительства), конкретизирующие положения вышестоящих документов.

3. Региональное регулирование. Третий уровень представлен законодательством субъектов Федерации, которое можно классифицировать по направлениям: комплексные нормативы, адаптирующие миграционные процессы к особенностям конкретных регионов; правила временной регистрации и проживания мигрантов на территории субъекта; нормы, устанавливающие административную ответственность за нарушения миграционного режима; регламенты привлечения и использования иностранной рабочей силы в рамках региона.

Такая структура подчеркивает многоуровневость системы, однако отсутствие единой кодификации и дублирование норм между уровнями создают сложности в правоприменительной практике.

При этом, необходимо отметить, что большинство нормативно-правовых актов в сфере миграции, представляют собой своеобразный массив подзаконных актов субъектов РФ, которые направлены непосредственно на решение краткосрочных проблем, с учетом понимания данной проблематики лишь местными властями, однако следует отметить, что в своем большинстве данные нормативно-правовые акты имеют ограничительный характер, а иногда содержат нормы противоречащие международным обязательствам РФ, Конституции РФ и другому федеральному законодательству [2, с. 149–150].

Необходимо заметить, что количество нормативно-правовых актов в системе миграционного законодательства РФ, в связи с отсутствием должной систематизации продолжает расти, причем часть из них имеют различные противоречия, поскольку в миграционном законодательстве РФ не определены многие понятия, которые часто в них используются, так, например, понятие «мигранта» [3, с. 114].

В рамках действующего правового поля наблюдается отсутствие единообразия в интерпретации ключевых понятий различными государственными институтами. Анализ нормативной базы выявляет существенные расхождения в определении оснований для прекращения действия трудовых разрешений иностранных граждан. Отдельные законодательные акты фиксируют в качестве правового основания для расторжения предоставление фальсифицированных бумаг (ст. 45 ФЗ-115), тогда как в смежных правовых документах акцент смещается на некорректное заполнение анкетных данных или сознательное искажение персональной информации (п. 2.3 Постановления № 783-КД). Подобная терминологическая вариативность создает прецеденты для противоречивой судебной практики, когда аналогичные случаи получают диаметрально противоположные оценки в зависимости от применяемой нормы права [4, с. 54].

Необходимо отметить, что также большую роль в системе миграционного законодательства РФ играет судебная практика правоприменения, так как, она позволяет разобраться в несоответствиях, которые содержатся в нормативно правовых актах данной сферы, а также в большом количестве правовых коллизий и пробелов. В данном случае следует согласиться с С. Авакьяном, который считает, что современная судебная власть РФ, в лице Конституционного Суда РФ фактически осуществляет правотворческие функции [5, с. 206–209]. Однако следует отметить, что это задача, в первую очередь, законодателя, а не судебных органов.

Современное миграционное законодательство РФ представляет собой многоуровневую систему с комплексной структурой, требующей глубокого анализа. В рамках общей теории права его можно охарактеризовать как иерархически организованный массив взаимосвязанных правовых актов, направленных на регулирование общественных отношений в миграционной сфере. Однако формирование этой системы обусловлено не только правовыми принципами, но и сочетанием субъективных и объективных факторов, что создаёт как возможности, так и вызовы для законодателя.

Субъективные факторы включают политическую волю государства к созданию национальной правовой базы в области миграции. Тем не менее, несмотря на рост числа нормативных документов, сохраняются системные проблемы: фрагментарность регулирования, противоречия между федеральным и региональным законодательством, а также пробелы, препятствующие эффективному управлению миграционными процессами. Например, анализ действующих норм выявляет недостаточную

согласованность между административными, трудовыми и международно-правовыми аспектами, что снижает прозрачность правоприменения.

Объективные факторы носят многогранный характер и охватывают: правовые (необходимость соответствия международным стандартам); экономические* (влияние миграции на рынок труда); социальные (интеграция мигрантов); геополитические* (трансграничные вызовы). Эти факторы требуют оперативной адаптации законодательства через систематизацию норм и внесение точечных корректировок, учитывающих динамику миграционных правоотношений.

Для упрощения восприятия систему можно разделить на два блока:

1. Административно-миграционный массив – нормы, регулирующие въезд, пребывание, регистрацию и депортацию (например, ФЗ «О правовом положении иностранных граждан»).

2. Межотраслевой комплекс – взаимодействие конституционного, уголовного, трудового и международного права в контексте миграции.

Устранение правовой разрозненности возможно через принятие Миграционного кодекса РФ (МК РФ) – специализированного акта, объединяющего административно-миграционные нормы. Однако, как отмечают эксперты [6], полностью отделить административное регулирование от отраслевого (например, в вопросах трудовой миграции) затруднительно. Поэтому МК РФ займёт двойственную позицию: станет ядром административно-миграционного массива; войдёт в систему межотраслевого регулирования, обеспечивая связь между различными правовыми институтами.

Система миграционного законодательства РФ, основанная на иерархии правовых актов, нуждается в гармонизации и структурной оптимизации. Кодификация способна минимизировать противоречия и пробелы, однако её успех зависит от баланса между унификацией норм и учётом специфики смежных отраслей права.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хабриева Т. Я. Миграционное право как структурное образование российского права / Т. Я. Хабриева // Журнал российского права. 2007. № 11. С. 3–16.
2. Воронина Н. А. Миграционное законодательство России: состояние, проблемы, перспективы / Н. А. Воронина. Москва : Спутник+, 2010. 221 с.
3. Кукушкин О. В. Тенденции развития конституционно-правовых основ местного самоуправления на современном этапе / О. В. Кукушкин, Ю. И. Каргин, С. Б. Котляров, Е. А. Чичеров // Современные проблемы управления и регулирования: теория, методология, практика : монография / под общ. ред. Г. Ю. Гуляев. Пенза : Наука и просвещение, 2016. С. 111–125.
4. Кукушкин О. В. Правосудие в системе применения права / О. В. Кукушкин, Ю. И. Каргин, С. Б. Котляров, Е. А. Чичеров // Инновационный подход в решении проблем современности: теория, методология, практика : монография / под общ. ред. Г. Ю. Гуляев. Пенза : Наука и просвещение, 2016. С. 53–63.
5. Авакьян С. А. Конституция России: природа, эволюция, современность / С. А. Авакьян. Москва : Изд-во РЮИД, 2000. 528 с.
6. Carroll R. T. Communal reinforcement / R. T. Carroll // The Skeptic's Dictionary URL: <http://skepdic.com/communalreinforcement.html>; Loughlin M. Constituent Power // Loughlin M. The idea of Public Law. Oxford University Press. Oxford Scholarship Online. 2010. P 217-218.

УДК 342.9

АНАЛИЗ ПРОИЗВОДСТВА ПО ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ: ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ

Панюшин Геннадий Викторович, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st809704@ruc.su

ANALYSIS OF PROCEEDINGS IN CASES OF ADMINISTRATIVE OFFENCES: THE HISTORY OF FORMATION AND DEVELOPMENT

Panyushin Gennady Viktorovich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В данной научной статье рассматриваются вопросы становления и последующего развития института производства по делам об административных правонарушениях в целом на различных исторических этапах. Особо выделяются спорные моменты, касающиеся соотношения административного процесса и производства по делам об административных правонарушениях. В частности, приводятся точки зрения современных ученых-правоведов относительно процессуальной природы производства по делам об административных правонарушениях. Также, указывается проблема нормативно-правового закрепления производства по данным делам.

Ключевые слова: правосудие, суд, административное производство, правовая природа, административный процесс, административное правонарушение, органы государственной власти.

This scientific article examines the issues of the formation and subsequent development of the institute of administrative justice in general at various historical stages. Controversial issues concerning the relationship between the administrative process and pro-

ceedings on administrative offenses are highlighted. In particular, the points of view of modern legal scholars regarding the procedural nature of proceedings in cases of administrative offenses are given. Also, the problem of regulatory consolidation of proceedings in these cases is indicated.

Keywords: justice, court, administrative proceedings, legal nature, administrative process, administrative offense, public authorities.

В Российской Федерации правосудие осуществляется исключительно судом, что прямо закреплено в Конституции РФ. Как известно, суд выступает последней инстанцией, куда лица обращаются за защитой и восстановлением своих нарушенных прав и интересов. Кроме того, с появлением суда как органа власти, была решена проблема самоуправства и самосуда, поскольку данный государственный орган призван разрешать различные конфликты, возникающие между сторонами споров.

На сегодняшний день на практике реализуются следующие виды судопроизводства: конституционное, гражданское, уголовное, арбитражное и административное. Причем данные виды также получили свое закрепление в Конституции РФ.

Для того, чтобы должным образом рассмотреть и изучить производство по делам об административных правонарушениях, необходимо провести некоторый исторический анализ дабы понять, как появился данный вид производства, какого его значение для государства и общества в целом, а также для отдельно взятого субъекта, а кроме того, определить тенденции развития и совершенствования данного вида производства.

Говоря о генезисе административного права в целом, стоит отметить, что оно не появилось случайно или моментально, напротив, был пройден длинный путь и потрачено много сил для того, чтобы отрасль отечественного административного права выделилась в качестве самостоятельной и независимой.

Эти процессы обуславливаются бурным развитием общественных отношений в государстве и их усложнением, что произошло во многом вследствие неизбежной, но при этом довольно поступательной, эволюции общества.

Из вышесказанного можно сделать вывод, что институт производства по делам об административных правонарушениях также имеет за своими плечами многовековой процесс становления и развития.

Поскольку среди ученых нет однозначного мнения по поводу того, когда именно начинает формироваться институт административной ответственности, следовательно, то же самое можно сказать и касательно административного производства.

Например, В. А. Белик считает, что историческое развитие и становление производства по делам об административной ответственности как разрешения споров с участием органов публичной власти России имеет глубокие корни и берет свое начало XVI веке, с принятием судебника 1497 года [1, с. 43].

На практике чаще всего развитие института административного производства связывают со значительными историческими событиями, которые коренным образом меняли уклад жизни в нашем государстве.

К таким важным и глобальным переменам относят:

- 1) провозглашение Российской империи;
- 2) провозглашение власти Советов;
- 3) распад СССР;
- 4) создание демократического государства.

Таким образом, И. В. Галкин в своей научной статье отмечает, что «Генезис института административной юстиции в России представлен следующими основными этапами: I этап – имперский (1870–1917); II этап – советский (1918–1990); III этап – постсоветский (1993–1999); IV этап – современный (2000–2015)» [2, с. 369].

Итак, в период расцвета Российской империи начинают зарождаться так называемые первые прогрессивные идеи по поводу использования мер, направленных на исправление личности, которая была уличена в административном правонарушении.

Таковыми мерами стали: штрафы, помещение в специализированные учреждения (рабочие или смиренные дома). Также, в это время начинают функционировать компетентные органы, которые и должны были осуществлять деятельность, относящуюся к производству по делам о правонарушениях, не относящихся к преступлениям.

После утверждения Городского Положения в 1870 году начали появляться смешанные присутствия в губерниях, которые представляли собой органы, выполняющие ряд различных функций, а в их числе была и административно-судебная.

Присутствия были уполномочены решать споры, касающиеся сферы городского управления, выступая при этом независимым арбитром. Если углубляться в суть их работы и рассматривать полномочия, то можно заметить немало сходств с ранней судебной деятельностью по административным делам.

Доказательством того, что вопрос об установлении производства по делам об административной ответственности к концу XVIII века был актуальным и широко обсуждался, служит тот факт, что в данном направлении работали многие ученые правоведы: М. А. Балугьянский, К. К. Арсеньев, С. И. Баршев, Н. М. Коркунов и ряд других.

Примечательно, что большинство из вышеперечисленных ученых ратовали за то, чтобы был сформирован отдельный институт административного производства.

К тому же идея о создании административных судов была выдвинута Аркадием Петровичем Столыпиным, но практического своего закрепления она не нашла.

В 1917 году было принято Положение о судах по административным делам, что явилось значительным шагом вперед как для административного судопроизводства в целом, так и для производства по делам об административных правонарушениях, поскольку был претворен в жизнь и закреплен в правовом акте новый способ восстановления и защиты прав, относящихся к публичным – административный иск. Следовательно, происходило активное учреждение административных судов, где судьи в единоличном порядке разрешали публичные споры [3, с. 33].

Как уже было отмечено выше, принятие Положения стало прогрессивной мерой и довольно позитивной, но прошло совсем немного времени и административные суды, как и ряд других органов государственной власти, упраздняются. Это было связано с провозглашением СССР, а точнее советской идеологии.

Только к концу XX века была активизирована деятельность по формированию административного производства. В этой связи в силу вступает Кодекс РСФСР об административных правонарушениях, который явился результатом систематизации правовых норм, касающихся административных правонарушений.

Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ) считается довольно молодым в системе российского права, поскольку был принят в 2001 году.

Несмотря на это, он играет существенную роль и для государства, обеспечивая развитие правового общества, и для граждан, так как обеспечивает для них доступ к защите и восстановлению нарушенных прав, и для правовой системы, поскольку упорядочивает нормы, регламентирующие административную ответственность, административные наказания и так далее.

На протяжении довольно продолжительного времени разрешение судами дел, касающихся административных правонарушений, представляет собой одно из самых распространенных производств.

Действующий на сегодняшний день КоАП РФ в Главе IV содержит лишь общие предписания, касающиеся производства по делам об административных правонарушениях. Он включает в себя правила производства по данным делам, признаваемые общими как для судов, так и для административных органов.

С одной стороны, в процессе производства по делам об административных правонарушениях уполномоченные органы власти осуществляют деятельность по разрешению возникшей конфликтной ситуации, а с другой стороны – они привлекают к ответственности виновных лиц, применяя по отношению к ним принудительные меры административного характера.

В соответствии с КоАП РФ, дела об административных правонарушениях правомочны рассматривать уполномоченные на то органы и лица, к которым в настоящий момент законодатель относит далеко немалое количество (ОВД, пограничные органы, органы таможенной службы и другие), а также судьи.

На данный момент в правовой литературе немало трудов ученых XXI века, относительно выявления и обозначения правовой (конкретно процессуальной) природы производства в судебном порядке по делам об административных правонарушениях, содержат в себе выводы о том, что вне зависимости от единого регулирования судебной и внесудебной деятельности, касающейся разрешения дел об административных правонарушениях, она является частью административного судопроизводства [4, с. 80].

Существует и полностью противоположная точка зрения, согласно которой производство по делам об административных правонарушениях является отдельным видом административного процесса, причем скорее даже административно-юрисдикционного.

В заключении стоит отметить, что представляется наиболее логичным и обоснованным относить производство по делам об административных правонарушениях к одному из видов производств, осуществляемых в судебном порядке и относящихся к административному судопроизводству.

Также, некоторыми отечественными учеными выдвигается предложение о создании отдельной нормативно-правовой базы для регулирования судебного производства по делам об административных правонарушениях [5, с. 31].

Эта идея является вполне уместной, поскольку в настоящее время правовая база для внесудебной деятельности по разрешению дел об административных правонарушениях представлена единой и для судебного порядка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белик В. А. Процессуально-правовые институты производства по делам об административных правонарушениях / В. А. Белик // Тамбовские правовые чтения имени Ф. Н. Плевако : материалы VII Международной научно-практической конференции, Тамбов, 19–20 мая 2023 года. Тамбов : Державинский, 2023. С. 43–48.
2. Галкин И. В. Производство по делам об административных правонарушениях и административное судопроизводство / И. В. Галкин // Теоретические и правоприменительные проблемы современного российского права : сборник статей. Тюмень : Институт государства и права Тюменского государственного университета, 2022. С. 367–371.
3. Пошивайлова А. В. К вопросу о понятии административно-процессуального производства / А. В. Пошивайлова, Ю. В. Козько // Дневник науки. 2022. № 6(66). С. 32–35.
4. Кононов П. И. Производство в судах по делам об административных правонарушениях как составная часть административного судопроизводства / П. И. Кононов // Правосудие. 2023. Т. 5, № 3. С. 60–84.
5. Кротова Е. В. Проблемные аспекты правового регулирования производства по делам об административных правонарушениях / Е. В. Кротова // Административное право и процесс. 2023. № 2. С. 30–32.

УДК 342.7

ПРОБЛЕМЫ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Пешехонов Никита Николаевич, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: peshekhonovnikita@mail.ru

LOCAL GOVERNMENT PROBLEMS AND SOLUTIONS

Peshekhonov Nikita Nikolaevich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В рамках расширенной трактовки местное самоуправление рассматривается как механизм, позволяющий муниципальным органам осуществлять регулирование и реализацию общественных вопросов. При этом базовое определение характеризует его как форму гражданской активности, при которой жители определенной территории получают автономию в решении локальных задач. Такая система дает населению возможность самостоятельно распоряжаться муниципальным имуществом и принимать решения, учитывая специфические потребности местного сообщества, без вмешательства извне.

Ключевые слова: местное самоуправление, государственная власть, местная администрация, муниципальная власть, глава местного самоуправления.

As part of the expanded interpretation, local self-government is considered as a mechanism that allows municipal bodies to regulate and implement public issues. At the same time, the basic definition characterizes it as a form of civic activity, in which residents of a certain territory receive autonomy in solving local problems. Such a system gives the population the opportunity to independently dispose of municipal property and make decisions, taking into account the specific needs of the local community, without outside interference.

Keywords: local government, state power, local administration, municipal government, head of local government.

Независимое от государственного контроля управление на местах является комплексной структурой, призванной эффективно разрешать актуальные вопросы населения. Российское местное самоуправление нуждается в полной перестройке. Неэффективность муниципальных органов в распоряжении национальными богатствами создает критическую ситуацию.

В современных условиях очень часто складывается ситуация, когда органы местного самоуправления не в состоянии решить проблемы повседневного создания благоприятных условий для жизни местного населения. Когда местные власти не справляются со своими задачами, это отражается на благополучии государства в целом, что указывает на фундаментальные изъяны в существующей системе управления. Многолетняя практика показала, что существующая модель муниципального управления не способна эффективно решать современные задачи и отвечать на вызовы времени. Особенно остро эта проблема проявляется в небольших городах и сельских поселениях, где местные администрации часто оказываются в тупиковой ситуации из-за нехватки финансирования и кадров.

Эксперты отмечают системный характер кризиса, который затрагивает все уровни муниципальной власти. Муниципальные учреждения образования, здравоохранения и культуры находятся в особенно сложном положении, что напрямую отражается на качестве жизни граждан. Без принятия срочных мер ситуация может только усугубиться.

Для выхода из сложившейся ситуации необходимо провести комплексное исследование существующих проблем с привлечением специалистов различного профиля. Только детальный анализ позволит разработать эффективную стратегию модернизации местного самоуправления и определить

приоритетные направления реформ. При этом особое внимание следует уделить изучению успешного опыта других стран в организации муниципального управления.

Российская модель местного самоуправления, изначально сформированная на базе советской системы с заимствованием отдельных зарубежных практик и положений Европейской хартии, до сих пор сталкивается с серьезными вызовами. Ключевые демократические принципы, включая независимость управленческих структур и разграничение властных полномочий, остаются не до конца воплощенными в жизнь. Практическая реализация функций местного самоуправления часто тормозится как финансовыми ограничениями, так и субъективным нежеланием муниципальных чиновников выполнять определенные обязательства.

Отсутствие и постоянная нехватка финансовых средств для решения задач местного значения, а значит и местного самоуправления – важная проблема. Изменения в модели осуществления властных полномочий местным самоуправлением претерпело значительные трансформации в исторической ретроспективе, а «проблемы» в местном уровне «власти» остались прежними, каковыми они являлись и 10, и 20 лет назад. Полномочия и задачи местного значения часто остаются нерешенными из-за хронического дефицита финансовых ресурсов в большинстве муниципальных образований.

Система местного самоуправления в России представляет собой сложный механизм взаимодействия власти и общества на локальном уровне. Основной закон страны – Конституция Российской Федерации – устанавливает фундаментальные принципы функционирования местного самоуправления и предусматривает ряд важнейших гарантий его деятельности. Среди ключевых гарантий особое место занимает право муниципалитетов самостоятельно решать вопросы местного значения, что теоретически должно обеспечивать эффективное управление территориями.

Законодательство также закрепляет обязательность своевременного рассмотрения инициатив и обращений граждан органами местного самоуправления, а также предоставляет судебную защиту муниципальным образованиям. Однако современная практика муниципального управления демонстрирует существенный разрыв между законодательно закрепленными гарантиями и их практической реализацией. Многочисленные исследования показывают, что полноценное воплощение всех предусмотренных гарантий сталкивается с серьезными препятствиями как организационного, так и финансового характера.

Это создает ситуацию, когда декларируемые в Конституции права и гарантии местного самоуправления зачастую остаются лишь на бумаге, а их практическая реализация превращается в трудновыполнимую задачу для муниципальных образований [1].

Плачевное состояние органов местного самоуправления осталось в 90-х и 2000-х годах, но многие проблемы современного местного самоуправления не решены до сегодняшнего времени. Как нам представляется путь выхода из сложившейся ситуации возможен лишь после тщательного анализа причин и разработки последовательного плана действий. Объединение всех ветвей власти для коллективного решения задач позволит снизить степень «болезненности» выхода из кризиса и предотвратить дальнейшее нарастание проблем, что способствует повышению доверия со стороны общества.

В современном демократическом обществе система публичной власти представляет собой сложную многоуровневую структуру. Каждый из существующих уровней власти, будь то федеральный, региональный или муниципальный, наделен определенным набором полномочий и обязанностей. Важно отметить, что распределение властных функций происходит неравномерно – высшие уровни власти, как правило, обладают более широким спектром полномочий и возможностей для принятия стратегических решений. При этом нижестоящие уровни, несмотря на меньший объем полномочий, играют критически важную роль в решении локальных задач и обеспечении непосредственного взаимодействия с гражданами. Такая иерархическая система позволяет эффективно управлять различными сферами общественной жизни, обеспечивая баланс интересов на всех уровнях. Успешное функционирование данной структуры во многом зависит от четкого разграничения полномочий и налаженного взаимодействия между различными уровнями власти [2].

Муниципальные структуры имеют потенциал для активизации использования местных и финансовых ресурсов, хотя существующие богатства страны часто остаются недоиспользованными, образуя ненужные излишки. В современном демократическом обществе особую роль играет многоуровневая система управления территориями. Местное самоуправление, являясь важнейшим элементом гражданского общества, создает основу для эффективного развития населенных пунктов. Жители имеют возможность напрямую участвовать в решении локальных проблем через различные механизмы взаимодействия с муниципальными властями. При этом региональные и федеральные органы власти не остаются в стороне, осуществляя координацию и контроль за деятельностью местного самоуправления. Такая система позволяет сочетать инициативу снизу с государственной поддержкой и

надзором, что обеспечивает баланс интересов всех участников процесса управления. Успешное функционирование подобной модели во многом зависит от активности граждан и их готовности брать на себя ответственность за развитие своей территории.

Недостаточная эффективность органов местного самоуправления вызывает негативную реакцию населения. Люди возлагают ответственность как на местные администрации, так и на федеральный центр. Экономический кризис, вызванный остановкой производств, привел к сокращению финансирования социальной сферы, что существенно ухудшило положение социальных организаций.

Чтобы восстановить доверие граждан к властным структурам, важно начать преобразования именно с муниципального уровня, поскольку он непосредственно взаимодействует с жителями. Ограниченные финансовые возможности жителей в сочетании с сокращением муниципального финансирования привели к серьезным проблемам. Ситуация достигла критической точки после того, как местная администрация прекратила поддерживать некоторые стратегические объекты, что существенно подорвало реализацию общественно значимых программ и общую результативность работы. Перспективы не предвещают улучшения: предвидится, что финансовое положение местных бюджетов не изменится в обозримом будущем.

Успешное функционирование органов местного самоуправления, особенно в сельской местности, открывает широкие перспективы для развития населения и совершенствования управленческих механизмов на локальном уровне. Ключевым фактором в этом процессе выступает рациональное распределение и использование финансовых ресурсов в муниципалитетах. Это создает прочную основу для синхронизации работы различных властных структур и способствует повышению качества государственного администрирования в целом. Поддержка всех типов муниципальных образований, обладающих органами самоуправления, должна стать приоритетным направлением, ведущим к росту благосостояния общества и укреплению вертикали власти на всех уровнях. Гражданское общество «готово» к открытому диалогу, желает сотрудничества с властью и участия в принятии решений, влияющих на их благосостояние и жизненные условия, но «готовы» ли для этого властные механизмы осуществления этого диалога? Поэтому, считаем верным, привлечение представителей субъекта и федерации к «диалогу на равных с местным населением и органами местного самоуправления».

Чтобы избежать дублирования функций между разными уровнями управления, необходимо четко определить границы полномочий каждого органа власти. Современная ситуация характеризуется излишней сложностью административных структур, где нередко наблюдается пересечение обязанностей различных инстанций. Модернизация муниципального управления невозможна без фундаментального пересмотра действующих механизмов и принципов работы местных органов власти, включая четкое разделение сфер ответственности между всеми уровнями руководства.

В современных реалиях, на региональном и местном уровнях, необходимо организовать обмен эффективными управленческими решениями между муниципалитетами. Особое внимание следует уделить анализу успешного опыта реализации делегированных государственных функций. Важно создать систему распространения проверенных методик и инструментов работы, которые показали свою результативность в деятельности органов местного самоуправления. При этом внедрение передовых практик должно осуществляться с учетом имеющихся ресурсов и возможностей конкретного муниципального образования. Только в этом случае эффективность будет «реальным показателем» места и роли местной администрации в системе органов местного самоуправления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Котляров С. Б. История развития институтов прямого волеизъявления населения России в досоветский период // Современное общество: наука, техника, образование : материалы Всероссийской научной конференции с международным участием в 4-х томах. Нефтекамск, 15 декабря 2016 года. Том 4. Нефтекамск : БГУ, 2016. С. 128–133.
2. Гражданское общество в российских регионах / М. К. Акимова, И. Г. Брызгалова, Т. А. Гужавина [и др.]. Новосибирск : Сибирская академическая книга, 2015. 140 с.

УДК 342.56

ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ В РОССИИ

Пискайкина Анна Павловна, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st808908@ruc.su

HISTORICAL AND LEGAL ASPECTS OF THE FORMATION OF THE JUDICIARY IN RUSSIA

Piskaykina Anna Pavlovna, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В контексте современных тенденций укрепления демократических институтов в России особое значение приобретает анализ текущего состояния, стратегических ориентиров и процессов модернизации судебной ветви власти. Проблематика совершенствования правовой системы исторически занимает особое место в общественной дискуссии, вызывая активный интерес как со стороны научного сообщества, так и представителей юридической практики.

Ключевые слова: суд, судебная власть, история суда, судебная система, становление судебной власти.

In the context of current trends in strengthening democratic institutions in Russia, an analysis of the current state, strategic guidelines and processes of modernization of the judicial branch of government is of particular importance. The problems of improving the legal system historically occupy a special place in public discussion, arousing active interest both from the scientific community and representatives of legal practice.

Keywords: court, judicial power, court history, judicial system, formation of judicial power.

Уровень доверия граждан к судебной системе выступает ключевым индикатором независимости и результативности работы органов правосудия. От этого показателя напрямую зависит авторитет конституционных механизмов защиты прав и свобод личности, включая гарантированное право на справедливое судопроизводство и эффективность его реализации на практике.

История формирования российской судебной системы, будучи неотъемлемой частью глобального правового пространства, демонстрирует синтез национальных традиций и международного опыта. Развиваясь в контексте мировых юридических стандартов, Россия сочетает в своей судебной практике уникальные историко-правовые особенности с адаптированными достижениями зарубежных правовых систем. Такой подход позволяет сохранять идентичность, одновременно интегрируя проверенные решения, способствующие укреплению справедливости и прозрачности судебных процессов.

В Древнерусском государстве судебный функционал принадлежал единолично князю или вместе с боярами, судебные решения именем князя принимали представители его власти. Современные ученые указывают, что определенно выяснить время рождения российской судебной власти не является возможным. Но ее рождения в древнерусском государстве прямо связано с принятием православной веры и дальнейшим развитием, об этом свидетельствуют договорные отношения нашего государства и Византии [1].

Знаковым этапом в становлении российской судебной системы стала «Русская Правда» — кодифицированный свод правовых норм, синтезировавший традиционные обычаи, княжеские уставы, судебные прецеденты и элементы византийского права. В данном памятнике прослеживаются зачатки судостроительства, включая регламентацию процессуальных процедур. Накопление правовых обычаев, нередко противоречивых, а также трансформация социально-экономических отношений обусловили необходимость систематизации норм. Во избежание коллизий в правоприменении княжеские суды начали документировать правовые обычаи, закладывая основы формализации юстиции.

Дальнейшая эволюция судебной власти связана с эпохой феодальной раздробленности и становлением Новгородской и Псковской республик. В этих государственных образованиях были разработаны Новгородская и Псковская судные грамоты, отражавшие высокий статус судебных органов. Анализ Псковской грамоты демонстрирует, что суды пользовались авторитетом среди населения, что предъявляло повышенные требования к судьям: от них ожидали беспристрастности, компетентности и соответствия принципам справедливости. В республиках функционировала дифференцированная система судебных инстанций, включая специализированные органы для различных сословий.

Формирование централизованного государства в XV–XVI вв. сопровождалось унификацией судебной системы. Судебник 1497 г., первый общегосударственный свод законов, ограничил судебный произвол, стандартизировал процессуальные нормы и структуру судов. К середине XVI в. система «кормлений» (содержание наместников за счёт местного населения) стала тормозом централизации. Судебник 1550 г. ввёл меры по сокращению полномочий наместников и усилению контроля над их деятельностью.

В XVII в. сложилась многоуровневая судебная система, включавшая государственные (центральные и местные), церковные и вотчинные суды. Соборное Уложение 1649 г. (глава X «О суде») законодательно закрепило централизацию судебной власти, детализировало процессуальные нормы и доказательственную базу (обыск, ссылки на виновных). Реформы Петра I трансформировали судебную систему: введение коллегий (вместо приказов), создание Юстиц-коллегии как высшего судебного органа, ограничение церковной юрисдикции. Однако сохранился принцип совмещения административных и судебных функций.

При Екатерине II «Учреждение для управления губерний» (1775 г.) реорганизовало местные суды на сословной основе, создав систему общих и специальных судов (уголовные, гражданские, совестные). Судебная реформа 1864 г. ввела принципы гласности, состязательности и независимости судей, учредив единый Судебный департамент Сената. Однако экстраординарные суды (военно-полевые) сохранялись, особенно в периоды социальных кризисов (революция 1905–1907 гг., Первая мировая война).

Февральская революция 1917 г. сохранила преемственность судебных институтов, однако Октябрьская революция привела к ликвидации дореволюционной системы. Судебная власть в СССР стала инструментом реализации «революционной целесообразности», подчиняясь партийно-государственным интересам.

Историко-правовой анализ эволюции отечественной судебной системы демонстрирует её тесную связь с политико-социальными процессами каждого периода. Несмотря на различия между эпохами (Древняя Русь, имперский период, реформы XIX в.), прослеживается преемственность в стремлении к централизации, унификации права и адаптации институтов к вызовам времени. Изучение данного опыта актуально для совершенствования современной судебной системы с учётом исторических закономерностей и потребностей правового государства.

После 1917 г. судебная система СССР подверглась радикальной политизации, где правосудие основывалось на классовом подходе и идеологических установках. Понятие «революционной законности» замещало традиционные правовые нормы, делая суды инструментом укрепления власти большевиков. После октябрьских событий 1917 г. судебная власть была упразднена и до того пока не были образованы новые судебные органы либо специализированные судебные органы, которые были призваны отправлять правосудие, судебные функции осуществлялись Народным комиссариатом внутренних дел (НКВД) [2].

Создание Всероссийской чрезвычайной комиссии (ВЧК) в декабре 1917 года стало одним из ключевых элементов формирования советской репрессивно-карательной системы. Однако уже в первые месяцы её существования в большевистской среде развернулись острые дискуссии о допустимости концентрации внесудебных полномочий в руках одного органа. Эти споры, активно освещавшиеся в прессе (например, в газетах «Правда» и «Известия»), выявили глубокие противоречия внутри партии по вопросам «революционной законности».

Противники ВЧК, среди которых выделялись деятели левых эсеров и часть умеренных большевиков (включая Л. Б. Каменева), акцентировали внимание на опасности превращения комиссии в «государство в государстве». Они указывали на её автономность от Совнаркома, практику внесудебных расстрелов (узаконенную декретом «Социалистическое отечество в опасности!» от февраля 1918 г.), а также на конфликты с местными советами. Особую критику вызывали действия чекистов в провинции, где зачастую произвол отдельных отрядов (например, реквизиции имущества под предлогом «борьбы с контрреволюцией») подрывал авторитет центральной власти.

Итогом первых дискуссий стало утверждение 28 октября 1918 года «Положения о Всероссийской чрезвычайной комиссии», формально подчинившего ВЧК Совнаркому и НКВД. Однако документ сохранил её право на внесудебные меры вплоть до расстрела в «исключительных случаях». Положение стало компромиссом, но не остановило полемику: уже в ноябре 1918-го левые эсеры вновь потребовали роспуска ВЧК, называя её «орудием террора против крестьянства».

Параллельно с укреплением ВЧК советская власть предпринимала шаги по созданию новой судебной системы. Декрет о суде № 1 (ноябрь 1917 г.) упразднил дореволюционные институты, введя революционные трибуналы и местные народные суды. Однако на практике юрисдикция ВЧК постоянно пересекалась с полномочиями трибуналов, что порождало правовой дуализм. Например, инструкция ВЧК от июня 1918 года прямо разрешала чекистам игнорировать процессуальные нормы, если это «требовалось интересами революции». Это противоречие усиливалось в периоды эскалации террора — так, после покушения на Ленина в августе 1918 года ВЧК получила карт-бланш на массовые аресты без санкции судебных органов.

К 1919 году публичные споры о ВЧК в прессе практически прекратились, что связано с запретом фракционности в партии и усилением централизации. Тем не менее, внутренние разногласия сохранялись: в 1921 году на X съезде РКП(б) звучали предложения ограничить полномочия ЧК, но они были отвергнуты под предлогом борьбы с Кронштадтским восстанием. Лишь с окончанием Гражданской войны началась постепенная трансформация ВЧК в ГПУ (1922 г.), что отразило попытку перехода от «чрезвычайщины» к более регламентированной системе.

При анализе первых лет существования советской власти дискуссионным остается вопрос относительно правопреемственности советской судебной системы. Некоторые ученые утверждают, что правительство СССР не стало пользоваться опытом царской России, прежде всего связанным с судебной реформой 1864 г. Актуальной задачей социалистической революции было безоговорочная ликвидация предыдущих судебных органов. Так, в ст. 3 данного законодательного акта правосудие, как и по Уставу 1864 г., продолжалось рассматриваться как судебная деятельность, которая осуществляется исключительно судьями. Судебное производство (ст. 8) осуществлялось «по правилам судебных уставов 1864 года» [3].

Формирование правовых основ судебной системы в СССР началось с принятия ключевых законодательных актов, заложивших фундамент организации чрезвычайных институтов власти, наделённых полномочиями в сфере судопроизводства и следствия. Эти документы, изданные в первые годы существования советского государства, отражали потребности эпохи социальных потрясений и становления новой политической модели [4].

С окончанием активной фазы гражданской войны и стабилизацией внутренней обстановки началась масштабная реорганизация судебных органов. Численность специализированных трибуналов, включая военные и железнодорожные, была существенно сокращена, что стало следствием снижения необходимости в чрезвычайных мерах управления. Однако губернские революционные трибуналы сохранили своё значение, адаптируясь к новым условиям: в их структуре появились специализированные отделения, занимавшиеся расследованием преступлений в военной сфере и серьёзных должностных правонарушений.

Эволюция правоохранительной системы СССР продолжалась вплоть до середины XX века. К 1950-1960-м годам на фоне масштабных социально-политических преобразований произошла перестройка государственного аппарата, включая судебные органы. Важным этапом стало укрепление роли Советов как основного института власти, что привело к упразднению ряда исполнительных структур, дублировавших их функции. Это способствовало централизации управления и большей интеграции судебной системы в общий механизм государственного регулирования.

Современная российская судебная система, сохраняя преемственность с советским периодом, унаследовала ряд организационных и функциональных черт, хотя её идеологические ориентиры претерпели радикальные изменения. В СССР судебные реформы основывались на классовом подходе, который декларировал защиту интересов трудящихся через реализацию партийных решений и законодательных актов, отражавших волю правящей политической силы. Таким образом, трансформация судебной власти в СССР отражала этапы развития государства: от революционной целесообразности до системной интеграции в структуру управления, что заложило основы для дальнейших преобразований в постсоветский период.

ЛИТЕРАТУРА

1. Теория государства и права, конституционное и муниципальное право: проблемы и критерии развития / О. Е. Алексикова, А. С. Борисов, Я. В. Коженко [и др.]. Новосибирск : Сибирская академическая книга, 2016. 196 с.
2. Котляров С. Б. Соотношение понятий «правосудие» и «судопроизводство» / С. Б. Котляров // Право и образование. 2018. № 2. С. 44–49.
3. Котляров С. Б. Понятие и принципы правотворческого процесса / С. Б. Котляров, Д. П. Зверев // VII Юридические чтения : материалы Национальной научно-практической конференции, Саранск, 29–30 ноября 2021 года. Саранск : Типография «Рузаевский печатник», 2021. С. 198–207.
4. Котляров С. Б. Признаки правового государства: современные проблемы взаимной ответственности личности и государства / С. Б. Котляров, Е. М. Кечайкина, О. В. Кукушкин // Вестник Академии права и управления. 2024. № 2(77). С. 33–38.

УДК 342.56

ЭВОЛЮЦИЯ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ: ОТ ИСТОКОВ К СОВРЕМЕННЫМ ИНСТИТУТАМ ВЛАСТИ

Пискайкина Анна Павловна, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st808908@ruc.su

EVOLUTION OF THE JUDICIAL SYSTEM OF RUSSIA: FROM ORIGINS TO MODERN INSTITUTIONS OF POWER

Piskaykina Anna Pavlovna, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В контексте современных демократических преобразований в России особую актуальность приобретает изучение эволюции и ключевых вех формирования судебной системы. Эффективное понимание механизмов её работы невозможно без концептуального осмысления судебной власти в рамках правовой парадигмы. Точное терминологическое обозначение данной институции выступает необходимым условием для анализа её функциональных особенностей и реализации закреплённых законодательством полномочий.

Ключевые слова: суд, судебная власть, история суда, судебная система, становление судебной власти.

In the context of modern democratic transformations in Russia, the study of the evolution and key milestones in the formation of the judicial system is of particular relevance. An effective understanding of the mechanisms of its work is impossible without a conceptual understanding of the judiciary within the framework of the legal paradigm. The exact terminological designation of this institution is a prerequisite for analyzing its functional features and implementing the powers enshrined in law.

Keywords: court, judicial power, court history, judicial system, formation of judicial power.

Судебная власть представляет собой особый социальный институт, призванный разрешать правовые и общественные конфликты, а также влиять на социальные процессы через защиту интересов граждан и государства. Её формирование происходит в рамках исторически сложившихся моделей взаимодействия общества, что подразумевает законодательно закреплённую структуру, распределение функций и правовых статусов, которые эволюционируют вместе с социокультурным развитием. Этот институт не только устанавливает стандарты правомерного поведения, но и действует на основе универсальных принципов, дополненных специализированными нормами, характерными исключительно для судебной системы.

Становление российской судебной системы представляет собой синтез национальных традиций и адаптированных иностранных подходов. В эпоху Древней Руси монополия на судебную власть принадлежала князю, хотя отдельные полномочия могли передаваться его приближённым. Современные исследователи подчёркивают, что определить точную дату возникновения судебной системы в России затруднительно. Однако её формирование тесно связано с принятием православия и укреплением государственности, что находит отражение в ранних международных соглашениях, например, в договорах с Византией. Эти документы служат косвенным подтверждением взаимосвязи между религиозно-культурным выбором и развитием правовых институтов [1].

Знаковым этапом становления отечественной юстиции стало кодификация норм в «Русской Правде». Источниками этого памятника права, помимо традиционных обычаев, выступили княжеские уставы, судебные прецеденты и византийские правовые традиции. Документ содержит элементы систематизации судоустройства, включая процедуры разрешения споров. С распадом Киевской Руси развитие судебной власти продолжилось в контексте феодальной раздробленности, где особую роль сыграли Новгородская и Псковская республики. Здесь были кодифицированы «Новгородская» и «Псковская судные грамоты», отражающие усиление роли суда как социального института. Анализ Псковской грамоты демонстрирует высокий авторитет судебных органов среди населения, что предъявляло повышенные требования к судьям: ожидания беспристрастности, справедливости и соблюдения процессуальных норм стали основой легитимности правосудия.

Образование централизованного Московского государства в XV в. сопровождалось введением системы «кормлений», при которой наместники (кормленщики) совмещали административные и судебные функции. Первоначально этот институт укреплял вертикаль власти, но со временем стал препятствием для модернизации управления.

В XVII в. оформилась многоуровневая судебная система, включающая центральные (приказы) и местные органы, церковные суды, вотчинную юрисдикцию. Соборное Уложение 1649 г. (глава X «О суде») институционализировало централизацию судопроизводства, закрепив иерархию инстанций и расширив доказательственную базу (общая ссылка, обыск, признание).

Реформы Петра I трансформировали судебную систему через создание коллегий (в т.ч. Юстиц-коллегии), подчинение церковных судов государству и введение специализированных органов (военные суды, магистраты). Однако сохранение судебных функций за административными органами (Приказная система → Коллегии) ограничивало независимость правосудия.

При Екатерине II «Учреждение для управления губерний» (1775 г.) реорганизовало суды по словесному принципу: общесловные (палаты уголовного/гражданского суда); специальные (совестные, надворные); сословные (губернские, уездные).

Судебная реформа 1864 г. ввела принципы гласности, состязательности и независимости судей. Учреждение *Судебного департамента Сената* как высшей кассационной инстанции и принятие Устава торгового судопроизводства (1832 г.) усилили специализацию юстиции.

После 1917 г. произошла радикальная трансформация: судебная система была интегрирована в партийно-государственный аппарат. Декреты о суде (1917–1918 гг.) упразднили дореволюционные институты, заменив их революционными трибуналами. В 1950–60-е гг. частичная децентрализация усилила роль местных Советов, но сохранила классовую направленность правосудия.

Современная судебная система РФ, закреплённая в ст. 10 и гл. 7 Конституции, формально следует принципу разделения властей. Однако отсутствие законодательного определения «судебной власти» как правовой категории порождает дискуссии о её реальной автономии.

Исторический анализ выявляет корреляцию между эволюцией судебной системы и социально-политическим контекстом эпох. Преимуществом структурных элементов (централизация, специализация) сочетается с радикальными трансформациями (советская реформа). Современные вызовы требуют синтеза исторического опыта и международных стандартов, включая четкое законодательное

закрепление независимости судебной власти. Данный подход позволит оптимизировать судопроизводство в контексте вызовов XXI века, сохранив баланс между традициями и инновациями.

Судебная власть в РФ осуществляется судьями коллегиально, при привлечении присяжных и арбитражных заседателей и единолично судьями. Судьи в таком случае действуют как носители именно судебных функций, то есть выступают в качестве органа правосудия [2].

Судебная власть функционирует посредством государственного органа – органа правосудия. Судебную власть средствами конституционного судебного производства осуществляется в лице Конституционного Суда РФ. Именно Конституционный Суд РФ – это есть орган конституционного надзора и контроля (ч. 1 ст. 18 ФКЗ «О судебной системе РФ»). Средствами гражданского и административного судебного производства судебная власть осуществляется судами общей юрисдикции и арбитражными судами, соответственно средствами уголовного судебного производства – судами общей юрисдикции.

Судебная власть – инструмент, обеспечивающий законный порядок и контроль. Роль судебной власти в сохранении принципа законности и вовлечении преступников к видам ответственности очень значительная, в отличии системы правоохранительных органов [3; 4].

Система правосудия в Российской Федерации реализует комплекс взаимосвязанных задач, закрепленных законодательством. К ключевым направлениям деятельности судебных органов относятся:

1. Непосредственное осуществление правосудия через рассмотрение дел в установленной процессуальной форме.

2. Системный мониторинг и оценка судебной практики для обеспечения единообразия применения законодательства.

3. Толкование правовых норм в рамках разрешения конкретных споров и формирования правовых позиций высших судебных инстанций.

4. Реализация иных полномочий, предусмотренных федеральными конституционными законами и процессуальными кодексами.

Эти функции распределены между всеми звеньями судебной системы – от мировых судей, рассматривающих малозначительные дела, до Верховного Суда РФ, осуществляющего надзорную деятельность и формирующего ориентиры для нижестоящих инстанций [5].

Особое место в системе занимают арбитражные суды, юрисдикция которых распространяется исключительно на экономические споры. Их участниками выступают юридические лица, индивидуальные предприниматели, а в некоторых случаях – государственные органы. В 2013 году в структуру арбитражных судов был интегрирован Суд по интеллектуальным правам – специализированный орган, разрешающий споры, связанные с патентами, товарными знаками, авторскими правами и другими аспектами интеллектуальной собственности.

Согласно Конституции РФ, правосудие осуществляется только судом через профессиональных судей и привлекаемых в установленном порядке представителей общества – присяжных и арбитражных заседателей. Эта исключительная прерогатива подчеркивает особый статус судебной власти как независимого института, функционирующего в системе сдержек и противовесов.

Анализ действующего законодательства выявляет фрагментарность регулирования статуса судей. Нормы, касающиеся их назначения, полномочий, гарантий независимости и дисциплинарной ответственности, рассредоточены по множеству нормативных актов. Консолидация этих положений в единый федеральный конституционный закон позволила бы:

- Устранить правовые коллизии;
- Повысить предсказуемость судебной практики;
- Укрепить конституционные гарантии независимости судей;
- Создать единую систему принципов судопроизводства.

Такая систематизация соответствовала бы международным стандартам, закрепленным в Копенгагенских критериях независимости судебной власти, и способствовала бы повышению доверия граждан к правовым институтам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Теория государства и права, конституционное и муниципальное право: проблемы и критерии развития / О. Е. Алексикова, А. С. Борисов, Я. В. Коженко [и др.]. Новосибирск : Сибирская академическая книга, 2016. 196 с.
2. Котляров С. Б. Соотношение понятий «правосудие» и «судопроизводство» / С. Б. Котляров // Право и образование. 2018. № 2. С. 44–49.
3. Котляров С. Б. Понятие и принципы правотворческого процесса / С. Б. Котляров, Д. П. Зверев // VII Юридические чтения : материалы Национальной научно-практической конференции, Саранск, 29–30 ноября 2021 года. Саранск : Типография «Рузаевский печатник», 2021. С. 198–207.
4. Ямбушев Ф. Ш. Реализация концепции правового государства в конституционно-правовой модели Российской Федерации / Ф. Ш. Ямбушев, С. Б. Котляров // Вопросы российского и международного права. 2019. Т. 9, № 10-1. С. 44–52.
5. Кукушкин О. В. Понятие и сущностная характеристика правовой системы / О. В. Кукушкин, С. Б. Котляров // Актуальные

УДК 34.09

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПЕНСИОННОГО СТРАХОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Родькина Галина Сергеевна, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: rodkina243@mail.ru

TOPICAL ISSUES OF PENSION INSURANCE IN THE RUSSIAN FEDERATION

Rodkina Galina Sergeevna, postgraduate student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

Актуальность исследования изучаемой проблемы исходит из законодательных аспектов пенсионного страхования в России, а также актуальных вопросов, связанных с их реализацией

Ключевые слова: пенсионное страхование, законодательная база пенсионного страхования, реформа повышения пенсионного возраста, накопительная часть пенсии, социальная поддержка пенсионеров

The relevance of the study of the problem under study comes from the legislative aspects of pension insurance in Russia, as well as current issues related to their implementation

Keywords: pension insurance, legislative framework for pension insurance, reform of increasing the retirement age, funded part of the pension, social support for pensioners

Пенсионное страхование является одной из ключевых социальных гарантий, предоставляемых государством своим гражданам [1]. В 2025 году вопросы, связанные с пенсионным обеспечением, остаются актуальными для миллионов россиян.

Экономическая ситуация в стране оказывает значительное влияние на пенсионную систему. В 2025 году Россия продолжает сталкиваться с последствиями глобальных экономических кризисов, санкций и внутренних вызовов. Инфляция, колебания курса рубля и снижение темпов экономического роста негативно сказываются на доходах Фонда пенсионного и социального страхования Российской Федерации (далее – Фонд).

Для стабилизации ситуации государство вынуждено увеличивать трансферты из федерального бюджета в Фонд.

Однако это создает дополнительную нагрузку на бюджет и ограничивает возможности финансирования других социальных программ. В связи с этим обсуждаются меры по повышению эффективности управления пенсионными средствами и привлечению дополнительных источников финансирования.

Несмотря на проведенные реформы и изменения в законодательстве, система пенсионного страхования продолжает сталкиваться с рядом вопросов, касающихся демографических изменений, а также экономической ситуацией и ожиданиями граждан.

Стремительное развитие финансовых отношений в России предоставляет населению широкий спектр финансовых продуктов и новых цифровых технологий, предназначенных для роста благосостояния граждан в перспективном периоде. Вместе с тем отмечается наличие ряда нерешенных вопросов, связанных с потерей привычного качества жизни граждан в результате наступления пенсионного возраста.

В настоящее время в России уделяется немаловажное внимание некоторым актуальным вопросам, способствующим развитию пенсионной системы: вопрос, касающийся формирования будущей пенсии и поиск вариантов для оптимального вложения финансовых средств в установленные цели, содействующие её формированию.

Непосредственное влияние в формирование пенсионного обеспечения общества оказывает обязательное пенсионное страхование, включающее в себя следующие факторы, такие как: социально-экономическая обстановка России, налоговые, правоотношения, установление трудовых отношений и бюджетную политику государства.

В соответствии со статьей 3 Федерального закона 167-ФЗ «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации» обязательное пенсионное страхование – система создаваемых государством правовых, экономических и организационных мер, направленных на компенсацию гражданам заработка (выплат, вознаграждений в пользу застрахованного лица), получаемого ими до установления обязательного страхового обеспечения [2].

Изучая текущие концепции пенсионного обеспечения, следует выделить что оно рассматривается как взаимосвязанные элементы финансовых отношений, которые направлены для реализации поставленных целей.

Одной из главных проблем, с которыми сталкивается пенсионная система России, является дисбаланс между числом пенсионеров и числом работающих граждан, уплачивающих страховые взносы. Согласно данным Росстата, доля граждан старше трудоспособного возраста продолжает увеличиваться, что создает дополнительную нагрузку на работающее население. В 2025 году этот тренд сохраняется, что приводит к дисбалансу между числом пенсионеров и числом работающих граждан, уплачивающих страховые взносы.

Старение населения также влияет на продолжительность выплаты пенсий. Если в прошлые десятилетия пенсионеры получали выплаты в среднем 10–15 лет, то сегодня этот срок увеличился до 20–25 лет. Это требует пересмотра подходов к формированию пенсионных накоплений и распределению средств.

Демографические изменения остаются одной из главных проблем пенсионной системы. Снижение рождаемости и увеличение продолжительности жизни приводят к тому, что число пенсионеров растет, а число работающих граждан, уплачивающих страховые взносы, сокращается. Это создает дисбаланс в системе пенсионного страхования, увеличивая нагрузку на бюджет Пенсионного фонда России.

Для решения этой проблемы предлагаются различные меры, включая стимулирование рождаемости, привлечение мигрантов для восполнения трудовых ресурсов и повышение эффективности использования трудового потенциала старшего поколения. Однако эти меры требуют времени и значительных инвестиций.

Экономическая ситуация в стране оказывает значительное влияние на пенсионную систему. В 2025 году Россия продолжает сталкиваться с последствиями глобальных экономических кризисов, санкций и внутренних вызовов. Инфляция, колебания курса рубля и снижение темпов экономического роста негативно сказываются на доходах ПФР.

Для стабилизации ситуации государство вынуждено увеличивать трансферты из федерального бюджета в Фонд пенсионного и социального страхования Российской Федерации.

Однако это создает дополнительную нагрузку на бюджет и ограничивает возможности финансирования других социальных программ. В связи с этим обсуждаются меры по повышению эффективности управления пенсионными средствами и привлечению дополнительных источников финансирования.

Реформа повышения пенсионного возраста, начатая в 2018 году, к 2025 году в основном завершена. Большинство граждан адаптировались к новым условиям, однако вопросы пенсионных выплат остаются актуальными. Повышение пенсионного возраста позволило снизить нагрузку на ПФР, но также вызвало недовольство среди части населения.

Реформа повышения пенсионного возраста, начатая в 2018 году, была закреплена в Федеральном законе от 03.10.2018 № 350-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий». Этот закон предусматривает постепенное повышение пенсионного возраста до 65 лет для мужчин и 60 лет для женщин [3].

В 2025 году реформа в основном завершена, однако продолжают обсуждаться возможные корректировки пенсионного возраста с учетом средней продолжительности жизни и состояния здоровья населения. Также рассматриваются меры по поддержке граждан, которые не могут продолжать работу по состоянию здоровья или из-за отсутствия рабочих мест.

Накопительная составляющая пенсионной системы в 2025 году продолжает развиваться, однако сталкивается с рядом проблем. Доверие граждан к негосударственным пенсионным фондам остается низким, поскольку многие граждане предпочитают не участвовать в накопительных программах, опасаясь потерять свои средства.

Уровень жизни пенсионеров остается одной из самых острых проблем в 2025 году. Несмотря на ежегодную индексацию пенсий, многие пенсионеры считают, что этого недостаточно для поддержания достойного уровня жизни. Особенно остро эта проблема стоит в регионах с низким уровнем доходов.

Индексация пенсий регулируется статьей 25 Федерального закона № 400-ФЗ «О страховых пенсиях». Согласно этому закону, страховые пенсии подлежат ежегодной индексации с учетом уровня инфляции и роста среднемесячной заработной платы в стране [4].

В 2025 году индексация пенсий проводится в соответствии с прогнозируемым уровнем инфляции, однако многие пенсионеры считают, что этого недостаточно для поддержания достойного уровня жизни. Особенно остро эта проблема стоит в регионах с низким уровнем доходов.

Для решения этой проблемы предлагаются дополнительные меры социальной поддержки, такие

как увеличение размера минимальной пенсии, введение адресных выплат для малоимущих пенсионеров и развитие программ льготного обеспечения. Также обсуждается возможность увязки размера пенсии с реальным прожиточным минимумом в каждом регионе.

Социальная поддержка пенсионеров регулируется рядом законодательных актов, включая Федеральный закон от 17.07.1999 № 178-ФЗ «О государственной социальной помощи». Этот закон предусматривает предоставление адресной социальной помощи малоимущим пенсионерам, включая дополнительные выплаты и льготы [5].

Цифровизация пенсионной системы в 2025 году продолжает развиваться, предоставляя гражданам новые возможности для управления своими пенсионными накоплениями. Электронные сервисы позволяют получать информацию о пенсионных правах, подавать заявления на назначение пенсий и управлять накоплениями. Однако остается проблема цифровой грамотности среди пожилых людей, которые не всегда могут воспользоваться новыми технологиями.

Государство активно развивает программы обучения и поддержки для пенсионеров, чтобы помочь им адаптироваться к цифровой среде. Также внедряются системы автоматического назначения пенсий, что упрощает процесс для граждан. Однако цифровизация также несет риски, связанные с защитой персональных данных и кибербезопасностью.

В 2025 году Россия продолжает изучать международный опыт в области пенсионного страхования. Многие страны сталкиваются с аналогичными вызовами, такими как старение населения и необходимость реформирования пенсионных систем. В частности, интерес представляют опыт скандинавских стран, где успешно сочетаются государственные и частные пенсионные системы, а также опыт стран Азии, где активно развиваются накопительные программы.

Заимствование лучших практик может помочь России улучшить свою пенсионную систему, однако важно учитывать национальные особенности и экономические условия.

Пенсионное страхование в России в 2025 году остается сложной и многогранной темой, требующей постоянного внимания со стороны государства и общества. Законодательные аспекты пенсионного страхования играют ключевую роль в обеспечении устойчивости системы и защите прав граждан. Развитие накопительной системы, цифровизация и повышение уровня жизни пенсионеров являются ключевыми направлениями для дальнейшего совершенствования пенсионного страхования в России. Успешное решение этих задач позволит обеспечить достойную старость для миллионов граждан и снизить социальную напряженность в обществе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Российской Федерации [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (официальный текст с изменениями и поправками от 01.07.2020) г.] // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 31. Ст. 4398.
2. Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации : федер. закон [15.12.2001 N 167-ФЗ] // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. N 51. с. 4832.
3. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий : федер. закон [03.10.2018 N 350-ФЗ] // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2018. N 41. с. 6190.
4. О страховых пенсиях : федер. закон [28.12.2013 N 400-ФЗ] // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. N 2 (часть II) (поправка).
5. О государственной социальной помощи : федер. закон [17.07.1999 N 178-ФЗ] // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1999. N 29. с. 3699.

УДК 342.33

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РФ С ОРГАНАМИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ: ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ И ПРОБЛЕМЫ КООРДИНАЦИИ

Сардаев Данила Юрьевич, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st803025@ruc.su

INSTITUTIONAL INTERACTION OF THE CONSTITUTIONAL COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION WITH STATE AUTHORITIES: LEGAL BASIS AND COORDINATION PROBLEMS

Sardaev Danila Yuryevich, graduate student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В академических источниках конституционный контроль интерпретируется как особая функция уполномоченных государственных институтов, целью которой является обеспечение соответствия нормотворчества и применения праваложе-

ниям основного закона. Иными словами, данный институт выступает неотъемлемым компонентом системы правового государства, где конституционные принципы обладают высшей юридической силой. Его задача заключается в предотвращении коллизий между текущей правовой практикой и базовыми положениями конституции, что укрепляет принцип её верховенства в иерархии нормативных актов.

Ключевые слова: конституционный контроль, конституция, конституционный суд, судебная система, институт контроля.

In academic sources, constitutional control is interpreted as a special function of authorized state institutions, the purpose of which is to ensure compliance of rulemaking and application of law with the provisions of the basic law. In other words, this institution is an integral component of the system of the rule of law, where constitutional principles have supreme legal force. Its task is to prevent conflicts between current legal practice and the basic provisions of the constitution, which strengthens the principle of its supremacy in the hierarchy of normative acts.

Keywords: constitutional control, constitution, constitutional court, judicial system, institution of control.

Конституционный Суд РФ занимает особое положение в системе государственных органов, выступая ключевым институтом конституционного контроля. Его деятельность непосредственно связана с судебной ветвью власти, что требует комплексного анализа его роли в двух аспектах.

Во-первых, важно определить значение судебной системы в структуре государственного управления. Судебная власть, будучи независимой и самостоятельной, выполняет функцию арбитра в правовом поле, обеспечивая баланс между законодательными и исполнительными институтами.

Во-вторых, в рамках этой системы Конституционный Суд реализует специфические полномочия, сосредоточенные на проверке соответствия нормативных актов основному закону страны. Его статус отличается от иных судебных инстанций: если обычные суды разрешают правовые споры, то КС РФ действует как гарант верховенства Конституции, формируя прецеденты для всей правовой системы.

Таким образом, изучение места Конституционного Суда предполагает последовательный анализ – от общей роли судебной власти в механизме государства до особенностей его собственных компетенций в рамках данной ветви власти. Такой подход позволяет раскрыть как системную интеграцию института, так и его уникальные функции в защите конституционного порядка.

В соответствии с частью 1 статьи 118 Конституции правосудие осуществляется только судом. То есть, как следует из этой нормы, данное правомочие является прерогативой суда и никто не может подменять собой суд в данном вопросе [1]. Даже объявляя амнистию или помилование, ни Государственная Дума, и ни Президент не могут отменять приговора суда в отношении амнистированных или помилованных. Данные действия представляют собой лишь акт гуманизма, но не пересмотра приговора или исправления судебной ошибки.

Для сохранения беспристрастности правосудия судебная система должна оставаться вне политических процессов, в отличие от Президента и иных государственных институтов, участвующих в выработке стратегических решений. Так, Президент РФ выполняет роль медиатора, координируя взаимодействие между ветвями власти и регулируя возникающие между ними противоречия. Однако его активное участие в законотворчестве (совместно с парламентом и правительством) ставит под сомнение возможность выступать нейтральным арбитром в спорных ситуациях. Например, при наложении вето на законопроекты создаётся согласительная комиссия с участием Федерального Собрания, где стороны ищут компромисс. Аналогично, при выражении Государственной Думой недоверия кабинету министров, Президент оказывается вовлечённым в переговоры, балансируя между роспуском Думы или отставкой Правительства. Подобные ситуации демонстрируют, что политические акторы, будучи сторонами конфликта, не способны сохранять абсолютную нейтральность.

Этот принцип объясняет изолированность судебной власти от административных и законодательных функций. Суды не участвуют в кадровых назначениях, бюджетном планировании или исполнении своих решений (эти задачи делегированы ФССП и другим институтам исполнительной ветви). Такая автономия позволяет избежать конфликта интересов, обеспечивая объективность при рассмотрении дел. Например, Конституционный Суд, оставаясь частью государственной системы, занимает особое положение, не входя в иерархию судов общей юрисдикции или арбитражных инстанций.

Структура судебной системы также подчёркивает её независимость. Мировые судьи поднадзорны районным судам, решения которых могут быть обжалованы в областных инстанциях, а далее – в апелляционных, кассационных судах и, наконец, в Верховном Суде. При этом ВС РФ выступает высшей инстанцией как для общей, так и для арбитражной юрисдикции, что исключает дублирование функций и поддерживает единообразие правоприменения.

Таким образом, отделение судебной ветви от механизмов политического взаимодействия – необходимое условие для реализации принципа справедливого правосудия, свободного от влияния сиюминутных интересов.

Помимо всего прочего, особое место Конституционного Суда в системе органов государственной власти определено и тем, что этот суд при разрешении споров о компетенции, выступает в качестве гаранта «равновесия властных полномочий» между различными ветвями власти, не разрешая ни одной из них выходить за очерченный Конституцией круг полномочий каждой из них [2]. При этом поддержание баланса властных полномочий между ветвями власти может осуществляться и посредством проверки конституционности нормативных правовых актов [3].

В рамках судебной системы России Конституционный Суд занимает особое положение, выполняя не только функции разрешения правовых споров, но и участвуя в формировании правового поля. Этот институт служит гарантом соблюдения основного закона, защищая конституционные принципы и интересы граждан. Интересно, что сама идея судебного конституционного надзора возникла в начале XIX века в Северной Америке. Знаковым стал прецедент 1803 года, когда Верховный суд США в деле «Марбери против Мэдисона» впервые признал недействительным положение законодательного акта, усмотрев его противоречие базовым положениям государственного устава. Поскольку данное решение ограничивало полномочия самой судебной власти, законодатели не стали оспаривать правовую позицию, заложив основу для развития прецедентного права.

В европейских государствах институционализация конституционного контроля произошла значительно позже. Пионером стала Австрия, где в 1920 году был создан специализированный судебный орган, однако его деятельность прервалась в период аншлюса. После 1945 года тенденция закрепления конституционного надзора получила широкое распространение: многие страны, включая Италию, Францию и Испанию, не только ввели соответствующие нормы в обновленные основные законы, но и детально регламентировали процедуры проверки законодательных актов на соответствие конституции.

Современная юридическая наука выделяет две базовые модели конституционного контроля. Децентрализованная (американская) модель предполагает, что полномочия по проверке законов распределены между судами общей юрисдикции. В рамках этой системы высшие судебные инстанции (например, Верховный суд) одновременно выступают как апелляционные органы и как интерпретаторы конституционных норм. Особенностью данной модели является «последующий контроль»: рассмотрение вопроса о конституционности акта возможно только в рамках конкретного судебного спора, где применяется оспариваемая норма. Подобный подход, кроме США, характерен для правовых систем Канады, Австралии и ряда стран Азии.

Централизованная (европейская) модель, напротив, предусматривает создание специализированного органа конституционного правосудия, который действует обособленно от общей судебной системы. Этот суд занимается исключительно вопросами соответствия законодательства основному закону, а также разрешает споры о компетенции между государственными институтами. В отличие от американской модели, здесь возможен «предварительный контроль» – проверка законов до их вступления в силу. Подобная система получила распространение в Германии, Австрии и странах Восточной Европы, став ответом на потребность в укреплении верховенства конституции после исторических потрясений XX века.

Данный анализ демонстрирует, что российская модель конституционного правосудия, сохраняя элементы европейского подхода, развивается с учетом национальных правовых традиций и вызовов современности.

Весьма специфическая модель существует в Великобритании. Ее особенности обусловлены отсутствием писаной конституции, а акты, имеющие конституционное значение обладают такой же юридической силой, как и остальные законы. То есть отсутствует единый основной закон государства, на соответствие которому проверялись бы все остальные нормативные правовые акты [4].

Вторая модель (условно континентальная) характерна для многих (но не всех) европейских государств, в том числе и России, в связи с чем остановимся на ней подробнее. В рамках этой модели учреждается конституционный суд, который, являясь частью судебной системы, тем не менее не входит в инстанционную иерархию судов. В отличие от американской модели здесь широкое применение имеет абстрактный конституционный контроль, при котором для оспаривания закона в конституционном суде не обязательно обращаться в суд общей юрисдикции, а также возможна проверка закона и не применяемого в конкретном деле [5].

Вопрос урегулирования конфликтов полномочий между государственными институтами представляет собой распространенный элемент правовых систем многих государств. Суды, будучи максимально дистанцированы от процесса принятия политически значимых решений, теоретически лишены личной заинтересованности в исходе дел, что позволяет рассматривать их как нейтральных арбитров. Однако специфика деятельности органов конституционного надзора вносит существенные

коррективы в эту схему. Для минимизации этих рисков современные демократии разрабатывают комплекс защитных механизмов. Ключевое значение приобретают: многоуровневая система формирования судейского корпуса с участием различных ветвей власти, предотвращающая монополизацию влияния; гарантии несменяемости судейских кадров, исключающие внесудебные процедуры отстранения; экстраординарные требования к профессиональному опыту и этическому облику кандидатов, включая обязательное наличие экспертизы в конституционном праве и безупречную репутацию; прозрачность процедуры назначений с обязательным участием юридического сообщества и гражданского общества.

Эти меры направлены на создание институционального «иммунитета» против внешнего давления, сохраняя баланс между необходимостью разрешения властных конфликтов и поддержанием авторитета конституционного правосудия.

В мировой практике, при всем разнообразии механизмов конституционного контроля в демократических государствах, существуют общие для всех универсальные принципы работы этого института. При этом учет достоинств и недостатков особенностей разных моделей позволяет исследователям сделать предложения по усовершенствованию правового регулирования полномочий Конституционного Суда в России, которые нашли отражение в исследованиях современных юристов [6].

Помимо полномочий, рассмотренных нами Конституционный Суд обладает рядом иных полномочий. Частью из них Конституционный Суд пользовался редко, некоторые из них не реализовывались ни разу, но это не умаляет их важность, что делает необходимым комплексное исследование всех полномочий органа конституционного надзора не вошедших в первые две группы. Одним из важнейших полномочий Конституционного Суда является дача толкования Конституции Российской Федерации. С учетом специфики и значимости этого полномочия для последующей правоприменительной практики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Носков Ю. Г. К вопросу о содержании понятия «судебная система» // Российский судья. 2019. № 3. С. 34–38.
2. Судебная правовая политика в России и зарубежных странах : монография. Санкт-Петербург: ЦНИТ Астерион, 2019. 608 с.
3. Теория государства и права, конституционное и муниципальное право: проблемы и критерии развития / О. Е. Алексикова, А. С. Борисов, Я. В. Коженко [и др.]. Новосибирск : Сибирская академическая книга, 2016. 196 с.
4. Михайлов А. М. Сравнительное правоведение: судебная власть в правовой системе Англии : учебное пособие. Москва : Юрайт, 2019. 212 с.
5. Кузнецов В. В. Судебные гарантии прав человека в системе конституционных гарантий стран Западной Европы // Российский судья. 2018. № 7. С. 55–59.
6. Кукушкин О. В. Роль правосознания в решении юридических проблем современного общества / О. В. Кукушкин, С. Б. Котляров // Вопросы российского и международного права. 2021. Т. 11. № 1А. С. 223–231.

УДК 342

ПЕРСОНАЛЬНЫЕ ДАННЫЕ КАК ЭЛЕМЕНТЫ ПЕРСОНАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ В ПРАВОВОЙ СФЕРЕ СОВРЕМЕННОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

Синдянкин Николай Николаевич, кандидат юридических наук, доцент

Балаковский филиал ФГБОУ ВО «Саратовская Государственная Юридическая Академия»

E-mail: sind-078@mail.ru

PERSONAL DATA AS ELEMENTS OF PERSONAL PROTECTION IN THE LEGAL SPHERE OF MODERN REALITY

Sindyankin Nikolay Nikolaevich, PhD (Jurisprudence), Associate

Professor Balakovo branch of the Saratov State Law Academy

В статье рассматривается проблема защиты персональных данных. Причем, методологическим инструментом защиты персональных данных становятся информационные технологии. Они находят свое отражение в правовой защите, в управлении доступом и дистанционного контроля персональными данными. Появление искусственного интеллекта, способствует трансформации правового поля искусственного интеллекта.

Ключевые слова: персональные данные, искусственный интеллект, управление доступом, дистанционный контроль, правовая защита, удаленное управление, цифровые технологии, правовая защита, конфиденциальность.

The article discusses the problem of personal data protection. Moreover, information technology is becoming a methodological tool for protecting personal data. They are reflected in legal protection, access management and remote control of personal data. The emergence of artificial intelligence contributes to the transformation of the legal field of artificial intelligence.

Keywords: personal data, artificial intelligence, access control, remote control, legal protection, remote management, digital technologies, legal protection, confidential

Государственный совет различает простые наказания, которые являются внутренними мерами, от санкций, применяемых к процессам обучения, режим которых регулируется Кодексом. Правовая защита персональных данных является главной актуальной проблемой при объединении права и цифровых технологий. Одно это заслуживает гораздо более глубокого изучения. Ограничимся здесь четырьмя кратко проиллюстрированными гипотезами [1, с. 18].

Во-первых, персональные данные можно определить, как любую информацию, относящуюся к физическому лицу или позволяющую его идентифицировать прямо или косвенно. Это может включать в себя определенные элементы, характерные для физической, физиологической, генетической, психологической, экономической, культурной или социальной идентичности человека, а также имя или псевдоним (включая «сетевой идентификатор»), электронный или физический адрес, различные идентификационные данные (банковские реквизиты, номер социального страхования, номер членства) или даже данные геолокации. Каждый менеджер обязан соблюдать основные принципы (законность, лояльность, прозрачность, ограничение целей, минимизация данных, точность данных, ограничение срока хранения, целостность и конфиденциальность данных), а также внедрять механизмы и процедуры внутреннего контроля [2, с. 45].

Во-вторых, обучаемые базы данных напрямую сталкиваются с проблемой правовой защиты персональных данных. Она представляет собой автоматизированную обработку персональных данных, которая собирает информацию, касающуюся личности. Административные суды требуют, чтобы «законная причина» для возражения включала «соображения, характерные для (заявителя) или для его или ее детей». Действительно, если данные представляются необходимыми для выполнения миссии, представляющей общественный интерес, или связаны с осуществлением государственных полномочий, возложенных на контролера данных, согласие заинтересованных лиц не требуется, а возможность возражения остается такой же ограниченной, как и прежде.

В-третьих, развитие систем наблюдения как удаленное управление доступом и/или использованием частного или общественного пространства, чаще всего организованное с использованием технического процесса, позволяющего записывать изображения и/или звуки и передавать их в центр управления, чтобы их можно было просматривать в режиме реального времени или сохранять для использования (видеонаблюдение). Они также могут использовать биометрию, которая направлена на идентификацию человека по уникальным и постоянным физическим или биологическим характеристикам, таким как отпечатки пальцев, радужная оболочка глаз, голос, лицо и т. д.

В-четвертых, возникает вопрос дистанционного контроля различных процессов. Алгоритм – это набор инструкций, предназначенных для решения задачи с целью достижения результата. Однако значимость этого человеческого контроля следует рассматривать в перспективе. Использование алгоритма в основном оправдано экономией времени, которую он позволяет достичь, не гарантируя точную юридическую квалификацию данных с помощью инструкций. Фактически, время, необходимое для осуществления такого контроля, требующего экспертных знаний в области ИТ, будет больше, чем время, необходимое для процесса принятия решений без использования алгоритма. Таким образом формируются основные принципы [3, с. 241]:

- подтверждение того, обрабатываются ли персональные данные;
- информацию о целях обработки, категориях обрабатываемых персональных данных и получателях или категориях получателей, которым передаются данные;
- где это применимо, информация, касающаяся предполагаемой передачи персональных данных [4, с. 125];
- сообщение в доступной форме касающихся персональных данных.
- информация, позволяющая узнать и оспорить логику, лежащую в основе автоматизированной обработки.

Информация, воспринимаемая как «вторичные качества» подразумевает сходства, относящиеся к сенсорному аппарату и способ реагировать на цвета. Различие, которое приобретает здесь актуальность, основано на реальных качествах вещей, такие как вес, форма и т. д. Вторичные качества указывают только на связь со способом познания вещей, например, со зрительным аппаратом для восприятия цветов или восприятия звуков. С одной стороны, что и первичные, и вторичные качества можно рассматривать как реальные, с другой стороны реальны только первичные, если сталкиваемся с номинализмом. Метафизики, занимающиеся онтологией, обычно говорят, что «вторичные ощущения», такие как цвета, иллюзорны и ложны. Однако информационный идеал может не соответствовать какой-либо реальности, удовлетворяющей его описаниям [5, с. 114]. То есть, даже если правовую истину об идеале можно принять в рамках моральной теории, она может ни с чем не совпадать в реальности, поэтому можно было бы признать, что существует вера без реального коррелята в понимании. Что касается правовых истин, то этот вопрос кажется более очевидным, поскольку они зави-

сят от мышления, что противоречит реалистичному предположению о независимости реальности от человеческого мышления. То есть, если правовая реальность является объектом истины, то это то, что не зависит от того, как субъекты о ней думают или воспринимают.

Тесная взаимосвязь между правовой истинной информацией и реальностью, лежит в основе реалистической интерпретации. Метафизика направлена на то, чтобы определить, что такое реальность и что такое истинная информация, в то время как эпистемология направлена на то, чтобы исследовать, каков доступ исследователя к указанной истинной информации. Между прочим, различие между метафизическим и эпистемологическим аспектами по получению истинной правовой информации являются чем-то новым в современной дискуссии [6, с. 115].

Принимая во внимание различие между метафизическими и эпистемологическими соображениями, можно подчеркнуть, что в случае, когда субъекты пытаются разорвать реалистическую связь между истинной и реальной информацией, недостаточно для утверждения метафизической нейтральности только эпистемологические соображения. Мнения содержат элементы информационно-произвольные, случайные, зависящие от ограничений обстоятельств, силы и тенденций конкретного; короче говоря, элемент ошибки. Если субъект обладает достаточным количеством информации и в достаточной степени проявляет свои мысли по какому-либо вопросу, в результате он придет к определенному выводу, который будет таким же, как и любой другой [7, с. 40].

Различные научные исследования в итоге приведут к определенно-установленному выводу. Согласие с этим окончательным положением, которое субъект стремимся предвидеть, это согласие с этим, каким бы оно ни было является научной истиной [8, с. 37]. Эпистемологические соображения утверждают, что что обретение истинной информации зависит от эпистемологических ограничений когнитивного процесса. Однако метафизические соображения сохраняют неизменным убеждение в том, что истинная информация, а вместе с ней и реальность независимы от того, что в данный момент субъект может думать или чувствовать; связывая понятия истинной информации и реальности, а также развивая идеи, приспособления разума к миру.

Сохранить независимость истинной информации и реальности от эпистемологических ограничений когнитивного опыта, оставляя обсуждение в метафизической области. Однако обычно при обсуждении теорий истины происходило обратное: не проводилось различия между эпистемологическими и метафизическими соображениями, и, таким же образом, утверждалось, что истинная информация метафизически нейтральна.

Сегодня представления об истинной информации имеют в своей основе сильный инструменталистский отпечаток, который, по крайней мере, должен быть признан в той степени, в какой он лежит в основе его формулировки, что влечет за собой решающие последствия. Очень важно при получении истинной информации в правовом поле рассмотрения языка как способа представления мира, и как режим действия, Язык – форма жизни. Использование информационного языка с точки зрения взаимодействия зависят от социальных конвенций. Таким образом, то, что придает значение использованию информационного языка – это не мысленный образ, а набор условий.

Существует, конечно, отношения между информационным языком и реальностью, первое определяется через второе. Реальность накладывает ограничения на язык. Информационный язык накладывает определенные настройки к реальности, то есть, говорить о реальности того или иного способа настроить эту реальность на особый тип взаимодействия.

Целью процедуры является оптимизация регистрации, контроль использования алгоритмов при выборочном ранжировании. Это необходимое человеческое вмешательство сохраняется благодаря индивидуальной оценке, проводимой комитетами, изучающими пожелания по так называемым «качественным» элементам, присутствующим в файлах. Более того, именно учреждение берет на себя ответственность за использование данных, даже если «инструмент принятия решений» является национальным.

Открытую науку можно определить, как беспрепятственное распространение финансируемых государством исследовательских публикаций и данных. Речь идет о предоставлении каждому доступа к знаниям в целях обучения, исследований и инноваций. Он должен способствовать прозрачности исследований и, таким образом, служить рычагом научной добросовестности. В итоге экспоненциальное развитие цифровых технологий существенно изменило глобальный образовательный ландшафт.

Итак, переход на цифровые технологии порождает целый ряд правовых и нормативных вопросов, направленных на обеспечение защиты прав обучаемых. Растущая интеграция цифровых технологий в систему образования открывает огромные возможности, но также сопровождается сложными правовыми проблемами. Появление диалогового искусственного интеллекта заставляет усомниться в условиях научного производства и знания. Тема еще слишком нова, чтобы можно было определить все

правовые вопросы. На данный момент видно лишь вершину айсберга правовых проблем, вызванных цифровыми технологиями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вашкевич А., Дуюнов А. Автоматизация права: Законодательство. Публичное правоприменение. Договоры и частно-правовые нормы. Ограничения: Концепция. Москва : Симплойер, 2019. 19 с
2. Имяреков С. М. История управленческой мысли / С. М. Имяреков; Саран. кооп. ин-т (фил) РУК. Саранск : Тип. «Рус. печатник», 2017. 200 с.
3. Венгеров А. Б. Теория государства и права. Москва : Юриспруденция, 2000. 528 с.
4. Имяреков С. М. Стратегия Владимира Путина: модернизация Российского государства и экономики / С. М. Имяреков. Москва : Академический проект, 2017. 500 с.
5. Иоффе О. С. Ответственность по советскому гражданскому праву. / Ленингр. ордена Ленина гос. ун-т им. А. А. Жданова. Ленинград : Изд-во Ленингр. ун-та, 1955. 311 с.
6. Имяреков С. М. Мордовия: модернизация 2000-х гг. / С. М. Имяреков; СКИ РУК; Лит.фонд России. Саранск : Тип. «Красс. Окт.», 2014. 256 с.
7. Имяреков С. М. Проблемы социально-экономической политики и качества жизни населения региона и направления их устранения / С. М. Имяреков, Ж. Ю. Бакаева // Вестник Российского университета кооперации. 2020. № 1 (39). С. 37–42.
8. Имяреков С. М. Развитие жилищного строительства как драйвер экономического развития России / С. М. Имяреков, И. В. Волгина, И. В. Романова // Вестник Российского университета кооперации. 2018. № 2 (32). С. 36–40.

УДК 342.56:342.9

ПРИНЦИПЫ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУДА

Фиров Дмитрий Евгеньевич, магистрант

Шикаев Михаил Николаевич, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st802408@ruc.su; st453056@ruc.su

PRINCIPLES OF ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY IN THE LAW ENFORCEMENT ACTIVITIES OF THE COURT

Firov Dmitry Evgenievich, Master's Degree student

Shikaev Mikhail Nikolaevich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье рассматриваются принципы административного ответственности, лежащие в основе правоприменительной деятельности суда, как правоприменительного органа государственной власти рассматривающего дела об административных правонарушениях и принимающего по ним решения.

Принципы административной ответственности призваны обеспечивать реализацию ее социально значимых целей и способствовать поддержанию существующего правопорядка и стабильности в общественных отношениях.

Ключевые слова: принципы, административная ответственность, суд, правоприменение,

The article examines the principles of administrative responsibility underlying the law enforcement activities of the court, as a law enforcement body of state power considering cases of administrative offenses and making decisions on them. The principles of administrative responsibility are designed to ensure the implementation of its socially significant goals and contribute to maintaining the existing law and order and stability in public relations.

Keywords: principles, administrative responsibility, court, law enforcement

Правоприменительная деятельность органов судебной власти весьма обширна и непосредственно затрагивает все сферы жизнедеятельности общества, одной из таких сфер являются общественные отношения, возникающие и развивающиеся на основе норм административного права, регулирующие отношения в сфере управленческой деятельности органов публичной власти.

Административно-правовые отношения, упорядочивающие сферу государственного и муниципального управления, порождают и нарушения в этой сфере, что влечет за собой наступление юридической ответственности в виде административной ответственности, субъектами которой выступают физические и юридические лица, а в качестве специального субъекта – должностные лица.

Административная ответственность базируется на ряде принципов, в которых раскрывается ее правовая сущность, цель и социальное значение. К субъектам, привлекающим к административной ответственности, законодатель отнес строго установленным кругом лиц и органов публичной власти, среди которых и суд, осуществляющий правоприменительную деятельность посредством одушевления правосудия в форме административного судопроизводства. Суд рассматривает дела о правонарушениях, вытекающих из норм административного права, и принимает по ним решения, которые базируются на принципах, лежащих в основе административной ответственности.

Административная ответственность охватывает ряд принципов, имеющих существенное значение для понимания ее сущности. Эти принципы представляют собой фундаментальные ориентиры и теоретические концепции, закрепленные в законодательстве и выраженные в правовой системе страны. Однако стоит отметить, что в научной литературе отсутствует консенсус относительно количества и наименования принципов административной ответственности и ее разновидностей.

К примеру, О. С. Иоффе акцентировал внимание на таких принципах ответственности, как законность, виновность, полное возмещение причиненного ущерба и компенсация убытков [1]. В то же время, И. С. Самощенко утверждал, что ответственность должна применяться исключительно к действиям, а не к мыслям, лишь к виновным противоправным деяниям, а также должна соответствовать принципам законности, справедливости, целесообразности, неотвратимости и оперативности [2].

Различия в подходах авторов объясняются тем, что законодательство, касающееся назначения и осуществления юридической ответственности, может предусматривать множество принципов. Тем не менее, при анализе принципов административной ответственности важно сосредоточиться на ее ключевых характеристиках, которые наиболее полно отражают юридическую природу и суть административной ответственности.

Административная ответственность является важным элементом правовой системы, предназначенным для защиты существующего правопорядка и законных интересов личности, общества и государства [3]. Она основана на нескольких принципах, которые являются ориентирами для правильного применения видов и мер ответственности.

Один из таких принципов является принцип законности. Он предусматривает, что все участники общественных отношений в своем поведении должны строго следовать законам и соответствующим нормативным правовым. Административная ответственность может быть применена только в случаях, предусмотренных законом, и должна быть осуществлена в рамках строго установленной законом процедуры.

Принцип законности гарантирует субъекта по делам об административных правонарушениях, защиту их прав и законных интересов от произвольных действий или бездействий любого из участников административного процесса. Данный принцип ориентирует и обязывает всех строго следовать требованиям предписания закона, в том числе в случае привлечения к административной ответственности.

Принцип равенства всех перед законом и судом, независимо от пола, расы, национальности, вероисповедания, политических убеждений, материального положения и т. п., является одним из основополагающих начал в правовой системе современного демократического правового государства, коим и является Российская Федерация. Данный принцип обеспечивает и, в то же время, сам обеспечивается признаваемой в государстве и обществе идеей верховенства правового закона, в основе которого находится постулат о том, что все люди, рожденные таковыми, равны перед друг другом и государством. Административная ответственность, в равном мере, возлагается на любое лицо виновно совершившее правонарушение и отвечающее законодательно установленным требованиям привлечения к административной ответственности.

Принцип гуманизма, есть выражение сущностных начал цивилизованного общества, выражающийся в недопущении применения в отношении человека видов и мер административной ответственности, унижающих его человеческое достоинство, допускающих жестокое и чрезмерное обращение с ним.

Важным принципом административной ответственности выступает целесообразность. Суд, применяя соответствующие меры административной ответственности должен руководствоваться характером совершенного правонарушения и тяжестью причиненного вреда, отсюда и степень наказания, возлагаемая на правонарушителя, должна быть им пропорциональна.

Принцип целесообразности в административной ответственности основывается на комплексном анализе всех обстоятельств дела, включая имущественное положение лица, виновного в нарушении, и степень общественной опасности совершенного противоправного деяния. Квалификация правонарушения может привести к различным мерам ответственности: от сурового осуждения до освобождения от наказания или замены его на иной вид наказания, при наличии законных на то оснований. В данном случае принцип целесообразности дает возможность суду выбирать вид и меру наказания, учитывая обстоятельства дела и законодательно установленные отягчающие и смягчающие обстоятельства.

Остановливаясь на принципе неотвратимости наказания, необходимо заметить, что в нем содержится основной смысл административной ответственности. Административная ответственность должна быть обеспечена силой и волей государства, в лице его органов, в противном случае институт административной ответственности, как и любой другой юридической ответственности, теряет свое

социальное значение и цель и, более того, перерождается в обществе в деформирующие правовую систему формы.

Согласно принципу неотвратимости административной ответственности, каждое административное правонарушение должно быть выявлено и установлено, и виновный должен быть привлечен к ответственности, хотя это не означает, что наказание должно быть применено в каждой ситуации без исключения. Важно, чтобы наказание было наложено своевременно, так как это повышает его эффективность и воспитательный характер [4]. Гарантия неизбежности административной ответственности способствует усилению эффективности административно-принудительных мер воздействия на правонарушителей и дополнительно стимулирует субъектов административного права к соблюдению норм действующего законодательства.

Одним из важнейших принципов современного права является презумпция невиновности, как безусловное требование признание вины за совершенное административное правонарушение, только в результате ее доказанности компетентным на то органом в порядке, установленном законом.

Смысл и юридическое значение принципа презумпции невиновности является фундаментальным в правовом демократическом государстве и демонстрирует цивилизованность и развитость его правовой системы. Принцип презумпции невиновности в административном судопроизводстве, выступает гарантией справедливого, объективного и всестороннего рассмотрения дела и принимаемого по нему решения. Вина лица, в отношении которого возбуждено административное производство, должна быть доказана в установленном законом порядке. Самопризнание вины (самооговор) не является «царицей доказательств», обвязывание доказывания вины, лежит на уполномоченном на то органе публичной власти или должностям лице.

Справедливость как принцип, выступает способом и средством, во-первых, обеспечения равенства всех перед законом и судом, возможности защиты одной стороной своих прав и законных интересов и другой стороной доказывания вины в совершенном правонарушении, а во-вторых, это находящаяся в основании общества и признаваемая государством идея о разумности, допустимости и соразмерности наказания тяжести совершенного правонарушения.

Принцип справедливости включает в себе несколько базовых требований, необходимых при рассмотрении дела и вынесения по нему решения:

- первое требование включает в себя правовосстановительную цель административной ответственности – возможность устранения причиненного правонарушением вреда, должна санкционно преследовать цель восстановления нарушенного права;
- второе требование связано с тем, что вид и мера административного принуждения, которая содержится в санкции административно-правовой нормы, должна быть применена в соответствии с характером и степенью общественного вреда совершенного правонарушения;
- третье требование заключается в том, что карательные меры не могут унижать человеческое достоинство.
- четвертое требование устанавливает, что за одно правонарушение возможно только одно наказание, так же недопустимо удвоение административной ответственности.
- пятое требование заключается в том, что закон, устанавливающий административную ответственность, не может иметь обратной силы.

Принцип индивидуализации, означает, что административное наказание возлагается на лицо с учетом всех обстоятельств совершенного им правонарушения и личности правонарушителя. Принцип индивидуализации ответственности подразумевает выбор соответствующего наказания, которое будет максимально эффективным в рамках воспитательного и профилактического воздействия на виновного, основываясь на глубоком и всестороннем анализе его личности и обстоятельствах дела.

Итак, принципы, лежащие в основе административной ответственности призваны обеспечивать реализацию ее социально значимых целей и способствовать поддержанию существующего правопорядка и стабильности в общественных отношениях.

Принципы административной ответственности выступают в качестве основополагающих ее начал и служат необходимым условием эффективной реализации функций и целей правового регулирования, одним из которых является охрана общественных отношений от противоправных посягательств на них и формирования в обществе устойчивого правового порядка.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Иоффе О. С.* Ответственность по советскому гражданскому праву. Ленинград : Изд-во Ленинградского ун-та, 1955. 311 с.
2. *Самощенко И. С.* Понятие правонарушения по советскому законодательству. Москва : Юрид. лит., 1963. 286 с.
3. Кодекс об административных правонарушениях : федер. закон [от 30.12.2001 № 195-ФЗ; в ред. от 28.02.2025] // Собрании законодательства Российской Федерации. 2002. № 1 (Ч. I). Ст. 1.
4. *Якуба О. М.* Административная ответственность. Москва : Юридическая литература, 1972. 152 с.

**DEVELOPMENT OF DIGITAL TECHNOLOGIES IN THE SYSTEM OF STATE GOVERNMENT
OF THE RUSSIAN FEDERATION**

Frolov Maxim Sergeevich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

Настоящее исследование посвящено анализу современного состояния цифровизации государственного управления в Российской Федерации, оценке её ключевых достижений, выявлению системных проблем и формулированию стратегических направлений развития. В работе подчёркивается, что цифровая трансформация государственного аппарата является не только технологическим трендом, но и необходимым условием повышения эффективности административных процессов, качества предоставления услуг населению, а также противодействия коррупции.

Ключевые слова: Цифровизация, исполнительная власть, государственное управление, электронное правительство, искусственный интеллект.

This study is devoted to the analysis of the current state of digitalization of public administration in the Russian Federation, the assessment of its key achievements, the identification of systemic problems and the formulation of strategic development directions. The work emphasizes that the digital transformation of the state apparatus is not only a technological trend, but also a necessary condition for increasing the efficiency of administrative processes, the quality of service provision to the population, as well as combating corruption.

Keywords: digitalization, executive power, public administration, e-government, artificial intelligence.

В современном мире одним из наиболее значимых качественных показателей государства, выступает показатель реального его отношения к правам человека. Демократическое и правовое государство устанавливает приоритетом своей деятельности признание, гарантирование и защиту прав и свобод человека и гражданина, как высшей ценности [1, с. 87]. Современный этап цифровой трансформации государственного управления актуализирует необходимость переосмысления профессиональных качеств и квалификационных требований к сотрудникам госструктур. Прежде чем переходить к рассмотрению конкретных требований, целесообразно дифференцировать ключевые категории: «цифровая грамотность», «цифровые компетенции» и «цифровые навыки».

Цифровая грамотность выступает ключевым элементом, пронизывающим все сферы жизнедеятельности современного общества, включая профессиональную реализацию. Важно подчеркнуть, что данное понятие выходит за рамки технических умений (например, владения базовыми компьютерными операциями) и предполагает комплексное взаимодействие с цифровыми технологиями. Это включает критическое восприятие информации, адаптацию к новым инструментам, а также этические и правовые аспекты работы в цифровой среде.

В условиях стремительного технологического прогресса цифровизация охватывает все сферы жизни, приобретая беспрецедентные масштабы. Широкое внедрение компьютеров и мобильных устройств трансформирует подходы к решению повседневных и профессиональных задач. Государственные структуры также активно интегрируют IT-инновации, однако этот процесс сопряжён с рядом особенностей, обусловленных спецификой их деятельности.

Для России модернизация госуправления через цифровые инструменты остаётся ключевым направлением развития. Внедрение информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) способно оптимизировать работу органов власти, повысить качество предоставления услуг населению и создать основу для прозрачности процессов. Стратегическая цель такой трансформации – переход к принципиально новому уровню исполнения государственных функций, что в долгосрочной перспективе приведёт к росту эффективности управления и укреплению экономики.

Однако текущие темпы цифровизации требуют ускорения. Согласно распоряжению Правительства РФ «Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации государственного управления», полный переход на электронный документооборот в госорганах и муниципальных учреждениях планируется лишь к 2030 году. К этому же сроку предполагается внедрить «Типовое автоматизированное рабочее место государственного служащего», включая поддержку удалённого доступа к системе.

Основные вызовы на пути реализации этих задач:

1. Динамика законодательного регулирования. Правовая база зачастую отстаёт от скорости появления новых технологий, что создаёт правовые пробелы.

2. Технологическая инфраструктура. Устаревшее ПО и несовместимость систем замедляют интеграцию цифровых решений в госуправление.

3. Внешние ограничения. Санкционное давление со стороны ряда государств затрудняет доступ к передовым IT-разработкам.

4. Кадровый вопрос. Необходимость постоянного обучения госслужащих работе с цифровыми инструментами требует ресурсов и времени.

Несмотря на сложности, цифровая трансформация органов власти – неизбежный этап, способный повысить доверие общества к государству, сократить бюрократические издержки и создать основу для устойчивого развития. Реализация этой стратегии зависит от системного подхода, инвестиций в инфраструктуру и адаптивности законодательства к технологическим вызовам. Исследование региональных практик подтверждает, что потенциал для цифровой трансформации государственного управления в этих субъектах сохраняет значительную актуальность и ресурсы для развития.

Одним из показателей применения цифровых технологий в государственной власти является Индекс развития электронного правительства в странах мира Организации Объединенных Наций (ООН). Так по итогам 2024 г. Российская Федерация занимает 43 место в рейтинге развития электронного правительства (рис. 1).

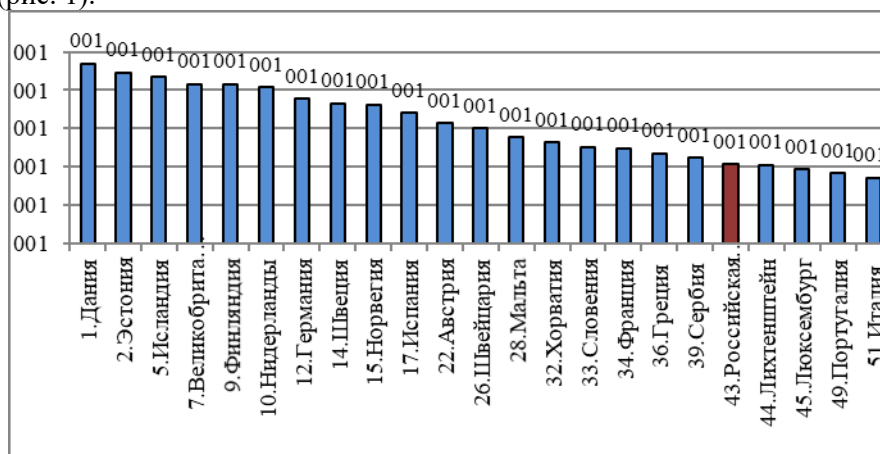

Рисунок 1 – Индекс развития электронного правительства в различных странах

Для повышения уровня цифровизации государственного управления принят Федеральный проект «Цифровое государственное управление», включенный в состав Национального проекта «Цифровая экономика Российской Федерации», реализованный с 01.11.2018 г. по 31.12.2024 г.

Одним из достижений указанного проекта стало внедрение цифрового ассистента портала сервиса Госуслуги, который позволяет максимально сэкономить время и упростить взаимодействие между гражданами и различными ведомствами для получения различных государственных услуг в режиме онлайн.

Во время пандемии COVID-19 приложение для смартфонов «Стопкоронавирус» стало основным всероссийским источником информации по борьбе с коронавирусной инфекцией. Цифровые сервисы, внедренные Центральным Банком РФ, способствовали снижению использования наличных денежных средств и совершение большего количества безналичных платежей с помощью QR-кодов.

Важным компонентом модернизации публичного администрирования выступает система МЭДО – технологическая платформа межведомственного взаимодействия. Данная федеральная информационная система обеспечивает защищенный обмен документацией в электронном формате между Администрацией Президента, Правительством РФ, федеральными и региональными органами власти, а также позволяет осуществлять мониторинг выполнения поручений на высшем уровне управления.

Следует отметить, что подобные решения представляют собой только начальный этап цифровой трансформации государственного аппарата. Для полноценного преодоления технологического отставания требуется системная стратегия, включающая несколько взаимосвязанных направлений.

Фундаментальным условием становится разработка адаптивного законодательства, регулирующего внедрение цифровых решений. Отсутствие соответствующей правовой базы существенно ограничивает потенциал инновационных проектов. Значительную роль могло бы сыграть развитие государственно-частного партнерства, позволяющего привлекать передовые коммерческие разработки для модернизации госсектора.

Ключевыми элементами преобразований выступают: регулярное обновление ИТ-инфраструктуры учреждений; внедрение программ непрерывного профессионального развития госслужащих; адапта-

ция успешных международных практик цифровизации; просветительские кампании, разъясняющие гражданам преимущества электронных сервисов (снижение бюрократической нагрузки, экономия времени), что одновременно повышает цифровую компетентность населения и оптимизирует работу ведомств.

Особый трансформационный потенциал связан с интеграцией искусственного интеллекта в управленческие процессы. Экспоненциальный рост объемов обрабатываемой информации делает ИИ незаменимым инструментом для: ликвидации функционального дублирования; интеллектуальной систематизации документации; автоматизации рутинных административных процедур.

Современные цифровые инструменты направлены на оптимизацию трудовых процессов, совершенствование систем безопасности, снижение операционных расходов, а также на повышение доступности и качества социальных услуг для населения. Их внедрение способствует не только росту производительности, но и создает основу для трансформации взаимодействия между государством, бизнесом и гражданами.

Цифровые платформы, разработанные государственными органами, не только оптимизируют процесс оказания административных услуг населению и бизнесу, но и способствуют системному снижению коррупционных рисков. За счет обеспечения прозрачности и общедоступности данных через онлайн-среду, а также интеграции современных цифровых инструментов, такие решения минимизируют человеческий фактор в бюрократических процедурах. Автоматизация взаимодействия между гражданами и государственными институтами через специализированные порталы и мобильные приложения исключает промежуточные звенья, что существенно ограничивает возможности для злоупотреблений.

Ключевым аспектом этой трансформации становится повсеместное внедрение технологий электронной идентификации, блокчейн-решений и алгоритмов анализа больших данных, которые формируют новую экосистему доверия в сфере публичных услуг.

В условиях современных вызовов государственным ведомствам необходимо внедрять высоконадежные и инновационные решения для обеспечения безопасности своего киберпространства. Через «виртуальные следы», сетевые сервисы, запросы, системы идентификации лиц, геопозиции, финансовые транзакции с помощью специально разработанных программ представляется возможным отслеживание конфликта интересов и оповещение правоохранительных органов для проверки коррупционных схем [2, с. 59].

Для реализации этого потенциала требуется углубленное изучение развивающихся государственных цифровых платформ, которые могут стать катализатором консолидации общества. Такие исследования помогут оценить возможности формирования новой модели сотрудничества, где инновации будут интегрироваться в повседневную практику более эффективно. Акцент делается на синхронизацию внедрения технологических решений с их практическим применением, что позволит укрепить доверие к цифровым системам и обеспечить устойчивое развитие социотехнической инфраструктуры.

Реализация этих мер позволит существенно повысить операционную эффективность государственных институтов при сохранении контроля над управленческими процессами.

Таким образом, в сегодняшних условиях именно внедрении новейших цифровых технологий в государственном управлении является ключом к решению многих проблем, стоящих перед страной. А повышение компетенций работников государственных органов будет способствовать улучшению качества оказываемых гражданам государственных услуг и взаимодействия между органами государственной власти и гражданами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Котляров С. Б. Роль справочно-правовых систем в системах нормотворческой деятельности и информационного обеспечения / С. Б. Котляров, Е. А. Кузина // Роль инноваций в трансформации и устойчивом развитии общества : материалы Международной научно-практич. конф. В 2-х частях. Том Часть 2. Саранск : Рузаевский печатник, 2023. С. 86–90.

2. Иванова Ю. А., Сарбаев Г. М. К вопросу о киберпреступности / Цифровые трансформации экономики и права: сборник научных тезисов Национальной научно-практической конференции, Москва, 8 декабря 2021 года. Волгоград : Черняева Ю. И., 2022. С. 58–64.

УДК 342.56

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ НА СУДЕБНУЮ ВЛАСТЬ: ВОЗМОЖНОСТИ И РИСКИ

Ямбушев Файль Шамильевич, кандидат юридических наук, доцент

Болмасова Татьяна Сергеевна, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: f.sh.yambushev@ruc.su; st808889@ruc.su

THE IMPACT OF DIGITALIZATION ON THE JUDICIARY: OPPORTUNITIES AND RISKS

Yambushev Fail Shamilevich, PhD (Jurisprudence), Associate Professor

Bolmasova Tatyana Sergeevna, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье рассматривается влияние цифровизации на судебную власть, выявляя как потенциальные возможности, так и риски, связанные с внедрением цифровых технологий в судебные процессы. Анализируются позитивные аспекты, такие как повышение эффективности и прозрачности судебной системы, ускорение рассмотрения дел и доступность правосудия для граждан. В то же время акцентируется внимание на возможных угрозах, среди которых уязвимость данных, угроза кибератак и риск снижения качества судебных решений. Статья также предлагает рекомендации для минимизации рисков и оптимизации внедрения цифровых технологий в судебную практику, подчеркивая необходимость сбалансированного подхода к цифровизации.

Ключевые слова: цифровизация, судебная власть, возможности, риски, эффективность, прозрачность, киберугрозы, судебные технологии.

The article examines the impact of digitalization on the judiciary, identifying both potential opportunities and risks associated with the introduction of digital technologies in judicial processes. The positive aspects are analyzed, such as increasing the efficiency and transparency of the judicial system, speeding up the consideration of cases and accessibility of justice for citizens. At the same time, attention is focused on possible threats, including data vulnerability, the threat of cyber attacks and the risk of reducing the quality of court decisions. The article also offers recommendations for minimizing risks and optimizing the introduction of digital technologies into judicial practice, emphasizing the need for a balanced approach to digitalization.

Keywords: digitalization, judicial power, opportunities, risks, efficiency, transparency, cyber threats, judicial technologies.

В современном мире цифровизация охватывает практически все сферы жизни, от науки и образования до бизнеса и государственного управления. Под цифровизацией понимается процесс преобразования традиционных методов работы с использованием новых цифровых технологий, что способствует повышению эффективности, прозрачности и доступности услуг. Судебная власть не остается в стороне от этой тенденции: судебные системы по всему миру внедряют новые технологии, чтобы улучшить качество правосудия и максимизировать его доступность.

Исследование направлено на анализ как положительных, так и отрицательных аспектов цифровизации в судебной системе. Мы рассмотрим, как технологии способны изменить традиционные процессы, с какими вызовами сталкивается судебная власть в условиях цифровизации и как можно эффективно сбалансировать возможности и риски [1].

Цифровизация в контексте судебной власти охватывает внедрение различных технологий для оптимизации работы судов и повышения качества осуществления правосудия. Это включает в себя такие инструменты, как электронные судопроизводства, системы управления делами и онлайн-сервисы, которые обеспечивают более быстрый и доступный доступ к правосудию.

Одной из ярких иллюстраций успешной цифровизации является сервис «Интерактивный помощник» в Москве. Этот инструмент позволяет гражданам самостоятельно составить исковое заявление по ряду категорий споров, определить подсудность и автоматически рассчитать государственную пошлину. Благодаря этому сервису значительно упрощается процесс подачи исков, устраняются некоторые бюрократические барьеры, а также сокращается время на подготовку необходимых документов. Сервис доступен на сайте Мосгорсуда и стал важным шагом к совершенствованию доступа к правосудию [2].

Еще одним интересным примером цифровизации является создание цифровой системы взаимодействия судов с адвокатами, переводчиками и специалистами, привлекаемыми для участия в судебных разбирательствах. Эта система позволяет пользователям быстро находить адвоката для уголовного дела, видеть отчет о его работе, а также формировать платёжные документы. На данный момент система успешно функционирует в Татарстане и планируется ее запуск в ещё двенадцати регионах страны в ближайшем будущем.

Переход к цифровым технологиям не только способствует улучшению эффективности работы судов, но также самое важное – повышает доступность и прозрачность судебного процесса, что в конечном счете служит интересам правосудия и общества в целом.

Одним из наиболее значительных положительных аспектов цифровизации является существенное повышение эффективности судебного процесса. С внедрением электронных систем управления делами, например, суды могут существенно сократить время на обработку документов и подготовку дел к слушаниям. Системы автоматизации позволяют быстро отслеживать статус дела, а также упрощают взаимодействие между участниками судебного разбирательства. Судьи, адвокаты и истцы могут обмениваться необходимыми документами в электронном виде, что исключает необходимость в длительной бумажной волоките и минимизирует риск потери документов [3].

Вторым важным аспектом является прозрачность процесса правосудия. Цифровые платформы

позволяют создать доступный и открытый механизм, где граждане могут отслеживать ходы судебных разбирательств в реальном времени. Например, возможность публикации судебных актов в Интернете делает правосудие более открытым для общества, позволяя всем желающим ознакомиться с решениями судов и их мотивировками.

Улучшение доступа к правосудию представляет собой еще одно важное достоинство цифровизации. Онлайн-платформы значительно упрощают процесс подачи исков и обращения в суд. Граждане теперь могут, не выходя из дома подавать документы, получать уведомления о ходе дела и даже участвовать в судебных заседаниях через видеоконференции. Это особенно актуально для людей, имеющих ограничения по передвижению или проживающих в удаленных районах, где доступ к судебным учреждениям может быть затруднен.

Очевидным является то, что применение электронных систем обеспечивает сокращение времени, которое необходимо для подготовки к заседанию, минимизирует расходы на юридическое сопровождение дела и оказываемые юридические услуги по нему. Развитая система онлайн-сервисов является простой и доступной для граждан формой взаимодействия с судом, позволяющая им проще ориентироваться в судебных процедурах и экономить средства за счет представления своих интересов даже без помощи профессионального юриста (адвоката) [4].

Говоря о существенных преимуществах цифровизации в деятельности судов, все же необходимо иметь в виду, что информационная доступность правосудия несет с собой и серьезные риски, которые могут угрожать нормальному функционированию системы правосудия, в первую очередь, речь идет о киберугрозах с использованием вредоносных программ, включая искусственный интеллект, а также ряд и иных угроз, которые нельзя не учитывать.

Все возрастающей угрозой безопасности в осуществлении правосудия являются кибератаки и утечка данных или их уничтожение. Данные участников судебного процесса и иных лиц, в том числе и иная личная информация являются целью злоумышленников, посягающих на электронные ресурсы судов. Не защищенные должным образом электронные системы становятся объектом посягательства на конфиденциальную информацию и могут быть доступны третьим лицам, что чревато наступлением серьезных последствий, вплоть до подделки документов и фальсификации иной важной для участников судебного процесса информации. Подмена вложений, направляемых в суд электронно-коммуникационным способом, не будет представлять особой проблемы для злоумышленника, обладающего необходимыми знаниями и навыками, если система не защищена надлежащим образом. В этой связи возникает необходимость в создании технически совершенной электронно-коммуникационной системы, препятствующей ее взлому и иным негативным способам воздействия на нее.

Отсутствие надлежащей системы защиты, может приводить к утечкам баз данных не только из-за внешних воздействий, например, кибератак, но и внутренних, например, подмена данных работниками судов или вспомогательным персоналом, имеющим доступ к базам данных.

Используемые в настоящее время судами платформы онлайн-общения (веб-конференций) для проведения судебных заседаний недостаточно подходят и не совсем соответствуют этому, если речь идет о таких платформах как Skype, Zoom и им подобным. Подобным платформам не хватает функциональности необходимой для проведения полноценных судебных заседаний, что уже само по себе затрудняет и делает неудобным проведение дистанционных судебных заседаний. К этому необходимо добавить еще и то, что такие платформы не отвечают должным образом требованиям безопасного документооборота.

Также, дистанционный судебный процесс может нарушать один из основополагающих принципов судопроизводства – состязательность сторон, который предопределяет доказанность, а следовательно истинность по делу. Процедура приобщения документов по рассматриваемому делу, поступающие вне судебного заседания в режиме офлайн, может провоцировать лишнюю нервность и волнение у сторон судебного процесса, что, в свою очередь, способно подорвать у них доверие в справедливость судебного решения [5].

Резюмируя, можно сделать следующее заключение, что надлежащее функционирование судебной власти в эпоху цифровизации будет зависеть от способности обеспечить баланс между рисками и преимуществами в электронно-коммуникационной среде судопроизводства.

Успешная интеграция технологий требует тщательной разработки нормативной базы и создания мощных механизмов информационной безопасности. Важным аспектом остается вовлечение всех заинтересованных сторон – от судей до граждан – в процесс цифровизации. В итоге, только совместными усилиями можно создать правую систему, которая была бы как инновационной, так и защищенной, способной отвечать вызовам современности и соответствовать ожиданиям общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Малько А. В., Костенко М. А. Цифровые технологии в судебной системе: проблемы внедрения. Российская юстиция. 2019. № 2. С. 52–54.
2. Курочкин С. А. Цифровые технологии и эффективность правосудия. Lex Russica. 2022. Т. 75. № 10. С. 152–163.
3. Ярков В. В. Электронное правосудие и принципы гражданского процесса. Закон. 2011. № 2. С. 44–50.
4. Трезубов Е. С. Электронное правосудие в российском гражданском процессе. Право цифровой среды, ред. Т. П. Подшивалов, Е. В. Титова, Е. А. Громова. Москва : Проспект, 2022. С. 633–640.
5. Афанасьев С. Ф. О соотношении категорий «электронное правосудие» и «электронное судопроизводство» в контексте юриметрики. Администратор суда. 2021. № 2. С. 3–6.

УДК 347

МЕСТО И РОЛЬ ИНСТИТУТА СУДА ПРИСЯЖНЫХ В СУДЕБНОЙ СИСТЕМЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ, ПРОБЛЕМЫ, ВОЗНИКАЮЩИЕ ПРИ ЕГО РЕАЛИЗАЦИИ НА ПРАКТИКЕ

Ямбушев Файль Шамильевич, кандидат юридических наук, доцент

Коченов Александр Юрьевич, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: f.sh.yambushev@ruc.su; st802389@ruc.su

THE PLACE AND ROLE OF THE INSTITUTION OF TRIAL BY JURY IN THE JUDICIAL SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION: HISTORICAL ASPECT, PROBLEMS ARISING IN ITS IMPLEMENTATION IN PRACTICE

Yambushev Fail Shamilevich, PhD in Jurisprudence, Associate Professor

Kochenov Alexander Yuryevich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

Целью исследования стал анализ места и роли института суда присяжных в РФ, а также выявление изменений в данной сфере с XVIII в. с учётом исторического контекста. Так, институт суда присяжных в России с течением времени подвергся значительным изменениям при этом его роль и значение как элемента уголовно-процессуальной системы России, гарантированным ст. 47 Конституции Российской Федерации остаются важными.

В результате исследования были выявлены как положительные аспекты развития данного института, так и значимые, зачастую неправовые тенденции, оказывающие негативное влияние на институт присяжных заседателей в целом. Было установлено, что для решения данной проблемы требуется комплексный подход, не только в виде изменений в законодательстве, но и посредством дополнительного финансирования всей судебной системы.

Ключевые слова: конституционная структура, судебная власть, суд присяжных, присяжные заседатели, уголовное судопроизводство, независимость судебной системы, справедливость судебных решений, правоприменительная деятельность, обеспечение прав и свобод, принципы судебной власти, институт присяжных заседателей.

The purpose of the study was to analyze the place and role of the institution of trial by jury in the Russian Federation, as well as to identify changes in this area since the 18th century, taking into account the historical context. Thus, the institution of trial by jury in Russia has undergone significant changes over time, while its role and importance as an element of the Russian criminal procedure system, guaranteed by Article 47 of the Constitution of the Russian Federation, remain important.

As a result of the study, both positive aspects of the development of this institution and significant, often non-legal trends that have a negative impact on the institution of jurors as a whole were identified. To solve this problem, an integrated approach is required, not only in the form of legislative changes, but also through additional funding for the entire judicial system.

Keywords: constitutional structure, judicial power, trial by jury, jurors, criminal proceedings, independence of the judicial system, fairness of judicial decisions, law enforcement, ensuring rights and freedoms, principles of judicial power, institution of jurors.

Дискуссии о месте и роли института суда присяжных в системе уголовно-процессуального судопроизводства России остаются актуальными и по сей день, что свидетельствует о значимости этого института для правовой системы страны. На протяжении длительного периода времени правоведомы было высказано множество разнообразных мнений относительно как функций, так и эффективности суда присяжных в целом, как правового института, что еще раз подчеркивает актуальность данного правового института.

Так, существуют противоположные позиции, начиная от негативной отрицательной роли суда присяжных в отечественном уголовном процессе до утверждений о его исключительном (незаменимым) потенциале для решения множества проблем, с которыми сталкивается российская судебная система [1, 3].

Такой спектр мнений, представленный в научных трудах, не только иллюстрирует многогранность и комплексность обсуждаемой проблемы, но и подчеркивает важность критического анализа роли института присяжных в контексте развития уголовного правосудия в России.

Категоричность данных позиций, как представляется, не всегда обоснована и не всегда опирается

на полноценный эмпирический анализ, что позволяет, с одной стороны, формировать четкие представления как о позитивных так и о негативных аспектах участия присяжных заседателей в отправлении правосудия, а с другой – открывает пространство для глубоких размышлений о его реальной практической роли в реализации такого уголовно-правового принципа как справедливость, закреплённого в Уголовно-процессуальном кодексе РФ (далее по тексту УПК РФ) [2].

Так, по мнению Н. Н. Тутариновой посредством суда присяжных можно решить большинство проблем, связанных с обвинительным уклоном уголовного судопроизводства в лице профессиональных судей. [3,6].

Важно отметить, что эти дискуссии играют ключевую роль в формировании научной мысли относительно того, какие изменения в судебной практике необходимо внедрить для более эффективного функционирования судебной системы, учитывая как плюсы, так и минусы использования суда присяжных в уголовном процессе, опираясь при этом на исторический опыт.

Так, сам факт появления в УПК РФ процедуры рассмотрения уголовных дел с участием присяжных заседателей не являлся новацией.

При этом в истории российского правосудия институт суда присяжных претерпел значительные изменения, которые отражают как социально-политическую эволюцию страны, так и изменения в самом восприятии гражданами правосудия и справедливости. В Российской империи, в период с 1864 по 1878 год, суд присяжных был введен в качестве одной из реформ, направленных на улучшение судебной системы в виде расширения участия граждан в отправлении правосудия. Посредством данного нововведения государство обеспечивало возможность для представителей общества принимать участие в разрешении уголовных дел, что по тем временам было большим шагом в сторону демократизации судебного процесса и всего уголовного судопроизводства.

Изучая институт присяжных заседателей с точки зрения исторического контекста, необходимо отметить, что в Российской империи суд присяжных рассматривал дела по почти пятой части всех статей Уложения о наказаниях, что позволяет сделать вывод о том, что суд присяжных был значительно вовлечен в судебную практику того времени, охватывая широкий спектр преступлений, включая тяжкие.

В период с 1873 по 1874 год на долю присяжных приходилось три четверти всех дел, рассмотренных окружными судами, что подтверждает важность их роли в судебной системе того периода.

Сравнивая этот этап с нынешним состоянием института суда присяжных в России, можно отметить как положительные моменты, так и определенные недостатки. В настоящее время суд присяжных рассматривает значительно меньшее количество дел, чем это было в XIX веке. Основную роль играют в этом ограничения на применение данного института как в советский период, так и в раннюю постсоветскую эпоху.

Так, в СССР институт присяжных заседателей был представлен так называемыми «народными заседателями», что давало возможность не только юристам, но простому народу «пролетариату» играть свою роль в отправлении правосудия в уголовном процессе. Также посредством данного института государством создавалась видимость контроля пролетариата за уголовным судопроизводством в стране.

Если же обратиться к ст. 32 Конституции РФ, то граждане имеют право на непосредственное участие в управлении делами государства [4,1]. Данное право также реализуется и посредством участия граждан в отправлении правосудия и по мнению В. М. Лебедева является формой реализации суверенитета народа [5].

Одним из значительных отличий между судом присяжных в Российской империи и в России является не только количество дел, но и структура самого судебного процесса. В Российской империи коллегии присяжных заседателей создавались на уровне окружных судов, что способствовало их более широкому вовлечению в рассмотрение дел, что в свою очередь оказывало влияние на качество и объективность правосудия. В отличие от этого, в современной России участие присяжных заседателей несмотря на все усилия по реформированию данного правового института ограничено отдельной категорией уголовных дел, что значительно сокращает сферу их применения.

Показательно, что в конце XIX века суд присяжных рассматривал в год в среднем 18–22 тысячи дел, а к началу XX века эта цифра возросла до 50 тысяч дел. Данный факт свидетельствует о растущем интересе общества к институту присяжных и подтверждает значимость этого института в тот период времени как формы демократизации уголовного процесса.

На этом фоне, в современной России суд присяжных рассматривает значительно меньшее количество уголовных дел, что также можно объяснить различиями в правовой культуре и подходах к правосудию, а также изменениями в законодательной и правоприменительной практике.

Также важно отметить и количество оправдательных приговоров от общего числа вынесенных решений в РФ и РСФСР. Так их количество в 1937–1938 гг. составило 10 %–13,4 % что даже не в разы, а на порядки превышает современные значения [6,4]. Хотя при этом нельзя не отметить и тот факт, что прямая корреляция оправдательных приговоров не отражает никаких закономерностей, связанных как с уровнем, так и с качеством правосудия в любой его форме.

Однако при всём этом в качестве одной из основных проблем функционирования института присяжных заседателей на практике можно выделить некоторые так называемые «негласные правила».

Так, присяжные оправдывают на два порядка чаще (в 100 раз), чем профессиональные судьи. Но при этом для тех, кто получил обвинительный вердикт, наказание оказывается в среднем строже, даже если они получают от присяжных снисхождение. Последнее снижает максимально возможное наказание на треть, что например: для убийств (как для ст. 105 ч. 1, 111 ч. 4 УК РФ) составляет снижение с 15 до 9 лет. Однако в более чем половине случаев судьи назначали наказание по статье 105 ч. 1 УК РФ (неотягощенное убийство) до 8 лет, а по статье 111 ч. 4 УК РФ (умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее смерть) – наказание до 8 лет получали 70% осужденных лиц. Если же дело рассматривалось при участии присяжных и ими был вынесен обвинительный вердикт, то наказание, которое назначит суд, окажется в среднем строже: 8 лет и меньше получит только треть осужденных.

При всём этом нельзя забывать главного, что увеличение количества оправдательных приговоров несмотря на тенденцию, направленную на гуманизацию наказания в настоящее время не должно и никак не может являться самоцелью уголовного судопроизводства. Так как только посредством вынесения оправдательного приговора в отношении невиновного лица может быть достигнута цель и задачи уголовного судопроизводства в целом.

Так, анализируя ситуацию с более строгими наказаниями для подсудимых, дела которых рассматривались при участии присяжных заседателей в России, можно выделить несколько ключевых факторов, отражающих внеправовые взаимодействия внутри судебной системы. На фоне резкого сокращения юрисдикции судов присяжных и числа дел, рассматриваемых при их участии, с 2014 года наблюдается начало формирования устойчивой тенденции: судьи начинают назначать более строгие наказания в случаях, когда подсудимый выбирает суд с участием присяжных, что не несёт в себе какого либо правового обоснования. В зарубежной научной литературе данный феномен получил название «Jury trial penalty».

Основной причиной такой тенденции является реакция судей на выбор подсудимыми суда присяжных. Профессиональные судьи воспринимают этот выбор как своего рода вызов, который ставит под сомнение их способность принять справедливое решение. В этом контексте судьи могут ощущать, что их авторитет как экспертов в области права и правосудия подвергается сомнению.

Данный факт вызывает внутреннюю напряженность и желание продемонстрировать свою власть и компетентность через более строгое наказание, как некий ответ на этот «вызов» со стороны подсудимого.

Также зачастую это обосновано и тем фактом, что требуются дополнительные как материальные, так и организационные затраты, связанными с проведением судебных процессов с участием присяжных. Судебные дела, связанные с участием присяжных заседателей, требуют дополнительных материальных ресурсов, а также времени и внимания, что увеличивает нагрузку на судей. Зачастую по настоящее время в судах отсутствует должное материально-техническое обеспечение для проведения таких заседаний с участием присяжных заседателей, вплоть до отсутствия свободных для слушаний залов судебных заседаний.

Таким образом, на практике, наказание становится своего рода «ценою», которую подсудимый должен заплатить за выбор более времязатратного судебного процесса, несмотря на возможность получить оправдательный вердикт или снисхождение присяжных.

Кроме того, есть еще один важный фактор для судей – это использование более строгих наказаний в качестве инструмента для сдерживания других подсудимых от выбора суда присяжных. Судьи, зачастую считают, что более строгие наказания служат предупреждением для других обвиняемых о возможных последствиях их выбора, что своего рода представляет сдерживающий механизм, направленный на поддержание авторитета профессиональных судей и возвращение контроля над судебным процессом в их руки.

Так, судебскую склонность к более строгим наказаниям в делах с участием присяжных, можно рассматривать как результат так называемой «институциональной борьбы», которая не только отражает изменения в правовой практике, но и указывает на скрытую, но значимую динамику отношений внутри судебной системы. В определенной степени строгое наказание становится своего рода мстостью за вызов, который подсудимые, выбирая суд присяжных, бросают профессиональным судьями.

Таким образом, несмотря на то что институт суда присяжных в России с течением времени подвергся значительным изменениям, его роль и значение как элемента уголовно-процессуальной системы России, гарантированным ст. 47 Конституции Российской Федерации остаются важными.

Однако следует отметить, что с точки зрения вовлеченности граждан в процесс правосудия, суд присяжных в российской истории имел более широкие полномочия, что отражало стремление к более открытому и демократическому правосудию. В то время как сегодня, несмотря на наличие института присяжных заседателей, этот механизм остается ограниченным, что требует дальнейших усилий по его расширению и совершенствованию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Российской Федерации : принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г. с поправками, одобренными в ходе всероссийского голосования 1 июля 2020 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 1993.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. 12.11.2018 № 411-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 2018. № 52 (ч. I). Ст. 4921.
3. *Ахмедшин Р. Л.* Суд присяжных как совокупность эфемерных идей // Российская юстиция. 2020. № 16. С. 38–41.
4. *Кожевников М. В.* История советского суда (1917–1947). М., 1948. 376 с.
5. *Лебедев В. М.* Судебная власть в современной России. СПб., 2001. 278 с.
6. *Тутаринова Н. Н.* Суд с участием присяжных заседателей как функциональная гарантия независимости правосудия в современной России // Администратор суда. 2024. № 1. С. 49–53.

Научное электронное издание

**ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА КООПЕРАЦИИ
В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ**

Материалы Международной научно-практической конференции

Саранск, 23–24 апреля 2025 г.

Часть 1

Публикуется в авторской редакции

Технический редактор *Е. А. Глистёнков*

Объем 4 Мб. Тираж 9 экз. Заказ № 66.

ФГБОУ ВО «Мордовский государственный педагогический университет
имени М. Е. Евсевьева»

Редакционно-издательский центр
430007, г. Саранск, ул. Студенческая, 11а
Тел.: (8342) 33-94-96; e-mail: rio@mordgpi.ru